ИСТОРИЯ ПРОТЕСТАНТИЗМА

3

ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА

Copyright © 2024. Издательская Компания «Свет мира».

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любыми средствами без письменного разрешения автора, за исключением кратких цитат, воплощенных в критических статьях и обзорах. Пожалуйста, передайте все соответствующие вопросы издателю.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любыми средствами, электронными или механическими, включая фотокопирование, запись, или с помощью системы хранения и поиска информации - за исключением рецензента, который может цитировать краткие отрывки в обзоре, который будет напечатан в журнале или газете - без разрешения издателя в письменной форме.

ISBN: 277-2-85933-777-9

Каталог данных

Редактирование : Издательская Компания «Свет мира».

Воспроизведено в: Турин, Италия.

Опубликовано:

Light of the World Publications Company Ltd

P.O. Box 144, Piazza Statuto, Turin, Italy

Издательская Компания «Свет мира».

П.О. Box 144, Площадь Статуто, Турин, Италия

"Lux Lucet in Tenebris"

Свет сияет во Тьме

Light of the World Publication Company Limited

Свет Мира

P.O. Box 144 Piazza Statuto, Turin, Italy

Email: newnessoflife70@gmail.com

ИСТОРИЯ

ПРОТЕСТАНТИЗМ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЕК

ТРЕТИЙ ТОМ

EDINBURGH:

PUBLISHED BY OLIVER & BOYD

Эта страница была умышленно оставлена пустой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данного издания позже было переиздано свет Мира издательская компания лимитед...Книга проливает свет на актуальные вопросы, отражающиеся в нестихающих спорах и многочисленных моральных дилеммах. Повествование и иллюстрации специально подобраны и представлены для ознакомления читателя с событиями, имеющими отношение к исторической, научной, философской, образовательной, религиозно-политической, социально-экономической, правовой и духовной аспектам. Кроме того прослеживаются ясные и неоспоримые закономерности и взаимосвязи, в которых можно усмотреть сплетение, взаимодействие и пересечение противоположных, однако гармоничных школ мысли.

Долгий путь обуздания, конфликтов и компромисов на земле подготовил почву для возникновения новой эры. Горячие вопросы сопутствуют пришествию приближающейся новой эры, сопровождаемой суперструктурами, системами правления, основанными на правах режимами и идеалами свободы и счастья. Отражающая периоды иллюзий, стратегических подавлений и задач нового миропорядка, эта электронная книга соединяет точки между современными реалиями, духовными таинствами и пророческими откровениями. Она прослеживает хронологический путь от упадка нации к мировому господству, от разрушения старой системы к становлению новой, кратко освещая любовь, человеческую природу, а также сверхчеловеческое вмешательство.

Снова и снова знаменательные события формировали жизненный путь и историю, предвосхищая будущее. Живя во времена волнений и неопределенности, будущее с трудом поддавалось осмыслению. Благодаря этой книге читателю раскрывается панорамное видение прошлого и будущего, выдвигая на первый план критические моменты времени, которые открылись в исполнении пророчеств.

Несмотря на рождение в неутешительных условиях и страдания от суровых испытаний, группа людей в твердой решимости и сохраняя добродетель, исповедывали свою веру, оставляя неизгладимый след. Их вклад сформировал современность и проложил путь к чудесной кульминации и грядущим переменам. Поэтому эта литература служит как вдохновлением, так и практическим пособием для проникновенного и глубокого понимания скрытого за завесой социальных вопросов, религии и политики. Каждая глава повествует о состоянии как общества, так и отдельного индивида, пребывающего во тьме, готового к острым конфликтам и побужденного зловещими и тайными замыслами и скрытыми мотивами. Здесь они бесстыдно выставлены на всеобщее обозрение. Однако, не смотря на это, каждая страница также излучает сверкающие лучи мужества, избавления и надежды.

В конце концов, наше горячее желание - заставить каждого читателя испытать и начать любить, а также принять правду. В мире, пропитанном ложью, двусмысленностью и манипуляциями, истина навечно останется квинтэссенционным стремлением души. Истина рождает жизнь, красоту, мудрость и благодать, приводя к возрожденной цели, энергии и искренней и личностной трансформации в будущее и жизни.

Оглавление

Книга шестая. От диспута в Лейпциге к сейму в Вормсе, 1521 год. 5
Глава 1 - Протестантизм и империализм, или монах и монарх. 6
Глава 2 - Булла Папы Льва. 16
Глава 3 - Встречи и переговоры. 27
Глава 4 - Лютер вызван на сейм в Вормс. 37
Глава 5 - Путешествие Лютера и прибытие в Вормс. 42
Глава 6 - Лютер перед сеймом в Вормсе. 48
Глава 7 - Лютер объявлен в Германии вне закона. 58
Книга седьмая. Протестантизм в Англии со времен Уиклиффа до Генриха VIII 63
Глава 1 - Первые протестантские мученики Англии 64
Глава 2 - Богословие ранних английских протестантов. 70
Глава 3 - Развитие английского протестантизма. 78
Глава 4 - Действия по распределению церковной собственности. 84
Глава 5 - Суд и обвинение Сэра Джона Олдкастла. 88
Глава 6 - Лоллардизм объявлен изменой. 97
Глава 7 - Мученическая смерть Лорда Кобхема. 100
Глава 8 - Лоллардизм при Генрихе V и Генрихе VI. 104
Глава 9 - Попытки Рима восстановить господство в Англии. 114
Глава 10 - Сопротивление папским посягательствам. 119
Глава 11 - Влияние войн 15 столетия на развитие протестантизма 125
Книга восьмая. История протестантизма в Швейцарии с 1516 года до его установления в Цюрихе в 1525 году 132
Глава 1 - Швейцария – страна и люди 133
Глава 2 - Положение Швейцарии до реформации. 137
Глава 3 - Пороки швейцарской церкви. 142
Глава 4 - Происхождение и школьные года Цвингли. 149
Глава 5 - Путь Цвингли к освобождению. 155
Глава 6 - Цвингли в присутствии Библии. 161
Глава 7 - Ейзидельн и Цюрих. 164

Глава 8 - Торговец индульгенциями и чума. 170
Глава 9 - Распространение реформации в Берне и других городах Швейцарии. ... 176
Глава 10 - Распространение протестантизма в восточной Швейцарии. 182
Глава 11 - Вопрос о запрещенных мясных блюдах. 188
Глава 12 - Открытый диспут в Цюрихе. 194
Глава 13 - Упадок монастырей. 202
Глава 14 - Диспут об изображениях и мессе. 207
Глава 15 - Установление протестантизма в Цюрихе. 213
Книга шестая. От диспута в Лейпциге к сейму в Вормсе, 1521 год. 218
Глава 1 - Протестантизм и империализм, или монах и монарх. 219
Глава 2 - Булла Папы Льва. 229
Глава 3 - Встречи и переговоры. 240
Глава 4 - Лютер вызван на сейм в Вормс. 250
Глава 5 - Путешествие Лютера и прибытие в Вормс. 255
Глава 6 - Лютер перед сеймом в Вормсе. 261
Глава 7 - Лютер объявлен в Германии вне закона. 271
Книга седьмая. Протестантизм в Англии со времен Уиклиффа до Генриха VIII .. 276
Глава 1 - Первые протестантские мученики Англии 277
Глава 2 - Богословие ранних английских протестантов. 283
Глава 3 - Развитие английского протестантизма. 291
Глава 4 - Действия по распределению церковной собственности. 297
Глава 5 - Суд и обвинение Сэра Джона Олдкастла. 301
Глава 6 - Лоллардизм объявлен изменой. 310
Глава 7 - Мученическая смерть Лорда Кобхема. 313
Глава 8 - Лоллардизм при Генрихе V и Генрихе VI. 317
Глава 9 - Попытки Рима восстановить господство в Англии. 327
Глава 10 - Сопротивление папским посягательствам. 332
Глава 11 - Влияние войн 15 столетия на развитие протестантизма 338
Книга восьмая. История протестантизма в Швейцарии с 1516 года до его установления в Цюрихе в 1525 году 345
Глава 1 - Швейцария – страна и люди 346

Глава 2 - Положение Швейцарии до реформации. 350
Глава 3 - Пороки швейцарской церкви. 355
Глава 4 - Происхождение и школьные года Цвингли. 362
Глава 5 - Путь Цвингли к освобождению. 368
Глава 6 - Цвингли в присутствии Библии. 374
Глава 7 - Ейзидельн и Цюрих. 377
Глава 8 - Торговец индульгенциями и чума. 383
Глава 9 - Распространение реформации в Берне и других городах Швейцарии. 389
Глава 10 - Распространение протестантизма в восточной Швейцарии. 395
Глава 11 - Вопрос о запрещенных мясных блюдах. 401
Глава 12 - Открытый диспут в Цюрихе. 407
Глава 13 - Упадок монастырей. 415
Глава 14 - Диспут об изображениях и мессе. 420
Глава 15 - Установление протестантизма в Цюрихе. 426

Ольга Крубер-Федорова

Дж. Уайли История протестантизма

Книга шестая. От диспута в Лейпциге к сейму в Вормсе, 1521 год.

Глава 1 - Протестантизм и империализм, или монах и монарх.

Опасения Лютера – Сомнительная помощь – Смерть Максимилиана – Кандидаты на императорский престол – Характер Карла Испанского – Его владения – Империя предложена Фридриху Саксонскому – Отклонил. – Выбран Карл Испанский. – Виттенбер. – Труды Лютера – Его обращение к народу Германии – Его описание Германии при Папах – Призвал к реформам. – Впечатление, произведенное его обращением.

Среди актеров, которые начинают собираться на сцене есть двое, заметно возвышающиеся над остальными и притягивающие все взгляды исключительно к себе. С одним мы уже знакомы, так как он фигурировал перед нами, а другой должен только появиться. Они вышли из противоположных полюсов общества, чтобы участвовать в этой великой драме. Один актер увидел свет в домике рудокопа, колыбель другого была во дворце старинного королевского рода. На одном была сутана из саржи, на другом императорская мантия. Пути этих двух людей не так отличались в начале, как им предназначено было отличаться в конце. Выйдя из кельи, один должен был занять престол, где должен сидеть и управлять людьми, не силой меча, но силой Слова. Другому, затянутому в борьбу силой, которую он не видел и не понимал, было предопределено пройти через унижения, следовавшие один за другим, с самого великого тогда трона, и окончить дни в монастыре. Но пока это скрыто.

Пока бо;льшая власть, но на самом деле более слабая, кажется, значительно превосходит более крепкую власть. Реформация выглядит карликом рядом с колоссом империализма. Если протестантизм исходит от Владыки мира, и милостиво послан, чтобы открыть глаза и снять оковы с порабощенного мира, можно было подумать, что его путь подготовлен и задача облегчена каким-то поразительным ослаблением противника. Напротив, в этот момент империализм умножает силу в семь раз. Очевидно, что великий Владыка не ищет легкой победы. Он позволяет опасностям умножаться, трудностям сгущаться и руке дьявола укрепиться. Но насколько борьба ожесточеннее, и победа почти безнадежнее, настолько блистательнее доказательства того, что власть, которая без плотского оружия может разбросать силы империализма и поднять мир, втоптанный в грязь духовным и светским деспотизмом, является божественной. Сейчас мы должны рассмотреть столкновение и борьбу этих двух сил. Но сначала взглянем на положение, в котором оказался Лютер.

Друзья Лютера отпали или стали пугливы. Даже Штаупиц стал колебаться, когда цель, к которой приближалось движение, стала более отчетливой. При холодности или отсутствии друзей, другие сообщники поторопились предложить ему двойную помощь. Привлеченные на его сторону скорее не ненавистью к папской тирании, а

высокой оценкой евангельской свободы и чистоты; их альянс несколько смутил реформатора. Этот как тевтонский, так и реформатский фактор – благородный продукт смешения обоих – возбуждал немецких баронов и заставлял их хвататься за меч, когда они слышали, что жизнь Лютера в опасности, что люди с пистолями под одеждой преследовали его, что Сера Лонга написал курфюрсту Фридриху: « Да не найдет прибежища Лютер в государствах Вашего Высочества, пусть он будет отвержен всеми и побит камнями перед лицом неба»; что Милтиц, папский легат, который не забыл своего поражения, строил планы, чтобы заманить его, пригласив на еще одну встречу в Трире; и что Экк уехал в Рим, чтобы найти там бальзам для своей раненой гордыни, чтобы выковать в Ватикане стрелу для сокрушения человека, которого он не смог уничтожить в Лейпциге своим схоластическим искусством.

Появилась причина для опасений, которые начали преследовать его друзей. «Если Бог не поможет нам, - восклицал Меланхтон, когда он слышал угрожающие звуки бури и поднимал глаза к небу, становившемуся чернее час от часа, - если Бог не поможет нам, мы все погибнем». Даже Лютер вынужден был осознавать в минуты депрессии и тревоги, в которые он допускался погружаться, что, если он спокоен, тверд и мужественен, то это Бог делает его таким. Один из самых влиятельных рыцарей Франконии, Сильвестр Шаумбург, послал своего сына в Виттенберг с письмом для Лютера, написав: «Если курфюрсты, принцы и бургомистры предадут тебя, приезжай ко мне. Если Богу будет угодно, я вскоре соберу более ста рыцарей и с их помощью смогу защитить тебя от любой опасности».

Франциск Сикинген, сочетавший любовь к наукам с любовью к оружию, которого Меланхтон назвал «несравненным украшением немецкого рыцарства», предложил Лютеру прибежище в своем замке. «Мои слуги, мое имущество и мое тело, все, чем я владею, в Вашем распоряжении», писал он. Ульрих Хюттен, который был известен своими стихами не меньше, чем бесстрашными подвигами, также предложил себя в качестве защитника реформатора. Его стиль войны, однако, отличался от стиля Лютера. Ульрих был за нападение на римскую церковь с мечом, Лютер пытался покорить ее оружием истины. «Мечами и луками – писал Ульрих – дротиками и бомбами должны мы покорить ярость дьявола». «Я не прибегну к оружию и кровопролитию в защиту Евангелия», сказал Лютер, уклоняясь от предложения. «Церковь была создана словом, и словом она будет восстановлена». И, наконец, король ученых того времени, Эразм, выступил в защиту монаха из Виттенберга. Он, не колеблясь, подтвердил, что шум, поднятый вокруг Лютера, и волнения, вызванные его учением, были единственно обязаны тем, чьи интересы, связанные с тьмой, страшились нового дня, восстающего в мире – истина очевидная и банальная для нас, но не для людей первой половины шестнадцатого века.

Когда опасность была наивысшей, император Максимилиан умер (12 января 1518 года). Этот король был известен своей миролюбивой и уступчивой политикой, при нем империя долго жила в мире. Будучи подобострастно преданным римской церкви, он с каждым днем все больше испытывал неприязнь к движению реформации, и, если бы он жил дольше, он бы настоял, чтобы курфюрст выслал Лютера, что бы предало его в руки смертельных врагов. Со смертью Максимилиана в этом переломном моменте буря, которая была готова разразиться, прошла стороной на какое-то время. До избрания нового императора Фридрих Саксонский согласно установленным правилам стал регентом. Неожиданная смена декораций поставила реформатора и реформацию под покровительство человека, который некоторое время управлял империей.

Для выбора нового императора были пущены в ход переговоры и интриги. Они стали бастионом вокруг реформатского движения. Папа, который хотел выдвинуть своего кандидата, для достижения этой цели счел необходимым расположить к себе курфюрста Фридриха, чье положение и мудрость давали ему потенциальный голос в коллегии выборщиков. Это вело к ясному небу над Римом.

Было два кандидата: Карл I Испанский и Франциск I Французский. Генрих VIII Английский, видя, что предмет вожделений, который он страстно желал, был недосягаем, вышел из борьбы. Шансы двух соперников были равны. Франциск был галантным и энергичным рыцарем, но он не продолжал свои инициативы с тем рвением, с каким он их начинал. Имея интеллектуальные наклонности и стремясь к новым знаниям, он беседовал за столом с умными людьми и учеными, военными и государственными людьми, приглашенными ко двору. Ему было всего двадцать шесть лет, однако, он уже прославился на поле брани. «Этот король был самым воспитанным рыцарем той эпохи, в которой Баярд был украшением рыцарства, и одним из самых просвещенных и привлекательных людей утонченного века Медичи». Ни Франциск, ни его придворные не забывали, что Карл Великий носил корону, и ее возвращение к королям Франции рассеет представление, становившееся привычным, что императорская корона, хотя и номинально выборная, является на самом деле наследственной и постоянно переходила к Австрийскому дому.

Карл был на семь лет моложе своего соперника, его нрав и таланты были многообещающими. Хотя ему было всего девятнадцать лет, он был обучен делам, к которым имел как склонность, так и сообразительность. В его венах текла испанская и немецкая кровь, и он сочетал качества обоих народов. Он обладал упорством немцев, утонченностью итальянцев и неразговорчивостью испанцев. Местом его рождения был Гент. Какие бы богатства, владения, военную силу могла ни дать империя, Карл бы их принял. Его наследным королевством, полученным от Фердинанда и Изабеллы, была Испания. Но в то время Испания не была столь

процветающей и сильной монархией христианского мира. К этой великолепной территории с процветавшими городами, вокруг которых располагались пшеничные поля, поросшие лесом горные цепи и луга, на которых зрели плоды Азии вместе с богатыми плодами Европы, прибавились княжества Неаполя и Сицилии, Фландрии и богатая территория Бургундии. И вот, смерть его деда, императора Максимилиана, ввела его во владение государствами Австрии. Но это не все, открытие Колумба дало ему во владение новый континент; и какой большой; и какие богатства могут течь оттуда, Карл тогда не мог и предположить. Так обширны были королевства, которыми правил молодой король. Едва солнце садилось на их западной границе, как рассветало утро на их восточной границе.

Это бы довершило его славу и признание на земле, если бы он добавил императорскую корону ко многим уже имевшимся коронам. Он щедро раздавал золото курфюрстам и правителям Германии, чтобы получить предмет вожделений. Его соперник Франциск был либералом, но ему недоставало золотых рудников Мексики и Перу, которые Карл имел в своем распоряжении. В действительности кандидаты были очень сильными. Из-за своего величия они оба чуть не потерпели поражение; так как немцы боялись, что выбрав одного из них, они поставят над собой господина. Вес стольких многих скипетров в руке Карла мог бы подавить свободу Германии.

Курфюрсты, рассудив, пришли к мнению, что было бы умнее выбрать одного из них для императорской короны. Их выбор пал, прежде всего, не на Франциска или Карла; он единодушно пал на курфюрста Фридриха. Даже Папа был согласен с ними в этом деле. Лев X боялся чрезмерной власти Карла Испанского. Если правитель многих королевств будет выбран на пустующий престол, но империя может затмить митру. Также Папа не был благосклонно настроен по отношению к королю Франции: его пугали амбиции короля, кто может сказать, что победитель при Каригиано не протянет свои руки дальше к Италии? На этом основании Лев отправил настоятельный совет курфюрстам, чтобы выбрали Фридриха Саксонского. В результате Фридрих был выбран. Императорская корона досталась другу Лютера.

Захочет ли он или должен ли он надеть императорскую мантию? Правители и народ Германии с радостью бы приветствовали принятие им этого титула. Казалось, что божественное провидение вкладывает надежный скипетр в его руку с тем, чтобы он мог защищать реформатора. Фридрих не раз болезненно реагировал на недостаток власти. Теперь он сможет стать первым человеком в Германии, председателем всех ее соборов, генералиссимусом всех ее армий; может убрать с дороги реформации войны, эшафоты, насилие всякого вида и позволить ей развивать духовный потенциал и спокойно возрождать общество. Должен ли он стать императором? Большинство историков называли его отказ великодушным. Мы

берем на себя смелость, глубоко уважая их мнение, иметь другое мнение. Мы думаем, что Фридрих, все обдумав, должен был принять императорскую корону; что предложение пришло к нему в тот момент и таким образом, что вопрос долга был очевиден, и его отказ был проявлением слабости.

Фридрих, пытаясь избежать западни честолюбия, попал в западню робости. Он смотрел на трудности и опасности огромной задачи, на беспорядки, возникавшие по всей империи, на враждебные армии мусульман на ее границе. Лучше, подумал он, чтобы скипетр был отдан более крепкой руке; лучше бы Карл Австрийский взял его. Он забыл, что, по словам Лютера, христианству угрожал бо;льший враг, чем турки; итак, Фридрих отдал императорскую диадему тому, кто должен был стать яростным врагом реформации.

Но, хотя мы не можем оправдать Фридриха в уклонении от трудов и опасностей служения, к которому он был призван, мы признаем в его решении руководство Всевышнего, а не человеческую мудрость. Если бы протестантизм рос и процветал под покровительством империи, не сказали бы люди, что его победа обязана тому факту, что у него был такой мудрый человек в качестве советника, и такой влиятельный, чтобы бороться за него? Было ли благословением для раннего христианства то, что Константин взял его под защиту оружия первой империи? Правда, не были бы пролиты океаны крови, если бы Фридрих препоясался императорским мечом и стал надежным другом и защитником этого движения. Но реформация без мучеников, без эшафотов, без крови! Мы вряд ли бы узнали о ней. Это была бы реформация без славы и без силы. Не только ее летописи, но и летописи всего человечества были бы значительно беднее, если бы в них не было высочайших проявлений веры и героизма, которые показали мученики шестнадцатого века. Слава этих страдальцев осветит не один еще будущий век!

Фридрих Саксонский отклонил то, чего так добивались два влиятельных правителя Европы. Коллегия выборщиков в своих красных одеждах встретилась в церкви св.Варфоломея 28 июня 1519 года во Франкфурте-на-Майне и возобновила выборы нового императора. Проголосовали единодушно за Карла Испанского. Это произошло более года до того, как Карл прибыл в Германию для коронования в Аль-де-Чапель. А тем временем Фридрих оставался регентом, и щит все еще закрывал небольшую группу соратников Виттенберга, занятых созданием основ империи, которая переживет империю человека, на чью голову должна быть возложена диадема Цезаря.

Год, который прошел между выборами и коронацией Карла, был годом напряженной и плодотворной работы в Виттенберге. Великий свет засиял среди небольшой группы, собранной там, а именно, Слово Божие. Голос от Семи Холмов не привлекал их внимание, все учения и действия они сверяли только с Библией. С

каждым днем Лютер продвигался на шаг вперед. Новые доказательства лживости и порочности римской системы нахлынули на него. Именно тогда ему попался трактат Лаврентия Вала, который доказал ему, что дарственная Константина Папе является выдумкой. Это укрепило заключение, к которому он пришел относительно главенства Папы, а именно что для этого не было никаких оснований, кроме тщеславия Папы и легковерности народа. Тогда он прочитал труды Яна Гуса, и к своему удивлению нашел в них учение Павла – что ему самому далось большой ценой – относительно оправдания грешников. «Мы все, – воскликнул он наполовину с удивлением, наполовину с радостью – Павел, Августин и я, не зная этого, являемся гусситами!» И добавил очень серьезно: «Бог, конечно, явит миру, что истина была проповедана ему столетие назад и была сожжена». Именно тогда он провозгласил великую истину о том, что Евхаристия не дает ничего человеку без веры, и глупо думать, что она совершает какие-то духовные действия сама по себе, не завися от состояния причащающегося. Католики обрушились на него за то, что он учил, что Евхаристия должна раздаваться под обоими видами, не способные понять более глубокий принцип Лютера, который до основания разрушал opus operatum со всеми сопутствующими обстоятельствами. Они обороняли внешние укрепления, реформатор с сокрушительной силой сравнял эту цитадель с землей. Удивительно, какую силу и энергию ума проявил в то время Лютер. Месяц за месяцем, скорее неделя за неделей Лютер выпускал трактат за трактатом. Эти произведение его пера, «как искры из-под молота, одна ярче другой», добавляли свежие силы пожару, полыхавшему со всех сторон. Враги нападали на него, но они лишь вызывали на себя более тяжелые удары. Именно в этот год плодотворного труда он опубликовал комментарии на Послание к Галатам, «собственное послание», как он его называл. В этом трактате он дал более четкое и полное объяснение, чем ранее это делал, того, что было для него кардинальной истиной, оправдание по вере. Но он показал, что такое оправдание ни избегает закона, поскольку оно исходит из основания праведности, исполняющей закон, и ни ведет к распутству, поскольку вера, которая держится на праведности ради оправдания, действует в сердце для его возрождения, а возрожденное сердце является источником святой добродетели и всех благих дел.

И также, именно тогда Лютер опубликовал известное обращение к императору, князьям и народу Германии о реформации христианства. Это было самое живописное, смелое, красноречивое и воодушевляющее произведение, которое когда-либо выходило из-под его пера. Воистину можно сказать, что его слова были подобны битве. Оно произвело огромную сенсацию. Оно было трубой, призывавшей немецкий народ на великое сражение. «Время молчания прошло, – писал Лютер – настало время говорить». И он говорил.

В этом манифесте Лютер мастерски рисует картину римской тирании. Римская церковь достигла тройной победы. Она завоевала все сословия и классы людей; она

завоевала все права и интересы в человеческом обществе; она подчинила королей; она подчинила соборы, она поработила народы. Она установила полное и всеобщее рабство.

Своей догмой главенства Папы она покорила королей, правителей и судей. Она поставила духовное над плотским, чтобы все правители и суды подчинялись бы ее единой, абсолютной и непререкаемой воле, и чтобы неопровержимая и ненаказанная светской властью, она могла бы идти по пути угнетения и подавления.

Поставила ли она, спрашивал Лютер, престол Папы выше всех королей, для того чтобы никто не смел призвать его к ответу? Понтифик набирает армии, ведет войну с королями, проливает кровь их подданных, и более того, он требует для прихожан освобождения от государственного контроля, таким образом, неотвратимо разрушая мировой порядок, подвергая власть унижению и презрению.

Своей догмой духовного превосходства, римская церковь покорила соборы. Епископ Рима провозгласил себя главным управляющим всех епископов. В нем сосредотачивалась вся церковная власть, поэтому, если он высказывал самую ошибочную догму, или совершал самое вопиющее злодеяние, ни один собор не мог обвинить или низложить его. Соборы были ничто, папа – все. Духовное превосходство ставило его над церковью, а плотское – над миром.

Присвоив себе исключительное право толкования Священного Писания, римская церковь поработила все народы. Она ослепила их, связала их оковами тьмы, чтобы склонить их перед любым богом, поставленным ею, и заставить их идти туда, куда она их поведет, в плотское рабство, в вечные муки.

Смотрите, какую победу завоевала римская церковь! Она попирает ногой королей, епископов и народы! Всех она втоптала в прах.

Они являются тремя стенами, используя сравнение Лютера, за которыми окопалась римская церковь. Боится ли она земной власти? Она выше ее. Предложено ли ей предстать перед собором? Только она имеет право созывать его. Обвиняется ли она по Библии? Только у нее есть право ее толковать. Римская церковь поставила себя выше трона, выше церкви, выше самого Слова Божьего. Она была бездной, куда попала Германия и весь христианский мир. Реформатор призвал все слои общества объединиться для освобождения от такой позорной и губительной зависимости.

Чтобы поднять соотечественников и весь христианский мир, в чьей груди еще оставалась любовь к истине и стремление к свободе, он яснее показал немцам картину, не доверяя общему описанию. Он подробно показал ужасное опустошение, которое произвел в их стране папский гнет.

Италия, писал он, была разрушена римской церковью; разложение этой прекрасной страны, закончившееся к этому времени, перешло на страну Лютера. И сейчас, когда вампир папства высосал всю кровь из своей страны, тучи саранчи из Ватикана опустились на Германию. Наша родина, говорил Лютер немцам, обгладывается до костей.

Десятины, палии, комменды, отправление обрядов, индульгенции, реверсии, регистрации, запасы – таковы немногие, и очень немногие из хитроумных затей, с помощью которых священникам удается переправлять богатства из Германии в Рим. Разве не удивительно, что правители, соборные церкви и народ бедны? Удивительно то, что при такой туче обжор, напавшей на нас, что-то еще осталось. Все пошло в римскую суму, не имеющую дна. Этот грабеж превосходит преступление тех воров и разбойников, которые искупили свою вину на виселице. Вот тирания и разорение ворот ада, а также разорение души и тела, крах церкви и государства. Говорите о разорении турками, поднимаете армии на борьбу с ними! Но во всем мире нет таких турок как римские.

Срочные меры, на которых он настаивал, были такими же, какие его великий предшественник, Уиклифф, рекомендовал сто пятьдесят лет назад англичанам и убеждал парламент принять. Только Евангелие, над возвращением которого он трудился, могло добраться до корней этого зла, но оно подлежало исправлению частично со стороны земной власти. Каждый правитель и государство должны запретить своим подданным отдавать десятину римской церкви. Короли и вельможи должны противостать понтифику, как злейшему противнику их прав и врагу независимости и процветания их королевств. Вместо того чтобы проводить папские буллы, они должны бросить его анафемы, печати и бреве в Рейн или Эльбу. Архиепископам и епископам должно быть запрещено императорским указом получать саны из Рима. Все дела должны рассматриваться в королевстве, и все люди должны быть подсудны судам страны. Праздники нужно прекратить, как удобный повод для праздности, а также всякие порочные индульгенции. Шаббат должен быть единственным днем, когда люди должны воздерживаться от труда. Больше не надо строить монастырей для нищенствующих монахов, чье попрошайничество никогда не приводило к хорошему, и никогда не приведет; закон о клерикальном целибате должен быть отменен и священникам дана свобода жениться, как и другим людям. И в заключение Папа, оставив управление королевствами королям и правителям, должен предаться молитве и проповеди Слова. «Ты слышишь, Папа, не пресвятой, а прегрешный? Кто дал тебе право подняться над Богом и нарушать Его законы? Злой сатана лжет твоим горлом. О, Господь Иисус Христос, да придет Твой последний день и Ты разрушишь дьявольское гнездо в Риме. Там восседает «человек греха», о котором Павел говорит: «сын погибели».

Лютер хорошо понимал, что великий оратор назвал «изгоняющей властью новой эмоции». Он применял только истину, как верное средство для уничтожения заблуждений. Поэтому после римской системы человеческих заслуг и спасения делами, он поднял вопрос о человеческом бессилии и Божьей благодати. Это могло разрушить папскую систему человеческих заслуг. Тем же методом нападения Лютер разрушил папскую систему рабства и проник в вымысел, на котором та строилась. Римская церковь берет человека, бреет ему голову, помазывает его елеем, дает ему таинства и внушает ему обладание таинственными качествами. Целая категория мужчин, с которыми так поступили, образует священнический орден, отличающийся и стоящий выше мирян, и являют собой поставленных Богом наставников всего мира.

Этот обман, который был краеугольным камнем мрачной и древней тирании, Лютер разоблачил, провозгласив противоборствующую истину. Все истинные христиане, говорил он, являются священниками. Разве апостол Павел, обращаясь во всем верующим не сказал: «Вы – царское священство»? Не обривание головы и ношение необычной одежды делает человека священником. Только вера делает людей священниками, вера, которая объединяет их во Христе, и которая дает им постоянно находящегося внутри Святого Духа, поэтому они становятся исполнены святой благодатью и божественной силой. Это внутреннее помазание – елей лучше елея из кубка епископа или Папы – дает им не только звание, но и природу, чистоту и силу священства; это помазание получают верующие во Христа.

Таким образом, Лютер не только удалил обман, но и заполнил его место славной истиной, иначе, если бы оно оставалось незанятым, то заблуждение проникло бы вновь. Фиктивное священство римской церкви – священство, которое запасает елей и облачения, и к которому люди причисляются с помощью ножниц и искусства некромантии – ушло, и на его место пришло истинное священство. Люди открыли глаза на чудесное освобождение. Они не были больше рабами олигархии священников и поручителями бритоголовых, они видели себя членами прославленного братства, чья божественная глава была на небе.

Никогда не было такой сильной речи. Патриоты и ораторы во время великих и памятных событий обращались к своим соратникам, чтобы, если возможно, сбросить тиранов, которые держали их в рабстве. Они засыпали их доводами и всячески побуждали их. Они подробно останавливались то на горечи рабства, то на сладости свободы. Но никогда патриоты или ораторы не обращались к товарищам по время более великого события, чем это – если было когда-нибудь более великое событие. Никогда прежде ораторы или патриоты не сражались так упорно с противником, осуждали омерзительное рабство или наносили лицемерию и обману такие ужасные удары. Никогда ораторы не были столь красноречивы и не

показывали бо;льшей отваги. Этот вызов был сделан перед лицом тысяч опасностей. Об этом Лютер не задумывался ни на минуту. Он только видел своих соотечественников и все народы христианского мира, утопавших в самом унизительном и губительном рабстве, и с неустрашимой отвагой и силой Геркулеса метал молнию за молнией быстро, стремительно и пылко против тирании, которая поглощала землю. Человек, дело, момент и окружение, все было потрясающим.

И никогда обращение не было столь успешным. Как раскаты грома оно передавалось из одного края Германии в другой. Оно звучало как похоронный звон по римскому владычеству в этой стране. Движение больше не было ограничено Виттенбергом, оно стало воистину национальным. Оно более не велось исключительно богословами. Князья, знать, бюргеры присоединились к нему. Это была не просто борьба за веру, это была борьба за свободу религиозную и гражданскую; за права духовные и светские, за жившее тогда поколение, за все поколения, которые должны жить в будущем, вообще, борьба за зрелость человечества.

Мысли Лютера, естественно, обратились к новому императору. Какую роль сыграет этот молодой монарх в движении? Допустив, что столь великий король будет справедливым и великодушным, Лютер передал свое обращение к подножью трона Карла V. «Дело, писал он, достойно, чтобы предстать перед небесным троном, и тем более перед земным монархом». Лютер знал, что его дело победит, независимо от того, чью сторону поддержит Карл. Хотя ни Карл, ни другие великие люди земли не могли остановить его или забрать у него победу, но могли задержать его; они могли заставить реформацию пройти сквозь эшафоты и кровавые поля, над сокрушенными армиями и свергнутыми тронами. Для Лютера было бы лучше, чтобы ее развитие было мирным и достижение цели быстрым. Поэтому он пришел к трону как проситель, трепеща, но не из-за своего дела, а из-за тех, кто, как он предвидел, погубят себя, противясь делу. Какую аудиенцию получил монах? Император не снизошел до ответа богослову из Виттенберга.

Глава 2 - Булла Папы Льва.

Экк в Риме. – Его деятельность против Лютера – Добивается его осуждения. – Булла – Авторство буллы – Ее условия – Два носителя буллы – Булла пересекает Альпы. – «Вавилонское пленение» Лютера – Евхаристия Его необычное письмо Папе Льву – Булла приходит в Виттенберг. – Лютер подает нотариальный протест против нее. – Он сжигает ее. – Удивление и гнев Рима – Обращение Лютера к студентам

Мы почти потеряли из виду д-ра Экка. Мы видели, как он после диспута в Лейпциге, отправился в Рим. Какова была цель его поездки? Он пересек Альпы, чтобы просить помощи у Папы против человека, которого, как он хвастался, победил. Ему предшествовал кардинал Каэтан, еще один «победитель» в стиле Экка, мало удовлетворенный победой, которой он также громко хвалился, как и Экк. Он поехал в Рим просить помощи и взять реванш.

В столице папства эти люди встретились с бо;льшими трудностями, чем предполагали. Римская курия была апатична. Ее члены еще не в полной мере осознавали опасность. Они отвергали мысль о том, что Виттенберг завоюет Рим, и ничего незначащий монах сотрясет престол понтифика. История не знала примеров такого поразительного явления. Ужасные бури возникали в прошлые века. Мятежные короли, гордые ересиархи, варварские и еретические народы бросались на папский трон, но у них было не больше силы, чтобы сбросить его, чем у океанской пены против скалы.

Дело, однако, было рискованным, что нельзя было не видеть. Церковь могла легко издать запрет, но гражданская власть должна была исполнять его. Что, если она откажется? Кроме того, в самом Риме было несколько человек, придерживавшихся умеренных взглядов, которые с более близкого расстояния видели беспорядки папской курии и были в глубине сердца довольны слышать то, что говорил Лютер. Среди стольких льстецов, разве не может быть одного честного блюстителя нравов? Были также и дипломаты, которые говорили, что, конечно, среди бесчисленных достоинств и даров церкви всегда можно найти что-то, что удовлетворит этого крикливого монаха. Пошлите ему мантию, дайте ему красную шапочку. Члены курии разделились. Юристы были за то, чтобы вызвать Лютера снова в суд, перед тем, как вынести ему приговор, богословы говорили, что дело не терпит отлагательств и настаивали на немедленной анафеме.

Неутомимый Экк сделал все возможное, чтобы добиться осуждения своего противника. Он старался переманить на свою сторону любого, с кем он имел дело. Его красноречие довело до белого каления рвение монахов. В Ватикане он провел много часов в раздумье. Он растопил даже холодность Льва. Он подробно

останавливался на характере Лютера, таком упрямом и неисправимом, что все попытки к примирению были бы пустой тратой времени. Он настаивал на важности дела; пока они сидели и спорили в Ватикане, движение в Германии росло не по дням, а по часам. Чтобы поддержать доводы Экка, Каэтана, больного настолько, что он не мог ходить, приносили в паланкине в соборный зал каждый день. Богослов из Ингольштадта нашел еще одного, как говорили, даже более могущественного союзника. Это был никто другой, как банкир Фуггер из Аугсбурга. Он был хранителем индульгенций и хорошо бы нагрел руки на этом, если бы Лютер не повредил его спекуляции. Это возбудило в нем огромное желание сокрушить ересь, нанесшую ущерб интересам церкви и его собственным.

Между тем до Лютера дошли слухи о том, что готовится ему в залах Ватикана. Эти слухи не вызывали в нем тревоги; его сердце было твердым; он видел Того, Кто выше Папы. Виттенберг в тот момент представлял собой совсем другую картину, чем Рим. Последний был полон волнениями и беспорядками, первый был полон спокойствием и плодотворным трудом. Гости из всех стран ежедневно приезжали, чтобы встретиться и поговорить с Лютером. Залы университета были полны молодежью – надеждой реформации. Слава Меланхтона росла; он только что предложил свою руку Катарине Крапп, и таким образом, наметилась первая связь между реформацией и семейной жизнью, привнося новую приятность обеим.

Именно в тот час, молодой швейцарский священник не постыдился показать свою приверженность тому Евангелию, которое проповедовал Лютер. Он ждал тем временем папского нунция в Гелветии, уговаривая его воспользоваться своим влиянием в высших сферах, чтобы предотвратить отлучение богослова из Виттенберга. Имя этого священника – Ульрих Цвингли. Это был первый проблеск света в швейцарских горах.

В то время Экк торжествовал в Риме. Тайная коллегия закончила длительное рассмотрение 15 июня 1520 года, решив обрушить буллу об отлучении на Лютера. Утонченность или варварство ее стиля принадлежат ее составителям, кардиналам Пуччи, Анкону и Каэтану.

«Итак, подумали кузнецы Ватикана, когда выковали эту стрелу, итак, мы завершили дело. Конец Лютеру и Виттенбергской ереси». Чтобы узнать, насколько надменен был дух Ватикана в то время, нам нужно обратиться к самой булле.

«Восстань, Господь! - так писалось в этом известном документе – Восстань и будь Судьей в Своем деле. Вспомни все оскорбления, наносимые Тебе ежедневно безумными людьми. Восстань Петр! Вспомни свою святую римскую церковь, мать всех церквей и госпожу веры. Восстань, Павел! Ибо здесь новый Порфирий, нападающий на твое учение и на святых Пап, наших предшественников!

Поднимитесь, словом, все святые и святая Божья церковь, и ходатайствуйте перед Всемогущим!»

Далее булла продолжает осуждать как возмутительные, еретические и омерзительные сорок одно высказывания, извлеченные из трудов Лютера. Предосудительными высказываниями являются простые положения евангельской истины. Одним из учений, подверженных особой анафеме, было то, которое лишало римскую церковь права на гонения, заявив о том, что «сжигание еретиков противоречит воле Святого Духа». После злоречивых выражений буллы, документ продолжал превозносить необычайное терпение папского престола, как видно из многих попыток вернуть блудного сына. К ереси Лютеру добавили непослушание. Он имел дерзость обратиться к вселенскому собору вопреки декреталий Пия II и Юлия II; он переполнил меру беззакония, оклеветав непорочное папство. Папство, тем не менее, сочувствовало своему заблудшему сыну. И «подражая Всемогущему Богу, который не желает смерти грешника», настоятельно увещевала блудного сына вернуться на грудь своей матери и принести с собой все, что сбило его с пути, доказать искренность покаяния, прочитав отречение и предав все свои книги огню в течение шестидесяти дней. Из-за отказа явиться в суд Лютер и его сторонники объявлялись неисправимыми и проклятыми еретиками, кого всем королям и судьям предписывалось арестовывать и отправлять в Рим, или высылать из страны, где они будут обнаружены. На города, где они продолжали жить, был наложен интердикт, и всякий, кто противодействовал оглашению и выполнению данной буллы был отлучен от церкви «во имя Всемогущего Бога и апостолов св.Петра и св.Павла».

Высокомерные слова, и в какой момент они были сказаны! Вот-вот появится рука человека и напишет на стенах римской церкви, что ее слава исполнилась, достигла зенита и спешит к своему заходу. Но она не знала об этом. Она видела только след света, который оставила после себя на пути сквозь века. Плотное покрывало скрыло от ее глаз будущее со многими унижениями и поражениями.

Папа наступал с отлучениями в одной руке и лестью в другой. Сразу же после ужасного осуждения курфюрсту Фридриху пришло письмо от Льва X. Папа в своем сообщении пространно писал о заблуждениях «сына беззакония» Мартина Лютера; он был уверен, что Фридрих испытывал отвращение к этим заблуждениям и продолжал хвалебную речь о благочестии и приверженности традициям курфюрста, который, как он знал, не позволит мраку ереси омрачить свет своей славы и славы предков. Были дни, когда такие комплименты были приятны, но с тех пор он пил из источника Виттенберга и потерял вкус к римской цистерне. Цель письма была очевидной, но эффект, который оно произвело, был обратным тому, что ожидал Папа. С того дня курфюрст Саксонский решил защищать реформатора.

Каждый шаг, предпринимаемый римской церковью в этом деле, был отмечен одержимостью. Она издала эту буллу и должна была проследить за ее оглаской во всех странах христианского мира. Для этого она была вручена в руки двух нунций; вряд ли можно было найти двух людей столь подходящих для этой гнусной миссии. Ими были Экк и Алеандер.

Экк, победитель в Лейпциге, который уехал под смех немцев, сейчас пересекает Альпы. В руке он везет буллу, которая должна окончательно сокрушить его врага. «Это булла Экка, – говорили немцы – а не Папы». Это – предательский кинжал смертельного врага, а не топор римского ликтора. Потом, однако, приехал нунций, гордившийся буллой, в составлении которой он принимал большое участие – тот самый Атлас, который держал весь утопавший римский мир.

Проезжая по немецким городам, он вывешивал документ, несмотря на холодность епископов, презрение горожан и улюлюканье молодежи университетов. Его продвижение было подобно продвижению беглеца, а не победителя. Ему приходилось временами укрываться от народного гнева в ближайшем монастыре, и он закончил свой путь, навсегда уединившись, в Кобурге.

Другим должностным лицом был Алеандер. Ему была поручена задача отвезти копию буллы архиепископу Майнца и придать ее огласке в Рейнских городах. Алеандер был секретарем Папы Александра VI, печально известного Борджиа; не нашлось более достойного исполнителя этой миссии, и не было более удачного выбора для сотрудника Экку. «Достойная парочка послов, – писал кто-то – оба удивительно подходили для этой работы по наглости, бесстыдству и распущенности».

Булла постепенно доходит до Лютера, и взгляд на две публикации, вышедшие из-под его пера в то время (6 октября 1520 года), дает нам возможность сделать вывод, что он встретит ее отказом. Папа убеждал его сжечь все его труды: вот, два дополнительных труда, которые должны быть положены в груду, перед тем, как поднести факел. Первое – это Вавилонское пленение церкви. «Я отрицал, – писал Лютер из-за обязательств перед своими противниками – что папство имеет божественное начало, но допускал, что оно человеческого происхождения. Сейчас, после того, как я разгадал все хитрости, с помощью которых эти господа воздвигли своего идола, я знаю, что папство не что иное, как Вавилонское царство, неистовство Нимрода, сильного зверолова. Поэтому я попросил всех друзей и всех книготорговцев сжечь книги, которые я написал по этому предмету и заменить их этим одним заявлением: «Папство – это обычная охота под руководством римского епископа, чтобы схватить и погубить души.» Это – не слова человека, который собирается предстать в одежде кающегося на пороге римского престола.

Далее Лютер переходить к обзору сакраментальной теории римской церкви. Священник и таинство - это два столпа папского здания, два спасителя мира. Лютер в своем Вавилонском пленении поднял руку на эти два столпа и низвел их на землю. Благодать и спасение, утверждал он, не находятся ни во власти священника, ни в силе Евхаристии, но в вере кающегося. Вера обладает тем, что Евхаристия представляет, означает и запечатывает – даже Божье обетование; и душа, опираясь на это, обетование имеет благодать и спасение. Евхаристия со стороны Бога представляет предложенное благословение; со стороны человека – это помощь вере, которая обладает этим благословением. «Без веры в Божье обетование – писал Лютер – Евхаристия мертва; это – шкатулка без драгоценностей, это – ножны без сабли». Так он опроверг opus operatum, этим великим таинственным заклинанием римская церковь подменила веру и Святого Духа, который работает с душой с ее помощью. В тот самый момент, когда римская церковь приближалась, чтобы уничтожить его только что выкованной стрелой, Лютер вырвал из ее руки это оружие мнимого всемогущества, которым ей удавалось побеждать людей.

Мало того, обращаясь к самому Льву, Лютер не колеблясь обращался к нему в этот критический момент со словами искреннего предостережения и исключительной смелости. Мы имеем в виду, конечно, его известное письмо Папе. Некоторые отрывки его письма воспринимаются как сарказм или острая сатира, однако, оно было написано совсем не в таком духе. Оно дышит духом глубокой нравственной серьезности, который позволил автору думать только об одном – о спасении тех, кто вот-вот погрузится в погибель. Не так Лютер писал, когда он хотел пронзить противника стрелами остроумия или сокрушить его стрелами негодования. Слова, обращенные ко Льву, не были словами презрения или ненависти, хотя некоторые приняли их за таковые, но словами такой глубокой любви, чтобы смолчать, и такой честной и бесстрашной, чтобы льстить. Лютер мог провести различие между Львом и министрами его правительства.

Необходимо привести несколько отрывков из этого необычного письма:

«Святейшему Отцу в Господе, Льву X, Папе римскому с пожеланием спасения в Иисусе Христе Господе нашем. Аминь.

«Живя среди чудовищ века сего, среди которых я веду войну уже третий год, я вынужден порой взирать на вас и думать о вас, Святейший в Господе Отец Лев. В самом деле, поскольку к вам относятся порой как к основному и единственному объекту моей борьбы, я просто не могу не думать о вас. Разумеется незаслуженный гнев по отношению ко мне со стороны ваших нечестивых лицемеров вынудил меня обратиться от вашего престола к будущему собору, игнорируя декреталии ваших предшественников, Пия и Юлия, с бездумным деспотизмом запретивших такое обращение. Тем не менее, я никогда не отчуждал себя от Вашего Святейшества до

такой степени, чтобы от всего сердца не желать вам и вашему престолу всяческого благословения, о котором я умолял Бога в искренних молитвах.

«Я, конечно, резко нападал на безбожные учения в целом, упрекая своих оппонентов не за их безнравственность, а за их безбожие. В этом я не собираюсь раскаиваться ни в малейшей степени, скорее я полон решимости с неистовым усердием продолжать это и далее, пренебрегая людским осуждением и следуя примеру Христа. Что пользы от соли, если она не имеет вкуса? Как использовать лезвие меча, если оно не режет? «Проклят, кто дело Господне делает с небрежением». Таким образом, превосходнейший Лев, я молю вас выслушать меня после того, как я оправдался этим письмом, и верить мне, когда я говорю, что никогда не думал дурно о вас лично, что я такой человек, который желает вам всех благ во веки вечные, и что мои претензии ни к одному человеку не касаются его личных моральных качеств, но имеют отноршение только к слову истины. Но всех остальных вопросах я уступлю любому человеку в чем угодно, но у меня нет, ни права, ни желания отрицать Слово Божие. Если кто-то имеет обо мне другое мнение, то он не размышляет честно, либо не понимает истинного смысла моих слов.

Я воистину презрел ваш престол, римскую курию, которая, однако, является более развращенной, чем любой предшествовавший когда-либо Вавилон или Содом, - этого не можете отрицать ни вы, ни кто-нибудь другой, - и которая, как я вижу, характеризуется полнейшей испорченностью, безнадежностью и печально известным безбожием.

«Как вы знаете, много лет из Рима проистекало подобное всемирному потопу влияние, не несшее ничего кроме опустошения человеческих тел, душ и имения, распространявшее самые отвратительные примеры всего наихудшего. Всем совершенно ясно, что римская католическая церковь, некогда святейшая из церквей, превратилась в самый безнравственный вертеп разбойников, в наипостыднейший бордель, в царство греха, смерти и преисподней. Это столь отвратительно, что даже сам антихрист, если бы он пришел, не смог бы ничего добавить к этому злу.

Тем временем вы, Лев, сидите как агнец среди волков или как Даниил среди львов. Подобно Иезекиилю вы живете со скорпионами. Как же вы можете один противостоять всем этим чудовищам? Даже если бы вы могли призвать себе в помощь трех-четырех хорошо образованных и надежных кардиналов, - что они все среди такого множества? Вы все были бы отравлены, не успев издать и декрета, способного хоть как-то исправить ситуацию. Римская курия уже погибла, ибо неумылимый гнев Божий обрушился на нее. Она создает церковные советы, она боится реформации, она не может справиться со своей собственной развращенностью, и то, что сказано о ее «родителе» Вавилоне, справедливо также и по отношению к ней: «Врачевали мы Вавилон, но не исцелился, оставьте его…»

«Римская курия не достойна того, чтобы такой человек, как вы, был в ней папой …» Это не было большим комплементом Льву, так как реформатор тут же добавляет: «но сам сатана должен занять эту должность, ибо он действительно сейчас имеет в этом Вавилоне большую власть, чем вы. Если бы вы могли отказаться от хвастливых утверждений ваших самых развратных врагов, якобы ваша слава и могущество существуют за счет вашего личного скромного священнического дохода или благодаря наследству вашей семьи. Никто из людей не достоин такой славы кроме Искариотов, сынов погибели.

«Разве не является правдой, что под всеми небесами нет ничего более развращенного, тлетворного, пагубного и отвратительного, чем римская курия? Она превосходит безбожие мусульман настолько, что, хотя она и была когда-то вратами небесными, теперь она яаляется пастью ада, которую не может закрыть даже гнев Божий. Как я уже говорил, мы можем предпринять лишь одно: попытаться призвать некоторых из этой развернутой бездны и спасти их».

Лютер затем касается некоторых подробностей отношений с Де Вио, Эком и Милтицем, агентами, направленными римской курией, чтобы заставить его прератить борьбу с пороками папства. И затем он заканчивает: «Но пусть никто не думает, что я отрекусь, если он не желает запутать еще больше весь этот вопрос. Более того, я не признаю никаких установленных правил истолкования Слова Божьего, поскольку для Слова Божьего, преподающего свободу во всех отношениях, нет уз.

«Возможно, я дерзок в своей попытке поучать столь возвышенную персону, у которой мы все должны учиться и от которой престолы судей получают решения…Я знаю, что Ваше Святейшество очень загружено работой и подвергается нападкам в Риме, то есть, что далеко в море вы окружены со всех сторон опасностями и работаете очень напряженно в такой печальной ситуации, что нуждаетесь даже в самой маленькой помощи со стороны наименьших из ваших братьев».

Чтобы не появиться перед Папой с пустыми руками, он приложил к письму небольшую брошюру «Свобода христианина». Два полюса свободы он называет верой и любовью; вера освобождает христианина, а любовь делает его слугой для всех. Представив этот небольшой трактат тому, «кто нуждался только в духовных дарах», он добавляет: «…самый смиренный ваш подданный …Да хранит вас Господь Иисус вовеки. Аминь».

Так писал Лютер Льву, монах из Виттенберга понтифику христианского мира. Никогда еще не были сказаны слова большей истины, никогда слова истины не говорились в более подходящих обстоятельствах, или с большей опасностью для говорящего. Если мы воздаем хвалу историкам, которые изобразили в истинном

свете на безопасном расстоянии характер тиранов и заклеймили их пороки с истинным негодованием, то у нас нет основания отказывать Лютеру в восхищении и похвале. По Божьему промыслу перед последним отторжением церкви, которая когда-то была известна по всей земле своей верой, Истина еще раз и в последний подняла свой голос в Риме.

Булла об отлучении пришла в Виттенберг в октябре 1520 года. Она уже была оглашена повсюду, и почти самым последним человеком, который увидел ее, был тот, на кого она обрушилась. Но, наконец, она здесь. Лютер и Лев, Виттенберг и Рим стоят лицом к лицу – Рим отлучил Виттенберг, Виттенберг будет отлучать Рим. Никто не может уйти, и война будет смертельной.

Буллу не могли огласить в Виттенберге, так как университет обладал в этом деле властью большей, чем власть епископа Бранбенбурга. Она получила огласку в Виттенберге, и как мы увидим позже, очень выразительную, но не такую, какую хотел и предвкушал Экк. Прибытие ужасного послания не вызвало страха в сердце Лютера. Напротив, оно наполнило его еще большей смелостью. Движение росло вширь. Лютер ясно видел Божью руку, направлявшую его к цели.

Тем временем реформатор предпринял необходимые меры, для того чтобы показать свою позицию перед миром, церковью, осуждавшей его, и потомством. Он опять подал апелляцию на Папу будущему собору со всей формальностью. В субботу, 17 ноября, в 10 часов утра в монастыре августинцев, где он остановился, в присутствии нотариуса и пяти свидетелей, среди которых был Каспар Круциндер, Лютер подал письменный протест против буллы. Нотариус записывал его слова. Его апелляция основывалась на четырех следующих пунктах: во-первых, на том, что он был осужден заочно, и без всякой причины и в доказательство ему приписаны заблуждения; во-вторых, от него потребовали отрицать важность христианской веры при причащении; в-третьих, на том, что Папа ставит свое мнение выше Слова Божьего; в-четвертых, как высокомерное лицо, ответственное за неуважение к Святой Божьей Церкви и к законному собору, Папа отказался созвать собор, заявив, что собор ничего не значит.

Это дело было не только Лютера, но и всего христианского мира. И поэтому он сопроводил протест против буллы официальной апелляцией к «императору, князьям, баронам, знати, сенаторам и всем христианским судам Германии», призвав их ради вселенской истины, церкви Христовой, свободы и прав законного собора быть его свидетелями и его апелляции, противостать нечестивой тирании Папы, и не исполнять буллу, пока его не вызовут законным образом, и беспристрастные судьи не выслушают и не убедят его по Писанию. «Если бы они поступали должным образом в этом деле, «Христос, наш Господь, - писал он – наградил бы их вечной милостью. Но все презрели мои молитвы и продолжали слушаться этого нечестивого

человека, Папу, больше Бога», он отказался признать какую-либо ответственность за последствия, и предал их высшему суду Всемогущего Бога.

На пути следования двух нунций ярко горели костры, не для людей, а для книг, рукописей Лютера. В Лувейне, Кельне и многих городах наследных владений императора горели костры, сложенные из трудов Лютера. На многочисленные костры Экка и Алеандера Лютер ответил одним костром. Он написал закон о разводе, давая понять, что он безвозвратно расстался с римской церковью.

Плакат на стенах университета в Виттенберге гласил о том, что Лютер намеревался сжечь папскую буллу, и это произойдет в девять часов утра 10 декабря у восточных городских ворот. В назначенный день и час можно было видеть Лютера, выходившим из ворот университета в сопровождении профессоров и студентов численностью в 600 человек и толпой горожан, которые энергично симпатизировали ему. Процессия прошла по улицам города, пока не вышла через ворота и не вынесла за город – ибо все нечистое должно сжигаться вне стана – буллу понтифика. Прибыв на место, где должно было состояться новое и необычное жертвоприношение, участники процессии нашли там уже приготовленный эшафот и сложенные на нем дрова. Один из известных магистров искусств взял факел и поднес его к дровам. Пламя вскоре ярко разгорелось. В этот момент реформатор в сутане своего ордена вышел из толпы и подошел к костру, держа в руке несколько томов, содержащих Канонический Закон, сборник Гратиана, климентины, Экстраваганты Юлия II и другие более поздние вымыслы папского происхождения. Он бросал эти книги одну за другой в костер.

Костер поглотил их как нечто обычное. Их таинственные достоинства не принесли костру никакой пользы. Пламя, охватившее их огненными языками, быстро превратило эти памятники гения и непогрешимости Папы в пепел. Гекатомба папских указ еще не закончилась. Осталась еще булла Льва X. Лютер поднял руку с буллой. «Так как ты досадил Святому Божьему, сказал он, то вечный огонь досадит тебе и уничтожит». С этими словами он бросил ее в горящую кучу. Экк рисовал себе картину ужасной буллы, которую он с триумфом перевез через Альпы, взрывавшуюся над головой монаха. Ее ждал более мирный конец. Через несколько мгновений она сгорела в пламени и смешалась с пеплом ее предшественниц тем зимним утром на тлеющем костре вне стен Виттенберга.

Удар был нанесен. Вновь выстроилась процессия. Богословы, магистры, студенты и горожане, собравшиеся вокруг Лютера, вернулись в город с чувством победы.

Если бы Лютер начал движение с этого акта, он погубил бы его. Люди увидели бы только ярость и злость, тогда как сейчас они увидели мужество и веру.

Реформатор начал вывешивать «Тезисы» - допустив свет в темные места римской церкви. Сейчас сознание людей было подготовлено в значительной степени. Следовательно, сжигание буллы было правильным актом в правильное время. Это был акт не одинокого монаха, а немецкого народа – взрыв народного возмущения. Весть о нем быстро и широко распространилась, и когда дошла до Рима, власти Ватикана задрожали на своих местах. Она звучала, как Голос, эхом отдававшимся в языческом мире при рождении Спасителя, и который поднял плач и рыдания среди гробниц и могил язычества: «Великий Пан умер»!

Лютер знал, что одним ударом битву не выиграешь; что война только началась, и обязательно последуют бесконечные, еще более мощные удары. Поэтому на следующий день, когда он читал лекцию на тему псалмов, он возвратился к эпизоду с буллой и разразился потоком красноречия и обличений. Сжигание папского указа, сказал он, обратившись к многочисленным студентам, собравшимся в аудитории, является знаком, символом того, что он подразумевает, костер папства. Его брови нахмурились, голос зазвучал более торжественно, когда он продолжил: «Если вы всем сердцем не оставите папство, вы не спасете своих душ. Царство Папы противоречит закону Христа и христианской жизни; лучше скитаться по пустыне и не видеть человеческого лица, чем жить под властью антихриста. Я предупреждаю всех следить за состоянием души, чтобы подчиняясь Папе не отвернуться от Христа. Пришло время, когда христиане должны выбирать между смертью здесь и смертью в будущем. Что касается меня, то я выбираю смерть здесь. Я не могу взять такое бремя на свою душу, как молчание в этом деле: я должен ждать расплаты. Я ненавижу вавилонского паразита. Пока я живу, я буду провозглашать истину. Если нельзя предотвратить гибель душ во всем христианстве, то я, по крайней мере, буду трудиться со всей силой для спасения соотечественников от бездонной пропасти вечных мук».

Сожжение папской буллы отмечает завершение одного этапа и начало другого в этом великом движении. Оно говорит о полноте доктринальных взглядов Лютера; и именно зрелое и совершенное суждение о двух системах и двух церквях позволило ему действовать с такой решительностью – решительностью, которая поразила Рим и собрала вокруг него многих друзей. Римская церковь никогда не сомневалась, что ее стрела сокрушит монаха. Она остановилась в сомнении, выпускать ли еще одну стрелу, ведь она не сомневалась, что выпущенная стрела должна была покончить с бунтом в Виттенберге. На протяжении многих веков никто еще не мог противостать ей. Никогда еще ее анафемы не терпели неудачу в осуществлении мести, к которой они предназначались. Короли и народы, светские и церковные власти при ударе этим ужасным орудием сразу падали и погибали как от страшной чумы. А кто был этот еретик из Виттенберга, который бросил вызов силе, перед которой весь мир склоняется в трепете? Римской церкви достаточно только сказать, протянуть руку,

выпустить стрелу и противник будет сметен с ее пути; на земле от него не останется ни имени, ни памяти. Римская церковь отчитает, зашикает на Виттенберг и оставит его в одиночестве. Она действительно сказала, протянула руку, выпустила стрелу. И какой результат? Для римской церкви результат страшный и ужасающий. Монах, поднявшийся во всю свою мощь, схватил стрелу, выпущенную в него с Семи Холмов, и послал ее назад в тех, кто ее выпустил.

Глава 3 - Встречи и переговоры.

Весна – Новое творение – Три круга – Внутренний – учение реформации. – Средний – нравственность и свобода. – Внешний – искусство и наука. – Карл V коронуется в Аль-де-Чепель. – Папский посланник Алеандер – Действия против Лютера – Попытки договорится с Фридрихом и императором – Перспектива войны с Францией – Император ищет расположения Папы. – Лютер должен стать взяткой. – Папа победил. – Суд едет в Вормс. – Турнир прерван. – План императора – Указ об уничтожении Лютера

От вывешивания «Тезисов» на дверях замковой церкви в Виттенберге 31 октября 1517 года до сжигания буллы 10 декабря 1520 года у восточных ворот того же города прошло точно три года и шесть недель. За эти три коротких года взгляды людей значительно изменились, а также и взгляды самого Лютера. Благословенная весна, казалось, пришла на землю. Как чудесен ее свет! Как благодатны капли, начавшие падать с небес на истомленную землю! Какая радость наполняет души людей, какой восторг слышится со всех сторон в нарастающих звуках песен народов, которые, собравшись под знаменами ожившего Евангелия, приходят, чтобы исполнить древнее пророчество: «на Сион с песнями!»

Движение, которое мы рассматриваем, имеет много областей и сфер. Мы находим его в общественной жизни человека, с собой оно приносит чистоту и целомудрие. Мы находим его в мире образования и науки, там оно – источник силы и благодати – литература, чье цветение прекраснее и плоды слаще, чем античные, сразу расцветает. Мы находим его в политике, там оно – воспитатель порядка и страж свободы. Под его эгидой растут могущественные троны, сильные и процветающие страны. Монархи не являются тиранами, а подданные рабами, потому что закон стоит над обоими, и запрещает власти превращаться в тиранию, а свободе – в распутство. Движение охватывает всю жизнь. Оно не имеет границ кроме общества – всего мира.

Но, если его окружность огромна, не надо забывать, что центром является вера или учение – великие вечные истины, действующие на души людей и преобразующие их, восстанавливающие личность и общество в правильные отношения с Богом, и приводящие их в гармонию со святым, благотворным и всемогущим правлением Бога. Это была точка опоры, на которой держалось все движение, вокруг которой оно вращалось.

В этом центре располагались жизненно важные силы – истины. Эти древние, простые, нерушимые и неизменные силы имели начало на небесах; они составляют жизнь человечества, и пока они остаются в сердце движения, оно не умрет и не может потерять способность восстановления сил и прогресса. Эти

основополагающие и жизнетворные принципы тысячу лет находились в склепе глубоко под землей. Но, сейчас в эту благодатную весеннюю пору, их оковы упали, они вышли наружу, чтобы рассеяться по всему полю человеческой жизни, и проявить свое присутствие и деятельность через тысячи разных прекрасных форм.

Без этого центра, а именно богословия, у нас не было бы внешних сфер этого движения, которыми являются наука, литература, искусство, коммерция, законодательство и право. Развитие общества непременно основывается на нравственном принципе. Духовные силы, для которых Лютер имел честь быть инструментом приведения в действие, сами могли породить это движение и привести его к такой цели, которая способствовала развитию всего мира. Любовь к наукам и свободе были недостаточны для этого. Они не достаточно глубоки, не имеют довольно высокой цели и веских причин для упорного труда, самоотречения и самопожертвования, с помощью которых можно достичь цели в любой истинной реформации. История протестантизма дает этому два ярких примера. Герцог Георг Саксонский был правителем истинно патриотического духа, и сначала одобрял движение, потому что видел, что оно оказывало сопротивление иностранной тирании. Но неприятие им учения о благодати сделало его в ближайшем будущем одним из злейших его врагов. Он жаловался, что Лютер все испортил «своими мерзкими учениями», не поняв, что именно учение побеждает сердца, и что именно сердца предоставляют мечи для борьбы за гражданскую свободу.

Путь Эразма был довольно скорбным. Он во многом сочувствовал и симпатизировал Лютеру. Реформация многим была обязана ему за издание Нового Завета на греческом языке. Ни его утонченный вкус, ни его исключительная ученость, ни его любовь к свободе, ни его отвращение к монашескому невежеству не могли удержать его на стороне протестантизма. Это был человек, который нанес римской церкви несколько сильных ударов, когда был в зените славы, а в старости искал прибежища в ограде римской католицизма, оставив науку и свободу.

Обратимся на некоторое время от Лютера к Карлу V, от Виттенберга к Аль-де-чепель. Корону Карла Великого вот-вот оденут на голову молодого императора в присутствии курфюрстов, герцогов, архиепископов, баронов и графов империи, а также посланников папского престола. С этой целью Карл ехал из Испании, посетив по дороге Англию, где задержался на четыре дня с целью укрепления дружбы с Генрихом VIII, и отвлечения его влиятельного и честолюбивого советника, кардинала Уолси, от интересов Французского короля, соблазнив его бриллиантовой наградой папской тиары. Карл был коронован 23 октября в присутствии более многочисленного и блестящего собрания, чем собиралось когда-либо ранее по такому случаю.

После того, как он распростерся на кафедральном полу и произнес молитвы, он был отведен к алтарю, где поклялся хранить католическую веру и защищать церковь. Затем его возвели на трон, отделанный золотом. Во время мессы его голову, грудь, подмышки и ладони помазали елеем. После этого его отвели в ризницу и облачили в одеяние дьякона. После молитв ему вложили в руку обнаженный меч, и он опять обещал защищать церковь и империю. После того, как он вложил меч в ножны, он был облачен в императорскую мантию и получил кольцо, скипетр и сферу. В конце церемонии три архиепископа возложили корону на его голову; коронация была закончена словами архиепископа Майнца о том, что Папа подтверждает произошедшее, и, что это его воля, чтобы Карл V царствовал как император.

Вместе с собранием в Аль-де-Чапель пришел гость, чьего появления не ждали и не желали – чума; как только коронация закончилась, Карл V и его блестящая свита уехали в Кельн. Император был на пути в Вормс, где намеревался провести свой первый сейм. Правители Золотой Буллы хранили эту честь за Нюрнбергом, но из-за чумы, свирепствовавшей в то время в городе, выбрали Вормс. По дороге туда двор остановился в Кельне, и в этом старинном городе на берегу Рейна начались махинации, которые достигли кульминации на сейме в Вормсе.

Папский престол направил двух специальных посланников к императорскому двору, чтобы следить за делом Лютера: Марио Караччеоли и Джироламо Алеандера. Это дело занимало умы Папы и его советников. Они даже на время забыли о турках. До сих пор все их попытки заставить замолчать монаха и остановить движение были тщетны, и даже имели противоположное действие. Тревога в Ватикане была большой. Борцы, посылаемые римской церковью, чтобы заставить Лютера отречься, несли поражение один за другим. Лютер разбил наголову Тетцеля, великого торговца индульгенциями, совершенно сбил с толку Каэтана, самого образованного из их богословов, разгромил Экка, самого способного из всех полемистов. Благовидный Милтиц зря ставил свои ловушки, его обхитрили и одурачили, и, наконец, сам Лев вышел на арену, но не достиг победы, как и другие; с ним обошлись еще более неуважительно, дерзкий монах сжег его буллу перед всем христианским миром. Куда все это приведет? Папский престол уже потерпел большие убытки. Индульгенции не продавались. Десятина, резервация и первинки не платились, святые раки были забыты, к власти ключей и древним регалиям Петра относились с презрением; к каноническому закону, могущественному памятнику мудрости и справедливости понтифика, относились, как к хламу и неуважительно бросали в горящую кучу. Хуже всего, не боялись грома понтифика; молнии, которые сотрясали монархов на тронах, дерзко отсылались назад к громовержцу. Настало время обуздать такую наглость и наказать нечестие.

Два посланника ко двору императора сделали все возможное, чтобы поднять этот вопрос. Из двух лиц самым рьяным был Алеандер, которого мы уже знаем. О нем шла дурная слава за его связь с папским престолом во времена самого бесславного из понтификов, Александра VI; но он обладал большими способностями, интересовался науками, отличался неутомимым трудолюбием и преданностью престолу римской церкви. В то время у нее было всего несколько человек, которые смогли достичь благоприятных результатов в этих трудных и опасных переговорах. Лютер ярко отобразил его способности. «Иврит был его родным языком, греческий он учил с детства, латынь он долго и глубоко изучал. Он был евреем, но не помнил, был ли крещен. Однако он не был фарисеем, так как, конечно, не верил в воскресение из мертвых, и жил так, как будто все погибает с телом. Алчность его была ненасытной, жизнь мерзкой, а гнев иногда доходил до безумия. Почему он пристал к христианам, он не знал, разве только чтобы прославлять Моисея, затмевая Христа».

Алеандер открыл кампанию костром из рукописей Лютера в Кельне. «Какое имеет значение – говорили некоторые люди папскому посланнику – уничтожение написанного на бумаге? Вы должны уничтожить то, что написано на сердцах людей. Там написаны убеждения Лютера. «Верно, – ответил Алеандер, понимая свое время – но мы должны учить с помощью знаков, которые все могут читать». Алеандер, однако, хотел бы привести к костру автора этих книг. Но сначала он должен иметь над ним власть. Курфюрст Саксонский стоял между ним и человеком, которого он хотел уничтожить. Он должен разъединить Фридриха и Лютера. Он должен переманить на свою сторону молодого императора Карла. Последнее не было трудным делом. Рожденный в старой вере, имевший предков, чья слава была тесно сплетена с католицизмом, наставленный Адрианом из Утрехта, этот молодой и честолюбивый монарх, конечно, не позволит презренному монаху встать между ним и великими планами, им задуманными. Лишенный поддержки Фридриха и Карла, Лютер окажется во власти нунция, и тогда костер вскоре заглушит голос, пробуждавший Германию и звучавший по всей Европе. Так рассуждал Алеанлер, но обнаружил, что путь был усеян бо;льшими трудностями, чем он рассчитывал встретить.

У нунция не было недостатка ни в рвении, ни в трудолюбии, ни в находчивости. Сначала он пошел к императору. «Мы сожгли книги Лютера, - сказал он – император дал разрешение на костры, но вся атмосфера полна ереси. Мы нуждаемся ради ее очищения в императорском эдикте против их автора». «Я сначала должен выяснить, - сказал император - что думает об этом наш отец курфюрст Саксонский».

Было ясно, что прежде чем добиться успеха у императора, надо было справиться с курфюрстом. Алеандер выпросил аудиенцию у Фридриха. Курфюрст принял его в

присутствии советников и епископа Трента. Надменный посланник папской курии вел себя крайне высокомерно в присутствии курфюрста. Он отстранил Карачиолли, второго посланника, который пытался завоевать курфюрста лестью, и перешел сразу к делу. Лютер, сказал Алеандер, раскалывает христианское государство; он разрушает империю; тот, кто с ним соединяется, отделяет себя от Христа. Только Фридрих, утверждал он, стоит между Лютером и наказанием, которого он заслуживает; он закончил требованием к курфюрсту наказать Лютера самому или отправить его в Рим.

Курфюрст встретил наглое нападение Алеандера призывом к справедливости. Никто пока, сказал он, не опроверг Лютера; было бы большим позором наказывать человека, который не был осужден; Лютера нужно вызвать на суд благочестивых, образованных и беспристрастных судей.

Это был намек на Сейм, собиравшийся в Вормсе, на открытое слушание дела протестантизма перед благородным собранием. Ничего не было более тревожным для Алеандера, чем это предложение. Ему знакомы были решительность и красноречие Лютера. Его страшило то впечатление, которое произведет на князей появление Лютера на сейме. У него не было намерения схватиться с ним лично, или иметь такого же роды победы, о которых так громко хвастал Экк. Он понимал, насколько популярным стало уже его дело в Германии, и как важно было избегать всего, что могло бы дать ему дополнительную огласку. Во время путешествия, если узнавали, что он против Лютера, ему трудно было найти приличную гостиницу, причем портреты грозного монаха смотрели на него со стен почти каждой спальни, где он спал. Он знал, что произведения Лютера были в любом доме, от замка барона до хижины крестьянина. Разве не было открытым оскорблением его господина Папы, который отлучил Лютера, разрешить ему изложить свое дело перед светским собранием? Разве это не выглядит так, как будто папский указ отменен воинственными баронами, а престол Петра может подчиниться генерал-губернатору Германии? Исходя из всех этих причин, папский нунций решил максимально препятствовать появлению Лютера на сейме.

Теперь Алеандер обратился от курфюрста Саксонского к императору. «Наша надежда на победу – писал он кардиналу Джулио де Медичи – только в императоре». Императора мало интересовало, истинны или ложны взгляды Лютера. Дело представляло интерес только с точки зрения политики. Он просто спрашивал, что будет способствовать его политическим планам: защитить Лютера или сжечь его? Карл, кажется, был самым влиятельным человеком в христианском мире, и, однако, было два человека, с которыми он не мог позволить себе ссориться, курфюрст Саксонский и понтифик. Первому он был обязан императорской короной, так как благодаря влиянию Фридриха на выборную коллегию ее возложили на голову Карла

Австрийского. Эта услуга может быть забыта, так как у монархов короткая память, но Карл не мог обойтись без советов и помощи Фридриха в управлении империей, во главе которой он был поставлен. По этой причине император хотел быть в хороших отношениях с курфюрстом.

С другой стороны Карл не мог себе позволить разорвать с Папой. Он был на грани войны с Франциском I, королем Франции. Этот рыцарственный монарх начал свое царствование с перехода через Альпы и битвы при Маринжнано (1515 г.), которая продолжалась три дня – «громадная битва», как назвал ее маршал Тривулзи. Победа принесла Франциску I славу воина и более существенное приобретение Дучи из Милана. Император Карл подумывал лишить Французского короля его владения и распространить свое влияние в Италии. Итальянский полуостров был лакомым кусочком, из-за которого боролись в те времена монархи, понимая, что обладанием им дает его владельцу преимущество в Европе. Эта давняя борьба между королями Испании и Франции была близка к разрешению. Но Карлу удалось бы сделать это быстрее, если бы Лев из Рима был на его стороне.

Карлу пришло на ум, что монах из Виттенберга был самой подходящей картой в предстоящей игре. Если Папа согласится помощь ему в войне против французского короля, то он отдаст Лютера в его руки, чтобы он делал с ним все, что считает нужным. Но, если Папа откажет ему в помощи и встанет на сторону Франциска, император окажет протекцию монаху и сделает его силой, противостоящей Льву. Так обстояло дело. Между тем, переговоры продолжались с целью выяснить, к чьей стороне примкнет Лев, который боялся обоих монархов, и какова в результате будет судьба реформатора, протекция или осуждение императора.

Так обращались эти великие люди с делом возрождения всего мира. Человек, который был владыкой многих королевств, как в Старом, так и в Новом Свете, хотел бросить в огонь реформатора и вместе с ним движение, ставшее началом нового времени, если ему удастся прибавить Миланское герцогство к своим уже разросшимся владениям. Монах был в их руках, так они думали. Как бы они удивились, если им сказали бы, что они находятся в его руках, для того чтобы использовать их в интересах своего дела; что их короны, армии и политика формировались, двигались, процветали или несли поражение в зависимости от тех духовных сил, в которых участвовал Лютер! Виттенберг был небольшим городом среди многих гордых столиц мира, и, однако, не Мадрид или Париж стали в то время центром человеческих отношений.

Императорский суд выехал в Вормс. Два папских представителя, Караччиоли и Алеандер, следовали за императорским кортежем. Умы других людей были заняты рыцарскими подвигами, балами, честолюбивыми планами; два нунция были поглощены только одним – подавлением религиозного движения; и чтобы

достигнуть этого было необходимо, как они убеждали себя, сжечь Лютера на костре. Карл назначил сейм на 6 января 1521 года. В циркулярных письмах к правителям он указал причины его созыва. Одной из них было назначение регентского совета для управления империей на время его необходимого отсутствия в наследном королевстве Испании; однако, другой более важной причиной его созыва было принятие надлежащих мер контроля за новыми и опасными взглядами, которые сильно взбудоражили Германию и угрожали уничтожить религию их предков.

Сочетание многих интересов, страстей и мотивов собрало в Вормсе на сей раз более многочисленное и блестящее собрание, чем когда-либо на другом сейме со времен Карла Великого. Это был первым сейм для императора. Его молодость и огромные владения, над которыми простирался его скипетр, привлекали к нему пристальный интерес. Возбуждение людских умов, важность обсуждаемых вопросов привлекло на Сейм беспрецедентное число участников. Отовсюду, из самых отдаленных мест съехались важные сановники Германии. По каждой дороге, ведущей в Вормс, ехал непрерывный ряд кавалькад. Курфюрсты со своими дворами, архиепископы со своими капитулами; маркграфы и бароны со своими военными отрядами; посланники из разных городов с эмблемами своих ведомств; группы белого и черного духовенства, в облачении своих орденов; послы иностранных государств – все спешили в Вормс, где более великий, чем Карл, должен был предстать перед ними, и дело, более великое, чем дело империи, должно было представить свои требования их слуху.

Сейм открылся 28 января 1521 года. На нем председательствовал Карл – бледный меланхоличный молодой король, достигший совершенства в верховой езде, но хрупкого телосложения. Он изучал таких авторов, как Тусидид и Макиавелли. Шиве направлял его своими советами, но у него, по-видимому, не сложился пока определенный политический план. «Карл в основном овладел из истории – пишет Мюллер – искусством маскировки, которое он совмещал с талантом управления». Среди окружавшей роскоши, бесконечные дела и задачи постоянно отвлекали его, но ключевым вопросом, интересовавшим всех, был монах из Виттенберга и религиозное движение. Папские нунции день и ночь надоедали ему, чтобы он исполнил папскую буллу против Лютера. Если бы он удовлетворил их настойчивые просьбы и отдал монаха в их руки, то он бы отдалил курфюрста Саксонского и разжег бы большой пожар в Германии, который нельзя было бы погасить любыми силами. Если, с другой стороны, он откажет Алеандеру и оградит Лютера, он тогда очень оскорбит Папу и сделает его сторонником французского короля, который каждый день угрожает ему войной в Нижних странах или Ломбардии, или в обеих сразу.

На поверхности были турниры и развлечения, а под ними – беспокойства и трудности; в залах были пиры, а в кабинете министров – интриги. Колебания императорского ума можно было проследить по противоречивым приказам, которые он постоянно посылал курфюрсту Фридриху. Однажды он написал ему, чтобы он привез Лютера с собой в Вормс, а затем приказал ему оставить Лютера в Виттенберге. Тем временем Фридрих приехал на сейм без Лютера.

Оппозиция, с которой Алеандер встретился, вызвала в нем приток энергии, почти ярости. Он с ужасом наблюдал, как протестантское движение растет с каждым днем, в то время как Римская церковь теряет свои позиции. Схватив перо, он написал возражение кардиналу де Медичи, родственнику Папы, чтобы сказать, что «Германия отделяется от римской церкви»; и, если не пришлют еще денег, чтобы одарить членов сейма, то он может оставить всякую надежду на успех в переговорах. Римская церковь прислушалась к зову ее раба. Но она послала не дукаты, а анафемы. Ее первая булла против Лютера была условной, так как она призывала его покаяться и угрожала ему отлучением, если он в течение шестидесяти дней не сделает этого. Теперь, в новой булле на него налагалось отлучение (6 января 1521 года), и приказывалось оглашать буллу со всеми ужасными обрядами во всех церквях Германии. Эта булла ставила всех последователей Лютера под то же проклятие, как и его самого; таким образом, было закончено отделение протестантизма от римской церкви. Отделение, провозглашенное и запечатанное резкими анафемами, было делом самой римской церкви.

Новый шаг упростил дело, как для Алеандера, так и для Лютера, но более запутал для императора и его советников. Политики не видели пути так ясно, как ранее. Им казалось, что будет умнее, если заглушить движение, но новый запрет заставлял их разжечь его. Это означало, что они потеряют курфюрста, прежде сем приобретут Папу; так как переговоры с двором Ватикана не дали никакого определенного результата. Они должны были действовать осторожно и избегать крайностей.

Обнаружился новый способ, с помощью которого удастся, как думали дипломаты, поймать богословов Виттенберга. При дворе императора был испанский францисканец Хуан Глапио, который являлся исповедником Карла. Он был мягким, внушающим доверие и знающим человеком. Этот человек взялся устроить дело, которое ставило в тупик столько умных голов, и с этой целью он настоял на беседе с Грегором Браком, или Понтанусом, советником курфюрста Саксонского. Потанус был человеком безукоризненной честности, хорошо разбиравшимся в богословских вопросах и достаточно проницательным, чтобы видеть насквозь самых хитрых дипломатов императорского двора. Глапио был членом реформаторской партии в ограде римской церкви, это обстоятельство благоприятствовало той роли, которую он на себя принял. В беседе с советником Фридриха он сделал вид, что очень хорошо

относится к Лютеру; он с восхищением читал его труды и в основном согласен с ним. «Иисус Христос – сказал он, глубоко вздохнув – был свидетелем, что он так же страстно желал реформации церкви, как Лютер или кто-нибудь другой». Он часто говорил о своем радении по отношению к императору, и Карл симпатизировал его взглядам, о чем мир еще узнает.

Из панегирика, посвященного произведениям Лютера, Глапио исключил одно – Вавилонское пленение. Он утверждал, что эта работа не достойна Лютера. Он не нашел в ней ни его стиля, ни его знаний. Лютер должен отречься от нее. Что касается остальных его работ, то он бы предложил представить их на рассмотрение избранной группе образованных и объективных людей, Лютер должен объяснить некоторые вещи и извиниться за другие; и затем Папа по всей полноте власти и доброты восстановит его. Так разрыв будет заживлен, и все кончится хорошо. Такими небольшими уловками умные головы двора Карла надеялись уладить дело. Они только показали, насколько низко они оценили человека, которого надеялись уловить, и поняли движение, которое пытались остановить. Понтанус наблюдал с небольшим презрением, как они раскидывали сети, Лютер слушал об их планах с усмешкой.

Переговоры между императором и двором Ватикана пришли к завершению. Папа согласился стать союзником Карле в будущей войне с королем Франции, а император, в свою очередь, гарантировал угодить Папе в деле с монахом из Виттенберга. Двое должны были объединиться, и связующим звеном между ними должен стать костер. Империя и папство должны были встретиться и пожать друг другу руки над пеплом Лютера. На протяжении двух веков, включая понтификат Григория VII и далее, императорская корона и тиара вели ужасную войну друг с другом за превосходство в христианском мире. В эту эпоху эти двое поделили мир – не было других конкурентов. Но вот, поднялась новая сила; ненависть и ужас, которые оба испытывали к новой силе, сделали старых врагов друзьями. Жребий брошен. Духовное и плотское оружие объединилось, чтобы сокрушить протестантизм.

Император был готов выполнить свою часть соглашения. Трудно было предположить, что может остановить его. За его спиной была огромная сила королевств и армий. Более того, теперь с ним был духовный меч. Если при таком раскладе сил, он не смог бы смести со своего пути назойливого монаха, то это бы было нечто странное и необъяснимое, и вряд ли в истории нашлось что-нибудь подобное.

Было начало февраля. День должен быть посвящен великолепному турниру. Списки уже составлены, императорский шатер установлен, над ним развевалось императорское знамя, принцы и рыцари надевали доспехи, а зрители готовили

награды и призы за подвиги смелости, которыми должна быть украшена мнимая война, когда неожиданно появился императорский посланник с приказом прибыть всем правителям в королевский дворец. Их пригласили принять участие в реальной трагедии. Когда они собрались, император достал и прочитал папское бреве, недавно прибывшее из Рима, предписавшее ему применить императорские санкции к отлучению Лютера, и немедленно исполнить буллу. Их ожидал еще больший сюрприз. Затем император вынул и зачитал собравшимся правителям указ, который он сам составил в соответствие с папским бреве, приказав, чтобы все было исполнено, как желает этого Папа.

Глава 4 - Лютер вызван на сейм в Вормс.

Проверка – Алеандер выступает перед сеймом. – Протестантизм более опасен, чем магометанство. – Результат речи Алеандера – Герцог Георг – Сто одна жалоба – Правители требуют выслушать Лютера. – Император решает вызвать его на сейм. – Охранная грамота – Страстной Четверг в Риме – Булла In Coena Domini – Имя Лютера внесено в нее. – Лютер приходит к полноте знаний. – Прибытие императорского посланника в Виттенберг. – Вызов.

Буря еще не разразилась. Мы видели, как Папа издал буллу об отлучении, мы слышали, как император читал указ, предписывавший плотскому оружию выполнить духовный приговор; казалось, нам осталось несколько дней, прежде чем мы увидим, как реформатора тащат к костру, чтобы сжечь. Но, чтобы это совершилось, не достает одного. Конституция империи требовала, чтобы Карл перед тем как идти дальше, прибавил «если у государств есть лучше вариант, мы готовы выслушать их». Большинство немецких феодалов Лютер мало волновал, но их очень волновали их собственные права; они ненавидели отвратительную тиранию и изнурительное грабительство Рима. Они чувствовали, что освобождение Лютера должно стать самым эффективным средством для того, чтобы сбросить ярмо, натиравшее их шеи. Правители просили дать им время на размышление. Алеандер был в бешенстве; он видел, что жертва уходит из его зубов. Но император с готовностью согласился. «Убедите собрание», – сказал император-политик нетерпеливому нунцию. Было решено, что Алеандер выступит перед сеймом 13 февраля.

Это был важный день для нунция. Собрание было большое, а дело – еще больше. Алеандер должен был представлять интересы римской церкви – верховной власти и правления Петра, матери и госпожи всех церквей – перед собранием правителей христианского мира. У него был дар красноречия, и он мобилизовал все силы ради важности события. По Божественному провидению римская церковь была представлена самым искусным оратором перед одним из самых представительных судов, прежде чем будет осуждена. Речь была записана Палавичино, одним из самых достоверных и красноречивых римских историков.

Речь нунция была более эффектной в тех частях, где он нападал на Лютера, чем в тех, где он защищал папство. Его обвинения против Лютера были стремительны и искусны. Он обвинял его в стремлении к всеобщему краху, в нанесении удара по основам религии отрицанием учения о Евхаристии, в стремлении разрушить основы иерархии, утверждая, что все христиане являются священниками, в стремлении свергнуть гражданский порядок, заявляя, что христианин не обязан подчиняться суду, в попытках низвергнуть основы нравственности учением о нравственной неспособности воли, в смещении мира по ту сторону могилы, отрицая чистилище.

Доля кажущейся истины, содержавшейся в обвинениях, делала их более опасными. «Единодушное решение – сказал оратор в заключение своей речи – этого прославленного собрания просветит простых, предупредит опрометчивых, определит колеблющихся и даст силу слабым…. Но если не положить топора у корней ядовитого дерева, если не нанести смертельного удара, тогда…я вижу, как оно затемнит наследие Иисуса Христа своими ветвями, превратит виноградник Господа в мрачный лес, царство Божие в логовище диких зверей, умалив Германию до государства дикого варварства и разорения, которые принесла миру ложная вера Магомета. «Я бы хотел – добавил он виртуозно – отдать свое тело на сожжение, если чудовище, породившее эту растущую ересь, будет уничтожено на том же костре, и его пепел смешается с моим».

Нунций говорил три часа. Его огненная речь и энергичная манера подачи возбудили страсти сейма; если бы голосование провели в тот момент, то голоса всех участников, кроме одного, были отданы за осуждение Лютера. Однако заседание сейма закончилось, когда оратор сел на место, и победа, которая, как казалось, была в руках римской церкви, ускользнула.

Когда правители собрались в следующий раз, пары, вызванные риторикой Алеандра испарились, и остались лишь голые факты римского вымогательства, глубоко запечатлевшиеся в памяти немецких баронов. Их не сотрет никакое красноречие. Первым выступил перед собранием герцог Саксонский Георг. Его слова имели больший вес из-за того, что он считался врагом Лютера и евангельского учения, хотя и борцом за права родной страны и врагом церковных злоупотреблений. Он бросил беглый взгляд на ужасные следы римской узурпации и продажности в Германии. Десятины были превращены в налоги; бенефиции покупались и продавались; папские разрешения можно было приобрести за деньги; умножились пункты для того, чтобы грабить бедных; палатки по продаже индульгенций появились на каждой улице; прощение зарабатывалось не молитвой или делами милосердия, а платой за грех по рыночной цене. И епитимьи были так хитро построены, что приводили к повторению греха. Штрафы были сделаны непомерными, чтобы увеличить от них доход; аббатства и монастыри были опустошены коммендами и их богатства перевезены через Альпы для обогащения иностранных епископов; гражданские дела рассматривались церковными судами. «Тяжкие мучения несчастных душ» требовали всеобщей реформы, которую мог осуществить только Вселенский Собор. В заключении герцог Геогр настаивал на его созыве.

Чтобы направить мимо себя бурю негодования, которая, как видели архиепископы и аббаты, поднималась на сейме, они переложили основную вину за неоспоримые злоупотребления, огромный перечень которых представил герцог, к

дверям Ватикана. Они намекнули, что у правящего Папы были очень дорогостоящие вкусы и роскошные привычки, что он был склонен тратить церковные деньги не на праведных и образованных людей, а на шутов, сокольничих, конюхов, слуг и других людей, которые служили его прихотям и развлекали его двор. Эта отговорка была фактически обвинением.

Сеймом был назначен комитет для составления списка притеснений, от которых страдала Германия. Этот документ, содержавший сто одну жалобу, был представлен императору на следующем собрании сейма вместе с просьбой, чтобы он в исполнении условий капитуляции, подписанных им при коронации, предпринял шаги по проведению реформации обозначенных злоупотреблений.

Сейм на этом не остановился. Правители потребовали вызова Лютера. Они говорили, что было бы несправедливо осудить его, не зная, был ли он автором преступных книг, и, не услышав, что он скажет в защиту своих взглядов. Император был вынужден уступить, хотя и прикрыл свою уступку под видом сомнения, принадлежали ли книги перу Лютера. Он сказал, что хотел бы быть уверен в этом. Алеандер был поражен неуверенностью императора. Он видел, что основания папства сотрясаются, что тиара дрожит на голове его господина, и что все то зло, о котором он предсказывал в своей грандиозной речи, обрушивалось как разрушительная буря на христианский мир. Но он напрасно боролся с решительностью императора и с еще большей силой стоявшей за ним, из которой родилась эта решительность – чувства немецкого народа. Сейм решил, что Лютер должен быть вызван. У Алеандера осталась единственная надежда, одно смягчающее обстоятельство в этом тревожном деле – Лютеру откажут в охранной грамоте. Но это предложение он, в конечном счете, не смог провести, и 6 марта 1521 года императором был подписан вызов Лютера на сейм в Вормс в течение двадцати одного дня. К официальному вызову в суд прилагалась охранная грамота, адресованная «уважаемому, любимому и благочестивому доктору Мартину Лютеру из ордена августинцев», и приказывавшая всем князьям, вельможам, судам и прочим соблюдать эту охранную грамоту под страхом впасть в немилость императора и империи. Гаспарду Штурму, императорскому глашатаю, было поручено отвести эти документы Лютеру и сопровождать его в Вормс.

Указ был издан. Он выражал волю и намерение Того, Кто был выше Карла. Лютер должен был свидетельствовать об Евангелие не на костре, а на высочайшей из сцен, которую мог предоставить мир. Властитель многих королевств и государь многих провинций должен был приехать в Вормс, терпеливо ждать и покорно выслушать то, что скажет им сын рудокопа. Пока императорский глашатай находится в пути, чтобы доставить им человека, которого они ждут, давайте на мгновение посмотрим, что происходит на противоположном полюсе христианского мира.

Как бы далеко не отстояли друг от друга Рим и Виттенберг, между ними есть связующее звено. Невидимая сила управляет событиями в обоих местах, заставляя их развиваться равномерно. Какая удивительная гармония при антагонизме! Сначала обратимся к Риму. Страстной Четверг. На балконе главного собора, украшенного для одной из самых значительных церемоний церкви, сидит Папа. Вокруг него стоят служащие ему священники, держащие в руках зажженные факелы, а под ним склонив колени, с непокрытыми головами, в молчании стоят римляне, собравшиеся на огромной площади. По традиции перед праздником Пасхи Лев зачитывает чудовищную буллу In Cocna Domini.

Это – очень старая булла. Она претерпела во время предыдущих понтификатов различные изменения и добавления с целью сделать ее содержание понятнее, а отлучение более впечатляющим. Она была прозвана «киркой отлучения». По традиции она ежегодно провозглашалась в Риме в четверг перед Пасхальным воскресеньем, поэтому ее называли «тельцом трапезы Господней». Звонили колокола, стреляли пушки собора св.Анджело, толпы священников вокруг балкона Папы размахивали зажженными свечами, затем внезапно гасили их; короче, не пропустили ни одного обряда, который способствовал нагнетанию обстановки при оглашении буллы – конечно, излишняя работа, когда мы думаем, что более страшных проклятий не звучало с этого балкона, с которого гремело так много вердиктов об отлучении. Люди любого сословия, статуса или национальности, не подчиняющиеся папскому престолу, полностью и окончательно подвергаются проклятию буллой In Coena Domini. Особенно подвергаются проклятию еретики. «Мы проклинаем – говорил Папа - всех еретиков: катаров, патаринов, бедняков из Лиона, арнольдистов, сперонистов, уиклиффистов, гусситов, фратричелов»; - «потому, что – произнес Лютер ремарку «в сторону» - они хотели иметь Священное Писание, и требовали от Папы быть здравомыслящим и проповедовать Слово Божие». «Когда свод правил об отлучении – пишет Слейдан – попал в руки Лютера, он отдал его в High Dutch, окропив его несколькими очень остроумными и сатирическими замечаниями».

В этом году новое имя было включено в это проклятие, и ему отводилось заметное место. Это было имя Мартина Лютера. Римская церковь, таким образом, присоединила его к свидетелям истины, которые в предыдущие века пали под ее анафемой, и многие из которых погибли на ее кострах. Выбросив его безвозвратно из своей ограды, она соединила его с духовной, святой и вселенской церковью.

В тот же самый момент, когда римская церковь выполняет и завершает свое дело, Лютер выполняет и завершает свое. Сейчас Лютер достигает высшей точки богословского и церковного прогресса. Шаг за шагом все эти годы он двигался вперед, добавляя одну доктрину за другой к арсеналу приобретенных знаний, и в то

же время, с тем же успехом он отбрасывал одно заблуждение католицизма за другим. Свет вокруг него становился все ярче и ярче, и он достиг зенита дня. В келье он чувствовал, что пал окончательно, и не имеет сил для спасения. Это был его первый урок. Затем ему открылось учение о спасении по благодати. Когда он стоял, окруженный темнотой отчаяния, вызванного смешанным чувством полного падения и полного бессилия, это учение осветило его со страниц Писания. Это откровение было для него подобно открытию райских врат. После этих ранних этапов он вскоре пришел к пониманию всей системы реформации - природы и цели послушания и смерти Христа; служения и работы Святого Духа; освящения людей посредством Слова; отношения благих дел к вере; природы и назначения Евхаристии; образующего принципа церкви, даже веры в истину и соединения с Христом. Это последнее откровение вместе с другим великим принципом, знание о котором он приобрел раньше, а именно непогрешимость авторитета Писания, полностью освободили его от рабства, которое угнетало его еще на ранних этапах пути, от страха перед римской церковью, как церковью Христа, и послушания понтифику, которое он считал необходимым, как послушание главе церкви. Последние оковы пали. Он стоял прямо в присутствии власти, перед которой склонялся почти весь христианский мир. Изучение посланий апостола Павла и Откровения, и сравнение их обоих с историей привели Лютера в то время к глубокому и твердому убеждению, что римская церковь в ее нынешнем состоянии была предсказанной «апостасией», а правление Папы властью антихриста. Именно это разрушило заклятие римской церкви и лишило проклятие остроты. Это было чудесное обучение, и не последним чудом в этом было точное совпадение во времени созревание взглядов Лютера и переломного момента его пути. Вызов на сейм в Вормс застал его в зените и полноте знаний.

Императорский глашатай Гаспард Штурм приехал в Виттенберг 24 марта и вручил Лютеру вызов императора на сейм в Вормс.

Глава 5 - Путешествие Лютера и прибытие в Вормс.

Решение Лютера – Тревога в Германии – Реформатор выезжает. – Прием в Лейпциге – Эрфурт – Проповеди – Эйзенах – Болезнь – Плохие предзнаменования – Мужество Лютера – Будут ли исполнять охранную грамоту? – Опасения друзей – Они советуют ему не ехать. – Его ответ – Въезжает в Вормс. – Народ на улицах – Зловещий спектакль – Правители столпились в его комнате. – Ночь и сон.

«Приедет ли он?», спрашивали участники сейма один за другим, когда решили вызвать Лютера. Единственным человеком, который не сомневался ни минуту на этот счет, был сам Лютер. В вызове, который был у него в руках, он видел волю Того, Кто был выше императора, и немедленно повиновался. Он знал, что в собрании, перед которым ему предстояло предстать, был один человек, на которого он мог полностью положиться, курфюрст Фридрих. Его охранная грамота могла быть нарушена, как это было с Яном Гусом. Идя в Вормс, он, возможно, шел на костер. Он знал, что его противники жаждали его крови, но он, ни на минуту, не поддался страху и не отказался от своего решения ехать в Вормс. Там он сможет свидетельствовать об истине, все остальное его не интересовало. «Не бойся, - писал он Салатину, секретарю курфюрста – я не отрекусь ни от одного слова. С помощью Христа я никогда не брошу Слово на поле битвы». «Меня вызвали, – говорил он своим друзьям, когда они выражали свои опасения – издали приказ и директивы, чтобы я явился в этот город. Я не откажусь от своего мнения и не убегу. Я поеду в Вормс, несмотря на все врата ада и князя, господствующего в воздухе».

Новость о том, что Лютера вызвали на сейм в Вормс, быстро распространилась по всей Германии; и там, куда она приходила, она вызывала смешенное чувство благодарности и тревоги. Немцы были рады, что дело их страны и их церкви приняло такие размеры, и потребовало рассмотрения и обсуждения на таком благородном собрании. В то же время они содрогались при мысли о судьбе человека, который был, в сущности, представителем народа, и во многом самым искусным борцом за политические и религиозные права. Если бы Лютер был принесен в жертву, ничего бы не могло компенсировать его потерю, и движение, которое обещало им принести избавление от иностранного ига, становившееся с каждым годом все невыносимее, было бы отброшено назад на неопределенный период. Поэтому многие глаза и сердца во всех уголках Германии следили за путешествием монаха в Вормс.

Подготовка к отъезду закончилась 2 апреля. Он ехал не один. Три самых близких друга, представители университета, сопровождали его. Это был отважный Амсдорфф, Шурфф, профессор юриспруденции, скромный в такой степени, как Амсдорфф был отважен, но не испугавшийся опасностей путешествия и молодой Сьюавен, датский вельможа, который имел честь, как представитель студентов, сопровождать своего учителя.

Расставание Лютера и Меланхтона было очень трогательным. Молодой ученый обрел в Лютере свою страну, друзей и все остальное. Теперь он почти терял его. Он очень хотел поехать с ним, даже пойти на мученическую смерть. Он умолял напрасно; так как, если бы Лютер погиб, кто бы заменил его и продолжал его работу? Горожане, также как профессора и молодежь университета, были взволнованы. Они высыпали на улицы, чтобы быть свидетелями отъезда их великого горожанина. Лютер вышел за ворота мимо плачущих горожан и направил свой путь по огромной равнине, окружавшей Виттенберг.

Императорский глашатай со знаками отличия на одежде и с императорским орлом, показывая этим, под чьей охраной они путешествуют, первым ехал верхом; за ним ехал его слуга, и замыкала небольшую кавалькаду скромная повозка с Лютером и его друзьями. Это транспортное средство было предоставлено городским магистратом Виттенберга за свой счет, и для удобства путешествующих было оборудовано тентом, чтобы закрыть их от солнца и дождя.

Повсюду, где они проезжали, толпы людей ждали прибытия путешественников. Жители деревень выходили, чтобы увидеть и приветствовать смелого монаха. У ворот тех городов, где узнавали о том, что Лютер будет останавливаться, его приезда ждали процессии во главе с бургомистрами. Из общего радушия были, однако, исключения. В Лейпциге реформатору дали традиционную чашу вина и сказали: «Иди дальше». Но, в основном, население было тронуто героизмом этого путешествия. В Лютере они видели человека, который предлагал себя на алтарь за свою страну, и когда они видели, как он проходил, они вздыхали о нем, как о том, кто никогда не вернется. Его путь был усыпан намеками и предупреждениями о грядущей судьбе, частично страхами робких друзей, частично угрозами врагов, которые всеми средствами пытались прервать его путешествие и предотвратить его появление на сейме.

Его въезд в Эрфурт, город, где он пришел к познанию истины, и на улицах которого он монахом просил милостыню, был больше похож на возвращение воина с победной битвы, чем на въезд скромного богослова, едущего отвечать на обвинение в ереси. Как только его башни открылись взору Лютера, многочисленная кавалькада, состоявшая из членов сената, университета и двух тысяч горожан, встретила и проводила его до города. Его провели по улицам, усыпанным зрителями, до старинного здания, неразрывно связанного с его жизнью, монастыря августинцев. В воскресенье после Пасхи он вошел в большую церковь, двери которой он, будучи монахом, должен был открывать, и полы которой должен был подметать; с ее кафедры он проповедовал народу со словами, подходившими к этому времени: «Мир вам» (Иоанн.20:19). Давайте процитируем отрывок из его проповеди. О сейме, об императоре, о себе – ни слова, от начала до конца – речь о Христе и спасении.

«Философы, богословы и писатели – говорил проповедник – старались учить людей, как обрести вечную жизнь, но они не достигли успеха. Теперь я скажу вам об этом.

Есть два вида дел – дела, которые не наши, - благие дела, наши же дела почти ничего не стоят. Один человек строит церковь, другой идет в паломничество к св.Якову в Компостеллу, или к св.Петру; третий постится, одевает монашескую сутану и ходит босиком; еще один делает что-нибудь другое. Все эти дела – ничто, бесполезны, так как в наших делах нет добродетели. Но я сейчас скажу вам, какое дело является истинно благим. Бог воскресил одного Человека из мертвых, Господа Иисуса Христа, чтобы Он уничтожил смерть, искупил грех и закрыл двери ада. Это – дело спасения.

Христос победил! Это – радостная весть! Мы спасены Им, это не от наших дел…Наш Господь Иисус Христос сказал: «Мир вам! Посмотрите на мои руки – иначе можно сказать: Посмотри, о, человек, это – Я, Я один взял твои грехи и искупил тебя, и теперь у тебя есть мир, говорит Господь».

Такова была Божья мудрость, которой Лютер делился с жителями Эрфурта. В этом городе он узнал об этом, и словами сотника он может сказать о своей свободе: «За большие деньги я приобрел это знание», которое я сейчас даром даю вам.

Проезжая по земле, каждая пядь которой была знакома ему с детства, он вскоре приехал в Айзенах, город доброй «Шуламит». Он навеял много воспоминаний. Над ним возвышался Вартбург, где реформатору пришлось начать второй этап своего пути, хотя пока это было сокрыто. На каждом шагу его мужество подвергалось испытанию. Чем ближе он подъезжал к Вормсу, тем громче становились угрозы врагов и сильнее опасение друзей. «Они сожгут тебя, а тело превратят в пепел, как они сделали с Яном Гусом», сказал один из них. Его ответ был ответом героя, но облеченный в поэтическую форму. «Если бы они зажигали костры по всей дороге от Виттерберга до Вормса, пламя которых достигало небес, я бы прошел сквозь него во имя Господа, предстал бы перед ними, вошел бы в пасть левиафана, и оттуда бы исповедовал Господа Иисуса Христа».

Всю дорогу от Эйзенаха до Франкфурта-на-Майне Лютер страдал от недомогания. Однако это не повлияло на состояние духа. Если он выздоровеет, то хорошо, если нет, то путешествие все равно будет продолжено, его повезут в Вормс на носилках. Он не думал о том, что может ждать его в конце поездки. Он знал, что Тот, Кто сохранил жизнь трем евреям в печи, жив. Если будет на то Его благоволение, он возвратиться из Вормса живой, несмотря на ярость врагов; но если его ждал там костер, он радовался при мысли, что истина не погибнет вместе с его пеплом. Он отдавал в руки Бога, как лучше ему служить Евангелию, смертью или

жизнью; только ему не хотелось, чтобы молодой император начинал царствование с пролития крови; если ему суждено умереть, то пусть это будет от руки римлян.

Римские церковники надеялись, что монах не посмеет вступить за ворота Вормса. Им сказали, что он в пути, но они не отчаивались повернуть его назад интригами и угрозами. Они мало знали человека, которого хотели напугать. К их ужасу Лютер непреклонно был направлен в сторону Вормса и был почти у его стен. Его шаги, приближавшиеся с каждым часом, звучали как погребальный звон для их власти и ужасали их больше, чем приближение огромной армии.

В Вормсе начали распространяться слухи, что сейм не обязан подчиняться охранной грамоте еретика. Этот слух, дошедший до друзей Лютера, вызвал у них большую тревогу. Неужели повториться предательство Констанца? Даже курфюрст разделял общую тревогу; так как Салатин послал Лютеру, который был недалеко от города, сказать, чтобы тот не входил в него. Пристально смотря на посланника, Лютер ответил: «Пойди и скажи своему господину, что если в Вормсе столько бесов, сколько черепиц на крышах, я все равно войду туда». Это был самый тяжелый выпад со стороны одного из самых преданных друзей, но он преодолел его, как и все предыдущие, и спокойно завершил свое путешествие.

Было десять часов утра 16 апреля, когда шпили Вормса встали между ним и горизонтом. Лютер, пишет Аудин, сидя в своей повозке, начал петь гимн, сочиненный им в Оппенхайме два дня назад «Бог – наша крепость». Дозорный на башне собора, увидев издалека приближение кавалькады, затрубил в горн. Горожане обедали, так как был полдень, но услышав сигнал, они бросились на улицу, и всего через несколько минут князья, знать, горожане и люди всех национальностей и сословий, образовав толпу, пришли посмотреть на въезд монаха. Ни друзья, ни враги до конца не верили, что он приедет. Однако Лютер был в Вормсе.

Кавалькаде въехала в том же порядке, в каком покинула Виттенберг. Глашатай ехал первым, с трудом прокладывая путь сквозь переполненные улицы для повозки, в которой под тентом сидел Лютер в монашеской одежде со следами недавней болезни на лице, но с глубоким спокойствием в глазах; этот взгляд так не нравился кардиналу Каэтану в Аугсбурге.

Дурные предсказания, которые преследовали монаха на всем пути его путешествия, возобновились за стенами Вормса. Пробившись сквозь толпу, подошел человек в странном одеянии с большим крестом, таким, как несут перед покойником по дороге на кладбище, и запел в таком же скорбном тоне, каким поют заупокойную молитву, этот реквием:

«Вот, ты пришел, наш долгожданный,

Мы так ждали тебя в могильной тьме».

Те, кто организовали этот зловещий спектакль, возможно, сделали это ради черного юмора или чтобы посмеяться над человеком, который выходил один на борьбу с духовной и светской властью; или это была последняя попытка подавить дух, который не смогли испугать прежние средства и угрозы. Какой бы ни был конец, мы узнаем в этом странном эпизоде наиболее подходящую и, несомненно, непредвзятую картину состояния и чаяний христианского мира того времени. Разве народы не ждали во тьме, которая была подобна могильной, пришествия освободителя? Разве о таком освободителе не было предсказано? Разве не предвидел Гус дня Лютера за век до этого, и не сказал плачущим вокруг его костра, как говорили патриархи на смертном одре: «Я умираю, но Бог обязательно посетит вас»? Сто лет прошло, и освободитель пришел. Он пришел в скромной одежде: монашеской сутане с капюшоном. Он явился многим его времени, как явился Великий «корнем из сухой земли». Люди спрашивали, как может бедный презренный монах спасти их? Но он принес с собой то, что превосходит меч императора – Слово, Свет; и от этого Света бежала тьма. Люди открыли глаза и увидели, что оковы, которыми были невежество и суеверие, пали. Они были свободны.

Напиравшая толпа вскоре оттеснила владельца черного креста и заглушила его мрачный напев криками приветствия тому, кто вопреки ожиданиям, наконец, вошел в их ворота. Повозка Лютера могла двигаться лишь очень медленно, так как столпотворение на улицах было больше, чем когда император въезжал несколькими днями ранее. Процессия остановилась у гостиницы «Рыцари Родеса», удобно расположенной рядом со зданием сейма. «При выходе из экипажа – пишет Павличинно – он храбро сказал: «Бог будет за меня!» это раскрывает секрет смелости Лютера.

После недавней болезни и путешествия, продолжавшегося четырнадцать дней, Лютер нуждался в отдыхе. О грядущем дне тоже надо было подумать; прошедший день был насыщен событиями, а предстоящий будет еще более насыщен ими. Но желание видеть монаха было слишком велико, чтобы дать ему даже час отдыха. Как только он расположился, князья, герцоги, графы, епископы, люди всех сословий, друзья и недруги осадили гостиницу и толпились в его апартаментах. Когда одна смена посетителей уходила, другая ждала приема. Среди этой блестящей толпы Лютер держался уверенно. Он выслушивал и отвечал на их вопросы спокойно и мудро. Даже его враги не могли сдержать восхищение при виде достоинства, с которым он держался. Где сын рудокопа приобрел те манеры, которым могли бы позавидовать короли, и то мужество, которому герои пытаются тщетно подражать? И где он мог научиться той мудрости, которая покорила, скажут одни, просветила,

скажут другие, многие тысячи соотечественников, и которой ни один из римских богословов не мог противостать? Как для друзей, так и для недругов он был загадкой. Одни уважали его, пишет Паллавиено, как одаренного человека, другие смотрели на него, как на злое чудовище; одни считали его почти святым, другие думали, что он одержим бесом.

Толпа посетителей таких разных по положению и настроениям продолжала осаждать Лютера до поздней ночи. Наконец они ушли, и реформатор остался один. Он улегся на постель, но не мог заснуть. События дня возбудили его, и он не мог успокоиться. Он взял флейту; спел куплет любимого гимна, подошел к окну и открыл его. Под ним были крыши спящего города; за его стенами можно было сквозь мглу увидеть очертания большой равнины, по которой Рейн нес свои воды; над ним был величественный, бездонный и молчаливый небосвод. Он поднял к нему свой взор, как он обычно делал, когда мысли беспокоили его. Звезды совершали свой ход высоко над земной суетой, однако значительно выше престола Царя, который был выше того монарха, перед которым он должен был предстать назавтра. Когда он так смотрел, то чувствовал, как возвышенное чувство наполняло его душу, и приносило с собой ощущения покоя. Отвернувшись от окна, он сказал: «Спокойно ложусь я и сплю, ибо Ты, Господи, Один даешь мне жить в безопасности».

Глава 6 - Лютер перед сеймом в Вормсе.

Вызов Лютеру – Доставлен на сейм. – Наро. – Слова одобрения – Блеск сейма – Значение выступления Лютера на нем – Канцлер Эккус – Лютера спрашивают о его книгах. – Признает их авторство. – Спрашивают об отречении от своих взглядов. – Просит дать ему время. – Дан один день отсрочки.- Первые впечатления Карла о Лютере – Утро 18 апреля – Борьба Лютера – Его слабость – Сила не его собственная – Второе выступление на сейме – Речь – Повторяет на латыни. – Не отрекается. – Удивление на сейме – Две великие силы

На следующее утро – среду 17 апреля – в восемь часов потомственный Маршал Империи, Ульрих фон Паппенхайм, вызвал Лютера в четыре часа дня явиться перед Его Императорским Высочеством и государствами империи. Важный переломный момент не только в жизни Лютера, но также и в истории реформации, которую он недавно открыл, быстро приближался, и реформатор готов был встретить его со всей серьезностью, которая отличала его глубоко верующую натуру. Он провел все утро в комнате в основном в молитве. За дверями были слышны его мольбы и стенания. От коленопреклонения перед троном Вечного Бога, на которого он возложил исход борьбы, он поднялся, чтобы предстать перед троном Карла.

В четыре часа маршал империи в сопровождении глашатая вернулся, и Лютер отправился с ними на сейм. Но нелегко было добраться до ратуши, где собрались князья. Толпа на улицах была больше, чем вчера. В каждом окне были люди, на каждой крыше были зрители, многие из которых выражали огромный энтузиазм при виде Лютера. Маршал, выполнявший поручение, смог лишь немного продвинуться вперед, когда понял, что им не пройти дальше из-за множества народа. Он вошел в частный дом, вышел через заднюю дверь, провел Лютера через сады гостиницы «Рыцари Родоса» и привел его к ратуше. Люди бежали по переулкам, взбирались на крыши, чтобы увидеть, как монах идет на встречу с Карлом.

Когда они подошли к ратуше, то нашли около ее входа еще бо;льшую толпу. Солдатам пришлось прокладывать путь силой. В вестибюле и передней части зала каждый сантиметр площади, каждый уголок и подоконник были заняты придворными и их знакомыми числом не менее 5 000 человек – немцев, итальянцев, испанцев и других национальностей.

Когда они пробирались сквозь толпу и были близко от дверей, через которые они будут введены на сейм, на плечо Лютера легла чья-то рука. Это был бывалый воин Геогр Фройндсберг, чье имя было синонимом отваги для соотечественников. Он был во многих тяжелых боях, но никогда, как он чувствовал, не был в таком тяжелом бою, в который предстояло вступить человеку, на чье плечо он положил руку. «Мой монах, мой добрый монах – сказал солдат – ты сейчас встретишься с бо;льшей

опасностью, чем кто-нибудь из нас встречался в самом кровавом бою; но если ты прав и уверен в себе, иди, и Бог будет сражаться за тебя». Едва эти слова были произнесены, как двери открылись, Лютер вошел в них и предстал перед высоким собранием.

Первые слова, достигшие его слуха после того, как он вошел на сейм, были одобряющими, их прошептал кто-то, когда он пробирался к трону Карла через толпу вельмож: «Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите»; а другие голоса говорили: «Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать». Таковы были и его чаяния, когда он выходил из дверей гостиницы. Бог был с ним, так как это был Его голос.

Внезапный переход от шумной толпы к спокойной возвышенной атмосфере сейма произвел на него большое впечатление. На мгновение он показался испуганным и смущенным. Он почувствовал, что взоры обращены на него; даже император пристально его разглядывал. Но волнение реформатора вскоре улеглось, и вернулись спокойствие и самообладание. Лютер прошел вперед, пока не остановился перед троном Карла.

«Никогда еще – пишет Д'Обинье – не являлся человек перед таким грандиозным собранием. Император Карл V, чье владычество простиралось на огромную часть старого и нового света; его брат, эрцгерцог Фердинанд; шесть курфюрстов империи, чьи потомки в основном носят сейчас королевские короны; двадцать четыре герцога, большинство из которых были независимыми правителями своих более или менее обширных владений, и среди которых были имена впоследствии страшные для реформации; герцог Альба и его два сына, шесть маркграфов; тридцать архиепископов, епископов и аббатов; семь послов, включая послов от королей Франции и Англии; посланники десяти вольных городов; большое число правителей, графов и суверенных баронов; папские нунции – всего было двести четыре человека: перед таким грандиозным судом предстал Лютер.

Его появление само по себе было впечатляющей победой над папством. Папа осудил человека, стоявшего теперь перед судом, который этим актом, ставил себя над Папой. Папа наложил на него интердикт, тем самым отрезав его от общества, и, однако, его вызвали, обратившись к нему уважительно, и приняли перед самым высоким в мире собранием. Папа осудил его на молчание, а теперь он собирается выступить перед тысячами внимательных слушателей, приехавших из самых отдаленных областей христианского мира. Через Лютера совершалась грандиозная революция. Римская церковь уже спускалась со своего трона, и именно голос монаха был причиной этого унижения.

Давайте поближе посмотрим на сцену, которая открылась взору Лютера. Главным в собрании духовных и светских властей христианского мира восседал император. На нем была испанская одежда, единственным украшением было обычное страусиное перо и ожерелье из жемчугов на груди, которые были символом Золотого Руна. Ступенькой ниже императорского помоста сидел на кресле его брат эрцгерцог Фердинанд. Справа и слева от трона располагались шесть курфюрстов, трое церковных справа от императора, и трое светских слева. У его ног сидели два папских нунция, с одной стороны Карачиолли, с другой – Алеандер. Перед императором на полу находился стол, за которым сидели два писаря и д-р Эккиус, который задавал Лютеру вопросы. Его не надо путать с д-ром Экком, с кем реформатор вел диспут в Лейпциге. За столом по направлению к стене стояли ряды скамей, на которых сидели участники сейма, князья, графы, архиепископы, епископы, представители городов и послы иностранных государств. Повсюду в разных уголках зала стояли стражники в блестящих доспехах и с алебардами.

Солнце садилось. Его лучи, лившиеся сквозь окна и освещавшие все внутри густым мягким светом, придавали обстановке еще большее великолепие. Они отчетливо оттеняли национальные одежды и разноцветные облачения участников сейма. Желтый шелк одежды императора, бархат и горностай курфюрстов, красная шапочка и алая мантия кардинала, фиолетовая риза епископа, богатый камзол рыцаря с кокардами звания и отваги, более темный наряд городских депутатов, сверкавшая сталь воина – все выглядело в лучшем свете в потоке, нисходившем от небесного светила. Посреди этой обстановки, которую можно было назвать веселой, если бы не ее особая торжественность, стоял Лютер в своем монашеском одеянии.

Иоганн Экк или Эккиус, канцлер архиепископа Трира и спикер сейма, поднялся в глубоком молчании, и громким голосом повторил сначала на латыни, потом по-немецки следующие слова: «Мартин Лютер, Его святое и непобедимое Величество призвал тебя к своему трону по совету государств святой римской империи ответить на два вопроса. Во-первых, признаешь ли ты, что эти книги - он указал на стопку книг на столе – были написаны тобой? Во-вторых, готов ли ты отказаться и отречься от взглядов, изложенных в них?»

Лютер собирался признать авторство книг, когда его друг юрист Шурф поспешно вставил. Он сказал: «Пусть будут зачитаны названия книг».

Канцлер Экк подошел к столу и прочитал одно за другим названия всех книг – всего около двадцати.

После этого Лютер начал говорить. Он держался достойно и говорил низким голосом. Некоторые участники сейма думали, что голос немного дрожал; и они очень надеялись, что отречение уже близко.

Первое обвинение он открыто признал. «Милостивый император и милостивые правители и господа, - сказал он – книги, которые вы сейчас назвали – мои. Что до второго вопроса, как я понимаю, касающегося спасения души, и с которым связано Слово Божие, выше которого нет ничего на небе и на земле, я бы поступил опрометчиво, если бы ответил без размышления. Я прошу Ваше императорское величие со всем смирением дать мне время, чтобы я мог дать ответ, не согрешая против Слова Божьего».

Ничего не могло быть мудрее и более подходящего при данных обстоятельствах. Однако просьба об отсрочке была истолкована по-другому папскими участниками сейма. Он оттягивает свое поражение, говорили они, он отречется. Он играл в еретика в Виттенберге, и сыграет роль кающегося в Вормсе. Если бы они лучше понимали характер Лютера, они бы сделали противоположный вывод. Эта пауза была действием человека, чье сознание глубоко сформировалось, который знал, насколько непоколебимым и твердым было его решение, и поэтому не торопился заявить о нем, но с удивительным самообладанием мог ждать какое-то время. Он хотел сделать заявление в такой форме и при таких обстоятельствах, чтобы чувствовалась вся полнота его силы, и всем бы стало ясно, что оно окончательно.

Сейм посовещался. Монаху был дан один день отсрочки. Завтра в то же время он должен явиться перед императором и собравшимися сословиями и дать окончательный ответ. Лютер поклонился, и тотчас рядом с ним оказался глашатай, чтобы проводить его до гостиницы.

Император не отводил глаз от Лютера все время, когда он стоял в его присутствии. Его изможденное тело, его худоба, следы недавней болезни, и как объективно писал Паллавичино, «величественность его выступления и простота поведения и одежды», которые контрастировали с театральными манерами и напыщенными речами итальянцев и испанцев, произвели на молодого императора неблагоприятное впечатление, и привели к уничижительному мнению о реформаторе. «Конечно, - сказал Карл, повернувшись к одному из придворных, когда закончился сейм – конечно, этот монах никогда не сделает из меня еретика».

Едва забрезжил рассвет 18 апреля (1521 г.), как две стороны стали готовиться к исполнению своих ролей, которые им предстояло сыграть в судебном процессе, предопределенным оказать огромное влияние на последующие времена. Папская фракция во главе с Алеандером собралась в столь ранний час, чтобы сообща принять меры. Такая бессонная деятельность велась не только одной стороной. Лютер тоже «предварил рассвет и вопиял».

Мы сделаем большую ошибку, если допустим, что железная крепость нервов и огромная неустрашимость духа поддерживали Лютера и вели его через эти ужасные

обстоятельства; и мы сделает не меньшую ошибку, если предположим, что он прошел через них, не испытав душевных мук. То служение, которое ему было предназначено исполнить, требовало крепких нервов, высоко эмоционального, а также глубоко мыслящего характера в совокупности с самым истинным сочувствием и самой тонкой чуткостью. Но такой характер может подвергать его обладателя, в определенной степени, приступам мучительного беспокойства и мрачных предчувствий. Были моменты, когда Лютер давал волю этим настроениям. Они не сокрушили его благодаря воздействию, которое было выше его природных качеств, оно наполняло его душу и поддерживало, пока кризис не прошел. Милосердный, милостивый и всемогущий Дух Божий сходил на него, изливал божественный покой и крепость на его ум, но Он так мягко и тихо проникал и работал с его природными способностями, что Лютер ощущал это внутреннее влияние только тогда, когда чувствовал, что – как прекрасно выразился Меланхтон – «он был больше себя». Он ощущал это, когда временами внезапно уходила эта удерживающая сила. Тогда опять он был самим собой, слабым, как другие люди; и трудности тесно окружали его, и опасности сразу же появлялись, как исполины, на его пути, угрожая уничтожить его. Так случилось с ним и в то утро знаменательного дня. Ему казалось, что он оставлен. Ужас огромной темноты наполнил его душу, он приехал в Вормс, чтобы погибнуть.

Не мысль об осуждении и о костре потрясла реформатора в то утро, когда он должен был предстать во второй раз перед императорским сеймом. Это было нечто более ужасное, чем умереть, умереть сотни раз. Наступил переломный момент, и он чувствовал себя неспособным встретить его. Удерживающая сила, которая укрепляла его по дороге туда, и которая делала часто повторяющиеся угрозы врагов и мрачные предчувствия друзей неспособными сдвинуть его, как морские брызги не могут опрокинуть скалу, ушла. Что делать? Он видит, что катастрофа приближается; он поколеблется перед сеймом; он погубит свое дело; он разобьет надежды будущих веков; враги Христа и Евангелия будут торжествовать.

Давайте подойдем поближе к двери его молитвенной комнаты и услышим его стенания и вопли! Они раскроют нам его глубокие душевные муки.

Он уже давно пребывает в молитве. Его мольбы уже подходят к концу. «О, Боже, мой Боже, слышишь ли Ты меня?... Мой Боже, Ты умер?.. Нет! Ты не можешь умереть. Ты скрываешь Себя. Ты избрал меня для этой работы, я это знаю!... Тогда соверши работу, о, Боже!... Встань рядом со мной ради возлюбленного Иисуса Христа, который является моей защитой, моим щитом, моей крепостью».

Потом наступило молчание. Снова мы слышим его голос. Слышна его борьба.

«Господи, где пребываешь Ты?... О, мой Боже, где Ты? Приди, приди! Я готов… Я готов положить свою жизнь за истину…как кроткий агнец. Так как это дело правды, оно – Твое. Я никогда не отойду от Тебя, ни здесь, ни в вечности… И хотя весь мир наполнится бесами, хотя тело мое, которое есть творение рук Твоих, будет убито, растянуто на колесе,… разрезано на куски,… превращено в пепел,… моя душа – Твоя.… Да! Твое Слово – гарантия этому. Моя душа принадлежит Тебе! Она вечно будет обитать с Тобой!...Аминь… О, Боже, помоги мне… Аминь!»

Это – один из торжественных моментов истории, когда видимое соприкасается с невидимым, когда земля и небо встречаются, когда человек-деятель внизу и Великий Деятель наверху появляются рядом на сцене. Такие моменты в истории редки, они случаются через большие промежутки времени, но все же случаются. Покрывало открыто, рука протянута, свет пробивается из мира, отделенного от того, где находятся земные деятели, хотя лежащим недалеко от него. И тот, кто читает историю, в такие моменты чувствует, что приближается к подножью Вечного Престола и идет по таинственной и святой земле.

Лютер поднимается с колен и по спокойному состоянию души он чувствует, что получил ответ на свою молитву. Он садится, чтобы привести мысли в порядок, составить в общих чертах свою защиту и найти в подтверждение места из Священного Писания. Когда работа была закончена, он положил левую руку на священную книгу, которая лежала открытой на столе перед ним, и, подняв правую руку к небесам, поклялся оставаться верным Евангелию, исповедовать его, даже если придется запечатлеть исповедование кровью. После этого реформатор испытал глубокий покой.

В четыре часа пришел главный маршал с глашатаем. По запруженным улицам (так как волнение нарастало с каждым часом) реформатора провели к ратуше. Когда они пришли во внешний двор, то обнаружили, что сейм совещался. Никто не мог сказать, когда Лютера пригласят. Прошел час, другой; реформатор все еще стоял посреди шума и ропота толпы. Такая долгая задержка, при таких обстоятельствах была направлена на то, чтобы истощить его физические силы, нарушить его спокойствие и привести в смущение. Но спокойствие не оставляло его ни на минуту. Он был отделен от других, общаясь с Тем, Кого тысячи людей вокруг не видели. Наступил вечер, в зале собрания зажгли факелы. Сквозь старинные окна святили их лучи, которые смешавшись с вечерним светом, интересно высвечивали толпу, собравшуюся во дворе, и придавали сцене атмосферу необычного великолепия.

Наконец, дверь открылась, и Лютер вошел в зал. Если эта задержка, как некоторые предполагали, была устроена Алеандером в надежде, что, когда Лютер предстанет перед сеймом, он будет в состоянии сильного возбуждения, то ему пришлось глубоко разочароваться. Реформатор был в прекрасном состоянии духа и

держался перед императором достойно. Он окинул спокойным и пристальным взглядом князей и председательствующего над ними императора.

Поднялся канцлер епископа Трира, д-р Экк, и призвал его к ответу. Какой момент! Судьба времен зависит от него. Император наклоняется вперед, князья сидят неподвижно, даже стража застыла; все жаждут услышать первые слова монаха.

Он любезно приветствует императора, князей и вельмож. Он начинает отвечать твердым, но спокойным тоном. Он сказал, что было три вида книг, лежавших на столе, авторство которых он признал вчера. Существует один круг его работ, в которых он с простотой и ясностью излагал основные принципы веры и нравственности. Даже враги признавали, что он делал это в стиле, соответствовавшим Писанию, и что эти книги многие могут прочитать с пользой для себя. Отрицать это значило бы отрицать истину, которую признают все – истину, которая необходима для порядка и благополучия христианского общества.

Во втором круге своих произведений он вел борьбу с папством. Он критиковал заблуждения в учении, постыдные факты жизни, господство церковной администрации и правительства, с помощью которых папство запутывало и сковывало общественное сознание, ослепляло здравый рассудок и развращало человеческую мораль, таким образом, разрушая тело и душу. Они сами должны признать, что это так. Со всех сторон они слышали крики угнетенных. Закон и послушание ослабли, нравственность разложилась, и христианский мир был опустошаем массой духовных и плотских грехов. Если он отречется от этого круга работ, что тогда будет? Ведь угнетатель станет еще более дерзким, будет распространять с еще большей свободой свои пагубные учения, которые уже погубили многие души и умножит непомерные налоги и чудовищное вымогательство, которое истощает состояние Германии и переправляет ее богатство в другие страны. С его отречением бремя, которое давит на христиан, не только станет более тяжелым, но и обретет законную силу, так как его отречение при данных обстоятельствах равносильно официальному одобрению этого бремени со стороны Его Величества и государств империи. Он бы стал самым несчастным из всех людей. Он бы тогда одобрил беззаконие, которое осуждает, и укрепил бы крепостным валом то иго, которое пытается свергнуть. Вместо того чтобы облегчить бремя своих соотечественников, он утяжелил бы его в десять раз, и сам бы стал мантией, покрывающей всякую тиранию.

Он сказал, что был и третий круг его работ, в которых он критиковал людей, выступавших защитниками заблуждений, порочавших веру, постыдных фактов, компрометировавших священников, и поборов, которые обирали людей и стирали их в порошок. Возможно, он обходился с этими людьми без особых церемоний,

возможно, он резко их критиковал с язвительностью, неподобающей его церковной деятельности. Но хотя стиль был неправильным, но суть была правильной, и он не может от нее отречься, так как это бы значило оправдать его противников во всех заблуждениях, которые они высказывали и во всех беззакониях, которые они совершали.

Но он был всего лишь человеком, продолжал он, не Богом, и он будет защищаться не иначе, чем это делал Христос. Если он сказал или написал что-то неправильно, то пусть покажут, что неправильно. Он всего лишь прах и пепел, подверженный каждую минуту впасть в заблуждение, и было бы хорошо, если бы пригласили людей исследовать то, что он написал, и возразить ему. Пусть его убедят по Слову Божьему и здравому рассудку, что он неправ, и его не надо будет дважды просить отказаться от этого, он первый бросит свои книги в огонь.

В заключении он предупредил собрание правителей о грядущем суде, о суде не только по ту сторону могилы, но и по эту, о суде по прошествие времени. Они были на своем собственном суде. Они сами, их королевства, короны, династии стояли перед Великим Судом. Это был день их посещения; именно сейчас решалось, нужно ли их взращивать на земле, прочны ли будут их троны, будет ли продолжать укрепляться их власть, или их дома будут разрушены до основания, а троны сметены в порыве гнева потоком нынешних беззаконий и вечного уничтожения.

Он указал на великие державы прошлых веков – Египет, Вавилон, Ниневия, таких могущественных в свое время, но, которые идя против Бога, навлекли на себя разорение. И он советовал им внять этим примерам, если они хотят избежать уничтожения, постигшего их. «Бойтесь, – сказал он – чтобы царствование этого молодого и благородного короля, на которого (после Бога) мы возлагаем большие надежды, не только не началось, но не продолжилось и не закончилось самыми мрачными предзнаменованиями. Я могу рассказать о фараонах, о царях Вавилона или царях Израиля, чьи усилия никогда так не способствовали их собственному разрушению, как тогда, когда они обращались за советом к внешне самым мудрым людям, чтобы укрепить свое владычество. «Бог передвигает горы, и не узнают их. Он превращает их в гневе Своем».

Сказав это, Лютер сел, несколько минут отдыхал. Потом он снова поднялся и повторил на латыни все, что он сказал по-немецки. Канцлер попросил его сделать так, в основном, из-за императора, который не очень хорошо понимал немецкий язык. Лютер говорил с той же легкостью и с не меньшей живостью, чем в первый раз. Он говорил целые два часа.

К своему удивлению вельможи заметили перемену, произошедшую в обстановке. Лютер больше не стоял на суде перед ними, а они стояли на суде перед ним. Человек,

который два часа тому назад был для них обвиняемым, превратился в судью, судью справедливого и внушавшего страх, который, не боясь ни корон, которые они носили, ни армий, которыми они командовали, просил, убеждал, упрекал их с суровой, но благотворной точностью, грозя им судом, если будут упорствовать, со всей серьезностью и вызывавшим трепет авторитетом. «Будьте мудры, короли». Какой свет пролила последующая история Европы на слова Лютера! И каким памятником истинности его предупреждений являются папские королевства сегодня!

По окончания речи Лютера снова поднялся д-р Экк, взволнованно и раздраженно сказал, обращаясь к Лютеру: «Вы не ответили на поставленный перед вами вопрос. Вас не позвали сюда, чтобы ставить вопрос об авторитете соборов, об этом не может быть и речи здесь. Мы требуем прямого и точного ответа, вы отрекаетесь или не отрекаетесь?»

Оставаясь непоколебимым, Лютер ответил: «Так как вы, Ваше Величество и Ваше Высочество требуете от меня прямого и точного ответа, я дам вам его, и вот он. Я не могу подчинить свою веру ни Папам, и ни соборам, потому что ясно как день, что они часто впадают в заблуждения и противоречат друг другу. Если мне не докажут по Писанию или на основании здравого смысла, чтобы совесть заставила бы меня признать ошибку, я не могу и не буду отрекаться, так как небезопасно и немудро поступать вопреки совести». И затем, оглядев собрание, он сказал – слова, являющими одними из самых потрясающих в истории – «На сем стою. И не могу иначе. Да поможет мне Бог. Аминь».

Эти слова волнуют нас даже спустя три столетия. Впечатление, которое они произвели на князей, было ошеломляющим, легкие аплодисменты, сдерживаемые уважением к присутствию императора, раздались на сейме. Но, не от всех: папские сторонники пришли в смятение. Монах обрушился на них словно удар молнии. Из этого зала он поедет дальше по всему христианскому миру и будет пробуждать по мере продвижения стремление к свободе и призывать народы подняться и сбросить иго Рима. Римская церковь проиграла сражение. После этого было все равно, что ее борцы сделают с Лютером на сейме. Они могли сжечь его, но какая была бы от этого польза? Роковое слово было уже сказано, смертельный удар уже нанесен. Костер не мог ни отменить испытанное ими поражение, ни скрыть, хотя она могла и возрасти, славу одержанной Лютером победы. Печальной, невыразимо печальной была их досада. Разве ничего нельзя было сделать?

Лютеру было предложено выйти ненадолго; во время его отсутствия сейм совещался. Было понятно, что настал переломный момент, но нелегко было рекомендовать шаги по его преодолению. Решили дать ему еще одну возможность покаяться. Поэтому его опять ввели, поставили перед троном императора и

попросили сказать в третий раз – ДА или Нет. С прежней простотой и достоинством он ответил, что «у него нет другого ответа, кроме того, который он уже дал». В спокойствии его голоса, в пристальном взгляде и львиных чертах его грубого немецкого лица собрание прочитало твердое и окончательное решение его души. Увы, сторонникам папства! НЕТ нельзя отменить. Жребий брошен.

В мире есть две силы, и выше их нет ничего. Первая – слово Божие без человека, и вторая – общественное сознание внутри его. В Вормсе эти две силы столкнулись с совокупными силами мира. Мы видим результат. Одинокий и беззащитный монах восстал как представитель общественного сознания, просвещенного и укрепленного Словом Божьим. Ему противостояла сила, поддерживаемая армиями императора и анафемами Папы, но, однако, потерпевшая полное поражение. И если бы все время было так в этой великой войне. Победа постоянно сопутствовала одной силе, а поражение другой. Триумф не всегда приходит под видом победы, он может придти с веревкой, топором, костром, он может иметь видимость поражения, но каждый раз это был настоящий триумф этого дела, в то время, как мировые силы, стоявшие в противоборстве, медленно истребляли себя своими же попытками и ослабляли свое господство теми же успехами, которыми, как они думали, поражали соперника.

Глава 7 - Лютер объявлен в Германии вне закона.

Движение ширится – Закрытие сейма – Глоток пива – Радость Фридриха – Решает защитить Лютера. – Негодование папской партии – Предложение Карла нарушить охранную грамоту – Отвергнуто с негодованием. – Переговоры с Лютером – Он покидает Вормс. – Император издает против него приказ об изгнании. – Реформатор схвачен всадниками в масках. – Отвезен в Варбург.

Нить нашего повествования до сих пор, в основном, не нарушалась. Мы следуем за течением развития протестантизма, двигавшегося до сих пор по четко определенным каналам. Но теперь мы достигли точки, где оно заметно расширяется. Мы видим, как оно разветвляется в другие страны, овладевая политическими союзами и движениями того времени. Поэтому нам нужно подняться повыше и пошире обозреть христианский мир, чем раньше нам удавалось это сделать, отметив удивительно разнообразные формы и определенно разные результаты, в которых проявлялся протестантизм. Необходимо отметить не только новые религиозные центры, насаждавшиеся им, но и ход мышления, сформированный им, новую общественную жизнь, рожденную им, науку и искусство, воспитателем которых он стал, новые общества и государства, которыми он покрыл христианский мир и путь процветания, который он открыл народам, сделав Европу совсем непохожей на ту, что была тысячу лет назад.

Но сначала давайте кратко коснемся событий, последовавших за сеймом в Вормсе, и попытаемся дать оценку успеху, достигнутому протестантским движением, и положению, в котором мы оставили его в тот момент, когда Лютер ступил на свой «Патмос».

«Сейм соберется снова завтра, чтобы заслушать решение императора» - сказал канцлер Экк, распуская участников на ночь. Улицы, по которым вельможи шли к своим домам, были темны, но не пустынны. Несмотря на поздний час, народ не покидал пределов сейма, желая знать, чем все закончиться. Наконец, Лютер вышел в сопровождении двух императорских чиновников. «Смотрите, смотрите, - говорили очевидцы – вот он! И под стражей!» Они выкрикивали: «Вас ведут в тюрьму?» «Нет, - отвечал Лютер – они сопровождают меня до гостиницы». Народ мгновенно разошелся, и город остался в ночной тишине. Спалатин и многие другие друзья шли с Лютером до его жилища. Они обменивались взаимными поздравлениями, когда вошел слуга, принесший серебряный кувшин с эймбекским пивом. Поднеся его доктору, он сказал: «Мой господин предлагает вам освежиться этим пивом». «Какой вельможа – спросил Лютер – так милостиво вспомнил обо мне?» Это был пожилой герцог Эрик Брансвикский, один из папских участников сейма. Лютер поднял сосуд к губам, сделал большой глоток, и, возвратив его на место, сказал: «Как сегодня герцог Эрик вспомнил обо мне, так пусть Господь Иисус Христос вспомнит о нем в

час его последней борьбы». Вскоре после этого герцог Эрик Брансвикский лежал на смертном одре. Увидев молодого пажа, стоявшего у его постели, он сказал ему: «Возьми Библию и прочитай мне из нее». Паж, открыв Библию, прочитал следующие слова: «И кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей». Герцог Эрик освежился в свою очередь. Когда его сердце и силы сдавали, к его губам поднесли золотую чашу, и он сделал глоток Живой Воды.

Курфюрст Фридрих очень обрадовался выступлению Лютера на сейме. Острота и уместность его дела, красноречие его слов, бесстрашное и достойное поведение не только привели в восторг правителя Саксонии, но и произвели глубокое впечатление на участников сейма. С этого часа многие стали преданными друзьями Лютера и реформации. Некоторые из них тогда уже открыто заявляли о перемене своих взглядов, в других слова Лютера принесли плоды в последующие годы. Поэтому Фридрих был решительнее настроен защищать реформатора, чем прежде; но понимая, что, чем меньше его рука будет видна в этом деле, тем успешнее он оградит ее борца, он избегал личного общения с реформатором. Они встретились вдвоем только по одному поводу.

Папская партия была чрезвычайно подавлена. Они удвоили деятельность, раскладывали сети, чтобы уловить реформатора. Они пригласили его на личную конференцию с архиепископом Трира; они представляли на рассмотрение одно коварное предложение за другим, но нельзя было сломить твердость Лютера. В это время Алеандер и его конклав совещались наедине с императором, изобретая новые меры. Вследствие этого на заседании сейма следующего дня было зачитано решение Карла, написанное его собственной рукой. В нем говорилось, что по примеру его католических предков, королей Испании и Австрии, и пр., он будет защищать изо всех своих сил католическую веру и папский престол. «Один монах, – писал он – сбитый с пути своей собственной глупостью, поднялся против веры христианского мира. Чтобы остановить эту дерзость, я могу пожертвовать своим королевством, богатством, друзьями, телом, кровью, жизнью и душой». Я собираюсь отпустить августинца Лютера. Потом я буду действовать против него и его приверженцев, как против упорных еретиков отлучениями, интердиктами и любыми средствами для их уничтожения».

Но рвение Карла превышало его власть. Объявление вне закона не могло быть вынесено без согласия государств. Императорское решение вызвало бурю на сейме. Мгновенно заявили о себе две партии. Некоторые из папской партии, особенно курфюрст Бранденбутгский, требовали проигнорировать охранную грамоту Лютера, и чтобы воды Рейна приняли его пепел, как сто лет назад приняли пепел Яна Гуса. Но к своей чести Людвиг, курфюрст Палатина, выразил мгновенное и резко

отрицательное отношение к этому жестокому предложению. Верно, сказал он, Гуса сожгли на костре, но с тех пор бедствия не перестают преследовать Германию. Мы не смеем, сказал он, возвести второй такой эшафот. К нему присоединился герцог Георг, чей отказ присоединиться к предложенному злодеянию произвел большое впечатление, так как он был общепризнанным врагом Лютера. Он считал невозможным для князей Германии даже на минуту поддержать нарушение охранной грамоты. Они никогда не навлекут такой позор на честь родины, и не начнут царствование молодого императора с такого дурного предзнаменования. Баварская знать, хотя в основном и папская, протестовала против нарушения общественного доверия. Предложение встретило то, что заслуживало, сейм исключил его с презрением и негодованием.

Экстремисты папской партии без колебаний разложили бы для Лютера костер, но какой бы был результат? Гражданская война в Германии на следующий же день. Энтузиазм всех классов был огромен. Даже Дин Кохлеус и кардинал Палавиччино уверяют нас, что в одном Вормсе были тогда сотни вооруженных людей, готовых обнажить мечи и требовавших кровь за кровь. Всего в сотнях миль, в своем мощном замке, «прибежище праведников», находился отважный Сикингем и бравый рыцарь Хуттен во главе войска, насчитывавшем много тысяч людей и готового отправиться в Вормс, если бы Лютер был принесен в жертву, потребовав отчета у всех, кто повинен в его смерти. Из самых отдаленных городов Германии люди, положив руки на эфес мечей, наблюдали за тем, что происходило в Вормсе. Сдержанные люди среди папских участников сейма понимали, что нарушение охранной грамоты просто послужит сигналом к восстанию и волнениям от одного до другого конца Германии.

Не мог и Карл быть слепым, чтобы не видеть большой опасности. Если бы он нарушил охранную грамоту, его первый сейм оказался бы последним, так как империя сама бы подверглась опасности. Но, если доверять видным историкам, его поведение в этом вопросе было вызвано более благородными чувствами, чем личный интерес. Противостав нарушению доверия к империи, он сказал, что «хотя вера будет запрещена по всей земле, она должна найти прибежище у правителей». Конечно, королевские чувства соответствуют такому сильному правителю, но в его золоте всегда есть немного примеси. Тогда вот-вот должна была начаться война между ним и королем Франции. Карл только наполовину доверял Папе, да и этого было слишком много. Папа только что заключил тайный договор с обоими королями, Карлом и Франциском, обещая им обоим помощь, но с мудрой оговоркой, что он окажет помощь тому, помогая которому, как покажут дальнейшие события, он поможет самому себе. Карл встретил двойную политику Льва не менее хитроумной тактикой. В игре, которую он вел для проверки Папы, он высказал суждение о том, что живой Лютер будет лучшей фишкой, чем мертвый. «Так как

Папа очень боялся учения Лютера, – пишет Веттори – он решил обуздать его этой силой».

В результате многих противоречивых обстоятельств Лютер мирно покинул ворота, из которых никто не ожидал увидеть его, выходящим живым. Утром 26 апреля окруженный двадцатью верховыми и толпой народа, провожавшей его за город. Лютер покинул Вормс. Его путешествие домой сопровождалось еще большим интересом, чем приезд сюда. Спустя несколько дней после его отъезда император издал «эдикт», поставив его вне закона и приказывав всем людям по истечении срока действия охранной грамоты Лютера, не давать ему ни еды, ни питья, ни помощи и ни крова, арестовать его и в оковах отправить к императору. Указ был составлен Алеандером, и одобрен на заседании сейма, которое проходило не в зале собраний, а в покоях императора. Курфюрст Фридрих, курфюрст Палатины и многие другие правители уже уехали из Вормса. Указ датировался 8 мая, но так как подпись императора была поставлена 26 мая, как пишет Палаччино, в кафедральном соборе Вормса после мессы; было задумано, пишет тот же автор, придать указу вид авторитета всего сейма. Этот указ был более хаотичным документом, чем другие документы того времени. Его стиль вместо того, чтобы быть официальным и размеренным, был образным и риторическим. Он начинался с обилия метафор, подразумевавших описание великого еретика, и продолжал в той же благодатной манере перечислять ереси, богохульства и пороки, в которые он впал, и преступления, к которым он подстрекал людей – «расколам, войнам, убийствам, грабежам, поджогам». И он предсказывал волнующими фразами гибель, в которую он тянул общество, нависший крах, если не унять его «неистовую страсть». Указ достиг кульминации в потрясающем утверждении, что «это – не человек, а сам сатана в человеческом обличии, одетый в монашескую сутану». Так говорил «Карл Пятый» курфюрстам, князьям, прелатам и народу империи. Лютер въехал в Вормс с одним мечом, висевшим у него над головой – анафемой Папы, а уезжает с двумя мечами, вынутыми из ножен против него, так как к папскому отречению добавился запрет императора.

Тем временем реформатор продолжал свой путь. Был девятый день (4 мая) с тех пор, как он уехал из Вормса. Он проезжал горы Шварцвальда. Как благодатны после суеты и роскоши Вормса были их тихие поляны, окруженные елями деревни, мирно пасшиеся стада, утренние лучи в высоких деревьях и вечерние тени, спускавшиеся с запада!

Сосны становились реже, холмы переходили в равнину; наш путешественник приближался к Эйзенаху; он был на земле знакомой ему с детства. В этой точке путешествия Шурф, Иона и Заувен оставили его, и пошли в Виттенберг, повернув на дорогу, которая ведет на восток через равнину у Эрфурта. С ним остался только

Амсдорф. Доктор и его товарищ отправились на север в город Мора, чтобы навестить его бабушку, которая была еще жива. Он провел следующий день в приятной тишине небольшого местечка. На следующее утро он возобновил путешествие и дошел до уединенного места недалеко от замка Альтенштайна, когда группа всадников в масках и полном вооружении неожиданно напала на них. Повозку, в которой он сидел, остановили, извозчика сбросили на землю, и пока один из людей в масках крепко держал Амсдорфа, другой быстро вытащил Лютера из экипажа, поднял его на седло и, натянув поводья, ускакал с ним с Тюрингский лес. Целый день группа всадников блуждала по лесу, их целью было уйти от погони. С наступлением ночи они начали подниматься на гору, и незадолго до полуночи приехали под стены замка, расположенного на ее вершине. Подвесной мост был опущен, решетки подняты, кавалькада проехала и солдаты сошли в лошадей на скалистом дворе замка. Пленника провели по одному пролету лестницы и ввели в комнату, где он будет жить, как ему сказали, неопределенное время, в течение которого ему придется снять церковную одежду и надеть костюм рыцаря, который лежал наготове, и называться только рыцарем Георгом.

При наступлении утра Лютер выглянул из окна комнаты и с первого взгляда понял, где он находится. Под ним были лесные поляны, деревни и хорошо знакомые картины окрестности Эйслебена; хотя города самого не было видно. Дальше были равнины вокруг Мора, и граничащий с ней огромный круг холмов уходил за горизонт. Он не мог не знать, что находится в замке Варбурга под дружеской защитой.

Так человек, к которому были прикованы все взоры, неожиданно был унесен как будто вихрем, и никто не знал куда; и никто во всей Германии не мог сказать кроме тех, кто взял его в плен, жив он или мертв. Папа метнул молнию, император поднял одетую в броню руку, чтобы ударить, казалось, что с каждой стороны его ждет поражение; и в этот момент Лютер становится невидимым. Папская гроза бесполезно гремит на небе, императорский меч бьет по воздуху.

Декорации странно поменялись, и сцена неожиданно потемнела. Минуту назад театр был полон великих актеров, императоров, князей, церковных особ и послов. Столкнулись мощные интересы, должны были решаться важные вопросы. Только что прогремел гром ужасного приговора об изгнании, меч императора был вынут из ножен, дело стремительно шло к развязке, и ужасная катастрофа была неизбежна. Неожиданно действие прерывается, роскошная публика исчезает, глубокое молчание сменяет шум и крики, и у нас есть время подумать о том, что мы видели, поразмышлять об уроках, и ощутить в наших сердцах присутствие и руку Великого Владыки, который «восседает Царем над потопом».

Ольга Крубер-Федорова

История протестантизма Дж. А. Уайли

Книга седьмая. Протестантизм в Англии со времен Уиклиффа до Генриха VIII

Глава 1 - Первые протестантские мученики Англии

Два источника реформации – Библия и Святой Дух – Благовестники Уиклиффа – Надежды протестантов – Петиция Парламента за реформацию – Англия пока не созрела – Движение, отброшенное назад – Ричард II. Преследование лоллардов – Ричард теряет трон – Генрих IV.Приемники – Statute de haeretico comburendo(закон о сожжении еретиков) – Уильям Сотрей – Первый мученик-протестант в Англии – Суд и казнь Джона Бэдли – Разговор между принцем Уэльским и мучеником на столбе – Предложена жизнь – Отказывается и умирает.

Протестантское движение, которое после течения по узким каналам 14ого и 15ого веков, и которое начало распространяться и занимать большую площадь в 16 веке, имело два источника. Первый, который был с небес, - Святой Дух, и второй, который был на земле, - Библия. На протяжении веков воздействие обоих факторов на человеческое общество приостанавливалось. Святой Дух удерживался, а Библия утаивалась. Отсюда чудовищные ошибки, которые деформировали Церковь и вызывали ужасающее зло, поражавшее мир.

Наконец, открылась новая эра. Всевышний, благой и вечный Дух, который действует когда, где и как Он хочет, начал снова проявлять Свое присутствие, ощущаемое в мире, который Он сотворил. Он спустился, чтобы возвести Храм, в котором Он может жить с людьми на земле. Всемогущий и Благословенный направил Свою созидательную силу посредством того, что Он Сам приготовил, Писание Истины, написанное людьми по Его вдохновению. Восстановление Святого Писания и его распространение в христианстве было одним средством того огромного движения, которое начало обновлять мир, так как Дух, который обитает и действует через Писание является единственным автором. Исходя из этого предположения (что это грандиозное движение было вызвано не человеческими силами, но Божественным фактором) мы можем объяснить тот факт, что во всех христианских странах появилась одно и то же движение, приобрело одну и ту же форму и принесло одни и те же благодатные плоды: добродетель в личной жизни и порядок в общественной.

Мы оставили Лютера в Вартбурге. В момент великой опасности провидение открыло для него убежище; но не для беспечной жизни, а работы необходимой для дальнейшего развития протестантизма. Пока Лютер трудиться далеко от нас, давайте посмотрим вокруг и обратим внимание на успех протестантизма в других христианских странах. Вернемся в Англию, родину этого движения, кратко к хронологических событиям полутора столетней давности, отделявших эру Уиклиффа от эры Лютера.

Уиклифф умер в 1384, было видно, какое влияние он оказал на Англию, и как широко распространилось его учение. Его ученики, иногда в манере Уиклиффа, иногда лоллардов, путешествовали по королевству, проповедуя Евангелие. В законе Ричарда II (1382), который церковники, воспользовавшись молодостью короля, протащили без уведомления Палаты Общин, упоминается большое число людей, «путешествующих из графства в графство, из города в город в грубых одеждах без лицензии архиепископа, и проповедующих не только в церквях и церковных дворах, но и на рынках и ярмарках, говоря проповеди, содержащие ересь и доктринальные ошибки, порочащие христианскую веру, статус святой церкви и представляющие опасность для душ.» Уиклифф был еще жив, и люди в «грубых одеждах», которых по закону епископы могли схватить и посадить под домашний арест или в тюрьму, были благовестниками великого реформатора. Этих благовестников не беспокоили сомнения относительно их права на святое служение. Они руководствовались той же хартией, которая дала Церкви право на существование, а также ее членам права на выполнение функций необходимых для ее благополучия. Следовательно, они обратились не к Риму, а к Библии как гаранту служения.

Соотечественники собирались на их проповеди. Солдаты вместе с гражданскими людьми со шпагой в руке были готовы защищать проповедника в случае опасности. Некоторые из знати присоединялись к собранию, не стыдясь называть себя учениками Евангелия. Там, где учение принималось, следовало изменение нравов, некоторые места общественного поклонения очищались от идолов.

Эти признаки обещали многое; в глазах последователей Уиклиффа они обещали все. Они верили, что Англия готова сбросить ярмо Рима, и с этой верой они решили нанести сокрушительный удар по царившему суеверию. За десять лет, прошедших после смерти Уиклиффа, они подали прошение в Парламент о реформации в религии, сопроводив прошение двенадцатью «выводами» или основаниями для такой реформации, из которых второе (дается как пример стиля и духа) было следующего содержания: «Наше обычное священство, которое берет начало в Риме и делает вид, что обладает бо;льшей властью, чем ангелы, не является тем священством, которое установил Христос для Своих учеников. Этот вывод доказывается таким образом: в виду того, что это священство сопровождается знаками, папскими обрядами, церемониями и благословениями, не имеющими ни силы, ни значения, ни основания в Писании, и, поскольку богослужебные книги и Новый Завет не имеют ничего общего с этим, и мы не видим, чтобы Святой Дух давал какие-нибудь дары через такие знаки и церемонии, потому что Он, а также Его высокие и благие дары не могут быть в человеке с грехами к смерти. Следствие этого вывода – для умных людей жалкой и грустной насмешкой является то, что они видят, как епископы имитируют и играют со Святым Духом, отдавая приказания, потому что они отдают предпочтение своим символам и начертаниям вместо чистого

сердца. А такой символ есть печать антихриста, внесенная в Святую Церковь, чтобы покрывать бездеятельность.» Эти выводы они поместили на стенах Вестминстера и прикрепили на воротах собора ап.Павла.

Англия не была пока готова к такой «простоте речи». Большая масса народа без объяснений, напуганная традицией, управляемая иерархией была инертна и враждебна. Сторонники Уиклиффа также забыли, когда шли к Парламенту, что реформации не делаются, но они должны вырасти. Они не могут быть вызваны королевскими декларациями или парламентскими эдиктами; они должны насаждаться терпеливым трудом евангелистов и иногда быть политы кровью мучеников. Из всех урожаев урожай истины созревает медленнее всего, хотя он наиболее обильный и ценный, когда достигает полной зрелости. Именно эти уроки ранние ученики пока не познали.

Смелый шаг сторонников Уиклиффа отбросил движение назад или лучше сказать, ударил по его корням в глубине сердца нации. Арундель, архиепископ Йорский, поспешил в Ирландию, где был тогда Ричард II и упросил его вернуться и арестовать участников движения. Его благочестивая жена, Анна Люксембурская, ученица Уиклиффа, умерла в 1394 году, и король исполнил просьбу Аруделя. Он запретил парламенту рассматривать прошение лоллардов и, призвав главных авторов «выводов», угрожал им смертью, если они будут продолжать отстаивать свое мнение. Но Ричард II не долго удерживал скипетр, который он направил против лоллардов. В его королевстве разразился мятеж, он был свергнут и брошен в замок Понтефрект. Было всего несколько шагов между тюрьмой и могилой принца. Ричард трагически погиб от голода, вместо него воцарился Генрих IV, сын герцога Ланкастерского, который был другом Уиклиффа.

Дело, которое его отец защищал от лица великого апостола, не нашло расположения в глазах его сына. Генрих взошел на трон с помощью Аруделя, и он должен был отплатить за услугу преданностью церкви, в которой Арундель был одним из столпов. Чтобы укрепить свою власть, сын Джона Гонта принес в жертву последователей Уиклиффа. В его правление был издан закон о предании людей смерти за вероисповедование, первый подобного рода, который запятнал свод законов. Он постановлял, чтобы все неисправимые еретики сжигались заживо.

Преамбула этого закона гласит, что «лживые и порочные люди этой новой секты, отделившейся от веры в таинства, превратно мыслящих против Божьего закона и церкви и узурпирующие служение благовестия» ходят из епархии в епархию, устраивают тайные собрания, открывают школы, пишут книги и безнравственно учат людей.

Чтобы искоренить это, епископ в епархии был наделен властью арестовывать всех людей, подозреваемых в ереси, заключать их в тюрьму, приводить на суд, и если они не отрекались от своих убеждений, они должны были быть доставлены к шерифу графства или мэру города, которые «должны были всенародно, на высоком месте сжечь их». Таков был закон De Hoeretico Comburendo, о котором Сэр Эдвард Коук сказал, что очевидно епископы являлись действительными судьями ереси, а шерифы были лишь исполнителями церковного суда. «Король Генрих IV, пишет Фокс, первым из всех английских королей начал немилосердно сжигать христианских святых за противостояние Папе.»

Закон не может не исполняться, чтобы не превратиться в «мертвую букву». Уильям Сотрей, бывший настоятель церкви Св.Маргариты в Линне, а сейчас настоятель церкви Св.Иосифа в Лондоне, «хороший человек и праведный священник», - пишет Фокс – был взят под стражу и против него было выдвинуто обвинительное заключение. Среди обвинений, содержавшихся в нем, находим следующие - «Он не поклонялся кресту, на котором страдал Христос, а только Христу, который страдал на кресте.» «После произнесения слов таинства о теле Христа, хлеб остается той же природы, как и раньше и не перестает быть хлебом.» Он был осужден как еретик судом архиепископа и предан светской власти на сожжение.

Так как Сотрей был первым протестантом, приговоренным к смерти в Англии, то церемония лишения священнического сана была проведена с большой формальностью. Сначала из его рук взяли дискос и чашу, затем была снята риза, что означало лишение его всех обязанностей и достоинств священника. Затем забрали Новый Завет и епитрахиль, чтобы низложить его из сана дьякона и лишить права учить. Низложение его из сана помощника дьякона сопровождалось снятием стихаря. Затем забрали подсвечник и свечу, «чтобы лишить его служения алтарника». Затем забрали книгу на освящение воды, этим он был лишен всех прав как экзорцист. Этими и другими различными церемониями, слишком утомительными, чтобы их перечислять, Уильяма Сотрей сделали простым мирянином, каким он был прежде чем елей и ножницы церкви коснулись его.

Без облачения, лишенный служения евхаристии, отверженный от святых рак Рима, он должен был сейчас взойти на алтарь, где должен принести более дорогую жертву, которую когда-либо видели в Римских капищах. Столб был алтарем, а жертвой – он сам. Он умер в пламени 12 февраля 1401 года. Так как Англии принадлежит высокая честь выдвижения первого реформатора, то также Англии принадлежит и честь иметь первого мученика-протестанта в лице Уильяма Сотрея.(9)

Его мученичество было очевидным пророчеством. Для протестантизма оно было убедительным залогом победы, а для Рима ужасным прогнозом поражения! Протестантизм сделал своей землю Англии, похоронив в ней тело мученика. С того времени протестантизм будет чувствовать себя героем классической литературы,

Он стоит на своей земле и вместе с тем остается невидимым. Он может бороться, истекать кровью и переносить кажущееся поражение, противостояние может длиться в течение многих темных лет и веков, но он обязательно, в конце концов, победит. Он взял в залог землю и не может погибнуть вне ее. С другой стороны его противник написал пророчество своего поражения кровью, которую пролил, и в борьбе он не одолеет соперника, но наверняка упадет перед ним.

Имена многих ранних страдальцев, кому обязана Англия по провидению, их свобода и вера в Писание, были преданы забвению. Среди тех, кто был избавлен от такой участи стараниями древних хронистов, был Джон Бэдли. Он был прихожанином епархии Вустера. Привлеченный к суду за учение о таинствах, он честно признался в своем мнении. Он придерживался мнения, что тщетны «сакраментальные слова», произносимые над хлебом на алтаре; несмотря на особую молитву, он остается «материальным хлебом». Если бы это был Христос, которого священник воспроизвел в алтаре, то пусть он покажет Его в истинной форме, тогда он поверит. Единственная участь ждет человека, который вместо того, чтобы безоговорочно склониться перед «матерью церковью», бросил ей вызов, чтобы свидетельствовать о ее чудесах по каким-то доказательствам или признакам истины. Он был осужден перед епископом Вустера за «преступление в ереси», но дело было отложено до окончательного суда перед Арунделем, который стал архиепископом Кантерберийским.

1 марта 1409 года надменный Арундель, собрав своих викарных епископов с множеством светских и церковных персон, сел на судебное место в соборе св.Павла и приказал привести смиренного исповедника. Он, вероятно, надеялся, что Бэдли испугается такого собрания важных лиц. Однако он ошибся. Взгляды, которые он открыто признал перед епископом Вустера, были подтверждены с одинаковым мужеством в присутствии августейшего трибунала примата католической церкви и грандиозного собрания, представленного в соборе св.Павла. Заключенный оставался под стражей до 15 числа того же месяца, будучи переведенным в монастырь Причинг Фрайерс, причем ключ от его кельи хранился у самого архиепископа.

Когда наступил день окончательного обвинения, 15 марта, Арундуль опять взошел на епископский трон в сопровождении еще большего числа церковных и светских персон, включая наследного принца. Джон Бэдли дал тот же ответ, сделал то же признание во второй раз, как и в первый. Хлеб, освященный священником, остается хлебом и таинство в алтаре менее ценно, чем присутствующий здесь

скромнейший человек. Такой разумный ответ был слишком разумен для людей того времени. Им он казался просто богохульством. Архиепископ, видя «его стойкое лицо и твердое сердце» объявил Джона Бэдли «открыто и публично еретиком». И суд «предал его гражданской власти и пожелал, чтобы присутствующие при сем светские персоны не осудили бы его на смерть за это преступление, как будто они не знали, что та же светская власть, к которой они его сейчас отправили, по их подстрекательству, приняла закон, осуждавший всех еретиков на сожжение. Магистрат был обязан под страхом отлучения от церкви выполнить закон De Haeritico Comburendo.

Прошло несколько часов до того, как костер был зажжен. Приговор ему был вынесен утром, днем того же дня прибыло королевское распоряжение о казни. Бэдли был спешно отправлен в Смитфилд и там, как пишет Фокс, поставлен в пустую бочку, привязан железными цепями к столбу и обложен хворостом.» Когда он стоял в бочке, принц Генрих, старший сын короля, появился у края толпы. Тронутый состраданием к этому человеку, которого он видел в таком ужасном положении, он подошел ближе и обратился к нему, увещевая его оставить эти «опасные лабиринты взглядов» и спасти себе жизнь. Принц и человек в бочке разговаривали, когда толпа расступилась, и процессия с двенадцатью горящими факелами вошла и остановилась у столба. Настоятель церкви св.Варфоломея, выйдя вперед, предложил Бэдли сказать последнее слово. Малейший акт почитания хлеба евхаристии, еще раз представленного перед ним, ослабил бы его цепи и освободил бы его. Но, нет! Посреди хвороста, который должен был истребить его, как и ранее перед пэрами, собравшимися в соборе св.Павла, мученик сделал то же признание: «Это – освященный хлеб, но не тело Бога». Священники отошли, и их путь сквозь плотную толпу был отмечен горящими факелами и высоким шелковым балдахином над хлебом евхаристии. Принесли факел. Вскоре сильное пламя начало добираться до ног мученика. В агонии у него вырвался короткий крик: «Милости! Милости!» Но его молитва была обращена к Богу, а не к палачам. Принц, который задержался недалеко от места трагедии, вернулся, услышав вопль на столбе. Он приказал палачам погасить костер. Они повиновались. Обращаясь к полусгоревшему человеку, он сказал, что, если тот раскается в своих ошибках и вернется в лоно церкви, то не только будет спасен от костра, но и будет получать от него годовое пособие всю свою жизнь. Это были, несомненно, благие намерения со стороны принца, который сострадал мучениям, но не мог понять радости мученика. Вернемся назад; он увидел ворота открытые для него и приготовленный венец для его головы. Нет! Ни за какое золото Англии. В тот вечер он вечерял с более великим Царем. «Так, пишет Фокс, поступил доблестный борец Христа, отвергнув искренние слова принца.. не без яростной и жестокой борьбы, но с еще большим триумфом победы…завершив свое свидетельство и мученичество на костре.»

Глава 2 - Богословие ранних английских протестантов.

Протестантские проповедники и мученики до Генриха VIII. – Их богословие – На более низшей ступени, чем в 16 веке. – Ясно понимались основные истины. – Уильям Торпе – Заключение – Беседа Торпе и архиепископа – Его вероисповедание – Его взгляды на таинство Евхаристии – Авторитет Писания – Угроза костром – Христос присутствует в Евхаристии по вере. – Взгляды Торпе на поклонение изображениям. – Паломничество – Отказ признать исповедь. – Его судьба не известна – Простота раннего английского богословия – Собрание в Оксфорде с целью пресечения протестантизма – Конституция Арунделя – Перевод и чтение Писания Запрещены.

Эта жестокость не ужаснула учеников истины. Столбы, которые они видели поставленными в Смитфилде и указ о сожжении, помещенный в свод законов научил их, что задача завоевания Англии не будет такой легкой, как они мечтали; но это убеждение не поколебало их мужества и не убавило ревности. Дело, которое обрело мучеников, имело достаточно силы, полагали они, чтобы преодолеть любое действие на земле и однажды преобразовать не только Англию, но и весь мир. С такой надеждой они продолжали пропагандировать свои взгляды и не безуспешно, так как Фокс пишет: «Я нахожу в реестрах, что этих вышеупомянутых людей, которых король и католические отцы причислили к еретикам, стало больше в различных графствах королевства, особенно в Лондоне, Линкольншире, Норфолке, Хертфордшире, Шрусбери, Кале и других местах.» Уиклифф только что был похоронен, Гус еще не начал свою деятельность в Богемии; во Франции, Германии и других христианских странах все было во мраке; но в Англии наступил день и стал распространяться свет. У реформации были исповедники и мученики в столице, ученики во многих графствах, она даже перешла через море и заложила фундамент в Кале под английской короной почти за век до Генриха VIII, кого римские писатели считают зачинателем движения.

Уильям Торпе по словам летописца «был храбрым воином под победным знаменем Христа». Его допрос перед Томасом Аруделем, архиепископом Кантерберийским показывает нам евангельские убеждения, исповедуемые христианами Англии 15 столетия. Их малочисленные и простые доктрины вели к самому центру истины, который есть Христос. Стоя перед Ним, эти ранние ученики были в Его свете. Многое, однако, они видели смутно; было лишь раннее утро, полный день был далеко, те огромные светильники, которых Бог воздвиг для освещения небес Своей Церкви в следующем столетии, еще не появились; мгла и тени ночи ушли не совсем и еще плотно лежали на многих частях области откровения. Но одна часть была освещена; это был центр этой области, где стоит крест с великой жертвой, вознесенной на нем, один объект веры, вечная скала надежды грешников. К нему они прибегали, и все, что старалось поколебать веру в

него или поместить что-то на его место, они инстинктивно отвергали. Они знали голос своего Пастыря и не шли за чужим.

Узник замка Солтвуда (1407г.), Торпе, предстал перед легатом Аруделем для расследования. Запись того, что происходило между ним и архиепископом принадлежит перу Торпе. Он нашел Аруделя «в большом зале» с многочисленным окружением; в тот момент, когда его привели к архиепископу, тот удалился в туалетную комнату в сопровождении всего двух или трех клириков.

Арундель: «Уильям, мне хорошо известно, что ты в течении двадцати или более зим путешествуешь по северной стране и разным другим странам Англии, сея ложное учение, чтобы заразить и отравить всю эту землю.

Торпе: «Сэр, так как вы считаете меня еретиком, отпавшим от веры, прошу дать мне возможность рассказать о своих убеждениях.

Арундель: «Рассказывай». Итак узник стал говорить о своей вере в Св.Троицу, о воплощении Второго Лица Бога, о жизни Господа, описанной четырьмя евангелистами, следующими словами:

Торпе: «Когда Христос положил конец здесь этой временной жизни, я думаю, что за день до Его страданий Он установил евхаристию Своей плоти и крови в виде хлеба и вина, то есть Своего драгоценного тела и дал его есть Своим апостолам, постановив им и через них всем их последователям, что они должны совершать ее именно в такой виде, который Он показал им самим, а также учить и передавать другим мужчинам и женщинам, и это самое благоговейное святое таинство в воспоминаниях о Его самой святой жизни, о самом истинном благовести, о Его желании и терпеливом перенесении самых тяжелых страданий. И я верю, что Христос, наш Спаситель, после того, как Он совершил самое великое таинство Своего драгоценного тела, добровольно пошел и умер за людей на кресте». «И я верю в святую церковь, которая включает всех, кто был, кто есть и кто будет до окончания мира, людей, стремящихся узнать и исполнять Божии заповеди». «Я верю, что совокупность таких людей, живущих сейчас и здесь, в этой жизни и есть святая Божия церковь, борющаяся против дьявола, преуспевания мира и собственных похотей. Я причисляю себя к этой святой церкви Христа и всегда готов послушно исполнять ее приказания и каждого ее члена согласно моему знанию и способности с Божьей помощью.» Затем узник исповедовал свою веру в Ветхий и Новый Заветы, « в единство Трех Личностей Троицы», их значимость для спасения человека, он решился руководствоваться их светом, подчиниться их власти, а также власти «святых и богословов Христовых», если их учение совпадает со словом Божьим.

Арундель: «Я требую, чтобы ты поклялся мне, что оставишь все те убеждения, которых придерживается секта Лолларда». Далее архиепископ потребовал, чтобы он сообщил об этом своему братству и прекратил благовестие, пока не наберется ума. Слушая это, узник стоял молча.

Арундель: «Отвечай, так или иначе».

Торпе: «Сэр, если я поступлю так, как вы требуете, то многие мужчины и женщины скажут, что я вероломно и трусливо предал правду и бесстыдно оклеветал Божие Слово». Архиепископ смог только сказать, что если тот будет упорствовать, то ему придется пройти тем же путем, что и Уильяму Сотрею. Это говорилось о костре в Смитфилде.

Здесь исповедник опять замолчал, а затем продолжил: «В своем сердце я молил Господа Бога утешить и укрепить меня, и даровать мне милость всегда говорить в кротком и спокойном духе, и, что бы я не говорил, мог бы иметь авторитет Писания и опираться на него.

Церковнослужитель: «О чем ты раздумываешь? Делай, как мой господин приказывает тебе.» Исповедник молчал.

Арундель: «Ты еще не решился сделать то, что я тебе сказал?» Торпе смиренно заверил легата, что знания, которым он учил других, он получил у ног самых мудрых, образованных и святых священников, известных всей Англии.

Арундель: «Кто эти святые и мудрые мужи, у которых ты учился?»

Торпе: «Магистр Джон Уиклифф. Многими он почитался как величайший служитель, которого они знали при жизни; известные люди часто общались с ним. Учение магистра Джона Уиклиффа до сих пор считается многими мужчинами и женщинами соответствующим жизни и учению Христа и Его апостолов, и наиболее ясно показывает, какой церковь Христа была, должна быть, чем должна руководствоваться и как управляться.

Арундель: «Учение, которое ты называешь истинным и верным, является прямой клеветой на святую церковь, ибо хотя Уиклифф был великим служителем, однако его доктрина не была одобрена святой церковью и многие высказывания были преданы проклятию, как они того заслуживают. Ты подчинишься мне или нет?

Торпе: «Смею не подчиниться тебе ради страха Божьего».

Арундель зло одному из своих служителей: «Принеси сюда быстро документ, который пришел ко мне из Шрусбери с печатью заместителя шерифа, свидетельствующий об ошибках и ересях, которые этот парень ядовито посеял там.

Служитель принес архиепископу свиток, из которого легат прочитал следующее: «В третье воскресение после Пасхи в 1407 году от рождества Христова Уильям Тропе пришел в город Шрусбери и по лицензии, дающей ему право проповедовать, он говорил открыто в церкви св.Чэда, в своей проповеди, что хлеб евхаристии после освящения остается материальным хлебом, что нельзя поклоняться изображениям, что людям не надо ходить в паломничество, что у священников нет прав на десятину, и что нельзя ни в чем клясться.

Арундель, разворачивая бумагу: «Вот, здесь сказано, что ты учил, что хлеб евхаристии остается материальным хлебом после освящения. Что скажешь на это?»

Торпе: «Когда я стоял за кафедрой, уча Божьим заповедям, начал звонить церковный колокол, поэтому многие люди поспешно отошли и с шумом побежали к нему и я, увидев это, сказал им: Добрые люди, вам бы лучше стоять здесь и слушать Слово Божие. Причастие имеет гораздо большее значение в вере, и вы должны понять это душой, а не просто смотреть снаружи, и поэтому вам бы лучше тихо стоять и слушать Слово Божие, потому что через слушание Слова люди приходят к истинной вере.

Арундель: «Как ты учишь понимать причастие?»

Торпе: «Как сам верю, так и учу других».

Арундель: «Расскажи нам просто о своей вере».

Торпе: «Сэр, я верю, что в ту ночь, перед тем как Иисус Христос пострадал за человечество, Он взял хлеб в Свои святые руки, возвел глаза к небу и, возблагодарив Бога Отца, благословил хлеб, преломил его и дал Своим ученикам, говоря: «Возьмите и ядите от него все вы, это есть тело Мое». Я верю и учу других верить, что причастие это – плоть и кровь Христа в виде хлеба и вина».

Арундель: «Ну, ну, ты должен сказать иначе, прежде чем я уйду; а что ты скажешь по второму вопросу, о том, что нельзя поклоняться изображениям?»

Торпе отвергал такие действия, так как им не только нет подтверждения в Писании, но просто запрещено Словом Божьим. Затем последовал длинный разговор между ним и архиепископом, причем Арундель утверждал, что поклоняться изображениям хорошо, основываясь на почтении, оказываемым тем, кто на них изображен, что они являются помощью в богослужении и обладают скрытой силой, которая проявляется время от времени через чудотворения.

Узник заявил, что он не верит в такие чудеса, но знает, что Слово Божие – истинно, что считает вместе ранними богословами церкви: Августином, Амвросием и Иоанном Златоустом, что учение Библии по этому вопросу не подвергается

сомнениям, что она четко запрещала делать изображения, поклоняться им и считала тех, кто делал так виновными в грехе и ответственными за гибель идолопоклонников. Архиепископ посчитал, что день на исходе и перешел от этого спора к следующему вопросу.

Арундель: «Что скажешь ты по третьему пункту, выдвинутому против тебя, о том, что паломничество не является заповедью?

Торпе: «Есть истинные пилигримы в законе и угодные Богу».

Арундель: «Кого ты называешь истинными пилигримами?»

Торпе: «Тех, которые идут к нетленному свету, тех, которые заняты познанием и соблюдением Божьих заповедей, избегают семи смертных грехов, охотно исполняют труд милосердия, ищут даров Святого Духа. Каждая благая мысль, которая к ним приходит, каждое благое слово, которое они произносят, каждое плодотворное дело, которое они совершают, является шагом к Богу на небесах. Но, продолжал исповедник, большинство мужчин и женщин, совершающих паломничество не имеют ни такого учения, ни стремления приобрести его. Насколько мне известно, после опроса 20 паломников я не нашел и троих мужчин или женщин, которые бы хорошо знали Божьи заповеди или могли сказать внятно молитвы Отче наш и Аве Мария или символ веры. Их паломничество имеет целью установить здесь мирскую и плотскую дружбу, а не дружбу с Богом и Его святыми на небе. Также, Сэр, мне известно, что когда несколько мужчин и женщин по своей воле идут в одно и то же паломничество, они заранее договариваются с мужчинами и женщинами, которые умеют петь безудержные песни. А другие пилигримы берут с собой волынки, и поэтому в каждом городе, который они проходят, своим шумным пением, звуками волынок, звоном Кантерберийских колокольчиков и лаяньем собак на них производят больше шума, чем если бы король приехал туда со всеми своими трубами и музыкантами.»

Арундель: «Что! Ты против религиозного рвения? Что бы не говорил ты или кто-то другой, я считаю, что паломничество является похвальным и благим средством получения благодати». После этого последовал еще один длинный спор между Торпе и легатом на тему исповеди. Архиепископ не далеко продвинулся в аргументировании, когда один из служителей вмешался и положил этому конец.

«Сэр, сказал он, обращаясь к легату, уже поздно, а вам далеко ехать, поэтому заканчивайте с ним, так как с ним не будет толку. Но чем более, Сэр, вы пытаетесь привлечь его к себе, тем более упорным он становится».

«Уильям, встань на колени, сказал другой, проси милости у Господа, оставь все свои фантазии и стань чадом святой церкви». Архиепископ, стукнув яростно по

столу рукой, также потребовал немедленного послушания. Другие насмехались над его желанием быть возведенным на костер, которого он мог бы избежать, раскаявшись в своих заблуждениях.

«Сэр, сказал он, обращаясь в архиепископу, как я сегодня говорил несколько раз, я добровольно и смиренно подчинюсь Богу, Его закону и любому члену Его Церкви, как только пойму, что эти члены находятся в согласии с их Главой Христом и будут учить меня, руководить мною и наказывать меня властью Божьего закона.»

Это было подчинение, и добавления, которыми оно сопровождалось, отняли милость в глазах архиепископа. Еще раз и последний легат спросил просто: «Ты подчинишься постановлениям святой церкви?»

«Я с радостью подчинюсь себе, ответил Торпе, как я ранее показал вам».

После этого Торпе был отдан констеблю замка. Его вывели и бросили в более худшую тюрьму, чем прежде. У дверей этой тюрьмы мы теряем всякий след о нем. Он никогда более не появлялся и о его судьбе ничего не известно.

Это расследование или скорее дискуссия между легатом и Торпе позволяет нам иметь сносное представление об английском протестантизме, о лоллардизме, во время между его рассветом во дни Уиклиффа и ярким подъемом в 16 веке. Дискуссия включала три темы. Первая – Писание как высший и непогрешимый авторитет, вторая – крест как единственный источник прощения и спасения, и третья – вера как единственный инструмент, которым люди получают благодать этого спасения. Мы можем добавить и четвертую тему, которая является следствием трех доктрин, составляющих основу протестантизма тех дней, а именно – святость. Вера тех христиан не была мертвой, эта вера соблюдала Божии заповеди, очищала сердце и обогащала жизнь.

Если, с одной стороны, протестантизм лоллардов был узкой и ограниченной системой, состоявшей из очень немногих событий, то с другой стороны, он был совершенен, поскольку содержал ядро и обетование всего богословия. Дана только одна фундаментальная истина, все остальное должно прийти в свое время. В авторитетном источнике Писания, одухотворенном Слове Божьем, и в смерти Христа, как полном и совершенном искуплении вины человека, они нашли больше, чем одну фундаментальную истину. Им пришлось идти вперед по пути, на который они вступили, следуя за этими двумя светильниками, и они пришли в должное время во владение всей открывшейся правды. С каждым шагом горизонт вокруг них расширялся, свет падавший на предметы становился ярче, связи между истинами становились более видимыми, пока наконец все не переросло в окончательную, гармоничную систему, истина соединилась с истиной и все расположилось в

красивом порядке вокруг главной центральной истины – Иисуса Христа, Сына Божьего.

Тем временем эти ранние христиане Англии были окружены снаружи сомнениями и предрассудками, исходя из туманности и узости их видения. Они боялись клясться, кладя руку на Новый Завет, они колебались использовать инструментальную музыку в собрании, некоторые из них осуждали все войны. Но внутри они достигли огромного развития! Склоняясь перед авторитетом Писания, их понимание освободилось от узурпирующего авторитета человека. Имея такое помазание, они отказались смотреть глазами других, видеть на одухотворенных страницах доктрины, которых нельзя было найти ни по одному правилу экзегезы, и против которых возмущался их здравый смысл. Опираясь на Крест, они нашли то облегчение сердцам, которого искали их соотечественники, но не находили в постах, епитимьях, приношениях святым, паломничестве (иногда в рубище и слезах), суровом истязании плоти, и иногда в ярких одеждах на медленно идущих под богатыми попонами мулах под звуки волынок и веселые песни.

Лучшим свидетельством распространения лоллардизма, другими словами протестантизма, была необходимость со стороны их противников принять более жесткие меры репрессии. «Колодец», который Уиклифф выкопал в Оксфорде, все еще был полон, его воды надо было остановить. Свет, который он зажег Библией на родном языке, все еще горел и посылал свои лучи по всей Англии; его надо было погасить. Выполнение этих двух целей стало основной задачей Арунделя. Собрав в Оксфорде (1408г.) епископов и клириков своей епархии, он обнародовал некоторые постановления о контроле над ересью, изложенные в 13 главах и известные как Конституция Арунделя. Целью этой конституции было, во-первых, запретить проповедовать тем, у кого не было особого разрешения епархиального епископа, и кто не прошел экзамен по их догматизму; во-вторых, обязать проповедников остерегаться все нововведений Уиклиффа и ограничить свои беседы по любой темы доктринами святой церкви; в-третьих, видя, «что заблуждения лоллардов захватили Оксфордский университет и, чтобы остановить отравления источника, Синодом принято постановление, что все смотрители, магистры и руководители колледжей и университета обязаны справляться о взглядах и принципах студентов их заведений. И если они обнаружат у них что-нибудь противоречащее католической вере, то пусть сделают выговор, а если те будут упорствовать, то пусть исключат их». «В этом смысле, говорится в шестой главе конституции, новые дороги в религии опаснее, чем старые». Архиепископ, озабоченный безопасностью путников, продолжал закрывать все новые дороги следующим образом - «мы предписываем и требуем, чтобы любая книга или трактат, написанные Джоном Уиклиффом или другим каким-нибудь человеком времен Уиклиффа, или позже, или кто в будущем напишет какую-нибудь книгу по вопросам теологии, будет допущена к чтению в школах, аудиториях

или других местах Кантерберийской епархии после того, как книга будет проверена Оксфордским или Кембриджским Университетом». Нарушение этого положение подвергало нарушителя судебной ответственности как «занимающегося распространением заразы раскола и ереси».

Седьмая глава конституции начиналась так: «Опасным занятием, как предупреждал св.Иеремий, является перевод Библии. Поэтому мы постановляем, что с этого времени ни один неавторитетный человек не будет переводить Священное Писание на английский или другой язык в виде книги или трактата. Ни одна такая книга, трактат или тест, написанный во времена Уиклиффа или позже, не могут быть прочитаны целиком или частично, публично или приватно под угрозой отлучения от церкви, пока данный перевод не будет одобрен либо епархиальным епископом, либо советом графства, как того потребуют обстоятельства. Никогда еще не было таких санкций. В результате все переводы Священного Писания на английский или другие языки и все чтение Слова Божия целиком или частично, публично или приватно было запрещено этой конституцией под угрозой отлучения от церкви.

Глава 3 - Развитие английского протестантизма.

Папский раскол – Его предопределенная цель – Совет в Пизе – Письмо Генриха Папе – Король убеждает Папу отказаться от престола. – Совет в Пизе низлагает обоих Пап. – Избрание Александра V –Раскол не устранен. – Протестантизм в Англии продолжает расти. – Оксфорд очищается. – Католическое возрождение – Поклонение «матери Божьей» - Поклонение архиепископу – Гонения на протестантов ужесточаются. – Колыбель английского протестантизма – Уроки, которые нужно извлечь.

Мы уже говорили о расколе, из-за которого папский мир разделился, и его главенствующая роль ослабла в тот самый момент, когда Уиклифф начинал реформацию. Этому событию, не в малой степени, реформатор обязан тем, что умер спокойно, и что семенам истины, которые он посеял, позволили взойти и укрепиться в почве до того, как разразилась буря. Но если раскол был щитом для зарождавшейся реформации, то он же был и огромным источников бедствий для мира. Общественное сознание было обеспокоено, не зная, какому из двух престолов Петра принадлежит бесспорное место власти и истинный источник благодати. Народы были в замешательстве, так как Папы перенесли свой спор на поле брани, и кровь потекла рекой. Чтобы положить конец этим скандалам и несчастьям, французский король отправил посольство к Папе Григорию XII с тем, чтобы склонить его исполнить клятву, которую он дал при избрании, освободить престол при условии, если его противник сможет принять соглашение. «Он получил, пишет Колльер, изворотливый ответ».

В ноябре 1409 года кардинал Бордо прибыл в Англию из Франции с целью объединения двух монархий, чтобы со властью вынудить Григория исполнить клятву. Кардиналы также способствовали окончанию раскола. Они предприняли шаги для созыва Генерального Совета в Пизе, на который английское священство послало трех делегатов. До этого король Генрих отправил послов, которые наряду с другими распоряжениями везли письмо Папе от короля. Генрих IV писал просто своему «святому отцу». Он умолял его «подумать до какой степени настоящий раскол привел в замешательство и запутал христианство, и как много тысяч жизней потеряно на поле этой вражды». Если бы он принял это близко к сердцу, то был бы уверен, что «его Святейшество» скорее бы отказалось от тиары, чем сохранило ее за счет разделения в церкви, ограждаясь от мира уклончивыми ответами. «Так как, добавил он, если бы ваше Святейшество руководствовалось полезными мотивами, то вами бы управляла нежность истинной матери, которая предстала на суд перед царем Соломоном и отказалась от ребенка, чем видеть его разрубленным на куски». Тот, кто дает хороший совет, говорится в пословице, оказывает неблагодарную услугу. Эта пословица особенно подходит к тому, кто дает совет непогрешимому

человеку. Григорий прочитал письмо, но не отреагировал на него. Архиепископ Арундель, являясь вторым лицом после монарха, созвал Парламент, чтобы тот согласился на приостановку сбора пенсов для св. Петра до исправления разногласий, отрицательно влиявших на христианство. Если одной рукой король подвергал наказанию Папу, то другой рукой сжигал лоллардов; не удивительно, что он был успешен в усилиях сбить Папскую надменность и упрямство.

Все еще скорбный вид двух престолов и двух Пап продолжал сказываться на приверженцах папизма. Кардиналы более серьезно, чем когда-нибудь, решили вынести этот вопрос на рассмотрение между Папой и Церковью, так как они предвидели, что если так будет продолжаться, то оба быстро погибнут. Таким образом, они уведомили королей и прелатов западной церкви, что они собирают Вселенский собор в Пизе 25 марта наступавшего 1409 года. Призыв встретил всеобщий отклик. «Почти все прелаты и известные люди латинского мира отправились в Пизу». Собор состоял из 22 кардиналов, 4 патриархов, 12 архиепископов лично и 14 через поверенных, 80 епископов лично и великое множество через представителей, 87 аббатов, послов почти всех королей Европы, делегатов большинства университетов, представителей капитулов кафедральных соборов. Число, достоинство, авторитет участников Собора давал ему возможность представлять Церковь, а также надежду на преодоление раскола.

Сейчас было видно, как престиж папства пострадал от раскола надвое, и как благоприятен был он для освобождения мира. Если бы папство оставалось единым и неразбитым, если бы был только один Папа, Собор склонился бы перед ним, как перед истинным Наместником; но их было двое; перед участниками стоял вопрос: Кто лжепапа? Не могут оба быть ложными. И через несколько дней они нашли путь к решению, который изложили в четком приговоре на 14 сессии. И который, когда мы принимаем во внимание возраст, личности, должности, против которых обвинение было выдвинуто, является одним из самых замечательных решений, зафиксированных в письменном виде. Он оставил шрам на папской власти, который не изгладился по сей день. Собор объявил Григория XII и Бенедикта XIII отъявленными и неисправимыми раскольниками и еретиками, виновными в явном лжесвидетельстве, чья вина очевидно доказана; их лишают званий и власти, провозглашают Папский престол свободным, а все осуждения или одобрения этих мнимых Пап не имеющими юридической силы и недействительными.

Собор, позорно отвернув этих двух Пап, и спасши, как они думали, престол, за который каждый из них цеплялся крепкой и решительной хваткой, поместил на него кардинала Милана, который начал править под именем Александра V. Понтифик правил недолго, так как в том же году Александр закончил таким образом, о котором Вальтазар, его преемник под именем Иоанн XXIII, предположительно знал больше,

чем хотел оглашать. Собор вместо того, чтобы исправить положение дел, сделал его хуже. Иоанн, который был признан законным держателем тиары, не способствовал ни почитанию церкви, ни спокойствию мира. Двое Пап, Григорий и Бенедикт, отказавшись подчиниться Собору или признать нового Папу, не сходили с арены действий, сопротивляясь с помощью духовного и плотского оружия. Вместо двух противоборствующих Пап стало три; «не три венца на одной папской голове, писал Фокс, а три головы в одной папской церкви», каждая с телом последователей, чтобы поддерживать их претензии. Раскол, таким образом, не только не был преодолен, но стал еще шире, и скандалы и несчастья, следовавшие за ним, далекие от прекращения, значительно усугубились; несколько лет спустя мы находим другой Вселенский Собор, собравшийся в Констанце; возможно, он сможет повлиять на то, что не удалось в Пизе.

Мы возвращаемся в Англию. Пока раскол продолжал возмущать и досаждать католикам на континенте, развитие лоллардизма донимало священство Англии. Несмотря на усилия Арунделя, который не жалел ни указов, ни хвороста, семена, которые посеял главный враг папства, Уиклифф, всходили и смешивали пшеницу Рима с плевелами ереси. Оксфорд особенно требовал внимания легата. Этот источник имел привкус лоллардизма, с тех пор как Уиклифф преподавал там. Он должен быть очищен. Арундель отправился с пышной свитой, чтобы нанести визит университету (1411г.). Канцлер в сопровождении многочисленных прокторов, профессоров и студентов встретил его недалеко от ворот и сказал ему, что если он приехал просто, чтобы посмотреть город, то добро пожаловать, но если он приехал как инспектор, то он просит напомнить Его Милости, что Оксфордский университет на основании Папской буллы освобожден от епископальной и архиепископальной юрисдикции. Арундель не мог вынести такого отпора. Он уехал из Оксфорда через день или два и написал отчет об этом королю. Руководителей университета вызвали в суд, а канцлер и прокторы были лишены своих должностей. Студенты, обидевшись на такую строгость, перестали посещать лекции, и были на грани разрушения и роспуска своего сообщества.

После теплой беседы между университетом и архиепископом дело с согласия обоих сторон было представлено королю. Генрих решил, что оно должно остаться на том основании, на которое поместил его Ричард II. Итак, мнение склонилось в пользу архиепископа, королевское решение было подтверждено парламентом, а впоследствии Иоанном XXIII, в булле, которая лишала привилегии свободы, данной университету Папой Бонифацием.

Она открыла дверь Оксфорда для архиепископа. Созыв парламента вызвал еще больший всплеск уиклиффизма в университете, что заставило архиепископа вмешаться своей властью пока это «прежнее место знаний и добродетелей» сильно

не испортилось. Поразительным фактом явилось то, как отметил Парламент, что свидетельство в пользу Уиклиффа и его доктрин с печатью университета было недавно опубликовано Оксфордским университетом. Арундель не медлил. Вскоре его представители прибыли в колледж. Эти инквизиторы еретической порочности призвали подозреваемых профессоров, и, угрожая законом Генриха о сожжении, вынудили их отречься. Затем они проверили все рукописи Уиклиффа. Извлекли из них 246 суждений, которые они посчитали еретическими. «Этот список отправили архиепископу. Легат, заклеймив его проклятием, отправил Папе просьбу придать его окончательной анафеме и послать ему буллу, наделявшую его полномочиями выкопать и сжечь кости Уиклиффа». «Папа, как пишет Колльер, даровал первое, но отказал в последнем, посчитав ненужной епитимьей нарушать прах умершего.»

Одной рукой Арундель продолжал борьбу с зарождавшимся протестантизмом Англии, а другой он боролся за возрождение католицизма. Он обдумывал, каким новым обрядом он смог бы почтить, и какой новой милостью венчать «матерь Божию». Он учредил в честь Марии «колокольный перезвон при молитве Аве Мария», надлежащее прочтение которой, давало определенное число дней индульгенции. Обряды Римской церкви уже были многочисленными, требовавшими целого специального словаря для их обозначения и почти всех дней в году для их соблюдения. В своем рескрипте епископу Лондона Арундель выдвинул основания для нововведения. Арундель аргументировал тем, что «Божия матерь» высоко чтится в королевстве Англии. Она является «щитом нашего покровительства». Она «делает наше оружие доблестным», и «распространяет нашу власть по всем берегам земли». Более того, нация обязана Деве Марии спасением от ужасного зла, которое угрожало стране, и о последствиях которого даже страшно подумать, если бы оно охватило ее. Архиепископ не назвал имя чудовища, но легко было догадаться, что он имел ввиду, так как архиепископ продолжал говорить о новой породе волков, которые ждут, чтобы напасть на жителей Англии и истребить их, не разрывая их зубами, как свойственно диким зверям, но используя новый и незнакомый метод, примешивая яд в их еду. «Кому (Марии) мы можем приписать в последнее время наше спасение от преследующих волков и от пасти хищных зверей, которые приготовили на нашу трапезу мясо, смешанное с желчью». На этом основании архиепископ распорядился (10.02.1410г.), чтобы колокола звонили утром и вечером в честь Марии, пообещав всем, кто произносит молитву Отче наш и молитву Деве Марии пять раз при утреннем благовесте сорокадневную индульгенцию.

Кому, после «Божьей матери», несомненно, думал архиепископ, обязана Англия, как не ему самому! Таким образом, мы находим его выдвигающим скромное требование разделить те почести, которые он установил для своей покровительницы. Следующий рескрипт, направленный Томасу Уилтону, его судебному исполнителю, предусматривал, что в какое-либо время, когда он бы не проезжал по

Кантерберийской епархии с крестом, который несли впереди него, должны звонить колокола всех приходских церквей «в знак особого к нему почтения». Некоторые церкви Лондона были временно закрыты архиепископом, потому что «в прошлый вторник, когда мы, между восьмью и девятью часами перед ужином, пешком шли по улицам Сити Лондона с крестом, который несли перед нами, нам не оказали почтения, не звоня в колокола при нашем приближении». Поэтому мы приказываем нашей властью вынести обвинение всем этим церквям с временным запрещением церковных органов и инструментов».

«Почему, спрашивает хронист, хотя колокола не звонили на колокольнях, должны были запретить церковные инструменты? Бедные органы, как мне кажется, пострадали несправедливо, замолкнув на клиросе из-за того, что колокола не прозвенели на колокольне». Некоторые, возможно, улыбнутся на эти уловки Арунделя укрепить папство, как указывающие на тщеславие, а не на проницательность. Но мы можем согласиться, что коварный архиепископ знал, что он имел в виду. Он, таким образом, сделал «церковь» неотъемлемой частью англичан того времени. Она будила их от сна утром, она пела им перед сном вечером. Звук колоколов был в их ушах, ее символы – перед их глазами на протяжении всего дня. Каждый раз, когда они целовали изображение, повторяли молитву Деве Марии или делали крестное знамение святой водой, в них возрастало почитание «матери Божьей». Каждое такое действие укрепляло оковы, притуплявшие разум и связывавшие душу. При каждом повторении глубокий сон сознания становился еще глубже.

Гонения на протестантов не прекратились. Преследование еретиков стало жестче, и отношение к ним со стороны тюремщиков более жестоким. Тюрьмы в домах епископов, а ранее просто места заключения, были снабжены орудиями пыток. Башня лоллардов в Лэмбете была переполнена исповедниками, которые оставили на стене своей камеры короткую, но трогательную фразу, свидетельство их «терпения и веры» для людей последующих времен, и кто видел ее, тот никогда не забудет. Многие, слабые в вере и напуганные той жестокостью, которой им угрожали, появлялись в покаянной одежде с горящими свечами в руках у крестов на рыночных площадях или церковной паперти, и читали отречение. Но не все, Англия в те дни была похожа на Испанию. Были и другие, более укрепленные свыше, стремившиеся к славе, чище и ярче которой нет на земле, к смерти за Евангелие. Поэтому к столбу периодически приводились жертвы.

Так прошли ранние годы английского протестантизма. Он не возрастал легко, в пустых разговорах, под улыбки и аплодисменты толпы, нет, он воспитывался в яростных и жестоких штормах. С колыбели он был знаком с трудностями, оскорблениями, нападками, жестокими насмешками, бичеваниями, и более того, с

оковами и тюрьмами. Толпа высмеивала его, власть смотрела неодобрительно, священники называли его ересью и преследовали мечом и хворостом. Давайте подойдем к его колыбели, помещенной не под красивую крышу, в камеру с тюремщиками и палачами, ожидавших рядом. Давайте забудем, хотя бы на минуту о деноминационных и церковных различиях между нами; давайте отложим: один свою лужайку, другой свою Женевскую мантию, и просто в духе христиан и протестантов придем сюда и подумаем о нашем общем скромном происхождении. Кажется, что это «малое дитя» было выброшено на погибель, Римская власть стоит перед ним, готовая уничтожить его, однако, ему было сказано: «Тебе Я отдам Англию». Вот урок, который, при нашем смирении и должном восприятии, пробудит любовь и возвратит единство и силу наших первых дней.

Глава 4 - Действия по распределению церковной собственности.

Горящий куст – Петиция Парламента – Перераспределение церковной собственности – Защита архиепископа Арунделя – Король встает за церковь – Петиция подается во второй раз – Ее повторное отклонение – Более сильное оружие, чем королевские вердикты – Свержение Ричарда II – Генрих IV – Вердикт De Haeretico Comburendo – Переживания короля – Бедствия страны – Планируемый крестовый поход – Смерть Генриха IV.

В предыдущей главе мы увидели протестантов Англии, заклейменных как лолларды, изгоняемых вердиктами и бросаемых в тюрьмы, из которых многие вышли для чтения отречения на церковных папертях и рыночных площадях, и немногие, чтобы засвидетельствовать свою веру на костре. Буря росла с каждым часом, и маленькая группа, по которой она больше всего ударяла, казалось, должна была исчезнуть. Ни в одно время и ни в одной стране, быть может, церковь Божия так хорошо не осознавала обетование, показанное в самом ее раннем и важном символе, чем в Англии в это время. Как среди гранитных пиков Хорева, так и здесь в Англии « Куст горел, но не сгорал».

Их метод утверждения веры страданиями был более верным путем к победе, чем тот, какой английские протестанты любовно наметили для себя сами. В шестой год правления Генриха IV они ходатайствовали перед королем через парламент, чтобы завладеть церковными доходами и собственностью и перераспределить их так, чтобы сделать их более пригодными как для короны, так и для нации.

Палата Общин довела до сведения короля, что клирики владеют третьей частью земель в королевстве и не принимают никакого участия в общественных нуждах; их богатство делает их недееспособными в должном выполнении священных обязанностей. Архиепископ Арундель был рядом с королем, когда спикер парламента, Сэр Джон Чинней, представил петицию. Он не был человеком, который мог стоять и молчать, когда такое обвинение было выдвинуто против заведенного им порядка. Правда, сказал архиепископ, что священники сами не ходят на войну, но также и правда то, что они всегда посылают своих слуг и жителей на поля сражений в таких количествах и с таким снаряжением, которые соответствуют размеру их владений. Архиепископ счел насмешку по поводу того, что клирики являются трутнями, которые беспечно живут дома, когда их соотечественники несут службу заграницей, несправедливой со стороны спикера. Если они одевают стихарь и берут служебник, когда их мирские братья одевают кольчугу и берут рапиру или арбалет, то не потому что бояться пролить кровь или любят легкую жизнь, но потому что хотят проводить дни и ночи в молитве за благополучие страны, особенно за успех ее оружия. Пока солдаты Англии боролись, ее священники молились;

последнее не менее чем первое, способствовало победам, которые придали блеск оружию Англии.

Спикер Палаты Общин с улыбкой ответил на энтузиазм легата, что молитвы церкви являлись слабой поддержкой. Ужаленный этим возражением, Арундель быстро повернулся к Сэру Джону и обвинил его в богохульстве. «Я понимаю, сэр, сказал легат, как королевство должно благоденствовать, когда религиозное рвение и небесное покровительство пренебрегаются и осмеиваются».

Король «медлил в раздумье». Архиепископ, понимая его нерешительность, пал перед ним на колени и умолял Генриха вспомнить клятву, которую он дал при восшествии на престол: отстаивать права церкви и защищать клир; и еще посоветовал ему остерегаться принимать на себя ответственность в обвинении святотатства и связанных с ним наказаниями. Король более не колебался и попросил архиепископа оставить свои опасения и уверил его, что клиру не нужно остерегаться таких предложений как нынешние, пока он носит корону; что он позаботится оставить церковь в еще лучшем положении, чем то, в котором он ее нашел. Надежды лоллардов, таким образом, рухнули.

Но их число продолжало увеличиваться; постепенно образовалась в Парламенте «партия лоллардов», как ее назвал Уолсингем, и в одиннадцатый год правления Генриха они решили, что настало время выдвинуть свое предложение во второй раз. Они произвели подсчет церковных поместий, которые, по их представлению, приносили ежегодный доход в размере 148.000 мерков (старых шотландских марок) и занимали 18.400 единиц пахотных земель. Эта собственность, как они предлагали, должна быть разделена на три части и распределена следующим образом: одна часть должна отойти королю и дать ему возможность содержать 6,000 воинов в добавлении к тем, которых он имел на тот момент; это позволит ему назначить новых графов и рыцарей. Вторая часть должна быть поделена в качестве ежегодного жалования между 15.000 священниками, которые должны совершать богослужения для народа, остальная третья часть должна быть конфискована для создания 100 новых больниц. Но предложение не снискало расположения короля, хотя обещало ему значительное увеличение военной мощи. Он не посмел порвать с церковной иерархией, и возможно, подозрительно отнесся к большим переменам, содержавшемся в проекте.

Обратившись суровым тоном к Палате Общин, он потребовал, чтобы они никогда снова при его жизни не обращались перед его троном с таким предложением. Он даже отказался выслушать просьбу, сопровождавшую петицию, о том, чтобы смягчить вердикт против ереси и разрешить перевести осужденных лоллардов в принадлежавшие ему тюрьмы, а не быть замурованными в скорбных цитаделях епископов. Даже эти небольшие поблажки протестанты не могли получить, чтобы

священники не подумали, что Генрих начал метаться между двумя верами; он закрепил свою приверженность церкви новым разжиганием жертвенного огня для лоллардов.

Пришлось последователям Уиклиффа завоевывать Англию другим оружием, нежели королевскими вердиктами и парламентскими петициями. Они должны были медленно и кропотливо покорять ее слезами, а затем мученичеством. Хотя король поступил, как они хотели, и вердикт претворил в жизнь все, что они ждали от него, в конце концов, он стал просто фиктивным и неплодотворным приобретением, который мог снести любой непостоянный ветер, дувший при дворе. Но, когда своим учением сквозь страдания, своей святой жизнью и мужественной смертью, они осветили осмысление протестантских доктрин и завоевали сердца своих соотечественников, тогда они действительно овладели Англией и таким образом, удержали ее навсегда. Эти ранние последователи не вполне ясно понимали, в чем заключалась главная сила протестантизма. Политическая деятельность, которой они занялись, была попыткой собрать плоды не только прежде, чем они созреют под солнцем, но даже прежде чем они посеют семена. Здание римской церкви было построено на убеждениях в умах англичан, что Папа – небесный посланник, даровавший людям прощение грехов и благословения для спасения. Это убеждение, наверное, впервые было опровергнуто. Пока оно сохранялось, ни материальное воздействие, ни политические действия не могли быть достаточными, чтобы сбросить господство Рима. Среди скандалов клира и разложения нации оно бы продолжало расти до наших дней, если бы не пришли на помощь реформаторские и духовные силы. Мы можем извинить ошибку протестантов Англии 15 века, когда размышляем, что единственная сила этих действий имела неглубокую веру даже в религиозном мире.

С того часа, как столб для костра был поставлен для протестантов Англии, ни король, ни народ не имели покоя. Генрих Плагенет (Болингброк) вернулся из ссылки, поклявшись, что не нарушит наследную преемственность короны. Он нарушил обет и свергнул Ричарда II. Церковь через своего легата была пособником ему в этом деле. Арундель помазал нового короля из таинственного сосуда, который по преданию Дева Мария дала Томасу Беккету во время его ссылки во Франции, сказав ему, что те короли, на чью голову изольется этот елей, будут славными воинами церкви. За коронацией последовала темная трагедия в замке Понтефрект и еще более темная и более систематическая жестокость вердикта De Haeretico Comburendo с последующими тюремными заключениями в Тауэре и кострами в Смитфилде. Царствование, которое началось, таким образом, не имело ни популярности за границей, ни процветания на родине. Коалиция поднималась на коалицию, бунт следовал за бунтом, цепь народных бедствий сменялась в быстрой последовательности, пока, наконец, Генрих окончательно не потерял популярность,

с помощью которой он взобрался на трон. А террор, с которым он царствовал, заставил подданных пожалеть слабого, легкомысленного и порочного Ричарда, которого он лишил короны, а затем и жизни. Постоянно возникали слухи, что Ричард жив и однажды потребует своего, что давало основание не только для постоянных тревог короля, но и для частых тайных сговоров знати; человек, который первым поставил столб для костра в Англии для последователей Евангелия, должен был вскоре возвести эшафоты для пэров своего королевства. Его сын, принц Генрих, усугублял его переживания.

. Мысль, частично оправданная буйной жизнью, которую вел принц с множеством компаньонов, которыми он окружил себя, о том, что он хотел захватить корону прежде, чем смерть даст ее обычным путем, постоянно преследовала королевское воображение. Чтобы избежать опасности, монарх временами предпринимал нелепые предосторожности и клал регалии под подушку во время сна. «Его короткое царствование в течение 13 лет и 5 месяцев прошло, как пишет хронист, «с небольшим удовольствием».

Последний год жизни Генриха отмечен запланированным походом в Святую Землю. Монарх считал себя признанным к праведным трудам по освобождению Иерусалима от неверных. Если бы он преуспел в этом, заслуживавшем одобрения труде, то он бы провел оставшуюся жизнь с более легкой совестью, как искупившего преступления, с помощью которых он открыл дорогу к трону. Как оказалось, однако, его усилия совершить это грандиозное мероприятие только добавили забот ему самому и возложили бремя на подданных. Он собрал корабли, деньги, провизию и солдат. Все было готово, флот только ждал, когда король взойдет на корабль, чтобы поднять якорь и отплыть. Но перед отплытием монарх должен был посетить гробницу св. Эдварда. «Пока он возносил молитвы, пишет Холиншед, о благополучном отправлении и дальнейшем путешествии, он неожиданно и тяжело был поражен приступом, так что окружавшие его боялись, что он вскоре умрет; поэтому чтобы облегчить, насколько возможно, его страдания они отнесли его в соседнюю комнату, принадлежавшею аббату Вестминстера, где положили его на ложе перед камином и применили все средства для того, чтобы вернуть его в сознание. Наконец к нему вернулась речь и сознание, обнаружив себя в незнакомом месте, он захотел узнать имеет ли эта комната какое-нибудь имя, и ему ответили, что она называется «Иерусалимом». Тогда король сказал: «Слава Небесному Отцу, так как знаю, что умру в этой комнате согласно пророчеству, данному обо мне, что я закончу свою жизнь в Иерусалиме».

Глава 5 - Суд и обвинение Сэра Джона Олдкастла.

Генрих V – Коронация и буря – Толкования – Борьба за освобождение – Юность Генриха – Перемена при получении власти короля – Злой гений Арунделя – Сэр Джон Олдкастл – После женитьбы становится Лордом Кобхемом. – Принимает взгляды Уиклиффа – Опекает проповедников лоллардистов. – Обвинен Арунделем. – Разговор между Лордом Кобхемом и королем – Вызван Арунделем. – Повестки разорваны. – Исповедование веры – Арестован. – Приведен на суд архиепископа. – Расследование – Его взгляды на евхаристию, исповедь, Папу, изображения, церковь и пр. – Обвинение его как еретика – Поддельное отречение – Убегает из Тауэра.

Сраженный апоплексическим ударом в начале зрелого возраста, 20 марта 1413года, Генрих IV был похоронен в гробнице в Кантерберийском соборе, а его сын Генрих V взошел на трон. Новый король был коронован в Страстное Воскресенье 9 апреля. День был ознаменован ужасной бурей, которая разразилась над Англией, и дух времени по-разному интерпретировал это событие. Немало людей считали это предзнаменованием зла, предупреждением о политических бурях, которые будут сотрясать государство Англии. Но другие, более оптимистически настроенные, толковали это событие с большей надеждой. Как буря, говорили они, разгоняет мглу зимы и вызывает из темных обителей земли цветы весной, так и справедливое правосудие короля рассеет нравственные пары, нависшие над страной во время последнего правления, и призовет добродетели порядка и благочестия, чтобы украсить и благословить общество. Между тем будущее, которое люди пытались прочитать, открывалось им, неся с собой те суровые бури, которые были необходимы для рассеяния ночного тумана, так долго висевшего над Англией. Вера наступала, чтобы занять место суеверия и пробудить в англичанах те стремления и наклонности, которые сначала получали развитие на полях сражений; потом, более славное развитие, в залах политических и богословских диспутов, и окончательный прогресс спустя два столетия, в безупречном здании гражданской и религиозной свободы, которое сейчас завершено в Англии, чтобы и другие народы могли бы научиться его принципам и получить его благословения.

Молодость Генриха V, который теперь правил Англией, была беспорядочной. Она была опорочена «беспорядочными удовольствиями, разгулом дебошира и чрезмерным употреблением вина». Ревность к своему отцу за устранение его от государственной деятельности находит извинение за заполнение его ума и времени низкопробными развлечениями и унизительными удовольствиями. Но, когда принц надел корону, он отверг свою прежнюю самость. Он удалил своих старых приятелей, окружил себя советниками отца, даровал звания и государственные должности людям способным и добродетельным; и, назначив содержание своим бывшим приятелям, он запретил им входить в его присутствие, пока не станут лучше. Короче,

он предпринял похвальные усилия, чтобы способствовать реформации в нравах и вере. «Находясь теперь на королевском месте, пишет хронист, он решил начать с чего-нибудь угодного Святейшему Величеству, поэтому приказал священникам проповедовать Слово Божие просто и верно, и жить соответственно, чтобы быть светильниками для мирской власти, как требовало их призвание. Он хотел, чтобы миряне служили Богу и повиновались своему королю, запрещая им, помимо всего, нарушение супружества, обычай сквернословия и умышленное лжесвидетельство».

Несчастье Генриха V состояло в том, что он имел благие намерения для своего народа, но не знал истинного источника настоящей реформации. Коварный Арундель был все еще рядом с ним и направлял шаги короля по тем же путям, по которым шел его отец. Кровь лоллардов продолжала течь, и новые жертвы время от времени пополняли списки мучеников.

Самым известным из протестантов его правления был Сэр Джон Олдкастл, дворянин Херефордшира. Женившись на наследнице замка Каулинг, недалеко от Рочестера, он получил место в парламенте с титулом лорд Кобхем по праву имения жены. Молодость лорда Кобхема была омрачена веселыми удовольствиями, но изучение Библии и трудов Уиклиффа изменили его сердце, и теперь к дворянским качествам доблести и чести он добавил христианское смирение и чистоту. Он служил во Франции при Генрихе IV, который дал высокую оценку его военным успехам. Не менее он был оценен его сыном, Генрихом V, за личные качества, острый ум и героические подвиги солдата. Но, «занозой» в благородных качествах и честном характере этого отважного старого барона, по мнению короля, была принадлежность к лоллардизму.

С характерной прямотой лорд Кобхем не делал секрета из того, что придерживался учения Уиклиффа. Он открыто заявил со своего места в парламенте еще в 1391 году, «что для Англии было бы лучше, если бы папская власть осталась в городе Кале, и не пересекла пролив». Говорят, что он также сделал копии с трудов Уиклиффа и разослал их в Богемию, Францию, Испанию, Португалию и другие страны.

Он открыл двери замка Каулинг для проповедников-лоллардов, сделав его их убежищем, в то время как их преследовали в округе во время проповеди Евангелия. Он сам часто бывал на их проповедях, стоя рядом с проповедником со шпагой в руке, чтобы защитить его от оскорблений монахов. Такое открытое неуважение церковной власти не могло быть не замечено и придано осуждению.

В то время (1413г.) проходил Собор в церкви св. Павла. Архиепископ поднялся и призвал внимание собравшихся к развитию лоллардизма, и особенно указал на лорда Кобхема, заявив, что «одеяние Христа никогда не будет без морщин», пока этот

пресловутый сообщник еретиков не будет убран с дороги. С этим все согласились, но Кобхем имел друга в лице короля, и это не позволило отправить его в Смитфилд и сжечь, как обычно поступали с еретиками. Они должны были, если возможно, иметь разрешение короля во всем, что делали против лорда Кобхема. Поэтому архиепископ Арундель с другими епископами и членами Собора нанесли официальный визит королю и изложили перед ним жалобу на лорда Кобхема. Генрих ответил, что сначала он сам постарается убедить бравого старого рыцаря, которого он высоко ценил.

Король послал за Кобхемом и убеждал его оставить заблуждения и подчиниться матери церкви. «Ваше Высочество, ответил он, я всегда готов и желаю подчиниться, ибо я знаю, что вы христианский король и Божий слуга; вам после Бога я должен подчиняться и покоряться. Но, что касается Папы и его духовности, то я не должен к нему, ни приспосабливаться, ни служить, потому что я знаю, что он, согласно Писанию, - антихрист, открытый противник Бога и мерзость, стоящая на святом месте». При этих словах выражение лица короля изменилось, его доброжелательность к Кобхему сменилась на ненависть к еретику; он отвернулся, решив больше не вмешиваться в это дело.

Архиепископ опять явился к королю, который теперь дал свое согласие на возобновление дела против лорда Кобхема согласно законам церкви. Они, во всех подобных случаях, сжато были выражены в законе Генриха IV, De Haeretico Comburendo. Архиепископ отправил посыльного к лорду Кобхему, призвав его предстать перед ним 2 сентября и ответить на статьи обвинения. Действуя по принципу, что он « не должен ни угождать, ни служить» Папе и его вассалам, Лорд Кобхем не обратил внимания на приказы явиться в суд. Затем Арундель приготовил официальный вызов в суд в надлежащей форме и отправил его по почте к воротам замка Каулинг и к дверям собора в Рочестере. Друзья и верные слуги лорда Кобхема быстро разорвали эти повестки. Архиепископ, видя церковь в опасности быть преданной презрению, а ее власть насмешке, поспешил обнажить против непокорного рыцаря ее старый меч, ужасный по тем временам. Он отлучил от церкви великого лолларда; но даже это не сломило его. В третий раз были отправлены повестки, приказывавшие ему явиться, под угрозой суровых наказаний; и снова они с презрением были разорваны.

Храброе сердце билось в груди Кобхема, он решил показать королю, что у него есть веское основание. Взяв ручку, он сел и написал обоснование своей веры. Основанием исповедования своей веры он взял Апостольский символ веры, раскрыв смысл принятых им основных положений, исходя из Писания. В его труде есть простота и духовность, но нет четкого, хорошо профессионально изложенного реформаторского богословия 16 века. Он отвез его королю, настоятельно прося,

чтобы его исследовали «наиболее благочестивые, мудрые и образованные люди его королевства». Генрих отказался взглянуть на его труд. Отдавая его архиепископу, король сказал, что в этом деле Его Милость будет его судьей.

Со стороны Кобхема последовало предложение, которое, несомненно, вызвало бы удивление у современных духовных лиц, но которое не считалось неуместным и поразительным в то время, когда многие юридические, политические и нравственные вопросы решались в сражении. Он предложил выставить сотню рыцарей и оруженосцев на поле сражения для очищения его от обвинения, против равного числа со стороны его обвинителей. И еще, сказал он: «я буду сражаться сам ни на жизнь, а насмерть в защиту моей веры, с любым человеком, христианином или язычником, кроме короля и лордов его совета». Его предложение было отклонено. Результат был таковым, что король приказал схватить его в личной кабинете и заключить в Тауэр.

В субботу, 23 сентября 1413 года лорд Кобхем предстал перед архиепископом Арунделем, который в присутствии епископов Лондона и Винчестера, открыл судебное заседание в доме капитула церкви св. Павла. Легат предложил ему оправдание, если он подчинится и признает свою вину. Он ответил тем, что вынул из-за пазухи и прочитал письменное обоснование своей веры, подав одну копию легату, а другую, оставив себе. Суд отложил заседание до следующего понедельника, чтобы продолжить его в доминиканском аббатстве на Лудгейт Хилл в присутствии более многочисленных епископов, богословов и монахов. Узнику опять было предложено оправдание на тех же условиях. Но он отвечал: «Нет, несомненно, я не сделаю этого, так как не согрешил перед вами, и, следовательно, я не сделаю этого». Затем он встал на колени на пол, поднял руки к небу и сказал: « Я исповедаюсь Тебе, мой Вечно Живой Бог, что в моей юности я оскорблял Тебя, о, Господь, ужасной гордостью, гневом, обжорством, жадностью и распутством. Многих людей я оскорбил в гневе и совершал многие ужасные грехи, Боже Благой, прошу Твоей милости». Затем поднявшись, со слезами, бежавшими по лицу, он повернулся к народу и прокричал: « Слушайте, добрые люди! Эти люди не отлучали меня от церкви за нарушение Божиих законов, но сейчас за нарушение их собственных законов и традиций они жестоко обращаются со мной и другими».

Суду понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя от такой сцены. Затем суд продолжил допрашивать лорда Кобхема следующим образом:

Архиепископ: «Сэр, что вы можете сказать по трем догматам, присланным в Тауэр, для вашего рассмотрения, особенно по поводу догмата Причастия?»

Лорд Кобхем: «Мой Господь и Спаситель, Иисус Христос, сидя на последней вечери со Своими самыми любимыми учениками, в ночь до Своих страданий, взял

хлеб, и, возблагодарив Своего Вечного Отца, благословил его, преломил и дал им, говоря: «Примите и ядите от него все. Сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание». В это я глубоко верю».

Архиепископ: «Верите ли вы, что это – хлеб, после причастных молитв?»

Лорд Кобхем: «Я верю, Причастие – это тело Христа в виде хлеба, Христа, который был рожден от Девы, умер на кресте и сейчас прославлен на небе».

Богослов: « После причастных молитв хлеба не остается, а только тело Христа».

Лорд Кобхем: «Однажды вы сказали мне в замке Каулинг, что святой хлеб евхаристии не является телом Христовым. Но я не согласился с вами и доказал, что это есть Его тело, хотя священники и монахи не соглашались, но противоречили друг другу.

Многие богословы зашумели: «Мы все говорим, что это – тело Божие».

Они сердито настаивали, чтобы он ответил, остается ли хлеб материальным после освящения Святых Даров.

Лорд Кобхем (пристально смотря на архиепископа) сказал: «Я твердо верю, что это – тело Христа в виде хлеба. Сэр, разве вы не так же верите?»

Архиепископ: «Да, также и я».

Богословы: «Только тело Христа после освящения Святых Даров священником, а не хлеб, или иначе?»

Лорд Кобхем: «Это – и тело Христа, и хлеб. Я докажу это следующим образом: подобно тому, как Христос, живя здесь на земле, имел как божественную, так и человеческую природу, и невидимая божественность была сокрыта под человеческой природой, которую только и видели в нем. Поэтому Святые дары есть самое тело Христа, а также хлеб, как я полагаю.

Хлеб – то, что мы видим, тело же Христа, которое есть Его плоть и кровь, спрятано в нем и видима по вере.

Улыбаясь друг другу, все говорят в один голос: «Это – гнусная ересь».

Епископ: «Говорить, что это – хлеб после освящения является очевидной ересью.

Лорд Кобхем: «Святой апостол Павел, я уверен, был таким же мудрым, как и вы и более сведущ в божественных истинах, и называл это хлебом. В письме к Коринфянам он говорил: «Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение тела Христова?»

Все: «Святого Павла нужно понимать иначе, ибо ересь – говорить, что это хлеб после освящения».

Лорд Кобхем: «Какие у вас доводы?»

Суд: «Это противоречит определению святой церкви».

Архиепископ: «Мы послали вам письменное изложение догмата о святом причастии, ясно определенное римской церковью, нашей матерью, и святыми отцами.

Лорд Кобхем: «Я не знаю никого святее Христа и Его апостолов. Что касается определения, то я знаю, что оно не принадлежат никому из них, ибо не соответствует Писанию, но явно противоречит ему. Если оно принадлежит церкви, как вы говорите, то только с тех пор, как она приняла большую дозу яда плотских богатств, но не раньше.

Архиепископ: «Как смеете так думать о святой церкви?»

Лорд Кобхем: «Святая Церковь это те, которые будут спасены, и чьей главой является Христос. Одна часть этой Церкви на небе со Христом, другая в чистилище (как вы говорите), а третья – здесь на земле».

Богослов Джон Кемп: «Святая церковь определила каждому христианину исповедоваться перед священником. Что скажите на это?»

Лорд Кобхем: «Больной или раненый человек нуждается в мудром и настоящем враче. Следовательно, необходимее исповедоваться сначала Богу, который единственный знает наши болезни и может помочь нам. Я не против того, чтобы пойти к священнику, если он ведет благопристойную жизнь и образован. Если он – порочный человек, мне лучше бежать от него, потому что я скорее заражусь от него, чем исцелюсь».

Богослов Кемп: «Христос поставил святого Петра наместником здесь на земле, чей престол – римская церковь. И Он обещал такую же власть всем преемникам святого Петра на этом престоле. Верите в это или нет?»

Лорд Кобхем: «Тот, кто старается следовать за Петром в святости жизни, тот – его преемник».

Другой богослов: «Что скажете о Папе?»

Лорд Кобхем: «Он и все вы представляете одного великого антихриста. Папа – глава, вы, епископы, священники, прелаты и монахи – тело, а монахи нищенствующего ордена – хвост. Ибо они скрывают порочность вас обоих своим словоблудием.

Богослов Кемп: «Святая церковь определила похвальным паломничество по святым местам, и там поклоняться святым мощам и образам святых и мучеников. Что скажете на это?»

Лорд Кобхем: «Я не нахожу на это указания ни в одной Божией заповеди. Лучше смахнуть с них паутины, снять и убрать с глаз долой, как и других пожилых людей, которые есть образы Божии. Это я говорю вам и хочу, чтобы весь мир знал, что своими раками и идолами, вашими ложными оправданиями и прощениями, вы притягиваете к себе имущество, богатство и главные удовольствия всех христианских стран».

Священник: «Как, сэр! Вы не поклоняетесь святым образам?»

Лорд Кобхем: «Какое поклонение могу я принести им?»

Монах Пальмер: «Сэр, поклоняетесь ли вы кресту Христа, на котором Он умер?»

Лорд Кобхем: «Где он?»

Монах: «Предположим, сэр, что он сейчас здесь перед вами».

Лорд Кобхем: «Умный человек задает мне серьезный вопрос о предмете, однако, сам не знает где он. Я снова спрашиваю: какое поклонение я должен оказать ему?»

Священник: «То поклонение, о котором говорит апостол Павел. Бог запрещает радоваться, как только крестом Иисуса Христа».

Епископ Лондона: «Сэр, вы хорошо знаете, Христос умер на материальном кресте».

Лорд Кобхем: «Да, я знаю, что наше спасение не пришло через этот материальный крест, а только через Того, Кто умер на нем. И также я знаю, что апостол Павел не хвалился никаким другим крестом, но крестом страданий и смерти Христа».

Архиепископ: «Сэр, день заканчивается. Вы должны либо подчиниться установлению святой церкви, либо предать себя еще большей опасности. Поймите это вовремя, иначе будет поздно».

Лорд Кобхем: «Я не понимаю, с какой целью я должен подчиниться».

Архиепископ: «Мы опять настаиваем, чтобы вы позаботились о себе, и не имели бы иного мнения по этим вопросам, кроме всеобщего исповедания веры святой римской церкви, и как послушное дитя вернулись бы в лоно вашей матери. Поймите это вовремя, говорю вам, пока можно исправить, и не будет слишком поздно».

Лорд Кобхем: «Я не переменю своего мнения по этим вопросам, как уже изложил вам. Делайте со мной, что хотите».

Архиепископ: «Мы должны исполнить закон, мы должны вынести решение церковного суда, осудить и приговорить вас как еретика».

Потом архиепископ встал и зачитал решение. Все собрание, епископы, богословы и монахи, встали и сняли головные уборы. Архиепископ извлек два документа, которые были приготовлены заранее и начал читать их. В первом говорилось о ересях, в которых обвинялся лорд Кобхем, и об усилиях, которые суд, «желая спасения его души», предпринял, чтобы обратить его к «единству с церковью». Но он, «как дитя беззакония и тьмы», так ожесточился в своем сердце, что не послушал голоса своего пастыря». «Поэтому мы, продолжал архиепископ, обратившись ко второму документу, осуждаем, объявляем и приговариваем вышеупомянутого Сэра Джона Олдкастла, рыцаря, как самого злостного и отвратительного еретика, отдавая его светскому правосудию и власти, к смерти».

Это решение Арундель провозгласил сентиментальным, дружеским тоном, и слезы текли по его лицу. Архиепископ сам рассказывает об этом, иначе бы мы не узнали, так как мы не находим признаков сострадания или смягчения в терминах решения. «Я зачитал его, говорит архиепископ относительно приговора о предании Сэра Джона огню, самым доброжелательным и приятным тоном с плачущим лицом». Если архиепископ плакал, то на лице лорда Кобхема никто не увидел и слезинки. «Обратившись к собранию, пишет Бейл, лорд Кобхем сказал очень бодрым голосом: хотя вы осудили мое жалкое тело, но душе вы не можете принести вреда. Тот, Кто создал ее, по Своей безграничной милости, спасет ее. Я не сомневаюсь в этом. Затем преклонив колени и подняв глаза и руки к небу, он помолился: Вечный Господь Бог, умоляю Тебя ради великой Твоей милости простить моих гонителей, если на то Твоя благословенная воля. Затем он был отправлен к сэру Роберту Морлей и отведен назад в Тауэр».

Приговор был приведен в исполнение спустя еще 50 дней. Такая необычная отсрочка была связана с симпатией к своему старому другу со стороны короля, или она была вызвана надеждой на его подчинение церкви. И тогда его отречение нанесло бы удар по лоллардизму. Но лорд Кобхем взвесил все обстоятельства и твердо решил мужественно вынести ужасы Смитфилда, нежели чем подвергаться обвинению в отступничестве. Его гонители, наконец, отчаялись привести его в одеждах раскаяния с зажженными свечами к дверям собора св. Павла, что они делали с более покорными и слабыми исповедниками, чтобы там он раскаялся в насмешках над поразительной тайной пресуществления и возведение авторитета Писания над авторитетом церкви. Но если настоящего отречения не могло быть, то можно было сфабриковать фиктивное и выдать его за признание дворянина. К такому средству

прибегли его враги. Они известили, что «Сэр Джон стал добропорядочным человеком и смиренно подчинил себя всем догматам святой церкви. Затем они составили и опубликовали письменное «клятвенное отречение», в котором они заставили лорда Кобхема признать безграничное почитание Папы (Иоанна XXIII), «наместника Христа на земле и главу церкви», его клир, таинства, законы, прощения грехов и произволение. Они рекомендовали «всем христианам соблюдать и смиренно принять все вышесказанное». Далее они заставили его в этом «отречении» объявить «заблуждениями и ересями» все доктрины, которые он отстаивал перед епископами, и, возложив руку «на святое Божье Евангелие» поклясться, что никогда больше не будет придерживаться этих ересей, «или чего-нибудь подобного сознательно».

Фальсификаторы этого «отречения» перегнули палку. Лишь небольшой рассудительности было достаточно, чтобы понять грубую подделку. Ее авторы были, несомненно, осторожны, чтобы взгляд человека, которого они так низко опорочили, не коснулся ее. Однако, очевидно, что информация была передана Кобхему в тюрьму. Священники заставляли выступать по некоторым положениям публично, так как мы находим, что он послал возражение на клевету и подделку, которые распространялись о нем. Он протестовал, как и ранее, стоя перед архиепископом, заявляя, что вера его не изменилась. «Это отречение, пишет Фокс, никогда не попадало в руки лорда Кобхема, оно было составлено не для этого, но чтобы только затуманить взор невежественных масс на некоторое время». Между тем, либо с помощью друзей, либо с попустительства губернатора, доподлинно неизвестно, но лорд Кобхем убежал из Тауэра в Уэльс, где жил тайно четыре года.

Глава 6 - Лоллардизм объявлен изменой.

Распространение лоллардизма – Клирики жалуются королю. – Деятельность лоллардов – Обвинение в замыслах разрушить трон и государство – Ночное собрание лоллардов у церкви св.Эгидия- в-полях – Тревога короля – Он нападает и разгоняет собрание. – Было ли это конспирацией или тайным религиозным собранием? – Древнее орудие в действии.

Лорд Кобхем на время ускользнул из рук своих гонителей, но более покорные исповедники были им доступны, на них Арундель и его клир стали вымещать свою месть. То, что они определили как ересь и наказывали огнем, распространялось по всей Англии, несмотря на их суровость. То, что новые взгляды были опасны для авторитета римской церкви, было совершенно очевидно. В замыслы иерархии входило представлять их опасными также и ради порядка в стране. Они пошли к королю, и жалуясь на распространение лоллардизма, сказали ему, что лоллардизм является врагом королей и государств. И что если его не запретить, то он в короткое время погубит королевство. «Еретикам и последователям Уиклиффа, сказали они, позволяют очень смело проповедовать заграницей, собирать собрания, организовывать школы в частных домах, издавать книги, сочинять трактаты и писать баллады, а также учить на углах и перекрестках, в лесах, полях, лугах, пастбищах, рощах и пещерах земли. За этим последует, добавили они, разрушение государства, ниспровержение и полный упадок королевства, если не принять мер вовремя».

Махинации священников дали плоды. Чтобы еще больше возбудить сомнения короля и направить его на поражение любого человека, сеявшего семена порядка в его владениях, они окружили его трон и обещали представлять доказательства для обвинения в нелояльности и измены лоллардов. В январе 1414 года они отправились в Элтлием, где жил тогда король, и испугали его секретной информацией о грандиозном восстании последователей Уиклиффа во главе с лордом Кобхемом, готовое уже начаться. Лолларды, как они доложили, предложили свергнуть короля, убить королевскую семью, снести Вестминстерское Аббатство и все соборы королевства, и закончить конфискацией церковной собственности». Чтобы придать рассказу правдивый колорит, они указали время и место, назначенное для начала дьявольского плана. Конспираторы должны были встретиться в назначенную полночь «на поле Фикет, недалеко от Лондона, позади церкви св.Эгидия», и начать свою ужасную работу. Король при получении тревожных новостей оставил Элтхем и отправился с отрядом вооруженных людей в Вестминстерский Дворец, чтобы быть на месте готовым подавить предполагаемый бунт. Наступила ночь, когда этот ужасный план должен был открыться и до утра оставить воспоминания о свержении трона и уничтожении церковной иерархии. Был возбужден воинственный дух будущего героя при Азенкуре. Отдав приказ закрыть ворота Лондона и «развернуть

знамя, пишет Вальден, с изображением креста», по примеру Папы, когда тот воевал с турками, король выступил, чтобы вступить в бой с восставшими. Он не нашел никакого скопления людей, как ожидал. Не было ни лорда Кобхема, не было ни вооруженных людей. Вместо обычных конспираторов, готовых отразить натиск королевских войск, король встретил группу граждан, которые выбрали этот час и место для проповеди на открытом воздухе. Таков был характер собрания. Когда король верхом проехал со своими воинами в середину собрания, то не встретил никакого сопротивления. Без руководителей и оружия толпа рассыпалась и разбежалась. Некоторые были сражены на месте, за другими погнались и многие были арестованы. Ворота города были закрыты, а зачем? «Чтобы горожане не объединились с восставшими», говорят обвинители лоллардов, которые хотели бы уверить нас, что это была организованная конспирация. Лондонцы, говорят они, были готовы сотнями кинуться на помощь лоллардам против королевских войск. Но где свидетельство этому? Мы не слышим, чтоб кто-то из граждан вооружался. Почему лондонцы не вышли за пределы города и не соединились со своими друзьями прежде, чем наступит ночь и на них нападут солдаты? Почему они не встретились с ними на поле Фикет? Их появление там было известно их врагам. Почему оно не было известно их друзьям? Нет, ворота Лондона были закрыты по той же причине, по которой, через какое-то время, закроют ворота Парижа, когда вне его стен проводилось тайное религиозное собрание, чтобы верующие при нападении на них не могли укрыться в городе.

Идея о том, что восстание было спланировано и организовано, чтобы свергнуть правительство с полным низложением всего церковного и политического устройства Англии, кажется нам слишком абсурдной, чтобы принимать ее во внимание. Такие революционные и кровопролитные планы не только чужды характеру и целям лоллардов, но скорее они выше их возможностей. Они действительно добивались конфискации и перераспределения церковного имущества, но использовали для этого только законные средства подачи прошений парламенту. Грабеж, кровопролитие и революция претили им. Если дело, которое они контролировали, было действительно трудным для свержения сильного правительства, то как они могли выступить без оружия? Почему они не продемонстрировали свое количество и силу, что было бы, если бы их целью было то, о чем заверяли враги. Скрывались бы они под покровом ночи? Когда многие обстоятельства вызывают не только сомнение, но и смех, относительно идеи конспирации, где тогда доказательства этой идеи? При тщательном исследовании данная теория основывается только на показаниях священников. Священники так сообщили королю. Томас Волсингхем, монах монастыря св. Албания сообщал об этом в своих хрониках. Один историк за другим следовал ему и склоняли нас к мнению, что это было чудовищное восстание, которое, как они убеждают нас, почти что ввергло королевство в революцию, и

утопила трон в крови. Нет, только эпитета «ересь» не было достаточно для определения раннего протестантизма Англии. К ереси может быть добавлена измена, чтобы сделать лоллардизм достаточно отвратительным. И когда этот двуглавый монстр появится в воображении государственных деятелей, гордо шагающий по стране, разрушающий трон и алтарь, растаптывающий как закон, так и религию, конфискующий как собственность знати, так и приходскую землю епископа, подвергая замок и деревню огню, тогда монарх двинет всю свою мощь, чтобы уничтожить разрушителя и спасти королевство. Монахи Парижа сто двадцать лет спустя нарисовали такую же мерзкую картину протестантизма и напугали французского короля для того, чтобы зажечь костры для гугенотов. Эта игра началась в Англии. Лоллардизм, говорили священники, означает революцию. Такое обвинение является древним орудием. Еще давно об одном городе говорили как о «мятежном и плохом», в котором было «подстрекательство к мятежу в давние времена». С тех пор эта клевета часто повторялась, но ни один правитель не позволил ей обмануть его, если у него не было причин для угрызений совести по поводу бесчестия трона и обеднения страны. Она могла быть причиной в обоих случаях.

Глава 7 - Мученическая смерть Лорда Кобхема.

Тюремное заключение и мученическая смерть – Бегство лоллардов в другие страны – Смерть архиепископа Арунделя – Его характер – Лорд Кобхем – Захват его в Уэльсе лордом Повисом – Доставлен в Лондон. – Вызван в парламент. – Осужден по бывшему обвинению. – Сожжен у церкви св.Эгидия-в-полях. – Его христианский героизм – Кто бо;льший герой, Генрих V или лорд Кобхем? – Истинные благодетели мира – Основоположники английской свободы и величия. - Семена посеяны – Грядущий урожай.

За разгоном безоружного собрания, проводимого под покровом ночи, чтобы послушать, возможно, любимого проповедника или прославить Бога, последовала казнь нескольких лоллардов. Самыми известными среди них были Сэр Роджер Эктон, который был другом Лорда Кобхема. Его схватили на ночном собрании на поле св.Эгидия, а затем немедленно осудили и казнили. О его казни пишут по-разному. Одни хронисты пишут, что он был сожжен, другие, что он был отвезен на тюремной телеге в Тибурн и там повешен. Двоих других лоллардов казнили в то же время: магистра Джолина Брауна и Джона Беверли, бывшего священника, а теперь последователя Уиклиффа. «Так много людей было арестовано, что все тюрьмы Лондона и окрестностей были полны». Только лидеры, однако, были казнены «осужденные клириками, как еретики, - пишет хронист - в ратуше Лондона за государственную измену и приговоренные за такое преступление к утоплению или виселице, за ересь – к костру и виселице, что и было приведено в исполнение в тот же месяц по отношению к вышеупомянутому Сэру Роджеру Эктону и еще к двадцати восьми другим». Хронист, однако, продолжает писать, придерживаясь мнения, что свержение правительства не входило в планы этих людей, что их единственным преступлением была приверженность протестантской вере, и что их собрание, преувеличенное до темного дьявольского заговора, было просто мирным собранием верующих. «Некоторые утверждают, пишет Холиншед, что оно было ради притворных дел, предположительно духовно связанных скорее с неудовлетворенностью, чем с истиной. И что они собрались послушать проповедника (вышеупомянутого Беверли) в том месте, подальше от скопления людей, так как не могли открыто собираться по таким вопросам из опасности быть арестованными». Последовали и другие мучения. Одни страдальцы были сожжены в Смитфилде, другие казнены в провинциях, но немалое число людей, чтобы избежать костра, отправились в изгнание, как свидетельствует Бейл. «Многие убежали из страны в Германию, Богемию, Францию, Испанию, Португалию и пустынные места Шотландии, Уэльса и Ирландии». Строгие меры архиепископа вызывали ужас у многочисленных приверженцев учения Уиклиффа.

Остановимся еще на одной смерти, которая последовала с промежутком менее месяца за теми, о которых мы только что упомянули. Эта смерть ведет нас не в Смитфилд, где костер прославил тех, кого сжег, но во дворец архиепископа в Ламберте. Там на своей кровати, Томас Арундель, архиепископ Кантерберийский, вместе с жизнью оставил сан архиепископа, в котором был семнадцать лет.

Томас Арундель был знатного происхождения, сыном Ричарда Фиц-Алана, Пэром из Аруделя. Его природные таланты умножились вследствие учебы и опыта. Он любил роскошь, был таким же проницательным, решительным и строгим в своих суждениях, как и учтивым в своих манерах. Преданный сын матери церкви, он был непримиримым врагом протестантизма, который в его дни назывался лоллардизмом. Инстинкты церковного человека учили его относиться к нему, как к смертельному врагу его системы, ведь с ней были связаны все его саны, титулы и счастье. Он испытал большие перемены в судьбе. Он был в изгнании вместе с Генрихом Плантагенетом, вернулся с ним, чтобы лишить трона человека, который осудил и изгнал его как предателя, и чтобы возвысить Генриха IV, которого помазал елеем из сосуда, посланного Марией с неба. Он оставался злым гением короля. Его более сильная воля и более мощный интеллект брали превосходство над Генрихом, который никогда твердо не стоял на земле.

Когда, наконец, короля отнесли в Кантеберийский собор и положили в мрамор, Арундель занял место рядом с его сыном, Генрихом V и удерживал его первый год правления. Этот король от природы не был жестоким, но надменный дух Аруделя и умелые советы совратили его на путь нетерпимости и кровопролития. Костры, которые разожгли король с Аруделем, все еще полыхали, когда Арендель испустил последнее дыхание, и был положен рядом с прежним хозяином в Кантеберийском соборе. Мученические казни, которые последовали за собранием лоллардов у церкви св. Эгидия, произошли в январе 1414 года, а архиепископ умер в феврале. «Но не умерла с ним - пишет Бейл - его чудовищная тирания, а продолжилась в канцелярии при Генрихе Чичели».

Перед тем, как мы начнем изложение истории английского протестантизма при новом архиепископе, давайте проследим историю Сэра Джона Олдкастла, доброго лорда Кобхема, как его называли. Когда он совершил побег из Тауэра, король назначил награду в тысячу марок тому, кто доставит его живого или мертвого. Такова была цена, назначенная за него, но никто не заявлял о правах и не желал цену крови. В течение четырех лет никто не беспокоил Кобхема в его укрытии среди гор Уэльского княжества. Наконец лорд Повис, побуждаемый алчностью или ненавистью к лоллардизму, узнав о убежище, сообщил его гонителям. В стычке Кобхему сломали ногу, и с травмой положив на подстилку для лошади, отвезли в Лондон и поместили в прежнее жилище в Тауэре. В то время было заседание

парламента, его протоколы рассказывают нам о последующих событиях. Во вторник, 14 декабря, Сэр Джон Олдкастл из Каулинга, графство Кент, рыцарь (лорд Кобхем), объявленный вне закона (как упоминалось ранее) Королевским судом, и отлученный от церкви архиепископом Катеберийским за ересь, был представлен перед лордами, и, услышав обвинения против себя, ничего не сказал в свое оправдание. Судом определено, что он должен быть арестован, как изменник короля и государства, доставлен в лондонский Тауэр, оттуда через весь Лондон на виселицу к церви св.Эгидия за пределы ворот Темпл Бар, и там быть повешенным и сожженным».

Когда настал день казни, и лорда Кобхема вывели со связанными руками за спиной, лицо его светилось жизнерадостно. К тому времени лоллардизм был объявлен парламентом как измена. Обычные знаки позора, которые сопровождали смерть изменника, в данном случае лорда Кобхема, были добавлены к наказанию его как еретика. Его поместили на тюремную телегу и провезли по улицам Лондона до церкви св.Эгидия-в-полях. По прибытию на место казни ему помогли сойти; упав на колени, он вознес молитву о прощении врагов. Затем он встал, и, повернувшись к толпе, призвал их ревностно следовать Божиим законам, как написано в Писании, и особенно остерегаться тех учителей, чьи бренные жизни показывают, что они не имеют Духа Христа и не любят Его учения. Была сооружена новая виселица и началась ужасная трагедия. Железными цепями обвязали его вокруг пояса, подняли, подвесили над костром и подвергли двойному мучению – вешанию и сожжению. Он сохранял стойкость и радость в своих ужасных страданиях; « сгорая заживо в огне - пишет Бейл - он прославлял имя Господа, пока в нем была жизнь». Священники и монахи стояли недалеко, запретив людям молиться о том, который из-за того, что умирал «в неповиновении Папе», должен был ввергнут в еще более ужасное пламя, чем то, в котором они видели его. Мученик при его исходе возвысил голос в последний раз, предал душу в Божии руки и «скончался, как самый настоящий христианин». «Итак - добавляет хронист - этот доблестный христианский рыцарь, Сэр Джон Олдкастл, упокоился под Божьем алтарем, который есть Иисус Христос, среди праведников, которые в царствие терпения претерпели великую скорбь смертью своих тел за слово веры и свидетельство. Он находится там с ними, чтобы исполнилось полное число, и полное восстановление избранных».

«Цепи, виселица и костер - отмечает Бейл - неприятны, и смерть не является желанной в человеческих глазах. Однако некоторые благородные души, когда-либо жившие на земле, выдержали это. Они носили цепи, восходили на виселицы, стояли на костре. И в таком позорном виде, одетые в позорные одежды и терпевшие осуждение преступниками, добивались побед, которые не менее величественны и результативны, чем победы известные миру по историческим документам. Не значительнее ли победа в этот час, чем Генриха V при Азенкуре. Для чего море

крови, английской и французской, пролилось на равнинах Франции? Чтобы протрубила труба тщеславия? Чтобы дать тему для баллады? Украсить страницу в истории? Но это все потом, после подведения итогов. Кровь же Кобхема приносит плоды по сей день. Если бы Сотре, Бэдли и Кобхем беспокоились о своем имени, чести и жизни, краснели ли бы, стоя перед трибуналом, который, как они знали, готов был осудить их как изменников, пали бы так, чтобы быть посмешищем для банды, которые хотели посмеяться над ними и оскорбить их как еретиков, уклонились ли бы от жестоких пыток и ужасной смерти на костре, где бы был сейчас протестантизм Англии? Без протестантизма, где бы была ее свобода? Не появилась бы еще на свет. Не храбрость Генриха V, а великий героизм лорда Кобхема и его соратников-мучеников пробудил душу Англии, когда она спала крепким сном, и вдохновил ее сорвать с глаз повязку из семикратной тьмы и сбросить с шеи иго семикратного рабства. Это – звезды, что сияют на небе Англии, герои, чьи подвиги прославляют летопись, цари, чей дух звучит от их трона, которым был костер. Они – сердце и душа ее благородных сынов. Большинство воздают почести тем, кому мир дал многое, чей путь был устелен богатством, чья голова возносилась от почестей, и кому при жизни был дан величественный дворец, а по смерти – мраморная гробница. Давайте выйдем из толпы. Давайте поищем среди людей, не получивших многое от мира, но давших многое миру. Давайте отдадим почести не им, а Тому, кто сделал их такими. А где найдем таких людей? Во дворцах? В аудиториях? На биваках? Не часто. Но в тюрьмах, на суде тирана или перед фарисейским судом, или на эшафоте, вокруг которого улюлюкает банда, в то время как палач стоит рядом для исполнения своей работы. Это не столь приятные места, но именное там можно найти величайшие примеры для подражания, которые направляли мир, и величайшее служение, которое облагородило и благословило род. Среди таких унижений и страданий лолларды сеяли, на протяжении всего 15 века, живое семя, которое в благодатное время 16 века быстро выросло, которому последующие века без примеси конфликтов и крови мучеников помогли созреть, и, зрелый урожай которого остается будущим поколениям, чтоб отнести его домой.

Глава 8 - Лоллардизм при Генрихе V и Генрихе VI.

Томасу Арунделю наследовал Генрих Чичели. – Новый архиепископ проводит политику своего предшественника. – Парламент в Лейстере. – Более суровые постановления против лоллардов. – Архиепископ Чичели отвергает предложение. – Направление мыслей короля на войну с Францией. – Речь архиепископа. – Генрих V попадает в западню. – Готовит поход. – Оккупирует Францию. – Азенкур – Вторая высадка во Франции. – Генрих становится правителем Нормандии. – Возвращается в Англию. – Третья оккупация Франции. – Смерть Генриха. – Предсмертные слова. – Пышные похороны – Его характер – Лоллардизм – Еще большее число мучеников – Клейдон – Новый вердикт против лоллардов – Генрих VI – Мученики в его царствование – Уильям Тейлор – Уильям Уайт – Ян Гус – Публичные отречения.

Мученичество лорда Кобхема немного отвлекло нас от той точки, к которой мы пришли в поисках смутных и прерывистых следов протестантизма в Англии в 15 веке. Мы видели, как Арунделя перенесли из залов Ламберта под своды склепа Кантерберийского собора. Его хозяин, Генрих IV, сошел в могилу раньше его на несколько месяцев. Немного позднее Сэр Роджер Эктон и другие умерли на костре, который разожгла политика Арунделя. И наконец, и он предстал перед Богом, чтобы дать отчет.

Сан архиепископа после Арунделя получил Генрих Чичели. На кафедре св.Ансельма Чичели продолжал ту же политику, которую вел его предшественник. Он не оказывал на королевский двор такого же влияния как его предшественник, по крайней мере, в такой же степени; не был Чичели и таким же хитрым как Арундель, а Генрих V таким же поверхностным как его отец. Но Чичели унаследовал от Арунделя ненависть к лоллардизму и решил употребить всю власть своего положения для его подавления. Поэтому гонения продолжались. «Конституция Арунделя», принятая в предыдущем правлении, так широко распространилась, что едва было возможным кому-либо, принявшему взгляды Уиклиффа в какой-либо степени, избежать уличения в них. Кроме того, во время правления Генриха V, были разработаны более строгие постановления для преследования лоллардов. На парламенте, состоявшемся в Лейсестере (1414) было предписано, «что если кто-нибудь будет читать Писания на английском языке, что тогда называлось «учением Уиклиффа» должен лишиться земли, скота, имущества, жизни и быть осужденным как еретик, враг короны, изменник королевства. Они не должны были пользоваться правом неприкосновенности убежища, хотя эта привилегия и была дана самым знатным преступникам. И если они продолжали упорствовать и возвращаться к прежнему после помилования, они должны быть повешены за измену против короля и сожжены за ересь против Бога».

А пока парламент протягивал одну руку, чтобы подвергать гонениям лоллардов, а другую, чтобы ограбить духовенство. Их богатства были огромными, и лишь небольшая часть отдавалась государству. Жалобы на главу государства слышались все громче с каждым годом. На том же заседании парламента в Лейсестере едва не разразилась буря, если бы ни ум и политика Генриха Чичели не устранили опасность. Палата Общин напомнила королю о требовании обращения земель и имущества духовенства на службу государства, которое дважды выдвигалось в парламенте, в первый раз при Ричарде II (1394) и во второй раз при Генрихе IV (1410). «Этот законопроект, пишет Холл, заставил толстых аббатов попотеть, надменных настоятелей нахмуриться, бедных настоятелей выругаться, глупых монахинь заплакать, и всех купцов Вавилона испугаться, что он падет». Хотя Генрих дал клирикам право сжигать лоллардов, они не были уверены, что он также даст право парламенту грабить церковь. Он был энергичным, решительным, любителем представлений, расточительным в своих привычках. Богатство церковной иерархии предлагало готовые и соблазнительные средства для поддержания его величия, которым Генрих, возможно, не имел сил противостоять. Они думали привязать короля к своим интересам дорогим подарком, но более мудрые головы не одобрили такую политику. Это могло быть принято как взятка и считалось не совсем прилично со стороны людей святого служения. Архиепископ Кантерберийский употребил более подходящую уловку, которая совпадала с духом короля и стремлениями нации.

Наиболее действенной линией поведения, сказал архиепископ на Синоде в Лондоне, для предотвращения надвигающейся бури – найти для короля какое-нибудь дело для употребления его отваги. Мы должны повернуть его мысли к войне. Мы должны возбудить его амбиции, напомнив ему о короне Франции, переданной ему по наследству от Эдварда III. Его нужно убедить потребовать корону, как неоспоримому наследнику. В случае отказа он должен попытаться вернуть ее силой. Чтобы эти рекомендации подействовали, духовенство согласилось предложить огромную сумму на оплату военных расходов. Далее они решили отдать королевству все иностранные небольшие монастыри в количестве 110, земли которых значительно увеличили бы доходы короны.

Эта стратегия, одобренная Синодом в Лондоне, активно отстаивалась архиепископом в парламенте в Лейсестере. Архиепископ, выступая в Парламенте, так обратился к королю: «Вы обеспечиваете справедливость вашему народу благородной беспристрастностью, вы известны мастерством мирного правления. Но слава великого короля заключается не столько в безмятежном царствовании в изобилии, больших сокровищах, великолепных дворцах, многолюдных и красивых городах, сколько в расширении своих владений. Особенно когда отстаивание своего права зовет его на войну, и справедливость, а не амбиции, оправдывает все его

завоевания. Ваше Высочество должен носить корону Франции по праву наследования от Эдварда III, вашего прославленного предшественника». Оратор продолжал довольно долго прослеживать титулы, устанавливать их законность к несомненному удовольствию публики, к которой он обращался. Он окончил свое выступление ссылкой на беспрецедентно огромную сумму, которую щедрое духовенство отдало на службу королю, позволив ему восстановить свой титул короля Франции.

Архиепископ добавил: «Так как ваше право на королевство Франции очевидно и неоспоримо, так как оно опирается на законы, как Божие, так и человеческие, то сейчас дело Вашего Величества отстоять свой титул, стянуть корону с голов французских узурпаторов и преследовать мятеж этой нации огнем и мечом. В интересах Вашего Высочества поддержать давнюю честь английской нации, не дать вашим потомкам, из-за снисходительного игнорирования оскорбительного обращения, случай упрекнуть вас». Никто из присутствующих не прошептал на ухо оратору предупреждение, которое наш великий национальный поэт вложил в уста королю Генриху:

«Известно Богу, сколько унесет

Цветущих жизней роковая распря,

Которую вы пробудить готовы.

Итак, подумайте, на что обречь

Хотите нас, понудив меч поднять.

Во имя Бога, будьте осторожны!

При столкновенье двух таких держав

Рекой прольется кровь. А кровь безвинных

Отмщенья жаждет, к небу вопиет,

Кленя того, кто наточил мечи,

Скосившие цветы короткой жизни».

Этот законопроект встретил одобрение короля. Поставить прекрасное королевство Франции под свой скипетр, объединить его с Англией и Шотландией (так как дядя короля, герцог Экстерский сказал, что тот, кто хочет завоевать Шотландию, должен начать с Франции) в одну державу, переместить в должное время место пребывания парламента в Париж, сделать свой трон первым в христианстве было довольно грандиозным предприятием, чтобы возбудить дух

монарха даже менее амбициозного и доблестного, чем Генрих V. Немедленно король начал подготовку в крупном масштабе. Солдаты призывались изо всех частей Англии, корабли брались в аренду у Голландии и Фландрии для перевозки людей и вооружения. Деньги, провизия, лошади, повозки, палатки, лодки, покрытые шкурами для преодоления рек – все необходимое для успеха такого предприятия было собрано, и экспедиция была готова выступить.

Но перед нанесением удара на переговорах с Францией была применена хитрость. Это сделал архиепископ Чичели, тот самый человек, который был зачинщиком этого дела. Как можно было предвидеть, попытки примирения ничего не дали, и начались военные действия. Король, преодолев Ламанша с армией в 30 000человек, высадился на побережье Франции. Города были осаждены и взяты, гремели бои, но из-за болезней солдат и грядущей зимы король посчитал целесообразным для сохранения остатков армии отступить в Кале на зимние квартиры. Во время марша он встретил французскую армию в четыре раза превосходившую его армию, сократившуюся до 10 000 человек. Ему пришлось вступить в ужасный бой при Азенкуре. Он победил на этом кровавом поле, на котором мертвым полег весь цвет французской знати, окруженный тысячами своих соратников. Окончив марш, Генрих продолжил путь в Англию, где волна побед следовала за ним, его встречали овациями. Архиепископу Чичели полностью удалось переключить внимание короля и парламента и защитить собственность духовенства, но какой ценой!

Ни Англия, ни Франция пока не видели окончания этой печальной и очень кровопролитной компании. Английский король, бывший теперь на подъеме, не был тем, кто бы оставил дело на полпути. Но стратегия архиепископа предполагала еще и другие трагедии, еще бо;льшие моря французской и английской крови. Генрих предпринял вторую высадку во Франции, причем взаимно нетерпимые и яростные раздоры французских фракций открыли ворота королевства для него. Он прошел по всей стране, отметив кровью путь марша. Города окружены, провинции опустошены, их жители подвержены ужасам голода, грабежей и расправы, это являлось сопровождавшей его обстановкой. Он стал победителем Нормандии, женился на младшей дочери короля, и спустя некоторое время опять вернулся в свою страну.

Вскоре дела призвали короля Генриха снова во Францию.

На этот раз он торжественно въехал в Париж в сопровождении королевы Екатерины, чтобы показать парижанам их будущего монарха. Франция не собиралась признавать заявленное им право на власть над нею. Генрих начал, как и раньше, осаждать ее города и убивать ее детей, чтобы принудить к подчинению, которое, как ясно, не было бы добровольным. Он весь был этим поглощен, когда

случилось событие, положившее навсегда конец этому предприятию. Он почувствовал на себе руку смерти, ушел из Кон-Кура, который осаждал, в Венсен, около Парижа. Герцоги Бедфорда и Глосестера, пэры Сэлисбери и Ворвика при его кончине стояли у ложа, чтобы получить указания. Обратившись к ним, он сказал, что «ни честолюбивое желание увеличения своих владений, ни обретение мировой славы подтолкнули его вести эти войны, но только отстаивание законного звания, чтобы в конце он мог установить истинный мир и возможность пользоваться теми частями наследства, которые принадлежали ему по праву; что перед началом этих войн мужи мудрые и святой жизни убедили его, что с таким намерением он может и должен начать эти войны, чтобы вести их до полной победы, не опасаясь Божьего гнева или опасности для души». После некоторых необходимых распоряжений относительно управления Англией и Францией он прочитал семь покаянных псалмов, причастился и умер 31 августа 1422 года.

Пышность его похорон так описана хронистом: «Его тело, набальзамированное и заключенное в свинцовый гроб, было возложено на королевский катафалк, пышно драпированный покровом, шитым золотом. На гроб была положена его статуя, облаченная в одеяния, корону и с королевскими регалиями. Колесницу везли шесть богато украшенных лошадей в сопровождении нескольких королевских герольдов – первый с гербом св. Георга, второй с гербом Нормандии, третий с гербом Короля Артура, четвертый с гербом Св.Эдварда, пятый с гербом Франции и шестой с гербом Англии и Франции. На похоронной процессии присутствовал Яков, король Шотландии, самый почетный на похоронах, дядя короля Генриха, Томас, Герцог Экстерский, Ричард, пэр Ворвика и девять других лордов и рыцарей. Другие лорды несли знамена и штандарты». Мемориальные доски с изображением гербов несли капитаны в количестве двенадцати человек. Вокруг катафалка ехали 500 тяжеловооруженных всадника в черном, на лошадях, покрытых черными попонами, с оружием повернутым вниз».

«Проведение этих пышных похорон было поручено сэру Уильяму Потеру, его главному ваятелю и другим вельможам. Кроме того, по обе стороны от катафалка шли 300 персон, несших длинные факелы, и лорды несли военные знамена, знамена на гроб и вымпелы. С такой похоронной процессией он был перенесен из Венсенского леса в Париж, затем в Руан, в Абевилл, в Кале, в Дувр, оттуда через весь Лондон в Вестминстерский собор, где был похоронен с такими торжественными церемониями, трауром лордов, молитвами священников и плачем простолюдинов, каких Англия ранее не видела». Свечи горели день и ночь на его гробнице, пока реформация не погасила их.

У Генриха V было немало качеств, которые при других обстоятельствах, дали бы ему возможность достойно послужить и принести пользу своей нации. Сила его

характера подтвердилась победой над страстью и привычками молодости, когда он сел на трон. Он был мягкого нрава, благородных манер и храброго духа. Он любил справедливость и проявлял желание руководствоваться ею. Ел он умеренно, мало времени проводил в постели, в полевых учениях проявлял силу атлета. Его здравые суждения делали его ценным в советах, но особенно его гений проявился в дислокации войск перед сражением. Если бы эти таланты и энергия были применены на родине, какие бы благословения они бы принесли его подданным? Но роковой совет архиепископа и духовенства обратил их в такое русло, в котором они оказались источником ужасного зла для страны, в которой он был законным правителем, и для другой, в которой он стремился править, но корона которой не по его заслугам и трудам могла быть одета на его голову. Он сошел в могилу в расцвете сил, на вершине зрелости, после десяти лет правления, «и все его великие проекты исчезли в дыму». Он оставил трон сыну, младенцу в возрасте нескольких месяцев, завещав ему вместе с короной трудности в наследство на родине и войны заграницей, которые могли быть компенсированы лишь «сотней Азенкуров». События, связанные с Генрихом и его войнами во Франции, принадлежат истории протестантизма, приведенной в действие той политикой, которая была разработана, чтобы остановить его.

Когда велось вооружение и сражения, как уживалось это, спросим еще раз, с новыми взглядами и их последователя в Англии? Вырвали с корнем великие бури, или укрыли семя, которое посеял Уиклифф, и которое полила и взрастила кровь мучеников после него? Они были, в основном, защитой, как мы думаем, для раннего протестантизма Англии. Его сторонники были слабой, неорганизованной группой людей, которая скорее избегала, нежели притягивала внимание. Все же мы находим их след в стране, в церковных хрониках того времени, с короткими промежутками времени видим лолларда на костре, подтверждавшего там свое свидетельство.

В 1415 году, 17 августа, Джон Клейдон, кожевник из Лондона, был доставлен к Генриху, архиепископу Кантеберийскому. В предшествующие годы Клейдон содержался в тюрьме военно-морского флота по обвинению в ереси. Он был освобожден, отрекшись от своих взглядов. При втором аресте он смело исповедовал свою веру, от которой отрекся раньше. Одним из основных обвинений против него было наличие в его доме многих книг, написанных на английском языке, и особенно одна книга под названием «Источник света». Эту книгу предъявил против него мэр Лондона, который изъял ее из имущества при аресте. Она имела переплет из красной кожи и была написана на пергаменте красивой английской каллиграфией. Клейдон признался, что она была изготовлена по его заказу и им оплачена, что он часто ее читал, так как находил «хорошей и благотворной для души». Мэр сказал, что книги, которые он обнаружил у Клейдона дома « были по его мнению самыми плохими и порочными, которые ему приходилось когда-нибудь читать или видеть». Он был

осужден повторно как еретик и доставлен к светской власти. Преданный на сожжение в Смитфилде, он принес там, как пишет Фокс, жертву всесожжения Господу». Говорят, что он был сожжен вместе с Джорджем Герминем, с которым, как явствует из допросов, он часто общался по вопросам веры. Спустя год после мученической кончины Клейдона рост лоллардизма был засвидетельствован архиепископом Чичели в новом вердикте, который он издал в добавление к изданным вердиктам своего предшественника Арунделя. За вердиктом архиепископа последовал закон парламента, принятый в 1414 году, вскоре после ночного собрания у церкви св.Эгидия-в-полях, в котором лолларды приравнивались к изменникам. В предисловии к закону парламента говорилось, что существуют великие конгрегации, и ими эта еретическая секта называется лоллардами. А другими называлась тайным обществом, которое намеревалось отменить, разрушить и совратить христианскую веру, а также уничтожить монаршего владыку короля и все обычаи сословий королевства Англии, как духовные, так и светские, все принципы и, наконец, законы страны». Эти простые люди, которые читали Писания, верили в то, чему учили, собирались в тайных местах для поклонения Богу, изображались в законе как самые опасные конспираторы, как люди, намеревавшиеся разрушить общество, которых нужно преследовать и истреблять. Поэтому закон далее предписывает всем судьям, судам и магистратам присягнуть проводить расследование над лоллардами, выдавать ордеры на их арест, доставлять в церковные суды, чтобы «оправдать или признать виновными по законам святой церкви».

Это проложило путь вердикту архиепископа, который предписывал епархиальным епископам и их уполномоченным преследовать еретиков и ереси. Указывав кого должно арестовывать, архиепископ намеренно дает нам истинную характеристику людей, названных парламентом конспираторами, замышлявшими уничтожение христианской религии, полное низложение и разорение государства Англии. Кто они? Люди порочной жизни, рыскавшие в поисках добычи с оружием в руках, и наводившие ужас на соседей своими беззаконными и бесчеловечными поступками? Нет. Люди, в поисках которых архиепископ посылает инквизиторов, это те, чьи «частые тайные собрания отличаются по действию и манере от простого разговора других католиков, содержат какие-нибудь ереси или заблуждения или имеют какие-нибудь запретные книги на английском языке, например «учение Уиклиффа». Короче, это – «еретики, которые как лисы притаились и скрываются в Божием винограднике». Личного поиска епископом и архидьяконом, или их уполномоченными недостаточно, решил архиепископ. Они должны были усилить свое усердие, призвав на помощь самых честных людей, взять с них клятву, что если они узнают или догадаются о таких людях, они должны немедленно доложить о них « своим викарным епископам, архидьяконам или их уполномоченным».

Эти вердикты приподняли занавесь и показали нам, насколько многочисленны были последователи Уиклиффа в Англии в 15 веке, и насколько глубоко это учение проникло в сердца англичан. Лишь избранных людей этого сообщества можно было видеть на костре. Бо;льшая же часть прятала лоллардизм под покровом послушания или почти полной изоляции от мира; арестованные по обвинению в ереси, они падали духом перед ужасной альтернативой, предложенной им, и предпочитали подчинение церкви сожжению на костре. Нам позволено прикрыть их слабость и перейти к тем, чья более сильная вера определила костер, но принесла им место рядом с древними «знаменитостями» в огромных реестрах славы.

Первым мучеником при Генрихе VI был Уильям Тейлор. Он был священником в Кантерберийской епархии. Обвиненный в ереси перед архиепископом Арунделем, он отрекся и появился в Ламберте, чтобы получить отпущение грехов из рук архиепископа. «Сняв мантию и головной убор, раздевшись до камзола, он преклонил колени у ног архиепископа, который стоя с посохом в руке начал Мизерере (католическую молитву на текст 50 псалма)». После прохождения установленных обрядов покаяния Тейлор получил отпущение грехов. В 1419 году он опять был обвинен в еретическом учении и доставлен к архиепископу Чичели. После принесения покаяния он был отпущен под залог. Спустя почти год он был арестован в третий раз. Так как он дважды согрешил, его не надо было обвинять в третий раз. Отказавшись отречься, он был отправлен к светским властям и несколько слов отправили его на сожжение в Смитфилде.

Перед тем, как его повели на костер, он был извержен из сана. Он был лишен сана священника взятием у него чаши и дискоса, сана дьякона – взятием Евангелия и стихаря, звания помощника дьякона – взятием служебника и стихаря, звания алтарника – взятием сосуда для елея и подсвечника, служения экзорциста – взятием книг по экзорцизму, звания пономаря – взятием церковных ключей и рясы. В 1422 году, 1 мая, после длительного заключения его привезли в Смитфилд, и там « с христианским спокойствием принял он мученическую смерть».

Спустя два года (1424) Уильям Уайт, священник, чьи добродетели и постоянные труды снискали ему уважение всех благочестивых людей Норфолка, был сожжен в Норвиче. До этого он отказался от священства, женился и стал евангелистом-лоллардом. В 1424 году в Кантербери ему приписывали следующее – 1.Что люди должны искать прощение грехов только от руки Божией. 2. Что люди не должны поклоняться изображениям или другим предметам идолопоклонства. 3. Что люди не должны поклоняться святым людям, которые умерли. 4. Что римская церковь является той смоковницей, которую Господь Иисус Христос проклял, видя, что она не принесла плодов истинной веры. 5. Что те, кто носит сутаны, помазаны и

пострижены, являются поклонниками и солдатами Люцифера, и что они все, так как светильники их не горят, не будут впущены, когда Господь придет.

В Кантербери он «утратил мужество и крепость» и отрекся. Но «потом, пишет мартиролог, он стал намного отважнее и крепче в Иисусе Христе, и исповедал свою ошибку и проступок». Он более ревностно стал писать и проповедовать. В конце концов, его арестовали, обвинили по тридцати статьям, и епископ Норвический приговорил его к сожжению. Когда он стоял на костре, он обращался к людям и призывал их к верности доктрине, которой он учил их. Но служитель епископа ударил его по губам и заставил замолчать. Язык можно было заставить замолчать, но красноречие смерти невозможно. В 1430 году Уильям Ховеден, прядильщик из Лондона, впитавший взгляды Уиклиффа, был, несомненно, выслежен, пишет Фокс, и был жестоко сожжен у Лондонского Тауэра. В 1431 году Томас Бадли, викарий Моненденский близь Мальдена, «храбрый ученик и последователь Уиклиффа» был осужден за ересь и сожжен в Смитфилде.

Мы назовем еще одного мученика 15 столетия Яном Гусом, «так как у Англии был свой Ян Гус, как и у Богемии». После приговора он был отправлен к одному из шерифов на сожжение в тот же день. Шериф, будучи сердобольным человеком, привел его в свой дом и начал уговаривать его отречься от заблуждений. Исповедник поблагодарил его, но заявил, что он твердо убежден в том, за что ему придется умереть. Однако он попросил его об одной вещи – немного еды, так как он был очень слаб от голода. Его желание было охотно выполнено. Мученик сел и немного поел, заметив тем, кто стоял рядом, «что он хорошо и достаточно поел, понимая, что он должен пройти сквозь суровые испытания, пока не придет на ужин». Поблагодарив, он встал из-за стола и попросил, чтобы его поскорее отвели на то место, где он должен предать свой дух Господу.

Следует заметить, пишет Фокс, что со времен короля Ричарда II не было ни одного правления какого-нибудь короля, при котором некоторые благочестивые люди не переносили бы страданий огнем за веру и истинное свидетельство Иисуса Христа. Слишком долго перечислять все аресты и суды за ересь, которые проходили в те дни. Не было зрелища более привычного, чем мужчины и женщины на папертях и рыночных площадях в одеяния, которые означали раскаяние и унижение, с обнаженными ступнями и руками, с непокрытой головой, со свечами в руках, приносившие отречение от протестантизма. «На протяжении трех или четырех лет, – пишет Фокс - с 1428 по 1431 около 120 мужчин и женщин были брошены в тюрьму и подверглись надругательствам за исповедование христианской веры в епархиях Норфолка и Саффолка. Таковы были доказательства их численности и слабости, и за последнее мартиролог просит их простить. «Эти солдаты Христа, – пишет он - отягченные заботами и бедами тех дней, были вынуждены клятвенно заверять

языком одно, а сердцем верить в другое, частично из-за телесных наказаний, частично из-за слабости, являясь новобранцами на Божием поле сражения». Они не достигли первого ранга, но они были солдатами армии реформаторской веры и сделали свой вклад для достижения победы, которая, в конечном счете, венчала их дело и дала плоды, которые мы пожинаем сегодня.

Глава 9 - Попытки Рима восстановить господство в Англии.

Генрих VI – Его младенчество – Беспорядки в стране – Римская церковь становится более нетерпимой – Новый праздник – Дни свв. Данстана и Георга – Индульгенции на гробнице св.Эдмунта – Новые попытки Рима восстановить господство в Англии – Что к этому привело – Статуты о депутатах и запрещении папской юрисдикции – Выговор архиепископу Чичели за допущение этих статутов – Письмо Папы.

Генрих V, застигнутый смертью в гуще войны в чужой земле, оставил трон, как мы знаем, своему сыну, которому тогда было несколько месяцев отроду. Англия испытывала, в достаточной мере, горе, предсказываемое той стране, где королем является младенец. Во время долгого несовершеннолетия много злых плодов дали советы духовенства королю. Если когда-нибудь страна нуждалась в твердой воле и крепкой руке, так это – Англия в то время, когда младенец был на троне. Надо было пресекать интриги, сдерживать буйную знать, преследовать и наказывать тайные собрания (лолларды к ним не относились), надо было направлять в мирное русло возросший дух преобразований, чтобы исправить существавшие институты, не разрушив их. Но для этого недоставало необходимой мощи, просвещения и патриотизма. Все составляющие конфликта, неуправляемые и неконтролируемые, вырывались наружу и сталкивались друг с другом в беспорядочной и несчастной стране.

Естественная реакция разложения при первом прикосновении острого ножа – укрепиться, выпустив новые и буйные побеги, чтобы лучше отразить нападение. Так было и с римской церковью в ту эпоху в Англии. С одной стороны лоллардизм начал подвергать сомнению истины ее доктрин, с другой стороны светская власть критиковала общественную полезность ее огромных владений. Римская церковная иерархия, которая не откликнулась на призыв к преобразованию, обращенный к ней, не имела другой альтернативы, как только укрепляться как против лоллардов извне, так и против призыва к преобразованию изнутри. Она стала мгновенно более требовательной к своему почитанию и более строгой в своем вероучении. Прежде некоторая степень независимости была дозволена в обоих случаях, как друзьям, так и врагам. Если кто-то имел склонность быть остроумным, едким или насмешливым по отношению к церкви и ее служителям, то он не рисковал быть названным еретиком. Свидетельство этому резкая обличительная речь и едкая сатира Петрарки, написанная, можно сказать, под самой крышей Пап в Авиньоне. Но теперь ветер изменил направление. И если кто-то говорил непочтительно о святом, имел привычку подсмеиваться над монахами или сомневался в чудесах и таинствах « святой церкви», то навлекал на себя подозрение в ереси, и был счастлив, если избегал

назначенных за это наказаний. Некоторые были просто остряками и обнаруживали к своему ужасу, что были близки к мученической смерти.

Протестантизм, который имеет только один предмет для поклонения, также имеет только один великий праздник – день, который выделяется среди других дней. А церковные праздники и торжества Рима заполнили весь календарь. Если пришлось бы еще добавить что-нибудь к этому списку, то пришлось бы добавить и дней к календарю. И все-таки добавили дней нечестивой праздности. Предыдущий век обогатил римские обряды «днем поминовения всех усопших», «днем зачатия Девы Марии» и «праздником тела Господня». К ним Бонифаций IX добавил «Обращение к Марии и Елизавете», «дополнительные индульгенции» - как сообщает Волсингхем - для тех, кто будет чтить этот праздник. Следуя по следам Понтифика, хотя и на некотором расстоянии, архиепископ Арундель внес свой вклад в эту область национального благочестия добавив, cum permissu (с разрешения), дни свв.Дунстана и Геогра к списку праздников. Затем наступила очередь монахов из Бери в этой благочестивой работе по обогащению Англии священными днями и святыми местами. Они доставляли особые индульгенции для гробницы св.Эдмунта. Не отставали от своих братьев из Бери и монахи Эли и Норвича. У них было право предлагать полное отпущение грехов тем, кто приходил и исповедовался в их церквях в неделю Св. Троицы. Даже кровавая битва при Азенкуре была использована для пополнения национального духовного богатства. С 25 октября этот день стал отмечаться как большой праздник. Еще один пример, каноники церкви св.Варфоломея, рядом со Смитфилдом, где горели костры мучеников, старательно предоставляли новые привилегии прощения всех грехов всем людям, кроме одного непростительного греха ереси. Основным предметом торговли, которым так умело манипулировали, было прощение. Материал ничего не стоил, спрос был большой, цена приемлемой, доходы соответственно большие. Такова была реакция римской церкви на то, что она считала растущей непочтительностью того времени. Только такое средство она знала для поднятия духа почитания среди ее членов и усиления национальной религии.

Именно в то время Папа Мартин V, из надменной династии Колонна, взошел на папский престол решением собора в Констанце, а потом вскоре переехал в Рим в «блеске величия»; он обернул глаза на Англию, думая повергнуть ее под ноги, как было при Иннокенте III, в дни короля Иоанна. Законы о посланниках римско-католических епископов и статут Praemunire (закон, запрещавший утверждение или поддержание папской юрисдикции), принятые во время правления Эдварда III и Ричарда II, были тяжелым ударом по папской власти в Англии. Папы в тайне никогда не были согласны с таким положением дел и не оставляли надежду заставить парламент отменить эти «ужасные статуты». Но беды папства, особенно раскол, который длился 40 лет, отложили выполнение намеченного задания папского

престола. Сейчас, однако, раскол был преодолен, король незрелый годами и слабый умом, сидел на троне Англии, страна была в состоянии войны с Францией, фракции и тайные общества ослабляли страну внутри, исчезла надежда на обогащение заграницей. Поэтому Папа подумал, что настало время для заявления своих претензий на верховную власть в Англии. Его требование заключалось в том, чтобы статуты о посланниках епископов и запрещении папской юрисдикции, которые не допускали его бреве и буллы, его епископов и легатов, и отрезали поток английского золота, которое очень ценили в Риме, были бы отменены.

Эту просьбу Папа Мартин не послал прямо королю или регенту. Ватикан в таких случаях обычно действует через свою духовную структуру. Во-первых, Понтифик стоял слишком высоко над другими монархами, чтобы обращаться к ним лично, во-вторых, он был дипломатом, чтобы так поступать. Категорический отказ уменьшает унижение, если он дается слуге, а не хозяину. Папа Мартин написал архиепископу Кантерберийскому, выражая ему неодобрение, как понтифик, состоянием дел, которые Чичели не смог предотвратить в отличие от Мартина, будь он на его месте.

«Мартин, епископ, слуга всех Божиих слуг – начал Понтифик (это обычный папский стиль, особенно когда следует какое-нибудь надменное высказывание) – преподобному брату, архиепископу Кантерберийскому, приветствие и апостольское благословение». Пока только приятностью дышит первое предложение, затем следует братская доброжелательность папского благословения, и только затем папское неудовольствие. Папа Мартин продолжает обвинять своего «преподобного брата» в забвении того, «какой строгий отчет придется ему дать Всесильному Богу за порученное ему стадо». Он упрекал его «в вялости и небрежности», напротив он должен противостать со всей своей властью против «тех, кто совершил святотатственное нападение на привилегии, установленные нашим Спасителем для римской церкви», - а именно, статуты о посланниках и запрещении папской юрисдикции. Пока архиепископ спал, «его стадо, увы!» пишет ему Папа, бежит к пропасти в его присутствии». Здесь мы видим стадо, устремляющееся к пропасти, и в следующем же предложении, пасущееся мирно рядом с пастухом, ибо Папа вскоре продолжает – «Вы позволяете им, не предупредив, питаться опасными растениями, и что самое ужасное – вы, по-видимому, кладете яд в их уста своими руками». Он забыл, что руки архиепископа Чичели в тот момент были сложены во сне, и что сейчас он пытался криком разбудить его. Но вот опять место действия неожиданно меняется, и перо Папы рисует новую картину нашему удивленному взору, так как писатель добавляет – «Вы можете посмотреть и увидеть, как волки набрасываются и терзают их, а вы как немая собака не способны лаять в этом случае».

После риторики следует небольшое дело. «Какое гнусное нарушение было допущено в вашей епархии, я оставляю это на ваше рассмотрение. Настоятельно

прошу внимательно изучить этот королевский закон – теперь Папа переходит к делу – есть ли в нем что-то, что можно назвать законом или королевским? Ибо, как он назван статутом, если отменяет законы Божии и церкви? Я желаю знать, преподобный брат, считаете ли вы, будучи католическим епископом, разумным, чтобы такой закон был в силе в христианской стране?» Не удовлетворенный выставлением статута о запрещении под тремя образами: «пропасть», «яд» и «волки», Папа Мартин продолжает – «Под предлогом этого отвратительного статута, король Англии касается духовной юрисдикции и полностью управляет церковными вопросами, как будто наш Спаситель назначил его Своим викарием. Он издает законы для церкви, как будто ключи от неба в его руках.

«Кроме этих отвратительных нападок, он установил – продолжает Папа – несколько ужасных штрафов для духовенства». Эта «строгость», которая хуже, (как Папа называет ее) чем та, которой были подвержены «евреи» или «турки», вылилась в запрещение на въезд в королевство тех итальянцев и других лиц, которых Папа определил для проживания в Англии без согласия короля и в небрежении этого статута». «Была ли когда-нибудь – спрашивает Папа – такая несправедливость, как эта, облеченная в закон? Можно ли назвать католическим королевство, где разрабатываются и практикуются такие богохульные законы, где преемнику св. Петра не разрешают исполнять поручение нашего Спасителя? Так как этот закон не позволяет престолу св. Петра участвовать в деятельности правительства и устанавливать правовые нормы в соответствии с нуждами церкви». «Является ли он – спрашивает Папа в заключении – католическим статутом, и можно ли терпеть то, что не чтит нашего Спасителя, нарушает законы Евангелия и губит людские души? Почему вы, поэтому, громко не кричали? Почему не возвысили свой голос как труба? Покажите вашим людям их прегрешения, дому Иакова их грехи, чтобы их кровь не была взыскана с вас».

Такими выражениями Папа Мартин осудил закон, по которому парламент запрещал иностранцам (многие, из которых не знали нашего языка, и некоторые из которых, были настолько ленивы, что присылали своих поваров и дворецких исполнять их обязанности) проживать в Англии. Он дает оценку Сенату великой державы, как будто тот был капитулом монахов или корпусом папских наемников, которые не смели собираться, пока он не давал им разрешение, вести даже самое ничтожное дело, пока он сначала не определял, соответствует ли оно воле Понтифика. И архиепископ, тот самый, который принимал новые вердикты против ереси, заменяя ими старые, не достаточно суровые, и сжигал лоллардов для «вечной славы» Церкви, вульгарно ругает и предательски пренебрегает интересами папского престола. Это резкое замечание последовало за приказом архиепископу, под угрозой отлучения, немедленно восстановить Тайный Совет и направить все его усилия на отмену статута. Далее ему приказывалось, как только будет заседать парламент,

подать ему прошение с этой же целью, и передать от Папы Палатам Лордов и Общин Англии, «что все, кто подчиниться этому статуту, будут отлучены от церкви». От архиепископа требовалось обязать все духовенство распространить эту догму. И, наконец, ему было приказано взять с собой двух авторитетных персон, чтобы подтвердить свое усердие и удостоверить Папу о результате этого дела.

Глава 10 - Сопротивление папским посягательствам.

Беспорядки в папстве. – Почему сердиты на архиепископа Чичели. – Прежняя обида. – Совет королю не принимать папского легата. – Полномочия легата. – Обещание, взятое с легата Бьюфорта. – Неудовольствие Папы. – Признает статуты недействительными. – Приказывает архиепископу не исполнять их. – Письмо папы герцогу Бедфорду. – Чичели советует парламенту отменить статут. – Парламент отказывает. – Папа возобновляет притязания. – Два потока в Англии 15 века. – Оба радикально протестантские. – Евангельский принцип – источник действий, начавшихся в обществе.

К чему эта вспышка папского гнева против архиепископа Англии? К чему этот поток оскорбительных эпитетов и жестоких обвинений? Оценивая закон о запрещении как величайшее зло, Папа считал его апогеем восстания против Бога, против св. Петра и против того, кого Папа считал выше всех, себя самого. Мог ли архиепископ предотвратить его принятие? Он был принят до него. Тогда почему эта буря разразилась над головой архиепископа Чичели? Почему тогда не обвинили Кантерберийский престол в трусости и служебных проступках? Почему не вынесли выговор Кортени и Арунделю по той же причине? Почему Папа оставался спокоен до этого времени? Стадо Англии на протяжении полувека подвергалось тройной опасности быть скинутой в пропасть, быть отравленной и быть растерзанной волками. Однако Понтифик не нарушал молчания и не высказал предупреждения в то время. Главный пастух спал, как и его помощник, а ему следовало первому признаться в своих ошибках, прежде чем строго призывать других рассматривать их ошибки. Почему так получилось?

Мы уже упоминали причины. Дела папского престола были в большом беспорядке. Раскол был в разгаре. Иногда было три претендента на престол св. Петра. Когда дела были в таком замешательстве, то ссориться с английскими епископами было бы верхом неблагоразумия, это могло бы отшатнуть их к соперникам. Но теперь Мартин победил всех конкурентов, стал единственным обладателем папского трона, и даст понять как английскому парламенту, так и английскому архиепископу, что Папа – он.

Но Чичели совершил проступок в другом, и хотя Папа не упоминает об этом, возможно, именно это ранило его гордость также глубоко, как и другое. Архиепископ на своем первом соборе ходатайствовал об аннулировании папского освобождения от налогов для несовершеннолетних. «Он сделал это, – пишет Волсингхем – чтобы показать свою индивидуальность». Это было смелое действие, которое папская курия не собиралась прощать. Но, далее архиепископ впал в еще большую немилость, посоветовав Генриху V отказаться от принятия епископа Винчестерского в качестве легата. Папа принял это как глубокое оскорбление.

Чичели объяснил королю, что «направление легата может иметь серьезные последствия для королевства; что из истории и хроник известно о том, что легаты посылались в Англию только в особых случаях; что они подчинялись церковным догматам, и их самостоятельность была ограничена. Их полномочия продолжались самое долгое год, в то время как епископ Винчестерский имел пожизненные полномочия».

Чтобы еще больше убедить короля в опасности приема такого официального лица, он показал ему из канонического закона, какими огромными полномочиями он был наделен; с того момента, как легат войдет, он, Генрих, будет уже королем наполовину; легат во всем, кроме имени, был Папой; он принесет с собой власть Папы, кроме его изобилия; престол легата затмит трон короля; суды легата будут действовать вопреки судам Вестминстер-Холла; легат примет на себя управление всей церковной собственностью в королевстве; он потребует права выносить судебные решения по всем делам, в которых, под любым предлогом, могут быть затронуты интересы церкви; короче, легат разделит лояльность подданных между английской короной и римской тиарой, сохранив львиную долю для своего хозяина.

Генрих V не был тем человеком, который мог бы занять место заместителя, пока другой будет править королевством. Винчестер должен был отступить, как представитель римского величия, второе «я» Папы; он не должен вступать на землю Англии, пока Генрих жив. Но при следующем правлении, после посещения Рима епископ вернулся с полным правом власти легата (1428).Он известил о своих полномочиях молодого короля и герцога Глостерского, который был регентом, но дела не обстояли так гладко, как он надеялся. Ричард Кодрей, от имени короля, встретил его отказом, в котором говорилось, что ни один легат от Папы не вступит в королевство без согласия короля; что английские короли долго пользовались этой привилегией; и что, если Винчестер намеревается увеличить свой легатский авторитет до нарушения этой старой традиции и поступить по-своему, то он будет действовать на свой страх и риск. Кардинал, увидев, что король тверд, официально заверил его, что не сделает ничего предосудительного в отношении прерогатив короны, прав и привилегий королевства. Предприимчивое и патриотическое поведение архиепископа Чичели, посоветовавшего не признавать легата, было особенно похвально для него, поскольку человек, который в данном случае имел полномочия легата, был англичанином и королевской крови. Редко кого-нибудь, кроме итальянца, назначали на эту должность, которая равнялась по влиянию и достоинству самому папскому престолу.

О поведении архиепископа, несомненно, доложили в Рим. Это, вероятно, было особенно оскорбительно для папской курии, чьим принципом являлось – любить страну и ненавидеть ее церковь. Но Ватикан не мог показать свое неудовольствие и

рисковать обижаться на пренебрежение, пока воинственный Генрих V не взошел на трон. А когда нефы Вестминстерского собора приняли его, вспомнили обиду, и королевство, откуда пришла она, должно быть научено, как отвратительно унижать папский престол, или посягать на верховную власть св. Петра. Дело легата было одним из длинного перечня обид. Недостаточно было отомстить за него, Папа должен был вернуться назад и углубиться, чтобы добраться до корней революционного духа, который приводил Англию в движение со времен Эдварда III, и который был в основе статутов о посланниках и запрещении папской юрисдикции.

Мы видели, как архиепископ приказал отправиться в Тайный Совет, и в парламент, чтобы потребовать отмены этих статутов. Наказанием за отказ было отлучение от церкви. Но Папа пошел дальше. Правом своего превосходства он сделал эти законы недействительными. Он пишет архиепископам Йорскому и Кантерберийскому (Папа называет Йорк прежде Кантербери, как будто хотел унизить последнего, приказав им не подчиняться статутам о посланниках и запрещении), чтобы они не чинили препятствий для передачи английских судебных дел на рассмотрение в суды Рима, или назначения иностранцев для проживания в Англии, и морского транспорта из своих доходов. Также заявив, что если они сами, или кто другой, будут исполнять эти законы, то будут отлучены от церкви, лишены прощения, за исключением предсмертного состояния, самим Папой. Почти в то же время Папа выносит церковное осуждение архиепископу. Служит иллюстрацией рвения, с которым английский монарх и его совет наблюдали за вторжением Ватикана, тот факт, что архиепископ жаловался Папе на то, что не был извещен о приговоре обычным путем, но узнал о нем только из официального сообщения. «Так как он не мог вскрыть булл, содержавших осуждение, так как королем было приказано доставить эти документы с целыми печатями и отдать на хранение в архив до заседания парламента»,

Папа не успокоился, приказав духовенству считать вредные статуты недействительными. Он предпринял необычный шаг, написав четыре письма – два королю, одно парламенту и еще одно герцогу Бедфордскому, французскому регенту – настоятельно приказав им, если они заботятся о спасении своих душ, отменить закон о запрещении. Письмо Папы является образцом того духа, который воодушевлял папство при Мартине V. Справедливо признать, однако, что Папа на тот момент имел особую причину для неудовольствия, которая объясняет, и даже извиняет, остроту его языка. Его нунций, доставлявший его бреве и письма, был недавно заключен в Англии в тюрьму. Можно было предположить, хотя булла не подтвердила этого, что они содержали нечто пагубное для короны. Папа в своем письме к герцогу Бедфордскому делал акцент на статуте запрещения, но делал это со всей силой. Он называет его «отвратительным статутом», который противоречит здравому смыслу и вере; при соблюдении этого статута были нарушены законы

страны и полномочия послов; с его нунциями более грубо обращаются в христианской стране, чем у сарацин и турок; англичане так позорно пали, больше чем неверующие, в вопросах справедливости и гуманности; и без быстрого преобразования можно опасаться навлечь на себя суровый суд. Он заканчивает, желая герцогу Бедфордскому использовать свое право, чтобы смыть обвинение с правительства, восстановить честь церкви и «пресечь суровость этих карающих статутов». Старый прием римской церкви – поднять крик о «гонениях» и потребовать «справедливости», в то время когда Англия противостала ее посягательствам, и пыталась связать ей руки от посягательства на золото и нарушения законов страны.

Когда парламент собрался, два архиепископа, Кантерберийский и Йорский, в сопровождении нескольких епископов и аббатов, явились в трапезную Весминстерского Аббатства, где заседала Палата общин, и, основываясь на том, что они не имеют ничего предосудительного по поводу привилегий короля и достоверности конституции, настоятельно просили парламент удовлетворить просьбу Папы об отмене статута запрещения. Чичели начал дрожать перед бурей, собиравшейся в Риме. К счастью Палата Общин больше ревновала о чести страны, чем церковная иерархия. Отвергнув совет архиепископа «служить двум господам», они отказались отменить статут.

Папа, несмотря на то, что его проигнорировали в попытке склонить парламент Англии на свою сторону, продолжал нападки на привилегии английской церкви. Он сам поддержал и напутствовал своего главного епископа, как будто не существовало статута о запрещении. Не обращая внимания на право капитулов выбирать самостоятельно и на власть короля, гарантировавшей ему «разрешение избирать», он посылал своих депутатов на вакантные должности, но не на основании праведности и учености, а на основании богатства и интересов. Самой высокой ценой на рынке Рима был бенефиций. Папа Мартин V по окончании собора в Констанце выдвинул не менее четырнадцати человек на должности епископов в одной только Кантерберийской епархии. Папа предоставил право своим фаворитам удерживать сан епископа «по вере» (право передачи прихода), то есть получать его церковный доход, когда другой уволен или ему объявлено об увольнении. Папа Евгений (1438) дал сан епископа Йельского «по вере» архиепископу Руанскому, и после некоторого сопротивление, французу было позволено получать доходы. Он отважился на другие ступени своей власти – совмещение приходов, проживание вне пределов прихода, привилегии для францисканцев, как владельцев церковных бенефиций. «Далее мы видим, что Папа издает буллы, дающие право его нунциям вводить налоги на духовенство и собирать деньги. Мы прослеживаем в церковных архивах того времени постоянные и упорные усилия узурпировать власть с одной стороны, и в меру настойчивые усилия отбивать нападение с другой. Преподобный

Генрих Эдвард Маннинг, архидьякон Чичестерский, строго придерживаясь исторических фактов, пишет – «Если кто-нибудь посмотрит на раннюю историю Англии, то увидит постоянную борьбу правителей страны с епископами Рима. Корона и церковь Англии с упорным неприятием сопротивлялись проникновению и нападкам секулярной власти Папы в Англии. Со времени короля Иоанна тень Ватикана начала возвращаться в Англию; она немного укоротилась в 15 веке, и ее уменьшение давало надежду в будущем, ибо об ее приходе благочестивый лорд Кобхем выразил пылкое желание, чтобы эта надвигающаяся полутень остановилась в Кале и не пересекла Ла-Манш.

Пока английская церковная иерархия боролась против папской верховной власти одной рукой, то другой она преследовала лоллардов. В то время, когда они разрабатывали такие законы, как статуты о посланниках и запрещении, чтобы защитить каноны церкви и конституцию государства от полного уничтожения из-за угрозы иностранной тирании, они вводили эдикты, осуждавшие лоллардов и разжигавшие для них костры. Это нас не удивляет. Так всегда бывает на самой ранней стадии великих реформ. То благо, которое начало приводить в движение тихий омут, активно поднимает зло на поверхность. Поэтому перед нами такие противоречия. При обычном взгляде дела становятся хуже; в то время как возбуждение и агрессия старых сил является признаком того, что новое недалеко и реформация уже началась. У евреев по этому поводу есть такая поговорка – «Когда удвоят число кирпичей, придет Моисей», которая, однако, если более точно отразить истинность события и закон Божьего действия, должна звучать так – «Удвоили число кирпичей, поэтому пришел Моисей».

Мы наблюдаем в Англии 15 века два мощных течения, и оба они, до известной степени, протестантские.

Лоллардизм, который основывался на Слове Божьем и на свободе совести, был, по существу и всецело, протестантским. Борьба против римской власти, которая основывалась на церковных канонах и законах королевства, была также, в какой-то степени, протестантской. Это был протест против власти, которая возвышалась над всеми законами и сокрушала все права. А что, спросим, порождало этот дух оппозиции? Мало что сделала та сторона, которая боролась против планов верховной власти. А почему их движение продолжало существовать? Им было бы стыдно за принадлежность к нему, если бы они это осознавали. Истинно, тот самый лоллардизм, который они пытались затоптать, дал начало духу, который сейчас проявился в защите национальной независимости против папских притязаний. Принцип лоллардов, протестантов или христианский принцип, неважно каким из трех понятий мы назовем его, был на протяжении всех Темных веков в груди европейского христианства, сохранив в совести степень деятельности и силы, в

разуме степень энергичности и роста, и в душе желание и надежду на освобождение. Обычно этот принцип становился явным при наличии праведности, которой он питал сердце, милосердия и чистоты, которыми он обогащал жизни отдельных мужчин и женщин, рассеянных по монастырям, капитулам соборов, сельским приходам или потаенным местам, не замеченных историей. В другие времена он пробивался на поверхность и проявлял свою силу в бо;льшой степени, как в пробуждении альбигойцев. Но силы зла были тогда очень сильны, чтобы удержать достигнутое. Сраженный, он снова стал апатичным. Но великой весной, которая пришла с Уиклиффом, он быстро пробудился, чтобы никогда больше не заснуть. Заняв место на переднем фронте, он нашел поддержку в лице многих сил, среди которых сам был реальным, хотя и косвенным автором, потому что, именно дух лоллардов, христианский дух, который никогда среди всего этого варварства, раздоров и суеверий, захвативших средневековое общество, не прекращался и не удалялся. Именно он посылал вести тем ранним утром, знал их добродушие, взращивал их, желал бо;льшего поля деятельности, бо;льшего освобождения, бо;льшей чистоты общества, и никогда не успокаивался, пока не добивался этого. Этот презираемый принцип (так как в 15 веке его видели в судах, в тюрьмах, на кострах, в одеждах опасных уголовных преступников) был истинным источником действий, он давал им первый импульс. Без него их бы не было никогда, ни ночь, ни утро не сменили бы Темной эпохи. Это был рассвет для христианства. Когда мы рассматриваем два одновременных потока, текущих в Англии в этом веке, мы видим их немного отстающими от того, к чему мы сейчас пришли. Это подтверждает объединение потоков и создание одного движения, известного как английская реформация.

Но до этого Англии пришлось пройти через ужасную коллизию.

Глава 11 - Влияние войн 15 столетия на развитие протестантизма

Конвульсии 15 столетия – Падение Константинополя – Войны в Богемии – В Италии – В Испании – В Швейцарии – Войны папского раскола – Мир или войну дали Папы христианскому миру? – Войны, начатые Папами: крестовые походы; войны за должности; крестовые походы против альбигойцев и вальденсов; войны в Неаполе, Польше и других странах; междоусобица в Италии; гуситские компании и пр. – Войны Белой и Алой Роз – След ведет к совету архиепископа Чичели – Предопределение конца войн 15 века – Знать ослаблена – Трон укрепился – Почему? – Гуситы и лолларды.

День, который приближался, послал в мир перед собой ужасные бури, как глашатаев перед своим прибытием. Так середина 15 века, как ничто в современной истории, представляет собой картину всеобщего бедствия и смятения, за исключением периода, который был свидетелем падения западной империи. Нигде не было стабильности и мира. Все вокруг, насколько простирался взгляд, было, подобно морю, бушевавшему огромными морскими валами, вздымавшемуся мощными ветрами, которые потрясали само основание земли. Христиане тех дней при взгляде на мир, колеблемый и сотрясаемый этими штормами, должны были придти в ужас, если бы не помнили, что есть Тот, «Кто восседает как Царь над потопом».

Турецкая армия собиралась вокруг Константинополя, и восточная королева была готова преклонить голову и погрузиться в волну мародерства, грабежа и убийства. Богемия, политая, как обильным дождем, снова и снова, в третий раз немецкой кровью, была мрачна и молчалива. Германия пострадала гораздо больше, чем сама нанесла поражений. От Рейна до Эльбы, от Шварцвальда до Балтики, ее народы оплакивали свою молодежь, убитую в плохо организованных кампаниях, в которые Рим вовлек их против гуситов. Италия, распавшаяся на княжества, была бесконечно раздираема амбициями и междоусобицами мелких правителей. И если на мгновение гул этой внутренней борьбы стихал, то только в присутствии какого-то иностранного завоевателя, которого красота этой земли привлекла с войсками из-за Альп. Великолепные города Испании, украшенные различными художествами, и обогащенные стараниями мавров, были опустошены ее жителями вследствие фанатичных крестовых походов. Мусульманский флаг был сброшен со стен Гренады, и народ, который превратил долину Веги вокруг маврской столицы в сад, поливая ее горными ручьями Сьерры Невады, и покрывая ее полями и апельсиновыми рощами, переплывал через Гибралтар на новые места на северном берегу Африки. Швейцарцы, которые веками взирали с постоянным равнодушием на войны и конвульсии других народов, живших у подножья их гор, и, считавших их непреступной крепостью в случае вторжения, теперь видели себя под угрозой

чужого меча в своих долинах, и вынуждены были сражаться за свою незапамятную независимость. Они были атакованы двумя мощными королевствами с обеих сторон – Австрией и Францией, которые хотели расширить свои территории, но забыли, что при прохождении через Швейцарские Альпы они не уберут между собой барьера, который мешал двум странам объединить усилия для суровых и частых битв.

Как будто антагонизма народов и амбиций королей было недостаточно, чтобы поразить несчастный век, еще один вид разногласий был введен в борьбу папским расколом. Противоборствующие Папы и их сторонники вынесли свой конфликт на поля сражений, и реки христианской крови были пролиты для выяснения истинного Папы. Аргументы праведности, мудрости, знаний были лишь пылью по сравнению с неоспоримым аргументом меча, и Евангелие мира было превращено в военный набат. Зло, шедшее от раскола, которое много лет поражало христианство, не могло не возбудить вопроса в каждом объективном разуме – насколько папы исполнили служение, предначертанное им как «отцам христианства» и миротворцам мира? Не принимая во внимание льстецов с одной стороны и обвинителей с другой, оставим вопрос истории. Сколько мирных лет и сколько военных лет, которые начались от папского престола, и в какой пропорции они находились друг к другу?

Чтобы задать несколько простых вопросов относительно неоспоримых фактов, давайте спросим, от кого исходили крестовые походы, которые в течение двух столетий опустошали сокровища и кровь, как Европы, так и Азии? История отвечает – от Пап. Монахи призывали к крестовым походам, монахи набирали солдат, чтобы сражаться в них, и когда войско было в походе и все было готово, монахи становились во главе его и вели вперед. Их путь был отмечен разрушениями до берегов Сирии, где их яростный фанатизм разражался сценами еще большего разрушения и ужаса. В этих экспедициях Папы были всегда главными; императоры и короли с крестами воевали под своими знаменами под командованием легатов; по Папскому рескрипту они шли убивать или быть убитыми. В отсутствие королей Папы брали в свои руки управление королевствами; люди и имущество всех крестовых походов объявлялось под их защитой. В их пользу был любой процесс, гражданский или уголовный; они щедро раздавали индульгенции и заповеди, чтобы поддерживать фанатичный пыл и кровавое рвение; они иногда приказывали, а иногда накладывали в качестве епитимии служение в крестовых походах; их нунции и легаты собирали пожертвования и наследства, завещанные для ведения этих войн; и когда спустя два зловещих столетия они закончились, оказалось, что никто кроме Пап не выиграл. Пока авторитет папского престола укреплялся, светские короли в той же пропорции слабели и нищали; власть Рима утверждалась, так как разбитые и сломленные народы несли ярмо, одетое на их шеи, которое не могли сбросить много лет.

Далее спросим, от кого исходило противостояние митры и империи, войны за владения, которые разделяли и опустошали христианские страны полтора столетия? История отвечает – от Папы Григория VII. От кого исходили крестовые походы на альбигойцев, которые прокатились бурями огня и крови одна за другой по югу Франции? История отвечает – от Папы Иннокентия III. Откуда пришли армии убийц, которые бесчисленное число раз вторгались в долины Вальденсов, неся факелы в жилища и молитвенные дома, причинив невинным жителям такие ужасные бесчеловечные страдания и жестокость, которые трудно представить? История отвечает – от Папы. Кто сообщил королевствам Неаполя, Сицилии, Арагона, Польши и других стран, что за тех, кому они делают пожертвования, должны еще и сражаться? История отвечает – Папы.

Кто свергал монархов и санкционировал восстания и войны между ними и их подданными? Папы. Кто так часто склонял швейцарцев спуститься с гор, чтобы пролить кровь на равнинах Италии? Епископ Сиона, действующий как легат Папы. Кто поддерживал раздробленность Италии, чтобы удержать свое господство, ценой почти непрекращавшихся междоусобиц и войн, оставив неохраняемыми врата страны или намеренно открытыми для вторжения иностранных орд? История отвечает Папы. Кто, вступив в войну с Францией, сменил митру на шлем, и, проехав по мосту через Тибр, как говорят, бросил ключи от собора св. Петра в реку, видя, что они служат ему плохую службу, и потребовал меч св. Павла? Папа Юлиан II. Кто организовал одну за другой военные кампании против гуситов, и два раза посылал легата возглавить эти крестовые походы? История отвечает – Папа.

Остановимся на эпохе реформации. Мы не задаем вопросы истории относительно войн в Германии, во Франции, в странах северо-западной Европы, в Венгрии и других странах, в которых кровь эшафотов смешалась с кровью полей сражений. Мы ограничиваемся примерами тех веков, когда Римская церковь была не просто властью, а властью в христианских странах. Короли были ее вассалами и повиновались ее слову. Почему тогда она не призвала их к барьеру и не приказала им обнажить мечи? Почему она не связала их цепью отлучения от церкви и не приказала им сохранять мир, пока она не разберется в спорах, и, таким образом, предотвратит пролитие крови? Вот таковы подвиги Папы на полях сражений. Почему история забыла зафиксировать его труды и жертвы в благословенной работе для установления мира? Правда, мы можем найти несколько исключительных примеров пап, установивших мир между христианскими королями. Мы находим Лионский собор (1245г.), предписавший прекращение вооруженных столкновений между западными монархами, и давший полномочия прелатам выносить порицание тем, кто отказывался признавать это предписание. Но с какой целью? С тем, чтобы крестовые походы, которые тогда готовились, могли бы пройти с бо;льшим единодушием и рвением. Мы находим Григория X, посылавшего своего нунция,

чтобы заставить Короля Франции Филиппа III и короля Кастилии выполнить декрет этого собора, зная, что эти два монарха собирались решить некоторый спор оружием, так как ему были нужны их мечи в его собственных битвах. Далее находим Бонифация VIII, приказавшего всем правителям прекратить войны и разногласия у себя на родине, так как обстоятельства могут потребовать вести святые войны для церкви. Эти и несколько других подобных примеров – все, что имеем на одной стороне против длинного списка грустных событий – на другой. Вердикт истории таков, что с достижением Пап верховной власти пришел не мир, а войны в христианские страны. Зенит папской власти ознаменовался не спокойным блеском и тихими радостями, а бурями, битвами и разрушением.

Вернемся от этого отступления к картине Европы 15 столетия. К смутам, которые были так часты в каждой части света, на востоке, на юге и в центре христианства, нам придется добавить смуты на севере. Король Англии объявил войну Франции. Мощные войска покинули

«…бледнолицый берег,

Что гордо отражает натиск волн,

Своих островитян от всех отрезав».

Человек, который повел их, забыл о том, что природа уготовила морю, окружающему Англию, быть одновременно границей ее местоположения и бастионом ее мощи, и что, расширяя свои владения, он подвергал их опасности. Эта неудачная компания, которая принесла беды обоим странам, была спланирована, как мы видим, римским духовенством с целью найти занятие для пытливого Генриха V, и особенно, чтобы отвлечь его взгляд от собственных владений на более соблазнительную награду, корону Франции. Горе и беды, которым этот совет открыл дверь, не закончились до конца столетия. Английская армия обрушилась не только на северный берег Франции, но углубилась в центр королевства, отметив путь своего марша разграбленными городами, разоренными и частично обезлюдевшими провинциями. Эти несчастья тяжело сказались на верхнем эшелоне французского общества. На роковом поле при Азенкуре погиб весь цвет знати: рыдание и плач слышны были в замках и королевских резиденциях; так как было всего несколько знатных семей, которые бы не оплакивали совет архиепископа Чичели Генриху V, направившему столь разрушительную бурю на их страну.

Наконец, туча бедствий повернулось на север (1450г.) и извергла свое последнее и самое тяжелое содержание на саму Англию. Длинная и печальная череда событий, которая началась на родине, достигла кульминации в войне с Францией. Преждевременная смерть Генриха V; распри и интриги вокруг трона его малолетнего сына, тайные собрания, которые вызывали беспокойства и беспорядки

по всему королевству; и наконец, начало Войн Алой и Белой Розы, которая, как сильнейший пожар, уничтожила все знатные семьи королевства, включая королевский дом. Все эти трагедии и преступления связаны, как можно проследить, с советом духовенства, принятым и воплощенным королем. Кровь, пролитая на полях сражений, не была единственным злом, которое омрачало этот горестный период. Последствием ужасной гражданской войны явилось ослабление закона и приостановка производства. Результатом последнего было то, что страна обесславилась преступлениями и бесчинством, и постоянный голод и эпидемии нанесли большие потери населению.

Распря, которая возникла в 1452 году между Белой Розой Йорка и Алой Розой Ланкастера, - сфера деятельности светского историка. Мы упоминаем здесь о ней, так как она наложила отпечаток на историю протестантизма. Война продолжалась в течение тридцати лет; она ознаменовалась двенадцатью кардинальными битвами; как подсчитано, она стоила жизней восьмидесяти наследных принцев, и почти полностью уничтожила древнюю знать Англии. Королевство было тяжело поражено с тех пор, как был принят закон De Haeretico Comburendo, но чашу горя исполнили войны Алой и Белой Роз.

Войска соперников распалялись мстительной ненавистью, характерной для гражданских конфликтов. Редко бывали более кровопролитные битвы, чем эти, полившие землю Англии кровью своих детей. Иногда побеждал дом Йорка, и тогда Ланкастеры немилосердно уничтожались, в другой раз дом Ланкастеров одерживал победу, и тогда приверженцам Йорка приходилось искупать вину за поражение противников, нанесенное в день победы. Страна оплакивала эти многочисленные бедствия. Переходы армий взад и вперед были отмечены сгоревшими замками, церквями и жилищами, а также разоренными полями. В таких скорбях прошла большая часть второй половины 15 столетия. Царствование Плантагенетов, долго правивших Англией, закончилось кровопролитным сражением при Босворте (1485г.). И дом Тюдоров, в лице Генриха VII, взошел на трон.

Если эти беды в какой-то степени были щитом для последователей Уиклиффа, заняв умы английского короля и его знати другим делом, нежели охотой на лоллардов, но они же делали невозможным пробуждение их дела. Убийство тех, кто придерживался и проповедовал реформаторскую веру, хотя и приостановилось в результате упомянутых факторов, но никогда, в действительности, не прекращалось. Время от времени некоторых людей призывали, используя терминологию Фокса, «засвидетельствовать свою веру огнем». «Напуганные лолларды - пишет Д'Обинье - были вынуждены прятаться среди простых людей, и тайно проводить собрания. Работа по спасению велась бесшумно среди избранников Божиих. Среди лоллардов было много верующих, кто был искуплен Иисусом Христом, но в общем они не

знали, в такой степени как протестанты 16 века, животворящую и всепрощающую силу веры. Это были простые, смиренные и часто робкие люди, привлеченные Словом Божиим, пораженные его осуждением заблуждений римской церкви, и хотевших жить по заповедям. Бог предопределил им роль, важную роль, в великом преображении христианства. Их смиренная праведность, их пассивное сопротивление, позорное обращение, которому они подвергались при отступлении, одежды покаяния, в которых их одевали, свечи, которые их заставляли держать на паперти - все это выдавало гордыню священников, и наполняло самые благородные умы сомнениями и смутными желаниями. Через крещение страданиями Бог готовил путь для знаменитой реформации».

Рассматривая только причины, лежащие на поверхности, изучая условия и работу установленных институтов, особенно, «церкви», которая с каждым днем поднималась во власти, и в то же время глубже погружаясь в заблуждения; которая положила руку на трон, и сделала сидевшего на нем своим заместителем, а также на свод законов и сделала его немного лучше, чем просто реестр нетерпимых эдиктов, на суды и оставила им едва ли большую функцию, чем смиренное выполнение ее приговоров. Смотря на все это, нельзя ждать чего-нибудь кроме все более сгущавшейся тьмы и еще бо;льшей ярости охвативших мир бурь. Однако рассвет уже наступил. На горизонте показался свет. Более того, ужасные порывы ветра несли на своих крыльях благословение народам. Константинополь пал, чтобы сокровища древней литературы могли распространиться по всему западному миру и возбудить человеческие умы. Французская и английская знать были ослаблены в сражениях, чтобы трон возвысился и мог управлять. Было необходимо, чтобы институт, слабость которого спровоцировала беззаконие знати и высокомерие церковной иерархии, поднялся бы и укрепился. Это было одним из первых шагов по освобождению общества от духовного рабства, в которое оно попало. Еще со времен Григория VII монархия была в подчинении у священства. Политика Пап, проводимая в течение четырех столетий, была направлена на централизацию своей власти и самое высокое положение. Одним из средств для этого было сбалансировать власть знати и короля. Тем самым, ослабив обе стороны, сделать власть Папы самой сильной из трех. Политика была успешной. Папы стали гораздо сильнее, чем мелкие правители 15 века. Ничего кроме системы сильных монархий не могло справиться с престолом, объединившим духовную и светскую власть, который был возведен в Риме, и, укрепившись, сделал королей своим орудием и через них карал их подданных.

Итак, мы видим, что следствием бурь, гремевших в течение всего столетия, было возникновение трех мощных тронов – Англии, Франции и Испании. Единая сила христианства не была более в одной руке, то есть в руке владельца тиары. Три сильных поднявшихся властителя могли держать свою знать под контролем, могли

диктовать церковной иерархии, и поэтому могли на равных встречаться с властителем Ватикана. Их интересы иногда совпадали с его интересами, иногда нет. И этот баланс между папством и монархией служил щитом для развития протестантского движения, которое скоро должно было начаться.

Перед тем, как оставить Англию 15 века, необходимо помнить, что в течение столетия это великое движение, которое возникло благодаря содействию Уиклиффа в предыдущем столетии, разделилось на две части: местоположение одной – на западе, другой – на востоке христианского мира.

Далее это движение будет известно как гуситы в Богемии и лолларды в Англии. Когда знаменитый протест, поданный немецкими курфюрстами в 1529 году, заменил оба названия, и в последующем получил одно, под которым он известен в этих трех странах. Придет день, когда оно оставит то имя, которое сейчас носит, т.е. протестантизм, и приобретет более древнее, более всестороннее и более почетное, данное 18 веков тому назад в Антиохи, где ученики впервые стали называться христианами.

Хотя в обеих частях движения был один и тот же дух, однако действия отличались. Сила протестантизма проявилась в Богемии в превращении народа в героев, в Англии – в явлении мучеников. В одной стране история ведет нас к военным лагерям и полям сражений, а в другой она ведет к тюрьмам и кострам. Последние открывают нам более благородных победителей и более славную борьбу. Однако мы не виним гуситов. В отличие от лоллардов, это был народ. На их страну напали, их общественному сознанию угрожали; и они не нарушили ни одного христианского принципа, с которым были знакомы, когда вооружились мечами, чтобы защитить свои жизни, затем алтари. И мы не ошибемся, если скажем, что их патриотическому сопротивлению был предопределен грандиозный успех, увенчавший их борьбу, и оно продолжало расти, как прилив, не знающий отлива, до того рокового дня, когда они вступили в контакт с Римом. В архиве находим имена тех, кто «был отважным в борьбе, обращал в бегство армии противников», а также и тех, кто «был побит камнями, распилен на куски, подвергся пыткам, был зарезан мечом, не приняв освобождения, чтобы достичь лучшего воскресения».

Нужно признаться, что костры лоллардов проявили себя более сильным оружием в защите протестантизма, чем мечи гуситов. Оружие богемцев просто уничтожило врагов, а костры лоллардов создали последователей. Своими смертями они посеяли семя Евангелия. Это семя осталось в земле, и пока «битва воинов с ее беспорядочным шумом и обагренными кровью одеждами» велась с переменным успехом по всему лицу Англии, оно продолжало, молча давать ростки, поджидая 16 век с его освежающим воздухом весенней поры.

Ольга Крубер-Федорова

Джеймс Уайли История протестантизма

Книга восьмая. История протестантизма в Швейцарии с 1516 года до его установления в Цюрихе в 1525 году

Глава 1 - Швейцария – страна и люди

Реформация рассветает сначала в Англии. – Уиклифф – Лютер – Его нет. – Что оно значило. – Пробуждение сознания. – Кто будет править, сила или сознание? – Одновременное появление реформаторов. – Швейцария – Разнообразие и великолепие ландшафта – История – Смелость и героизм ее народа – Вновь приближается свобода. – Примут ли ее швейцарцы? – Да – Прибежище для реформации – Спад в Германии – Пробуждение в Швейцарии

Если мы пойдем по пути возрожденного Евангелия в христианском мире утром шестнадцатого века, наши шаги приведут нас в Швейцарию. Впервые свет этого благословенного дня забрезжил в Англии. Впереди всех в этой плеяде сильных людей и спасателей, через которых Богу было угодно освободить христианский мир от рабства невежества и суеверий, в котором он находился многие века, стоит Уиклифф. Его появление было залогом того, что после него придут другие, наделенные такими же и, возможно большими дарами, чтобы совершать ту же великую миссию освобождения. Успех, сопровождавший его проповеди, давал уверенность, что Божественное Действие, которое так сильно проявилось в прежние времена и прогнало ночь язычества из многих владений, опрокинув его алтари и низложив могущественные троны, поддерживавшие его, будет опять отпущено на волю. И оно проявит свою жизнестойкость и неувядаемую силу в рассеивание второй ночи, собравшейся над миром, и опрокинет новые алтари, построенные на руинах языческих алтарей.

Но большой интервал разделял Уиклиффа и его великих последователей. День медлил с приходом, надежды, ждущих «освобождения», испытывались второй задержкой. Рука, которая «разрезала решетки» языческого дома рабства, казалось, была «коротка», чтобы отпереть ворота еще более унылой тюрьмы папства. Даже в Англии и Богемии, куда этот Свет был больше направлен до сих пор, вместо того, чтобы посылать свои лучи для освещения неба над другими странами, казалось, тускнет, превращаясь в ночь. Второй Уиклифф не поднялся; роскошь, мощь и порочность римской церкви достигли еще большей степени, чем прежде, когда неожиданно человек более великий, чем Уиклифф, вышел на сцену. Не более великий сам по себе, так как Уиклифф более глубоко смотрел внутрь и охватывал взглядом более широкую область истины, чем, возможно, даже Лютер. Казалось, что Уиклифф неожиданно появился, как один из богословских гигантов ранних дней христианской церкви, среди слабых богословов четырнадцатого века, занятых своими маленькими проектами реформации церкви «в ее главе и членах», и удивил их, бросив им свой план реформации согласно Слову Божьему. Но Лютер был выше Уиклиффа, в несении бремени он оказался не только выше других людей, но и даже первого реформатора. Уиклифф и лолларды оставили после себя мир, готовый для

реформ шестнадцатого века, и поэтому усилия Лютера и его товарищей имели неожиданный и поразительный результат. Итак, наступал день. Меньше чем через три года весь христианский мир приветствовал Евангелие и начинал погружаться в его величие.

Мы уже прослеживали распространение света протестантизма в Германии с 1517 года до первой кульминации в 1521 году, от ударов молотка монаха по дверям замковой церкви Виттенберга в присутствии толпы паломников накануне Дня всех святых до его НЕТ, громом прокатившееся по сейму в Вормсе перед троном императора Карла V. Это НЕТ звучало похоронным маршем древнему рабству. Оно безошибочно объявило о том, что Духовное доказало свою позицию перед Материальным, что общественное сознание больше не будет склоняться перед империей, что сила, чьи права давно были объявлены вне закона, наконец, разорвала узы и будет бороться с начальствами и тронами за скипетр мира. Противоборствующие силы знали, какой ужасный смысл заключался в одном коротком предложении Лютера, «Я не могу отречься». Это был голос нового века, говоривший, что я не могу вернуться за границу, которую уже перешел. Я наследую будущее и народы, мое наследство, я должен исполнить поставленную передо мной задачу – вести их к свободе, и горе тем, кто противостанет мне в исполнении моей миссии! Вы, императоры, короли, вельможи и судья земные, «будьте мудрыми». Если вы объединитесь со мной, вашей наградой будут более прочные троны и процветающие королевства. Но, если нет, моя работа все равно совершится; но горе противникам, у них не останется, ни трона, ни королевства, ни имени!

Всех, кто изучает время, о котором мы говорим, руководствуясь здравым рассудком и благоговением, поражает одно, а именно одновременное появление многих людей сильного характера и высочайшего интеллекта в эту эпоху. Ни один другой век не может показать созвездие таких блестящих имен. В истории к нему ближе всего так называемый, полувек Греции. До прихода Христа греческий интеллект засверкал неожиданно во всем блеске, и своими достижениями в области человеческих усилий излил славу на этот век и страну. Многие студенты истории видят в этом чудесном расцвете Греции подготовку мира через оживление ума и расширения горизонта к приходу христианства. Мы видим повторение этого явления, но в еще большем масштабе, в христианском мире в начале шестнадцатого столетия.

Одним из первых, кто отметил это, был Рихат, красноречивый историк швейцарской реформации. «Случилось так, - пишет он – что Бог поднял в это время почти во всех странах Европы, и в Италии тоже, ряд образованных, праведных и просветленных людей, которых пробудила большая ревность о славе Божьей и благе церкви. Эти выдающиеся люди восстали одновременно, как будто по

договоренности, против господствующих заблуждений, однако, не сговариваясь. Своим постоянством и упорством, сопровождаемым благословением свыше, им удалось в разных местах вынуть факел Евангелия из-под сосуда, который скрывал его свет, и с помощью его совершить реформацию церкви. И, как Бог дал, по крайней мере, частично это благословение разным народам, таким как французы, англичане и немцы, Он даровал его и швейцарцам: «счастливы те, которым это принесет пользу».

Страна, на пороге которой мы стоим, и чью историю событий реформации мы собираемся проследить, является замечательной во многих отношениях. Природа избрала ее как уникальную арену проявления своих чудес. Здесь красота и ужас, мягкость и суровость, тонкое очарование и угрюмость, грубость и возвышенность находятся бок обок и смешиваются в одной панораме громадного и ослепляющего великолепия. Вот маленький цветок, украшающий луг, а вон там на склоне горы высокая, темная и молчаливая ель. Вот чистый ручеек, веселящий долину, по которой он протекает, а вон там величественное озеро, расположенное среди безмолвных гор, отражающее в своей зеркальной груди скалу, нависшую над его берегом, и белую вершину, которая издалека смотрит на него из-под небес. Вот узкое ущелье, на которое дикие скалы бросают черные тени, превращая его в ночь среди дня; а вот ледник, как большой белый океан, свешивая свои валы с кромки горы. И высоко наверху, увенчивая славу картины физического великолепия, находится исполин Альп, носящий на голове снега тысячи зим, и ждущий, что солнце зажжет их своим светом и наполнит небосвод их блеском.

Политическая деятельность Швейцарии также романтична как и ее ландшафт. Она представляет ту же смесь обыденного и героического. Ее народ простой, экономный, сдержанный и выносливый имеет способность зажигаться энтузиазмом, и самые смелые подвиги согласно историческим хроникам были совершены на этой земле. Их горы, подвергавшие их яростным бурям, неистовству горных потоков, угрозе лавин, воспитали в них бесстрашие. Не остались их души не испытанными великолепием, среди которого они ежедневно вращались. Они в равной степени свидетельствовали соответственно случаю и о своей вере у алтаря, и о своем героизме на поле битвы. Страстно любя свою страну, они всегда проявляли готовность по зову патриотизма броситься на поле битвы и вступить в борьбу с огромными трудностями. От своих отар и стад на продуваемых ветром пастбищах, окружающих вечные снега по первому призыву сходили на равнины для битвы за свободу, переданную им от отцов. Мирные пастухи мигом превращались в бесстрашных воинов, и одетые в кольчугу войска отступали перед стремительностью их атаки; их копьеносцы пошатнулись под боевыми топорами и стрелами горцев, и как Австрия, так и Франция часто раскаивались, что необдуманно разбудили спящего швейцарского льва.

Но сейчас пришло новое время, когда более глубокие чувства должны возбудить души швейцарцев и зажечь в них более святой энтузиазм. Более высокая свобода, чем та, за которую их отцы проливали кровь на полях сражений в прошлом, приближалась к их стране. Какой они окажут ей прием? Будут ли люди, которые никогда не отклоняли призыва к оружию, сидеть, сложа руки, когда труба зовет их на более благородную борьбу? Будет ли ярмо совести натирать меньше, чем ярмо, которое было тяжелым, но угнетало только тело? Нет, швейцарцы смело ответят на обращенный к ним призыв. Они должны были увидеть при свете раннего рассвета, что не Австрия была их главным притеснителем, что Риму удалось надеть на них ярмо тяжелее, чем дом Габсбургов когда-либо надевал на их отцов. Сражались ли они и проливали кровь, чтобы разбить более легкое ярмо, и смиренно несли более тяжелое? Его железо вошло в душу. Нет, они слишком долго были рабами чужого священника! Это будет последний час их рабства. И ни в какой другой стране протестантизм не нашел более энергичных воинов и более успешных борцов, чем в Швейцарии.

Не только врата этой величественной территории были настежь открыты для реформации, но в последующие годы протестантизм должен был обрести здесь свой центр. Когда короли будут теснить его своими мечами и изгонять его из более открытых стран Европы, он удалится в страну, защищенную горами, и, возведя основание у подножия мощного бастиона, будет продолжать из своего убежища обращаться к христианскому миру. Наступит день, когда свет потускнет в Германии, но реформация вновь настроит свой светильник и добьется, чтобы он горел с новой силой и изливал вокруг себя сияние более чистое, чем сияние утра над Альпами. Когда могучего голоса, который торжественно управляет протестантским войском в Германии, ведя его к победе, перестанут слушать, когда Лютер сойдет в могилу, не оставив после себя никого, кто бы мог принять его скипетр или владеть его мечом; когда яростные бури будут бушевать во Франции, и тяжелые тучи омрачать наступившее ясное утро, и когда Испания после отчаянных попыток разбить оковы и вырваться к свету, будет сломана инквизицией и тираном и вынуждена будет вернуться в старую тюрьму, тогда в Швейцарии восстанет великий вождь, который разобьет палатку среди гор, обозревая из своего центра каждый уголок поля сражения, мгновенно наведет порядок в битве и будет направлять ее движения, пока бойцы не добьются победы.

Такое вот значение страны, к которой мы приближаемся. Здесь могучие борцы будут сражаться, здесь мудрые и ученые богословы будут учить; но давайте сначала посмотрим на ее нынешнее положение – ужасная ночь давно покрывает ее прекрасные долины и величественные горы, на которых становятся заметными первые проблески утра.

Глава 2 - Положение Швейцарии до реформации.

Раннее и средневековое христианство – Последнее не похоже на первое. – Изменение церковной дисциплины – Изменение священства – Изменение поклонения – Швейцарское государство – Незнание Библии – Священные языки неизвестны. – Греческий язык считается ересью. – Упадок школ – Расстроенное состояние общества – Все вещи условно святые. – Продажа бенефиций – Иностранцы на содержании у швейцарцев.

Христианство Средневековья настолько отличалось от христианства первых веков, что нельзя было сказать, что это – то же Евангелие. Чистые источники с далеких уединенных гор и зловонная мутная река, образованная их водами после прохождения через болота и принявшая стоки больших городов, через которые она протекала, были подобны чистому и ясному Евангелию, сначала истекшему из божественного источника, и Евангелию, данному миру, после того как традиции и людские пороки смешались с ним. Управление церковью, такое легкое и приятное в первом веке, превратилось в настоящую тиранию. Верные пастыри, кормившие свое стадо знаниями и истиной, зорко следя, чтобы зло не приблизилось к пастве, уступили место пастырям, которые спали на своем посту, или просыпались только для того, чтобы поесть тук и одеться в шерсть. Простое и духовное поклонение первого века было заменено в пятом веке на обряды, которые были, как жаловался Августин, «менее сносны, чем бремя, под которым ранее стенали евреи». Христианские церкви сегодня мало чем отличаются от языческих храмов прежней эпохи; перед Всевышним преклонялись с помощью таких же обрядов и ритуалов, как и язычники, почитавшие своих богов. Истинно, престол Всевышнего затмила толпа божеств, помещенных вокруг него, и внимание было отвлечено от единственного великого предмета поклонения на многочисленных конкурентов – ангелов, святых и изображения, тогда как слава принадлежала Ему Одному. Можно подумать, что было бесполезно разрушать языческие храмы и уничтожать алтари языческих богов, понимая, что им на смену придут храмы с такими же суевериями и изображениями столь же идолопоклонническими. Поэтому еще в четвертом веке св.Мартин, епископ Турина, нашел в своем диоцезе алтарь, который один из его предшественников установил в честь разбойника, и ему молились, как мученику.

Пороки, разбухшие до огромных размеров еще в пятом веке, перетекали нарастающим потоком в пятнадцатый век. Не было страны в христианском мире, которую не затопили бы эти воды. Зловонный поток проник в Швейцарию, как и в другие страны. Если мы возьмем несколько примеров из той тьмы, в которую была погружена страна до сего времени, мы сможем правильно оценить большое благословение, принесенное реформацией миру.

Невежество распространилось на все классы и во все сферы человеческих знаний. Науки и научные языки, похоже, были позабыты; политическим и богословским знаниям в равной степени пренебрегались. «Знать немного греческий язык – пишет известный Клод де Эспенеж – было все равно, что подвергнуться подозрению в ереси; владеть ивритом почти одно и то же, что быть еретиком». Школы, предназначенные для наставления молодежи, не содержали ничего, что могло бы их облагородить, и выпускали скорее невежд, чем ученых. В те дни была поговорка: «Чем искуснее грамматист, тем хуже богослов». Чтобы быть ортодоксальным богословом, надо было сторониться наук, и, действительно, служители тех дней не рисковали испортить богословие или репутацию, заразившись знаниями. Более четырехсот лет богословы знали Библию только в латинском переводе, обычно называемой Вульгатой, так как абсолютно не знали языков первоисточника. Цвингли, реформатор из Цюриха, навлек на себя подозрения священников в ереси, так как он прилежно сравнивал Ветхий Завет на иврите с латинским переводом. И Рудольф Ам-Рухель, иначе Коллинус, профессор греческого языка в Цюрихе, рассказывает нам, что однажды он подвергся большой опасности из-за обладания некоторых книг на греческом языке, это считалось несомненным признаком ереси. Он был каноником Мюнстера в Ааргане в 1523 году, когда суд магистратов Люцерны отправил нескольких священников к нему домой. Обнаружив предосудительные книги и решив, что они написаны на греческом языке – полагаем, что по письму, так как ни один приличный кюре того времени не имел ни малейшего представления о языке Демосфена, они воскликнули: «Это – лютеранство! Это – ересь! Греческий язык и ересь – одно и то же!»

Священник из Гризонса на открытом диспуте о религии, проводимым в Ганце приблизительно в 1526 году, громко причитал, что научные языки пришли в Гельвецию. «Если бы – говорил он – об иврите и греческом никогда не слышали в Швейцарии, какая была бы прекрасная страна, какое мирное государство! Но сейчас, увы! Они здесь, и посмотрите, какой поток заблуждений и ересей устремился вслед за ними». В то время была всего одна академия в Швейцарии, а именно в Базеле; она существовала не более пятидесяти лет, так как была основана Папой Пием II (Энеем Сильсием) в середине пятнадцатого века. Было много канонических школ, и мужских монастырей с богатым содержанием, которые предназначались стать воспитателями ученых и богословов, но эти учреждения стали не более чем пристанищем эпикуреизма и гнездом невежества. В частности аббатство св.Гола, ранее бывшее известным образовательным заведением, куда посылали учиться сыновей королей и вельмож, и которое в восьмом, девятом, десятом и одиннадцатом веках выпустило многих образованных людей, стало неэффективным и, поистине, невежественным. Иоганн Шмидт или Фабер, викарий епископа Констанцского и известный полемист тех дней, а также злейший враг реформации и реформаторов,

открыто признался в диспуте с Цвингли, что лишь немного знает греческий и совсем не владеет ивритом. Нас не должно удивлять, что простые священники были так безграмотны, когда даже сами Папы, правители церкви, были едва более образованными. Католический писатель откровенно признался, «что было много невежественных Пап, которые совсем не знали грамматики».

Что касается богословия, то богословы тех дней только стремились стать приверженцами схоластической философии. Они знали единственную в мире книгу, сосредоточие знаний для них и источник всякой истины – «Предложения» Пьера Ломбарда. В то время как Библия лежала рядом с ними неоткрытой, страницы книги Пьера Ломбарда прилежно изучались. Если они хотели почитать что-нибудь другое, они обращались не к Писанию, а к трудам Скотта или Фомы Аквинского. Этих авторов они изучали всю жизнь; и никогда не думали о том, чтобы сесть у ног Исаака, Давида или Иоанна, чтобы искать слова спасения из чистого источника истины. Для них авторитетом был Аристотель, а не апостол Павел. В Швейцарии были такие богословы, которые никогда не читали Священного Писания; были такие священники и кюре, которые ни разу в своей жизни не видели Библию. В 1527 году члены магистратуры Берна писали Себастьяну де Мон-Фалькон, последнему епископу Лозанны, сообщая, что в их городе должна состояться конференция по религии, на которой все вопросы должны решаться ссылкой на Священное Писание, и прося его приехать самому или прислать богословов для их поддержки. Увы, достойному епископы было трудно! «У меня нет ни одного человека – писал он правителям Берна – достаточно сведущего в Священном Писании, чтобы помочь на таком диспуте». Это напоминает еще об одном таком же факте из прошлого. В 680 году император Константин Паганатус созвал вселенский собор (шестой) в столице своей Барбарии. Папа тех дней, Агато, написал Константину, извиняясь за отсутствие итальянских епископов по причине того, «что он не мог найти во всей Италии ни одного церковника, достаточно хорошо знакомого со Священным Писанием, чтобы отправить его на собор». Но, если в этом веке было всего несколько экземпляров Слова Жизни, то были целые армии монахов; существовал поразительно длинный список святых, в чью честь каждый день возводили новые гробницы. И были церкви, которым придавали внушительное великолепие красота архитектуры и пышность обрядов, в то время как булла Бонифация V позаботилась, чтобы у них не было недостатка в прихожанах, так как в этом веке был принят печально известный закон, который сделал церкви пристанищем преступников всякого сорта.

Те несколько человек, которые изучали Евангелие, презирались, как плебеи, довольствовавшиеся плестись по самой простой дороге, и у которых не доставало честолюбия взойти на вершину знаний. Единственное, чего они могли достичь, было звание «бакалавра», между тем как изучение «Предложений» открывало дорогу к

заветному званию «магистра богословия». Священники преуспели в распространении мнения о том, что изучение Библии было не нужно ни для защиты церкви, ни для спасения ее отдельных членов, и что для обоих случаев хватало традиций. «В каком бы мире и согласии жили люди, - пишет викарий Констанца – если бы никогда не было бы слышно о Евангелие».

Великий Учитель сказал, что «Богу надо поклоняться в духе и истине»; не в «духе» только, но и в «истине». Это – то, что открыл Бог. Поэтому, когда истина была скрыта, поклонение стало невозможным. Поклонение стало просто маскарадом. Священники стояли перед людьми, делая пальцами какие-то магические знаки, бормоча какие-то невнятные слова или горланя что-то на пределе своего голоса. Такого же характера были предписываемые людям религиозные действия. Справедливость, милосердие, смирение и другие добродетели первых веков не ценились. Вся святость заключалась в том, чтобы повергаться ниц перед изображениями, кланяться мощам, покупать индульгенции, совершать паломничества или платить десятины. Такова была набожность, таковы были добродетели, дававшие славу тому времени, когда католическая вера поднималась к своему зениту. Барон не мог выехать из дома, пока не надевал кольчугу, чтобы не быть убитым соседним бароном. Крестьянин пахал землю и пас быков с ошейником своего хозяина на шее, купец не мог переходить от ярмарки к ярмарке, не рискуя быть обворованным, грабитель и убийца подстерегали прохожего, путешествовавшего без охраны, и кровь людская постоянно текла в личных стычках и на полях сражений. Но времена, несомненно, были святыми: всюду куда, ни посмотри, были признаки набожности – кресты, индульгенции, раки, изображения, мощи, монашеские сутаны с капюшонами, пояса и посохи паломников и все, что машина «религии» изобрела в то время, чтобы сделать святыми землю, воздух и воду, короче, все, кроме человеческой души. Полидор Вергилий, итальянец и благочестивый католик, желая сделать комплемент набожности тех, о которых он говорил, сказал «они больше надеялись на изображения, чем на Самого Иисуса Христа, чей образ они представляли».

Внутри «церкви» была лишь борьба за церковные владения и доход; такое можно увидеть в городе, отданном на разграбление, каждый старается урвать большую часть добычи. Церковные бенефиции были выставлены на торги, фактически отдавались лицу, предлогавшему наивысшую цену. Так обнаружился самый легкий способ сбора золота с христианского мира и сливания его в большую сокровищницу римской церкви, сокровищницу, подобную морю, в которое впадают все реки земли, а море никогда не бывает полным. Некоторые Папы старались смягчить скандал, но традиции настолько укоренились, что не могли уступить даже их авторитету; Мартин V согласно собору в Констанце издал бессрочный указ, в котором объявлял все симонии, открытые или скрытые, упраздненными. Его преемник Евгений из

собора Базеля ратифицировали этот указ. Тем не менее, фактически, при понтификате Мартина V, продажа бенефиций процветала. Видя, что они не могут искоренить практику, Папы, очевидно, думали, что будет лучше, если они будут получать с этого прибыль. Права капитулов и лиц, представлявшихся к бенефиции, были отменены, и банды нищих священников переходили Альпы с папскими бреве в руках, требуя принятия на свободные бенефиции. Со всех концов Швейцарии шли жалобы о том, что церкви захватывались иноземцами. Из многочисленного штата каноников, прикрепленных к кафедральному собору в Женеве в 1527 году, только один был местным, а остальные были иностранцами.

Глава 3 - Пороки швейцарской церкви.

Папское правление – Как пастырь пас овец. – Тексты Фомы Аквинского и Аристотеля – Проповедники и проповеди – Мондонский собор и викарий – Каноники Нойфчателя – Сценка «Страсти Христовы» – Отлучение от церкви для должнико – Посягательство на гражданское правосудие. – Лозанна – Красота местности – Ужасные беспорядки среди духовенства – Женева и другие швейцарские города – Порочная церковь – величайшее бедствие для мира. – Призыв к реформации – Этот век отворачивается от истинной реформы. – Призыв становится громче, а пороки тяжелее.

Над церквями Швейцарии, как и над церквями остальной Европы, Папа установил тиранию. Он построил деспотию на таких фантазиях, как «святой престол», «наместник Иисуса Христа», и как следствие – «непогрешимость». Он все соизмерял согласно своему желанию. Он запретил людям читать Писание. Каждый день он сочинял новые указы, чтобы разрушить Божьи законы; и всех священников, не исключая епископов, он заставлял подчиняться под особой присягой. Способов было множество – десятины приходских священников, резервации, десятины мирян (двойные и тройные), амулеты, освобождение от обетов, индульгенции, розарии, мощи, с помощью которых смиреннейшая овца из самого отдаленного уголка огромной папской овчарни могла присылать ежегодно в Рим денежное признание преданности великому пастырю, чье седалище было на берегах Тибра, но чей железный посох доставал до окраин христианского мира.

Осознавал ли пастырь, чем он был обязан пастве? Были ли наставления, которые он взялся давать им благотворными и достаточными? На пастбища ли Слова он их водил? У священников в те дни не было Библии; как они могли сообщать другим то, чего не знали сами? Если они поднимались на кафедру, то только для того, чтобы продекламировать басню, рассказать легенду или повторить старую шутку, и они считали свое красноречие исчерпанным, когда публика открывала рот, услышав одно, и смеялась над другим. Если читался какой-нибудь тест, то он выбирался не из Писания, а из Скотта, Фомы Аквинского или Нравственной философии Аристотеля. Мог ли виноград расти на таком дереве, или сладкая вода течь из такого источника?

Правда, было немного рискованных священников, которые поднимались на кафедры и обращались к собранию. Но основная часть молчала. Они оставляли монахам, особенно нищенствующего ордена, право рассказывать истории и проповедовать. «Я должен отметить один факт – пишет историк Рихат – к чести Мондонского собора. Выразив неудовольствие тем, что кюре этого города был молчащим пастором, который оставлял прихожан без наставлений, собор в ноябре 1535 года приказал ему объяснять, по крайней мере, простым людям, десять заповедей закона Божьего каждый Шаббат после проведения литургии. Мы не

знаем, позволяли ли богословские познания кюре выполнять предписание собора. Он, возможно, просил в оправдание своей праздности, чтобы свидетельство о пренебрежении им обязанностей не распространялось далеко. В Нойфчателе, уютно расположенном у подножья Юрских Альп с озером, отражавшем в тихих глубинах поросшие виноградниками высоты, окружавшие его, находилась школа каноников. Эти священнослужители жили роскошно, так как заведение было богатым, воздух приятным, а вино хорошим. Но, пишет Рихат, «было похоже, что им платят за то, чтобы они молчали, и, хотя их было много, никто из них не умел проповедовать».

В те просветленные дни исполнители баллад и драматурги восполняли недостаток проповедников. Церковь считала опасным давать в руки народа Евангелие на родном языке, чтобы они читали на понятном им языке о чудесном рождестве в Вифлееме и о не менее удивительной смерти на Голгофе, и обо всем том, что было между ними. Но страдания Христа и другие библейские события превратились в комедии и драмы, разыгрывавшиеся на публике, можно только догадываться, с какими назиданиями для зрителей! В 1531 году Мондонский собор дал десять савойских флоринов труппе артистов-трагиков, которые играли «Страсти Христовы» в Вербное воскресенье и «Воскресение» в пасхальный понедельник. «Если бы Лютер не пришел, - сказал немецкий аббат, напоминая об этом и других случаях – если бы Лютер не пришел, Папа бы убедил людей к этому времени питаться прахом».

Невероятная корысть, как нестерпимая жажда, мучила священников с головы до пят. Каждый отдельный орден становился бичом для другого, ниже его. Низшее духовенство грабило высшее, а высшее грабил Верховный Священник в Риме, хотя высших обманывали те, кто был ниже. «Купив церковь оптом, – пишет историк швейцарской реформации – они распродавали ее в розницу». Деньги, деньги были таинственной силой, которая привела в действие и поддерживала работу машины католицизма. Были церкви, чтобы их посвящать святым, кладбища, чтобы их освящать, колокола, чтобы давать им имена; за это все надо было платить. Были младенцы, чтобы их крестить, браки, чтобы их благословлять, и покойники, чтобы их хоронить; ничего из этого не делалось без денег. Были мессы, совершавшиеся за упокоение души, были жертвы, освобождавшие от яростного огня чистилища; напрасно думать, что это совершалось без денег. Более того, существовала привилегия быть похороненным в гробнице внутри церкви, выше всех у алтаря, где покойник лежал на особо святом месте, и молитвы, возносимые за него, были особенно действенны, это стоило больших денег, и их обычно брали за это. Были те, которые хотели есть мясо во время Великого Поста или другие постные дни, были те, которые считали, что им обременительно поститься в любое время. Церковь устроила все так, чтобы пойти навстречу пожеланиям обоих, только по справедливости за услугу надо было платить. Все нуждались в прощение, вот,

пожалуйста, полное отпущение грехов; отпущение грехов вплоть до смертного часа, но сначала надо было платить. Итак, деньги уплачены, душа уходит, подкрепленная полным отпущением грехов, но оно может быть еще полнее, если заплатить дополнительную сумму, а почему, никто не может сказать; сейчас мы подходим к границам предмета, который покрыт тайной, и который, ни один римский богослов не попытался сделать яснее. Короче, как сказал поэт Мантиан, римская церковь – «это огромный рынок с запасами различных товаров и регулируемый теми же законами, что и все другие мировые рынки. Человек, который приходит туда с деньгами, может иметь все, но горе тому, кто приходит без денег, он не получит ничего».

Всем известно, какой простой порядок был в ранней церкви, и какими духовными были цели, к которым они стремились. Пастыри тех дней руководили ею только для того, чтобы ограждать учение церкви от заблуждений, а ее общины от разложения постыдными людьми. Совсем для других целей использовался церковный порядок в Швейцарии. Одним из распространенных злоупотреблений было использование его, для того чтобы заставить платить долги. Кредитор шел к епископу, брал отлучение от церкви на своего должника. Для бедного должника это было более чудовищным делом, чем любые гражданские суды. Наказание простиралось как на душу, так и на тело, и по ту сторону могилы. Мировому судье приходилось часто вмешиваться и запрещать эту практику, которая была и давлением на гражданина, и явным вторжением в его юрисдикцию. Известно, что Моудонский собор 7 июля 1532 года запретил некоему Антонию Жаету, капеллану и викарию церкви, применять такие интердикты против мирян города и прихожан Моудона, и обещал ему, что он не избежит последствий и ответить перед своим начальством. Собору не пришлось долго ждать, чтобы подтвердить свое требование, так как в том же месяце после того как викарию не удалось применить одно из этих отлучений против бюргера из Моудона, собор направил двух своих членов защищать его перед капитулом Лозанны, который вызвал его, чтобы дать ответ за свое непослушание. В результате отлучения покойники часто оставались непогребенными. Если муж умирал под отлучением за долги, ни жена, ни сын не могли предать его тело земле. Сначала надо было снять отлучение.

Эта проституция церковной дисциплины была очень распространенным явлением и вызывала широкое недовольство не только в эпоху реформации, но и во всем пятнадцатом веке. Это был один из инструментов, с помощью которого римская церковь прокладывала путь к светской власти и крала у нее законное правосудие. Троны, судейские места, короче, весь механизм гражданского управления церковь заставила стоять и сумела поместить своих чиновников на кресла правителей. Она важно говорила о королевском достоинстве, она называла правителей «помазанными небом»; но она лишала их скипетра действительной

власти с помощью епископского посоха. Мы узнаем, что в 1480 году жители Пе-де Вод жаловались Филиберту, своему суверену герцогу Савойскому, что его подданные, которые имеют несчастье быть в долгах, должны отвечать не в его судах, а служителю епископа Лозанны, который приходил к ним с отлучением от церкви. Герцог отнесся к этому делу не так спокойно, как другие. Он издал указ, датированный «31 августом, Чембери» против незаконного захвата его правосудия со стороны епископа.

Остается только затронуть самую печальную часть пороков тех скорбных дней, разврат духовенства. Ужасающая невоздержанность делает невозможным ее полное и открытое обнажение. Не раз швейцарские кантоны жаловались, что их духовные наставники ведут более грешную жизнь, чем миряне, в то время как они совершали церковное служение с неверием и холодностью, потрясавшие благочестивых людей, они предавались сквернословию, пьянству, обжорству и нечистоте. Пусть люди, которые тогда жили, были свидетелями этих пороков и страдали от них, опишут их. В 1477 году вскоре после выборов Бенедикта Монферанского епископом Лозанны к нему пришли 2 августа монахи из ордена св.Бернарда, чтобы пожаловаться на свое духовенство, чьи беззакония нельзя было больше терпеть. «Мы видим, - сказали они – что духовенство нашей страны крайне развращено, предалось нечистоте и делают зло открыто без всякого стыда. Они содержат любовниц, посещают по ночам дома терпимости, и делают все это с такой открытостью, что ясно, что у них нет ни стыда, ни совести, и у них нет страха ни перед Богом, ни перед человеком. Это нас очень беспокоит. Наши предки часто устанавливали правила для полиции по прекращению таких беспорядков, особенно, когда видели, что церковные суды не интересуются этим вопросом». Подобная жалоба поступила в 1500 году на монахов монастыря Грандсан от сеньоров Берна и Фрибурга. Но с каким результатом? Несмотря на жалобы и меры полиции, поведение священников не изменилось, соль потеряла свою силу, что теперь можно ею солить? Закон безнравственности должен стать еще более безнравственным.

Если бы так было в Швейцарии – пороки бы процветали бесконечно и в еще большем масштабе – протестантизм бы никогда не пришел сеять своей благотворной рукой и оживлять небесным дыханием семена, дающие новую жизнь. Людям не нужны были законы, чтобы изменить старые, но нужна была сила, создающая новую силу.

Примеры, которые мы привели – жестокость болезни, которая иллюстрирует силу целителя – достаточно прискорбны. Но как бы они не были печальны, они меркнут и не остаются в памяти перед лицом одного чудовищного преступления, которое раскрывает нам один старинный документ, и на который мы должны взглянуть, так как мы только взглянем, но не будем подробно останавливаться на

этом гнусном спектакле. Он даст нам представление о том, в какую страшную нравственную пропасть скатилась Швейцария; и как неизбежна была бы ее гибель, если бы рука протестантизма не вытащила ее из этой бездны.

На северном берегу озера Леман расположен город Лозанна. Это место – одно из самых красивых в Швейцарии. Увенчанный шпилями соборов, город смотрится в гладь озера, которое тянется большим голубым полумесяцем от того места, где на скалистой горе едва видна Женева, до подножий двух Альпийских гор, Дент ду Миди и Дент де Морсель, которые подобно двум столпам охраняют вход в долину Роны. Рядом с ним на этой стороне страна представляет собой один длинный виноградник, из которого мило выглядывают деревни и города. Вот там, прямо у озера стоит главная башня Чилона, напоминая историю Боневарда, чье пленение в ее стенах гений Байрона прославил далеко за пределами Швейцарии. А на другой стороне озера находится Савой, холмистая страна, покрытая величественными лесами и богатыми пастбищами, и вдалеке на юге обнесенная белыми пиками Альп. И каким пятном на этой прекрасной картине была Лозанна! Мы говорим о Лозанне шестнадцатого века. В 1533 году Лозанна выдвинула список из двадцати трех обвинений против своих каноников и священников и еще один список из семи пунктов против ее епископа Себастьяна де Мон-Фальконе. Рихат представил весь документ пункт за пунктом, но из-за трудности размещения его перевода на этих страницах, мы позволим себе вольность дать его в сокращенном виде.

Каноники и священники согласно заявлению их прихожан иногда ругались во время служения и дрались в церкви. Горожане, приходившие на службу, время от времени избивались канониками. Однажды некоторые священнослужители убили двух горожан, но никто не призвал их к ответу за это деяние. Каноники особо пользовались дурной славой за их распутство. В масках и переодетые солдатами, они отправлялись на улицы ночью, размахивая обнаженными шпагами, наводили ужас и иногда проливали кровь тех, кто им попадался. Иногда они нападали и на горожан в их собственных домах, а когда им угрожали церковным наказанием, они не признавали власть епископа и его право наложения на них анафемы. Некоторые из них были отлучены, но продолжали служение, как и прежде. Короче, духовенство было греховно настолько, насколько это было возможно, и не было такого преступления, в котором они рано или поздно не были виновны.

Жители еще жаловались, что когда чума пришла в Лозанну, многие умирали без исповеди и причастия. Священники вряд ли могли оправдаться перегрузкой в работе, так как их видели играющими в азартные игры в таверне, где они приправляли свою речь ругательствами и сквернословили при неудачно брошенной кости. Они нарушали тайну исповеди, были искусны в лжесвидетельстве, и

составляли ложные документы о вступлении во владение в свою пользу. Они были заведующими больницей, и это привело к оскудению ее доходов.

К сожалению, Лозанна не была исключением. Она раскрывает картину Женевы, Нойфчателя и других городов швейцарской конфедерации тех дней, хотя рады сказать, что они были развращены не в такой степени. Женева, которой при прикосновении света реформации должно было открыться совсем другое будущее, была погружена в тот момент в беззакония при епископе Пьере де ля Боме, и пользовалась вслед за Лозанной дурной славой из-за упадка нравов. Нет необходимости входить в подробности. Вокруг этого величественного озера, которое с его чудными берегами и великолепными горными грядами, здесь Юра, а там – Белые Альпы, создает грандиозный колорит Швейцарии, были деревни и города, из которых раздавался крик возмущения подобно крику, вознесенному городами равнины в ранние века.

Это лишь частичное снятие покрова. Даже, если предположив, что это были крайние случаи, все же к какому ужасному выводу они приводят нас относительно нравственного состояния христианского мира! И если мы подумаем, что эти грязные потоки текли из святилища, а средства, предназначенные Богом для очищения общества, стали средствами для его развращения, мы понимаем, что в некоторых отношениях мир должен больше бояться смеси христианства с заблуждениями, которые есть в церкви. Именно мир принес развращение в церковь, но посмотрите, какое ужасное возмездие церковь приносит сейчас миру!

Не удивительно, что со всех сторон в то время слышались бесконечные голоса мирян и священников, призывавших к реформации церкви. Однако большинство людей, из которых исходили эти требования, блуждали во мраке. Но Бог никогда не остается без свидетеля. За столетие перед этим Он дал миру через простое, ясное и наглядное служение Уиклиффа единственный план истинной реформации. Положив руку на Новый Завет, Уиклифф сказал: «Вот, это. Вот – то, что вы ищите. Вы должны забыть о тысяче прошедших лет, вы должны смотреть, что написано на этих страницах; вы найдете в этой книге образец реформации церкви, не только образец, но и силу, единственно которой реформация совершится.

Но тот век не хотел смотреть на нее. Люди говорили, что может хорошего выйти из этой книги? Библия была хорошим учителем для христиан первого века; но ее принципы больше неприемлемы, ее образцы устарели. Нам в пятнадцатом веке нужно что-нибудь более совершенное, более подходящее к нашему времени. Они обратили свои взоры на Пап, императоров и соборы. Но это, увы, были горы, с которых не могла придти помощь. И в следующем столетии раздался призыв к реформации, набиравший силу с каждым годом, как и развращенность. Двое продвигались равными шагами, крик становился громче, а развращенность больше,

пока, наконец, не стало ясно, что человеческими силами здесь не обойтись. Тогда Всемогущий пришел избавлять.

Глава 4 - Происхождение и школьные года Цвингли.

Один вождь в Германии – Много вождей в Швейцарии – Долина Тоггенбург – Деревня Вильдхауз – Рождение Цвингли – Его родители – Швейцарские пастухи – Зимние вечера – Традиционная отвага швейцарцев – Цвингли слушает – Священные традиции – Влияние окружающей обстановки на формирование характера Цвингли – Послан в школу в Везен – Превосходит учителя. – Переведен в Базель. – Бюнцли – Цвингли едет в Берн. – Лупулус – Доминиканцы – Цвингли едва избежал монашества.

Возможно, существует сходство между физическими атрибутами страны, в которой мы сейчас находимся, и историей событий ее религиозного пробуждения. Ее покрытые снегом горы первыми принимают утренние лучи и возвещают восход солнца. Они подобны горящим факелам, в то время как равнины и долины у их подножья покрыты мглой и тенью. Так и духовный рассвет швейцарцев. Триста лет назад города этой страны были среди первых городов, в которых зажегся свет реформатской веры и возвещено о новом утре, возвращавшемся в мир. Тогда неожиданно во тьме засверкало множество огней. В Германии был один выдающийся центр и один выдающийся вождь. Лютер возвышался подобно величественной альпийской вершине. Над всей страной была видна его колоссальная фигура. Но в Швейцарии восстал один, второй и третий человек, как альпийская гряда, приняв первые лучи, они излили яркое и чистое сияние не только на свои города и кантоны, но и на весь христианский мир.

На юго-востоке Швейцарии есть длинная и узкая долина Тоггенбург. Она окружена высокими горами, которые отделяют ее на севере от кантона Аппельцель, а на юге от кантона Грисонс. На востоке она открывается в сторону Тирольских Альп. Ее высокое месторасположение не позволяет выращивать зерновые или сажать виноградники, но ее богатые пастбища привлекают пастухов, и со временем деревня Вильдхауз росла вокруг своей старой церкви. В этой долине, в домике, который еще можно видеть стоящим в миле от церкви на зеленом лугу, стены которого сделаны из бревен, а крыша обложена камнями для защиты от сильных порывов ветра, с ручьем чистой воды, текущим перед ним, триста лет назад жил человек по имени Гульдрих Цвингли, староста церкви. У него было восемь сыновей, третий из которых родился в канун нового 1484 года, на семь недель позже рождения Лютера, и назвали его Ульрихом.

Соседи очень уважали этого человека за его прямой характер, а также за его служение. Он был пастухом и летом жил в горах с сыновьями, которые помогали ему пасти стада. Когда долины украшались зеленью весны, стада выводились на пастбища. С каждым днем, когда зелень поднималась все выше в горы, пастухи со своими стадами также поднимались. В середине лета они были на самой высокой

точке, их стада бродили на границе с вечными снегами, где тающий снег и палящее июльское солнце вскармливали роскошный травяной покров. Когда удлинявшиеся ночи и увядавшие пастбища говорили им о том, что лето начало убывать, они спускались по тем же перегонам, что и поднимались, возвращаясь домой в долину примерно ко дню осеннего равноденствия. В Швейцарии, когда зима царствует на горных вершинах и омрачает долины мглой и бурями, никакой труд на улице невозможен, особенно в таких высоко лежащих местностях, как Тоггенбург. Тогда крестьяне по очереди собираются по домам, освещенным вечером очагом или светом свечи. Собравшись вокруг очага, они проводят долгие вечера с песнями, музыкальными инструментами и рассказами о давних днях. Они рассказывали о смелом подвиге, когда пастух, карабкаясь по обрыву или борясь с бурей, спасал кого-то из стада, отбившегося от других. Или они рассказывали о еще более отважных делах на полях сражений, как их отцы обычно встречались с копьеносцами Австрии или одетыми в броню галльскими воинами. Так время проходило быстро.

Дом старосты из Вильдхауза, Гульдриха Цвингли, был частым прибежищем для соседей в зимние вечера. Вокруг его очага собирались старейшины деревни, каждый приносил историю о подвигах, заимствованных из старых швейцарских баллад и сказаний, и, возможно, переданных по традиции. Пока старшие разговаривали, младшие слушали с бьющимися сердцами и горящими глазами. Они говорили о том, что делали смельчаки в прошлом, о подвигах, совершенных на их земле, и как их долина Тоггенбург посылала героев, чтобы отбросить от их гор войска Карла Смелого. Битвы их отцов проигрывались снова в простых, но живых повествованиях их сыновей. Слушатели видели подвиги, разыгрываемые перед ними. Они видели жестокие чужеземные войска, окружившие их горы. Они видели своих предков, собиравшихся в городах и горах, шедших по узкому ущелью, через тенистые сосновые леса, через озера, чтобы отразить захватчика. Они слышали удары боя, лязг оружия, крики победы, и видели растерянность и ужас отступающей армии. Так поддерживался боевой дух швейцарцев, на смену смелым отцам пришли смелые сыновья; и Альпы, зажигая огни каждое утро, видели как у их подножья одно поколение патриотов и воинов сменяет другое.

В кругу слушателей, собиравшихся вокруг очага его отца зимними вечерами, был и маленький Ульрих Цвингли. Его потрясали рассказы об отважных делах древности, некоторые из них были совершены в той самой долине, где он услышал о них. История его страны не в печатном виде, а в драматическом действие прошла перед ним. Он видел образы героев, проходивших перед ним. Они сражались, истекали кровью несколько веков назад; их прах смешивался с прахом долины, или уносился горным ручьем; но для него они были живы. Они не могли умереть никогда. Если та земля, которую весна украшает цветами, и осень богато покрывает

плодами, была свободной, если вон те снега, которые так великолепно сверкают на кромке гор, не принадлежали чужеземному сеньору, то они принадлежали этим людям. Эта прославленная земля, населенная свободными людьми, была вечным их памятником. Каждый предмет на ней ассоциировался для него с их именами, и вызывал воспоминания о них. Поэтому его высшей целью стало стремление стать достойным великих предков, записать свое имя рядом с их именами и, чтобы его подвиги также передавались от отца сыну. Эта смелая, высокая, свободолюбивая натура была готовым материалом для прививки любви к еще более высокой свободе и ненависти к еще более низшей тирании, чем та, которой их отцы противостояли с презрением свободных людей, когда они разбивали наголову войска Габсбургов или французских легионеров.

В скором времени эта свобода стала раскрываться перед ним. Его бабушка была набожной женщиной. Она звала маленького Ульриха к себе, сажала его рядом и знакомила его с героями более высокого рода, рассказывая отрывки из священной истории, которые она сама узнала из преданий церкви и отрывков Священного Писания требника. Она, несомненно, рассказывала ему о тех великих патриархальных пастухах, которые пасли стада в горах Палестины, и как иногда Всевышний сходил и разговаривал с ними. Она рассказывала ему о могучих мужах от сохи, овечьих загонов или виноградников, которые, когда воины Мидиан, перейдя Иордан заполонили широкую долину Мегиддо, или орды филистимлян с приморской равнины поднялись на горы Иуды, отбросили войска захватчиков, и, избив, в ужасе отправили их назад. Она водила его к колыбели в Вифлееме, к кресту на Голгофе, в сад утром третьего дня, когда гроб был открыт, и сияющая фигура вышла из темноты. Она показала ему первых проповедников, спешивших с благой вестью в языческий мир, и рассказала ему, как идолы народов пали от проповеди Евангелия. Так, день за днем юный Цвингли готовился к своей будущей великой задаче. Глубоко в сердце была любовь к своей стране, а рядом были привиты начальные знания той веры, которая одна могла стать щитом для прочной и долгой независимости его страны.

Величественные виды природы вокруг него – рев бури, шум водопада, горные пики – несомненно, внесли свой вклад в формирование будущего реформатора. Они помогли воспитать возвышенность души, благоговение перед Тем, Кто «поставил горы», и смелость мышления, которое отличало Цвингли в последующие годы. Так думает его биограф. «Я часто думаю по моей простоте, - пишет Освальд Миконий – что от этих высот он взял нечто небесное и возвышенное». «Когда гром гремит в горных ущельях и перескакивает со скалы на скалу с ужасным ревом, тогда мы как будто вновь слышим голос Господа Бога, провозглашающего: «Я – Всемогущий Бог. Ходи передо Мной и будь совершенен». Когда на рассвете вершины, покрытые ледниками, сверкают в небесном свете так, что как-будто их окружает море огня,

как-будто «Господь Бог Саваоф шагает по высотам земли», и как-будто края его одежды, сотканной из света, преображают горы. Тогда мы в трепете слышим доносящийся до нас крик: «Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф, вся земля полна славы Его». Здесь под глубоким впечатлением, произведенным горами и чудесами, связанными с ними, в груди юного Цвингли впервые пробудилось чувство благоговения перед величием и великолепием Бога, которое потом наполняло всю его душу и вооружало его отвагой в великой борьбе с силами тьмы. В уединении гор, нарушаемом лишь звоном колокольчиков пасущегося стада, склонный к размышлениям мальчик задумывался о мудрости Божьей, которая раскрывается во всех Его творениях. Эхо этого глубокого размышления о природе, которое занимало его ум во время невинной юности, мы слышим в работе, написанной им в зрелости, «Божественное провидение». «Земля, – пишет он – мать всего никогда не запирает свои богатства внутри себя, не обращает внимание на раны, нанесенные ей лопатой или плугом. Роса, дожди, речная влага восстанавливается, оживает в ней, чтобы то, что остановилось в росте из-за засухи и последующей борьбы, свидетельствовало чудным образом о божественной силе. Горы, эти неизящные, грубые, инертные массы, придающие земле крепость, форму и постоянство, как кости плоти, делают невозможным, или, по крайней мере, затрудняют переход из одного места в другое. И, хотя они тяжелее земли, они возвышаются над ней и никогда не погружаются; разве они не провозглашают о непобедимом могуществе Господа, и не говорят о масштабах Его величия?»

Его отец с удовольствием отмечал приятный нрав, правдивый характер и живой дух своего сына, и начал думать, что его ждало более высокое призвание, чем просто пасти стада в родных горах. В Европе наступал новый день знаний. Отдельные лучи проникали в уединенную долину Тоггенбург и возбуждали высокие порывы в груди ее пастухов. Вероятно, староста из Вильдхауза разделял общее стремление, двигавшее людей к новому рассвету.

Его сыну Ульриху было тогда восемь или девять лет. Нужно было дать ему лучшие наставления, чем могла это сделать долина Тоггенбург. Его дядя был старшим священником в Везене, и отец решил отдать сына на его попечение. По дороге в Везен отец с сыном забрались на зеленые вершины Амона, и с этих высот юный Ульрих впервые увидел мир, окружавший родную долину Тоггенбург. На юге поднимались снежные вершины Оберланда. Он мог посмотреть вниз на долину Глаурус, которая должна была стать его первой трудностью; дальше на север шли покрытые лесом вершины Ейнзедельна, а за ними горы, ограждавшие прекрасные воды Цюриха.

Старший священник Везена любил ребенка своего брата, как собственного сына. Он отправил его в местную частную школу. Мальчик обладал сообразительностью

и большими способностями, а запасы учителя были скудны. Вскоре он передал ученику все, что знал сам, и надо было отправлять Цвингли в другую школу. Отец и дядя посоветовались и выбрали школу в Базеле.

Ульрих сменил величественные горы со снежными вершинами на покрытые густым ковром луга, орошаемые Рейном, на тихие холмы со сверкающими елями, окружавшими Базель. Базель был одной из тех точек, на которой восходивший день сосредоточил свои лучи, и откуда они освещали другие страны. Это был центр вселенной. Там имелось много печатных станков, которые выпускали книги античного века. Он начал становиться прибежищем схоластов; и, когда юный ученик вошел в его ворота и стал его жителем, он, несомненно, почувствовал новую атмосферу.

Юному Цвингли повезло с учителем, на чье попечение он попал в Базеле. Григорий Бюнцли, учитель школы св.Феодоры, был человеком мягкого нрава и доброго сердца, и в этом отношении он был очень непохож на обычного педагога шестнадцатого века, который учил с помощью жестких манер, сурового выражения лица и строгой дисциплины, чтобы заставить слушаться своих учеников и внушить им любовь к знаниям. В этом случае принуждения не требовалось. Ученик из Тоггенбурга делал быстрые успехи здесь, как и в Везене. Он особенно блистал в имитирующих дебатах, которыми часто увлекалась молодежь того времени в подражание словесным турнирам старших, и заложил основание той способности к дискуссиям, которой он владел потом на более широкой арене. И опять юный Цвингли, опередив своих одноклассников, стоял на одном уровне с учителем. Было ясно, что надо было искать другую школу для ученика, о котором стоял вопрос, не что он может выучить, а где найти такого профессионала, который бы смог его выучить?

Староста из Вильдхауза и старший священник из Везена опять стали совещаться относительно юного ученика и раннего развития его способностей, которые задали им задачу. Самой знаменитой школой во всей Швейцарии была школа в Берне, где Генрих Вулфлин, иначе Лупулус, преподавал с большим успехом мертвые языки. Туда было решено отправить мальчика. Попрощавшись на время с берегами Рейна, Цвингли вновь пересек Юру, и еще раз приблизился к великолепным горным вершинам, которые были вроде его товарищей с младенчества. Утром и вечером он мог видеть пирамидальные формы Шрехорна и Ейгера, высокий пик Ейстер Архорн и могучие Блумлизские Альпы, а выше их всех Монблан, сверкавший великолепием при заходе солнца, и нессший свет остальным, затерявшимся в темноте.

Но он с головой ушел в школьные занятия. Его учитель в высшей степени достиг совершенства для тех дней. Он путешествовал по Италии и Греции и даже побывал в Сирии и у Гроба Господня. Он не только услаждал свой взор их пейзажем, но и

овладевал давно забытыми языками этих знаменитых стран. Он пил от духа римских и греческих ораторов и поэтов, он передал своим ученикам пыл античной свободы и философии вместе с литературой, в которой они заключались. Способности Цвингли развивались под руководством благожелательного наставника. Лупулус познакомил его с искусством стихосложения по античным образцам. Его поэтическая жилка развивалась, его стиль начал приобретать классическую лаконичность и благородный блеск, который отличал его в последующие годы. Не был позабыт и его музыкальный талант.

Но сам успех молодого ученого, похоже, должен был оборвать его путь, или неизбежно изменить его направление. С его только что начавшими расцветать способностями он находился в опасности исчезнуть в монастыре. Лютер на том же этапе своего пути похоронил себя в келье, и о нем никогда бы не услышали, если бы не поднялась в его груди буря и заставила его покинуть келью. Если Цвингли похоронит себя, как Лютер, будет ли он спасен, как и он? Но как с ним случилась такая опасность?

В Берне, как и везде, доминиканцы и францисканцы яростно конкурировали друг с другом ради общественного признания. Их притязания на покровительство были следующими: впечатляющая церковь, яркие одежды и заманчивые обряды, и если бы к ним они могли прибавить чудотворный образ, их победа была бы обеспечена. Доминиканцы думали, что нашли способ победить своих соперников францисканцев. Они услышали об ученике Лупулуса. У него был красивый голос, он был смышленым, в общем, это было хорошее приобретение для ордена. Если бы они могли причислить его к своим рядам, это бы привлекло толпы в их церковь и дары в их сокровищницу скорее, чем красивый запрестольный образ или новый обряд. Он пригласили его пожить послушником в монастыре.

Новость о том, что доминиканцы из Берна расставляют западню для его сына, дошла до старосты из Вильдхауза. Он представлял, что его сын, как и дядя, будет старшим священником и займет высокое положение в церкви; но надеть монашескую сутану, стать просто подсадной уткой монахов, погрузиться в спектакли было идеей, не нашедшей благосклонности в глазах старосты, было немыслимо. Он сорвал план доминиканцев, отправив распоряжение сыну вернуться домой в Тоггенбург. Рука, которая привела Лютера в монастырь, провела Цвингли мимо него.

Глава 5 - Путь Цвингли к освобождению.

Цвингли возвращается домой. – Едет в Вену. – Учеба и товарищи – Возвращается в Вильдхауз. – Второй раз едет в Базель. – Любовь к музыке – Схоластическая философия – Лео Юд – Вольфган Капито – Эколампадий – Эразм – Томас Виттенбах – Звезды на рассвете – Цвингли становится пастором Гларуса. – Учение и труд среди прихожан – Швейцарцы призываются на борьбу в Италию. – Цвингли едет в Италию. – Уроки

Юный Цвингли немедленно подчинился приказу о возвращении домой; но он уже был не тот, как тогда, когда впервые уехал из родительского дома. Он пока не стал учеником Евангелия, но он стал ученым. Уединение Тоггенбурга потеряло для него очарование, и общество пастухов больше не удовлетворяло его. Он очень хотел иметь друзей близких по духу.

По совету дяди Цвингли затем отправили в Вену, Австрию. Он поступил в высшую школу этого города, которая приобрела широкую известность при императоре Максимилмане I. Здесь он возобновил занятия по римской античности, неожиданно прерванные в Берне, добавив к ним начальный курс философии. Он был не единственным молодым швейцарцем, жившим в этой столице и учившимся в школе старого врага его страны. Иоахим Вадиан, сын богатого купца из Галии; Генрих Лорети, больше известный как Глареан, сын крестьянина из Моллиса; и юноша из Суабиана, Ганс Хейберлин, сын кузнеца, впоследствии называемый Фабером, были в то время товарищами Цвингли по учебе и досугу. Все трое подавали надежды на достижение высокого положения в будущем, и все трое достигли этого; но никто из троих не сослужил миру такой службы и не достиг такой прочной славы, как четвертый, сын пастуха из Тоггенбурга. После двух лет пребывания в Вене Цвингли опять вернулся домой в Тоггенбург в 1502 году.

Но родная долина не могла больше удержать его. Чем чаще он пил из чаши знаний, тем больше ему хотелось пить из нее. Будучи восемнадцати лет он во второй раз отправился в Базель в надежде применить приобретенные знания в этом городе ученых. Он преподавал в школе св.Мартина и учился в университете. Здесь он получил степень магистра искусств. Это звание он принял скорее из уважения к другим, чем из-за значения, которое оно ему давало. Он никогда им не воспользовался и обычно говорил: «У нас один магистр – Христос».

Искренний, открытый и радостный, он собрал вокруг себя большой круг друзей, среди которых был Капито и Лео Юд, который впоследствии стал его коллегой. Его интеллектуальные способности росли с каждым днем. Но это давалось ему без особого труда; он брал лютню или рожок, веселил себя и друзей мелодиями родных

гор; или отправлялся на берег Рейна, или забирался на горы Шварцвальда по ту сторону реки.

Чтобы разнообразить свои труды, Цвингли обратился к схоластической философии. Говоря об этом его периоде, Миконий пишет: «Он изучал философию с большей аккуратностью, чем прежде, и исследовал каждую деталь праздной и мелочной софистики схоласта только с тем намерением, что если когда-нибудь он столкнется с ней лицом к лицу, он мог знать своего врага и бить его собственным оружием». Как тот, кто покидает благодатное поле и переступает границу мрачной пустыни, где не растет ничего полезного для еды и приятного для глаз, так и Цвингли чувствовал то же самое, когда он попал в эту область. Схоластическая философия почиталась несколько веков. Великие умы предыдущих столетий превозносили ее, как совокупность всех премудростей. Цвингли нашел в ней лишь бессодержательность и беспорядок; чем больше он углублялся в нее, тем бесполезнее она становилась. Он бросил ее и с облегчением вернулся к классической философии. Там воздух был свежее, а горизонты шире.

Между 1512 и 1516 годами в Швейцарии жили несколько человек с выдающимися и разнообразными дарами, каждый из которых прославился в великом движении реформации. Давайте назовем их имена. Конечно, не случайно столько много светильников зажглось на швейцарском небе одновременно. Первым идет Лео Юд, он был сыном священника из Эльзаса. Его миниатюрное телосложение и бледное лицо скрывали богатый ум и бесстрашный дух. Он был самым любимым другом Цвингли, и им также владели две основные страсти – любовь к истине и любовь к музыке. Когда работа заканчивалась, эти двое наслаждались пением. Леон пел дискантом и играл на литаврах; для отточенного мастерства Цвингли и его сильного голоса было все равно, на каком инструменте играть и какие партии петь. Между ними установилась дружба, которая продолжалась до смерти. Но вскоре наступил час, который разлучил их, так как Лео Юд был старше Цвингли, и уехал из Базеля, чтобы стать священником в Св.Пилсе в Эльзасе. Но мы увидим, что они вскоре вновь соединились и сражались бок обок со зрелыми силами и оружием, взятым из арсенала Божьего Слова, в великой битве реформации.

Другим из тех замечательных людей, которые съезжались из разных стран в Швейцарию, был Вольфганг Капито. Он родился в Гаугенане, в Германии в 1478 году, и получил звание по трем специальностям – богословию, медицине и юриспруденции. В 1512 году его пригласили быть кюре в кафедральном соборе Базеля. Приняв это предложение, он начал изучать Послание к Римлянам, для того чтобы толковать его своим слушателям, и когда он этим занимался, открылись его собственные глаза на заблуждения римской церкви. К концу 1517 года его взгляды

стали настолько зрелыми, что он не мог больше служить мессу и воздерживался от ее совершения.

Ганс Гаузшайн, что по-немецки значит «свет дома», а по-гречески переводится Эколампадий, родился в 1482 году в Вайнсберге, во Франконии. Его семья, которая переехала из Базеля, была богатой. Он так преуспел в belles lettres, что в возрасте двенадцати лет написал стихи, вызывавшие изумление своей изящностью и страстью. Он ездил за границу изучать юриспруденцию в Болонье и Гейдельберге. В последнем городе он так зарекомендовал себя исключительным поведением и способностью к обучению, что был назначен учителем к сыну курфюрста Палатина Филиппу. В 1514 году он проповедовал в своей стране. Его выступление вызывало аплодисменты слушателей, но которое он сам низко ценил, так как считал, что это была просто мешанина предрассудков. Чувствуя, что его учение не было истинным, он решил изучить греческий язык и иврит, чтобы читать Библию в оригинале. С этой целью он отправился в Штуттгард обучаться под руководством известного ученого Рейхлина, или Капниона. В следующем году (1515) Капито, которого связывали тесные узы дружбы с Эколампадием, ознакомил Кристофера Утенхейма, епископа Базельского, со своими достижениями, и прелат пригласил его стать проповедником в этом городе, где мы с ним потом встретимся.

Примерно в то же время в Базель приехал известный Эразм, привлеченный туда популярностью его печатных станков. Он перевел Новый Завет с греческого языка на латынь с простотой и изяществом, и издал его в этом городе, сопроводив его ясными и разумными комментариями и посвящением Папе Льву X. Это посвящение предназначалось Льву, как представителю рода, давшего многих щедрых покровителей наук, и, в не меньшей степени, как главе церкви. Посвящение датировано 1 февраля 1516 года, и было написано в Базеле. Эразм был рад помощи Эколампадуса в этой работе, великий ученый в своем предисловии выражает признательность богослову.

Мы назовем еще одно светило из созвездия, поднявшегося над тьмой этой страны и над всем христианским миром. Хотя мы упомянули его последним, он появился первым. Томас Виттенбах был родом из Бине в Швейцарии. Он преподавал в Тюбингене и читал лекции в его высшей школе. В 1505 году он приехал в этот город на берегах Рейна, вокруг которого ученые и не менее известные печатники создавали ореол славы. Именно у ног Виттенбаха Ульрих Цвингли в свой второй приезд в Базель познакомился с Лео Юдом. Студент из Тоггенбурга сидел у ног того же учителя, и Виттенбаху было предназначено оказать на него немалое влияние. Виттенбах был учеником Рейхлина, известного гебраиста. Базель уже распахнул двери для изучения греческого и романского языков, но Виттенбах принес туда еще высшую мудрость. Хорошо зная священные языки, он пил из источника

божественных знаний, куда его допустили эти языки. Он утверждал, что было более раннее учение, чем то, которое предлагал людям средневековья Фома Аквинский, более раннее учение даже чем то, которому учил Аристотель народ Греции. Церковь отошла от этого учения, но уже близко время, когда люди вернутся к нему. Это учение можно выразить одним предложением: «Смерть Христа – единственное искупление наших душ». Когда прозвучали эти слова, первые семена новой жизни были посеяны в сердце Цвингли.

Остановимся на минуту; имена, которые мы назвали, были утренними звездами. Конечно, людям, которые тысячу лет жили во тьме, было приятно видеть их свет. Мы можем буквально применить к ним слова великого поэта и назвать их свет «святым, отраслью небесного первенца». Должны были взойти еще большие светила и наполнить сиянием небосвод, на котором эти ранние предвестники дня источали свои прекрасные и долгожданные лучи. Но никогда эти первые чистые светильники не забудутся. Многие имена, которые война окружила ужасным блеском, и которые сейчас привлекают всеобщие взоры, постепенно тускнеют и, наконец, совсем исчезнут. Но история пронесет эти «святые светильники» из столетия в столетие и сохранит их свет в веках; когда день мира будет навсегда долгим и ярким, то звезды, появившиеся на рассвете, никогда не перестанут светить.

Мы видели, что семя было посеяно в сердце Цвингли; открылась дверь, через которую он вышел в поле, где ему предстоял великий труд. При таком стечении обстоятельств умер пастор Гларуса. Папа назначил своего конюшего Генриха Голдли на вакантное место, так как пустяковая должность по другую сторону Альп должна быть занята. Если бы это был конюх для их лошадей, то пастухи Гларуса с благодарностью приняли бы папского кандидата, но им нужен был учитель для них самих и их детей. Услышав о репутации сына старосты Вильхауза, они отослали конюшего исполнять свои обязанности в конюшне понтифика и пригласили Ульриха Цвингли стать их пастором. После того как он принял приглашение и был возведен в духовный сан в Констанце в 1506 году в возрасте двадцати двух лет, он приехал в Гларус, чтобы начать работу. Его паства охватывала почти треть кантона.

«Он стал священником – пишет Миконий – и отдался всей душою изучению божественной истины, так как он хорошо понимал, как много должен знать тот, кому Христос доверил свое стадо. Однако он более рьяно изучал античную классику, чем Священное Писание. Он читал Демосфена и Цицерона, чтобы овладеть ораторским искусством. Он очень стремился приобрести силу красноречия. Он знал о том, чего она достигла в городах Греции, и что она подняла их против тирании и отстояла их права; могла бы она достичь таких же больших результатов в долинах Швейцарии? Он был хорошо знаком с Цезарем, Ливием, Тацитом и другими великими писателями Рима. Он называл Сенеку «святым человеком». Прекрасное дарование,

высота души и любовь к родине, качества которые отличали великих людей языческого мира, он приписывал влиянию Святого Духа. Он утверждал, что Бог не ограничивает Свое влияние Палестиной, но охватывает весь мир. «Если бы два Като – писал он – не были бы истинно верующими, могли ли они быть столь благородными?»

Он основал в Гларусе школу латыни и взял управление ею в свои руки. Он собрал в ней молодежь лучших семейств своего обширного прихода, и приобщал их к наукам и высоким целям. Как только его ученики достигали зрелого возраста, он отправлял их в Венский университет, ректором которого был друг его юности Вадеан, или в Базель, где Клареан, другой из его друзей, открыл семинарию для молодых людей. До его приезда жителей Гларуса отличала распущенность нравов, соединенная с воинственным духом, приобретенным во время бургундских и швабских войн. А сейчас они начали отличаться необычной чистотой нравов, и многие взоры обратились к новому свету, неожиданно загоревшемуся в мрачной долине среди Альп.

Наступил перерыв в изучении классиков и пасторской работе. Тогдашний Папа Юлий II воевал с французским королем Луи XII, и швейцарцы переходили через Альпы, чтобы сражаться за «церковь». Мужчины Гларуса во главе с главным епископом в шлеме и кольчуге, подчинившись призыву воинственного понтифика, шли маршем навстречу французам на равнинах Италии. Молодой священник Ульрих Цвингли был обязан сопровождать их. Лишь немногие вернулись, а те, кто вернулся, принесли с собой пороки, которым они научились в Италии, распространяя праздность, распутство и попрошайничество у себя на родине. Швейцария скатывалась в пропасть. Глаза Ульриха начали открываться и видеть причину, вызвавшую столько много бед в его стране. Он начал лучше присматриваться к папской системе и думать, как отвратить крах, который, в основном из-за интриг римской церкви, навис над независимостью и нравственностью швейцарцев. Он возобновил занятия. Единственный луч света пробил себе дорогу в его мышление, как мы уже писали. Он оказался лучше всей мудрости, которую он приобрел в результате напряженного изучения античности, будь то классические авторы, которыми он восторгался, или схоластические богословы, которых он не очень уважал. Вернувшись из мест кровавых побоищ и разгульной жизни, которые он видел к югу от Альп, он возобновил изучение греческого языка, чтобы иметь свободный доступ к божественному источнику, из которого, как он понимал, пришел этот единственный луч.

Это был знаменательный момент в судьбе Цвингли, его родной Швейцарии и, в не меньшей степени, Церкви Божьей. Молодой священник из Гларуса поставил себя в присутствие Слова Божьего. Если он подчинит свое мышление и откроет сердце

его влиянию, все будет хорошо; но, если, оскорбленный его учением, такого смиренного для гордого ума, и такого неприятного для невозрожденного сердца, он отвернется, то его положение будет безнадежным. Он склонился перед Аристотелем, склонится ли он перед Тем, Кто был выше и говорил через слово?

Глава 6 - Цвингли в присутствии Библии.

Цвингли полностью подчиняется Писанию. – Библия – его главный авторитет. – Более широкий принцип, чем у Лютера – Его второй канон – Святой Дух – великий истолкователь. – Использование св.отцов – Свет – Реформа Швейцарии представляет новый тип реформации. – Немецкая протестантская догматика – Швейцарский тип протестантизма – Двойственность ложной религии христианства – Встречена двойственностью протестантизма. – Место разума и Писания

Самая большая особенность Цвингли, в которой он никому не уступает из реформаторов – это его глубокое почитание Слова Божьего. После нашего Виклиффа не было никого, кто бы так основательно изучал его. Когда он пришел к Библии, то пришел к Божьему откровению с полным осознанием всего того, что предполагает такое признание, и готов был на деле следовать во всем ему. Он признавал Библию, как первоначальный авторитет, непогрешимый закон в противоречие церкви и традициям, с одной стороны, и субъективизму и спиритуализму с другой. Это было великим и отличительным принципом Цвингли и реформации, основанной им – единственный и непогрешимый авторитет Священного Писания. Это более важный и глубокий принцип, чем у Лютера. Он стоит перед ним в логической последовательности и более полный по своему диапазону; так как догмат Лютера о том, стоять ли или падать церкви, «об оправдании только по вере», надо связывать с принципом Цвингли, и он должен выстоять или пасть согласно ему. Является ли оправдание грешников частью Божьего откровения? Нужно сначала решить этот вопрос, прежде чем принять само учение. Следовательно, единственный непогрешимый авторитет Библии является первым из всех богословских принципов, будучи базисом, на котором стоят все остальные.

Это был первый принцип Цвингли, а какой был второй? Приняв божественную власть, он принял и божественного истолкователя. Он чувствовал, что мало будет пользы, если Бог будет говорить, а человек авторитетно истолковывать. Он верил, что Библия свидетельствует сама о себе, и что истинное значение дается через ее свет. Он всячески пытался постичь ее смысл полностью и безошибочно, он изучал языки, на которых она была написана; он читал комментарии знающих и благочестивых людей; но он не признавал, что какой-нибудь человек или собрание людей имеют особую и исключительную способность понимать смысл Писания и авторитетно заявлять об этом. Дух, который вдохновил его, заявлял он, откроет его любому ревностному и верующему читателю.

Это была исходная позиция Ульриха Цвингли. «Писание исходит от Бога, - писал он – не от человека, и освещающий его Бог даст тебе понимание слова, исходящего от Него. Слово Божье…не подведет, оно ясно, оно само учит, оно само раскрывается,

оно озаряет душу спасением и благодатью, успокаивает ее в Боге, смиряет ее, так что она сдается и принимает в себя Бога». Такое влияние Библии Цвингли испытал на себе. Он с энтузиазмом изучал мудрость древних; он тщательно просмотрел много страниц богословов-схоластов, пока он не пришел к Священному Писанию и не нашел знания, которые смогли разрешить его сомнения и утолить его сердце. «Когда семь или восемь лет назад, – писал он в 1522 году – я всецело начал предаваться Священному Писанию, философия и схоластика не переставали предлагать мне спорные вопросы. Наконец, я подумал: «Ты должен допустить, что это все является ложью, и познавать истину Божью исключительно из Его простого Слова. Тогда я начал просить у Бога Его света, и Писание стало для меня намного легче, хотя я просто лентяй».

Так Цвингли был научен Библией. Он не отрицал ранних богословов и отцов церкви, хотя пока не начал их изучать. Он даже имени Лютера не слышал. Кальвин в то время был еще мальчиком, собиравшимся пойти в школу. Не было слышно, что свет из Виттенберга или Женевы осветил пастора из Гларуса, так как эти города сами были еще в ночи. День засиял над ним прямо с небес. Он засиял не сразу; он начался с рассвета, и продолжал увеличиваться постепенно от одного трудолюбивого года до другого. Наконец, он достиг своего зенита; и тогда ни один из величайших умов шестнадцатого века не превзошел реформатора из Швейцарии в простоте, гармонии и ясности знаний.

В Ульрихе Цвингли и швейцарской реформации мы знакомимся с новым типом протестантизма, отличным от того, который мы видели в Виттенберге. Реформация была одинаковой во всех странах, куда она дошла; одинаковой в странах, принявших ее, и странах, ее отвергших, но главным и формирующим принципом в Германии было одно учение, а в Швейцарии другое, и поэтому случилось так, что этот внешний аспект стад двойным. Можно сказать, что он был догматическим в одной стране и обычным в другой.

Двойственность была неизбежным результатом состояния мира. В христианстве того времени было два больших течения мысли – суеверия или самоправедности, и схоластическое или рационалистическое течение. Оба они были превращены в схему, по которой человек мог спастись. Со стороны самоправедности человеку давалась система похвальных дел, наказаний, плат и индульгенций, с помощью которых он мог искупить грехи и заработать рай. Со стороны схоластики ему давалась система правил и законов, с помощью которых он мог узнать истину, стать духовно просвещенным и достойным божественного благоволения. Было два больших течения, на которые разделился мощный поток человеческих пороков.

Лютер начал реформацию, объявив войну принципу самоправедности, Цвингли, с другой стороны, начал с того, что бросил вызов схоластическому богословию.

Главным или доминирующим принципом Лютера было оправдание только по вере, с помощью которого он ниспроверг монашескую систему человеческих заслуг. Главным принципом Цвингли был «единственный авторитет Слова Божьего», с помощью которого он лишил интеллект превосходства, которое ему приписывали схоласты, и вернул понимание и осознание божественного откровения. Это представляет существенное отличие между немецкой и швейцарской реформациями. Это различие не в существе или характере, а в форме, и выросло из взглядов христианского мира того времени и обстоятельств, при которых в одной части Европы преобладало суеверие, принявшее в основном, но не исключительно, монашескую форму, а в другой схоластическую форму. Этот аспект, оставивший свой отпечаток на немецкой и швейцарской реформации, продолжал оставаться в большей или меньшей степени все время.

Цвингли и не думал, что он бесчестит разум, отводя ему правильное место и служение относительно откровения. Если мы вообще принимаем откровение, то разум говорит, что мы должны принимать его полностью. Сказать, что мы принимаем помощь Библии только там, где нам не нужно ее руководство; что мы будем слушать ее учение только в том, что мы уже знаем или можем узнать, усердно ища; что она должна молчать обо всех тайнах, которые наш разум не раскрыл или не смог раскрыть нам, и которые, когда они раскрыты, он не может полностью объяснить, это значит делать наш разум ничтожным под предлогом его почитания. Так как, несомненно, неразумно предполагать, что Бог сообщил нам особое послание, и нам не надо ничего раскрывать, кроме того, что мы уже знаем, или можем узнать, используя данные Им способности. Разум просит нас ждать по Божьему откровению посланий, не противоречащих ему, но превосходящих его; но, если мы отвергаем Библию из-за того, что она содержит такие послания, или отвергаем те ее отрывки, в которых содержатся такие послания, мы поступаем неразумно. Мы бесчестим свой разум. Мы делаем это доказательством лживости Библии, что является одним из веских доказательств ее истины. Авторитет Библии был фундаментальным принципом реформации Цвингли.

Глава 7 - Ейзидельн и Цюрих.

Посещение Эразма – Швейцарцы сражаются за Папу. – Цвингли сопровождает их. – Мариньяно – Его уроки – Цвингли приглашают в Ейзидельн. – Месторасположение – Управляющий и аббат – Статуя – Паломники – Ежегодный праздник – Проповедь Цвингли – Оплот тьмы превращается в маяк. – Цвингли вызывают в Цюрих. – Город и озеро – Первое появление Цвингли за кафедрой. – Его два главных принципа – Результат его проповедей – Его кафедра – источник народного преобразования.

Два путешествия, предпринятые Цвингли в то время, подействовали на него. Одно было в Базель, где жил Эразм. Посещение короля схоластов принесло ему как удовольствие, так и пользу. По возвращении из Базеля он с большим рвением продолжил изучение священных языков, и с большей жаждой продолжал знакомиться со знаниями, связанными с этими языками.

Другое путешествие было другого характера и в другом направлении. Умер король Франции Луи XII; Юлий II из Рима также пошел держать ответ; и войну, которую вели эти два правителя, они оставили в наследство своим преемникам. Франциск I подхватил ссору и помчался в Италию, а Папа Лев X призвал швейцарцев бороться за церковь, которой угрожали французы. Вдохновленные красноречием своего воинственного кардинала, Матфея Шиннера, епископа Сиона, и еще больше золотом Рима, смелые горцы устремились через Альпы защищать «святого отца». Пастор Гларуса пошел с ними в Италию, где один день его можно было видеть, выступающим с речью перед строем своих соотечественников, а в другой день сражающимся со шпагой в руке бок обок с ними на поле битвы; смешение духовных и военных обязанностей было менее противно представлениям того времени, чем современным. Но швейцарцы зря проливали свою кровь. Победа, которую французы одержали при Мариньяно, вселила ужас в Ватикан, наполнила долины Швейцарии вдовами и сиротами, и принесла молодому монарху Франции славу оружия, которую ему было предназначено потерять так же неожиданно, как он ее приобрел, на роковом поле Павия.

Но, если у Швейцарии была причина долго помнить о битве при Мариньяно, в которой пали многие ее сыны, то это несчастье в будущем превратилось для нее в благословение. Во время визита в Италию Ульриху Цвингли пришли мысли, плоды которых он получил по возвращении. Он понял, что в Риме процветало честолюбие, алчность, гордость и роскошь. Он думал, что они не имели никакой ценности, чтобы питать их кровью швейцарцев. Какая глупость! Какое преступление принуждать идти через Альпы цвет молодежи Швейцарии, и убивать их в таком деле! Он решил сделать все возможное, чтобы остановить поток крови соотечественников. Он

чувствовал сильнее, чем раньше, необходимость реформации, и начал еще более усердно наставлять прихожан в учении Священного Писания.

Он был занят изучением Библии и сообщал время от времени своим прихожанам, что он открыл в ней, когда его пригласили стать проповедником в монастыре Эйнзидельна в 1516 году. Теобальд, барон Жерольдс-Эка, был распорядителем этого аббатства и сеньором этого края. Он был поклонником наук и образованных людей, и больше всего тех, кто кроме знаний имел праведность. От него исходил призыв, обращенный к пастору Гларуса, вызванный дошедшей до него молвой об усердии и способностях Цвингли. Его аббатом был Конрад де Рехенберг, человек знатного происхождения, которого смущали суеверные обряды церкви, в сердце он не испытывал большой любви к мессе, и, фактически, прекратил ее служение. Однажды, когда какие-то посетители настаивали на ее совершении, он сказал: «Если Иисус Христос – поистине в причастном хлебе, то я недостоин предлагать Его в жертву Отцу; а, если Его нет в хлебе, то я еще более несчастлив, ибо должен заставлять людей поклоняться хлебу вместо Бога».

Должен ли он был оставлять Гларус, чтобы похоронить себя на вершине одинокой горы? Этот вопрос ставил Цвингли перед собой. Он мог, как он думал, с таким же успехом лечь сейчас в могилу; и, однако, если он примет предложение, это не будет могилой, в которой он скроется. Это было знаменитое прибежище паломников, в котором он сможет продолжить великий труд по просвещению соотечественников. Поэтому он решил воспользоваться этой возможностью для продолжения служения на новом и важном поприще.

Монастырь Эйзидельна был расположен на небольшой горе между озером Цюрих и Валенштадтом. Он славился как место поклонения Деве Марии. «Оно было самым почитаемым – пишет Гердезий – во всей Швейцарии и Верхней Германии». Надпись над входом гласила, что здесь можно получить «полное отпущение грехов»; более того, и это была основная приманка, там сделали из камня образ Девы, которому приписывалась сила совершать чудеса. Отдельные группы паломников приходили в Эйзидельн в любое время года, но когда наступал ежегодный праздник «Освящения» тысячи паломников сходились сюда к знаменитой святыне изо всех уголков Швейцарии и более отдаленных мест Франции и Германии. В это время долина у подножья горы становилась многолюдной, как город; и весь день длинные вереницы паломников взбирались на гору, неся в одной руке свечи, чтобы зажечь их в честь «св.Девы Эйзидельна», а в другой деньги, чтобы купить индульгенции, продававшиеся на месте ее поклонения. Цвингли был глубоко взволнован, видя это. Он встал перед этим огромным стечением людей из разных мест христианского мира и смело провозгласил, что они напрасно проделали столь долгий путь, что они не стали ближе к Богу, который слышит их молитвы и на вершине этой горы, и в

долине, и что место в окрестностях часовни Эйзидельна не святее, чем в их молитвенных комнатах; что они тратят «деньги не на хлеб и труд не на то, что приносит пользу», и что не одежда паломника, а сокрушенное сердце угодно Богу. Цвингли не довольствовался простым обличением раболепного суеверия и бесполезных обрядов, которыми народ, пришедший на этот большой праздник в Эйзидельн, подменял любовь к Богу и жизнь в святости. Он проповедовал им Евангелие. Он жалел тех, кто пришел в поисках успокоения своей души. Он рассказывал им о Христе и Его распятии. Он говорил им, что Христос – единственный Спаситель; что Его смерть полностью искупила грехи людей; что его жертва действительна во все века и во всех народах, что не надо взбираться на гору, чтобы получить прощение; что Евангелие предлагает через Христа прощение даром. Стоило придти с края земли, чтобы услышать эту «благую весть». Однако были и такие в толпе паломников, которые не могли принять «благую весть». Они прошли долгий путь, и им неприятного было слышать в его конце, что им не надо было так трудиться, а лучше остаться дома. Более того, казалось, что прощение слишком мало стоило. Они лучше пойдут старой дорогой к раю через наказания, посты, милостыню и отпущение грехов церковью, чем поверят в столь сомнительное спасение. Для этих людей учение Цвингли казалось богохульством на Деву в ее новой часовне.

Но были и другие, для кого слова проповедника уподоблялись «прохладной воде» для жаждущего. Они исследовали дела самоправедности и нашли их бесполезными. Разве они не постились и не бодрствовали, пока не превратились в скелетов? Разве они не бичевали себя до крови? Но мир не наступал, жало обличавшей совести не было удалено. Они были готовы воспринимать слова Цвингли. Божественное действие, казалось, сопровождало его слова во многих случаях. Они нашли единственный путь, на котором они надеялись обрести вечную жизнь, и, вернувшись домой, они принесли необычную, но желанную весть, услышанную ими. Случилось так, что главный оплот тьмы во всей Швейцарии превратился в центр реформаторского света. «Прозвучала труба», и «взвилось знамя» на вершинах гор.

Цвингли продолжал свое дело. Исхоженными тропами паломников перестали пользоваться, место поклонения было оставлено, сократилось число приверженцев, а также и доходы священника Эйзидельна. Цвингли был далек от того, чтобы горевать о лишении средств к существованию, но радовался о том, что его труд дал плоды. Папские власти не чинили ему препятствий, хотя они, однако, не могли не закрыть глаза на то, что происходило. Римской церкви нужны были шпаги кантонов. Она знала о том влиянии, которое Цвингли оказывал на своих соотечественников, она думала, что завладев им, она завладеет и ими; но ее благосклонность и лесть, передаваемые через главного епископа Сиона и папского легата, были абсолютно

бесполезны для того, чтобы свернуть его со своего пути. Он продолжал свое служение с заметным успехом, прожив в этом месте три года.

Такими событиями Цвингли постепенно готовился к началу реформации в Швейцарии. Должность проповедника в каноническом колледже, основанном Карлом Великим в Цюрихе, было свободно в то время, и 11 декабря 1518 года Цвингли был избран на эту должность большинством голосов.

«Учреждение», в которое был принят Цвингли, было ограничено восемнадцатью сотрудниками. Согласно выражениям указа Карла Великого они должны были «служить Богу хвалой и молитвой, снабжать христиан в горах и долинах различными способами поклонения, и, наконец, осуществлять руководство над католической школой», которая по имени основателя была названа школой Карла. Гросс Мюнстер, как и большинство других церковных заведений, быстро деградировал и прекратил выполнять задачу, ради которой он был создан. Его каноники, проводя время в праздности и развлечениях, в соколиной охоте и охоте на кабанов, назначали священника с небольшим жалованием и с перспективой стать каноником, чтобы совершать богослужения. Такая должность была предназначена для Цвингли. Во времена его избрания в Гросс Мюнстере было двадцать четыре каноника и тридцать шесть капелланов. Феликс Хаммерлинг, регент хора этого учреждения, так говорил о нем в первой половине пятнадцатого века: «Кузнец может из старых подков выбрать одно и сделать его пригодным, но я не знаю ни одного кузнеца, который бы из всех каноников мог выбрать одного хорошего». Наверняка среди этих каноников были люди и с другим духом во времена избрания Цвингли, иначе священник из Эйнзидельна никогда бы не был избран проповедником собора Цюриха.

Цюрих уютно расположен на берегах озера с тем же названием. Это внушительное пространство воды, заключенное между берегами, которые постепенно поднимаются вверх, покрытые то виноградниками, то сосновыми лесами, среди которых выглядывают и оживляют картину деревни и белые усадьбы, в то время как на горизонте ледники сходятся с золотистыми облаками. Справа область была окружена скалистым валом Альбисских Альп. Но горы отступали от берега и, позволяя свету свободно изливаться на гладь озера и на широкий размах его прекрасных плодородных берегов, придавали свежесть и легкость панораме, видимой из города, которая резко контрастировала с соседним озером Цуг, где тихие воды и сонные берега постоянно были окутаны тенью высоких гор.

Цюрих был в то время главным городом швейцарской конфедерации. Каждое слово, сказанное здесь, имело двойную силу. Если в Эйнзидельне Цвингли смело выступал против суеверия и самоотверженно проповедовал Евангелие, и вероятно он должен был проявить не меньшую отвагу и красноречие, когда он стоял в центре

Гельвеции и обращался ко всем ее кантонам. В первый раз он появился за кафедрой собора Цюриха 1 января 1519 года. По исключительному совпадению ему в этот день исполнилось тридцать пять лет. Он был среднего роста, с проницательными глазами, заостренными чертами лица и чистым звонким голосом. Собралось много народа, так как слава шла впереди него. Не столько его известное красноречие привлекло такое множество людей, включая тех, кто перестал ходить на служения, как сомнительная популярность, так тогда считали, проповеди нового Евангелия. Он открыл службу с чтения Нового Завета, первой главы Евангелия от Матфея, и продолжал толкование Евангелия в следующие воскресенья, пока не дошел до конца книги. Жизнь, чудеса, учения и страдания Христа были умело и убедительно развернуты перед слушателями.

Двумя основными принципами его проповеди в Цюрихе, как в Гларусе, так и Эйнзидельне, были – Слово Божие является единственным непогрешимым авторитетом, и смерть Христа является единственным совершенным искуплением. Сделав эти два принципа главными, его выступление коснулось широкого круга вопросов в соответствии с его собственным духом, состоянием его слушателей, возможными опасностями и обязательствами его страны. Под ним на каждой скамье тесно сидели люди всей званий и сословий – государственные деятели, бургомистры, каноники, священники, схоласты, купцы и ремесленники. Как спокойная поверхность океана отражает солнце, висящее над ним, так и ряды, обращенных вверх лиц, реагировали на разные эмоции, исходившие с кафедры собора Цюриха. Разве проповедник ради своего удовольствия говорил простыми, ясными и, однако, убедительными словами – словами, ясность которых поражала слушателей, как будто они были сказаны невеждам – о «спасении даром», и публика наклонялась вперед и ловила каждое слово. Совсем нет; так как среди слушателей Цвингли были те, кто поддержал его избрание, и которые понимали, что если его учение будет принято, оно перевернет весь мир вверх ногами. Папы должны будут снять тиару, а известные богословы и руководители школ должны будут сложить свой скипетр.

Отважный проповедник сменил тему, и, в то время как огонь в глазах и суровость голоса показали негодование его духа, он обличал гордость и роскошь, разлагавших давние нравы и ослаблявших силу добродетели древних. Чем выше благочестие у домашнего очага, тем больше смелости на поле сражения. Посмотрев за границу и указав на тиранию, процветавшую к югу от Альп, он обличил еще более едкими словами лицемерное честолюбие, которое ради своего роста, раздирало их страну на части, тащила их сыновей поливать чужие земли своей кровью, и выкапывать могилу для своей нравственности и независимости. Их предки сбросили ярмо Австрии, им осталось сбросить еще более тяжелое ярмо Пап. Эти призывы не остались без ответа. Патриотизм Цвингли, зажженный у алтаря и горевший святым

и страстным огнем, зажег души соотечественников. Нахмуренные брови и горящие глаза слушателей свидетельствовали о том, что его слова находили отклик, и что он разбудил героический дух, который отцы этих людей проявляли на легендарных полях Мортгардена и Земпаха.

Было очевидно, что в центре Швейцарии забил источник новой жизни. Цвингли стал регенератором нации. Из недели в неделю новые и свежие идеи распространялись из собора не только по всему Цюриху, но и по всем кантонам. Простота и отвага древних швейцарцев, исчезавшая под пороками римской церкви и разлагавшего действия французского золота, начали опять расцветать. «Вся слава Богу!» - было слышно, как люди говорили друг другу, когда они возвращались из собора после проповеди Цвингли, пишет Буллингер в своих хрониках, «этот человек – проповедник истины. Он будет нашим Моисеем и выведет нас из египетской тьмы».

Глава 8 - Торговец индульгенциями и чума.

Два воззвания – Прощение за деньги и прощение по благодати – Одновременно две проповеди – В Швейцарию посылают Самсона. – Переходит через св.Готард. – Прибывает в Ури. – Навещает Швица. – Цуг – Берн – Общее освобождение от чистилища – Баден – Ecco volant! – Цюрих – Самсону отказывают во въезде. – Возвращается в Рим. – Страшная смерть – Опустошение – Цвингли поражен. – На грани смерти – Гимн – Выздоровел. – План «Божьего наказания».

Поучительно отметить, что в тот самый момент, когда римская церковь готовилась открыть новый рынок по продаже отпущения грехов в христианском мире, восставали многие проповедники то в одной, то в другой стране, без всякой согласованности и предварительной подготовки, начав проповедовать раннее Евангелие, которое дает прощение даром. Как мы видим, 1517 год был началом обоих движений. В этом году римская церковь собрала своих торговцев, отпечатала индульгенции, установила прейскурант на грехи и расширила сундуки для стекания в них золотого потока. Горе народам, великая колдунья готовит новые чары! И оковы, сковывавшие ее жертвы, должны быть укреплены.

Но Рим не знал, что в тот самый час несколько ревностных учеников, разбросанных по всему христианскому миру, сосредоточенно изучали Писание и горячо молили Бога послать им Свой свет для его понимания. И молитва была услышана. С небес пролился яркий свет на страницы, которые они изучали. Их глаза открылись, они увидели все – крест, совершенную и непреходящую жертву за грех – и в радости, не способные молчать, они побежали к гибнущим народам земли сказать, что «им родился Спаситель, Господь Иисус Христос».

«Некоторые историки отмечают, - пишет Рюхат – что в этом году, 1517, в Риме было предзнаменование большой катастрофы, угрожавшей «святому престолу». Когда Папа занимался избранием тридцати одного новых кардиналов, разразилась страшная гроза. Слышались громкие раскаты грома и блистали ужасные молнии. Одна молния ударила в ангела на вершине собора св.Анджело и сбросила его; другая ударила в находившуюся в храме скульптуру младенца Иисуса на руках Своей матери; а третья выбила ключи из рук статуи апостола Петра». Однако и без этого был очевиден более верный знак того, что престол, перед которым так долго склонялись народы, терял свое влияние, и из его рук забирались ключи. Поднимались многие евангелисты, которые были полны знаний и отваги, чтобы распространять Евангелие, о котором было сказано, что оно, как молния освятит все от востока до запада.

Мы уже видели, что в Германии одновременно было две проповеди – прощение за деньги и прощение по благодати. Эти же проповеди были почти в одно и то же время и в Швейцарии.

Продажа индульгенций в Германии была отдана доминиканцам, а в Швейцарии францисканцам. Папа назначил кардинала Кристофера Форли, генерала ордена, главой двадцати пяти провинций, а кардинал передал Швейцарию францисканцу Бернардину Самсону, настоятелю монастыря в Милане. Самсон уже торговал при двух Папах, с большой выгодой для тех, кто нанимал его. Говорили, что он переправил через Альпы из Германии и Швейцарии сундуки полные золотых и серебряных сосудов, кроме того, что он собрал деньгами за восемнадцать лет суммой не менее восьмисот тысяч долларов. Таково было прошлое человека, который сейчас пересекал швейцарскую границу с поручением продавать папские индульгенции и отсылать деньги тем, кто его послал, как он думал, но на самом деле зажечь огонь в Альпах, который дойдет до Рима и сильнее сокрушит «святой престол», чем молния, которая слегка его коснулась и выбила ключи из рук статуи св.Петра.

«Он выполнял свою миссию в Гельвеции с не меньшей наглостью, - пишет Гердезий – чем Тетцель в Германии». Прокладывая себе дорогу через снега св.Готарда (в 1518 году), и спустившись по реке Ройз, он со своим отрядом прибыл в кантон Ури. Так как нескольких дней было достаточно, чтобы ограбить простодушных горцев, алчный отряд отправился в Швиц, чтобы открыть там продажу своего товара. Цвингли, который был тогда в Эйнзидельне, услышав о монахе и его миссии, противостал ему. В результате Самсон был вынужден свернуть лагерь, и из Швица ушел в Цуг. На берегах этого озера, над которыми постоянно нависала тень высоких гор Россберга и Риги Кульма, и еще более темный покров суеверия римской церкви, Самсон установил помост и разложил свой товар. Из небольших городов хлынули такие толпы народа, что почти свернули всю торговлю, и Самсон был вынужден просить, чтобы пропускали тех, у кого были деньги, пообещав потом рассмотреть вопрос с теми, у которых их не было. Закончив в Цуге, он отправился в Оберланд, забрав золотые и серебряные монеты крестьян и дав им взамен папские индульгенции. Этот человек и его компаньоны раздобрели на этом деле; так как, когда они переходили св.Готард, худые, изможденные, в лохмотьях, они были похожи на бандитов, а теперь они были в теле и элегантно одетые. Направив свой путь в Берн, Самсон испытывал трудность с признанием себя и своего товара в этом богатом городе. Однако небольшие переговоры с местными друзьями открыли его ворота. Он проследовал в кафедральный собор, который был увешан знаменами, на которых папский герб был изображен вместе с гербами кантонов, и там он отслужил мессу с большой помпой. Толпы зрителей и покупателей наполнили собор. Индульгенции были двух видов, одни на пергаменте, а другие на бумаге.

Первые предназначались для богатых и стоили один доллар. Другие были для бедных, и продавались по одному бацену за штуку. У него был также и третий вариант, за который он брал значительно бо;льшую сумму. Дворянин из Орби, по имени Арне, заплатил за такую индульгенцию 500 долларов. Бернский офицер, Якоб фон Штейн, обменял серую в яблоках кобылу, на которой приехал, на индульгенцию Самсона. Она была дана для него самого, его отряда из 500 человек, всех вассалов феодального владения Белпа, и поэтому может считаться дешевой, хотя животное было отличным. Не должно оставить без внимания похвального действия монаха в этой местности. Небольшой город Аарберг, в трех лье от Берна, был несколько лет назад разрушен пожаром и наводнениями. Благочестивых людей научили верить, что эти беды обрушились на них из-за оскорбления, нанесенного ими папскому нунцию. Нунций, чтобы наказать за оскорбление, полученное от них, согласно церкви, чьим слугой он был, отлучил и проклял их, и угрожал похоронить их деревню на глубине семи саженей. Они умоляли Самсона снять с них проклятие, которое уже принесло им много горя, и самое ужасное из которых еще ожидало их. Дворяне Берна ходатайствовали за бедняков. Добрый монах был полон сочувствия. Он предоставил, конечно, не без определенной суммы денег, полное отпущение грехов, которое снимало отлучение нунция и давало спать жителям спокойно. Помогла ли индульгенция Самсона, мы не можем сказать, но неоспоримым фактом является то, что городок Ааберг до сего дня стоит на земле. В Берне монах был так доволен своим успехом, что ознаменовал свой отъезд необыкновенно щедрым поступком. Колокола звонили по случаю его отъезда, когда Самсон поставил всех в известность, что он «освободил от мучений чистилища и ада все души умерших жителей Берна, независимо от того, как и где они умерли». Сколько бы денег сэкономили жители Берна, если бы он объявил об этом в первый день приезда! В Берне Лупулус, бывший схоласт, а теперь каноник, с которым мы уже встречались, как с одним из учителей Цвингли, был переводчиком Самсона. «Когда волк и лиса рыскают вместе в поисках добычи, – писал один из каноников настоятелю кафедрального собора де Ваттвиллю – самым безопасным для Вас, милостивый господин, будет закрыть ваших овец и гусей». Такие замечания Самсон принимал с исключительным благодушием, так как они не причиняли вреда и не портили его рынка.

Из Берна Самсон поехал в Баден. Епископ Констанца, в чей диоцез входил Баден, запретил его духовенству допускать торговца индульгенциями на свои кафедры, но не из-за того, что он не одобрял эту торговлю, а потому что Самсон не спросил его разрешения въехать в его диоцез, и не получил его одобрения на свою деятельность. Однако у кюре Бадена не хватило смелости закрыть вход на свою кафедру перед лицом папского уполномоченного.

После непродолжительной торговли в течение нескольких дней монах ознаменовал свой отъезд милосердным поступком сходным с тем, каким он завершил пребывание в Берне. После мессы он организовал процессию, поставив себя во главе ее, обошел церковный двор, читая вместе со всеми молитвы об упокоении. Вдруг он остановился, пристально посмотрел на небо, и после минутной паузы прокричал: «Ecce volant!» - «Посмотрите, как они летят!» Это – души вырываются из открытых ворот чистилища и летят в рай. Одному присутствующему шутнику пришло в голову, что он может практически прокомментировать полет душ в небе. Он взобрался на вершину шпиля, прихватив с собой сумку с перьями и начал бросать их в воздух. Когда перья опускались как снежинки на Самсона и окружающих, этот человек кричал: “Ecce volant!” – «Посмотрите, как они летят!» Монах пришел в ярость. Было невыносимо терпеть такое злостное искажение милости святой церкви. Он заявил, что такое ужасное опошление института индульгенций заслуживает только сожжения. Но горожане успокаивали его, говоря, что рассудок этого человека временами не в порядке. Если бы было можно, люди бы подняли на смех Самсона, который уехал из Бадена несколько удрученным.

Самсон продолжал путешествие и постепенно приближался к Цюриху. На каждом шагу он раздавал индульгенции, но их запас почти не истощился, по сравнению с тем, который был при переходе через Альпы. По дороге туда ему сказали, что Цвингли обрушивается на него с кафедры собора. Тем не менее, он продолжал свой путь. Он скоро заставит замолчать этого проповедника. По мере того, как он приближался, Цвингли становился смелее и выражался яснее. «Только Бог может прощать, - говорил проповедник с серьезностью, приводившей слушателей в трепет – никто на земле не может отпускать грехи. Вы можете покупать бумажки у этого человека, но будьте уверены, что вы не прощены. Тот, кто продает индульгенции, является магом, как Симон Маг, лжепророком, как Валаам, послом правителя преисподней, так как к ее зловещему входу, а не к вратам рая ведут индульгенции».

Когда Самсон пришел к Цюриху, его ворота были закрыты, и его ждала традиционная чаша вина, намек на то, что его вход нежелателен. Так как он выдумал, что везет особое послание Папы к сейму, его пустили в город. При встрече выяснилось, что он забыл послание, причина была веской, так как он никогда его не получал. Он с позором был выгнан, успев продать всего одну индульгенцию в Цюрихе. Вскоре после этого он опять пересек Альпы, протащив через их кручи повозку полную монет, плод его грабежа, и вернулся к своим хозяевам в Италию.

Вскоре после него в Швейцарии появился еще один гость, посланный Богом очистить и вдохновить это движение – посеять добрые семена в почву, которую вспахал и взрыхлил Цвингли. Этим гостем была чума или «Страшная смерть». Она

разразилась в августе того же 1519 года. Она шла из долины в долину, неся ужасное опустошение, и люди поняли, каким обманом были индульгенции, которые они тысячами покупали. Она пришла в Цюрих, и Цвингли, который был на водах в Пфефферсе, поправляя здоровье после утомительных летних трудов, поспешил назад к своей пастве. Он часами сидел у постелей больных и умирающих. Вокруг него падали друзья и знакомые, сраженные этим губителем. До этого он избегал его стрел, но теперь и он был атакован. Он был на грани смерти. Совершенно обессиленный, без надежды на жизнь. Именно в этот момент он написал небольшой гимн, такой простой и немного драматичный, но полный покорности и веры.

Вот, смерти стук

Я слышу у двери,

Господь – моя скала,

Меня, Ты, защити.

Пронзенною,

Иисус, Своей рукой

На дереве гвоздем,

Прошу, меня укрой.

Ты хочешь, может быть,

Чтоб в молодых годах

Взяла бы смерть меня?

Да будет, Боже, так.

О, пусть умру!

Но все же я ведь – Твой,

Для тех, чья вера как моя,

Дом Ты и создал Свой.

Так он проверял в этот ужасный момент основы своей веры. Он поднял взор на крест; он знал в кого верил; и, став более убежденным, чем прежде в истине Евангелия, проверив ее последним ужасным испытанием, он вернулся от ворот могилы, чтобы проповедовать истину более духовно и более пылко, чем до этого. Слух о его смерти прошелся по Базелю и Люцерне, и по всем городам конфедерации. Все обеспокоились, когда услышали, что великий проповедник Швейцарии сошел в

могилу. Радость их была необычайной, когда они узнали, что новость была неверной, и Цвингли был жив. Как реформатор, так и страна подверглись наказанию, освятились, очистились и приготовились к грядущему.

Глава 9 - Распространение реформации в Берне и других городах Швейцарии.

Торжественная встреча – Цвингли проповедует с бо;льшей силой. – Человеческие заслуги и праведность Евангелия – Евангелие отрицает первые и питает вторую. – Сила любви – Слушателей Цвингли становится больше. – Его труды – Обращение в веру – Распространение движения в другие швейцарские города. – Базель – Люцерна – Освальд Миконий – Труды в Люцерне – Оппозиция – Выгнан. – Берн – Установление там реформации.

Когда Цвингли и горожане Цюриха опять собрались в кафедральном соборе, для них обоих это был особый момент. Они только что вышли из тени «Страшной смерти». Проповедник только что поднялся с одра болезни, который мог стать одром смерти, и народ пришел от постелей, где ждал последнего дыхания своих родных и друзей. Учение реформации, казалось, приобрело новое значение. В ужасной тьме, через которую они прошли, не было никакого света, только Евангелие ярко сияло. Цвингли говорил так, как он еще никогда не говорил, и народ слушал так, как никогда еще не слушал.

Цвингли открыл более глубокую жилу в своем служении. Он стал чаще касаться вреда чужеземного служения. Он не стал меньше патриотом, но он стал больше пастором, он понимал, что возрожденное христианство, является не только мощным возрождающим фактором нравственности страны, но и самым надежным залогом политических интересов. Его основными темами были падение и восстановление человека. «В Адаме мы все мертвы, – говорил он – погрязли в пороках и осуждении». Это было несколько неблагоприятное начало Евангелия, «благой вести», которой так жаждали многие жители Цюриха после перенесенных ужасов. Но Цвингли продолжал провозглашать освобождение из тюрьмы, открытие гробниц. Покойники не открывают гробов. Христос – их жизнь. Он стал таким через страдания, которое есть «непреходящая жертва и всегда может исцелять». К Нему они должны придти. «Его жертва отвечает божественному правосудию от имени всех, кто возлагает на нее твердое и непоколебимое упование». Должны ли люди тогда жить в грехах? Должны ли они прекратить возрастать в святости? Нет. Цвингли продолжал показывать, что, если это учение отменяет человеческие заслуги, оно не отменяет евангельские добродетели; что, хотя ни один человек не спасается святостью, но и никто не спасется без святости. Так как Бог дарует спасение даром, то и мы должны повиноваться добровольно; с одной стороны жизнь по благодати, с другой – труд по любви.

Затем, идя дальше, Цвингли раскрыл принцип, который является одновременно и самым веским и самым приятным во всей системе Евангелия. Что это за принцип? Это закон? Нет. Закон приходит, как деспот с кнутом, чтобы заставлять сопротивляющихся и наказывать виновных. Человек является и сопротивляющимся,

и виновным. Закон в этом случае не может не породить страха, а страх помрачает ум, ослабевает волю, порождает ограниченный, угоднический, рабский дух, который портит все, что он делает. Это голова Горгоны, которая превращает его в камень.

Тогда что это за принцип? Это – любовь. Но как может возникнуть любовь в сердце грешного и осужденного человека? Она приходит следующим образом. Евангелие обращает взор человека на Спасителя. Он видит Его, страдающим вместо себя, несущим тяжкий крест, чтобы даровать ему прощение и вечную жизнь. Этот взгляд зажигает любовь. Эта любовь проникает в его существо, оживляя, очищая и совершенствуя его способности, наполняя разум светом, волю покорностью, совесть покоем, сердце радостью и делая жизнь готовой к святым делам, приносящей плоды для Бога и человека. Такое Евангелие проповедовалось тогда в кафедральном соборе Цюриха.

Жителям Цюриха не требовались доказательства в истинности учения. Они читали его истины в собственном свете. Его слава была не земная, а небесная, где она родилась. Неописуемая радость наполняла их сердца, когда они видели, как уходит черная ночь обмана с ее монашескими сутанами, четками, наказаниями и огнем чистилища, которые так утруждали плоть и не приносили облегчения совести, а ясный свет Евангелия принес обновление душам.

Хотя собор был большой, он не мог вместить приходивший народ. Цвингли трудился изо всех сил, чтобы укрепить движение. Он удивительно совмещал рассудительность с рвением. Он практиковал внешние формы церкви в той ограде, в которой он оставался. Он служил мессу, воздерживался от мясного в постные дни, и между тем он неутомимо трудился над распространением знаний божественной истины, зная, что когда начнется новый рост, старое растение с гнилой древесиной и засохшими увядшими листьями отпадет. Как только люди поймут, что по Библии им дано прощение даром, они больше не будут истязать себя, чтобы получить спасение, или лезть на гору Эйнзедельн с деньгами в руках, чтобы купить его. Короче, главной целью Цвингли, которую он ясно себе представлял, было не свержение папства, а восстановление христианства.

Он начал читать лекции по будням для крестьян, приезжавшим на рынок по пятницам. Прекрасно построенными и логическими были его наставления в воскресные дни. Открыв своей пастве Евангелие через толкование св.Матфея, он перешел к рассмотрению Деяний Апостолов, чтобы показать, как христианство распространялось. Далее он перешел к толкованию Посланий апостола Павла, чтобы привить понятие о христианских добродетелях и показать, что Евангелие не только «учение», но и «жизнь». Затем перешел к Посланию апостола Петра, чтобы сопоставить двух апостолов и показать гармонию, царящую в Новом Завете по двум большим вопросам «веры» и «дел». И в конце он комментировал Послание к Евреям,

чтобы показать гармонию, существующую между двумя Заветами, что у обоих одна суть и эта суть – Евангелие, спасение по благодати, что разница заключается только в степени откровения, которое давалось в образах и символах в одном случае, и в простых точных положениях в другом. «Они должны были узнать, - говорит Цвингли – что Христос – наш единственный истинный первосвященник. Эти семена я сеял, Матфей, Лука, Павел и Петр поливали, а Господь взращивал». В письме к Миконию 31 декабря 1519 года он сообщает, что «в Цюрихе до 2000 душ уже укрепились и напитались молоком истины, что могут принимать более твердую пищу и очень этого хотят». Таким образом, Цвингли вел своих слушателей от первых принципов к высшим тайнам Божьего откровения.

Движение подобно этому не могло быть ограничено стенами Цюриха, как долины и вершины гор не могут не поймать света наступившего дня. Семена возрождения были брошены Цвингли в воздух, ветер разнес их по всей Швейцарии, во многих местах трудились люди, чтобы подготовить почву для их укоренения и прорастания. Положительной чертой движения было то, что его действующими лицами были не короли, министры и церковная верхушка, а простые люди. Давайте оглянемся назад и посмотрим на начало этого движения, с помощью которого многие кантоны Гельвеции будут освобождены в недалеком будущем от папской тирании и предрассудков папской веры.

Начнем с северной границы. В то время в Базеле была замечательная группа людей. Среди первых и самых знаменитых был Эразм, чье издание Нового Завета, можно сказать, открыло путь к реформации. Труд известного печатника Флобения был не менее значительным. Он печатал в Базеле сочинения Лютера и за короткое время распространил их по Италии, Франции, Испании и Англии. Во вторых рядах самыми выдающимися были Капито и Гедио. Они были близкими друзьями и почитателями Цвингли, они использовали те же методы распространения реформатской веры в Базеле, какие Цвингли успешно проводил в Цюрихе. Капито начал ежедневно объяснять гражданам Евангелие от Матфея, результаты этого описал Гедио в письме к Цвингли в 1520 году: «Это самое действенное учение Христа проникает в сердце и согревает его». Число слушателей росло. Богословы и монахи устраивали заговор против проповедника, поползли слухи. Кардинал-архиепископ Майнца, желая иметь такого великого схоласта, пригласил Капито в Майнц. Однако с его отъездом работа не прекратилась. Гедио подхватил ее, и, начав там, где остановился Капито, продолжал толковать Евангелие с бесстрашным красноречием, которое захватывало слушателей, хотя монахи не переставали предупреждать их не верить тем, кто говорит им, что суть всего христианского учения надо искать в Евангелии. Скотт, говорили они, был более великим богословом, чем апостол Павел. Число приверженцев Евангелия росло в этом центре знаний. Но предстояла долгая и упорная борьба за достижение превосходства.

Аристократия была сильной, не менее сильным было и духовенство, поэтому университет бросил на ту же чашу весов всю свою мощь. Истине пришлось преодолеть тройное укрепление. Преемником Гедио, который был после Капито, стал Эколампадий, самый великих из трех. Эколампадий ревностно трудился и ждал в течение шести лет. Наконец, Базель в 1528 году, последний из всех кантонов Гельвеции, постановил о принятии реформатской веры.

Миконий попытался в Люцерне посеять семена Евангелия, но почва была неблагоприятной, и взошедшие семена вскоре увяли. Они были забиты любовью к оружию и властью суеверий. Освальд Гейшаузер, именно так его звали, пока Эразм не дал греческий вариант его имени, Миконий, был одним из самых приятных личностей и совершенных умов того времени. Он родился в Люцерне в 1488 году, учился в Базеле, где стал ректором школы св.Петра. В 1516 году он уехал из Базеля и стал ректором школы при кафедральном соборе Цюриха. Он первым пытался искоренить невежество в Швейцарии, работал школьным учителем, чтобы внедрить знания о литературе ранних веков и привить любовь к Священному Писанию. Он завязал дружбу с Цвингли, и именно благодаря его усилиям и совету, проповедник из Эйнзедельна был избран на вакантное место в Цюрихе. Два друга работали преданно вместе, но потом было решено, что Миконий будет нести свет в родной Люцерне. Расставание было грустным, но Миконий подчинился и уехал.

Он надеялся, что его служение в качестве директора коллегиальной школы этого города, даст ему возможность познакомить граждан, живших вокруг озера Вальдштатер, с более высокими знаниями, чем знание языческой литературы. Он начал работу очень незаметно. Сочинения Лютера предварили его, но горожане Люцерны, рьяные защитники чужеземного служения и чужеземной веры, избегали этих книг, как будто они вышли из-под пера демона. Толкование, которое давал Миконий в школе, сразу вызвали подозрение. «Мы должны сжечь Лютера и школьного учителя», говорили горожане друг другу. Тем не менее, Миконий продолжал, не упоминая имени Лютера, но тихо продолжая передавать молодежи, окружавшей его, знания Евангелия. Вскоре сплетни превратились в обвинение. Наконец, они переросли в яростные угрозы. «Я живу среди хищных волков», читаем среди его рукописей в декабре 1520 года. Его вызвали на городской совет. «Он – лютеранин», сказал один из обвинителей; «он совращает молодежь», сказал другой. Совет предписал ему не читать своим ученикам ничего из произведений Лютера, не упоминать даже его имени, и не принимать никакой мысли о нем в свой разум. Правители Люцерны не ставили жестких рамок для своей юрисдикции. Мягкий характер школьного учителя был не готов бороться с бурями, обрушившимися на него со всех сторон. Он предложил Евангелие горожанам Люцерны, и хотя некоторые приняли его и полюбили Микония из-за него, основная масса отвергла Евангелие. Он знал, что есть другие города и кантоны, которые с радостью примут

истину, отвергнутую Люцерной. Поэтому он решил отрясти прах со своих ног во свидетельство против нее и уехать. Прежде чем он осуществил свое решение, совет дал ему еще одно доказательство тому, что дело, на которое он решился, было его долгом. Он неожиданно был уволен со службы и изгнан из кантона. Он покинул неблагодарный город, где была его колыбель, и в 1522 году вернулся к Цвингли в Цюрих. Люцерна не оправдала своего имени, и свет, который покинул ее вместе с самым благородным из ее сыновей, никогда не вернулся к ней.

Берн избрал лучшую участь, отвергнутую Люцерной. Его жители завоевали славу оружия; их город никогда не открывал ворота врагу, но на заре шестнадцатого века он был покорен Евангелием, и победа, которую одержала истина в Берне, была более важной, потому что она открыла дверь для распространения Евангелия по всей западной Швейцарии.

Сильное влияние Цюриха зародило реформатское движение в воинственном Берне. Себастьян Мейер «мало-помалу открывал врата Евангелия» жителям Берна. Но в действительности реформатором города был Бертольд Галлер. Он родился в Ротевилле, кантон Вуртенберг, учился в Пфорцейме, где был однокурсником Меланхтона. В 1520 году он приехал в Берн, где стал каноником и проповедником кафедрального собора. Он владел в довольной мере всем необходимым для привлечения слушателей. У него была статная фигура, изящные манеры, ум, одаренный от природы и обогатившийся в процессе образования. По примеру Цвингли он с кафедры давал толкование на Евангелия, данные евангелистами. Но жители Берна напоминали грубое и упрямое животное, изображенное на гербе кантона. Бряцание алебард и шпаг больше привлекало их слух, чем звук Евангелия. Временами сердце Галлера робело. Он изливал свои страхи и беды на грудь Цвингли. Однажды он должен погибнуть от зубов этих медведей, так он писал. «Нет, - отвечал Цвингли громкими словами, которые устыдили его в робости – вы должны приручить этих медвежат с помощью Евангелия. Вы не должны ни стыдиться, ни бояться их. Ибо кто постыдится Христа перед людьми, того Христос постыдится пред Своим Отцом». Так Цвингли поднимал опустившиеся руки и отправлял их трудиться с новой силой. Сладость евангельского учения была сильнее суровости характера жителей Берна. Медвежата были приручены. Вдохновленный письмами Цвингли и приездом из Нюрнберга монаха-картузианца по имени Кольб с седой головой, но юношеским сердцем, горевшим любовью к Евангелию и требовавшим в качестве своего единственного жалования свободу проповеди Евангелия, Галлер получил вознаграждение своему рвению и упорству. Он видел в 1528 году, что город и весь влиятельный кантон Берн, первым из всех кантонов Гельвеции после Цюриха, перешел на сторону протестантизма.

Установление протестантского служения открыло новую эпоху в Швейцарской реформации. За этим событием последовала конференция, на которой присутствовало много участников, и на которой руководящие лица обеих сторон открыто обсуждали характерные доктрины двух вероисповеданий. Дискуссия прояснила взгляды и вдохновила рвение участников, и по возвращению в свои кантоны они с новой энергией работали по завершению реформации по примеру Берна. Так как в течение предыдущих лет она успешно развивалась в большинстве из них.

Глава 10 - Распространение протестантизма в восточной Швейцарии.

Кантон св.Галла – Бургомистр – Очищение церквей – Кантон Гларус – Долина Тоггенбург – Принимает протестантизм. – Швиц готов присоединиться к движению. – Поворачивает назад. – Аппенцель – Шесть из восьми приходов принимают Евангелие. – Грисонс – Керре – Становится реформатским. – Констанца – Шлаффхаузен – Немецкая Библия – Ее влияние – Пять лесных кантонов – Они склоняются под старое ярмо.

Свет из Цюриха коснулся горных вершин восточной Швейцарии, и протестантизм был готов придти в эту часть страны. В то время Иоахим Вадиан из знатной семьи кантона св.Галла, вернувшись после учебы в Вене, положил руку на плуг реформации. Хотя он исполнял должность бургомистра, но не считал ниже своего достоинства читать лекции по Деяниям Апостолов своим горожанам, чтобы показать им образец ранней церкви в простоте и непорочности, столь отличной от церкви тех дней. Современник отмечает: «Здесь в кантоне св.Галле не только разрешено слышать Слово Божие, но и сами градоправители проповедуют его». Вадиан постоянно переписывался с Цвингли, который неустанно следил за работой, производимой на этом поприще, и чье перо всегда было готово служить вдохновению и направлению, работающих на нем. Неожиданный и мощный взрыв анабаптизма подверг дело в св.Галле опасности, но фанатизм вскоре исчерпал себя. После того как проповедники со свежими силами вернулись с конференции в Бадене, реформация в кантоне завершилась. Из церкви св.Лаврентия были убраны статуи, а украшавшие их одеяния, драгоценности и золотые цепочки проданы с целью создания богаделен. В 1528 году Вадеан писал: «Наши храмы в св. Галле очищены от идолов, и каждый день закладывается славное основание здания Христа».

В кантоне Гларус движение реформации начиналось самим Цвингли. После его отъезда в Эйнзедельн трое обученных им евангелистов продолжили работу. Их звали: Тшуди, который работал в Гларусе, Брунер в Моллисе и Шиндлер в Швандене. Цвингли посеял семена, а эти трое собирали урожай. Лучи истины проникли в родную долину Цвингли Тоггенбург. С огромным интересом он наблюдал за исходом борьбы между светом и тьмой в том месте, с которым он был связан ранними воспоминаниями, кровными и дружескими узами. Узнав, что жители деревни должны были встретиться, чтобы решить будут ли они принимать новое учение или будут продолжать верить, как и их отцы, Цвингли обратился к ним в письме, в котором писал: «Я славлю и благодарю Бога, который призвал меня проповедовать Его Евангелие, за то, что Он вывел вас из египетской тьмы лживых человеческих учений к чудному свету Своего Слова»; он продолжает убедительно увещевать их добавить к исповеданию евангельского учения евангельские

добродетели, чтобы принести пользу, а также прославлять Бога. Это письмо определило победу протестантизма в родной долине реформатора. Тем же летом 1524 года городской совет и община объявили о своем единодушном решении, «чтобы было проповедано Слово Божие». Аббат св.Галла и епископ Керре пытались помешать действию этого решения. Они вызвали на капитул трех проповедников – Мелитуса, Доринга и Фарера, и обвинили их в непослушании. Обвиняемые ответили в духе св.Петра и св.Иоанна перед синедрионом: «Убедите нас по Слову Божьему, и мы подчинимся не только капитулу, но и меньшему из нашей братии, а иначе мы никому не подчинимся, даже самому могущественному владыке». Двое важных лиц отклонили вызов, брошенный им тремя пасторами. Они уехали, оставив долину Тоггенбург мирно владеть Евангелием.

В старинном кантоне Швиц, находившемся ближе к Цюриху, чем места, о которых мы говорили, были взоры, обращенные к свету. Некоторые из его граждан обратились к Цвингли в письме, прося его прислать людей, которые могли бы научить их новому пути. «Им стали противны – писали они – бесцветные воды Тибра, и они жаждали той воды, которую когда-то попробовали». Однако Швиц не был намерен встать рядом со своим братом Цюрихом в один ряд кантонов, маршировавших под знаменами реформации.

Большинство его жителей, пившие мутную воду, от которой многие отвернулись, не были еще готовы присоединиться к просьбе: «Дай нам эту воду, и нам не надо больше будет идти в Рим, чтобы пить». Они упустили возможность, отвергли совет Цвингли не продавать свою кровь за золото, посылая сыновей воевать за Папу, так как он просил их не делать этого. Швиц стал самым враждебным из всех кантонов Гельвеции к реформатору и его работе.

Но, хотя тучи весели над Швицом, свет освещал кантоны вокруг него и далеко за его пределами.

Аппенцель открыл свою горную крепость для глашатаев реформаторской веры. Вальтер Кларер, родившийся в этом кантоне, учившийся в Париже и обратившийся благодаря сочинениям Лютера, начал проповедовать с большим рвением в 1522 году. Он нашел хорошего помощника в лице Якова Шуртаннера, служителя из Тауфена. В 1524 году Цвингли пишет последнему следующее: «Будь мужественен и тверд, не позволяй победить себя, и тогда тебя, возможно, назовут Израилем. Мы должны бороться с врагом, пока не наступит день, и силы тьмы не скроются в черноте своей ночи… Надо надеяться, что, хотя твой кантон находится последнем в системе конфедерации, он не будет последним в вере». Церкви не могли вместить приходивших людей. Евангелию не нужны ни колонны, ни крыши с лепниной, говорили они; давайте пойдем в поля. Они собирались в полях, и их служение не потеряло ни глубины, ни торжественности от этой перемены. Горное эхо

откликалось на голос проповедника, провозглашавшего «благую весть», и псалом, которым они заканчивали служение, смешивался со звуками горных ручьев, бежавших с горных вершин. Из восьми приходов кантона шесть приняли реформу.

Следуя по Верхнему Рейну, протестантское движение проникло в Керре, расположенный у подножья Шплугенского перехода. Почва здесь была подготовлена школьным учителем Саландринусом, другом Цвингли. В 1523 году в Керре собрался сейм, чтобы рассмотреть нарушения в церкви и найти средства для их устранения. Восемнадцать статей были составлены и утверждены в следующем году; из них мы приводим только первую, как самую важную: «Каждый священнослужитель должен сам ясно и полно проповедовать Слово Божие и учение Христа своим прихожанам, и не сбивать их с пути учениями человеческого изобретения. Тот, кто не хочет или не может исполнять эту обязанность, будет лишен содержания, и не получит из него нисколько. В результате этого решения настоятель церкви св.Мартина после унизительного признания своей неспособности проповедовать вынужден был уступить место другу Цвингли, Иоганну Дорфману или Командеру, человеку большого мужества, известному своей образованностью, который отныне стал главным инструментом реформации в городе и кантоне. Многие священники склонились на сторону Евангелия; те, кто остались на стороне римской церкви, во главе с епископом попытались организовать оппозицию движению. Они были настолько агрессивны, что протестантского проповедника Командера вооруженная охрана была вынуждена сопровождать в церковь и защищать даже в алтаре от оскорблений и актов насилия. В сельских районах, где более сорока протестантских евангелистов, «подобно источникам живой воды, освежали горы и долы», должны были приняты те же предосторожности. Видя, что работа, тем не менее, продолжается, епископ пожаловался сейму на проповедников, как на «еретиков, мятежников, святотатцев, нарушителей святых таинств и презирающих жертву мессы», и просил помощи гражданских властей для их усмирения. Когда Цвингли услышал о надвигавшейся буре, он написал городским властям с апостольским рвением, указав на оппозицию Евангелию и его проповедникам, созданную на их территории, и возложил на них ответственность защищать глашатаев Евангелия от оскорблений и нападок, так как они дорожили тем светом, который начал изливаться на их страну и боялись быть втянутыми опять во тьму, в плену которой истина находилась, а ими обладало ее подобие, обманывая их мирскими благами и спасением души, как он имел основание добавить. Ревностное обращение Цвингли произвело сильное воздействие на все городские советы и общины кантона Гризонс, и, когда епископ через аббата св.Луци представил обвинение против протестантских проповедников сейму, собравшемуся в Керре в 1525 году на Рождество, потребовав, чтобы их осудили без слушания, собрание с достоинством ответило: «Закон, требующий не осуждать никого, не выслушав,

будет соблюден и в этом случае». Далее последовал открытый диспут в Гансе, переход еще семи священников. В результате кантон был завоеван. «Христос укрепился везде на этих горах, - писал Саландринус Цвингли - как нежная трава весной».

Реформа этим не ограничилась. Наполеон еще не проложил дорогу через покрытые ледниками горы для прохода своих пушек в Италию, но Евангелие, не дожидаясь успехов и неудач завоевателя в открытии этого пути, взобралось на горные вершины и завладело Кантоном Гризонс и древней Рэтией. Епископ помчался в Тироль; на этой территории была провозглашена свобода вероисповедания, протестантская вера укоренилась, и здесь, где берут начало воды, стремящиеся вниз по горным склонам, образуя реки ниже в долинах, открылись источники живой воды. С вершин Альп, где обосновалось Евангелие, оно, можно сказать, смотрело вниз на Италию. Но, однако, эта страна пока не была ему дана.

Интересно отметить, что свет распространился на восток до Констанца и его озера, где сто лет назад пролил свою кровь Ян Гус. После разных неудач движение реформации, наконец, увенчалось в 1528 году изъятием всех изображений и алтарей из церквей и отменой всех обрядов, включая саму мессу. Все районы, лежавшие на берегах Тура, озера Констанца и Верхнего Рейна, приняли Евангелие. В Маммерен, находившийся недалеко от того места, где Рейн вытекает из озера Тур, жители бросили все изображения в воду. Статуя св.Блейза, когда ее бросили в воду, встав на мгновение прямо и бросив укоряющий взгляд на неблагодарных и неблагочестивых людей, которые недавно поклонялись ей, а теперь пытались потопить ее, поплыла к противоположному берегу к Катахорну. Так рассказывает монах по имени Ланг, которого цитирует Готтингер.

После продолжительной борьбы протестантизм одержал победу над папством в Шаффхаузене. Там в основном трудились Себастьян Хоффмайстер, Себастьян Хоффман и Эразм Риттер. После того, как там было введено реформаторское служение в 1529 году по образцу цюрихского, можно сказать, что жители Восточной Швейцарии получили свет протестантской истины. Перемены, произошедшие в их стране, были подобны весне, когда снег тает, наполняются горные ручьи, появляются цветы, все просыпается и зелень поднимается к границе ледников. Более долгожданной была эта духовная весна, и радость, которую она принесла, была больше. Прошла зима – зима аскетизма, тщетных маскарадов, бесплодных служений и утомительных обрядов – и прекрасный свет возвратившейся весны засиял над швейцарцами. После рожков суеверия они стали насыщаться хлебом жизни и живой водой.

Остается упомянуть самый важный инструмент этой реформы. В каждом кантоне появлялась небольшая группа соратников в тот момент, когда они были нужны

больше всего. Все они были неустрашимыми и ревностными людьми, большинство из них были известны своим благочестием и образованностью. В этой выдающейся фаланге Цвингли был самым выдающимся; но среди тех, кто окружал его, были достойные соратники по оружию, способные бороться бок обок с ним. К небольшой армии присоединился еще один воин, этот воин – Слово Божие - был общепризнан всеми кантонами, говорящими на немецком языке. Издание Нового Завета на немецком языке, написанное Лютером, появилось в 1522 году. Распространенное в Швейцарии, оно стало самым мощным орудием поддержки движения. Оно стало доступнее сознанию и сердцу народа. Пастор не всегда был рядом с ними, но Библия была для них наставником, который никогда не покидал их. Ночью и днем ее голос разговаривал с ними, подбадривал, вдохновлял и помогал им. Цвингли говорил о распространении Священного Писания на родном языке следующее: «Каждый крестьянский дом стал школой, в которой изучалось самое высокое из всех искусств – чтение Ветхого и Нового Заветов; так как верный и истинный их учитель – Бог, без Которого все языки и все искусства только сети обмана и предательства. Любой пастух стал лучше наставлен в знании спасения, чем богословы». Только из Библии Цвингли получил знание об истине. Он знал, какую чудесную она совершает работу и как сильно убеждает; и прежде всего он хотел, чтобы народ Швейцарии обратился к тому же источнику знаний. Они сделали это, отсюда сила и быстрота этого движения. Изменить взгляды и традиции народа является воистину подвигом Геркулеса, и подвиг в десять раз превосходит подвиг Геркулеса, когда вековой культ наложил отпечаток на взгляды и традиции народа. Такая колоссальная работа была завершена в Швейцарии за короткий период в десять лет. Пришла истина, и сердце очистилось от грязи похоти, разум был освобожден от ярма традиций и человеческих учений, а сознание от тяжести монашеских обрядов. Освобождение совершилось быстро; разум, сердце, сознание, все было обновлено; и в тот самый час началась новая эра политической и промышленной жизни в преображенных кантонах.

К сожалению, пять лесных кантонов не приняли участие в этом обновлении. Территория этих кантонов, как знает любой путешественник, представляет самый великолепный пейзаж из всех кантонов Швейцарии. Ее можно назвать колыбелью швейцарской независимости. Но те, кто сражался на кровавых полях, чтобы сбросить ярмо Австрии, были согласны в шестнадцатом веке оставаться под ярмом Рима. Они угрожали приходом австрийских армий, если кантоны, принявшие реформацию, не пообещают вернуться к прежней вере. Нелегко объяснить, почему героям четырнадцатого века не хватило мужества в шестнадцатом веке. Их физическое мужество воспитывалось при наличии физической опасности. Им приходилось бороться с зимними бурями, лавинами и горными потоками; это сделало их крепкими телом и смелыми духом. Но те же причины, которые способствуют физической отваге, иногда ослабляют нравственное мужество. Они не

ощущали ярма, давящего на их душу. Если подвергалась нападению их личная свобода или материальные интересы, они были готовы защищаться до крови, но они не понимали высшей свободы. Их более отдаленное местоположение отрезало их от средств информации, доступным другим кантонам. Но основная причина заключалась в иностранном наёмничестве, к которому были наиболее привержены эти кантоны. Эта служба деморализовала их. Продавая свою кровь за золото, они были глухи к голосу свободы. Таким образом, их величественные горы стали прибежищем предрассудков, в которых жили их отцы, и оплотом низменного рабства, которое сбросили другие кантоны.

Глава 11 - Вопрос о запрещенных мясных блюдах.

Иностранное наемничество – Богослужение в Цюрихе пока не меняется. – Цвингли кладет начало. – Посты и запрещенные мясные блюда. – Вмешивается епископ Констанца. – Цвингли защищается. – Совет двухсот. – Собор не выносит решения. – Оппозиция, организованная против Цвингли. – Констанца, Лозанна и сейм против Цвингли. – Первый швейцарский эдикт о гонениях. – Просят сейм отменить его. – Группа реформаторов – Лютер молчит. – Цвингли поднимает голос. – Швейцарский печатный станок.

Обратим опять свое внимание к центру движения, Цюриху. Мы видим, что в 1521 году работа все еще продолжается, хотя и встречает на каждом шагу сопротивление и возбуждает конфликт. Первая проблема возникла из-за иностранного наёмничества. Карл V и Франциск I собирались нанести друг другу удары на равнинах Италии. В поисках союзников они обратились к швейцарцам. Жители Цюриха обещали свои шпаги императору. Другие кантоны обещали их французам. Цвингли, как патриот и христианский служитель, осудил наемничество, в котором швейцарец выступает против швейцарца, и брат проливает кровь брата не в своей ссоре. С какой целью он трудится в Швейцарии, проповедуя Евангелие, чтобы сбросить папское иго, когда его сограждане проливают кровь в Италии, чтобы поддержать его? Тем не менее, настойчивые просьбы кардинала-архиепископа Сиона, посылавшего агента для набора рекрутов в кантонах для императора, с которым Папа заключил союз, возымели действие, и войско из 2 700 цюрихцев вышло из ворот, готовое к этому предприятию. Они не завоевали лавров в этой кампании; обычные несчастья – раны, смерть, вдовы, сироты, пороки и падение нравов – были ее результатом, и прошел еще год, прежде чем другое войско цюрихцев не покинуло свои дома для выполнения подобного поручения. Цвингли еще больше посвятил себя проповеди Слова Божьего, понимая, что только оно может погасить любовь к золоту, которая связывала его соотечественников с иностранными правителями, и вселить в них отвращение к наемным и братоубийственным войнам, в которые ввергала их алчность к низменному богатству, чтобы разрушить их страну.

Следующим вопросом, подвергнутым критике Цвингли, были церковные посты. До сих пор в Цюрихе не было никаких перемен в церковных службах. Все еще стояли алтари со всей их обстановкой, все еще служили мессы, все еще в нишах стояли статуи, и отмечались по календарю праздники. Цвингли, тем не менее, собирался сеять семена. Он ничего не отвергал, так как понимал, что пока разум не просветлеет, и сердце не обновится, не произойдут внешние изменения. Но сейчас после четырех лет насаждения истины, он решил, что его паства готова применить принципы, которым он их учил. Он начал с более мелких вопросов. В толковании четвертой

главы первого Послания к Тимофею Цвингли воспользовался случаем утверждать, что посты, назначенные церковью, во время которых запрещалось есть мясо, не имеют основания в Библии. Некоторые в целом здравомыслящие и достойные горожане Цюриха решили испытать учение Цвингли на практике. Они ели мясное в запрещенные дни. Монахи подняли тревогу. Они поняли, что на карту был поставлен вопрос о церковных предписаниях. Если люди будут есть запрещенное мясо, не покупая разрешения у церкви, не будут ли ставить ни во что ее распоряжения по более значительным вопросам? Еще большему раздражению способствовали слова Цвингли из его проповеди, нанесшие обиду противной стороне: «Многие думают, что есть мясо – это грех, хотя Бог нигде не запрещает этого, но продавать человеческое тело на бойню они совсем не считают грехом».

Стало понятным, как работает учение Цвингли, его последствия были угрожающими. Оно сократит доходы священников, и уберет алебарды швейцарцев со служения римской церкви и ее союзников. Враги реформации, которые до сих пор молча наблюдали за движением в Цюрихе, но не без тревоги, начали шевелиться. Посягали на авторитет церкви и их собственные кошельки. Против Цвингли восстали многочисленные враги.

Слух о важном вопросе относительно «запрещенного мяса» начал распространяться. И епископ Констанца, в чьем диоцезе находился Цюрих, послал своего викарного епископа Мельхиора Боттли и двух других уладить это дело. Викарный епископ явился на Верховный совет в Цюрих 9 апреля 1522 года. Он обвинил Цвингли, не упомянув его имени, в проповеди новшеств, нарушавших общественное спокойствие; и, если ему позволить учить людей нарушать постановления Церкви, то вскоре никакой закон не будет соблюдаться, и всеми овладеет всеобщая анархия. Цвингли встретил обвинение в подстрекательстве к мятежу и беспорядкам указанием на Цюрих, «в котором он находился четыре года, проповедуя в поте лица Евангелие Иисуса и учение апостолов, и который был самым спокойным и мирным из всех городов Конфедерации». «Разве – спрашивал он – христианство не является лучшей гарантией общественной безопасности? Если все обряды будут отменены, разве христианство перестанет существовать? Разве людей нельзя вести другим путем к познанию истины кроме обрядов, путем, которым шел Христос и апостолы?» В заключение он спросил, свободны ли люди, поститься весь год, если они хотят этого, но никого нельзя заставить поститься под страхом отлучения от церкви. Викарный епископ не мог ничего ответить, только предупредил членов совета не отделяться от церкви, вне которой нет спасения. На это Цвингли дал быстрый находчивый ответ, «что им не стоит волноваться, понимая, что церковь состоит из людей на всяком месте, верующих в Господа Иисуса Христа, камнем которой назван апостол Петр, и именно «вне этой церкви – сказал он - нет спасения». Немедленным результатом этой дискуссии, предзнаменованием великих

перемен, было обращение одного из представителей епископа, Иоганна Ваннера, в реформатскую веру.

Совет Двух Сотен закончился, не вынеся никакого решения относительно двух партий. Он довольствовался просьбой к Папе через епископа Констанца предоставить решение относительно противоречивого вопроса, и предписал пока верующим воздержаться от вкушения мясного во время Великого поста. С этим примирительным актом совета Цвингли был полностью согласен. Это было первое открытое сражение между борцами двух вероисповеданий; оно велось в присутствии верховного совета кантона; победа, как все понимали, осталась за реформатами, и завоеванные позиции не только не сохранились, но и увеличились благодаря трактату, выпущенному Цвингли спустя три дня относительно вольного вкушения мясного.

Римская церковь решила вернуться к обвинению. Она видела в Цюрихе второй Виттенберг, и думала сокрушить поднимавшееся там восстание, прежде чем оно наберет силу. Когда Цвингли сказали, что на него готовится новое нападение, он ответил: «Пусть начинают; я боюсь их, как скала боится волн, грохочущих у ее подножья». Договорились, что на Цвингли нападут одновременно с четырех сторон. Полагали, что уже близок конец движения в Цюрихе.

Первая атакующая галера снаряжалась в порту Цюриха, другие три выплыли из епископальной гавани Констанца. Однажды престарелый каноник Гофман вынес на рассмотрение капитула длинное обвинительное сочинение против реформатора. С этим, что явилось началом запланированной кампании, было легко справиться. Несколько слов Цвингли в свою защиту, и престарелый каноник был вынужден спасаться бегством от бури, которую по наущению других он вызвал. «Я дал ему – пишет Цвингли Миконию – такую же встряску, как бык, когда он рогами подбрасывает в воздух охапку сена».

Второе нападение была со стороны епископа Констанца. В пасторском письме к духовенству он нарисовал ужасную картину состояния христианского мира. На границе стояли турки, а в сердце были люди более опасные, чем турки, сеявшие «проклятые ереси». Эти двое, турки и ереси, так перемешались в обращении епископа, что люди, на чьи умы это пасторское послание должно было повлиять, вряд ли могли избежать заключения, что одно вытекает из другого, и что, если они покончат с ересью, то падут от ятагана турок.

Предполагалось, что второе нападение будет в поддержку второго. Оно исходило от епископа Лозанны и также имело форму пасторского письма духовенству диоцеза. Оно запрещало всем людям под угрозой отлучения от причастия на смертном одре и отказа в христианских похоронах читать сочинения Цвингли или

Лютера, или пренебрежительно говорить в узком кругу или на публике «о святых обрядах и традициях церкви». Такими способами римские церковники надеялись полностью дискредитировать Цвингли перед людьми. Они только подняли репутацию того, кого хотели уничтожить. Цвингли разобрал по частям это пасторское письмо в своем трактате Archeteles (т.е. начало и конец), который изобиловал вескими доказательствами и едкой иронией. Стереотипные и бесцветные фразы, в которых епископ не отказывал себе, были безрезультатными по сравнению с убедительной аргументацией реформатора, основанной на фактах вопиющих злоупотреблений церкви и гнета, от которого стонала Швейцария, и которые были слишком очевидны, чтобы их отрицать, кроме тех, кто был причастен или заинтересован в поддержке всего этого.

Так как первым трем нападениям не удалось уничтожить Цвингли или остановить его деятельность, была предпринята четвертая попытка. Она больше всего вызвала опасения. Сейм, верховная светская власть швейцарской конфедерации, заседал тогда в Бадене. Туда епископ Констанца направил жалобу, настойчиво прося суд прекратить с помощью светской власти распространение нового учения Цвингли и его соратников. Сейм не мог оставаться глухим к настойчивой просьбе епископа. Большинство его членов были наемниками Франции и Италии, друзьями «наемничества», чьим явным и непримиримым врагом был Цвингли. Они неблагосклонно относились к проповеднику Цюриха. Только предыдущим летом (1522г.) сейм на заседании в Люцерне издал распоряжение о том, «что священники, чьи проповеди вызывают разногласия и беспорядки среди людей, должны воздерживаться от проповедования». Это был первый указ преследования за инакомыслие, дискредитировавший свод законов Гельвеции.

До сих пор он оставался мертвой буквой, но сейчас сейм решил претворил его в действие, начав с ареста и заключения в тюрьму Урбана Вайса, протестантского пастора в окрестностях Бадена. Монахи, понимая, что сейм был на их стороне в противостоянии римской церкви и Евангелию, оставили смирение и действовали агрессивно, пытаясь громкими криками и угрозами побудить власти к преследованиям.

Внезапно разразившаяся буря не испугала реформатора Цюриха. Он видел в этом указание воли Божьей, что он должен не только широко развернуть знамя истины на кафедре Цюриха, но и размахивать им на виду всей конфедерацией. В июне он созвал на встречу друзей Евангелия в Эйзидельне. На этот призыв откликнулись многие. Цвингли предложил собранию подписать два обращения, одно к сейму, другое епископу диоцеза. В обращениях, идентичных по содержанию, содержалась просьба о том, «чтобы проповедь Евангелия не была бы запрещена, и чтобы священникам было бы разрешено жениться». Эти обращения сопровождало краткое

изложение реформаторской веры, чтобы члены сейма знали, что их просят защищать. А также был сделан призыв к их патриотизму, не приведет ли распространение благотворного учения, взятого из источника Священного Писания, к уничтожению многих зол, от которых страдала их страна, не очистит ли ее нравственные основы, и не оживит и восстановит национальные силы.

Эти обращения были получены, но не заинтересовали тех, кому они были вручены. Тем не менее, они оказали большое влияние на низшее духовенство и простой народ. Манифест, приложенный к ним, обнажил пороки, имевшие место в религии страны, причины падения национального духа и стал знаменем, вокруг которого собирались друзья евангельской истины и борцы за права общественного сознания. Сплотившись, они могли лучше противостоять врагам. Дело росло и крепло в попытках преодоления трудностей. Враги становились друзьями. Бури, бушевавшие вокруг посаженного Цвингли дерева, вместо того, чтобы вырвать его с корнем, очистили его от ядовитых испарений, которыми был насыщен окружающий воздух, и способствовали бурному развитию его ветвей. Они раскидывались все шире и шире, а корни уходили все глубже в почву, пока не укоренились в земле швейцарцев.

Сторонники реформации в Германии в значительной степени вдохновились и приободрились тем, что происходило в Швейцарии. Когда Лютер неожиданно и таинственным образом исчез, тогда голос Цвингли нарушил тишину, возникшую после исчезновения Лютера. Когда движение на какое-то время остановилась на полях Германии, оно развилось в горах Швейцарии. Надежды протестантов снова оживали. Повсюду сторонники истины не могли не видеть руку Бога в возвышении Цвингли, когда Лютер был взят, и видели в этом указание Божьей воли на продвижение дела протестантизма, несмотря на то, что императоры и сейм «составляли совет» против него. Гонимые в соседних странах, обратив свои взоры к Швейцарии, искали в более свободных формах и более терпимом духе ее правительства защиту, в которой им было отказано в их собственных странах. Так, в Гельвеции день ото дня сторонников реформации становилось все больше.

Печатный станок был мощным помощником людям в работе в Швейцарии. Цюрих и Базель были первыми из Швейцарских городов, где было такое средство. Правда, печатный станок был в Базеле со дня основания университета в 1460 году Папой Пием II; но в Цюрихе не было печатного станка до 1519 года, пока Кристофер Фрошауэр из Баварии не установил его. Приехав в Цюрих, Фрошауэр приобрел гражданство, и принес славу принявшему его городу книгами, напечатанными на его станке. В этом отношении он стал правой рукой Цвингли, которому он предоставил все имеющиеся у него возможности для печатания и издания его трудов. Таким образом, Фрошауэр оказал большую услугу этому движению. Третьим городом,

обладавшим печатным станком, была Женева. В 1523 году немец по имени Кёльн напечатал там готическим шрифтом Устав синода диоцеза Лозанны по заказу епископа Себастьяна де Мон-Фалькона. Четвертый швейцарский город, который мог похвастать печатным устройством, был Нойфчатель. Там жил Пьер де Вингл, больше известный, как Пиро Пекард, который в 1523 году напечатал Библию на французском языке, переведенную Робертом Оливетаном, двоюродным братом Кальвина. Эта Библия представляла собой внушительный фолиант и была напечатана готическим шрифтом.

Глава 12 - Открытый диспут в Цюрихе.

Лео Юд и монах. – Цвингли требует открытого диспута. – Большой совет предоставляет его. – Собираются шестьсот участников. – Тезисы Цвингли – Председатель Реуст – Представители епископа Констанцкого – Попытки задушить дискуссию. – Вызов Цвингли – Молчание – Фабер поднимается. – Традиции – Ответ Цвингли – Обращение Гоффмана – Леон Юда – Богослов из Тубигена. – Указ правителей Цюриха. – Ссора Фабера и Цвингли. – Окончание конференции.

В начале следующего 1523 года движение в Цюрихе продвинулось еще на один шаг. Этому способствовал незначительный случай. Леон Юд, школьный товарищ Цвингли по Базелю, только что приехал в Цюрих, чтобы получить должность викария собора св.Петра. Однажды новый пастор вошел в часовню, где августинский монах с жаром утверждал в своей проповеди, что «человек сам может заслужить божественное оправдание». «Достойнейший отец, - закричал Лео Юд, но спокойным и дружеским тоном, - послушайте, и вы, люди добрые, выслушайте мой рассказ о том, как стать христианином. В кратком обращении он показал им из Писания, как невозможно спастись человеку самому. В церкви появилось беспокойство, одни встали на сторону монаха, другие на сторону викария св.Петра. Малый Совет вызвал обе партии. Это привело к росту беспокойства. Цвингли, который давно хотел иметь возможность, открыто обсудить реформаторскую веру, таким образом, надеясь пронести знамя истины, потребовал от Большого Совета открытого диспута. Иначе, сказал он, нельзя достичь общественного спокойствия и вынести мудрого правила, которым бы руководствовались проповедники. Он предлагал, если докажут его заблуждение, не только хранить молчание в будущем, но и подвергнуться наказанию; но, если с другой стороны, будет доказано, что его учение согласуется со Словом Божьим, он требовал от властей предоставить ему свободу проповеди.

После того, как было дано разрешение на проведение диспута, совет вызвал дальнее и ближнее духовенство; диспут был назначен на 29 января 1523 года.

Необходимо ближе взглянуть на то, чем Цвингли занимался, на мотивы и причины его деятельности. Реформатор Цюриха утверждал, что решение вопросов веры принадлежит церкви, и что церковь состоит из тех, кто исповедует христианство согласно Писанию. Почему тогда он отдал это дело – вопрос об истинном Евангелии – Большому Совету Цюриха, гражданской верховной власти государства?

Поступив так, Цвингли не отступил от своей теории, но совмещая практику с теорией в данном случае необходимо учесть следующие рассуждения. В данных обстоятельствах реформатору Цюриха было невозможно достичь верха

совершенства; не было еще церковной структуры; а вынести весь вопрос в целом перед общим собранием исповедников реформаторской веры было бы для их незрелого состояния рискованным, и могло вызвать разделения и раздоры. Поэтому Цвингли предпочел Совет Двухсот, как часть реформаторского собрания, которое фактически было духовным и политическим представительством церкви. Случай явно был необычным. Кроме того, вынеся этот вопрос на совет, Цвингли ясно оговорил, что все доводы должны браться из Писания; что совет должен выносить решение согласно Слову Божьему; и что церковь или церковная община должны быть свободны в принятии или отклонении их решения, если они посчитают нужным найти ему подтверждение в Библии.

Практически, что касается данного факта, это была конференция или диспут между двумя большими религиозными партиями в присутствии совета, и совет не мог ничего добавить к истине, основанной исключительно на авторитете Библии. Он судил об истине или лжи, представленного на его рассмотрение дела; и для правильного решения вопроса он старался выполнить свои функции правителей кантона. Он должен выслушать и вынести решение, имевшее не духовную, а юридическую силу. Если Евангелие, которое проповедует Цвингли и его сторонники, является истинным, то совет даст юридическую защиту его проповеди.

То, что дело было простым, мы заключаем из его слов. «Дело – говорил он – обстоит следующим образом. Мы, проповедники Слова Божьего Цюриху, с одной стороны, даем понять Совету Двухсот, что мы предоставляем им решать за всю церковь только при условии, что во всех опросах и выводах они будут придерживаться только Слова Божьего; что они действуют во имя церкви, так как церковь молчаливо и добровольно принимает их заключения и постановления». Цвингли обнаруживает еще на рассвете реформации удивительно ясные взгляды по этому вопросу. Хотя верно то, что в более поздний период истории протестантизма четко и резко установилось различие между духовным и светским, и, соответственно, между властями компетентными решать одно и другое. И особенно в более поздний период были открыты и провозглашены принципы, которые должны регулировать применение гражданской власти в вопросах веры, другими словами, принципы толерантности. Именно в Швейцарии, в Цюрихе, мы находим первое провозглашение либеральных идей нашего времени.

Феодалы Цюриха дали согласие на конференцию, о которой просил Цвингли, и опубликовали официальный указ с этой целью. Они пригласили всех викариев или пасторов, церковников всех санов из всех городов кантона. Епископа Констанца, в чей диоцез сходил Цюрих, почтительно попросили присутствовать лично или через представителя. Был назначен день 29 января. Диспут должен был вестись на немецком языке, все вопросы должны были подтверждаться Словом Божьим; и было

добавлено, что после того, как конференция сформулирует все вопросы, обсужденные на ней, только то, что соответствует Писанию, должно быть вынесено на кафедры.

То, что церковный сейм должен собраться в Цюрихе, и то, что римская церковь должна была предстать на нем и доказать, почему она может сохранять свое превосходство, которым она обладала на протяжении тысячи лет, казалось людям того времени очень необычным и важным событием. Оно взбудоражило всю Швейцарию. «Думали, – пишет Беллингер в своих хрониках – что из этого выйдет». Город, в котором он должн был проходить, тщательно подготовился к принятию многих почетных и важных гостей. Помня примеры Констанца и Базеля, Цюрих сделал распоряжения по поддержанию внешнего общественного порядка во время проведения конференции. Трактиры было приказано закрыть еще рано утром; студентов предупредили, что за шум и нарушение общественного порядка на улицах их будут наказывать, все люди с плохой репутацией были высланы из города; и двум советникам, чья аморальность подверглась общественной критике, запретили присутствовать в зале совета. Это значило, что уже очищающее дыхание Евангелия, более освежающее, чем прохладный ветерок со снежных Альп на озеро и город в летнюю жару, начало чувствоваться в Цюрихе. Враги Цвингли назвали его «сеймом бродяг», и громко пророчествовали, что все нищие Швейцарии, наверняка, почтут его своим присутствием. Если бы городские власти Цюриха ждали гостей такого рода, они бы подготовились к их встрече по-другому.

Цвингли подготовился к конференции, созыву которой он в основном способствовал, составив краткое изложение учения, состоявшего из шестидесяти семи тезисов, которые он отпечатал и предложил защищать из Слова Божьего. Первый тезис ударял по догмату римской церкви, что «Священное Писание не имеет авторитета, если оно не одобрено церковью». Другие были не так важны, а именно, что Иисус Христос является единственным учителем и посредником; что Он один является главой верующих; что все, кто соединяется с Ним, являются Его телом, детьми Божьими и членами церкви; что только силой своей Главы христиане могут совершать благие дела; что от Него, а не от церкви или священников исходит освящающая сила; что Иисус Христос является единственным непреходящим первосвященником; что месса не является жертвоприношением; что можно есть все в любое время; что обман со всеми его принадлежностями – сутанами, тонзурами и символами – нужно отвергнуть; что Священное Писание разрешает всем людям без исключения жениться; что церковники, как и другие люди, обязаны подчиняться гражданской власти; что гражданская власть получила право от Господа приговаривать преступников к смерти; что только один Бог может прощать грехи; что Он прощает только ради любви к Христу; что прощение грехов за деньги является симонией; и в заключение, что после смерти нет чистилища.

Публикацией этих тезисов, Цвингли нанес первый удар в предстоящей кампании и открыл дискуссию в кантоне, прежде чем конференция начала ее в зале Совета Цюриха.

Когда наступило 29 января 1523 года, 600 человек собрались к городской ратуше. Они пришли рано, в шесть часов. На конференции присутствовали знатные люди, каноники, священники, богословы, иностранцы и граждане Цюриха. Был приглашен епископ диоцеза Констанцы, но он был представлен только своими посланниками, главным викарием Иоганном Фабером, рыцарем и главным магистром епархиального двора Констанца Яковом фон Анвилем. Представители реформации приехали только из Берна и Шлаффхаузена; настолько слабым было пока это движение в швейцарских кантонах.

Председательствовал бургомистр Маркус Реуст. «Это был – пишет Кристоффель – седовласый воин, который воевал с Цвингли при Мариньяно». У него был сын по имени Гаспар, который был капитаном папской охраны, тем не менее, он сам был преданным реформатором и верным последователем Цвингли, хотя Папа Адриан пытался покорить его письмами, полными похвалой. Посреди собрания на свободном месте за столом сидел Цвингли. Перед ним лежали открытыми Библии на латыни, древнегреческом и иврите. Все взоры были обращены к нему. Он был там, чтобы защищать проповедованное им Евангелие, которое многие из стоящих перед ним открыто называли ересью, бунтом и причиной раздоров, начинавшихся в кантонах. Его положение не было похоже на положение Лютера в Вормсе. Дело было таким же, но суд был менее представительным, собрание менее блестящим и риск меньше. Но вера, которая поддерживала борца Ворма, укрепляла и героя Цюриха.

Поднялся многоуважаемый председатель. Он коротко рассказал, почему была созвана конференция, добавив: «Если кто-нибудь хочет выступить против учения Цвингли, то, как раз самое время, сделать это». Все взоры обратились на представителя епископа, Иоганна Фабера. Фабер был когда-то другом Цвингли, но после посещения Рима и папской лести он теперь был полностью предан интересам Папы, и стал самым ярым противником Цвингли.

Фабер продолжал сидеть, а поднялся Яков фон Анвиль. Он попытался умиротворить и ослабить поднявшуюся бурю, конечно, не в зале собрания, где было спокойно, а в Цюрихе. Он сказал, что посланники присутствуют здесь не для того, чтобы принимать участие в споре, а узнать о печальных разделениях в кантонах и использовать свою власть для их преодоления. В заключении он намекнул на Большой Совет, который вскоре должен был собраться и мирным путем решить это дело.

Цвингли понимал уловку, угрожавшую отнять у него преимущество, которое он надеялся получить от конференции. «Сейчас – сказал он – пятый год моего пребывания в Цюрихе». Он проповедовал людям Божие послание точно по Божьему Слову; и представляя на рассмотрение свои тезисы, он предложил собранию доказать их соответствие с Писанием; и окинув взглядом всех, сказал: «Во имя Господа продолжайте. Я – здесь, чтобы отвечать вам. Вызванный таким образом Фабер, носивший красную шапочку, поднялся, но только для того, чтобы заглушить дискуссию, выразив надежду на ближайшую перспективу Большого Совета. «Он соберется в Нюрнберге в течение этого года».

«А почему – мгновенно парировал реформатор – не в Эрфурте или Виттенберге?» Цвингли перешел к основным положениям своего учения и закончил, высказав убеждение, что Большой Совет будет не скоро, и что совет, который собрался сейчас ничуть не хуже того, который может предложить Папа. Разве на этой конференции не было докторов, богословов, юристов и умных людей, способных читать Слово Божие в оригинале на древнегреческом и иврите и находить решения согласно этому единственно непогрешимому закону, как на любом другом христианском соборе?

За обращением Цвингли последовала долгая пауза. Никто, среди кого он стоял, не обвинял его, как делали это за дверями этого зала. Он опять бросил вызов своим оппонентам, затем во второй и третий раз. Никто не выступал. Наконец, поднялся Фабер, но не для того, чтобы принять брошенный ему вызов, а рассказать о том, как он в споре нанес поражение пастору из Фислисбаха, которого, как мы уже писали, сейм Бадена приговорил к заключению. Он выразил удивление по поводу сложившейся ситуации, когда старые традиции, имевшие место в течение двенадцати веков, забыты, и спокойно сделал вывод, что «христианство заблуждается уже четырнадцать столетий!»

Реформатор быстро ответил, что заблуждение не становиться меньшим от того, что оно продолжается четырнадцать веков, и что в служении Господу старые традиции ничего не значат, если им нет подтверждения в Священном Писании.

Он отрицал, что ложные догматы и идолопоклонство, с которыми он боролся, пришли из первого века или были известны ранним христианам. Они были результатом менее просвещенного времени и менее святых людей. Последующие соборы и богословы более близкого времени искоренили хорошее и насадили на его место плохое. Как один из примеров, он назвал запрет священников вступать в брак.

Потом поднялся магистр Ноффман из Шлафхаузена. Его заклеймили, как еретика в Лозанне и изгнали из города только из-за того, что он проповедовал по Слову Божьему против обращения к святым. Поэтому он заклинает именем Бога главного

викария Фабера показать ему отрывки из Библии, в которых разрешается и предписывается такое обращение. Фабер ничего не ответил на такой пылкий призыв.

Затем выступил Лео Юд. Он сказал, что лишь недавно приехал в Цюрих, чтобы помогать Цвингли в работе с Евангелием. Он не смог найти служению римской церкви основания в Писании. Он не мог порекомендовать своему народу другого посредника, кроме единственного посредника – Иисуса Христа, не мог он и просить их верить в иное искупление их грехов, кроме Его смерти и страданий на кресте. Если его убеждения были неправильными, он просил Фабера показать лучший путь в Слове Божьем.

Второе обращение заставило Фабера подняться. Но, что касалось доказательства или авторитета Библии, он ничего не мог сказать. Не удостоив взглядом библейский канон, он сразу перешел к оружию римской церкви. Во-первых, он обратился к единодушному согласию Отцов, во-вторых, к ектенье и канону мессы, которые убеждают нас обращаться к матери Иисуса и всем святым. И, наконец, обратившись к Библии, чтобы неправильно ее истолковать, он сказал, что дева Мария сама установила такое поклонение, так как она предсказала, что к ней будут обращаться во все времена: «Отныне будут ублажать меня все роды». И то же подтвердила ее двоюродная сестра Елизавета, когда она выразила свое удивление и смирение следующими словами: «И откуда это мне, что пришла матерь Господа моего ко мне?» Он думал, что этих доказательств будет достаточно, а если их не примут, как доказательство его точки зрения, то ему ничего больше не оставалось, как только сохранять спокойствие.

Главный викарий нашел поддержку у Мартина Бланче, доктора из Тубингена. Он был одним из тех союзников, которых больше пугало дело, поддерживаемое ими, чем то, против которого они воевали. «Чрезмерно опрометчиво – говорил д-р Бланч – порицать или осуждать традиции, установленные соборами, которые собирались по действию Святого Духа. Решения первых четырех Вселенских соборов должны также почитаться, как и само Евангелие, так предписывает канонический закон (Отличие XV), так как церковь, собранная на соборе Святым Духом, не может заблуждаться. Противостать ей значит противостать Богу. «Слушающий вас, Меня слушает, и отвергающий вас, Меня отвергается».

Цвингли было не трудно отвергнуть такие доводы, как эти. Они представляли собой напыщенный набор соборов, канонов и веков, но этой торжественно выстроенной процессии, не доставало одного – апостола или евангелиста во главе ее. Что значил этот недостаток? Не было цепочки живых свидетелей, но лишь вереница мирских фигур. Увидев поражение папской партии, Себастьян Хоффман, пастор из Шлафхаузена, и Себастьян Мейер из Берна встали и убеждали цюрихцев смело идти вперед по пути, на который они вступили, и не допустить, чтобы ни

папские буллы, ни указы императора, не свернули их с него. Так закончилось утреннее заседание.

После обеда конференция собралась вновь, чтобы заслушать постановление правителей города. Был зачитан указ. Он вкратце предписывал всем проповедникам, как в городе, так и по всему кантону, оставить традиции и проповедовать с кафедры только то, что можно подтвердить Словом Божьим. «Но, - вмешался сельский кюре – что делать тем священникам, которые не могут купить книги, называемые Новым Заветом? Такова была его пригодность наставлять слушателей учению книги, которой он никогда не видел. Цвингли ответил, что нет ни одного священника настолько бедного, чтобы не быть способным купить Новый Завет, если он всерьез хочет его приобрести; или, если он действительно не может, то пусть найдет благочестивых граждан, которые одолжат ему денег».

Дело подходило к концу, и собрание собиралось разойтись. Цвингли не мог сдержаться, чтобы не поблагодарить Господа за то, что его родина могла теперь пользоваться свободной проповедью чистого Евангелия. Но было слышно, как главный викарий, испуганный этой перспективой в той же степени, в какой Цвингли был обрадован, пробормотал, что, если бы он увидел тезисы пастора из Цюриха немного раньше, он бы дал им полное опровержение и показал бы из Писания доказательство традициям и необходимости живого судьи на земле для разрешения противоречий. Цвингли просил его сделать это сейчас. «Не здесь, – сказал Фабер – приезжайте в Констанцу». «С превеликим удовольствие», - ответил Цвингли; но тихо добавил (главный викарий не мог остаться равнодушным к упреку, содержавшемуся в его словах) – «Вы должны дать мне охранную грамоту и показать мне те же честные намерения в Констанце, какие вы видели в Цюрихе; и далее я хочу вас предупредить, что не признаю иного судьи, кроме Священного Писания». «Священное Писание! – Фабер возразил несколько раздраженно – Существует многое, противоречащее Христу, что Писание не запрещает, например, где мы читаем в Писание о том, что человеку нельзя брать в жены свою дочь или дочь своей сестры?» «Также в Писании не написано, - ответил Цвингли – что у кардинала должно быть тридцать приходов. Запрещено более дальнее родство, чем вы упомянули, поэтому мы приходим к выводу, что более близкое родство также запрещено». И в заключение он выразил удивление, что главный викарий проделал столь длительное путешествие, чтобы произнести такие неэффективные речи.

Фабер, в свою очередь, язвительно заметил, что реформатор всегда играет на одной и той же струне, Писании, добавив, что «люди могут жить в мире и согласии даже, если бы не было Евангелия». Главный викарий этим своим последним замечанием увенчал свое полное поражение. Собрание больше не могло сдерживать

свое возмущение. Они поднялись и покинули зал заседания. Так закончилась конференция.

Глава 13 - Упадок монастырей.

Трактат Цвингли – После борьбы – Лекции Цвингли за кафедрой. – Отмена платы за обряды. – Основана гимназия. – Открыты двери женских монастырей. – Цвингли о монашеской жизни. – Роспуск монастырей. – Попрошайничество запрещено. – Богатство монастырей для бедных.

Победа была одержана, но Цвингли считал, что она далась ему слишком легко. Он бы предпочел утверждение истины в ходе острых дебатов немой оппозиции священников. Однако он приступил к работе, и в течение нескольких месяцев написал трактат об установленных обрядах и церемониях, в котором показал, что в Слове Божьем нет этому никакого подтверждения. Ясная аргументация и «остроумие» обеспечили этому сочинению быстрое и широкое распространение. Люди читали его и задавались вопросом, зачем продолжать традиции. Общественное сознание созрело для перемен в богослужении, от которых Цвингли до того времени уже воздерживался. Это опасная точка во всех таких движениях. Немало реформаторов разбивалось об эту скалу. Реформатор Цюриха смог частично благодаря совету, частично благодаря знаниям, посеянным им среди людей провести свое судно безопасно мимо этой скалы. Ему удалось сдержать энтузиазм людей в законном русле, и сделать поток очищающим, а не опустошающим.

Фабер позаботился, чтобы возмущение цюрихцев, вызванное его необычными доводами, не охлаждалось. Как парфяне он, убегая, выпустил стрелу. Как только главный викарий вернулся в Констанцу, он опубликовал отчет о конференции, в котором отомстил за свое поражение гнусными и клеветническими нападками на Цвингли и жителей Цюриха. На эту клевету ответил кто-то из молодежи Цюриха книгой под названием Ощипывание ястреба. Это была острая полемика, полная едкой сатиры. Она разошлась большим тиражом, и Фабер ничего не добился после сражения, как и во время его.

Реформатор ни на мгновение не терял из вида основную цель, а именно, восстановление Евангелия на своем месте в святилище и в сердцах людей. Он окончил толкование на Евангелие от Матфея. Далее он перешел к размышлениям над Деяниями Апостолов, чтобы показать слушателям простую модель церкви, и как Евангелие распространялось в первые века. Затем он перешел к Первому Посланию к Тимофею, чтобы показать правила, по которым должны христиане строить свою жизнь. Дальше он обратился к Посланию к Галатам, чтобы достичь тех, которые, как и в дни апостола Павла, имели пристрастие к старой закваске. Затем он перешел к двум Посланиям апостола Петра, чтобы показать слушателям, что авторитет апостола Петра был не выше авторитета апостола Павла, который по признанию апостола Петра питал паству наравне с ним. Наконец, он дал толкование на Послание к Евреям, чтобы устремить взоры его общины на более славное

священство, чем иудейское в древности или римское в те дни, и еще на Великого Владыку и Первосвященника Церкви, который единственным жертвоприношением освятил навсегда всех верующих в Него.

Итак, он поставил созданное им здание на основание из пророков и апостолов, где Иисус Христос Сам был краеугольным камнем. Теперь ему казалось, что наступило время для практической реформации.

Эта работа началась с собора, с которым он сам был связан. Первоначальная жалованная грамота Карла Великого ограничила число каноников этого учреждения до тринадцати. А теперь в нем было более пятидесяти каноников и капелланов. Они позабыли о своем обете, данном при поступлении, заключенном в соответствии с желанием основателя «в служении Богу хвалой и молитвой» и «проведении общественного служения для жителей гор и долин». Цвингли был единственным тружеником из многочисленного штата; почти все остальные жили в глубокой праздности, которая могла способствовать чему-то худшему. Люди возмущались тяжелыми рентами и сборами, которые они платили людям, чье служение было незначительным. Понимая справедливость таких жалоб, он разработал план реформы, который совет принял как закон, и каноники должны были согласиться с ним. Наиболее раздражающие поборы для церковного сословия были отменены. Больше никто не был вынужден платить за крещение, соборование, похороны, похоронные свечи, надгробные камни или за звон главного колокола церкви. Не надо было заменять умерших каноников и капелланов, нужно было оставить только законное число служителей для работы в приходах. Бенефиции, освободившиеся после смерти каноников, должны были пойти на увеличение оплаты учителям Цюрихской гимназии и учреждению более высокого учебного заведения для обучения пасторов и наставления молодежи в классическом образовании.

Вместо хорового служения, сонного бормотания каноников, пришло «толкование» или объяснение Писания (1525 г.), которое начиналось в восемь часов каждое утро, и посещалось всем городским духовенством, канониками, капелланами и богословами. Что касается упомянутой новой школы, Миконий отмечает, что, «если бы Цвингли был жив, ей бы не было равной нигде». Эта школа была растением, которое принесло обильные плоды после того, как Цвингли сошел в могилу. Подтверждение этому явилась слава, излившаяся на Цюрих его сынами, ставшими известными в церкви и государстве, литературе и науке.

Реформа далее коснулась женских и мужских монастырей. Они пали даже без боя. Как тает лед на вершинах Альп, когда приходит весна, так и монашеский аскетизм Цюриха исчез под теплым дыханием евангелизма. Цвингли с кафедры объяснил, что эти учреждения воевали как с законами природы, так и влечениями сердца и заповедями Писания. Из этих мест доносились крики об избавлении от

монашеских обетов. Совет Цюриха 17 июня 1523 года вняв просьбам, разрешил монахиням вернуться в мир. Не было никакого принуждения, двери монастырей были открыты, обитательницы могли уйти или остаться. Многие ушли из обителей, но другие предпочли окончить свои дни там, где они провели свою жизнь.

Затем Цвингли начал подбираться к мужским монастырям. Он начал распространять здравые идеи по этому вопросу среди общественного сознания. Утверждалось, говорил он, что священник должен был отличаться от других мужчин. У него должна быть лысая макушка, сутана, деревянная обувь или босые ноги. «Нет, говорил Цвингли, тот, кто отличается от других таким образом, навлекает на себя обвинение в лицемерии. Я покажу вам путь Христа: отличаться скромностью и примерной жизнью. С таким украшением нам не надо внешних знаков; даже дети узнают нас, более того, дьявол узнает, что мы не его. Когда мы теряем истинную ценность и достоинство, тогда должны украшать себя тонзурами, сутанами и веревками с узелками, и люди рассматривают наше одеяние, как дети таращатся на осыпанного золотыми блестками папского мула. Я расскажу вам о более плодотворном труде, чем пение утренний, «радуйся» и вечерен; это – изучать Слово Божие и не прекращать этого, пока свет не засияет в сердцах людей».

«Храпеть за стенами монастыря – продолжал он – еще не значит служить Богу. Но призирать вдов и сирот, то есть, оставленных в их скорбях, и хранить себя неосквернённым от мира есть служение Богу. Мир в этом месте (Якова 1:27) не значит холм или долину, поле или лес, воду, озера, города или деревни, а похоти мира, алчность, гордость, нечистоту и невоздержанность. Эти пороки можно встретить чаще за стенами монастырей. Я не говорю о зависти и ненависти, имеющих место среди их обитателей, но эти пороки тяжелее тех, от которых можно избавиться, убежав в монастырь. Поэтому пусть монахи отложат свои знаки отличия, сутаны, правила и пусть встанут на один уровень с остальным христианством, объединятся с ним, если они будут соблюдать Божие Слово».

Согласно этим здравым и евангельским принципам совет принял в декабре 1524 года резолюцию о реформировании монастырей.

Боялись, что монахи окажут сопротивление упразднению орденов, но совет так мудро осуществил свои планы, что прежде чем отцы узнали о том, что монастыри находятся в опасности, удар был уже нанесен. В субботу днем члены совета в сопровождении представителей различных гильдий, трех городских министров и городской милиции появились в монастыре августинцев. Они собрали его обитателей и объявили им о решении совета распустить орден. Застигнутые врасплох и испугавшиеся вооруженных людей, сопровождавших совет, монахи сразу сдались. Так спокойно был нанесен смертельный удар по монашеским заведениям Цюриха.

«Более молодых монахов, которые проявили талант и наклонности, - пишет Кристофкель – заставили учиться, остальные должны были выучиться ремеслу. Иностранцам дали денег на дорогу, чтобы вернуться домой, или чтобы поступить в монастырь у себя на родине; немощных и престарелых обеспечили подходящим жильем с условием, что они будут регулярно посещать реформаторское служение и никого не соблазнят своим учением или образом жизни. Состояние монастырей было по большей части использовано на помощь бедным или больным, так как они называли себя приютом для бедняков; и только небольшая часть была предназначена церквям и школам».

«Было запрещено уличное попрошайничество – добавляет Кристоффель – указом, изданным в 1525 году, в то время как оказывалась посильная помощь местным и приезжим беднякам. Так, например, бедным ученикам не разрешалось попрошайничать, распевая под окнами, что было принято до реформации. Вместо этого определенное их число (шестнадцать человек из кантона Цюрих и четыре приезжих) ежедневно получали суп и хлеб, и по два шиллинга каждую неделю. Чужим нищим и паломникам разрешалось только проходить через город, но нигде не просить милостыню». Короче, все богатство, полученное при упразднении монастырей, шло на помощь бедным, служение больным и поддержку образования. Совет не мог по своему выбору отдавать эти деньги какому-то светскому объекту. «Мы поступаем с собственностью монастыря таким образом, - говорили они – чтобы не опозориться ни перед Богом, ни перед миром. Мы не можем взять на себя грех использовать богатство монастыря для пополнения государственной казны».

За отменой монашеского обета последовал закон об отмене целибата. Это было необходимо для восстановления служения в апостольском звании и чистоте. Многие пасторы реформации воспользовались переменой закона, среди них был Лео Юд, друг Цвингли. Цвингли сам заключил брак в 1522 году согласно обычаям того времени с Анной Рейнхарт, вдовой Иоганна Мейера фон Кнонау, необычайно красивой и благородной женщиной. Он публично обвенчался в церкви 2 апреля 1524 года. Цвингли не делал секрета из своей свадьбы, о которой знали как друзья, так и враги, но публичное объявление о ней приветствовалось со стороны первых, как окончание еще одного этапа швейцарской реформации.

Так, шаг за шагом движение шло вперед. Его путь был мирным. То, что такие большие перемены в стране, где правительство было либеральным, выражение взглядов народа не ограничивалось, закончились без народных волнений, было воистину удивительно. Это нужно приписать в основном тем светлым принципам, которые направляли работу реформатора. Когда Цвингли хотел убрать какой-нибудь гнетущий или суеверный обряд, он тщательно анализировал и обнажал ложную догму, на которой он был основан, понимая, что как только он свергнет ее в

человеческом сознании, она вскоре падет и на практике. Как только созревало общественное мнение, народ шел в законодательную палату и находил там членов городского совета, готовых облечь в форму закона то, что уже являлось суждением и желанием общества, и поэтому закон, который никогда не опережал общественное мнение, охотно исполнялся. Таким способом Цвингли осуществил массу реформ. Он открыл двери монастырей, распустил монашеские ордена, обратил сотни бездельников к полезным занятиям, освободил тысячи фунтов для создания больниц и образования молодежи, закрыл источник грязи, более губительный, так как он изливался из святилища и восстановил чистоту в алтаре, отменив закон о целибате. Но реформация на этом не остановилась. Ее ожидали более грандиозные свершения.

Глава 14 - Диспут об изображениях и мессе.

Смерть Христа – Фундаментальная позиция Цвингли – Иконоборцы – Готтингер – Цвингли об идолопоклонстве. – Созыв конференции всей Швейцарии. – Собралось 900 участников. – Предварительные вопросы – Церковь – Диспут об изображениях – Книги, которые ничему не учат. – Обсуждение мессы. – Она отменяется. – Радость Цвингли. – Мощи предаются земле.

Изображения все еще оставались в церквях, и месса была частью богослужения. Цвингли начал подготавливать общественное сознание к реформе по обоим предметам – увести людей от идолов к единому истинному Богу; от изобретенной церковью мессы к вечере, установленной Христом. Реформатор начал утверждать это в своем учении, а затем опубликовал восемнадцать положений или заключений, в которых говорилось, «что Христос, который принес себя в жертву за всех один раз на кресте, является совершенной и непреходящей жертвой за грехи всех, кто в Него верит; и поэтому месса не является жертвоприношением, а воспоминанием о жертве Христа на кресте и видимым доказательством нашего искупления». Если эта великая истина будет принята общественным сознанием, то месса не устоит.

Но не у всех было такое терпение, как у Цвингли. Молодой священник Людвиг Хецер, будучи очень ревностным и невыдержанным, опубликовал трактат об изображениях, который привел к вспышке эмоций в народе. За городскими воротами Штадельхофена стояло богато украшенное распятие, вокруг которого часто собирались истово верующие люди. Она раздражало немало горожан, среди которых был сапожник Николас Готтингер, «достойный человек – пишет Буллингер – и хорошо знавший Библию». Однажды когда Готтингер стоял и внимательно рассматривал статую, подошел ее владелец, и Готтингер спросил его: «Когда ты уберешь эту штуку отсюда?» «Никто не заставляет тебя поклоняться ей», последовал ответ. «Но разве ты не знаешь, - продолжал Готтингер – что Слово Божие запрещает изображения?» Владелец ответил: «Если ты считаешь, что у тебя есть право убрать ее, то делай». Готтингер счел это за разрешение, и однажды утром сапожник пришел на это место с группой сограждан и выкопал траншею вокруг распятия, куда оно с треском упало. Приверженцы старой веры подняли страшный крик против иконоборцев. «Покончить с этими людьми, - кричали они. Они грабят церковь и заслуживают смерти».

Волнение увеличилось из-за произошедшего вскоре случая. Лоренс Мейер, викарий св.Петра однажды сказал другому викарию, что, когда он думает о людях, стоящих на паперти бледных от голода и дрожащих из-за отсутствия теплой одежды, ему очень хочется низложить идолов в алтаре, снять с них шелковое облачение и драгоценности, и на них купить бедным еду и одежду. В день Девы Марии еще до трех часов утра из собора св.Петра исчезли гравюры, статуи и другие символы.

Подозрение, конечно, пало на викария. То, что ему очень хотелось сделать, как он признался, было сделано, однако это мог сделать кто-нибудь другой, а не викарий, и так как не было установлено, что это сделал он, дело прекратили.

Но этот случай имел важные последствия. Цвингли уклонился от дискуссии по поводу изображений, но сейчас он понимал необходимость заявить о своих взглядах. Он проявил в этом, как и в любой осуществленной им реформе, широту взглядов и сдержанность в действии. По поводу изображений в церкви он шутливо заметил, что их присутствие не коробит его, так как из-за близорукости он не видит их. Он не против картин и статуй, если они служат эстетическим целям. Способность воплощать красивые формы или высокие идеи в мраморе или на холсте является одним из Божиих даров. Поэтому он также не осуждал витражи в церковных окнах или подобные украшения в церкви, которые едва ли могли сбить с пути людей, как и петух на шпиле церкви или статуя Карла Великого в соборе. Он не одобрял самовольное и незаконное уничтожение идолов, которые использовались в суеверных целях. Пусть нарушение будет выявлено и проанализировано, и тогда оно само падет. «Дитя не покинет своей колыбели – говорил он – пока окружающие не научат его ходить». Когда знание о Едином Истинном Боге коснется сердца, тогда человек не сможет больше поклоняться идолам».

«С другой стороны, - говорил он – нужно убрать все изображения, которым поклоняются, так как такое поклонение является идолопоклонством. Во-первых, куда помещаются изображения? Почему на престоле, перед лицом верующих? Разрешат ли католики кому-нибудь встать на престол во время мессы? Нет. Статуи же выше человеческого роста и вырезаны из ивы руками человека. Но верующие поклоняются им и снимают перед ними шляпу. Разве Бог не запрещал это делать? «Не поклоняйтесь им». Разве это не идолопоклонство?» «Далее, - спорил Цвингли – мы зажигаем перед ними дорогостоящий ладан, как язычники перед идолами. Так мы совершаем двойной грех. Если мы говорим, что таким образам мы чтим святых, то также и язычники чтили своих идолов. Если мы говорим, что так мы чтим Бога, то такой формы служения не было ни у апостолов, ни у евангелистов».

«Подобно язычникам разве мы не называем эти изображения именами тех, кто на них представлен? Мы называем один кусок резного дерева матерью Божьей, другой св.Николаем, третий св.Хильдегардой и т.д. Разве не слышали о людях, врывавшихся в тюрьмы и убивавших тех, кто уничтожал изображения. И когда их спрашивали, почему они так поступают, они отвечали: «О, они сожгли или украли нашего Господа Бога или святых. Кого они называют своим Господом Богом? Идола».

«Разве мы не даем этим идолам то, что мы должны давать бедным? Мы делаем их из золота и серебра или украшаем их драгоценными металлами. Мы одеваем их в

дорогие одежды, украшаем их цепочками и дорогими камнями. Мы даем разукрашенным образам то, что должны давать бедным, так как они являются живыми образами Бога».

«Но, говорят паписты, изображения – книга для простого народа. Скажите мне, где Бог велел учить по такой книге? Как получается, что перед нами много лет был крест, и мы не познали пути спасения через Христа или истинную веру в Бога? Поставьте ребенка перед образом Спасителя и ничего не объясняйте. Узнает ли он, глядя на образ, что Христос пострадал за нас? Нет, этому нужно научить из Слова Божьего».

«Также настаивают, что образы побуждают к набожности. Но где Бог учил нас чтить Его через идолов и делая перед Ним какие-то жесты? Бог везде отвергает такое поклонение… Следовательно, пока проповедуется Евангелие, люди наставляются в чистом учении; идолы нужно убрать, чтобы люди не впадали в те же заблуждения, так как аист возвращается в старое гнездо, так и люди возвращаются к старым грехам, если путь к ним не закрыт».

Чтобы успокоить народное волнение, которое росло с каждым днем, городские власти Цюриха решили провести еще один диспут в октябре того же 1523 года.

Двумя вопросами, вынесенными на обсуждение, были Изображения и Месса.

Это означало, что данное собрание будет еще более многочисленным, чем прежнее. Были приглашены епископы Констанца, Керре и Базеля. Правительства двенадцати кантонов попросили прислать представителей. Когда наступило 26 октября, в городской ратуше собралось не менее 900 человек. Не присутствовал ни один из епископов. Из кантонов только два, Шлаффхаузен и Санкт-Галлен прислали депутатов. Тем не менее, собрание из 900 человек включало 350 священников. В середине зала за столом сидел Цвингли с Лео Юдом, перед ними были открыты Библии на языках оригинала. Они предназначались для защиты тезисов, которые любой был свободен опровергнуть.

Цвингли чувствовал, что был предварительный вопрос, который встретил их на пороге, а именно, какую власть или право имеет подобная конференция, чтобы решать вопросы веры и поклонения. Во все века это являлось исключительной прерогативой Пап и соборов. Если правы Папы и соборы, тогда такое собрание является анархией, а если право собрание, то Папы и соборы виновны в узурпации власти, принадлежащей не только им. Это привело Цвингли к разработке своей теории церкви; откуда она появилась, каковы ее права, и из кого она состоит.

Доктрина, впервые предложенная на обсуждение Цвингли, и которая стала во главе огромной части реформатского христианства заключалась вкратце в том, что

церковь создается Словом Божьим; что ее единственной главой является Христос; что источником ее законов и ее уставом является Библия; и что она состоит из тех, кто исповедует Евангелие по всему миру.

Эта теория несла в себе великую духовную революцию. Она нанесла удар по корням папского превосходства. Она повергла в пыль растущую систему римской иерархии. Так как общество Цюриха исповедовало веру в Иисуса Христа и являло послушание Слову Божьему, то Цвингли считал его церковью Цюриха, и утверждал, что оно имело право предписывать то, что соответствует Библии. Так, он вывел приход, которым он руководил из-под юрисдикции римской церкви, и вернул им права и свободы, которыми Писание наделило простых верующих, и которых лишил их папский престол.

Началась дискуссия об изображениях. Тезис, который реформатор взял на себя ответственность отстаивать, и к которому он через наставления подготовил общественное сознание Цюриха, заключался в следующем: «что использование изображений в поклонении запрещено Священным Писанием, и поэтому с ними должно быть покончено». Эта битва была легкой, и поэтому Цвингли отдал ее в руки Лео Юда. Последний построил высказывание в четкой и лаконичной манере с доказательствами из Библии. На этом этапе сражение подошло к концу из-за отсутствия сражавшихся. Противоположная партия не хотела выходить на арену. Они вызывались один за другим, но никто не решался. Изображения находились в трудном положении; сами они не умели говорить, а их защитники были немы, как и они. Наконец, один рискнул намекнуть, что «не надо забирать посох из руки слабого христианина, на который он опирается, или надо дать ему другой, чтобы не упал». «Если бы никчемные священники и епископы, - ответил Цвингли – ревностно проповедовали Слово Божие, как им было вверено, то не дошло до того, что бедные невежественные люди, незнакомые со Словом Божьим, должны узнавать о Христе только по картинкам на стенах и деревянным фигурам». Дебаты, если их так можно назвать, и день подходили к концу одновременно. Поднялся президент, Хоффмейстер из Шлаффхаузена. «Да будет прославлен Всесильный и Вечный Бог – сказал он – за то, что Он удостоил нас победы». Затем повернувшись к членам совета Цюриха, он настоятельно рекомендовал им убрать изображения из церквей, и объявил окончание заседания. «Это была детская игра, - сказал Цвингли – теперь предстоит более тяжелое и важное дело».

Дело это касалось мессы. Истинно, оно было названо «более тяжелым». Так как более трех столетий месса занимала важное место в почитании Бога людьми, она была душой их поклонения. Как умелый и осторожный генерал, Цвингли продвигал наступавший фронт все ближе и ближе к гигантской крепости, против которой он вел успешную борьбу. Он сначала атаковал внешние рубежи, а потом нанес удар по

самой цитадели. Если она падет, он будет считать, что победа достигнута, и вся оспариваемая территория фактически будет в его руках.

Дискуссия по поводу мессы началась 27 сентября. Мы приводили выше фундаментальный принцип Цвингли, который заключался в том, что смерть Христа на кресте является совершенной и непреложной жертвой, и что поэтому Евхаристия не является жертвой, а ее воспоминанием. «Он считал вечерю воспоминанием, установленным Христом, на которой Он присутствует, посредством которой через Свое слово благословляет, и способствует укреплению веры христиан». Это выбивают землю из-под «пресуществления» и «поклонения св.Дарам». Цвингли возглавил диспут. Он выразил удовлетворение решением конференции предыдущего дня по вопросу об изображениях, и продолжал объяснять и защищать свои взгляды по более сложному вопросу, который нужно было рассмотреть. «Если месса – не жертва, - сказал Стинли из Шлаффхаузена – то наши отцы пребывали в заблуждении и были под проклятием!» «Если наши отцы и заблуждались, - отвечал Цвингли – что тогда? Разве их спасение не в руках Божьих, как и всех людей, которые заблуждались и грешили? Кто дает нам право предугадывать суд Божий? Авторы этих искажений будут, несомненно, наказаны Богом; но кто проклят, и кто нет – это решать только Богу. Нам совершенно ясно, что они заблуждаются».

Когда он закончил, д-р Вадиан, который председательствовал в тот день, спросил, был ли готов кто-нибудь из присутствующих опровергнуть, основываясь на Писании, отстаиваемое на этом заседании учение. Ответом было молчание. Он задал вопрос во второй раз. Многие выразили согласие с Цвингли. Аббаты Капелла и Штайна «ничего не ответили». Глава капитула Цюриха процитировал в защиту мессы отрывки из апокрифического послания св.Климента и св.Якова. Бренвальд, глава капитула Эмбраха поддержал взгляды Цвингли. Каноники Цюриха разделились во мнении. Капелланы города, когда их спросили, могут ли они доказать по Писанию, что месса является жертвой, ответили, что не могут. Главы францисканцев, доминиканцев и августинцев Цюриха сказали, что они не имеют ничего против тезисов Цвингли. Лишь несколько сельских священников предложили возражения, но в такой несерьезной форме, что явно они не заслуживали данного им короткого опровержения. Таким образом, месса была ниспровергнута.

Такое единодушие растрогало всех. Цвингли хотел выразить свое удовлетворение, но рыдания заглушили слова. Многие из собравшихся рыдали вместе с ним. Седовласый воин Хоффмайстер, обратившись к совету, сказал: «Вы, правители Цюриха, должны смело обсуждать Слово Божие; Всесильный Бог споспешествует вам в этом». Эти простые слова солдата-ветерана, чей голос часто возвышался над битвой, произвели на собрание глубокое впечатление.

Не успел Цвингли одержать победу, как понял, что должен защищать ее от давления тех, которые хотели ее погубить. Ему надо было добиться от совета указа о немедленном удалении изображений и прекращении мессы, но со своей осторожностью он боялся спешки. Он предложил разрешить еще немного сохранить обе традиции, чтобы у него было время лучше подготовить общественное сознание к переменам. Между тем, совет приказал, чтобы все изображения были «закрыты и завешены», и что вечеря преподавалась бы под видом хлеба и вина тем, кто хочет принять ее в таком виде. Также предписывалось прекращение религиозных процессий, не разрешалось носить по улицам и главным дорогам св. дары, а мощи и кости святых должны быть благопристойно похоронены.

Глава 15 - Установление протестантизма в Цюрихе.

Более великие реформы – Очищение церкви – Угрожающее послание лесных кантонов. – Ответ Цюриха – Похищение пастора Бурга. – Семья Виртов. – Осуждение и казнь. – Цвингли требует отмены мессы. – Ам-Груе возражает. – Довод Цвингли – Эдикт Совета – Сон – Пасха – Первое проведение Вечери Господней в Цюрихе. – Благотворное влияние – Социальные и нравственные нормы – Два ежегодных синода – Процветание Цюриха.

Наконец, пришел час свершения более великих реформ. В 1524 году 20 июня можно было видеть процессию, состоявшую из двенадцати советников, трех городских пасторов, городского архитектора, кузнецов, слесарей, плотников и каменотесов, шедшую по улицам Цюриха и заходившую в церкви. Войдя, они закрывали двери изнутри, снимали кресты, убирали статуи, стирали фрески и перекрашивали стены. «Реформаты радовались, - писал Буллингер – считая эту работу делом служения Господу». Но суеверные люди, пишет тот же хронист, смотрели на это со слезами, считая это ужасным святотатством. «Некоторые из этих людей – сообщает Кристоффель – надеялись, что статуи сами вернуться на свои места и поразят иконоборцев своей чудесной силой». Так как статуи, вместо того чтобы вернуться в свои ниши, лежали разбитые вдребезги, они потеряли доверие своих сторонников, и многие исцелились таким образом от суеверий. Дело постепенно прекратилось без малейшего шума. Во всех церквях под юрисдикцией Цюриха изображения убрали также чинно и спокойно, как и в столице. Дерево сожгли, дорогое украшение и богатые одежды, бывшие на идолах, продали, и полученную сумму потратили на бедные «образа Христовы».

Поступок был немаловажный, скорее при правильном рассмотрении он был одним из самых важных преобразований, совершенных до этого в кантоне. Он свидетельствовал об освобождении людей от уз унизительного суеверия. Мужчины и женщины дышали «более чистым и божественным воздухом» учения реформации, которое осуждало ясным языком использование резных изображений для каких-либо целей. Голос Писания был прост в этом вопросе, и протестанты Цюриха, когда чешуя спала с их глаз, увидели, что они должны поклоняться Богу, и только Ему, в духе и истине, в послушании заповедям Всесильного и в соответствии с учением Иисуса Христа.

Опять наступила пауза. Движение ненадолго остановилось в той точке, к которой оно пришло. Интервал был наполнен трагическими событиями. Сейм швейцарской конфедерации, который собрался в том же году в Цуге, прислал в Цюрих делегацию, чтобы объявить, что они решили уничтожить новое учение с помощью оружия, и что они заставят всех, упорствовавших в нововведениях, ответить свои имуществом, свободой и жизнью. Цюрих смело ответил, что в вопросах веры они должны

следовать только Слову Божьему. Когда такой ответ вернулся сейму, его участники пришли в ярость. Фанатизм кантонов Люцерна, Швица, Ури, Унтервальдена, Фрибурга и Цуга рос день ото дня, и вскоре пролилась кровь.

Однажды ночью Жан Окслин, пастор Бурга недалеко от Штайна на Рейне, был вытащен из кровати и отправлен в тюрьму. Выстрелила сигнальная пушка, в долине зазвонили в колокола, и собралась толпа прихожан, чтобы выручить любимого пастора. В толпе затесались негодяи, спровоцировали беспорядки, и картузианский монастырь Иттунгена был сожжен дотла. Среди тех, кто был привлечен шумом беспорядков и последовали за толпой на выручку пастора Бурга, взятого офицерами судебного пристава, чья юрисдикция не распространялась на деревню, в которой он жил, был пожилой человек по имени Вирт, помощник пристава из Штаммхайма и его два сына, Адриан и Иоганн, проповедники Евангелия, отличавшиеся рвением и смелостью в совершении этой благой работы. Они были некоторое время предметом нападок из-за своих реформатских взглядов. Их доставили в Баден, подвергли пыткам и сейм приговорил их к смерти. Младшего сына пощадили, но отца и старшего сына вместе с Бурхардом Ретиманном, помощником пристава Нуссбаумена, приказали казнить.

По дороге на место, где они должны были умереть, кюре из Бадена обратился к ним, предложив встать на колени перед статуей около часовни, мимо которой они проходили. «Почему я должен молиться дереву и камню? – спросил молодой Вирт. Мой Бог – живой, только Ему я буду молиться. Ты сам обратись к Нему, так как у тебя ряса не длиннее моей, и ты тоже должен умереть». Так и случилось, этот священник умер в том же году. Обратившись к отцу, молодой Вирт сказал: «Дорогой отец, с этой минуты ты – не мой отец, и я – не твой сын, а мы – братья в Иисусе Христе, за чью любовь мы должны сейчас отдать наши жизни. Мы сегодня идем к тому, кто является нашим Отцом и Отцом всех верующих, и с Ним мы будем иметь жизнь вечную». Придя на место казни, они твердым шагом поднялись на эшафот, и, попрощавшись друг с другом до встречи в вечных обителях, обнажили шеи, палач отрубил им головы. Присутствующие не могли сдержать слез, видя их головы, скатившиеся на эшафот.

Цвингли опечалился, но не устрашился этими событиями. Он не видел в них причину для остановки, но наоборот, причину для продолжения движения реформации. Римская церковь дорого заплатит за пролитую кровь; итак, Цвингли решился, он отменит мессу и завершит реформацию в Цюрихе.

В 1525 году 11 апреля трое пасторов Цюриха предстали перед Советом Двухсот и потребовали, чтобы Сенат выпустил указ о том, чтобы во время предстоящей Пасхи Вечеря Господня проходила согласно ее первоначальному установлению. Заместитель генерального секретаря Ам-Груе начал борьбу от имени

находившейся под угрозой Евхаристии. «Это есть тело Мое», сказал он, цитируя слова Христа, которые были, как он настаивал, простым и ясным подтверждением того, что хлеб есть настоящее тело Христа. Цвингли ответил, что Писание должно объясняться Писанием, и напомнил ему о многочисленных отрывках, где есть означает символизирует, и среди других он процитировал следующее: «Семя есть Слово»», «Поле есть мир», «Я есть лоза», «Скала есть Христос». Секретарь возразил, что эти отрывки взяты из притч и ничего не доказывают. Нет, последовал ответ, эти фразы встречаются после окончания притч, когда был оставлен иносказательный язык. Ам-Груе противостоял в одиночестве. Совет был уже убежден, они постановили прекратить мессу, и на следующий день, в Страстной Четверг, Вечеря Господня совершалась по апостольскому установлению.

События этого дня приснились Цвингли во сне. Он опять был в зале совета, споря с Ам-Груе. Секретарь требовал от него опровержения, а Цвингли не мог этого сделать. Вдруг перед ними возникла фигура и сказала: «О, сердце медленное на понимание, почему ты не ответишь ему из Исхода 12:11 – «и ешьте его (агнца) с поспешностью, это –(есть) Пасха Господня». Пробудившись с появлением фигуры, он вскочил с кровати, нашел этот отрывок в Септуагинте, где то же слово ;;;; (есть) использовалось для установления Пасхи в значении Вечери. Всем понятно, что агнец – только символ и воспоминание о Пасхе, почему хлеб Вечери должен быть чем-то большим? Эти два постановления были один и тем же, но в разных формах. На следующий день Цвингли проповедовал из Исхода, оспаривая то, что эта экзегеза была ошибочной, дав два противоположных значения одного слова, использованного, как здесь, в одном и том же выражении, и свидетельствовавшее об установлении одного и того же действия. Если агнец был просто символом Пасхи, то хлеб на Вечере не мог быть чем-то больше; но если хлеб на Вечере был Христом, то агнец еврейской Пасхи был Всевышним. Так Цвингли доказывал в проповедях, убеждая многих слушателей.

Вспоминая потом произошедшее, Цвингли шутливо заметил, что не может сказать, была ли фигура светлой или темной. Его противники без труда определили, что фигура была темной, и что Цвингли получил это учение от дьявола.

В четверг на Светлой недели причастие впервые проводилось в Цюрихе согласно протестантской форме. Престол был заменен столом, накрытым белой скатертью, на котором стояли деревянные блюда с опресноками и деревянные кубки с вином. Дарохранительницы не использовались, так как Христос повелел не хранить «святые дары», а раздавать. Престолы, в основном мраморные, были превращены в кафедры, с которых проповедовалось Евангелие. Служба начиналась с проповеди, после проповеди пастор и дьяконы занимали свои места у стола, читались слова о причастии (1 Коринф. 11:20-29), произносились молитвы, исполнялся гимн,

следовало краткое обращение, хлеб и вино обносили по церкви и причастники вкушали их, преклонив колени на скамеечку для ног.

«Такое проведение Вечери Господней – пишет Кристоффель – сопровождалось благословенными результатами. Появилась новая всеобщая любовь к Богу и братьям, и слова Христа обрели дух и жизнь. Совсем другие установления римской церкви постоянно противоречили друг другу. Братская любовь первых веков христианства вернулась в церковь с Евангелием. Враги отказались от глубоко укоренившейся ненависти, и вошли в поток любви и всеобщего ощущения братства, причащаясь со всеми освященным хлебом. «Мир поселился в нашем городе, - писал Цвингли Эколампадию – ни ссор, ни лицемерия, ни зависти, ни вражды. Откуда может придти такое единение, как не от Господа, и наше учение, которое исполняет нас плодами мира и благочестия?»

Духовная реформация пробудила и социальную. Протестантизм был исцеляющим дыханием, очищающим поток во всех странах, куда он приходил. Насаждая обновляющий принцип в каждое сердце, Цвингли насаждал принцип обновления в сердце общества; и он старался питать и сохранить этот принцип путем внешних мер. В основном, благодаря его влиянию на Большой Совет при поддержке духовного влияния Евангелия на его членов, было принято ряд постановлений и законов, рассчитанных на сдерживание безнравственности и процветанию добродетелей в кантоне. Воскресный день и брак были теми двумя столпами христианской нравственности, которые Цвингли восстановил в первоначальном значении. Римская церковь сделала воскресенье просто церковным праздником. Цвингли поместил его на прежнюю основу – Божью заповедь; работа запрещалась, кроме крайней необходимости, особенно в страдную пору, которую определяла христианская община. Брак, который римская церковь осквернила доктриной «святого целибата» и сделала из него таинство якобы для его очищения, Цвингли восстановил, поместив его на первоначальное положение Божьей заповеди, самой по себе святой и благой. Все вопросы относительно брака он отдал на рассмотрение небольшому особому суду. Исповедь отменялась. «Откройте свою болезнь – говорил реформатор – единственному Врачу, который может исцелить ее». Большинство святых дней были упразднены. Люди любого сословия должны были посещать церковь, по крайней мере, один раз в неделю, в воскресенье. Азартные игры, богохульство и излишество в еде и питье запрещались под страхом наказания. Чтобы поддержать эти постановления, небольшие таверны закрывались, и было запрещено продавать спиртные напитки после девяти часов вечера. При более серьезных преступлениях и грехах отлучали от церкви. Отлучение провозглашалось советом нравственного контроля, состоявшим из судей, членов районного совета и пасторов - соединение светской и духовной власти не совсем совпадало с теоретическими взглядами реформатора, но он считал, что определенные отношения между

церковью и государством сделают такие меры необходимыми и оправданными на этот период.

Более всего его волновало сохранение нравственности пасторов, как средство сохранения непорочного величия силы проповедуемого Слова, зная, что именно с церкви обычно начиналась проказа отклонения от истины в народе. Постановление, принятое Советом в 1528 году, предписывало созыв Синода два раза в год, один раз весной, другой летом. Должны были присутствовать все пастора с одним или двумя членами своих общин. От Совета на Синоде присутствовал бургомистр, шесть советников и секретарь. Синод в основном интересовался жизнью, учением, занятиями пасторов и нравственным состоянием их приходов.

Итак, соблюдалась строгая дисциплина во всех классах мирян и церковнослужителей. Такой системы нельзя было бы установить, если бы прежде Евангелие не пришло как великий духовный пионер. Его благотворные результаты вскоре стали очевидны. «Под его защитой и покровом – пишет Кристофель – выросли и расцвели качества смелости и выносливости, которые украшали реформатскую церковь в ее начале». В Цюрихе наступила эпоха процветания и славы. Были установлены порядок и спокойствие, молодежь наставлялась, науки развивались, искусство и промышленность процветали, народ, скрепленный узами святой веры, жил в мире и любви. Они были свободны от ужасных бедствий, часто обрушивавшихся на соседние папские кантоны. Цвингли избавил их от «иностранного наемничества», развращавшего их патриотизм и нравственность. И пока другие кантоны проливали кровь на чужих полях, жители кантона Цюриха были заняты мирным трудом, улучшая территорию своей работой и умением, и делая свою столицу Цюрих, одним из светильников христианского мира.Стихи.руАвторы Произведения Рецензии Поиск Магазин О портале Вход для авторов

Ольга Крубер-Федорова

Дж. Уайли История протестантизма

Книга шестая. От диспута в Лейпциге к сейму в Вормсе, 1521 год.

Глава 1 - Протестантизм и империализм, или монах и монарх.

Опасения Лютера – Сомнительная помощь – Смерть Максимилиана – Кандидаты на императорский престол – Характер Карла Испанского – Его владения – Империя предложена Фридриху Саксонскому – Отклонил. – Выбран Карл Испанский. – Виттенбер. – Труды Лютера – Его обращение к народу Германии – Его описание Германии при Папах – Призвал к реформам. – Впечатление, произведенное его обращением.

Среди актеров, которые начинают собираться на сцене есть двое, заметно возвышающиеся над остальными и притягивающие все взгляды исключительно к себе. С одним мы уже знакомы, так как он фигурировал перед нами, а другой должен только появиться. Они вышли из противоположных полюсов общества, чтобы участвовать в этой великой драме. Один актер увидел свет в домике рудокопа, колыбель другого была во дворце старинного королевского рода. На одном была сутана из саржи, на другом императорская мантия. Пути этих двух людей не так отличались в начале, как им предназначено было отличаться в конце. Выйдя из кельи, один должен был занять престол, где должен сидеть и управлять людьми, не силой меча, но силой Слова. Другому, затянутому в борьбу силой, которую он не видел и не понимал, было предопределено пройти через унижения, следовавшие один за другим, с самого великого тогда трона, и окончить дни в монастыре. Но пока это скрыто.

Пока бо;льшая власть, но на самом деле более слабая, кажется, значительно превосходит более крепкую власть. Реформация выглядит карликом рядом с колоссом империализма. Если протестантизм исходит от Владыки мира, и милостиво послан, чтобы открыть глаза и снять оковы с порабощенного мира, можно было подумать, что его путь подготовлен и задача облегчена каким-то поразительным ослаблением противника. Напротив, в этот момент империализм умножает силу в семь раз. Очевидно, что великий Владыка не ищет легкой победы. Он позволяет опасностям умножаться, трудностям сгущаться и руке дьявола укрепиться. Но насколько борьба ожесточеннее, и победа почти безнадежнее, настолько блистательнее доказательства того, что власть, которая без плотского оружия может разбросать силы империализма и поднять мир, втоптанный в грязь духовным и светским деспотизмом, является божественной. Сейчас мы должны рассмотреть столкновение и борьбу этих двух сил. Но сначала взглянем на положение, в котором оказался Лютер.

Друзья Лютера отпали или стали пугливы. Даже Штаупиц стал колебаться, когда цель, к которой приближалось движение, стала более отчетливой. При холодности или отсутствии друзей, другие сообщники поторопились предложить ему двойную помощь. Привлеченные на его сторону скорее не ненавистью к папской тирании, а

высокой оценкой евангельской свободы и чистоты; их альянс несколько смутил реформатора. Этот как тевтонский, так и реформатский фактор – благородный продукт смешения обоих – возбуждал немецких баронов и заставлял их хвататься за меч, когда они слышали, что жизнь Лютера в опасности, что люди с пистолями под одеждой преследовали его, что Сера Лонга написал курфюрсту Фридриху: « Да не найдет прибежища Лютер в государствах Вашего Высочества, пусть он будет отвержен всеми и побит камнями перед лицом неба»; что Милтиц, папский легат, который не забыл своего поражения, строил планы, чтобы заманить его, пригласив на еще одну встречу в Трире; и что Экк уехал в Рим, чтобы найти там бальзам для своей раненой гордыни, чтобы выковать в Ватикане стрелу для сокрушения человека, которого он не смог уничтожить в Лейпциге своим схоластическим искусством.

Появилась причина для опасений, которые начали преследовать его друзей. «Если Бог не поможет нам, - восклицал Меланхтон, когда он слышал угрожающие звуки бури и поднимал глаза к небу, становившемуся чернее час от часа, - если Бог не поможет нам, мы все погибнем». Даже Лютер вынужден был осознавать в минуты депрессии и тревоги, в которые он допускался погружаться, что, если он спокоен, тверд и мужественен, то это Бог делает его таким. Один из самых влиятельных рыцарей Франконии, Сильвестр Шаумбург, послал своего сына в Виттенберг с письмом для Лютера, написав: «Если курфюрсты, принцы и бургомистры предадут тебя, приезжай ко мне. Если Богу будет угодно, я вскоре соберу более ста рыцарей и с их помощью смогу защитить тебя от любой опасности».

Франциск Сикинген, сочетавший любовь к наукам с любовью к оружию, которого Меланхтон назвал «несравненным украшением немецкого рыцарства», предложил Лютеру прибежище в своем замке. «Мои слуги, мое имущество и мое тело, все, чем я владею, в Вашем распоряжении», писал он. Ульрих Хюттен, который был известен своими стихами не меньше, чем бесстрашными подвигами, также предложил себя в качестве защитника реформатора. Его стиль войны, однако, отличался от стиля Лютера. Ульрих был за нападение на римскую церковь с мечом, Лютер пытался покорить ее оружием истины. «Мечами и луками – писал Ульрих – дротиками и бомбами должны мы покорить ярость дьявола». «Я не прибегну к оружию и кровопролитию в защиту Евангелия», сказал Лютер, уклоняясь от предложения. «Церковь была создана словом, и словом она будет восстановлена». И, наконец, король ученых того времени, Эразм, выступил в защиту монаха из Виттенберга. Он, не колеблясь, подтвердил, что шум, поднятый вокруг Лютера, и волнения, вызванные его учением, были единственно обязаны тем, чьи интересы, связанные с тьмой, страшились нового дня, восстающего в мире – истина очевидная и банальная для нас, но не для людей первой половины шестнадцатого века.

Когда опасность была наивысшей, император Максимилиан умер (12 января 1518 года). Этот король был известен своей миролюбивой и уступчивой политикой, при нем империя долго жила в мире. Будучи подобострастно преданным римской церкви, он с каждым днем все больше испытывал неприязнь к движению реформации, и, если бы он жил дольше, он бы настоял, чтобы курфюрст выслал Лютера, что бы предало его в руки смертельных врагов. Со смертью Максимилиана в этом переломном моменте буря, которая была готова разразиться, прошла стороной на какое-то время. До избрания нового императора Фридрих Саксонский согласно установленным правилам стал регентом. Неожиданная смена декораций поставила реформатора и реформацию под покровительство человека, который некоторое время управлял империей.

Для выбора нового императора были пущены в ход переговоры и интриги. Они стали бастионом вокруг реформатского движения. Папа, который хотел выдвинуть своего кандидата, для достижения этой цели счел необходимым расположить к себе курфюрста Фридриха, чье положение и мудрость давали ему потенциальный голос в коллегии выборщиков. Это вело к ясному небу над Римом.

Было два кандидата: Карл I Испанский и Франциск I Французский. Генрих VIII Английский, видя, что предмет вожделений, который он страстно желал, был недосягаем, вышел из борьбы. Шансы двух соперников были равны. Франциск был галантным и энергичным рыцарем, но он не продолжал свои инициативы с тем рвением, с каким он их начинал. Имея интеллектуальные наклонности и стремясь к новым знаниям, он беседовал за столом с умными людьми и учеными, военными и государственными людьми, приглашенными ко двору. Ему было всего двадцать шесть лет, однако, он уже прославился на поле брани. «Этот король был самым воспитанным рыцарем той эпохи, в которой Баярд был украшением рыцарства, и одним из самых просвещенных и привлекательных людей утонченного века Медичи». Ни Франциск, ни его придворные не забывали, что Карл Великий носил корону, и ее возвращение к королям Франции рассеет представление, становившееся привычным, что императорская корона, хотя и номинально выборная, является на самом деле наследственной и постоянно переходила к Австрийскому дому.

Карл был на семь лет моложе своего соперника, его нрав и таланты были многообещающими. Хотя ему было всего девятнадцать лет, он был обучен делам, к которым имел как склонность, так и сообразительность. В его венах текла испанская и немецкая кровь, и он сочетал качества обоих народов. Он обладал упорством немцев, утонченностью итальянцев и неразговорчивостью испанцев. Местом его рождения был Гент. Какие бы богатства, владения, военную силу могла ни дать империя, Карл бы их принял. Его наследным королевством, полученным от Фердинанда и Изабеллы, была Испания. Но в то время Испания не была столь

процветающей и сильной монархией христианского мира. К этой великолепной территории с процветавшими городами, вокруг которых располагались пшеничные поля, поросшие лесом горные цепи и луга, на которых зрели плоды Азии вместе с богатыми плодами Европы, прибавились княжества Неаполя и Сицилии, Фландрии и богатая территория Бургундии. И вот, смерть его деда, императора Максимилиана, ввела его во владение государствами Австрии. Но это не все, открытие Колумба дало ему во владение новый континент; и какой большой; и какие богатства могут течь оттуда, Карл тогда не мог и предположить. Так обширны были королевства, которыми правил молодой король. Едва солнце садилось на их западной границе, как рассветало утро на их восточной границе.

Это бы довершило его славу и признание на земле, если бы он добавил императорскую корону ко многим уже имевшимся коронам. Он щедро раздавал золото курфюрстам и правителям Германии, чтобы получить предмет вожделений. Его соперник Франциск был либералом, но ему недоставало золотых рудников Мексики и Перу, которые Карл имел в своем распоряжении. В действительности кандидаты были очень сильными. Из-за своего величия они оба чуть не потерпели поражение; так как немцы боялись, что выбрав одного из них, они поставят над собой господина. Вес стольких многих скипетров в руке Карла мог бы подавить свободу Германии.

Курфюрсты, рассудив, пришли к мнению, что было бы умнее выбрать одного из них для императорской короны. Их выбор пал, прежде всего, не на Франциска или Карла; он единодушно пал на курфюрста Фридриха. Даже Папа был согласен с ними в этом деле. Лев X боялся чрезмерной власти Карла Испанского. Если правитель многих королевств будет выбран на пустующий престол, но империя может затмить митру. Также Папа не был благосклонно настроен по отношению к королю Франции: его пугали амбиции короля, кто может сказать, что победитель при Каригиано не протянет свои руки дальше к Италии? На этом основании Лев отправил настоятельный совет курфюрстам, чтобы выбрали Фридриха Саксонского. В результате Фридрих был выбран. Императорская корона досталась другу Лютера.

Захочет ли он или должен ли он надеть императорскую мантию? Правители и народ Германии с радостью бы приветствовали принятие им этого титула. Казалось, что божественное провидение вкладывает надежный скипетр в его руку с тем, чтобы он мог защищать реформатора. Фридрих не раз болезненно реагировал на недостаток власти. Теперь он сможет стать первым человеком в Германии, председателем всех ее соборов, генералиссимусом всех ее армий; может убрать с дороги реформации войны, эшафоты, насилие всякого вида и позволить ей развивать духовный потенциал и спокойно возрождать общество. Должен ли он стать императором? Большинство историков называли его отказ великодушным. Мы

берем на себя смелость, глубоко уважая их мнение, иметь другое мнение. Мы думаем, что Фридрих, все обдумав, должен был принять императорскую корону; что предложение пришло к нему в тот момент и таким образом, что вопрос долга был очевиден, и его отказ был проявлением слабости.

Фридрих, пытаясь избежать западни честолюбия, попал в западню робости. Он смотрел на трудности и опасности огромной задачи, на беспорядки, возникавшие по всей империи, на враждебные армии мусульман на ее границе. Лучше, подумал он, чтобы скипетр был отдан более крепкой руке; лучше бы Карл Австрийский взял его. Он забыл, что, по словам Лютера, христианству угрожал бо;льший враг, чем турки; итак, Фридрих отдал императорскую диадему тому, кто должен был стать яростным врагом реформации.

Но, хотя мы не можем оправдать Фридриха в уклонении от трудов и опасностей служения, к которому он был призван, мы признаем в его решении руководство Всевышнего, а не человеческую мудрость. Если бы протестантизм рос и процветал под покровительством империи, не сказали бы люди, что его победа обязана тому факту, что у него был такой мудрый человек в качестве советника, и такой влиятельный, чтобы бороться за него? Было ли благословением для раннего христианства то, что Константин взял его под защиту оружия первой империи? Правда, не были бы пролиты океаны крови, если бы Фридрих препоясался императорским мечом и стал надежным другом и защитником этого движения. Но реформация без мучеников, без эшафотов, без крови! Мы вряд ли бы узнали о ней. Это была бы реформация без славы и без силы. Не только ее летописи, но и летописи всего человечества были бы значительно беднее, если бы в них не было высочайших проявлений веры и героизма, которые показали мученики шестнадцатого века. Слава этих страдальцев осветит не один еще будущий век!

Фридрих Саксонский отклонил то, чего так добивались два влиятельных правителя Европы. Коллегия выборщиков в своих красных одеждах встретилась в церкви св.Варфоломея 28 июня 1519 года во Франкфурте-на-Майне и возобновила выборы нового императора. Проголосовали единодушно за Карла Испанского. Это произошло более года до того, как Карл прибыл в Германию для коронования в Аль-де-Чапель. А тем временем Фридрих оставался регентом, и щит все еще закрывал небольшую группу соратников Виттенберга, занятых созданием основ империи, которая переживет империю человека, на чью голову должна быть возложена диадема Цезаря.

Год, который прошел между выборами и коронацией Карла, был годом напряженной и плодотворной работы в Виттенберге. Великий свет засиял среди небольшой группы, собранной там, а именно, Слово Божие. Голос от Семи Холмов не привлекал их внимание, все учения и действия они сверяли только с Библией. С

каждым днем Лютер продвигался на шаг вперед. Новые доказательства лживости и порочности римской системы нахлынули на него. Именно тогда ему попался трактат Лаврентия Вала, который доказал ему, что дарственная Константина Папе является выдумкой. Это укрепило заключение, к которому он пришел относительно главенства Папы, а именно что для этого не было никаких оснований, кроме тщеславия Папы и легковерности народа. Тогда он прочитал труды Яна Гуса, и к своему удивлению нашел в них учение Павла – что ему самому далось большой ценой – относительно оправдания грешников. «Мы все, – воскликнул он наполовину с удивлением, наполовину с радостью – Павел, Августин и я, не зная этого, являемся гусситами!» И добавил очень серьезно: «Бог, конечно, явит миру, что истина была проповедана ему столетие назад и была сожжена». Именно тогда он провозгласил великую истину о том, что Евхаристия не дает ничего человеку без веры, и глупо думать, что она совершает какие-то духовные действия сама по себе, не завися от состояния причащающегося. Католики обрушились на него за то, что он учил, что Евхаристия должна раздаваться под обоими видами, не способные понять более глубокий принцип Лютера, который до основания разрушал opus operatum со всеми сопутствующими обстоятельствами. Они обороняли внешние укрепления, реформатор с сокрушительной силой сравнял эту цитадель с землей. Удивительно, какую силу и энергию ума проявил в то время Лютер. Месяц за месяцем, скорее неделя за неделей Лютер выпускал трактат за трактатом. Эти произведение его пера, «как искры из-под молота, одна ярче другой», добавляли свежие силы пожару, полыхавшему со всех сторон. Враги нападали на него, но они лишь вызывали на себя более тяжелые удары. Именно в этот год плодотворного труда он опубликовал комментарии на Послание к Галатам, «собственное послание», как он его называл. В этом трактате он дал более четкое и полное объяснение, чем ранее это делал, того, что было для него кардинальной истиной, оправдание по вере. Но он показал, что такое оправдание ни избегает закона, поскольку оно исходит из основания праведности, исполняющей закон, и ни ведет к распутству, поскольку вера, которая держится на праведности ради оправдания, действует в сердце для его возрождения, а возрожденное сердце является источником святой добродетели и всех благих дел.

И также, именно тогда Лютер опубликовал известное обращение к императору, князьям и народу Германии о реформации христианства. Это было самое живописное, смелое, красноречивое и воодушевляющее произведение, которое когда-либо выходило из-под его пера. Воистину можно сказать, что его слова были подобны битве. Оно произвело огромную сенсацию. Оно было трубой, призывавшей немецкий народ на великое сражение. «Время молчания прошло, – писал Лютер – настало время говорить». И он говорил.

В этом манифесте Лютер мастерски рисует картину римской тирании. Римская церковь достигла тройной победы. Она завоевала все сословия и классы людей; она

завоевала все права и интересы в человеческом обществе; она подчинила королей; она подчинила соборы, она поработила народы. Она установила полное и всеобщее рабство.

Своей догмой главенства Папы она покорила королей, правителей и судей. Она поставила духовное над плотским, чтобы все правители и суды подчинялись бы ее единой, абсолютной и непререкаемой воле, и чтобы неопровержимая и ненаказанная светской властью, она могла бы идти по пути угнетения и подавления.

Поставила ли она, спрашивал Лютер, престол Папы выше всех королей, для того чтобы никто не смел призвать его к ответу? Понтифик набирает армии, ведет войну с королями, проливает кровь их подданных, и более того, он требует для прихожан освобождения от государственного контроля, таким образом, неотвратимо разрушая мировой порядок, подвергая власть унижению и презрению.

Своей догмой духовного превосходства, римская церковь покорила соборы. Епископ Рима провозгласил себя главным управляющим всех епископов. В нем сосредотачивалась вся церковная власть, поэтому, если он высказывал самую ошибочную догму, или совершал самое вопиющее злодеяние, ни один собор не мог обвинить или низложить его. Соборы были ничто, папа – все. Духовное превосходство ставило его над церковью, а плотское – над миром.

Присвоив себе исключительное право толкования Священного Писания, римская церковь поработила все народы. Она ослепила их, связала их оковами тьмы, чтобы склонить их перед любым богом, поставленным ею, и заставить их идти туда, куда она их поведет, в плотское рабство, в вечные муки.

Смотрите, какую победу завоевала римская церковь! Она попирает ногой королей, епископов и народы! Всех она втоптала в прах.

Они являются тремя стенами, используя сравнение Лютера, за которыми окопалась римская церковь. Боится ли она земной власти? Она выше ее. Предложено ли ей предстать перед собором? Только она имеет право созывать его. Обвиняется ли она по Библии? Только у нее есть право ее толковать. Римская церковь поставила себя выше трона, выше церкви, выше самого Слова Божьего. Она была бездной, куда попала Германия и весь христианский мир. Реформатор призвал все слои общества объединиться для освобождения от такой позорной и губительной зависимости.

Чтобы поднять соотечественников и весь христианский мир, в чьей груди еще оставалась любовь к истине и стремление к свободе, он яснее показал немцам картину, не доверяя общему описанию. Он подробно показал ужасное опустошение, которое произвел в их стране папский гнет.

Италия, писал он, была разрушена римской церковью; разложение этой прекрасной страны, закончившееся к этому времени, перешло на страну Лютера. И сейчас, когда вампир папства высосал всю кровь из своей страны, тучи саранчи из Ватикана опустились на Германию. Наша родина, говорил Лютер немцам, обгладывается до костей.

Десятины, палии, комменды, отправление обрядов, индульгенции, реверсии, регистрации, запасы – таковы немногие, и очень немногие из хитроумных затей, с помощью которых священникам удается переправлять богатства из Германии в Рим. Разве не удивительно, что правители, соборные церкви и народ бедны? Удивительно то, что при такой туче обжор, напавшей на нас, что-то еще осталось. Все пошло в римскую суму, не имеющую дна. Этот грабеж превосходит преступление тех воров и разбойников, которые искупили свою вину на виселице. Вот тирания и разорение ворот ада, а также разорение души и тела, крах церкви и государства. Говорите о разорении турками, поднимаете армии на борьбу с ними! Но во всем мире нет таких турок как римские.

Срочные меры, на которых он настаивал, были такими же, какие его великий предшественник, Уиклифф, рекомендовал сто пятьдесят лет назад англичанам и убеждал парламент принять. Только Евангелие, над возвращением которого он трудился, могло добраться до корней этого зла, но оно подлежало исправлению частично со стороны земной власти. Каждый правитель и государство должны запретить своим подданным отдавать десятину римской церкви. Короли и вельможи должны противостать понтифику, как злейшему противнику их прав и врагу независимости и процветания их королевств. Вместо того чтобы проводить папские буллы, они должны бросить его анафемы, печати и бреве в Рейн или Эльбу. Архиепископам и епископам должно быть запрещено императорским указом получать саны из Рима. Все дела должны рассматриваться в королевстве, и все люди должны быть подсудны судам страны. Праздники нужно прекратить, как удобный повод для праздности, а также всякие порочные индульгенции. Шаббат должен быть единственным днем, когда люди должны воздерживаться от труда. Больше не надо строить монастырей для нищенствующих монахов, чье попрошайничество никогда не приводило к хорошему, и никогда не приведет; закон о клерикальном целибате должен быть отменен и священникам дана свобода жениться, как и другим людям. И в заключение Папа, оставив управление королевствами королям и правителям, должен предаться молитве и проповеди Слова. «Ты слышишь, Папа, не пресвятой, а прегрешный? Кто дал тебе право подняться над Богом и нарушать Его законы? Злой сатана лжет твоим горлом. О, Господь Иисус Христос, да придет Твой последний день и Ты разрушишь дьявольское гнездо в Риме. Там восседает «человек греха», о котором Павел говорит: «сын погибели».

Лютер хорошо понимал, что великий оратор назвал «изгоняющей властью новой эмоции». Он применял только истину, как верное средство для уничтожения заблуждений. Поэтому после римской системы человеческих заслуг и спасения делами, он поднял вопрос о человеческом бессилии и Божьей благодати. Это могло разрушить папскую систему человеческих заслуг. Тем же методом нападения Лютер разрушил папскую систему рабства и проник в вымысел, на котором та строилась. Римская церковь берет человека, бреет ему голову, помазывает его елеем, дает ему таинства и внушает ему обладание таинственными качествами. Целая категория мужчин, с которыми так поступили, образует священнический орден, отличающийся и стоящий выше мирян, и являют собой поставленных Богом наставников всего мира.

Этот обман, который был краеугольным камнем мрачной и древней тирании, Лютер разоблачил, провозгласив противоборствующую истину. Все истинные христиане, говорил он, являются священниками. Разве апостол Павел, обращаясь во всем верующим не сказал: «Вы – царское священство»? Не обривание головы и ношение необычной одежды делает человека священником. Только вера делает людей священниками, вера, которая объединяет их во Христе, и которая дает им постоянно находящегося внутри Святого Духа, поэтому они становятся исполнены святой благодатью и божественной силой. Это внутреннее помазание – елей лучше елея из кубка епископа или Папы – дает им не только звание, но и природу, чистоту и силу священства; это помазание получают верующие во Христа.

Таким образом, Лютер не только удалил обман, но и заполнил его место славной истиной, иначе, если бы оно оставалось незанятым, то заблуждение проникло бы вновь. Фиктивное священство римской церкви – священство, которое запасает елей и облачения, и к которому люди причисляются с помощью ножниц и искусства некромантии – ушло, и на его место пришло истинное священство. Люди открыли глаза на чудесное освобождение. Они не были больше рабами олигархии священников и поручителями бритоголовых, они видели себя членами прославленного братства, чья божественная глава была на небе.

Никогда не было такой сильной речи. Патриоты и ораторы во время великих и памятных событий обращались к своим соратникам, чтобы, если возможно, сбросить тиранов, которые держали их в рабстве. Они засыпали их доводами и всячески побуждали их. Они подробно останавливались то на горечи рабства, то на сладости свободы. Но никогда патриоты или ораторы не обращались к товарищам по время более великого события, чем это – если было когда-нибудь более великое событие. Никогда прежде ораторы или патриоты не сражались так упорно с противником, осуждали омерзительное рабство или наносили лицемерию и обману такие ужасные удары. Никогда ораторы не были столь красноречивы и не

показывали бо;льшей отваги. Этот вызов был сделан перед лицом тысяч опасностей. Об этом Лютер не задумывался ни на минуту. Он только видел своих соотечественников и все народы христианского мира, утопавших в самом унизительном и губительном рабстве, и с неустрашимой отвагой и силой Геркулеса метал молнию за молнией быстро, стремительно и пылко против тирании, которая поглощала землю. Человек, дело, момент и окружение, все было потрясающим.

И никогда обращение не было столь успешным. Как раскаты грома оно передавалось из одного края Германии в другой. Оно звучало как похоронный звон по римскому владычеству в этой стране. Движение больше не было ограничено Виттенбергом, оно стало воистину национальным. Оно более не велось исключительно богословами. Князья, знать, бюргеры присоединились к нему. Это была не просто борьба за веру, это была борьба за свободу религиозную и гражданскую; за права духовные и светские, за жившее тогда поколение, за все поколения, которые должны жить в будущем, вообще, борьба за зрелость человечества.

Мысли Лютера, естественно, обратились к новому императору. Какую роль сыграет этот молодой монарх в движении? Допустив, что столь великий король будет справедливым и великодушным, Лютер передал свое обращение к подножью трона Карла V. «Дело, писал он, достойно, чтобы предстать перед небесным троном, и тем более перед земным монархом». Лютер знал, что его дело победит, независимо от того, чью сторону поддержит Карл. Хотя ни Карл, ни другие великие люди земли не могли остановить его или забрать у него победу, но могли задержать его; они могли заставить реформацию пройти сквозь эшафоты и кровавые поля, над сокрушенными армиями и свергнутыми тронами. Для Лютера было бы лучше, чтобы ее развитие было мирным и достижение цели быстрым. Поэтому он пришел к трону как проситель, трепеща, но не из-за своего дела, а из-за тех, кто, как он предвидел, погубят себя, противясь делу. Какую аудиенцию получил монах? Император не снизошел до ответа богослову из Виттенберга.

Глава 2 - Булла Папы Льва.

Экк в Риме. – Его деятельность против Лютера – Добивается его осуждения. – Булла – Авторство буллы – Ее условия – Два носителя буллы – Булла пересекает Альпы. – «Вавилонское пленение» Лютера – Евхаристия Его необычное письмо Папе Льву – Булла приходит в Виттенберг. – Лютер подает нотариальный протест против нее. – Он сжигает ее. – Удивление и гнев Рима – Обращение Лютера к студентам

Мы почти потеряли из виду д-ра Экка. Мы видели, как он после диспута в Лейпциге, отправился в Рим. Какова была цель его поездки? Он пересек Альпы, чтобы просить помощи у Папы против человека, которого, как он хвастался, победил. Ему предшествовал кардинал Каэтан, еще один «победитель» в стиле Экка, мало удовлетворенный победой, которой он также громко хвалился, как и Экк. Он поехал в Рим просить помощи и взять реванш.

В столице папства эти люди встретились с бо;льшими трудностями, чем предполагали. Римская курия была апатична. Ее члены еще не в полной мере осознавали опасность. Они отвергали мысль о том, что Виттенберг завоюет Рим, и ничего незначащий монах сотрясет престол понтифика. История не знала примеров такого поразительного явления. Ужасные бури возникали в прошлые века. Мятежные короли, гордые ересиархи, варварские и еретические народы бросались на папский трон, но у них было не больше силы, чтобы сбросить его, чем у океанской пены против скалы.

Дело, однако, было рискованным, что нельзя было не видеть. Церковь могла легко издать запрет, но гражданская власть должна была исполнять его. Что, если она откажется? Кроме того, в самом Риме было несколько человек, придерживавшихся умеренных взглядов, которые с более близкого расстояния видели беспорядки папской курии и были в глубине сердца довольны слышать то, что говорил Лютер. Среди стольких льстецов, разве не может быть одного честного блюстителя нравов? Были также и дипломаты, которые говорили, что, конечно, среди бесчисленных достоинств и даров церкви всегда можно найти что-то, что удовлетворит этого крикливого монаха. Пошлите ему мантию, дайте ему красную шапочку. Члены курии разделились. Юристы были за то, чтобы вызвать Лютера снова в суд, перед тем, как вынести ему приговор, богословы говорили, что дело не терпит отлагательств и настаивали на немедленной анафеме.

Неутомимый Экк сделал все возможное, чтобы добиться осуждения своего противника. Он старался переманить на свою сторону любого, с кем он имел дело. Его красноречие довело до белого каления рвение монахов. В Ватикане он провел много часов в раздумье. Он растопил даже холодность Льва. Он подробно

останавливался на характере Лютера, таком упрямом и неисправимом, что все попытки к примирению были бы пустой тратой времени. Он настаивал на важности дела; пока они сидели и спорили в Ватикане, движение в Германии росло не по дням, а по часам. Чтобы поддержать доводы Экка, Каэтана, больного настолько, что он не мог ходить, приносили в паланкине в соборный зал каждый день. Богослов из Ингольштадта нашел еще одного, как говорили, даже более могущественного союзника. Это был никто другой, как банкир Фуггер из Аугсбурга. Он был хранителем индульгенций и хорошо бы нагрел руки на этом, если бы Лютер не повредил его спекуляции. Это возбудило в нем огромное желание сокрушить ересь, нанесшую ущерб интересам церкви и его собственным.

Между тем до Лютера дошли слухи о том, что готовится ему в залах Ватикана. Эти слухи не вызывали в нем тревоги; его сердце было твердым; он видел Того, Кто выше Папы. Виттенберг в тот момент представлял собой совсем другую картину, чем Рим. Последний был полон волнениями и беспорядками, первый был полон спокойствием и плодотворным трудом. Гости из всех стран ежедневно приезжали, чтобы встретиться и поговорить с Лютером. Залы университета были полны молодежью – надеждой реформации. Слава Меланхтона росла; он только что предложил свою руку Катарине Крапп, и таким образом, наметилась первая связь между реформацией и семейной жизнью, привнося новую приятность обеим.

Именно в тот час, молодой швейцарский священник не постыдился показать свою приверженность тому Евангелию, которое проповедовал Лютер. Он ждал тем временем папского нунция в Гелветии, уговаривая его воспользоваться своим влиянием в высших сферах, чтобы предотвратить отлучение богослова из Виттенберга. Имя этого священника – Ульрих Цвингли. Это был первый проблеск света в швейцарских горах.

В то время Экк торжествовал в Риме. Тайная коллегия закончила длительное рассмотрение 15 июня 1520 года, решив обрушить буллу об отлучении на Лютера. Утонченность или варварство ее стиля принадлежат ее составителям, кардиналам Пуччи, Анкону и Каэтану.

«Итак, подумали кузнецы Ватикана, когда выковали эту стрелу, итак, мы завершили дело. Конец Лютеру и Виттенбергской ереси». Чтобы узнать, насколько надменен был дух Ватикана в то время, нам нужно обратиться к самой булле.

«Восстань, Господь! - так писалось в этом известном документе – Восстань и будь Судьей в Своем деле. Вспомни все оскорбления, наносимые Тебе ежедневно безумными людьми. Восстань Петр! Вспомни свою святую римскую церковь, мать всех церквей и госпожу веры. Восстань, Павел! Ибо здесь новый Порфирий, нападающий на твое учение и на святых Пап, наших предшественников!

Поднимитесь, словом, все святые и святая Божья церковь, и ходатайствуйте перед Всемогущим!»

Далее булла продолжает осуждать как возмутительные, еретические и омерзительные сорок одно высказывания, извлеченные из трудов Лютера. Предосудительными высказываниями являются простые положения евангельской истины. Одним из учений, подверженных особой анафеме, было то, которое лишало римскую церковь права на гонения, заявив о том, что «сжигание еретиков противоречит воле Святого Духа». После злоречивых выражений буллы, документ продолжал превозносить необычайное терпение папского престола, как видно из многих попыток вернуть блудного сына. К ереси Лютеру добавили непослушание. Он имел дерзость обратиться к вселенскому собору вопреки декреталий Пия II и Юлия II; он переполнил меру беззакония, оклеветав непорочное папство. Папство, тем не менее, сочувствовало своему заблудшему сыну. И «подражая Всемогущему Богу, который не желает смерти грешника», настоятельно увещевала блудного сына вернуться на грудь своей матери и принести с собой все, что сбило его с пути, доказать искренность покаяния, прочитав отречение и предав все свои книги огню в течение шестидесяти дней. Из-за отказа явиться в суд Лютер и его сторонники объявлялись неисправимыми и проклятыми еретиками, кого всем королям и судьям предписывалось арестовывать и отправлять в Рим, или высылать из страны, где они будут обнаружены. На города, где они продолжали жить, был наложен интердикт, и всякий, кто противодействовал оглашению и выполнению данной буллы был отлучен от церкви «во имя Всемогущего Бога и апостолов св.Петра и св.Павла».

Высокомерные слова, и в какой момент они были сказаны! Вот-вот появится рука человека и напишет на стенах римской церкви, что ее слава исполнилась, достигла зенита и спешит к своему заходу. Но она не знала об этом. Она видела только след света, который оставила после себя на пути сквозь века. Плотное покрывало скрыло от ее глаз будущее со многими унижениями и поражениями.

Папа наступал с отлучениями в одной руке и лестью в другой. Сразу же после ужасного осуждения курфюрсту Фридриху пришло письмо от Льва X. Папа в своем сообщении пространно писал о заблуждениях «сына беззакония» Мартина Лютера; он был уверен, что Фридрих испытывал отвращение к этим заблуждениям и продолжал хвалебную речь о благочестии и приверженности традициям курфюрста, который, как он знал, не позволит мраку ереси омрачить свет своей славы и славы предков. Были дни, когда такие комплименты были приятны, но с тех пор он пил из источника Виттенберга и потерял вкус к римской цистерне. Цель письма была очевидной, но эффект, который оно произвело, был обратным тому, что ожидал Папа. С того дня курфюрст Саксонский решил защищать реформатора.

Каждый шаг, предпринимаемый римской церковью в этом деле, был отмечен одержимостью. Она издала эту буллу и должна была проследить за ее оглаской во всех странах христианского мира. Для этого она была вручена в руки двух нунций; вряд ли можно было найти двух людей столь подходящих для этой гнусной миссии. Ими были Экк и Алеандер.

Экк, победитель в Лейпциге, который уехал под смех немцев, сейчас пересекает Альпы. В руке он везет буллу, которая должна окончательно сокрушить его врага. «Это булла Экка, – говорили немцы – а не Папы». Это – предательский кинжал смертельного врага, а не топор римского ликтора. Потом, однако, приехал нунций, гордившийся буллой, в составлении которой он принимал большое участие – тот самый Атлас, который держал весь утопавший римский мир.

Проезжая по немецким городам, он вывешивал документ, несмотря на холодность епископов, презрение горожан и улюлюканье молодежи университетов. Его продвижение было подобно продвижению беглеца, а не победителя. Ему приходилось временами укрываться от народного гнева в ближайшем монастыре, и он закончил свой путь, навсегда уединившись, в Кобурге.

Другим должностным лицом был Алеандер. Ему была поручена задача отвезти копию буллы архиепископу Майнца и придать ее огласке в Рейнских городах. Алеандер был секретарем Папы Александра VI, печально известного Борджиа; не нашлось более достойного исполнителя этой миссии, и не было более удачного выбора для сотрудника Экку. «Достойная парочка послов, – писал кто-то – оба удивительно подходили для этой работы по наглости, бесстыдству и распущенности».

Булла постепенно доходит до Лютера, и взгляд на две публикации, вышедшие из-под его пера в то время (6 октября 1520 года), дает нам возможность сделать вывод, что он встретит ее отказом. Папа убеждал его сжечь все его труды: вот, два дополнительных труда, которые должны быть положены в груду, перед тем, как поднести факел. Первое – это Вавилонское пленение церкви. «Я отрицал, – писал Лютер из-за обязательств перед своими противниками – что папство имеет божественное начало, но допускал, что оно человеческого происхождения. Сейчас, после того, как я разгадал все хитрости, с помощью которых эти господа воздвигли своего идола, я знаю, что папство не что иное, как Вавилонское царство, неистовство Нимрода, сильного зверолова. Поэтому я попросил всех друзей и всех книготорговцев сжечь книги, которые я написал по этому предмету и заменить их этим одним заявлением: «Папство – это обычная охота под руководством римского епископа, чтобы схватить и погубить души.» Это – не слова человека, который собирается предстать в одежде кающегося на пороге римского престола.

Далее Лютер переходить к обзору сакраментальной теории римской церкви. Священник и таинство - это два столпа папского здания, два спасителя мира. Лютер в своем Вавилонском пленении поднял руку на эти два столпа и низвел их на землю. Благодать и спасение, утверждал он, не находятся ни во власти священника, ни в силе Евхаристии, но в вере кающегося. Вера обладает тем, что Евхаристия представляет, означает и запечатывает – даже Божье обетование; и душа, опираясь на это, обетование имеет благодать и спасение. Евхаристия со стороны Бога представляет предложенное благословение; со стороны человека – это помощь вере, которая обладает этим благословением. «Без веры в Божье обетование – писал Лютер – Евхаристия мертва; это – шкатулка без драгоценностей, это – ножны без сабли». Так он опроверг opus operatum, этим великим таинственным заклинанием римская церковь подменила веру и Святого Духа, который работает с душой с ее помощью. В тот самый момент, когда римская церковь приближалась, чтобы уничтожить его только что выкованной стрелой, Лютер вырвал из ее руки это оружие мнимого всемогущества, которым ей удавалось побеждать людей.

Мало того, обращаясь к самому Льву, Лютер не колеблясь обращался к нему в этот критический момент со словами искреннего предостережения и исключительной смелости. Мы имеем в виду, конечно, его известное письмо Папе. Некоторые отрывки его письма воспринимаются как сарказм или острая сатира, однако, оно было написано совсем не в таком духе. Оно дышит духом глубокой нравственной серьезности, который позволил автору думать только об одном – о спасении тех, кто вот-вот погрузится в погибель. Не так Лютер писал, когда он хотел пронзить противника стрелами остроумия или сокрушить его стрелами негодования. Слова, обращенные ко Льву, не были словами презрения или ненависти, хотя некоторые приняли их за таковые, но словами такой глубокой любви, чтобы смолчать, и такой честной и бесстрашной, чтобы льстить. Лютер мог провести различие между Львом и министрами его правительства.

Необходимо привести несколько отрывков из этого необычного письма:

«Святейшему Отцу в Господе, Льву X, Папе римскому с пожеланием спасения в Иисусе Христе Господе нашем. Аминь.

«Живя среди чудовищ века сего, среди которых я веду войну уже третий год, я вынужден порой взирать на вас и думать о вас, Святейший в Господе Отец Лев. В самом деле, поскольку к вам относятся порой как к основному и единственному объекту моей борьбы, я просто не могу не думать о вас. Разумеется незаслуженный гнев по отношению ко мне со стороны ваших нечестивых лицемеров вынудил меня обратиться от вашего престола к будущему собору, игнорируя декреталии ваших предшественников, Пия и Юлия, с бездумным деспотизмом запретивших такое обращение. Тем не менее, я никогда не отчуждал себя от Вашего Святейшества до

такой степени, чтобы от всего сердца не желать вам и вашему престолу всяческого благословения, о котором я умолял Бога в искренних молитвах.

«Я, конечно, резко нападал на безбожные учения в целом, упрекая своих оппонентов не за их безнравственность, а за их безбожие. В этом я не собираюсь раскаиваться ни в малейшей степени, скорее я полон решимости с неистовым усердием продолжать это и далее, пренебрегая людским осуждением и следуя примеру Христа. Что пользы от соли, если она не имеет вкуса? Как использовать лезвие меча, если оно не режет? «Проклят, кто дело Господне делает с небрежением». Таким образом, превосходнейший Лев, я молю вас выслушать меня после того, как я оправдался этим письмом, и верить мне, когда я говорю, что никогда не думал дурно о вас лично, что я такой человек, который желает вам всех благ во веки вечные, и что мои претензии ни к одному человеку не касаются его личных моральных качеств, но имеют отноршение только к слову истины. Но всех остальных вопросах я уступлю любому человеку в чем угодно, но у меня нет, ни права, ни желания отрицать Слово Божие. Если кто-то имеет обо мне другое мнение, то он не размышляет честно, либо не понимает истинного смысла моих слов.

Я воистину презрел ваш престол, римскую курию, которая, однако, является более развращенной, чем любой предшествовавший когда-либо Вавилон или Содом, - этого не можете отрицать ни вы, ни кто-нибудь другой, - и которая, как я вижу, характеризуется полнейшей испорченностью, безнадежностью и печально известным безбожием.

«Как вы знаете, много лет из Рима проистекало подобное всемирному потопу влияние, не несшее ничего кроме опустошения человеческих тел, душ и имения, распространявшее самые отвратительные примеры всего наихудшего. Всем совершенно ясно, что римская католическая церковь, некогда святейшая из церквей, превратилась в самый безнравственный вертеп разбойников, в наипостыднейший бордель, в царство греха, смерти и преисподней. Это столь отвратительно, что даже сам антихрист, если бы он пришел, не смог бы ничего добавить к этому злу.

Тем временем вы, Лев, сидите как агнец среди волков или как Даниил среди львов. Подобно Иезекиилю вы живете со скорпионами. Как же вы можете один противостоять всем этим чудовищам? Даже если бы вы могли призвать себе в помощь трех-четырех хорошо образованных и надежных кардиналов, - что они все среди такого множества? Вы все были бы отравлены, не успев издать и декрета, способного хоть как-то исправить ситуацию. Римская курия уже погибла, ибо неумылимый гнев Божий обрушился на нее. Она создает церковные советы, она боится реформации, она не может справиться со своей собственной развращенностью, и то, что сказано о ее «родителе» Вавилоне, справедливо также и по отношению к ней: «Врачевали мы Вавилон, но не исцелился, оставьте его…»

«Римская курия не достойна того, чтобы такой человек, как вы, был в ней папой …» Это не было большим комплементом Льву, так как реформатор тут же добавляет: «но сам сатана должен занять эту должность, ибо он действительно сейчас имеет в этом Вавилоне большую власть, чем вы. Если бы вы могли отказаться от хвастливых утверждений ваших самых развратных врагов, якобы ваша слава и могущество существуют за счет вашего личного скромного священнического дохода или благодаря наследству вашей семьи. Никто из людей не достоин такой славы кроме Искариотов, сынов погибели.

«Разве не является правдой, что под всеми небесами нет ничего более развращенного, тлетворного, пагубного и отвратительного, чем римская курия? Она превосходит безбожие мусульман настолько, что, хотя она и была когда-то вратами небесными, теперь она яаляется пастью ада, которую не может закрыть даже гнев Божий. Как я уже говорил, мы можем предпринять лишь одно: попытаться призвать некоторых из этой развернутой бездны и спасти их».

Лютер затем касается некоторых подробностей отношений с Де Вио, Эком и Милтицем, агентами, направленными римской курией, чтобы заставить его прератить борьбу с пороками папства. И затем он заканчивает: «Но пусть никто не думает, что я отрекусь, если он не желает запутать еще больше весь этот вопрос. Более того, я не признаю никаких установленных правил истолкования Слова Божьего, поскольку для Слова Божьего, преподающего свободу во всех отношениях, нет уз.

«Возможно, я дерзок в своей попытке поучать столь возвышенную персону, у которой мы все должны учиться и от которой престолы судей получают решения…Я знаю, что Ваше Святейшество очень загружено работой и подвергается нападкам в Риме, то есть, что далеко в море вы окружены со всех сторон опасностями и работаете очень напряженно в такой печальной ситуации, что нуждаетесь даже в самой маленькой помощи со стороны наименьших из ваших братьев».

Чтобы не появиться перед Папой с пустыми руками, он приложил к письму небольшую брошюру «Свобода христианина». Два полюса свободы он называет верой и любовью; вера освобождает христианина, а любовь делает его слугой для всех. Представив этот небольшой трактат тому, «кто нуждался только в духовных дарах», он добавляет: «…самый смиренный ваш подданный …Да хранит вас Господь Иисус вовеки. Аминь».

Так писал Лютер Льву, монах из Виттенберга понтифику христианского мира. Никогда еще не были сказаны слова большей истины, никогда слова истины не говорились в более подходящих обстоятельствах, или с большей опасностью для говорящего. Если мы воздаем хвалу историкам, которые изобразили в истинном

свете на безопасном расстоянии характер тиранов и заклеймили их пороки с истинным негодованием, то у нас нет основания отказывать Лютеру в восхищении и похвале. По Божьему промыслу перед последним отторжением церкви, которая когда-то была известна по всей земле своей верой, Истина еще раз и в последний подняла свой голос в Риме.

Булла об отлучении пришла в Виттенберг в октябре 1520 года. Она уже была оглашена повсюду, и почти самым последним человеком, который увидел ее, был тот, на кого она обрушилась. Но, наконец, она здесь. Лютер и Лев, Виттенберг и Рим стоят лицом к лицу – Рим отлучил Виттенберг, Виттенберг будет отлучать Рим. Никто не может уйти, и война будет смертельной.

Буллу не могли огласить в Виттенберге, так как университет обладал в этом деле властью большей, чем власть епископа Бранбенбурга. Она получила огласку в Виттенберге, и как мы увидим позже, очень выразительную, но не такую, какую хотел и предвкушал Экк. Прибытие ужасного послания не вызвало страха в сердце Лютера. Напротив, оно наполнило его еще большей смелостью. Движение росло вширь. Лютер ясно видел Божью руку, направлявшую его к цели.

Тем временем реформатор предпринял необходимые меры, для того чтобы показать свою позицию перед миром, церковью, осуждавшей его, и потомством. Он опять подал апелляцию на Папу будущему собору со всей формальностью. В субботу, 17 ноября, в 10 часов утра в монастыре августинцев, где он остановился, в присутствии нотариуса и пяти свидетелей, среди которых был Каспар Круциндер, Лютер подал письменный протест против буллы. Нотариус записывал его слова. Его апелляция основывалась на четырех следующих пунктах: во-первых, на том, что он был осужден заочно, и без всякой причины и в доказательство ему приписаны заблуждения; во-вторых, от него потребовали отрицать важность христианской веры при причащении; в-третьих, на том, что Папа ставит свое мнение выше Слова Божьего; в-четвертых, как высокомерное лицо, ответственное за неуважение к Святой Божьей Церкви и к законному собору, Папа отказался созвать собор, заявив, что собор ничего не значит.

Это дело было не только Лютера, но и всего христианского мира. И поэтому он сопроводил протест против буллы официальной апелляцией к «императору, князьям, баронам, знати, сенаторам и всем христианским судам Германии», призвав их ради вселенской истины, церкви Христовой, свободы и прав законного собора быть его свидетелями и его апелляции, противостать нечестивой тирании Папы, и не исполнять буллу, пока его не вызовут законным образом, и беспристрастные судьи не выслушают и не убедят его по Писанию. «Если бы они поступали должным образом в этом деле, «Христос, наш Господь, - писал он – наградил бы их вечной милостью. Но все презрели мои молитвы и продолжали слушаться этого нечестивого

человека, Папу, больше Бога», он отказался признать какую-либо ответственность за последствия, и предал их высшему суду Всемогущего Бога.

На пути следования двух нунций ярко горели костры, не для людей, а для книг, рукописей Лютера. В Лувейне, Кельне и многих городах наследных владений императора горели костры, сложенные из трудов Лютера. На многочисленные костры Экка и Алеандера Лютер ответил одним костром. Он написал закон о разводе, давая понять, что он безвозвратно расстался с римской церковью.

Плакат на стенах университета в Виттенберге гласил о том, что Лютер намеревался сжечь папскую буллу, и это произойдет в девять часов утра 10 декабря у восточных городских ворот. В назначенный день и час можно было видеть Лютера, выходившим из ворот университета в сопровождении профессоров и студентов численностью в 600 человек и толпой горожан, которые энергично симпатизировали ему. Процессия прошла по улицам города, пока не вышла через ворота и не вынесла за город – ибо все нечистое должно сжигаться вне стана – буллу понтифика. Прибыв на место, где должно было состояться новое и необычное жертвоприношение, участники процессии нашли там уже приготовленный эшафот и сложенные на нем дрова. Один из известных магистров искусств взял факел и поднес его к дровам. Пламя вскоре ярко разгорелось. В этот момент реформатор в сутане своего ордена вышел из толпы и подошел к костру, держа в руке несколько томов, содержащих Канонический Закон, сборник Гратиана, климентины, Экстраваганты Юлия II и другие более поздние вымыслы папского происхождения. Он бросал эти книги одну за другой в костер.

Костер поглотил их как нечто обычное. Их таинственные достоинства не принесли костру никакой пользы. Пламя, охватившее их огненными языками, быстро превратило эти памятники гения и непогрешимости Папы в пепел. Гекатомба папских указ еще не закончилась. Осталась еще булла Льва X. Лютер поднял руку с буллой. «Так как ты досадил Святому Божьему, сказал он, то вечный огонь досадит тебе и уничтожит». С этими словами он бросил ее в горящую кучу. Экк рисовал себе картину ужасной буллы, которую он с триумфом перевез через Альпы, взрывавшуюся над головой монаха. Ее ждал более мирный конец. Через несколько мгновений она сгорела в пламени и смешалась с пеплом ее предшественниц тем зимним утром на тлеющем костре вне стен Виттенберга.

Удар был нанесен. Вновь выстроилась процессия. Богословы, магистры, студенты и горожане, собравшиеся вокруг Лютера, вернулись в город с чувством победы.

Если бы Лютер начал движение с этого акта, он погубил бы его. Люди увидели бы только ярость и злость, тогда как сейчас они увидели мужество и веру.

Реформатор начал вывешивать «Тезисы» - допустив свет в темные места римской церкви. Сейчас сознание людей было подготовлено в значительной степени. Следовательно, сжигание буллы было правильным актом в правильное время. Это был акт не одинокого монаха, а немецкого народа – взрыв народного возмущения. Весть о нем быстро и широко распространилась, и когда дошла до Рима, власти Ватикана задрожали на своих местах. Она звучала, как Голос, эхом отдававшимся в языческом мире при рождении Спасителя, и который поднял плач и рыдания среди гробниц и могил язычества: «Великий Пан умер»!

Лютер знал, что одним ударом битву не выиграешь; что война только началась, и обязательно последуют бесконечные, еще более мощные удары. Поэтому на следующий день, когда он читал лекцию на тему псалмов, он возвратился к эпизоду с буллой и разразился потоком красноречия и обличений. Сжигание папского указа, сказал он, обратившись к многочисленным студентам, собравшимся в аудитории, является знаком, символом того, что он подразумевает, костер папства. Его брови нахмурились, голос зазвучал более торжественно, когда он продолжил: «Если вы всем сердцем не оставите папство, вы не спасете своих душ. Царство Папы противоречит закону Христа и христианской жизни; лучше скитаться по пустыне и не видеть человеческого лица, чем жить под властью антихриста. Я предупреждаю всех следить за состоянием души, чтобы подчиняясь Папе не отвернуться от Христа. Пришло время, когда христиане должны выбирать между смертью здесь и смертью в будущем. Что касается меня, то я выбираю смерть здесь. Я не могу взять такое бремя на свою душу, как молчание в этом деле: я должен ждать расплаты. Я ненавижу вавилонского паразита. Пока я живу, я буду провозглашать истину. Если нельзя предотвратить гибель душ во всем христианстве, то я, по крайней мере, буду трудиться со всей силой для спасения соотечественников от бездонной пропасти вечных мук».

Сожжение папской буллы отмечает завершение одного этапа и начало другого в этом великом движении. Оно говорит о полноте доктринальных взглядов Лютера; и именно зрелое и совершенное суждение о двух системах и двух церквях позволило ему действовать с такой решительностью – решительностью, которая поразила Рим и собрала вокруг него многих друзей. Римская церковь никогда не сомневалась, что ее стрела сокрушит монаха. Она остановилась в сомнении, выпускать ли еще одну стрелу, ведь она не сомневалась, что выпущенная стрела должна была покончить с бунтом в Виттенберге. На протяжении многих веков никто еще не мог противостать ей. Никогда еще ее анафемы не терпели неудачу в осуществлении мести, к которой они предназначались. Короли и народы, светские и церковные власти при ударе этим ужасным орудием сразу падали и погибали как от страшной чумы. А кто был этот еретик из Виттенберга, который бросил вызов силе, перед которой весь мир склоняется в трепете? Римской церкви достаточно только сказать, протянуть руку,

выпустить стрелу и противник будет сметен с ее пути; на земле от него не останется ни имени, ни памяти. Римская церковь отчитает, зашикает на Виттенберг и оставит его в одиночестве. Она действительно сказала, протянула руку, выпустила стрелу. И какой результат? Для римской церкви результат страшный и ужасающий. Монах, поднявшийся во всю свою мощь, схватил стрелу, выпущенную в него с Семи Холмов, и послал ее назад в тех, кто ее выпустил.

Глава 3 - Встречи и переговоры.

Весна – Новое творение – Три круга – Внутренний – учение реформации. – Средний – нравственность и свобода. – Внешний – искусство и наука. – Карл V коронуется в Аль-де-Чепель. – Папский посланник Алеандер – Действия против Лютера – Попытки договорится с Фридрихом и императором – Перспектива войны с Францией – Император ищет расположения Папы. – Лютер должен стать взяткой. – Папа победил. – Суд едет в Вормс. – Турнир прерван. – План императора – Указ об уничтожении Лютера

От вывешивания «Тезисов» на дверях замковой церкви в Виттенберге 31 октября 1517 года до сжигания буллы 10 декабря 1520 года у восточных ворот того же города прошло точно три года и шесть недель. За эти три коротких года взгляды людей значительно изменились, а также и взгляды самого Лютера. Благословенная весна, казалось, пришла на землю. Как чудесен ее свет! Как благодатны капли, начавшие падать с небес на истомленную землю! Какая радость наполняет души людей, какой восторг слышится со всех сторон в нарастающих звуках песен народов, которые, собравшись под знаменами ожившего Евангелия, приходят, чтобы исполнить древнее пророчество: «на Сион с песнями!»

Движение, которое мы рассматриваем, имеет много областей и сфер. Мы находим его в общественной жизни человека, с собой оно приносит чистоту и целомудрие. Мы находим его в мире образования и науки, там оно – источник силы и благодати – литература, чье цветение прекраснее и плоды слаще, чем античные, сразу расцветает. Мы находим его в политике, там оно – воспитатель порядка и страж свободы. Под его эгидой растут могущественные троны, сильные и процветающие страны. Монархи не являются тиранами, а подданные рабами, потому что закон стоит над обоими, и запрещает власти превращаться в тиранию, а свободе – в распутство. Движение охватывает всю жизнь. Оно не имеет границ кроме общества – всего мира.

Но, если его окружность огромна, не надо забывать, что центром является вера или учение – великие вечные истины, действующие на души людей и преобразующие их, восстанавливающие личность и общество в правильные отношения с Богом, и приводящие их в гармонию со святым, благотворным и всемогущим правлением Бога. Это была точка опоры, на которой держалось все движение, вокруг которой оно вращалось.

В этом центре располагались жизненно важные силы – истины. Эти древние, простые, нерушимые и неизменные силы имели начало на небесах; они составляют жизнь человечества, и пока они остаются в сердце движения, оно не умрет и не может потерять способность восстановления сил и прогресса. Эти

основополагающие и жизнетворные принципы тысячу лет находились в склепе глубоко под землей. Но, сейчас в эту благодатную весеннюю пору, их оковы упали, они вышли наружу, чтобы рассеяться по всему полю человеческой жизни, и проявить свое присутствие и деятельность через тысячи разных прекрасных форм.

Без этого центра, а именно богословия, у нас не было бы внешних сфер этого движения, которыми являются наука, литература, искусство, коммерция, законодательство и право. Развитие общества непременно основывается на нравственном принципе. Духовные силы, для которых Лютер имел честь быть инструментом приведения в действие, сами могли породить это движение и привести его к такой цели, которая способствовала развитию всего мира. Любовь к наукам и свободе были недостаточны для этого. Они не достаточно глубоки, не имеют довольно высокой цели и веских причин для упорного труда, самоотречения и самопожертвования, с помощью которых можно достичь цели в любой истинной реформации. История протестантизма дает этому два ярких примера. Герцог Георг Саксонский был правителем истинно патриотического духа, и сначала одобрял движение, потому что видел, что оно оказывало сопротивление иностранной тирании. Но неприятие им учения о благодати сделало его в ближайшем будущем одним из злейших его врагов. Он жаловался, что Лютер все испортил «своими мерзкими учениями», не поняв, что именно учение побеждает сердца, и что именно сердца предоставляют мечи для борьбы за гражданскую свободу.

Путь Эразма был довольно скорбным. Он во многом сочувствовал и симпатизировал Лютеру. Реформация многим была обязана ему за издание Нового Завета на греческом языке. Ни его утонченный вкус, ни его исключительная ученость, ни его любовь к свободе, ни его отвращение к монашескому невежеству не могли удержать его на стороне протестантизма. Это был человек, который нанес римской церкви несколько сильных ударов, когда был в зените славы, а в старости искал прибежища в ограде римской католицизма, оставив науку и свободу.

Обратимся на некоторое время от Лютера к Карлу V, от Виттенберга к Аль-де-чепель. Корону Карла Великого вот-вот оденут на голову молодого императора в присутствии курфюрстов, герцогов, архиепископов, баронов и графов империи, а также посланников папского престола. С этой целью Карл ехал из Испании, посетив по дороге Англию, где задержался на четыре дня с целью укрепления дружбы с Генрихом VIII, и отвлечения его влиятельного и честолюбивого советника, кардинала Уолси, от интересов Французского короля, соблазнив его бриллиантовой наградой папской тиары. Карл был коронован 23 октября в присутствии более многочисленного и блестящего собрания, чем собиралось когда-либо ранее по такому случаю.

После того, как он распростерся на кафедральном полу и произнес молитвы, он был отведен к алтарю, где поклялся хранить католическую веру и защищать церковь. Затем его возвели на трон, отделанный золотом. Во время мессы его голову, грудь, подмышки и ладони помазали елеем. После этого его отвели в ризницу и облачили в одеяние дьякона. После молитв ему вложили в руку обнаженный меч, и он опять обещал защищать церковь и империю. После того, как он вложил меч в ножны, он был облачен в императорскую мантию и получил кольцо, скипетр и сферу. В конце церемонии три архиепископа возложили корону на его голову; коронация была закончена словами архиепископа Майнца о том, что Папа подтверждает произошедшее, и, что это его воля, чтобы Карл V царствовал как император.

Вместе с собранием в Аль-де-Чапель пришел гость, чьего появления не ждали и не желали – чума; как только коронация закончилась, Карл V и его блестящая свита уехали в Кельн. Император был на пути в Вормс, где намеревался провести свой первый сейм. Правители Золотой Буллы хранили эту честь за Нюрнбергом, но из-за чумы, свирепствовавшей в то время в городе, выбрали Вормс. По дороге туда двор остановился в Кельне, и в этом старинном городе на берегу Рейна начались махинации, которые достигли кульминации на сейме в Вормсе.

Папский престол направил двух специальных посланников к императорскому двору, чтобы следить за делом Лютера: Марио Караччеоли и Джироламо Алеандера. Это дело занимало умы Папы и его советников. Они даже на время забыли о турках. До сих пор все их попытки заставить замолчать монаха и остановить движение были тщетны, и даже имели противоположное действие. Тревога в Ватикане была большой. Борцы, посылаемые римской церковью, чтобы заставить Лютера отречься, несли поражение один за другим. Лютер разбил наголову Тетцеля, великого торговца индульгенциями, совершенно сбил с толку Каэтана, самого образованного из их богословов, разгромил Экка, самого способного из всех полемистов. Благовидный Милтиц зря ставил свои ловушки, его обхитрили и одурачили, и, наконец, сам Лев вышел на арену, но не достиг победы, как и другие; с ним обошлись еще более неуважительно, дерзкий монах сжег его буллу перед всем христианским миром. Куда все это приведет? Папский престол уже потерпел большие убытки. Индульгенции не продавались. Десятина, резервация и первинки не платились, святые раки были забыты, к власти ключей и древним регалиям Петра относились с презрением; к каноническому закону, могущественному памятнику мудрости и справедливости понтифика, относились, как к хламу и неуважительно бросали в горящую кучу. Хуже всего, не боялись грома понтифика; молнии, которые сотрясали монархов на тронах, дерзко отсылались назад к громовержцу. Настало время обуздать такую наглость и наказать нечестие.

Два посланника ко двору императора сделали все возможное, чтобы поднять этот вопрос. Из двух лиц самым рьяным был Алеандер, которого мы уже знаем. О нем шла дурная слава за его связь с папским престолом во времена самого бесславного из понтификов, Александра VI; но он обладал большими способностями, интересовался науками, отличался неутомимым трудолюбием и преданностью престолу римской церкви. В то время у нее было всего несколько человек, которые смогли достичь благоприятных результатов в этих трудных и опасных переговорах. Лютер ярко отобразил его способности. «Иврит был его родным языком, греческий он учил с детства, латынь он долго и глубоко изучал. Он был евреем, но не помнил, был ли крещен. Однако он не был фарисеем, так как, конечно, не верил в воскресение из мертвых, и жил так, как будто все погибает с телом. Алчность его была ненасытной, жизнь мерзкой, а гнев иногда доходил до безумия. Почему он пристал к христианам, он не знал, разве только чтобы прославлять Моисея, затмевая Христа».

Алеандер открыл кампанию костром из рукописей Лютера в Кельне. «Какое имеет значение – говорили некоторые люди папскому посланнику – уничтожение написанного на бумаге? Вы должны уничтожить то, что написано на сердцах людей. Там написаны убеждения Лютера. «Верно, – ответил Алеандер, понимая свое время – но мы должны учить с помощью знаков, которые все могут читать». Алеандер, однако, хотел бы привести к костру автора этих книг. Но сначала он должен иметь над ним власть. Курфюрст Саксонский стоял между ним и человеком, которого он хотел уничтожить. Он должен разъединить Фридриха и Лютера. Он должен переманить на свою сторону молодого императора Карла. Последнее не было трудным делом. Рожденный в старой вере, имевший предков, чья слава была тесно сплетена с католицизмом, наставленный Адрианом из Утрехта, этот молодой и честолюбивый монарх, конечно, не позволит презренному монаху встать между ним и великими планами, им задуманными. Лишенный поддержки Фридриха и Карла, Лютер окажется во власти нунция, и тогда костер вскоре заглушит голос, пробуждавший Германию и звучавший по всей Европе. Так рассуждал Алеанлер, но обнаружил, что путь был усеян бо;льшими трудностями, чем он рассчитывал встретить.

У нунция не было недостатка ни в рвении, ни в трудолюбии, ни в находчивости. Сначала он пошел к императору. «Мы сожгли книги Лютера, - сказал он – император дал разрешение на костры, но вся атмосфера полна ереси. Мы нуждаемся ради ее очищения в императорском эдикте против их автора». «Я сначала должен выяснить, - сказал император - что думает об этом наш отец курфюрст Саксонский».

Было ясно, что прежде чем добиться успеха у императора, надо было справиться с курфюрстом. Алеандер выпросил аудиенцию у Фридриха. Курфюрст принял его в

присутствии советников и епископа Трента. Надменный посланник папской курии вел себя крайне высокомерно в присутствии курфюрста. Он отстранил Карачиолли, второго посланника, который пытался завоевать курфюрста лестью, и перешел сразу к делу. Лютер, сказал Алеандер, раскалывает христианское государство; он разрушает империю; тот, кто с ним соединяется, отделяет себя от Христа. Только Фридрих, утверждал он, стоит между Лютером и наказанием, которого он заслуживает; он закончил требованием к курфюрсту наказать Лютера самому или отправить его в Рим.

Курфюрст встретил наглое нападение Алеандера призывом к справедливости. Никто пока, сказал он, не опроверг Лютера; было бы большим позором наказывать человека, который не был осужден; Лютера нужно вызвать на суд благочестивых, образованных и беспристрастных судей.

Это был намек на Сейм, собиравшийся в Вормсе, на открытое слушание дела протестантизма перед благородным собранием. Ничего не было более тревожным для Алеандера, чем это предложение. Ему знакомы были решительность и красноречие Лютера. Его страшило то впечатление, которое произведет на князей появление Лютера на сейме. У него не было намерения схватиться с ним лично, или иметь такого же роды победы, о которых так громко хвастал Экк. Он понимал, насколько популярным стало уже его дело в Германии, и как важно было избегать всего, что могло бы дать ему дополнительную огласку. Во время путешествия, если узнавали, что он против Лютера, ему трудно было найти приличную гостиницу, причем портреты грозного монаха смотрели на него со стен почти каждой спальни, где он спал. Он знал, что произведения Лютера были в любом доме, от замка барона до хижины крестьянина. Разве не было открытым оскорблением его господина Папы, который отлучил Лютера, разрешить ему изложить свое дело перед светским собранием? Разве это не выглядит так, как будто папский указ отменен воинственными баронами, а престол Петра может подчиниться генерал-губернатору Германии? Исходя из всех этих причин, папский нунций решил максимально препятствовать появлению Лютера на сейме.

Теперь Алеандер обратился от курфюрста Саксонского к императору. «Наша надежда на победу – писал он кардиналу Джулио де Медичи – только в императоре». Императора мало интересовало, истинны или ложны взгляды Лютера. Дело представляло интерес только с точки зрения политики. Он просто спрашивал, что будет способствовать его политическим планам: защитить Лютера или сжечь его? Карл, кажется, был самым влиятельным человеком в христианском мире, и, однако, было два человека, с которыми он не мог позволить себе ссориться, курфюрст Саксонский и понтифик. Первому он был обязан императорской короной, так как благодаря влиянию Фридриха на выборную коллегию ее возложили на голову Карла

Австрийского. Эта услуга может быть забыта, так как у монархов короткая память, но Карл не мог обойтись без советов и помощи Фридриха в управлении империей, во главе которой он был поставлен. По этой причине император хотел быть в хороших отношениях с курфюрстом.

С другой стороны Карл не мог себе позволить разорвать с Папой. Он был на грани войны с Франциском I, королем Франции. Этот рыцарственный монарх начал свое царствование с перехода через Альпы и битвы при Маринжнано (1515 г.), которая продолжалась три дня – «громадная битва», как назвал ее маршал Тривулзи. Победа принесла Франциску I славу воина и более существенное приобретение Дучи из Милана. Император Карл подумывал лишить Французского короля его владения и распространить свое влияние в Италии. Итальянский полуостров был лакомым кусочком, из-за которого боролись в те времена монархи, понимая, что обладанием им дает его владельцу преимущество в Европе. Эта давняя борьба между королями Испании и Франции была близка к разрешению. Но Карлу удалось бы сделать это быстрее, если бы Лев из Рима был на его стороне.

Карлу пришло на ум, что монах из Виттенберга был самой подходящей картой в предстоящей игре. Если Папа согласится помощь ему в войне против французского короля, то он отдаст Лютера в его руки, чтобы он делал с ним все, что считает нужным. Но, если Папа откажет ему в помощи и встанет на сторону Франциска, император окажет протекцию монаху и сделает его силой, противостоящей Льву. Так обстояло дело. Между тем, переговоры продолжались с целью выяснить, к чьей стороне примкнет Лев, который боялся обоих монархов, и какова в результате будет судьба реформатора, протекция или осуждение императора.

Так обращались эти великие люди с делом возрождения всего мира. Человек, который был владыкой многих королевств, как в Старом, так и в Новом Свете, хотел бросить в огонь реформатора и вместе с ним движение, ставшее началом нового времени, если ему удастся прибавить Миланское герцогство к своим уже разросшимся владениям. Монах был в их руках, так они думали. Как бы они удивились, если им сказали бы, что они находятся в его руках, для того чтобы использовать их в интересах своего дела; что их короны, армии и политика формировались, двигались, процветали или несли поражение в зависимости от тех духовных сил, в которых участвовал Лютер! Виттенберг был небольшим городом среди многих гордых столиц мира, и, однако, не Мадрид или Париж стали в то время центром человеческих отношений.

Императорский суд выехал в Вормс. Два папских представителя, Караччиоли и Алеандер, следовали за императорским кортежем. Умы других людей были заняты рыцарскими подвигами, балами, честолюбивыми планами; два нунция были поглощены только одним – подавлением религиозного движения; и чтобы

достигнуть этого было необходимо, как они убеждали себя, сжечь Лютера на костре. Карл назначил сейм на 6 января 1521 года. В циркулярных письмах к правителям он указал причины его созыва. Одной из них было назначение регентского совета для управления империей на время его необходимого отсутствия в наследном королевстве Испании; однако, другой более важной причиной его созыва было принятие надлежащих мер контроля за новыми и опасными взглядами, которые сильно взбудоражили Германию и угрожали уничтожить религию их предков.

Сочетание многих интересов, страстей и мотивов собрало в Вормсе на сей раз более многочисленное и блестящее собрание, чем когда-либо на другом сейме со времен Карла Великого. Это был первым сейм для императора. Его молодость и огромные владения, над которыми простирался его скипетр, привлекали к нему пристальный интерес. Возбуждение людских умов, важность обсуждаемых вопросов привлекло на Сейм беспрецедентное число участников. Отовсюду, из самых отдаленных мест съехались важные сановники Германии. По каждой дороге, ведущей в Вормс, ехал непрерывный ряд кавалькад. Курфюрсты со своими дворами, архиепископы со своими капитулами; маркграфы и бароны со своими военными отрядами; посланники из разных городов с эмблемами своих ведомств; группы белого и черного духовенства, в облачении своих орденов; послы иностранных государств – все спешили в Вормс, где более великий, чем Карл, должен был предстать перед ними, и дело, более великое, чем дело империи, должно было представить свои требования их слуху.

Сейм открылся 28 января 1521 года. На нем председательствовал Карл – бледный меланхоличный молодой король, достигший совершенства в верховой езде, но хрупкого телосложения. Он изучал таких авторов, как Тусидид и Макиавелли. Шиве направлял его своими советами, но у него, по-видимому, не сложился пока определенный политический план. «Карл в основном овладел из истории – пишет Мюллер – искусством маскировки, которое он совмещал с талантом управления». Среди окружавшей роскоши, бесконечные дела и задачи постоянно отвлекали его, но ключевым вопросом, интересовавшим всех, был монах из Виттенберга и религиозное движение. Папские нунции день и ночь надоедали ему, чтобы он исполнил папскую буллу против Лютера. Если бы он удовлетворил их настойчивые просьбы и отдал монаха в их руки, то он бы отдалил курфюрста Саксонского и разжег бы большой пожар в Германии, который нельзя было бы погасить любыми силами. Если, с другой стороны, он откажет Алеандеру и оградит Лютера, он тогда очень оскорбит Папу и сделает его сторонником французского короля, который каждый день угрожает ему войной в Нижних странах или Ломбардии, или в обеих сразу.

На поверхности были турниры и развлечения, а под ними – беспокойства и трудности; в залах были пиры, а в кабинете министров – интриги. Колебания императорского ума можно было проследить по противоречивым приказам, которые он постоянно посылал курфюрсту Фридриху. Однажды он написал ему, чтобы он привез Лютера с собой в Вормс, а затем приказал ему оставить Лютера в Виттенберге. Тем временем Фридрих приехал на сейм без Лютера.

Оппозиция, с которой Алеандер встретился, вызвала в нем приток энергии, почти ярости. Он с ужасом наблюдал, как протестантское движение растет с каждым днем, в то время как Римская церковь теряет свои позиции. Схватив перо, он написал возражение кардиналу де Медичи, родственнику Папы, чтобы сказать, что «Германия отделяется от римской церкви»; и, если не пришлют еще денег, чтобы одарить членов сейма, то он может оставить всякую надежду на успех в переговорах. Римская церковь прислушалась к зову ее раба. Но она послала не дукаты, а анафемы. Ее первая булла против Лютера была условной, так как она призывала его покаяться и угрожала ему отлучением, если он в течение шестидесяти дней не сделает этого. Теперь, в новой булле на него налагалось отлучение (6 января 1521 года), и приказывалось оглашать буллу со всеми ужасными обрядами во всех церквях Германии. Эта булла ставила всех последователей Лютера под то же проклятие, как и его самого; таким образом, было закончено отделение протестантизма от римской церкви. Отделение, провозглашенное и запечатанное резкими анафемами, было делом самой римской церкви.

Новый шаг упростил дело, как для Алеандера, так и для Лютера, но более запутал для императора и его советников. Политики не видели пути так ясно, как ранее. Им казалось, что будет умнее, если заглушить движение, но новый запрет заставлял их разжечь его. Это означало, что они потеряют курфюрста, прежде сем приобретут Папу; так как переговоры с двором Ватикана не дали никакого определенного результата. Они должны были действовать осторожно и избегать крайностей.

Обнаружился новый способ, с помощью которого удастся, как думали дипломаты, поймать богословов Виттенберга. При дворе императора был испанский францисканец Хуан Глапио, который являлся исповедником Карла. Он был мягким, внушающим доверие и знающим человеком. Этот человек взялся устроить дело, которое ставило в тупик столько умных голов, и с этой целью он настоял на беседе с Грегором Браком, или Понтанусом, советником курфюрста Саксонского. Потанус был человеком безукоризненной честности, хорошо разбиравшимся в богословских вопросах и достаточно проницательным, чтобы видеть насквозь самых хитрых дипломатов императорского двора. Глапио был членом реформаторской партии в ограде римской церкви, это обстоятельство благоприятствовало той роли, которую он на себя принял. В беседе с советником Фридриха он сделал вид, что очень хорошо

относится к Лютеру; он с восхищением читал его труды и в основном согласен с ним. «Иисус Христос – сказал он, глубоко вздохнув – был свидетелем, что он так же страстно желал реформации церкви, как Лютер или кто-нибудь другой». Он часто говорил о своем радении по отношению к императору, и Карл симпатизировал его взглядам, о чем мир еще узнает.

Из панегирика, посвященного произведениям Лютера, Глапио исключил одно – Вавилонское пленение. Он утверждал, что эта работа не достойна Лютера. Он не нашел в ней ни его стиля, ни его знаний. Лютер должен отречься от нее. Что касается остальных его работ, то он бы предложил представить их на рассмотрение избранной группе образованных и объективных людей, Лютер должен объяснить некоторые вещи и извиниться за другие; и затем Папа по всей полноте власти и доброты восстановит его. Так разрыв будет заживлен, и все кончится хорошо. Такими небольшими уловками умные головы двора Карла надеялись уладить дело. Они только показали, насколько низко они оценили человека, которого надеялись уловить, и поняли движение, которое пытались остановить. Понтанус наблюдал с небольшим презрением, как они раскидывали сети, Лютер слушал об их планах с усмешкой.

Переговоры между императором и двором Ватикана пришли к завершению. Папа согласился стать союзником Карле в будущей войне с королем Франции, а император, в свою очередь, гарантировал угодить Папе в деле с монахом из Виттенберга. Двое должны были объединиться, и связующим звеном между ними должен стать костер. Империя и папство должны были встретиться и пожать друг другу руки над пеплом Лютера. На протяжении двух веков, включая понтификат Григория VII и далее, императорская корона и тиара вели ужасную войну друг с другом за превосходство в христианском мире. В эту эпоху эти двое поделили мир – не было других конкурентов. Но вот, поднялась новая сила; ненависть и ужас, которые оба испытывали к новой силе, сделали старых врагов друзьями. Жребий брошен. Духовное и плотское оружие объединилось, чтобы сокрушить протестантизм.

Император был готов выполнить свою часть соглашения. Трудно было предположить, что может остановить его. За его спиной была огромная сила королевств и армий. Более того, теперь с ним был духовный меч. Если при таком раскладе сил, он не смог бы смести со своего пути назойливого монаха, то это бы было нечто странное и необъяснимое, и вряд ли в истории нашлось что-нибудь подобное.

Было начало февраля. День должен быть посвящен великолепному турниру. Списки уже составлены, императорский шатер установлен, над ним развевалось императорское знамя, принцы и рыцари надевали доспехи, а зрители готовили

награды и призы за подвиги смелости, которыми должна быть украшена мнимая война, когда неожиданно появился императорский посланник с приказом прибыть всем правителям в королевский дворец. Их пригласили принять участие в реальной трагедии. Когда они собрались, император достал и прочитал папское бреве, недавно прибывшее из Рима, предписавшее ему применить императорские санкции к отлучению Лютера, и немедленно исполнить буллу. Их ожидал еще больший сюрприз. Затем император вынул и зачитал собравшимся правителям указ, который он сам составил в соответствие с папским бреве, приказав, чтобы все было исполнено, как желает этого Папа.

Глава 4 - Лютер вызван на сейм в Вормс.

Проверка – Алеандер выступает перед сеймом. – Протестантизм более опасен, чем магометанство. – Результат речи Алеандера – Герцог Георг – Сто одна жалоба – Правители требуют выслушать Лютера. – Император решает вызвать его на сейм. – Охранная грамота – Страстной Четверг в Риме – Булла In Coena Domini – Имя Лютера внесено в нее. – Лютер приходит к полноте знаний. – Прибытие императорского посланника в Виттенберг. – Вызов.

Буря еще не разразилась. Мы видели, как Папа издал буллу об отлучении, мы слышали, как император читал указ, предписывавший плотскому оружию выполнить духовный приговор; казалось, нам осталось несколько дней, прежде чем мы увидим, как реформатора тащат к костру, чтобы сжечь. Но, чтобы это совершилось, не достает одного. Конституция империи требовала, чтобы Карл перед тем как идти дальше, прибавил «если у государств есть лучше вариант, мы готовы выслушать их». Большинство немецких феодалов Лютер мало волновал, но их очень волновали их собственные права; они ненавидели отвратительную тиранию и изнурительное грабительство Рима. Они чувствовали, что освобождение Лютера должно стать самым эффективным средством для того, чтобы сбросить ярмо, натиравшее их шеи. Правители просили дать им время на размышление. Алеандер был в бешенстве; он видел, что жертва уходит из его зубов. Но император с готовностью согласился. «Убедите собрание», – сказал император-политик нетерпеливому нунцию. Было решено, что Алеандер выступит перед сеймом 13 февраля.

Это был важный день для нунция. Собрание было большое, а дело – еще больше. Алеандер должен был представлять интересы римской церкви – верховной власти и правления Петра, матери и госпожи всех церквей – перед собранием правителей христианского мира. У него был дар красноречия, и он мобилизовал все силы ради важности события. По Божественному провидению римская церковь была представлена самым искусным оратором перед одним из самых представительных судов, прежде чем будет осуждена. Речь была записана Палавичино, одним из самых достоверных и красноречивых римских историков.

Речь нунция была более эффектной в тех частях, где он нападал на Лютера, чем в тех, где он защищал папство. Его обвинения против Лютера были стремительны и искусны. Он обвинял его в стремлении к всеобщему краху, в нанесении удара по основам религии отрицанием учения о Евхаристии, в стремлении разрушить основы иерархии, утверждая, что все христиане являются священниками, в стремлении свергнуть гражданский порядок, заявляя, что христианин не обязан подчиняться суду, в попытках низвергнуть основы нравственности учением о нравственной неспособности воли, в смещении мира по ту сторону могилы, отрицая чистилище.

Доля кажущейся истины, содержавшейся в обвинениях, делала их более опасными. «Единодушное решение – сказал оратор в заключение своей речи – этого прославленного собрания просветит простых, предупредит опрометчивых, определит колеблющихся и даст силу слабым…. Но если не положить топора у корней ядовитого дерева, если не нанести смертельного удара, тогда…я вижу, как оно затемнит наследие Иисуса Христа своими ветвями, превратит виноградник Господа в мрачный лес, царство Божие в логовище диких зверей, умалив Германию до государства дикого варварства и разорения, которые принесла миру ложная вера Магомета. «Я бы хотел – добавил он виртуозно – отдать свое тело на сожжение, если чудовище, породившее эту растущую ересь, будет уничтожено на том же костре, и его пепел смешается с моим».

Нунций говорил три часа. Его огненная речь и энергичная манера подачи возбудили страсти сейма; если бы голосование провели в тот момент, то голоса всех участников, кроме одного, были отданы за осуждение Лютера. Однако заседание сейма закончилось, когда оратор сел на место, и победа, которая, как казалось, была в руках римской церкви, ускользнула.

Когда правители собрались в следующий раз, пары, вызванные риторикой Алеандра испарились, и остались лишь голые факты римского вымогательства, глубоко запечатлевшиеся в памяти немецких баронов. Их не сотрет никакое красноречие. Первым выступил перед собранием герцог Саксонский Георг. Его слова имели больший вес из-за того, что он считался врагом Лютера и евангельского учения, хотя и борцом за права родной страны и врагом церковных злоупотреблений. Он бросил беглый взгляд на ужасные следы римской узурпации и продажности в Германии. Десятины были превращены в налоги; бенефиции покупались и продавались; папские разрешения можно было приобрести за деньги; умножились пункты для того, чтобы грабить бедных; палатки по продаже индульгенций появились на каждой улице; прощение зарабатывалось не молитвой или делами милосердия, а платой за грех по рыночной цене. И епитимьи были так хитро построены, что приводили к повторению греха. Штрафы были сделаны непомерными, чтобы увеличить от них доход; аббатства и монастыри были опустошены коммендами и их богатства перевезены через Альпы для обогащения иностранных епископов; гражданские дела рассматривались церковными судами. «Тяжкие мучения несчастных душ» требовали всеобщей реформы, которую мог осуществить только Вселенский Собор. В заключении герцог Геогр настаивал на его созыве.

Чтобы направить мимо себя бурю негодования, которая, как видели архиепископы и аббаты, поднималась на сейме, они переложили основную вину за неоспоримые злоупотребления, огромный перечень которых представил герцог, к

дверям Ватикана. Они намекнули, что у правящего Папы были очень дорогостоящие вкусы и роскошные привычки, что он был склонен тратить церковные деньги не на праведных и образованных людей, а на шутов, сокольничих, конюхов, слуг и других людей, которые служили его прихотям и развлекали его двор. Эта отговорка была фактически обвинением.

Сеймом был назначен комитет для составления списка притеснений, от которых страдала Германия. Этот документ, содержавший сто одну жалобу, был представлен императору на следующем собрании сейма вместе с просьбой, чтобы он в исполнении условий капитуляции, подписанных им при коронации, предпринял шаги по проведению реформации обозначенных злоупотреблений.

Сейм на этом не остановился. Правители потребовали вызова Лютера. Они говорили, что было бы несправедливо осудить его, не зная, был ли он автором преступных книг, и, не услышав, что он скажет в защиту своих взглядов. Император был вынужден уступить, хотя и прикрыл свою уступку под видом сомнения, принадлежали ли книги перу Лютера. Он сказал, что хотел бы быть уверен в этом. Алеандер был поражен неуверенностью императора. Он видел, что основания папства сотрясаются, что тиара дрожит на голове его господина, и что все то зло, о котором он предсказывал в своей грандиозной речи, обрушивалось как разрушительная буря на христианский мир. Но он напрасно боролся с решительностью императора и с еще большей силой стоявшей за ним, из которой родилась эта решительность – чувства немецкого народа. Сейм решил, что Лютер должен быть вызван. У Алеандера осталась единственная надежда, одно смягчающее обстоятельство в этом тревожном деле – Лютеру откажут в охранной грамоте. Но это предложение он, в конечном счете, не смог провести, и 6 марта 1521 года императором был подписан вызов Лютера на сейм в Вормс в течение двадцати одного дня. К официальному вызову в суд прилагалась охранная грамота, адресованная «уважаемому, любимому и благочестивому доктору Мартину Лютеру из ордена августинцев», и приказывавшая всем князьям, вельможам, судам и прочим соблюдать эту охранную грамоту под страхом впасть в немилость императора и империи. Гаспарду Штурму, императорскому глашатаю, было поручено отвести эти документы Лютеру и сопровождать его в Вормс.

Указ был издан. Он выражал волю и намерение Того, Кто был выше Карла. Лютер должен был свидетельствовать об Евангелие не на костре, а на высочайшей из сцен, которую мог предоставить мир. Властитель многих королевств и государь многих провинций должен был приехать в Вормс, терпеливо ждать и покорно выслушать то, что скажет им сын рудокопа. Пока императорский глашатай находится в пути, чтобы доставить им человека, которого они ждут, давайте на мгновение посмотрим, что происходит на противоположном полюсе христианского мира.

Как бы далеко не отстояли друг от друга Рим и Виттенберг, между ними есть связующее звено. Невидимая сила управляет событиями в обоих местах, заставляя их развиваться равномерно. Какая удивительная гармония при антагонизме! Сначала обратимся к Риму. Страстной Четверг. На балконе главного собора, украшенного для одной из самых значительных церемоний церкви, сидит Папа. Вокруг него стоят служащие ему священники, держащие в руках зажженные факелы, а под ним склонив колени, с непокрытыми головами, в молчании стоят римляне, собравшиеся на огромной площади. По традиции перед праздником Пасхи Лев зачитывает чудовищную буллу In Cocna Domini.

Это – очень старая булла. Она претерпела во время предыдущих понтификатов различные изменения и добавления с целью сделать ее содержание понятнее, а отлучение более впечатляющим. Она была прозвана «киркой отлучения». По традиции она ежегодно провозглашалась в Риме в четверг перед Пасхальным воскресеньем, поэтому ее называли «тельцом трапезы Господней». Звонили колокола, стреляли пушки собора св.Анджело, толпы священников вокруг балкона Папы размахивали зажженными свечами, затем внезапно гасили их; короче, не пропустили ни одного обряда, который способствовал нагнетанию обстановки при оглашении буллы – конечно, излишняя работа, когда мы думаем, что более страшных проклятий не звучало с этого балкона, с которого гремело так много вердиктов об отлучении. Люди любого сословия, статуса или национальности, не подчиняющиеся папскому престолу, полностью и окончательно подвергаются проклятию буллой In Coena Domini. Особенно подвергаются проклятию еретики. «Мы проклинаем – говорил Папа - всех еретиков: катаров, патаринов, бедняков из Лиона, арнольдистов, сперонистов, уиклиффистов, гусситов, фратричелов»; - «потому, что – произнес Лютер ремарку «в сторону» - они хотели иметь Священное Писание, и требовали от Папы быть здравомыслящим и проповедовать Слово Божие». «Когда свод правил об отлучении – пишет Слейдан – попал в руки Лютера, он отдал его в High Dutch, окропив его несколькими очень остроумными и сатирическими замечаниями».

В этом году новое имя было включено в это проклятие, и ему отводилось заметное место. Это было имя Мартина Лютера. Римская церковь, таким образом, присоединила его к свидетелям истины, которые в предыдущие века пали под ее анафемой, и многие из которых погибли на ее кострах. Выбросив его безвозвратно из своей ограды, она соединила его с духовной, святой и вселенской церковью.

В тот же самый момент, когда римская церковь выполняет и завершает свое дело, Лютер выполняет и завершает свое. Сейчас Лютер достигает высшей точки богословского и церковного прогресса. Шаг за шагом все эти годы он двигался вперед, добавляя одну доктрину за другой к арсеналу приобретенных знаний, и в то

же время, с тем же успехом он отбрасывал одно заблуждение католицизма за другим. Свет вокруг него становился все ярче и ярче, и он достиг зенита дня. В келье он чувствовал, что пал окончательно, и не имеет сил для спасения. Это был его первый урок. Затем ему открылось учение о спасении по благодати. Когда он стоял, окруженный темнотой отчаяния, вызванного смешанным чувством полного падения и полного бессилия, это учение осветило его со страниц Писания. Это откровение было для него подобно открытию райских врат. После этих ранних этапов он вскоре пришел к пониманию всей системы реформации - природы и цели послушания и смерти Христа; служения и работы Святого Духа; освящения людей посредством Слова; отношения благих дел к вере; природы и назначения Евхаристии; образующего принципа церкви, даже веры в истину и соединения с Христом. Это последнее откровение вместе с другим великим принципом, знание о котором он приобрел раньше, а именно непогрешимость авторитета Писания, полностью освободили его от рабства, которое угнетало его еще на ранних этапах пути, от страха перед римской церковью, как церковью Христа, и послушания понтифику, которое он считал необходимым, как послушание главе церкви. Последние оковы пали. Он стоял прямо в присутствии власти, перед которой склонялся почти весь христианский мир. Изучение посланий апостола Павла и Откровения, и сравнение их обоих с историей привели Лютера в то время к глубокому и твердому убеждению, что римская церковь в ее нынешнем состоянии была предсказанной «апостасией», а правление Папы властью антихриста. Именно это разрушило заклятие римской церкви и лишило проклятие остроты. Это было чудесное обучение, и не последним чудом в этом было точное совпадение во времени созревание взглядов Лютера и переломного момента его пути. Вызов на сейм в Вормс застал его в зените и полноте знаний.

Императорский глашатай Гаспард Штурм приехал в Виттенберг 24 марта и вручил Лютеру вызов императора на сейм в Вормс.

Глава 5 - Путешествие Лютера и прибытие в Вормс.

Решение Лютера – Тревога в Германии – Реформатор выезжает. – Прием в Лейпциге – Эрфурт – Проповеди – Эйзенах – Болезнь – Плохие предзнаменования – Мужество Лютера – Будут ли исполнять охранную грамоту? – Опасения друзей – Они советуют ему не ехать. – Его ответ – Въезжает в Вормс. – Народ на улицах – Зловещий спектакль – Правители столпились в его комнате. – Ночь и сон.

«Приедет ли он?», спрашивали участники сейма один за другим, когда решили вызвать Лютера. Единственным человеком, который не сомневался ни минуту на этот счет, был сам Лютер. В вызове, который был у него в руках, он видел волю Того, Кто был выше императора, и немедленно повиновался. Он знал, что в собрании, перед которым ему предстояло предстать, был один человек, на которого он мог полностью положиться, курфюрст Фридрих. Его охранная грамота могла быть нарушена, как это было с Яном Гусом. Идя в Вормс, он, возможно, шел на костер. Он знал, что его противники жаждали его крови, но он, ни на минуту, не поддался страху и не отказался от своего решения ехать в Вормс. Там он сможет свидетельствовать об истине, все остальное его не интересовало. «Не бойся, - писал он Салатину, секретарю курфюрста – я не отрекусь ни от одного слова. С помощью Христа я никогда не брошу Слово на поле битвы». «Меня вызвали, – говорил он своим друзьям, когда они выражали свои опасения – издали приказ и директивы, чтобы я явился в этот город. Я не откажусь от своего мнения и не убегу. Я поеду в Вормс, несмотря на все врата ада и князя, господствующего в воздухе».

Новость о том, что Лютера вызвали на сейм в Вормс, быстро распространилась по всей Германии; и там, куда она приходила, она вызывала смешенное чувство благодарности и тревоги. Немцы были рады, что дело их страны и их церкви приняло такие размеры, и потребовало рассмотрения и обсуждения на таком благородном собрании. В то же время они содрогались при мысли о судьбе человека, который был, в сущности, представителем народа, и во многом самым искусным борцом за политические и религиозные права. Если бы Лютер был принесен в жертву, ничего бы не могло компенсировать его потерю, и движение, которое обещало им принести избавление от иностранного ига, становившееся с каждым годом все невыносимее, было бы отброшено назад на неопределенный период. Поэтому многие глаза и сердца во всех уголках Германии следили за путешествием монаха в Вормс.

Подготовка к отъезду закончилась 2 апреля. Он ехал не один. Три самых близких друга, представители университета, сопровождали его. Это был отважный Амсдорфф, Шурфф, профессор юриспруденции, скромный в такой степени, как Амсдорфф был отважен, но не испугавшийся опасностей путешествия и молодой Сьюавен, датский вельможа, который имел честь, как представитель студентов, сопровождать своего учителя.

Расставание Лютера и Меланхтона было очень трогательным. Молодой ученый обрел в Лютере свою страну, друзей и все остальное. Теперь он почти терял его. Он очень хотел поехать с ним, даже пойти на мученическую смерть. Он умолял напрасно; так как, если бы Лютер погиб, кто бы заменил его и продолжал его работу? Горожане, также как профессора и молодежь университета, были взволнованы. Они высыпали на улицы, чтобы быть свидетелями отъезда их великого горожанина. Лютер вышел за ворота мимо плачущих горожан и направил свой путь по огромной равнине, окружавшей Виттенберг.

Императорский глашатай со знаками отличия на одежде и с императорским орлом, показывая этим, под чьей охраной они путешествуют, первым ехал верхом; за ним ехал его слуга, и замыкала небольшую кавалькаду скромная повозка с Лютером и его друзьями. Это транспортное средство было предоставлено городским магистратом Виттенберга за свой счет, и для удобства путешествующих было оборудовано тентом, чтобы закрыть их от солнца и дождя.

Повсюду, где они проезжали, толпы людей ждали прибытия путешественников. Жители деревень выходили, чтобы увидеть и приветствовать смелого монаха. У ворот тех городов, где узнавали о том, что Лютер будет останавливаться, его приезда ждали процессии во главе с бургомистрами. Из общего радушия были, однако, исключения. В Лейпциге реформатору дали традиционную чашу вина и сказали: «Иди дальше». Но, в основном, население было тронуто героизмом этого путешествия. В Лютере они видели человека, который предлагал себя на алтарь за свою страну, и когда они видели, как он проходил, они вздыхали о нем, как о том, кто никогда не вернется. Его путь был усыпан намеками и предупреждениями о грядущей судьбе, частично страхами робких друзей, частично угрозами врагов, которые всеми средствами пытались прервать его путешествие и предотвратить его появление на сейме.

Его въезд в Эрфурт, город, где он пришел к познанию истины, и на улицах которого он монахом просил милостыню, был больше похож на возвращение воина с победной битвы, чем на въезд скромного богослова, едущего отвечать на обвинение в ереси. Как только его башни открылись взору Лютера, многочисленная кавалькада, состоявшая из членов сената, университета и двух тысяч горожан, встретила и проводила его до города. Его провели по улицам, усыпанным зрителями, до старинного здания, неразрывно связанного с его жизнью, монастыря августинцев. В воскресенье после Пасхи он вошел в большую церковь, двери которой он, будучи монахом, должен был открывать, и полы которой должен был подметать; с ее кафедры он проповедовал народу со словами, подходившими к этому времени: «Мир вам» (Иоанн.20:19). Давайте процитируем отрывок из его проповеди. О сейме, об императоре, о себе – ни слова, от начала до конца – речь о Христе и спасении.

«Философы, богословы и писатели – говорил проповедник – старались учить людей, как обрести вечную жизнь, но они не достигли успеха. Теперь я скажу вам об этом.

Есть два вида дел – дела, которые не наши, - благие дела, наши же дела почти ничего не стоят. Один человек строит церковь, другой идет в паломничество к св.Якову в Компостеллу, или к св.Петру; третий постится, одевает монашескую сутану и ходит босиком; еще один делает что-нибудь другое. Все эти дела – ничто, бесполезны, так как в наших делах нет добродетели. Но я сейчас скажу вам, какое дело является истинно благим. Бог воскресил одного Человека из мертвых, Господа Иисуса Христа, чтобы Он уничтожил смерть, искупил грех и закрыл двери ада. Это – дело спасения.

Христос победил! Это – радостная весть! Мы спасены Им, это не от наших дел…Наш Господь Иисус Христос сказал: «Мир вам! Посмотрите на мои руки – иначе можно сказать: Посмотри, о, человек, это – Я, Я один взял твои грехи и искупил тебя, и теперь у тебя есть мир, говорит Господь».

Такова была Божья мудрость, которой Лютер делился с жителями Эрфурта. В этом городе он узнал об этом, и словами сотника он может сказать о своей свободе: «За большие деньги я приобрел это знание», которое я сейчас даром даю вам.

Проезжая по земле, каждая пядь которой была знакома ему с детства, он вскоре приехал в Айзенах, город доброй «Шуламит». Он навеял много воспоминаний. Над ним возвышался Вартбург, где реформатору пришлось начать второй этап своего пути, хотя пока это было сокрыто. На каждом шагу его мужество подвергалось испытанию. Чем ближе он подъезжал к Вормсу, тем громче становились угрозы врагов и сильнее опасение друзей. «Они сожгут тебя, а тело превратят в пепел, как они сделали с Яном Гусом», сказал один из них. Его ответ был ответом героя, но облеченный в поэтическую форму. «Если бы они зажигали костры по всей дороге от Виттерберга до Вормса, пламя которых достигало небес, я бы прошел сквозь него во имя Господа, предстал бы перед ними, вошел бы в пасть левиафана, и оттуда бы исповедовал Господа Иисуса Христа».

Всю дорогу от Эйзенаха до Франкфурта-на-Майне Лютер страдал от недомогания. Однако это не повлияло на состояние духа. Если он выздоровеет, то хорошо, если нет, то путешествие все равно будет продолжено, его повезут в Вормс на носилках. Он не думал о том, что может ждать его в конце поездки. Он знал, что Тот, Кто сохранил жизнь трем евреям в печи, жив. Если будет на то Его благоволение, он возвратиться из Вормса живой, несмотря на ярость врагов; но если его ждал там костер, он радовался при мысли, что истина не погибнет вместе с его пеплом. Он отдавал в руки Бога, как лучше ему служить Евангелию, смертью или

жизнью; только ему не хотелось, чтобы молодой император начинал царствование с пролития крови; если ему суждено умереть, то пусть это будет от руки римлян.

Римские церковники надеялись, что монах не посмеет вступить за ворота Вормса. Им сказали, что он в пути, но они не отчаивались повернуть его назад интригами и угрозами. Они мало знали человека, которого хотели напугать. К их ужасу Лютер непреклонно был направлен в сторону Вормса и был почти у его стен. Его шаги, приближавшиеся с каждым часом, звучали как погребальный звон для их власти и ужасали их больше, чем приближение огромной армии.

В Вормсе начали распространяться слухи, что сейм не обязан подчиняться охранной грамоте еретика. Этот слух, дошедший до друзей Лютера, вызвал у них большую тревогу. Неужели повториться предательство Констанца? Даже курфюрст разделял общую тревогу; так как Салатин послал Лютеру, который был недалеко от города, сказать, чтобы тот не входил в него. Пристально смотря на посланника, Лютер ответил: «Пойди и скажи своему господину, что если в Вормсе столько бесов, сколько черепиц на крышах, я все равно войду туда». Это был самый тяжелый выпад со стороны одного из самых преданных друзей, но он преодолел его, как и все предыдущие, и спокойно завершил свое путешествие.

Было десять часов утра 16 апреля, когда шпили Вормса встали между ним и горизонтом. Лютер, пишет Аудин, сидя в своей повозке, начал петь гимн, сочиненный им в Оппенхайме два дня назад «Бог – наша крепость». Дозорный на башне собора, увидев издалека приближение кавалькады, затрубил в горн. Горожане обедали, так как был полдень, но услышав сигнал, они бросились на улицу, и всего через несколько минут князья, знать, горожане и люди всех национальностей и сословий, образовав толпу, пришли посмотреть на въезд монаха. Ни друзья, ни враги до конца не верили, что он приедет. Однако Лютер был в Вормсе.

Кавалькаде въехала в том же порядке, в каком покинула Виттенберг. Глашатай ехал первым, с трудом прокладывая путь сквозь переполненные улицы для повозки, в которой под тентом сидел Лютер в монашеской одежде со следами недавней болезни на лице, но с глубоким спокойствием в глазах; этот взгляд так не нравился кардиналу Каэтану в Аугсбурге.

Дурные предсказания, которые преследовали монаха на всем пути его путешествия, возобновились за стенами Вормса. Пробившись сквозь толпу, подошел человек в странном одеянии с большим крестом, таким, как несут перед покойником по дороге на кладбище, и запел в таком же скорбном тоне, каким поют заупокойную молитву, этот реквием:

«Вот, ты пришел, наш долгожданный,

Мы так ждали тебя в могильной тьме».

Те, кто организовали этот зловещий спектакль, возможно, сделали это ради черного юмора или чтобы посмеяться над человеком, который выходил один на борьбу с духовной и светской властью; или это была последняя попытка подавить дух, который не смогли испугать прежние средства и угрозы. Какой бы ни был конец, мы узнаем в этом странном эпизоде наиболее подходящую и, несомненно, непредвзятую картину состояния и чаяний христианского мира того времени. Разве народы не ждали во тьме, которая была подобна могильной, пришествия освободителя? Разве о таком освободителе не было предсказано? Разве не предвидел Гус дня Лютера за век до этого, и не сказал плачущим вокруг его костра, как говорили патриархи на смертном одре: «Я умираю, но Бог обязательно посетит вас»? Сто лет прошло, и освободитель пришел. Он пришел в скромной одежде: монашеской сутане с капюшоном. Он явился многим его времени, как явился Великий «корнем из сухой земли». Люди спрашивали, как может бедный презренный монах спасти их? Но он принес с собой то, что превосходит меч императора – Слово, Свет; и от этого Света бежала тьма. Люди открыли глаза и увидели, что оковы, которыми были невежество и суеверие, пали. Они были свободны.

Напиравшая толпа вскоре оттеснила владельца черного креста и заглушила его мрачный напев криками приветствия тому, кто вопреки ожиданиям, наконец, вошел в их ворота. Повозка Лютера могла двигаться лишь очень медленно, так как столпотворение на улицах было больше, чем когда император въезжал несколькими днями ранее. Процессия остановилась у гостиницы «Рыцари Родеса», удобно расположенной рядом со зданием сейма. «При выходе из экипажа – пишет Павличинно – он храбро сказал: «Бог будет за меня!» это раскрывает секрет смелости Лютера.

После недавней болезни и путешествия, продолжавшегося четырнадцать дней, Лютер нуждался в отдыхе. О грядущем дне тоже надо было подумать; прошедший день был насыщен событиями, а предстоящий будет еще более насыщен ими. Но желание видеть монаха было слишком велико, чтобы дать ему даже час отдыха. Как только он расположился, князья, герцоги, графы, епископы, люди всех сословий, друзья и недруги осадили гостиницу и толпились в его апартаментах. Когда одна смена посетителей уходила, другая ждала приема. Среди этой блестящей толпы Лютер держался уверенно. Он выслушивал и отвечал на их вопросы спокойно и мудро. Даже его враги не могли сдержать восхищение при виде достоинства, с которым он держался. Где сын рудокопа приобрел те манеры, которым могли бы позавидовать короли, и то мужество, которому герои пытаются тщетно подражать? И где он мог научиться той мудрости, которая покорила, скажут одни, просветила,

скажут другие, многие тысячи соотечественников, и которой ни один из римских богословов не мог противостать? Как для друзей, так и для недругов он был загадкой. Одни уважали его, пишет Паллавиено, как одаренного человека, другие смотрели на него, как на злое чудовище; одни считали его почти святым, другие думали, что он одержим бесом.

Толпа посетителей таких разных по положению и настроениям продолжала осаждать Лютера до поздней ночи. Наконец они ушли, и реформатор остался один. Он улегся на постель, но не мог заснуть. События дня возбудили его, и он не мог успокоиться. Он взял флейту; спел куплет любимого гимна, подошел к окну и открыл его. Под ним были крыши спящего города; за его стенами можно было сквозь мглу увидеть очертания большой равнины, по которой Рейн нес свои воды; над ним был величественный, бездонный и молчаливый небосвод. Он поднял к нему свой взор, как он обычно делал, когда мысли беспокоили его. Звезды совершали свой ход высоко над земной суетой, однако значительно выше престола Царя, который был выше того монарха, перед которым он должен был предстать назавтра. Когда он так смотрел, то чувствовал, как возвышенное чувство наполняло его душу, и приносило с собой ощущения покоя. Отвернувшись от окна, он сказал: «Спокойно ложусь я и сплю, ибо Ты, Господи, Один даешь мне жить в безопасности».

Глава 6 - Лютер перед сеймом в Вормсе.

Вызов Лютеру – Доставлен на сейм. – Наро. – Слова одобрения – Блеск сейма – Значение выступления Лютера на нем – Канцлер Эккус – Лютера спрашивают о его книгах. – Признает их авторство. – Спрашивают об отречении от своих взглядов. – Просит дать ему время. – Дан один день отсрочки.- Первые впечатления Карла о Лютере – Утро 18 апреля – Борьба Лютера – Его слабость – Сила не его собственная – Второе выступление на сейме – Речь – Повторяет на латыни. – Не отрекается. – Удивление на сейме – Две великие силы

На следующее утро – среду 17 апреля – в восемь часов потомственный Маршал Империи, Ульрих фон Паппенхайм, вызвал Лютера в четыре часа дня явиться перед Его Императорским Высочеством и государствами империи. Важный переломный момент не только в жизни Лютера, но также и в истории реформации, которую он недавно открыл, быстро приближался, и реформатор готов был встретить его со всей серьезностью, которая отличала его глубоко верующую натуру. Он провел все утро в комнате в основном в молитве. За дверями были слышны его мольбы и стенания. От коленопреклонения перед троном Вечного Бога, на которого он возложил исход борьбы, он поднялся, чтобы предстать перед троном Карла.

В четыре часа маршал империи в сопровождении глашатая вернулся, и Лютер отправился с ними на сейм. Но нелегко было добраться до ратуши, где собрались князья. Толпа на улицах была больше, чем вчера. В каждом окне были люди, на каждой крыше были зрители, многие из которых выражали огромный энтузиазм при виде Лютера. Маршал, выполнявший поручение, смог лишь немного продвинуться вперед, когда понял, что им не пройти дальше из-за множества народа. Он вошел в частный дом, вышел через заднюю дверь, провел Лютера через сады гостиницы «Рыцари Родоса» и привел его к ратуше. Люди бежали по переулкам, взбирались на крыши, чтобы увидеть, как монах идет на встречу с Карлом.

Когда они подошли к ратуше, то нашли около ее входа еще бо;льшую толпу. Солдатам пришлось прокладывать путь силой. В вестибюле и передней части зала каждый сантиметр площади, каждый уголок и подоконник были заняты придворными и их знакомыми числом не менее 5 000 человек – немцев, итальянцев, испанцев и других национальностей.

Когда они пробирались сквозь толпу и были близко от дверей, через которые они будут введены на сейм, на плечо Лютера легла чья-то рука. Это был бывалый воин Геогр Фройндсберг, чье имя было синонимом отваги для соотечественников. Он был во многих тяжелых боях, но никогда, как он чувствовал, не был в таком тяжелом бою, в который предстояло вступить человеку, на чье плечо он положил руку. «Мой монах, мой добрый монах – сказал солдат – ты сейчас встретишься с бо;льшей

опасностью, чем кто-нибудь из нас встречался в самом кровавом бою; но если ты прав и уверен в себе, иди, и Бог будет сражаться за тебя». Едва эти слова были произнесены, как двери открылись, Лютер вошел в них и предстал перед высоким собранием.

Первые слова, достигшие его слуха после того, как он вошел на сейм, были одобряющими, их прошептал кто-то, когда он пробирался к трону Карла через толпу вельмож: «Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите»; а другие голоса говорили: «Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать». Таковы были и его чаяния, когда он выходил из дверей гостиницы. Бог был с ним, так как это был Его голос.

Внезапный переход от шумной толпы к спокойной возвышенной атмосфере сейма произвел на него большое впечатление. На мгновение он показался испуганным и смущенным. Он почувствовал, что взоры обращены на него; даже император пристально его разглядывал. Но волнение реформатора вскоре улеглось, и вернулись спокойствие и самообладание. Лютер прошел вперед, пока не остановился перед троном Карла.

«Никогда еще – пишет Д'Обинье – не являлся человек перед таким грандиозным собранием. Император Карл V, чье владычество простиралось на огромную часть старого и нового света; его брат, эрцгерцог Фердинанд; шесть курфюрстов империи, чьи потомки в основном носят сейчас королевские короны; двадцать четыре герцога, большинство из которых были независимыми правителями своих более или менее обширных владений, и среди которых были имена впоследствии страшные для реформации; герцог Альба и его два сына, шесть маркграфов; тридцать архиепископов, епископов и аббатов; семь послов, включая послов от королей Франции и Англии; посланники десяти вольных городов; большое число правителей, графов и суверенных баронов; папские нунции – всего было двести четыре человека: перед таким грандиозным судом предстал Лютер.

Его появление само по себе было впечатляющей победой над папством. Папа осудил человека, стоявшего теперь перед судом, который этим актом, ставил себя над Папой. Папа наложил на него интердикт, тем самым отрезав его от общества, и, однако, его вызвали, обратившись к нему уважительно, и приняли перед самым высоким в мире собранием. Папа осудил его на молчание, а теперь он собирается выступить перед тысячами внимательных слушателей, приехавших из самых отдаленных областей христианского мира. Через Лютера совершалась грандиозная революция. Римская церковь уже спускалась со своего трона, и именно голос монаха был причиной этого унижения.

Давайте поближе посмотрим на сцену, которая открылась взору Лютера. Главным в собрании духовных и светских властей христианского мира восседал император. На нем была испанская одежда, единственным украшением было обычное страусиное перо и ожерелье из жемчугов на груди, которые были символом Золотого Руна. Ступенькой ниже императорского помоста сидел на кресле его брат эрцгерцог Фердинанд. Справа и слева от трона располагались шесть курфюрстов, трое церковных справа от императора, и трое светских слева. У его ног сидели два папских нунция, с одной стороны Карачиолли, с другой – Алеандер. Перед императором на полу находился стол, за которым сидели два писаря и д-р Эккиус, который задавал Лютеру вопросы. Его не надо путать с д-ром Экком, с кем реформатор вел диспут в Лейпциге. За столом по направлению к стене стояли ряды скамей, на которых сидели участники сейма, князья, графы, архиепископы, епископы, представители городов и послы иностранных государств. Повсюду в разных уголках зала стояли стражники в блестящих доспехах и с алебардами.

Солнце садилось. Его лучи, лившиеся сквозь окна и освещавшие все внутри густым мягким светом, придавали обстановке еще большее великолепие. Они отчетливо оттеняли национальные одежды и разноцветные облачения участников сейма. Желтый шелк одежды императора, бархат и горностай курфюрстов, красная шапочка и алая мантия кардинала, фиолетовая риза епископа, богатый камзол рыцаря с кокардами звания и отваги, более темный наряд городских депутатов, сверкавшая сталь воина – все выглядело в лучшем свете в потоке, нисходившем от небесного светила. Посреди этой обстановки, которую можно было назвать веселой, если бы не ее особая торжественность, стоял Лютер в своем монашеском одеянии.

Иоганн Экк или Эккиус, канцлер архиепископа Трира и спикер сейма, поднялся в глубоком молчании, и громким голосом повторил сначала на латыни, потом по-немецки следующие слова: «Мартин Лютер, Его святое и непобедимое Величество призвал тебя к своему трону по совету государств святой римской империи ответить на два вопроса. Во-первых, признаешь ли ты, что эти книги - он указал на стопку книг на столе – были написаны тобой? Во-вторых, готов ли ты отказаться и отречься от взглядов, изложенных в них?»

Лютер собирался признать авторство книг, когда его друг юрист Шурф поспешно вставил. Он сказал: «Пусть будут зачитаны названия книг».

Канцлер Экк подошел к столу и прочитал одно за другим названия всех книг – всего около двадцати.

После этого Лютер начал говорить. Он держался достойно и говорил низким голосом. Некоторые участники сейма думали, что голос немного дрожал; и они очень надеялись, что отречение уже близко.

Первое обвинение он открыто признал. «Милостивый император и милостивые правители и господа, - сказал он – книги, которые вы сейчас назвали – мои. Что до второго вопроса, как я понимаю, касающегося спасения души, и с которым связано Слово Божие, выше которого нет ничего на небе и на земле, я бы поступил опрометчиво, если бы ответил без размышления. Я прошу Ваше императорское величие со всем смирением дать мне время, чтобы я мог дать ответ, не согрешая против Слова Божьего».

Ничего не могло быть мудрее и более подходящего при данных обстоятельствах. Однако просьба об отсрочке была истолкована по-другому папскими участниками сейма. Он оттягивает свое поражение, говорили они, он отречется. Он играл в еретика в Виттенберге, и сыграет роль кающегося в Вормсе. Если бы они лучше понимали характер Лютера, они бы сделали противоположный вывод. Эта пауза была действием человека, чье сознание глубоко сформировалось, который знал, насколько непоколебимым и твердым было его решение, и поэтому не торопился заявить о нем, но с удивительным самообладанием мог ждать какое-то время. Он хотел сделать заявление в такой форме и при таких обстоятельствах, чтобы чувствовалась вся полнота его силы, и всем бы стало ясно, что оно окончательно.

Сейм посовещался. Монаху был дан один день отсрочки. Завтра в то же время он должен явиться перед императором и собравшимися сословиями и дать окончательный ответ. Лютер поклонился, и тотчас рядом с ним оказался глашатай, чтобы проводить его до гостиницы.

Император не отводил глаз от Лютера все время, когда он стоял в его присутствии. Его изможденное тело, его худоба, следы недавней болезни, и как объективно писал Паллавичино, «величественность его выступления и простота поведения и одежды», которые контрастировали с театральными манерами и напыщенными речами итальянцев и испанцев, произвели на молодого императора неблагоприятное впечатление, и привели к уничижительному мнению о реформаторе. «Конечно, - сказал Карл, повернувшись к одному из придворных, когда закончился сейм – конечно, этот монах никогда не сделает из меня еретика».

Едва забрезжил рассвет 18 апреля (1521 г.), как две стороны стали готовиться к исполнению своих ролей, которые им предстояло сыграть в судебном процессе, предопределенным оказать огромное влияние на последующие времена. Папская фракция во главе с Алеандером собралась в столь ранний час, чтобы сообща принять меры. Такая бессонная деятельность велась не только одной стороной. Лютер тоже «предварил рассвет и вопиял».

Мы сделаем большую ошибку, если допустим, что железная крепость нервов и огромная неустрашимость духа поддерживали Лютера и вели его через эти ужасные

обстоятельства; и мы сделает не меньшую ошибку, если предположим, что он прошел через них, не испытав душевных мук. То служение, которое ему было предназначено исполнить, требовало крепких нервов, высоко эмоционального, а также глубоко мыслящего характера в совокупности с самым истинным сочувствием и самой тонкой чуткостью. Но такой характер может подвергать его обладателя, в определенной степени, приступам мучительного беспокойства и мрачных предчувствий. Были моменты, когда Лютер давал волю этим настроениям. Они не сокрушили его благодаря воздействию, которое было выше его природных качеств, оно наполняло его душу и поддерживало, пока кризис не прошел. Милосердный, милостивый и всемогущий Дух Божий сходил на него, изливал божественный покой и крепость на его ум, но Он так мягко и тихо проникал и работал с его природными способностями, что Лютер ощущал это внутреннее влияние только тогда, когда чувствовал, что – как прекрасно выразился Меланхтон – «он был больше себя». Он ощущал это, когда временами внезапно уходила эта удерживающая сила. Тогда опять он был самим собой, слабым, как другие люди; и трудности тесно окружали его, и опасности сразу же появлялись, как исполины, на его пути, угрожая уничтожить его. Так случилось с ним и в то утро знаменательного дня. Ему казалось, что он оставлен. Ужас огромной темноты наполнил его душу, он приехал в Вормс, чтобы погибнуть.

Не мысль об осуждении и о костре потрясла реформатора в то утро, когда он должен был предстать во второй раз перед императорским сеймом. Это было нечто более ужасное, чем умереть, умереть сотни раз. Наступил переломный момент, и он чувствовал себя неспособным встретить его. Удерживающая сила, которая укрепляла его по дороге туда, и которая делала часто повторяющиеся угрозы врагов и мрачные предчувствия друзей неспособными сдвинуть его, как морские брызги не могут опрокинуть скалу, ушла. Что делать? Он видит, что катастрофа приближается; он поколеблется перед сеймом; он погубит свое дело; он разобьет надежды будущих веков; враги Христа и Евангелия будут торжествовать.

Давайте подойдем поближе к двери его молитвенной комнаты и услышим его стенания и вопли! Они раскроют нам его глубокие душевные муки.

Он уже давно пребывает в молитве. Его мольбы уже подходят к концу. «О, Боже, мой Боже, слышишь ли Ты меня?... Мой Боже, Ты умер?.. Нет! Ты не можешь умереть. Ты скрываешь Себя. Ты избрал меня для этой работы, я это знаю!... Тогда соверши работу, о, Боже!... Встань рядом со мной ради возлюбленного Иисуса Христа, который является моей защитой, моим щитом, моей крепостью».

Потом наступило молчание. Снова мы слышим его голос. Слышна его борьба.

«Господи, где пребываешь Ты?... О, мой Боже, где Ты? Приди, приди! Я готов… Я готов положить свою жизнь за истину…как кроткий агнец. Так как это дело правды, оно – Твое. Я никогда не отойду от Тебя, ни здесь, ни в вечности… И хотя весь мир наполнится бесами, хотя тело мое, которое есть творение рук Твоих, будет убито, растянуто на колесе,… разрезано на куски,… превращено в пепел,… моя душа – Твоя.… Да! Твое Слово – гарантия этому. Моя душа принадлежит Тебе! Она вечно будет обитать с Тобой!...Аминь… О, Боже, помоги мне… Аминь!»

Это – один из торжественных моментов истории, когда видимое соприкасается с невидимым, когда земля и небо встречаются, когда человек-деятель внизу и Великий Деятель наверху появляются рядом на сцене. Такие моменты в истории редки, они случаются через большие промежутки времени, но все же случаются. Покрывало открыто, рука протянута, свет пробивается из мира, отделенного от того, где находятся земные деятели, хотя лежащим недалеко от него. И тот, кто читает историю, в такие моменты чувствует, что приближается к подножью Вечного Престола и идет по таинственной и святой земле.

Лютер поднимается с колен и по спокойному состоянию души он чувствует, что получил ответ на свою молитву. Он садится, чтобы привести мысли в порядок, составить в общих чертах свою защиту и найти в подтверждение места из Священного Писания. Когда работа была закончена, он положил левую руку на священную книгу, которая лежала открытой на столе перед ним, и, подняв правую руку к небесам, поклялся оставаться верным Евангелию, исповедовать его, даже если придется запечатлеть исповедование кровью. После этого реформатор испытал глубокий покой.

В четыре часа пришел главный маршал с глашатаем. По запруженным улицам (так как волнение нарастало с каждым часом) реформатора провели к ратуше. Когда они пришли во внешний двор, то обнаружили, что сейм совещался. Никто не мог сказать, когда Лютера пригласят. Прошел час, другой; реформатор все еще стоял посреди шума и ропота толпы. Такая долгая задержка, при таких обстоятельствах была направлена на то, чтобы истощить его физические силы, нарушить его спокойствие и привести в смущение. Но спокойствие не оставляло его ни на минуту. Он был отделен от других, общаясь с Тем, Кого тысячи людей вокруг не видели. Наступил вечер, в зале собрания зажгли факелы. Сквозь старинные окна святили их лучи, которые смешавшись с вечерним светом, интересно высвечивали толпу, собравшуюся во дворе, и придавали сцене атмосферу необычного великолепия.

Наконец, дверь открылась, и Лютер вошел в зал. Если эта задержка, как некоторые предполагали, была устроена Алеандером в надежде, что, когда Лютер предстанет перед сеймом, он будет в состоянии сильного возбуждения, то ему пришлось глубоко разочароваться. Реформатор был в прекрасном состоянии духа и

держался перед императором достойно. Он окинул спокойным и пристальным взглядом князей и председательствующего над ними императора.

Поднялся канцлер епископа Трира, д-р Экк, и призвал его к ответу. Какой момент! Судьба времен зависит от него. Император наклоняется вперед, князья сидят неподвижно, даже стража застыла; все жаждут услышать первые слова монаха.

Он любезно приветствует императора, князей и вельмож. Он начинает отвечать твердым, но спокойным тоном. Он сказал, что было три вида книг, лежавших на столе, авторство которых он признал вчера. Существует один круг его работ, в которых он с простотой и ясностью излагал основные принципы веры и нравственности. Даже враги признавали, что он делал это в стиле, соответствовавшим Писанию, и что эти книги многие могут прочитать с пользой для себя. Отрицать это значило бы отрицать истину, которую признают все – истину, которая необходима для порядка и благополучия христианского общества.

Во втором круге своих произведений он вел борьбу с папством. Он критиковал заблуждения в учении, постыдные факты жизни, господство церковной администрации и правительства, с помощью которых папство запутывало и сковывало общественное сознание, ослепляло здравый рассудок и развращало человеческую мораль, таким образом, разрушая тело и душу. Они сами должны признать, что это так. Со всех сторон они слышали крики угнетенных. Закон и послушание ослабли, нравственность разложилась, и христианский мир был опустошаем массой духовных и плотских грехов. Если он отречется от этого круга работ, что тогда будет? Ведь угнетатель станет еще более дерзким, будет распространять с еще большей свободой свои пагубные учения, которые уже погубили многие души и умножит непомерные налоги и чудовищное вымогательство, которое истощает состояние Германии и переправляет ее богатство в другие страны. С его отречением бремя, которое давит на христиан, не только станет более тяжелым, но и обретет законную силу, так как его отречение при данных обстоятельствах равносильно официальному одобрению этого бремени со стороны Его Величества и государств империи. Он бы стал самым несчастным из всех людей. Он бы тогда одобрил беззаконие, которое осуждает, и укрепил бы крепостным валом то иго, которое пытается свергнуть. Вместо того чтобы облегчить бремя своих соотечественников, он утяжелил бы его в десять раз, и сам бы стал мантией, покрывающей всякую тиранию.

Он сказал, что был и третий круг его работ, в которых он критиковал людей, выступавших защитниками заблуждений, порочавших веру, постыдных фактов, компрометировавших священников, и поборов, которые обирали людей и стирали их в порошок. Возможно, он обходился с этими людьми без особых церемоний,

возможно, он резко их критиковал с язвительностью, неподобающей его церковной деятельности. Но хотя стиль был неправильным, но суть была правильной, и он не может от нее отречься, так как это бы значило оправдать его противников во всех заблуждениях, которые они высказывали и во всех беззакониях, которые они совершали.

Но он был всего лишь человеком, продолжал он, не Богом, и он будет защищаться не иначе, чем это делал Христос. Если он сказал или написал что-то неправильно, то пусть покажут, что неправильно. Он всего лишь прах и пепел, подверженный каждую минуту впасть в заблуждение, и было бы хорошо, если бы пригласили людей исследовать то, что он написал, и возразить ему. Пусть его убедят по Слову Божьему и здравому рассудку, что он неправ, и его не надо будет дважды просить отказаться от этого, он первый бросит свои книги в огонь.

В заключении он предупредил собрание правителей о грядущем суде, о суде не только по ту сторону могилы, но и по эту, о суде по прошествие времени. Они были на своем собственном суде. Они сами, их королевства, короны, династии стояли перед Великим Судом. Это был день их посещения; именно сейчас решалось, нужно ли их взращивать на земле, прочны ли будут их троны, будет ли продолжать укрепляться их власть, или их дома будут разрушены до основания, а троны сметены в порыве гнева потоком нынешних беззаконий и вечного уничтожения.

Он указал на великие державы прошлых веков – Египет, Вавилон, Ниневия, таких могущественных в свое время, но, которые идя против Бога, навлекли на себя разорение. И он советовал им внять этим примерам, если они хотят избежать уничтожения, постигшего их. «Бойтесь, – сказал он – чтобы царствование этого молодого и благородного короля, на которого (после Бога) мы возлагаем большие надежды, не только не началось, но не продолжилось и не закончилось самыми мрачными предзнаменованиями. Я могу рассказать о фараонах, о царях Вавилона или царях Израиля, чьи усилия никогда так не способствовали их собственному разрушению, как тогда, когда они обращались за советом к внешне самым мудрым людям, чтобы укрепить свое владычество. «Бог передвигает горы, и не узнают их. Он превращает их в гневе Своем».

Сказав это, Лютер сел, несколько минут отдыхал. Потом он снова поднялся и повторил на латыни все, что он сказал по-немецки. Канцлер попросил его сделать так, в основном, из-за императора, который не очень хорошо понимал немецкий язык. Лютер говорил с той же легкостью и с не меньшей живостью, чем в первый раз. Он говорил целые два часа.

К своему удивлению вельможи заметили перемену, произошедшую в обстановке. Лютер больше не стоял на суде перед ними, а они стояли на суде перед ним. Человек,

который два часа тому назад был для них обвиняемым, превратился в судью, судью справедливого и внушавшего страх, который, не боясь ни корон, которые они носили, ни армий, которыми они командовали, просил, убеждал, упрекал их с суровой, но благотворной точностью, грозя им судом, если будут упорствовать, со всей серьезностью и вызывавшим трепет авторитетом. «Будьте мудры, короли». Какой свет пролила последующая история Европы на слова Лютера! И каким памятником истинности его предупреждений являются папские королевства сегодня!

По окончания речи Лютера снова поднялся д-р Экк, взволнованно и раздраженно сказал, обращаясь к Лютеру: «Вы не ответили на поставленный перед вами вопрос. Вас не позвали сюда, чтобы ставить вопрос об авторитете соборов, об этом не может быть и речи здесь. Мы требуем прямого и точного ответа, вы отрекаетесь или не отрекаетесь?»

Оставаясь непоколебимым, Лютер ответил: «Так как вы, Ваше Величество и Ваше Высочество требуете от меня прямого и точного ответа, я дам вам его, и вот он. Я не могу подчинить свою веру ни Папам, и ни соборам, потому что ясно как день, что они часто впадают в заблуждения и противоречат друг другу. Если мне не докажут по Писанию или на основании здравого смысла, чтобы совесть заставила бы меня признать ошибку, я не могу и не буду отрекаться, так как небезопасно и немудро поступать вопреки совести». И затем, оглядев собрание, он сказал – слова, являющими одними из самых потрясающих в истории – «На сем стою. И не могу иначе. Да поможет мне Бог. Аминь».

Эти слова волнуют нас даже спустя три столетия. Впечатление, которое они произвели на князей, было ошеломляющим, легкие аплодисменты, сдерживаемые уважением к присутствию императора, раздались на сейме. Но, не от всех: папские сторонники пришли в смятение. Монах обрушился на них словно удар молнии. Из этого зала он поедет дальше по всему христианскому миру и будет пробуждать по мере продвижения стремление к свободе и призывать народы подняться и сбросить иго Рима. Римская церковь проиграла сражение. После этого было все равно, что ее борцы сделают с Лютером на сейме. Они могли сжечь его, но какая была бы от этого польза? Роковое слово было уже сказано, смертельный удар уже нанесен. Костер не мог ни отменить испытанное ими поражение, ни скрыть, хотя она могла и возрасти, славу одержанной Лютером победы. Печальной, невыразимо печальной была их досада. Разве ничего нельзя было сделать?

Лютеру было предложено выйти ненадолго; во время его отсутствия сейм совещался. Было понятно, что настал переломный момент, но нелегко было рекомендовать шаги по его преодолению. Решили дать ему еще одну возможность покаяться. Поэтому его опять ввели, поставили перед троном императора и

попросили сказать в третий раз – ДА или Нет. С прежней простотой и достоинством он ответил, что «у него нет другого ответа, кроме того, который он уже дал». В спокойствии его голоса, в пристальном взгляде и львиных чертах его грубого немецкого лица собрание прочитало твердое и окончательное решение его души. Увы, сторонникам папства! НЕТ нельзя отменить. Жребий брошен.

В мире есть две силы, и выше их нет ничего. Первая – слово Божие без человека, и вторая – общественное сознание внутри его. В Вормсе эти две силы столкнулись с совокупными силами мира. Мы видим результат. Одинокий и беззащитный монах восстал как представитель общественного сознания, просвещенного и укрепленного Словом Божьим. Ему противостояла сила, поддерживаемая армиями императора и анафемами Папы, но, однако, потерпевшая полное поражение. И если бы все время было так в этой великой войне. Победа постоянно сопутствовала одной силе, а поражение другой. Триумф не всегда приходит под видом победы, он может придти с веревкой, топором, костром, он может иметь видимость поражения, но каждый раз это был настоящий триумф этого дела, в то время, как мировые силы, стоявшие в противоборстве, медленно истребляли себя своими же попытками и ослабляли свое господство теми же успехами, которыми, как они думали, поражали соперника.

Глава 7 - Лютер объявлен в Германии вне закона.

Движение ширится – Закрытие сейма – Глоток пива – Радость Фридриха – Решает защитить Лютера. – Негодование папской партии – Предложение Карла нарушить охранную грамоту – Отвергнуто с негодованием. – Переговоры с Лютером – Он покидает Вормс. – Император издает против него приказ об изгнании. – Реформатор схвачен всадниками в масках. – Отвезен в Варбург.

Нить нашего повествования до сих пор, в основном, не нарушалась. Мы следуем за течением развития протестантизма, двигавшегося до сих пор по четко определенным каналам. Но теперь мы достигли точки, где оно заметно расширяется. Мы видим, как оно разветвляется в другие страны, овладевая политическими союзами и движениями того времени. Поэтому нам нужно подняться повыше и пошире обозреть христианский мир, чем раньше нам удавалось это сделать, отметив удивительно разнообразные формы и определенно разные результаты, в которых проявлялся протестантизм. Необходимо отметить не только новые религиозные центры, насаждавшиеся им, но и ход мышления, сформированный им, новую общественную жизнь, рожденную им, науку и искусство, воспитателем которых он стал, новые общества и государства, которыми он покрыл христианский мир и путь процветания, который он открыл народам, сделав Европу совсем непохожей на ту, что была тысячу лет назад.

Но сначала давайте кратко коснемся событий, последовавших за сеймом в Вормсе, и попытаемся дать оценку успеху, достигнутому протестантским движением, и положению, в котором мы оставили его в тот момент, когда Лютер ступил на свой «Патмос».

«Сейм соберется снова завтра, чтобы заслушать решение императора» - сказал канцлер Экк, распуская участников на ночь. Улицы, по которым вельможи шли к своим домам, были темны, но не пустынны. Несмотря на поздний час, народ не покидал пределов сейма, желая знать, чем все закончиться. Наконец, Лютер вышел в сопровождении двух императорских чиновников. «Смотрите, смотрите, - говорили очевидцы – вот он! И под стражей!» Они выкрикивали: «Вас ведут в тюрьму?» «Нет, - отвечал Лютер – они сопровождают меня до гостиницы». Народ мгновенно разошелся, и город остался в ночной тишине. Спалатин и многие другие друзья шли с Лютером до его жилища. Они обменивались взаимными поздравлениями, когда вошел слуга, принесший серебряный кувшин с эймбекским пивом. Поднеся его доктору, он сказал: «Мой господин предлагает вам освежиться этим пивом». «Какой вельможа – спросил Лютер – так милостиво вспомнил обо мне?» Это был пожилой герцог Эрик Брансвикский, один из папских участников сейма. Лютер поднял сосуд к губам, сделал большой глоток, и, возвратив его на место, сказал: «Как сегодня герцог Эрик вспомнил обо мне, так пусть Господь Иисус Христос вспомнит о нем в

час его последней борьбы». Вскоре после этого герцог Эрик Брансвикский лежал на смертном одре. Увидев молодого пажа, стоявшего у его постели, он сказал ему: «Возьми Библию и прочитай мне из нее». Паж, открыв Библию, прочитал следующие слова: «И кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей». Герцог Эрик освежился в свою очередь. Когда его сердце и силы сдавали, к его губам поднесли золотую чашу, и он сделал глоток Живой Воды.

Курфюрст Фридрих очень обрадовался выступлению Лютера на сейме. Острота и уместность его дела, красноречие его слов, бесстрашное и достойное поведение не только привели в восторг правителя Саксонии, но и произвели глубокое впечатление на участников сейма. С этого часа многие стали преданными друзьями Лютера и реформации. Некоторые из них тогда уже открыто заявляли о перемене своих взглядов, в других слова Лютера принесли плоды в последующие годы. Поэтому Фридрих был решительнее настроен защищать реформатора, чем прежде; но понимая, что, чем меньше его рука будет видна в этом деле, тем успешнее он оградит ее борца, он избегал личного общения с реформатором. Они встретились вдвоем только по одному поводу.

Папская партия была чрезвычайно подавлена. Они удвоили деятельность, раскладывали сети, чтобы уловить реформатора. Они пригласили его на личную конференцию с архиепископом Трира; они представляли на рассмотрение одно коварное предложение за другим, но нельзя было сломить твердость Лютера. В это время Алеандер и его конклав совещались наедине с императором, изобретая новые меры. Вследствие этого на заседании сейма следующего дня было зачитано решение Карла, написанное его собственной рукой. В нем говорилось, что по примеру его католических предков, королей Испании и Австрии, и пр., он будет защищать изо всех своих сил католическую веру и папский престол. «Один монах, – писал он – сбитый с пути своей собственной глупостью, поднялся против веры христианского мира. Чтобы остановить эту дерзость, я могу пожертвовать своим королевством, богатством, друзьями, телом, кровью, жизнью и душой». Я собираюсь отпустить августинца Лютера. Потом я буду действовать против него и его приверженцев, как против упорных еретиков отлучениями, интердиктами и любыми средствами для их уничтожения».

Но рвение Карла превышало его власть. Объявление вне закона не могло быть вынесено без согласия государств. Императорское решение вызвало бурю на сейме. Мгновенно заявили о себе две партии. Некоторые из папской партии, особенно курфюрст Бранденбутгский, требовали проигнорировать охранную грамоту Лютера, и чтобы воды Рейна приняли его пепел, как сто лет назад приняли пепел Яна Гуса. Но к своей чести Людвиг, курфюрст Палатина, выразил мгновенное и резко

отрицательное отношение к этому жестокому предложению. Верно, сказал он, Гуса сожгли на костре, но с тех пор бедствия не перестают преследовать Германию. Мы не смеем, сказал он, возвести второй такой эшафот. К нему присоединился герцог Георг, чей отказ присоединиться к предложенному злодеянию произвел большое впечатление, так как он был общепризнанным врагом Лютера. Он считал невозможным для князей Германии даже на минуту поддержать нарушение охранной грамоты. Они никогда не навлекут такой позор на честь родины, и не начнут царствование молодого императора с такого дурного предзнаменования. Баварская знать, хотя в основном и папская, протестовала против нарушения общественного доверия. Предложение встретило то, что заслуживало, сейм исключил его с презрением и негодованием.

Экстремисты папской партии без колебаний разложили бы для Лютера костер, но какой бы был результат? Гражданская война в Германии на следующий же день. Энтузиазм всех классов был огромен. Даже Дин Кохлеус и кардинал Палавиччино уверяют нас, что в одном Вормсе были тогда сотни вооруженных людей, готовых обнажить мечи и требовавших кровь за кровь. Всего в сотнях миль, в своем мощном замке, «прибежище праведников», находился отважный Сикингем и бравый рыцарь Хуттен во главе войска, насчитывавшем много тысяч людей и готового отправиться в Вормс, если бы Лютер был принесен в жертву, потребовав отчета у всех, кто повинен в его смерти. Из самых отдаленных городов Германии люди, положив руки на эфес мечей, наблюдали за тем, что происходило в Вормсе. Сдержанные люди среди папских участников сейма понимали, что нарушение охранной грамоты просто послужит сигналом к восстанию и волнениям от одного до другого конца Германии.

Не мог и Карл быть слепым, чтобы не видеть большой опасности. Если бы он нарушил охранную грамоту, его первый сейм оказался бы последним, так как империя сама бы подверглась опасности. Но, если доверять видным историкам, его поведение в этом вопросе было вызвано более благородными чувствами, чем личный интерес. Противостав нарушению доверия к империи, он сказал, что «хотя вера будет запрещена по всей земле, она должна найти прибежище у правителей». Конечно, королевские чувства соответствуют такому сильному правителю, но в его золоте всегда есть немного примеси. Тогда вот-вот должна была начаться война между ним и королем Франции. Карл только наполовину доверял Папе, да и этого было слишком много. Папа только что заключил тайный договор с обоими королями, Карлом и Франциском, обещая им обоим помощь, но с мудрой оговоркой, что он окажет помощь тому, помогая которому, как покажут дальнейшие события, он поможет самому себе. Карл встретил двойную политику Льва не менее хитроумной тактикой. В игре, которую он вел для проверки Папы, он высказал суждение о том, что живой Лютер будет лучшей фишкой, чем мертвый. «Так как

Папа очень боялся учения Лютера, – пишет Веттори – он решил обуздать его этой силой».

В результате многих противоречивых обстоятельств Лютер мирно покинул ворота, из которых никто не ожидал увидеть его, выходящим живым. Утром 26 апреля окруженный двадцатью верховыми и толпой народа, провожавшей его за город. Лютер покинул Вормс. Его путешествие домой сопровождалось еще большим интересом, чем приезд сюда. Спустя несколько дней после его отъезда император издал «эдикт», поставив его вне закона и приказывав всем людям по истечении срока действия охранной грамоты Лютера, не давать ему ни еды, ни питья, ни помощи и ни крова, арестовать его и в оковах отправить к императору. Указ был составлен Алеандером, и одобрен на заседании сейма, которое проходило не в зале собраний, а в покоях императора. Курфюрст Фридрих, курфюрст Палатины и многие другие правители уже уехали из Вормса. Указ датировался 8 мая, но так как подпись императора была поставлена 26 мая, как пишет Палаччино, в кафедральном соборе Вормса после мессы; было задумано, пишет тот же автор, придать указу вид авторитета всего сейма. Этот указ был более хаотичным документом, чем другие документы того времени. Его стиль вместо того, чтобы быть официальным и размеренным, был образным и риторическим. Он начинался с обилия метафор, подразумевавших описание великого еретика, и продолжал в той же благодатной манере перечислять ереси, богохульства и пороки, в которые он впал, и преступления, к которым он подстрекал людей – «расколам, войнам, убийствам, грабежам, поджогам». И он предсказывал волнующими фразами гибель, в которую он тянул общество, нависший крах, если не унять его «неистовую страсть». Указ достиг кульминации в потрясающем утверждении, что «это – не человек, а сам сатана в человеческом обличии, одетый в монашескую сутану». Так говорил «Карл Пятый» курфюрстам, князьям, прелатам и народу империи. Лютер въехал в Вормс с одним мечом, висевшим у него над головой – анафемой Папы, а уезжает с двумя мечами, вынутыми из ножен против него, так как к папскому отречению добавился запрет императора.

Тем временем реформатор продолжал свой путь. Был девятый день (4 мая) с тех пор, как он уехал из Вормса. Он проезжал горы Шварцвальда. Как благодатны после суеты и роскоши Вормса были их тихие поляны, окруженные елями деревни, мирно пасшиеся стада, утренние лучи в высоких деревьях и вечерние тени, спускавшиеся с запада!

Сосны становились реже, холмы переходили в равнину; наш путешественник приближался к Эйзенаху; он был на земле знакомой ему с детства. В этой точке путешествия Шурф, Иона и Заувен оставили его, и пошли в Виттенберг, повернув на дорогу, которая ведет на восток через равнину у Эрфурта. С ним остался только

Амсдорф. Доктор и его товарищ отправились на север в город Мора, чтобы навестить его бабушку, которая была еще жива. Он провел следующий день в приятной тишине небольшого местечка. На следующее утро он возобновил путешествие и дошел до уединенного места недалеко от замка Альтенштайна, когда группа всадников в масках и полном вооружении неожиданно напала на них. Повозку, в которой он сидел, остановили, извозчика сбросили на землю, и пока один из людей в масках крепко держал Амсдорфа, другой быстро вытащил Лютера из экипажа, поднял его на седло и, натянув поводья, ускакал с ним с Тюрингский лес. Целый день группа всадников блуждала по лесу, их целью было уйти от погони. С наступлением ночи они начали подниматься на гору, и незадолго до полуночи приехали под стены замка, расположенного на ее вершине. Подвесной мост был опущен, решетки подняты, кавалькада проехала и солдаты сошли в лошадей на скалистом дворе замка. Пленника провели по одному пролету лестницы и ввели в комнату, где он будет жить, как ему сказали, неопределенное время, в течение которого ему придется снять церковную одежду и надеть костюм рыцаря, который лежал наготове, и называться только рыцарем Георгом.

При наступлении утра Лютер выглянул из окна комнаты и с первого взгляда понял, где он находится. Под ним были лесные поляны, деревни и хорошо знакомые картины окрестности Эйслебена; хотя города самого не было видно. Дальше были равнины вокруг Мора, и граничащий с ней огромный круг холмов уходил за горизонт. Он не мог не знать, что находится в замке Варбурга под дружеской защитой.

Так человек, к которому были прикованы все взоры, неожиданно был унесен как будто вихрем, и никто не знал куда; и никто во всей Германии не мог сказать кроме тех, кто взял его в плен, жив он или мертв. Папа метнул молнию, император поднял одетую в броню руку, чтобы ударить, казалось, что с каждой стороны его ждет поражение; и в этот момент Лютер становится невидимым. Папская гроза бесполезно гремит на небе, императорский меч бьет по воздуху.

Декорации странно поменялись, и сцена неожиданно потемнела. Минуту назад театр был полон великих актеров, императоров, князей, церковных особ и послов. Столкнулись мощные интересы, должны были решаться важные вопросы. Только что прогремел гром ужасного приговора об изгнании, меч императора был вынут из ножен, дело стремительно шло к развязке, и ужасная катастрофа была неизбежна. Неожиданно действие прерывается, роскошная публика исчезает, глубокое молчание сменяет шум и крики, и у нас есть время подумать о том, что мы видели, поразмышлять об уроках, и ощутить в наших сердцах присутствие и руку Великого Владыки, который «восседает Царем над потопом».

Ольга Крубер-Федорова

История протестантизма Дж. А. Уайли

Книга седьмая. Протестантизм в Англии со времен Уиклиффа до Генриха VIII

Глава 1 - Первые протестантские мученики Англии

Два источника реформации – Библия и Святой Дух – Благовестники Уиклиффа – Надежды протестантов – Петиция Парламента за реформацию – Англия пока не созрела – Движение, отброшенное назад – Ричард II. Преследование лоллардов – Ричард теряет трон – Генрих IV.Приемники – Statute de haeretico comburendo(закон о сожжении еретиков) – Уильям Сотрей – Первый мученик-протестант в Англии – Суд и казнь Джона Бэдли – Разговор между принцем Уэльским и мучеником на столбе – Предложена жизнь – Отказывается и умирает.

Протестантское движение, которое после течения по узким каналам 14ого и 15ого веков, и которое начало распространяться и занимать большую площадь в 16 веке, имело два источника. Первый, который был с небес, - Святой Дух, и второй, который был на земле, - Библия. На протяжении веков воздействие обоих факторов на человеческое общество приостанавливалось. Святой Дух удерживался, а Библия утаивалась. Отсюда чудовищные ошибки, которые деформировали Церковь и вызывали ужасающее зло, поражавшее мир.

Наконец, открылась новая эра. Всевышний, благой и вечный Дух, который действует когда, где и как Он хочет, начал снова проявлять Свое присутствие, ощущаемое в мире, который Он сотворил. Он спустился, чтобы возвести Храм, в котором Он может жить с людьми на земле. Всемогущий и Благословенный направил Свою созидательную силу посредством того, что Он Сам приготовил, Писание Истины, написанное людьми по Его вдохновению. Восстановление Святого Писания и его распространение в христианстве было одним средством того огромного движения, которое начало обновлять мир, так как Дух, который обитает и действует через Писание является единственным автором. Исходя из этого предположения (что это грандиозное движение было вызвано не человеческими силами, но Божественным фактором) мы можем объяснить тот факт, что во всех христианских странах появилась одно и то же движение, приобрело одну и ту же форму и принесло одни и те же благодатные плоды: добродетель в личной жизни и порядок в общественной.

Мы оставили Лютера в Вартбурге. В момент великой опасности провидение открыло для него убежище; но не для беспечной жизни, а работы необходимой для дальнейшего развития протестантизма. Пока Лютер трудиться далеко от нас, давайте посмотрим вокруг и обратим внимание на успех протестантизма в других христианских странах. Вернемся в Англию, родину этого движения, кратко к хронологических событиям полутора столетней давности, отделявших эру Уиклиффа от эры Лютера.

Уиклифф умер в 1384, было видно, какое влияние он оказал на Англию, и как широко распространилось его учение. Его ученики, иногда в манере Уиклиффа, иногда лоллардов, путешествовали по королевству, проповедуя Евангелие. В законе Ричарда II (1382), который церковники, воспользовавшись молодостью короля, протащили без уведомления Палаты Общин, упоминается большое число людей, «путешествующих из графства в графство, из города в город в грубых одеждах без лицензии архиепископа, и проповедующих не только в церквях и церковных дворах, но и на рынках и ярмарках, говоря проповеди, содержащие ересь и доктринальные ошибки, порочащие христианскую веру, статус святой церкви и представляющие опасность для душ.» Уиклифф был еще жив, и люди в «грубых одеждах», которых по закону епископы могли схватить и посадить под домашний арест или в тюрьму, были благовестниками великого реформатора. Этих благовестников не беспокоили сомнения относительно их права на святое служение. Они руководствовались той же хартией, которая дала Церкви право на существование, а также ее членам права на выполнение функций необходимых для ее благополучия. Следовательно, они обратились не к Риму, а к Библии как гаранту служения.

Соотечественники собирались на их проповеди. Солдаты вместе с гражданскими людьми со шпагой в руке были готовы защищать проповедника в случае опасности. Некоторые из знати присоединялись к собранию, не стыдясь называть себя учениками Евангелия. Там, где учение принималось, следовало изменение нравов, некоторые места общественного поклонения очищались от идолов.

Эти признаки обещали многое; в глазах последователей Уиклиффа они обещали все. Они верили, что Англия готова сбросить ярмо Рима, и с этой верой они решили нанести сокрушительный удар по царившему суеверию. За десять лет, прошедших после смерти Уиклиффа, они подали прошение в Парламент о реформации в религии, сопроводив прошение двенадцатью «выводами» или основаниями для такой реформации, из которых второе (дается как пример стиля и духа) было следующего содержания: «Наше обычное священство, которое берет начало в Риме и делает вид, что обладает бо;льшей властью, чем ангелы, не является тем священством, которое установил Христос для Своих учеников. Этот вывод доказывается таким образом: в виду того, что это священство сопровождается знаками, папскими обрядами, церемониями и благословениями, не имеющими ни силы, ни значения, ни основания в Писании, и, поскольку богослужебные книги и Новый Завет не имеют ничего общего с этим, и мы не видим, чтобы Святой Дух давал какие-нибудь дары через такие знаки и церемонии, потому что Он, а также Его высокие и благие дары не могут быть в человеке с грехами к смерти. Следствие этого вывода – для умных людей жалкой и грустной насмешкой является то, что они видят, как епископы имитируют и играют со Святым Духом, отдавая приказания, потому что они отдают предпочтение своим символам и начертаниям вместо чистого

сердца. А такой символ есть печать антихриста, внесенная в Святую Церковь, чтобы покрывать бездеятельность.» Эти выводы они поместили на стенах Вестминстера и прикрепили на воротах собора ап.Павла.

Англия не была пока готова к такой «простоте речи». Большая масса народа без объяснений, напуганная традицией, управляемая иерархией была инертна и враждебна. Сторонники Уиклиффа также забыли, когда шли к Парламенту, что реформации не делаются, но они должны вырасти. Они не могут быть вызваны королевскими декларациями или парламентскими эдиктами; они должны насаждаться терпеливым трудом евангелистов и иногда быть политы кровью мучеников. Из всех урожаев урожай истины созревает медленнее всего, хотя он наиболее обильный и ценный, когда достигает полной зрелости. Именно эти уроки ранние ученики пока не познали.

Смелый шаг сторонников Уиклиффа отбросил движение назад или лучше сказать, ударил по его корням в глубине сердца нации. Арундель, архиепископ Йорский, поспешил в Ирландию, где был тогда Ричард II и упросил его вернуться и арестовать участников движения. Его благочестивая жена, Анна Люксембурская, ученица Уиклиффа, умерла в 1394 году, и король исполнил просьбу Аруделя. Он запретил парламенту рассматривать прошение лоллардов и, призвав главных авторов «выводов», угрожал им смертью, если они будут продолжать отстаивать свое мнение. Но Ричард II не долго удерживал скипетр, который он направил против лоллардов. В его королевстве разразился мятеж, он был свергнут и брошен в замок Понтефрект. Было всего несколько шагов между тюрьмой и могилой принца. Ричард трагически погиб от голода, вместо него воцарился Генрих IV, сын герцога Ланкастерского, который был другом Уиклиффа.

Дело, которое его отец защищал от лица великого апостола, не нашло расположения в глазах его сына. Генрих взошел на трон с помощью Аруделя, и он должен был отплатить за услугу преданностью церкви, в которой Арундель был одним из столпов. Чтобы укрепить свою власть, сын Джона Гонта принес в жертву последователей Уиклиффа. В его правление был издан закон о предании людей смерти за вероисповедование, первый подобного рода, который запятнал свод законов. Он постановлял, чтобы все неисправимые еретики сжигались заживо.

Преамбула этого закона гласит, что «лживые и порочные люди этой новой секты, отделившейся от веры в таинства, превратно мыслящих против Божьего закона и церкви и узурпирующие служение благовестия» ходят из епархии в епархию, устраивают тайные собрания, открывают школы, пишут книги и безнравственно учат людей.

Чтобы искоренить это, епископ в епархии был наделен властью арестовывать всех людей, подозреваемых в ереси, заключать их в тюрьму, приводить на суд, и если они не отрекались от своих убеждений, они должны были быть доставлены к шерифу графства или мэру города, которые «должны были всенародно, на высоком месте сжечь их». Таков был закон De Hoeretico Comburendo, о котором Сэр Эдвард Коук сказал, что очевидно епископы являлись действительными судьями ереси, а шерифы были лишь исполнителями церковного суда. «Король Генрих IV, пишет Фокс, первым из всех английских королей начал немилосердно сжигать христианских святых за противостояние Папе.»

Закон не может не исполняться, чтобы не превратиться в «мертвую букву». Уильям Сотрей, бывший настоятель церкви Св.Маргариты в Линне, а сейчас настоятель церкви Св.Иосифа в Лондоне, «хороший человек и праведный священник», - пишет Фокс – был взят под стражу и против него было выдвинуто обвинительное заключение. Среди обвинений, содержавшихся в нем, находим следующие - «Он не поклонялся кресту, на котором страдал Христос, а только Христу, который страдал на кресте.» «После произнесения слов таинства о теле Христа, хлеб остается той же природы, как и раньше и не перестает быть хлебом.» Он был осужден как еретик судом архиепископа и предан светской власти на сожжение.

Так как Сотрей был первым протестантом, приговоренным к смерти в Англии, то церемония лишения священнического сана была проведена с большой формальностью. Сначала из его рук взяли дискос и чашу, затем была снята риза, что означало лишение его всех обязанностей и достоинств священника. Затем забрали Новый Завет и епитрахиль, чтобы низложить его из сана дьякона и лишить права учить. Низложение его из сана помощника дьякона сопровождалось снятием стихаря. Затем забрали подсвечник и свечу, «чтобы лишить его служения алтарника». Затем забрали книгу на освящение воды, этим он был лишен всех прав как экзорцист. Этими и другими различными церемониями, слишком утомительными, чтобы их перечислять, Уильяма Сотрей сделали простым мирянином, каким он был прежде чем елей и ножницы церкви коснулись его.

Без облачения, лишенный служения евхаристии, отверженный от святых рак Рима, он должен был сейчас взойти на алтарь, где должен принести более дорогую жертву, которую когда-либо видели в Римских капищах. Столб был алтарем, а жертвой – он сам. Он умер в пламени 12 февраля 1401 года. Так как Англии принадлежит высокая честь выдвижения первого реформатора, то также Англии принадлежит и честь иметь первого мученика-протестанта в лице Уильяма Сотрея.(9)

Его мученичество было очевидным пророчеством. Для протестантизма оно было убедительным залогом победы, а для Рима ужасным прогнозом поражения! Протестантизм сделал своей землю Англии, похоронив в ней тело мученика. С того времени протестантизм будет чувствовать себя героем классической литературы,

Он стоит на своей земле и вместе с тем остается невидимым. Он может бороться, истекать кровью и переносить кажущееся поражение, противостояние может длиться в течение многих темных лет и веков, но он обязательно, в конце концов, победит. Он взял в залог землю и не может погибнуть вне ее. С другой стороны его противник написал пророчество своего поражения кровью, которую пролил, и в борьбе он не одолеет соперника, но наверняка упадет перед ним.

Имена многих ранних страдальцев, кому обязана Англия по провидению, их свобода и вера в Писание, были преданы забвению. Среди тех, кто был избавлен от такой участи стараниями древних хронистов, был Джон Бэдли. Он был прихожанином епархии Вустера. Привлеченный к суду за учение о таинствах, он честно признался в своем мнении. Он придерживался мнения, что тщетны «сакраментальные слова», произносимые над хлебом на алтаре; несмотря на особую молитву, он остается «материальным хлебом». Если бы это был Христос, которого священник воспроизвел в алтаре, то пусть он покажет Его в истинной форме, тогда он поверит. Единственная участь ждет человека, который вместо того, чтобы безоговорочно склониться перед «матерью церковью», бросил ей вызов, чтобы свидетельствовать о ее чудесах по каким-то доказательствам или признакам истины. Он был осужден перед епископом Вустера за «преступление в ереси», но дело было отложено до окончательного суда перед Арунделем, который стал архиепископом Кантерберийским.

1 марта 1409 года надменный Арундель, собрав своих викарных епископов с множеством светских и церковных персон, сел на судебное место в соборе св.Павла и приказал привести смиренного исповедника. Он, вероятно, надеялся, что Бэдли испугается такого собрания важных лиц. Однако он ошибся. Взгляды, которые он открыто признал перед епископом Вустера, были подтверждены с одинаковым мужеством в присутствии августейшего трибунала примата католической церкви и грандиозного собрания, представленного в соборе св.Павла. Заключенный оставался под стражей до 15 числа того же месяца, будучи переведенным в монастырь Причинг Фрайерс, причем ключ от его кельи хранился у самого архиепископа.

Когда наступил день окончательного обвинения, 15 марта, Арундуль опять взошел на епископский трон в сопровождении еще большего числа церковных и светских персон, включая наследного принца. Джон Бэдли дал тот же ответ, сделал то же признание во второй раз, как и в первый. Хлеб, освященный священником, остается хлебом и таинство в алтаре менее ценно, чем присутствующий здесь

скромнейший человек. Такой разумный ответ был слишком разумен для людей того времени. Им он казался просто богохульством. Архиепископ, видя «его стойкое лицо и твердое сердце» объявил Джона Бэдли «открыто и публично еретиком». И суд «предал его гражданской власти и пожелал, чтобы присутствующие при сем светские персоны не осудили бы его на смерть за это преступление, как будто они не знали, что та же светская власть, к которой они его сейчас отправили, по их подстрекательству, приняла закон, осуждавший всех еретиков на сожжение. Магистрат был обязан под страхом отлучения от церкви выполнить закон De Haeritico Comburendo.

Прошло несколько часов до того, как костер был зажжен. Приговор ему был вынесен утром, днем того же дня прибыло королевское распоряжение о казни. Бэдли был спешно отправлен в Смитфилд и там, как пишет Фокс, поставлен в пустую бочку, привязан железными цепями к столбу и обложен хворостом.» Когда он стоял в бочке, принц Генрих, старший сын короля, появился у края толпы. Тронутый состраданием к этому человеку, которого он видел в таком ужасном положении, он подошел ближе и обратился к нему, увещевая его оставить эти «опасные лабиринты взглядов» и спасти себе жизнь. Принц и человек в бочке разговаривали, когда толпа расступилась, и процессия с двенадцатью горящими факелами вошла и остановилась у столба. Настоятель церкви св.Варфоломея, выйдя вперед, предложил Бэдли сказать последнее слово. Малейший акт почитания хлеба евхаристии, еще раз представленного перед ним, ослабил бы его цепи и освободил бы его. Но, нет! Посреди хвороста, который должен был истребить его, как и ранее перед пэрами, собравшимися в соборе св.Павла, мученик сделал то же признание: «Это – освященный хлеб, но не тело Бога». Священники отошли, и их путь сквозь плотную толпу был отмечен горящими факелами и высоким шелковым балдахином над хлебом евхаристии. Принесли факел. Вскоре сильное пламя начало добираться до ног мученика. В агонии у него вырвался короткий крик: «Милости! Милости!» Но его молитва была обращена к Богу, а не к палачам. Принц, который задержался недалеко от места трагедии, вернулся, услышав вопль на столбе. Он приказал палачам погасить костер. Они повиновались. Обращаясь к полусгоревшему человеку, он сказал, что, если тот раскается в своих ошибках и вернется в лоно церкви, то не только будет спасен от костра, но и будет получать от него годовое пособие всю свою жизнь. Это были, несомненно, благие намерения со стороны принца, который сострадал мучениям, но не мог понять радости мученика. Вернемся назад; он увидел ворота открытые для него и приготовленный венец для его головы. Нет! Ни за какое золото Англии. В тот вечер он вечерял с более великим Царем. «Так, пишет Фокс, поступил доблестный борец Христа, отвергнув искренние слова принца.. не без яростной и жестокой борьбы, но с еще большим триумфом победы…завершив свое свидетельство и мученичество на костре.»

Глава 2 - Богословие ранних английских протестантов.

Протестантские проповедники и мученики до Генриха VIII. – Их богословие – На более низшей ступени, чем в 16 веке. – Ясно понимались основные истины. – Уильям Торпе – Заключение – Беседа Торпе и архиепископа – Его вероисповедание – Его взгляды на таинство Евхаристии – Авторитет Писания – Угроза костром – Христос присутствует в Евхаристии по вере. – Взгляды Торпе на поклонение изображениям. – Паломничество – Отказ признать исповедь. – Его судьба не известна – Простота раннего английского богословия – Собрание в Оксфорде с целью пресечения протестантизма – Конституция Арунделя – Перевод и чтение Писания Запрещены.

Эта жестокость не ужаснула учеников истины. Столбы, которые они видели поставленными в Смитфилде и указ о сожжении, помещенный в свод законов научил их, что задача завоевания Англии не будет такой легкой, как они мечтали; но это убеждение не поколебало их мужества и не убавило ревности. Дело, которое обрело мучеников, имело достаточно силы, полагали они, чтобы преодолеть любое действие на земле и однажды преобразовать не только Англию, но и весь мир. С такой надеждой они продолжали пропагандировать свои взгляды и не безуспешно, так как Фокс пишет: «Я нахожу в реестрах, что этих вышеупомянутых людей, которых король и католические отцы причислили к еретикам, стало больше в различных графствах королевства, особенно в Лондоне, Линкольншире, Норфолке, Хертфордшире, Шрусбери, Кале и других местах.» Уиклифф только что был похоронен, Гус еще не начал свою деятельность в Богемии; во Франции, Германии и других христианских странах все было во мраке; но в Англии наступил день и стал распространяться свет. У реформации были исповедники и мученики в столице, ученики во многих графствах, она даже перешла через море и заложила фундамент в Кале под английской короной почти за век до Генриха VIII, кого римские писатели считают зачинателем движения.

Уильям Торпе по словам летописца «был храбрым воином под победным знаменем Христа». Его допрос перед Томасом Арунделем, архиепископом Кантерберийским показывает нам евангельские убеждения, исповедуемые христианами Англии 15 столетия. Их малочисленные и простые доктрины вели к самому центру истины, который есть Христос. Стоя перед Ним, эти ранние ученики были в Его свете. Многое, однако, они видели смутно; было лишь раннее утро, полный день был далеко, те огромные светильники, которых Бог воздвиг для освещения небес Своей Церкви в следующем столетии, еще не появились; мгла и тени ночи ушли не совсем и еще плотно лежали на многих частях области откровения. Но одна часть была освещена; это был центр этой области, где стоит крест с великой жертвой, вознесенной на нем, один объект веры, вечная скала надежды грешников. К нему они прибегали, и все, что старалось поколебать веру в

него или поместить что-то на его место, они инстинктивно отвергали. Они знали голос своего Пастыря и не шли за чужим.

Узник замка Солтвуда (1407г.), Торпе, предстал перед легатом Аруделем для расследования. Запись того, что происходило между ним и архиепископом принадлежит перу Торпе. Он нашел Аруделя «в большом зале» с многочисленным окружением; в тот момент, когда его привели к архиепископу, тот удалился в туалетную комнату в сопровождении всего двух или трех клириков.

Арундель: «Уильям, мне хорошо известно, что ты в течении двадцати или более зим путешествуешь по северной стране и разным другим странам Англии, сея ложное учение, чтобы заразить и отравить всю эту землю.

Торпе: «Сэр, так как вы считаете меня еретиком, отпавшим от веры, прошу дать мне возможность рассказать о своих убеждениях.

Арундель: «Рассказывай». Итак узник стал говорить о своей вере в Св.Троицу, о воплощении Второго Лица Бога, о жизни Господа, описанной четырьмя евангелистами, следующими словами:

Торпе: «Когда Христос положил конец здесь этой временной жизни, я думаю, что за день до Его страданий Он установил евхаристию Своей плоти и крови в виде хлеба и вина, то есть Своего драгоценного тела и дал его есть Своим апостолам, постановив им и через них всем их последователям, что они должны совершать ее именно в такой виде, который Он показал им самим, а также учить и передавать другим мужчинам и женщинам, и это самое благоговейное святое таинство в воспоминаниях о Его самой святой жизни, о самом истинном благовести, о Его желании и терпеливом перенесении самых тяжелых страданий. И я верю, что Христос, наш Спаситель, после того, как Он совершил самое великое таинство Своего драгоценного тела, добровольно пошел и умер за людей на кресте». «И я верю в святую церковь, которая включает всех, кто был, кто есть и кто будет до окончания мира, людей, стремящихся узнать и исполнять Божии заповеди». «Я верю, что совокупность таких людей, живущих сейчас и здесь, в этой жизни и есть святая Божия церковь, борющаяся против дьявола, преуспевания мира и собственных похотей. Я причисляю себя к этой святой церкви Христа и всегда готов послушно исполнять ее приказания и каждого ее члена согласно моему знанию и способности с Божьей помощью.» Затем узник исповедовал свою веру в Ветхий и Новый Заветы, « в единство Трех Личностей Троицы», их значимость для спасения человека, он решился руководствоваться их светом, подчиниться их власти, а также власти «святых и богословов Христовых», если их учение совпадает со словом Божьим.

Арундель: «Я требую, чтобы ты поклялся мне, что оставишь все те убеждения, которых придерживается секта Лолларда». Далее архиепископ потребовал, чтобы он сообщил об этом своему братству и прекратил благовестие, пока не наберется ума. Слушая это, узник стоял молча.

Арундель: «Отвечай, так или иначе».

Торпе: «Сэр, если я поступлю так, как вы требуете, то многие мужчины и женщины скажут, что я вероломно и трусливо предал правду и бесстыдно оклеветал Божие Слово». Архиепископ смог только сказать, что если тот будет упорствовать, то ему придется пройти тем же путем, что и Уильяму Сотрею. Это говорилось о костре в Смитфилде.

Здесь исповедник опять замолчал, а затем продолжил: «В своем сердце я молил Господа Бога утешить и укрепить меня, и даровать мне милость всегда говорить в кротком и спокойном духе, и, что бы я не говорил, мог бы иметь авторитет Писания и опираться на него.

Церковнослужитель: «О чем ты раздумываешь? Делай, как мой господин приказывает тебе.» Исповедник молчал.

Арундель: «Ты еще не решился сделать то, что я тебе сказал?» Торпе смиренно заверил легата, что знания, которым он учил других, он получил у ног самых мудрых, образованных и святых священников, известных всей Англии.

Арундель: «Кто эти святые и мудрые мужи, у которых ты учился?»

Торпе: «Магистр Джон Уиклифф. Многими он почитался как величайший служитель, которого они знали при жизни; известные люди часто общались с ним. Учение магистра Джона Уиклиффа до сих пор считается многими мужчинами и женщинами соответствующим жизни и учению Христа и Его апостолов, и наиболее ясно показывает, какой церковь Христа была, должна быть, чем должна руководствоваться и как управляться.

Арундель: «Учение, которое ты называешь истинным и верным, является прямой клеветой на святую церковь, ибо хотя Уиклифф был великим служителем, однако его доктрина не была одобрена святой церковью и многие высказывания были преданы проклятию, как они того заслуживают. Ты подчинишься мне или нет?

Торпе: «Смею не подчиниться тебе ради страха Божьего».

Арундель зло одному из своих служителей: «Принеси сюда быстро документ, который пришел ко мне из Шрусбери с печатью заместителя шерифа, свидетельствующий об ошибках и ересях, которые этот парень ядовито посеял там.

Служитель принес архиепископу свиток, из которого легат прочитал следующее: «В третье воскресение после Пасхи в 1407 году от рождества Христова Уильям Тропе пришел в город Шрусбери и по лицензии, дающей ему право проповедовать, он говорил открыто в церкви св.Чэда, в своей проповеди, что хлеб евхаристии после освящения остается материальным хлебом, что нельзя поклоняться изображениям, что людям не надо ходить в паломничество, что у священников нет прав на десятину, и что нельзя ни в чем клясться.

Арундель, разворачивая бумагу: «Вот, здесь сказано, что ты учил, что хлеб евхаристии остается материальным хлебом после освящения. Что скажешь на это?»

Торпе: «Когда я стоял за кафедрой, уча Божьим заповедям, начал звонить церковный колокол, поэтому многие люди поспешно отошли и с шумом побежали к нему и я, увидев это, сказал им: Добрые люди, вам бы лучше стоять здесь и слушать Слово Божие. Причастие имеет гораздо большее значение в вере, и вы должны понять это душой, а не просто смотреть снаружи, и поэтому вам бы лучше тихо стоять и слушать Слово Божие, потому что через слушание Слова люди приходят к истинной вере.

Арундель: «Как ты учишь понимать причастие?»

Торпе: «Как сам верю, так и учу других».

Арундель: «Расскажи нам просто о своей вере».

Торпе: «Сэр, я верю, что в ту ночь, перед тем как Иисус Христос пострадал за человечество, Он взял хлеб в Свои святые руки, возвел глаза к небу и, возблагодарив Бога Отца, благословил хлеб, преломил его и дал Своим ученикам, говоря: «Возьмите и ядите от него все вы, это есть тело Мое». Я верю и учу других верить, что причастие это – плоть и кровь Христа в виде хлеба и вина».

Арундель: «Ну, ну, ты должен сказать иначе, прежде чем я уйду; а что ты скажешь по второму вопросу, о том, что нельзя поклоняться изображениям?»

Торпе отвергал такие действия, так как им не только нет подтверждения в Писании, но просто запрещено Словом Божьим. Затем последовал длинный разговор между ним и архиепископом, причем Арундель утверждал, что поклоняться изображениям хорошо, основываясь на почтении, оказываемым тем, кто на них изображен, что они являются помощью в богослужении и обладают скрытой силой, которая проявляется время от времени через чудотворения.

Узник заявил, что он не верит в такие чудеса, но знает, что Слово Божие – истинно, что считает вместе ранними богословами церкви: Августином, Амвросием и Иоанном Златоустом, что учение Библии по этому вопросу не подвергается

сомнениям, что она четко запрещала делать изображения, поклоняться им и считала тех, кто делал так виновными в грехе и ответственными за гибель идолопоклонников. Архиепископ посчитал, что день на исходе и перешел от этого спора к следующему вопросу.

Арундель: «Что скажешь ты по третьему пункту, выдвинутому против тебя, о том, что паломничество не является заповедью?

Торпе: «Есть истинные пилигримы в законе и угодные Богу».

Арундель: «Кого ты называешь истинными пилигримами?»

Торпе: «Тех, которые идут к нетленному свету, тех, которые заняты познанием и соблюдением Божьих заповедей, избегают семи смертных грехов, охотно исполняют труд милосердия, ищут даров Святого Духа. Каждая благая мысль, которая к ним приходит, каждое благое слово, которое они произносят, каждое плодотворное дело, которое они совершают, является шагом к Богу на небесах. Но, продолжал исповедник, большинство мужчин и женщин, совершающих паломничество не имеют ни такого учения, ни стремления приобрести его. Насколько мне известно, после опроса 20 паломников я не нашел и троих мужчин или женщин, которые бы хорошо знали Божьи заповеди или могли сказать внятно молитвы Отче наш и Аве Мария или символ веры. Их паломничество имеет целью установить здесь мирскую и плотскую дружбу, а не дружбу с Богом и Его святыми на небе. Также, Сэр, мне известно, что когда несколько мужчин и женщин по своей воле идут в одно и то же паломничество, они заранее договариваются с мужчинами и женщинами, которые умеют петь безудержные песни. А другие пилигримы берут с собой волынки, и поэтому в каждом городе, который они проходят, своим шумным пением, звуками волынок, звоном Кантерберийских колокольчиков и лаяньем собак на них производят больше шума, чем если бы король приехал туда со всеми своими трубами и музыкантами.»

Арундель: «Что! Ты против религиозного рвения? Что бы не говорил ты или кто-то другой, я считаю, что паломничество является похвальным и благим средством получения благодати». После этого последовал еще один длинный спор между Торпе и легатом на тему исповеди. Архиепископ не далеко продвинулся в аргументировании, когда один из служителей вмешался и положил этому конец.

«Сэр, сказал он, обращаясь к легату, уже поздно, а вам далеко ехать, поэтому заканчивайте с ним, так как с ним не будет толку. Но чем более, Сэр, вы пытаетесь привлечь его к себе, тем более упорным он становится».

«Уильям, встань на колени, сказал другой, проси милости у Господа, оставь все свои фантазии и стань чадом святой церкви». Архиепископ, стукнув яростно по

столу рукой, также потребовал немедленного послушания. Другие насмехались над его желанием быть возведенным на костер, которого он мог бы избежать, раскаявшись в своих заблуждениях.

«Сэр, сказал он, обращаясь в архиепископу, как я сегодня говорил несколько раз, я добровольно и смиренно подчинюсь Богу, Его закону и любому члену Его Церкви, как только пойму, что эти члены находятся в согласии с их Главой Христом и будут учить меня, руководить мною и наказывать меня властью Божьего закона.»

Это было подчинение, и добавления, которыми оно сопровождалось, отняли милость в глазах архиепископа. Еще раз и последний легат спросил просто: «Ты подчинишься постановлениям святой церкви?»

«Я с радостью подчинюсь себе, ответил Торпе, как я ранее показал вам».

После этого Торпе был отдан констеблю замка. Его вывели и бросили в более худшую тюрьму, чем прежде. У дверей этой тюрьмы мы теряем всякий след о нем. Он никогда более не появлялся и о его судьбе ничего не известно.

Это расследование или скорее дискуссия между легатом и Торпе позволяет нам иметь сносное представление об английском протестантизме, о лоллардизме, во время между его рассветом во дни Уиклиффа и ярким подъемом в 16 веке. Дискуссия включала три темы. Первая – Писание как высший и непогрешимый авторитет, вторая – крест как единственный источник прощения и спасения, и третья – вера как единственный инструмент, которым люди получают благодать этого спасения. Мы можем добавить и четвертую тему, которая является следствием трех доктрин, составляющих основу протестантизма тех дней, а именно – святость. Вера тех христиан не была мертвой, эта вера соблюдала Божии заповеди, очищала сердце и обогащала жизнь.

Если, с одной стороны, протестантизм лоллардов был узкой и ограниченной системой, состоявшей из очень немногих событий, то с другой стороны, он был совершенен, поскольку содержал ядро и обетование всего богословия. Дана только одна фундаментальная истина, все остальное должно прийти в свое время. В авторитетном источнике Писания, одухотворенном Слове Божьем, и в смерти Христа, как полном и совершенном искуплении вины человека, они нашли больше, чем одну фундаментальную истину. Им пришлось идти вперед по пути, на который они вступили, следуя за этими двумя светильниками, и они пришли в должное время во владение всей открывшейся правды. С каждым шагом горизонт вокруг них расширялся, свет падавший на предметы становился ярче, связи между истинами становились более видимыми, пока наконец все не переросло в окончательную, гармоничную систему, истина соединилась с истиной и все расположилось в

красивом порядке вокруг главной центральной истины – Иисуса Христа, Сына Божьего.

Тем временем эти ранние христиане Англии были окружены снаружи сомнениями и предрассудками, исходя из туманности и узости их видения. Они боялись клясться, кладя руку на Новый Завет, они колебались использовать инструментальную музыку в собрании, некоторые из них осуждали все войны. Но внутри они достигли огромного развития! Склоняясь перед авторитетом Писания, их понимание освободилось от узурпирующего авторитета человека. Имея такое помазание, они отказались смотреть глазами других, видеть на одухотворенных страницах доктрины, которых нельзя было найти ни по одному правилу экзегезы, и против которых возмущался их здравый смысл. Опираясь на Крест, они нашли то облегчение сердцам, которого искали их соотечественники, но не находили в постах, епитимьях, приношениях святым, паломничестве (иногда в рубище и слезах), суровом истязании плоти, и иногда в ярких одеждах на медленно идущих под богатыми попонами мулах под звуки волынок и веселые песни.

Лучшим свидетельством распространения лоллардизма, другими словами протестантизма, была необходимость со стороны их противников принять более жесткие меры репрессии. «Колодец», который Уиклифф выкопал в Оксфорде, все еще был полон, его воды надо было остановить. Свет, который он зажег Библией на родном языке, все еще горел и посылал свои лучи по всей Англии; его надо было погасить. Выполнение этих двух целей стало основной задачей Арунделя. Собрав в Оксфорде (1408г.) епископов и клириков своей епархии, он обнародовал некоторые постановления о контроле над ересью, изложенные в 13 главах и известные как Конституция Арунделя. Целью этой конституции было, во-первых, запретить проповедовать тем, у кого не было особого разрешения епархиального епископа, и кто не прошел экзамен по их догматизму; во-вторых, обязать проповедников остерегаться все нововведений Уиклиффа и ограничить свои беседы по любой темы доктринами святой церкви; в-третьих, видя, «что заблуждения лоллардов захватили Оксфордский университет и, чтобы остановить отравления источника, Синодом принято постановление, что все смотрители, магистры и руководители колледжей и университета обязаны справляться о взглядах и принципах студентов их заведений. И если они обнаружат у них что-нибудь противоречащее католической вере, то пусть сделают выговор, а если те будут упорствовать, то пусть исключат их». «В этом смысле, говорится в шестой главе конституции, новые дороги в религии опаснее, чем старые». Архиепископ, озабоченный безопасностью путников, продолжал закрывать все новые дороги следующим образом - «мы предписываем и требуем, чтобы любая книга или трактат, написанные Джоном Уиклиффом или другим каким-нибудь человеком времен Уиклиффа, или позже, или кто в будущем напишет какую-нибудь книгу по вопросам теологии, будет допущена к чтению в школах, аудиториях

или других местах Кантерберийской епархии после того, как книга будет проверена Оксфордским или Кембриджским Университетом». Нарушение этого положение подвергало нарушителя судебной ответственности как «занимающегося распространением заразы раскола и ереси».

Седьмая глава конституции начиналась так: «Опасным занятием, как предупреждал св.Иеремий, является перевод Библии. Поэтому мы постановляем, что с этого времени ни один неавторитетный человек не будет переводить Священное Писание на английский или другой язык в виде книги или трактата. Ни одна такая книга, трактат или тест, написанный во времена Уиклиффа или позже, не могут быть прочитаны целиком или частично, публично или приватно под угрозой отлучения от церкви, пока данный перевод не будет одобрен либо епархиальным епископом, либо советом графства, как того потребуют обстоятельства. Никогда еще не было таких санкций. В результате все переводы Священного Писания на английский или другие языки и все чтение Слова Божия целиком или частично, публично или приватно было запрещено этой конституцией под угрозой отлучения от церкви.

Глава 3 - Развитие английского протестантизма.

Папский раскол – Его предопределенная цель – Совет в Пизе – Письмо Генриха Папе – Король убеждает Папу отказаться от престола. – Совет в Пизе низлагает обоих Пап. – Избрание Александра V –Раскол не устранен. – Протестантизм в Англии продолжает расти. – Оксфорд очищается. – Католическое возрождение – Поклонение «матери Божьей» - Поклонение архиепископу – Гонения на протестантов ужесточаются. – Колыбель английского протестантизма – Уроки, которые нужно извлечь.

Мы уже говорили о расколе, из-за которого папский мир разделился, и его главенствующая роль ослабла в тот самый момент, когда Уиклифф начинал реформацию. Этому событию, не в малой степени, реформатор обязан тем, что умер спокойно, и что семенам истины, которые он посеял, позволили взойти и укрепиться в почве до того, как разразилась буря. Но если раскол был щитом для зарождавшейся реформации, то он же был и огромным источников бедствий для мира. Общественное сознание было обеспокоено, не зная, какому из двух престолов Петра принадлежит бесспорное место власти и истинный источник благодати. Народы были в замешательстве, так как Папы перенесли свой спор на поле брани, и кровь потекла рекой. Чтобы положить конец этим скандалам и несчастьям, французский король отправил посольство к Папе Григорию XII с тем, чтобы склонить его исполнить клятву, которую он дал при избрании, освободить престол при условии, если его противник сможет принять соглашение. «Он получил, пишет Колльер, изворотливый ответ».

В ноябре 1409 года кардинал Бордо прибыл в Англию из Франции с целью объединения двух монархий, чтобы со властью вынудить Григория исполнить клятву. Кардиналы также способствовали окончанию раскола. Они предприняли шаги для созыва Генерального Совета в Пизе, на который английское священство послало трех делегатов. До этого король Генрих отправил послов, которые наряду с другими распоряжениями везли письмо Папе от короля. Генрих IV писал просто своему «святому отцу». Он умолял его «подумать до какой степени настоящий раскол привел в замешательство и запутал христианство, и как много тысяч жизней потеряно на поле этой вражды». Если бы он принял это близко к сердцу, то был бы уверен, что «его Святейшество» скорее бы отказалось от тиары, чем сохранило ее за счет разделения в церкви, ограждаясь от мира уклончивыми ответами. «Так как, добавил он, если бы ваше Святейшество руководствовалось полезными мотивами, то вами бы управляла нежность истинной матери, которая предстала на суд перед царем Соломоном и отказалась от ребенка, чем видеть его разрубленным на куски». Тот, кто дает хороший совет, говорится в пословице, оказывает неблагодарную услугу. Эта пословица особенно подходит к тому, кто дает совет непогрешимому

человеку. Григорий прочитал письмо, но не отреагировал на него. Архиепископ Арундель, являясь вторым лицом после монарха, созвал Парламент, чтобы тот согласился на приостановку сбора пенсов для св. Петра до исправления разногласий, отрицательно влиявших на христианство. Если одной рукой король подвергал наказанию Папу, то другой рукой сжигал лоллардов; не удивительно, что он был успешен в усилиях сбить Папскую надменность и упрямство.

Все еще скорбный вид двух престолов и двух Пап продолжал сказываться на приверженцах папизма. Кардиналы более серьезно, чем когда-нибудь, решили вынести этот вопрос на рассмотрение между Папой и Церковью, так как они предвидели, что если так будет продолжаться, то оба быстро погибнут. Таким образом, они уведомили королей и прелатов западной церкви, что они собирают Вселенский собор в Пизе 25 марта наступавшего 1409 года. Призыв встретил всеобщий отклик. «Почти все прелаты и известные люди латинского мира отправились в Пизу». Собор состоял из 22 кардиналов, 4 патриархов, 12 архиепископов лично и 14 через поверенных, 80 епископов лично и великое множество через представителей, 87 аббатов, послов почти всех королей Европы, делегатов большинства университетов, представителей капитулов кафедральных соборов. Число, достоинство, авторитет участников Собора давал ему возможность представлять Церковь, а также надежду на преодоление раскола.

Сейчас было видно, как престиж папства пострадал от раскола надвое, и как благоприятен был он для освобождения мира. Если бы папство оставалось единым и неразбитым, если бы был только один Папа, Собор склонился бы перед ним, как перед истинным Наместником; но их было двое; перед участниками стоял вопрос: Кто лжепапа? Не могут оба быть ложными. И через несколько дней они нашли путь к решению, который изложили в четком приговоре на 14 сессии. И который, когда мы принимаем во внимание возраст, личности, должности, против которых обвинение было выдвинуто, является одним из самых замечательных решений, зафиксированных в письменном виде. Он оставил шрам на папской власти, который не изгладился по сей день. Собор объявил Григория XII и Бенедикта XIII отъявленными и неисправимыми раскольниками и еретиками, виновными в явном лжесвидетельстве, чья вина очевидно доказана; их лишают званий и власти, провозглашают Папский престол свободным, а все осуждения или одобрения этих мнимых Пап не имеющими юридической силы и недействительными.

Собор, позорно отвернув этих двух Пап, и спасши, как они думали, престол, за который каждый из них цеплялся крепкой и решительной хваткой, поместил на него кардинала Милана, который начал править под именем Александра V. Понтифик правил недолго, так как в том же году Александр закончил таким образом, о котором Вальтазар, его преемник под именем Иоанн XXIII, предположительно знал больше,

чем хотел оглашать. Собор вместо того, чтобы исправить положение дел, сделал его хуже. Иоанн, который был признан законным держателем тиары, не способствовал ни почитанию церкви, ни спокойствию мира. Двое Пап, Григорий и Бенедикт, отказавшись подчиниться Собору или признать нового Папу, не сходили с арены действий, сопротивляясь с помощью духовного и плотского оружия. Вместо двух противоборствующих Пап стало три; «не три венца на одной папской голове, писал Фокс, а три головы в одной папской церкви», каждая с телом последователей, чтобы поддерживать их претензии. Раскол, таким образом, не только не был преодолен, но стал еще шире, и скандалы и несчастья, следовавшие за ним, далекие от прекращения, значительно усугубились; несколько лет спустя мы находим другой Вселенский Собор, собравшийся в Констанце; возможно, он сможет повлиять на то, что не удалось в Пизе.

Мы возвращаемся в Англию. Пока раскол продолжал возмущать и досаждать католикам на континенте, развитие лоллардизма донимало священство Англии. Несмотря на усилия Арунделя, который не жалел ни указов, ни хвороста, семена, которые посеял главный враг папства, Уиклифф, всходили и смешивали пшеницу Рима с плевелами ереси. Оксфорд особенно требовал внимания легата. Этот источник имел привкус лоллардизма, с тех пор как Уиклифф преподавал там. Он должен быть очищен. Арундель отправился с пышной свитой, чтобы нанести визит университету (1411г.). Канцлер в сопровождении многочисленных прокторов, профессоров и студентов встретил его недалеко от ворот и сказал ему, что если он приехал просто, чтобы посмотреть город, то добро пожаловать, но если он приехал как инспектор, то он просит напомнить Его Милости, что Оксфордский университет на основании Папской буллы освобожден от епископальной и архиепископальной юрисдикции. Арундель не мог вынести такого отпора. Он уехал из Оксфорда через день или два и написал отчет об этом королю. Руководителей университета вызвали в суд, а канцлер и прокторы были лишены своих должностей. Студенты, обидевшись на такую строгость, перестали посещать лекции, и были на грани разрушения и роспуска своего сообщества.

После теплой беседы между университетом и архиепископом дело с согласия обоих сторон было представлено королю. Генрих решил, что оно должно остаться на том основании, на которое поместил его Ричард II. Итак, мнение склонилось в пользу архиепископа, королевское решение было подтверждено парламентом, а впоследствии Иоанном XXIII, в булле, которая лишала привилегии свободы, данной университету Папой Бонифацием.

Она открыла дверь Оксфорда для архиепископа. Созыв парламента вызвал еще больший всплеск уиклиффизма в университете, что заставило архиепископа вмешаться своей властью пока это «прежнее место знаний и добродетелей» сильно

не испортилось. Поразительным фактом явилось то, как отметил Парламент, что свидетельство в пользу Уиклиффа и его доктрин с печатью университета было недавно опубликовано Оксфордским университетом. Арундель не медлил. Вскоре его представители прибыли в колледж. Эти инквизиторы еретической порочности призвали подозреваемых профессоров, и, угрожая законом Генриха о сожжении, вынудили их отречься. Затем они проверили все рукописи Уиклиффа. Извлекли из них 246 суждений, которые они посчитали еретическими. «Этот список отправили архиепископу. Легат, заклеймив его проклятием, отправил Папе просьбу придать его окончательной анафеме и послать ему буллу, наделявшую его полномочиями выкопать и сжечь кости Уиклиффа». «Папа, как пишет Колльер, даровал первое, но отказал в последнем, посчитав ненужной епитимьей нарушать прах умершего.»

Одной рукой Арундель продолжал борьбу с зарождавшимся протестантизмом Англии, а другой он боролся за возрождение католицизма. Он обдумывал, каким новым обрядом он смог бы почтить, и какой новой милостью венчать «матерь Божию». Он учредил в честь Марии «колокольный перезвон при молитве Аве Мария», надлежащее прочтение которой, давало определенное число дней индульгенции. Обряды Римской церкви уже были многочисленными, требовавшими целого специального словаря для их обозначения и почти всех дней в году для их соблюдения. В своем рескрипте епископу Лондона Арундель выдвинул основания для нововведения. Арундель аргументировал тем, что «Божия матерь» высоко чтится в королевстве Англии. Она является «щитом нашего покровительства». Она «делает наше оружие доблестным», и «распространяет нашу власть по всем берегам земли». Более того, нация обязана Деве Марии спасением от ужасного зла, которое угрожало стране, и о последствиях которого даже страшно подумать, если бы оно охватило ее. Архиепископ не назвал имя чудовища, но легко было догадаться, что он имел ввиду, так как архиепископ продолжал говорить о новой породе волков, которые ждут, чтобы напасть на жителей Англии и истребить их, не разрывая их зубами, как свойственно диким зверям, но используя новый и незнакомый метод, примешивая яд в их еду. «Кому (Марии) мы можем приписать в последнее время наше спасение от преследующих волков и от пасти хищных зверей, которые приготовили на нашу трапезу мясо, смешанное с желчью». На этом основании архиепископ распорядился (10.02.1410г.), чтобы колокола звонили утром и вечером в честь Марии, пообещав всем, кто произносит молитву Отче наш и молитву Деве Марии пять раз при утреннем благовесте сорокадневную индульгенцию.

Кому, после «Божьей матери», несомненно, думал архиепископ, обязана Англия, как не ему самому! Таким образом, мы находим его выдвигающим скромное требование разделить те почести, которые он установил для своей покровительницы. Следующий рескрипт, направленный Томасу Уилтону, его судебному исполнителю, предусматривал, что в какое-либо время, когда он бы не проезжал по

Кантерберийской епархии с крестом, который несли впереди него, должны звонить колокола всех приходских церквей «в знак особого к нему почтения». Некоторые церкви Лондона были временно закрыты архиепископом, потому что «в прошлый вторник, когда мы, между восьмью и девятью часами перед ужином, пешком шли по улицам Сити Лондона с крестом, который несли перед нами, нам не оказали почтения, не звоня в колокола при нашем приближении». Поэтому мы приказываем нашей властью вынести обвинение всем этим церквям с временным запрещением церковных органов и инструментов».

«Почему, спрашивает хронист, хотя колокола не звонили на колокольнях, должны были запретить церковные инструменты? Бедные органы, как мне кажется, пострадали несправедливо, замолкнув на клиросе из-за того, что колокола не прозвенели на колокольне». Некоторые, возможно, улыбнутся на эти уловки Арунделя укрепить папство, как указывающие на тщеславие, а не на проницательность. Но мы можем согласиться, что коварный архиепископ знал, что он имел в виду. Он, таким образом, сделал «церковь» неотъемлемой частью англичан того времени. Она будила их от сна утром, она пела им перед сном вечером. Звук колоколов был в их ушах, ее символы – перед их глазами на протяжении всего дня. Каждый раз, когда они целовали изображение, повторяли молитву Деве Марии или делали крестное знамение святой водой, в них возрастало почитание «матери Божьей». Каждое такое действие укрепляло оковы, притуплявшие разум и связывавшие душу. При каждом повторении глубокий сон сознания становился еще глубже.

Гонения на протестантов не прекратились. Преследование еретиков стало жестче, и отношение к ним со стороны тюремщиков более жестоким. Тюрьмы в домах епископов, а ранее просто места заключения, были снабжены орудиями пыток. Башня лоллардов в Лэмбете была переполнена исповедниками, которые оставили на стене своей камеры короткую, но трогательную фразу, свидетельство их «терпения и веры» для людей последующих времен, и кто видел ее, тот никогда не забудет. Многие, слабые в вере и напуганные той жестокостью, которой им угрожали, появлялись в покаянной одежде с горящими свечами в руках у крестов на рыночных площадях или церковной паперти, и читали отречение. Но не все, Англия в те дни была похожа на Испанию. Были и другие, более укрепленные свыше, стремившиеся к славе, чище и ярче которой нет на земле, к смерти за Евангелие. Поэтому к столбу периодически приводились жертвы.

Так прошли ранние годы английского протестантизма. Он не возрастал легко, в пустых разговорах, под улыбки и аплодисменты толпы, нет, он воспитывался в яростных и жестоких штормах. С колыбели он был знаком с трудностями, оскорблениями, нападками, жестокими насмешками, бичеваниями, и более того, с

оковами и тюрьмами. Толпа высмеивала его, власть смотрела неодобрительно, священники называли его ересью и преследовали мечом и хворостом. Давайте подойдем к его колыбели, помещенной не под красивую крышу, в камеру с тюремщиками и палачами, ожидавших рядом. Давайте забудем, хотя бы на минуту о деноминационных и церковных различиях между нами; давайте отложим: один свою лужайку, другой свою Женевскую мантию, и просто в духе христиан и протестантов придем сюда и подумаем о нашем общем скромном происхождении. Кажется, что это «малое дитя» было выброшено на погибель, Римская власть стоит перед ним, готовая уничтожить его, однако, ему было сказано: «Тебе Я отдам Англию». Вот урок, который, при нашем смирении и должном восприятии, пробудит любовь и возвратит единство и силу наших первых дней.

Глава 4 - Действия по распределению церковной собственности.

Горящий куст – Петиция Парламента – Перераспределение церковной собственности – Защита архиепископа Арунделя – Король встает за церковь – Петиция подается во второй раз – Ее повторное отклонение – Более сильное оружие, чем королевские вердикты – Свержение Ричарда II – Генрих IV – Вердикт De Haeretico Comburendo – Переживания короля – Бедствия страны – Планируемый крестовый поход – Смерть Генриха IV.

В предыдущей главе мы увидели протестантов Англии, заклейменных как лолларды, изгоняемых вердиктами и бросаемых в тюрьмы, из которых многие вышли для чтения отречения на церковных папертях и рыночных площадях, и немногие, чтобы засвидетельствовать свою веру на костре. Буря росла с каждым часом, и маленькая группа, по которой она больше всего ударяла, казалось, должна была исчезнуть. Ни в одно время и ни в одной стране, быть может, церковь Божия так хорошо не осознавала обетование, показанное в самом ее раннем и важном символе, чем в Англии в это время. Как среди гранитных пиков Хорева, так и здесь в Англии « Куст горел, но не сгорал».

Их метод утверждения веры страданиями был более верным путем к победе, чем тот, какой английские протестанты любовно наметили для себя сами. В шестой год правления Генриха IV они ходатайствовали перед королем через парламент, чтобы завладеть церковными доходами и собственностью и перераспределить их так, чтобы сделать их более пригодными как для короны, так и для нации.

Палата Общин довела до сведения короля, что клирики владеют третьей частью земель в королевстве и не принимают никакого участия в общественных нуждах; их богатство делает их недееспособными в должном выполнении священных обязанностей. Архиепископ Арундель был рядом с королем, когда спикер парламента, Сэр Джон Чинней, представил петицию. Он не был человеком, который мог стоять и молчать, когда такое обвинение было выдвинуто против заведенного им порядка. Правда, сказал архиепископ, что священники сами не ходят на войну, но также и правда то, что они всегда посылают своих слуг и жителей на поля сражений в таких количествах и с таким снаряжением, которые соответствуют размеру их владений. Архиепископ счел насмешку по поводу того, что клирики являются трутнями, которые беспечно живут дома, когда их соотечественники несут службу заграницей, несправедливой со стороны спикера. Если они одевают стихарь и берут служебник, когда их мирские братья одевают кольчугу и берут рапиру или арбалет, то не потому что бояться пролить кровь или любят легкую жизнь, но потому что хотят проводить дни и ночи в молитве за благополучие страны, особенно за успех ее оружия. Пока солдаты Англии боролись, ее священники молились;

последнее не менее чем первое, способствовало победам, которые придали блеск оружию Англии.

Спикер Палаты Общин с улыбкой ответил на энтузиазм легата, что молитвы церкви являлись слабой поддержкой. Ужаленный этим возражением, Арундель быстро повернулся к Сэру Джону и обвинил его в богохульстве. «Я понимаю, сэр, сказал легат, как королевство должно благоденствовать, когда религиозное рвение и небесное покровительство пренебрегаются и осмеиваются».

Король «медлил в раздумье». Архиепископ, понимая его нерешительность, пал перед ним на колени и умолял Генриха вспомнить клятву, которую он дал при восшествии на престол: отстаивать права церкви и защищать клир; и еще посоветовал ему остерегаться принимать на себя ответственность в обвинении святотатства и связанных с ним наказаниями. Король более не колебался и попросил архиепископа оставить свои опасения и уверил его, что клиру не нужно остерегаться таких предложений как нынешние, пока он носит корону; что он позаботится оставить церковь в еще лучшем положении, чем то, в котором он ее нашел. Надежды лоллардов, таким образом, рухнули.

Но их число продолжало увеличиваться; постепенно образовалась в Парламенте «партия лоллардов», как ее назвал Уолсингем, и в одиннадцатый год правления Генриха они решили, что настало время выдвинуть свое предложение во второй раз. Они произвели подсчет церковных поместий, которые, по их представлению, приносили ежегодный доход в размере 148.000 мерков (старых шотландских марок) и занимали 18.400 единиц пахотных земель. Эта собственность, как они предлагали, должна быть разделена на три части и распределена следующим образом: одна часть должна отойти королю и дать ему возможность содержать 6,000 воинов в добавлении к тем, которых он имел на тот момент; это позволит ему назначить новых графов и рыцарей. Вторая часть должна быть поделена в качестве ежегодного жалования между 15.000 священниками, которые должны совершать богослужения для народа, остальная третья часть должна быть конфискована для создания 100 новых больниц. Но предложение не снискало расположения короля, хотя обещало ему значительное увеличение военной мощи. Он не посмел порвать с церковной иерархией, и возможно, подозрительно отнесся к большим переменам, содержавшемся в проекте.

Обратившись суровым тоном к Палате Общин, он потребовал, чтобы они никогда снова при его жизни не обращались перед его троном с таким предложением. Он даже отказался выслушать просьбу, сопровождавшую петицию, о том, чтобы смягчить вердикт против ереси и разрешить перевести осужденных лоллардов в принадлежавшие ему тюрьмы, а не быть замурованными в скорбных цитаделях епископов. Даже эти небольшие поблажки протестанты не могли получить, чтобы

священники не подумали, что Генрих начал метаться между двумя верами; он закрепил свою приверженность церкви новым разжиганием жертвенного огня для лоллардов.

Пришлось последователям Уиклиффа завоевывать Англию другим оружием, нежели королевскими вердиктами и парламентскими петициями. Они должны были медленно и кропотливо покорять ее слезами, а затем мученичеством. Хотя король поступил, как они хотели, и вердикт претворил в жизнь все, что они ждали от него, в конце концов, он стал просто фиктивным и неплодотворным приобретением, который мог снести любой непостоянный ветер, дувший при дворе. Но, когда своим учением сквозь страдания, своей святой жизнью и мужественной смертью, они осветили осмысление протестантских доктрин и завоевали сердца своих соотечественников, тогда они действительно овладели Англией и таким образом, удержали ее навсегда. Эти ранние последователи не вполне ясно понимали, в чем заключалась главная сила протестантизма. Политическая деятельность, которой они занялись, была попыткой собрать плоды не только прежде, чем они созреют под солнцем, но даже прежде чем они посеют семена. Здание римской церкви было построено на убеждениях в умах англичан, что Папа – небесный посланник, даровавший людям прощение грехов и благословения для спасения. Это убеждение, наверное, впервые было опровергнуто. Пока оно сохранялось, ни материальное воздействие, ни политические действия не могли быть достаточными, чтобы сбросить господство Рима. Среди скандалов клира и разложения нации оно бы продолжало расти до наших дней, если бы не пришли на помощь реформаторские и духовные силы. Мы можем извинить ошибку протестантов Англии 15 века, когда размышляем, что единственная сила этих действий имела неглубокую веру даже в религиозном мире.

С того часа, как столб для костра был поставлен для протестантов Англии, ни король, ни народ не имели покоя. Генрих Плагенет (Болингброк) вернулся из ссылки, поклявшись, что не нарушит наследную преемственность короны. Он нарушил обет и свергнул Ричарда II. Церковь через своего легата была пособником ему в этом деле. Арундель помазал нового короля из таинственного сосуда, который по преданию Дева Мария дала Томасу Беккету во время его ссылки во Франции, сказав ему, что те короли, на чью голову изольется этот елей, будут славными воинами церкви. За коронацией последовала темная трагедия в замке Понтефрект и еще более темная и более систематическая жестокость вердикта De Haeretico Comburendo с последующими тюремными заключениями в Тауэре и кострами в Смитфилде. Царствование, которое началось, таким образом, не имело ни популярности за границей, ни процветания на родине. Коалиция поднималась на коалицию, бунт следовал за бунтом, цепь народных бедствий сменялась в быстрой последовательности, пока, наконец, Генрих окончательно не потерял популярность,

с помощью которой он взобрался на трон. А террор, с которым он царствовал, заставил подданных пожалеть слабого, легкомысленного и порочного Ричарда, которого он лишил короны, а затем и жизни. Постоянно возникали слухи, что Ричард жив и однажды потребует своего, что давало основание не только для постоянных тревог короля, но и для частых тайных сговоров знати; человек, который первым поставил столб для костра в Англии для последователей Евангелия, должен был вскоре возвести эшафоты для пэров своего королевства. Его сын, принц Генрих, усугублял его переживания.

. Мысль, частично оправданная буйной жизнью, которую вел принц с множеством компаньонов, которыми он окружил себя, о том, что он хотел захватить корону прежде, чем смерть даст ее обычным путем, постоянно преследовала королевское воображение. Чтобы избежать опасности, монарх временами предпринимал нелепые предосторожности и клал регалии под подушку во время сна. «Его короткое царствование в течение 13 лет и 5 месяцев прошло, как пишет хронист, «с небольшим удовольствием».

Последний год жизни Генриха отмечен запланированным походом в Святую Землю. Монарх считал себя признанным к праведным трудам по освобождению Иерусалима от неверных. Если бы он преуспел в этом, заслуживавшем одобрения труде, то он бы провел оставшуюся жизнь с более легкой совестью, как искупившего преступления, с помощью которых он открыл дорогу к трону. Как оказалось, однако, его усилия совершить это грандиозное мероприятие только добавили забот ему самому и возложили бремя на подданных. Он собрал корабли, деньги, провизию и солдат. Все было готово, флот только ждал, когда король взойдет на корабль, чтобы поднять якорь и отплыть. Но перед отплытием монарх должен был посетить гробницу св. Эдварда. «Пока он возносил молитвы, пишет Холиншед, о благополучном отправлении и дальнейшем путешествии, он неожиданно и тяжело был поражен приступом, так что окружавшие его боялись, что он вскоре умрет; поэтому чтобы облегчить, насколько возможно, его страдания они отнесли его в соседнюю комнату, принадлежавшею аббату Вестминстера, где положили его на ложе перед камином и применили все средства для того, чтобы вернуть его в сознание. Наконец к нему вернулась речь и сознание, обнаружив себя в незнакомом месте, он захотел узнать имеет ли эта комната какое-нибудь имя, и ему ответили, что она называется «Иерусалимом». Тогда король сказал: «Слава Небесному Отцу, так как знаю, что умру в этой комнате согласно пророчеству, данному обо мне, что я закончу свою жизнь в Иерусалиме».

Глава 5 - Суд и обвинение Сэра Джона Олдкастла.

Генрих V – Коронация и буря – Толкования – Борьба за освобождение – Юность Генриха – Перемена при получении власти короля – Злой гений Арунделя – Сэр Джон Олдкастл – После женитьбы становится Лордом Кобхемом. – Принимает взгляды Уиклиффа – Опекает проповедников лоллардистов. – Обвинен Арунделем. – Разговор между Лордом Кобхемом и королем – Вызван Арунделем. – Повестки разорваны. – Исповедование веры – Арестован. – Приведен на суд архиепископа. – Расследование – Его взгляды на евхаристию, исповедь, Папу, изображения, церковь и пр. – Обвинение его как еретика – Поддельное отречение – Убегает из Тауэра.

Сраженный апоплексическим ударом в начале зрелого возраста, 20 марта 1413года, Генрих IV был похоронен в гробнице в Кантерберийском соборе, а его сын Генрих V взошел на трон. Новый король был коронован в Страстное Воскресенье 9 апреля. День был ознаменован ужасной бурей, которая разразилась над Англией, и дух времени по-разному интерпретировал это событие. Немало людей считали это предзнаменованием зла, предупреждением о политических бурях, которые будут сотрясать государство Англии. Но другие, более оптимистически настроенные, толковали это событие с большей надеждой. Как буря, говорили они, разгоняет мглу зимы и вызывает из темных обителей земли цветы весной, так и справедливое правосудие короля рассеет нравственные пары, нависшие над страной во время последнего правления, и призовет добродетели порядка и благочестия, чтобы украсить и благословить общество. Между тем будущее, которое люди пытались прочитать, открывалось им, неся с собой те суровые бури, которые были необходимы для рассеяния ночного тумана, так долго висевшего над Англией. Вера наступала, чтобы занять место суеверия и пробудить в англичанах те стремления и наклонности, которые сначала получали развитие на полях сражений; потом, более славное развитие, в залах политических и богословских диспутов, и окончательный прогресс спустя два столетия, в безупречном здании гражданской и религиозной свободы, которое сейчас завершено в Англии, чтобы и другие народы могли бы научиться его принципам и получить его благословения.

Молодость Генриха V, который теперь правил Англией, была беспорядочной. Она была опорочена «беспорядочными удовольствиями, разгулом дебошира и чрезмерным употреблением вина». Ревность к своему отцу за устранение его от государственной деятельности находит извинение за заполнение его ума и времени низкопробными развлечениями и унизительными удовольствиями. Но, когда принц надел корону, он отверг свою прежнюю самость. Он удалил своих старых приятелей, окружил себя советниками отца, даровал звания и государственные должности людям способным и добродетельным; и, назначив содержание своим бывшим приятелям, он запретил им входить в его присутствие, пока не станут лучше. Короче,

он предпринял похвальные усилия, чтобы способствовать реформации в нравах и вере. «Находясь теперь на королевском месте, пишет хронист, он решил начать с чего-нибудь угодного Святейшему Величеству, поэтому приказал священникам проповедовать Слово Божие просто и верно, и жить соответственно, чтобы быть светильниками для мирской власти, как требовало их призвание. Он хотел, чтобы миряне служили Богу и повиновались своему королю, запрещая им, помимо всего, нарушение супружества, обычай сквернословия и умышленное лжесвидетельство».

Несчастье Генриха V состояло в том, что он имел благие намерения для своего народа, но не знал истинного источника настоящей реформации. Коварный Арундель был все еще рядом с ним и направлял шаги короля по тем же путям, по которым шел его отец. Кровь лоллардов продолжала течь, и новые жертвы время от времени пополняли списки мучеников.

Самым известным из протестантов его правления был Сэр Джон Олдкастл, дворянин Херефордшира. Женившись на наследнице замка Каулинг, недалеко от Рочестера, он получил место в парламенте с титулом лорд Кобхем по праву имения жены. Молодость лорда Кобхема была омрачена веселыми удовольствиями, но изучение Библии и трудов Уиклиффа изменили его сердце, и теперь к дворянским качествам доблести и чести он добавил христианское смирение и чистоту. Он служил во Франции при Генрихе IV, который дал высокую оценку его военным успехам. Не менее он был оценен его сыном, Генрихом V, за личные качества, острый ум и героические подвиги солдата. Но, «занозой» в благородных качествах и честном характере этого отважного старого барона, по мнению короля, была принадлежность к лоллардизму.

С характерной прямотой лорд Кобхем не делал секрета из того, что придерживался учения Уиклиффа. Он открыто заявил со своего места в парламенте еще в 1391 году, «что для Англии было бы лучше, если бы папская власть осталась в городе Кале, и не пересекла пролив». Говорят, что он также сделал копии с трудов Уиклиффа и разослал их в Богемию, Францию, Испанию, Португалию и другие страны.

Он открыл двери замка Каулинг для проповедников-лоллардов, сделав его их убежищем, в то время как их преследовали в округе во время проповеди Евангелия. Он сам часто бывал на их проповедях, стоя рядом с проповедником со шпагой в руке, чтобы защитить его от оскорблений монахов. Такое открытое неуважение церковной власти не могло быть не замечено и придано осуждению.

В то время (1413г.) проходил Собор в церкви св. Павла. Архиепископ поднялся и призвал внимание собравшихся к развитию лоллардизма, и особенно указал на лорда Кобхема, заявив, что «одеяние Христа никогда не будет без морщин», пока этот

пресловутый сообщник еретиков не будет убран с дороги. С этим все согласились, но Кобхем имел друга в лице короля, и это не позволило отправить его в Смитфилд и сжечь, как обычно поступали с еретиками. Они должны были, если возможно, иметь разрешение короля во всем, что делали против лорда Кобхема. Поэтому архиепископ Арундель с другими епископами и членами Собора нанесли официальный визит королю и изложили перед ним жалобу на лорда Кобхема. Генрих ответил, что сначала он сам постарается убедить бравого старого рыцаря, которого он высоко ценил.

Король послал за Кобхемом и убеждал его оставить заблуждения и подчиниться матери церкви. «Ваше Высочество, ответил он, я всегда готов и желаю подчиниться, ибо я знаю, что вы христианский король и Божий слуга; вам после Бога я должен подчиняться и покоряться. Но, что касается Папы и его духовности, то я не должен к нему, ни приспосабливаться, ни служить, потому что я знаю, что он, согласно Писанию, - антихрист, открытый противник Бога и мерзость, стоящая на святом месте». При этих словах выражение лица короля изменилось, его доброжелательность к Кобхему сменилась на ненависть к еретику; он отвернулся, решив больше не вмешиваться в это дело.

Архиепископ опять явился к королю, который теперь дал свое согласие на возобновление дела против лорда Кобхема согласно законам церкви. Они, во всех подобных случаях, сжато были выражены в законе Генриха IV, De Haeretico Comburendo. Архиепископ отправил посыльного к лорду Кобхему, призвав его предстать перед ним 2 сентября и ответить на статьи обвинения. Действуя по принципу, что он « не должен ни угождать, ни служить» Папе и его вассалам, Лорд Кобхем не обратил внимания на приказы явиться в суд. Затем Арундель приготовил официальный вызов в суд в надлежащей форме и отправил его по почте к воротам замка Каулинг и к дверям собора в Рочестере. Друзья и верные слуги лорда Кобхема быстро разорвали эти повестки. Архиепископ, видя церковь в опасности быть преданной презрению, а ее власть насмешке, поспешил обнажить против непокорного рыцаря ее старый меч, ужасный по тем временам. Он отлучил от церкви великого лолларда; но даже это не сломило его. В третий раз были отправлены повестки, приказывавшие ему явиться, под угрозой суровых наказаний; и снова они с презрением были разорваны.

Храброе сердце билось в груди Кобхема, он решил показать королю, что у него есть веское основание. Взяв ручку, он сел и написал обоснование своей веры. Основанием исповедования своей веры он взял Апостольский символ веры, раскрыв смысл принятых им основных положений, исходя из Писания. В его труде есть простота и духовность, но нет четкого, хорошо профессионально изложенного реформаторского богословия 16 века. Он отвез его королю, настоятельно прося,

чтобы его исследовали «наиболее благочестивые, мудрые и образованные люди его королевства». Генрих отказался взглянуть на его труд. Отдавая его архиепископу, король сказал, что в этом деле Его Милость будет его судьей.

Со стороны Кобхема последовало предложение, которое, несомненно, вызвало бы удивление у современных духовных лиц, но которое не считалось неуместным и поразительным в то время, когда многие юридические, политические и нравственные вопросы решались в сражении. Он предложил выставить сотню рыцарей и оруженосцев на поле сражения для очищения его от обвинения, против равного числа со стороны его обвинителей. И еще, сказал он: «я буду сражаться сам ни на жизнь, а насмерть в защиту моей веры, с любым человеком, христианином или язычником, кроме короля и лордов его совета». Его предложение было отклонено. Результат был таковым, что король приказал схватить его в личной кабинете и заключить в Тауэр.

В субботу, 23 сентября 1413 года лорд Кобхем предстал перед архиепископом Арунделем, который в присутствии епископов Лондона и Винчестера, открыл судебное заседание в доме капитула церкви св. Павла. Легат предложил ему оправдание, если он подчинится и признает свою вину. Он ответил тем, что вынул из-за пазухи и прочитал письменное обоснование своей веры, подав одну копию легату, а другую, оставив себе. Суд отложил заседание до следующего понедельника, чтобы продолжить его в доминиканском аббатстве на Лудгейт Хилл в присутствии более многочисленных епископов, богословов и монахов. Узнику опять было предложено оправдание на тех же условиях. Но он отвечал: «Нет, несомненно, я не сделаю этого, так как не согрешил перед вами, и, следовательно, я не сделаю этого». Затем он встал на колени на пол, поднял руки к небу и сказал: « Я исповедаюсь Тебе, мой Вечно Живой Бог, что в моей юности я оскорблял Тебя, о, Господь, ужасной гордостью, гневом, обжорством, жадностью и распутством. Многих людей я оскорбил в гневе и совершал многие ужасные грехи, Боже Благой, прошу Твоей милости». Затем поднявшись, со слезами, бежавшими по лицу, он повернулся к народу и прокричал: « Слушайте, добрые люди! Эти люди не отлучали меня от церкви за нарушение Божиих законов, но сейчас за нарушение их собственных законов и традиций они жестоко обращаются со мной и другими».

Суду понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя от такой сцены. Затем суд продолжил допрашивать лорда Кобхема следующим образом:

Архиепископ: «Сэр, что вы можете сказать по трем догматам, присланным в Тауэр, для вашего рассмотрения, особенно по поводу догмата Причастия?»

Лорд Кобхем: «Мой Господь и Спаситель, Иисус Христос, сидя на последней вечери со Своими самыми любимыми учениками, в ночь до Своих страданий, взял

хлеб, и, возблагодарив Своего Вечного Отца, благословил его, преломил и дал им, говоря: «Примите и ядите от него все. Сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание». В это я глубоко верю».

Архиепископ: «Верите ли вы, что это – хлеб, после причастных молитв?»

Лорд Кобхем: «Я верю, Причастие – это тело Христа в виде хлеба, Христа, который был рожден от Девы, умер на кресте и сейчас прославлен на небе».

Богослов: « После причастных молитв хлеба не остается, а только тело Христа».

Лорд Кобхем: «Однажды вы сказали мне в замке Каулинг, что святой хлеб евхаристии не является телом Христовым. Но я не согласился с вами и доказал, что это есть Его тело, хотя священники и монахи не соглашались, но противоречили друг другу.

Многие богословы зашумели: «Мы все говорим, что это – тело Божие».

Они сердито настаивали, чтобы он ответил, остается ли хлеб материальным после освящения Святых Даров.

Лорд Кобхем (пристально смотря на архиепископа) сказал: «Я твердо верю, что это – тело Христа в виде хлеба. Сэр, разве вы не так же верите?»

Архиепископ: «Да, также и я».

Богословы: «Только тело Христа после освящения Святых Даров священником, а не хлеб, или иначе?»

Лорд Кобхем: «Это – и тело Христа, и хлеб. Я докажу это следующим образом: подобно тому, как Христос, живя здесь на земле, имел как божественную, так и человеческую природу, и невидимая божественность была сокрыта под человеческой природой, которую только и видели в нем. Поэтому Святые дары есть самое тело Христа, а также хлеб, как я полагаю.

Хлеб – то, что мы видим, тело же Христа, которое есть Его плоть и кровь, спрятано в нем и видима по вере.

Улыбаясь друг другу, все говорят в один голос: «Это – гнусная ересь».

Епископ: «Говорить, что это – хлеб после освящения является очевидной ересью.

Лорд Кобхем: «Святой апостол Павел, я уверен, был таким же мудрым, как и вы и более сведущ в божественных истинах, и называл это хлебом. В письме к Коринфянам он говорил: «Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение тела Христова?»

Все: «Святого Павла нужно понимать иначе, ибо ересь – говорить, что это хлеб после освящения».

Лорд Кобхем: «Какие у вас доводы?»

Суд: «Это противоречит определению святой церкви».

Архиепископ: «Мы послали вам письменное изложение догмата о святом причастии, ясно определенное римской церковью, нашей матерью, и святыми отцами.

Лорд Кобхем: «Я не знаю никого святее Христа и Его апостолов. Что касается определения, то я знаю, что оно не принадлежат никому из них, ибо не соответствует Писанию, но явно противоречит ему. Если оно принадлежит церкви, как вы говорите, то только с тех пор, как она приняла большую дозу яда плотских богатств, но не раньше.

Архиепископ: «Как смеете так думать о святой церкви?»

Лорд Кобхем: «Святая Церковь это те, которые будут спасены, и чьей главой является Христос. Одна часть этой Церкви на небе со Христом, другая в чистилище (как вы говорите), а третья – здесь на земле».

Богослов Джон Кемп: «Святая церковь определила каждому христианину исповедоваться перед священником. Что скажите на это?»

Лорд Кобхем: «Больной или раненый человек нуждается в мудром и настоящем враче. Следовательно, необходимее исповедоваться сначала Богу, который единственный знает наши болезни и может помочь нам. Я не против того, чтобы пойти к священнику, если он ведет благопристойную жизнь и образован. Если он – порочный человек, мне лучше бежать от него, потому что я скорее заражусь от него, чем исцелюсь».

Богослов Кемп: «Христос поставил святого Петра наместником здесь на земле, чей престол – римская церковь. И Он обещал такую же власть всем преемникам святого Петра на этом престоле. Верите в это или нет?»

Лорд Кобхем: «Тот, кто старается следовать за Петром в святости жизни, тот – его преемник».

Другой богослов: «Что скажете о Папе?»

Лорд Кобхем: «Он и все вы представляете одного великого антихриста. Папа – глава, вы, епископы, священники, прелаты и монахи – тело, а монахи нищенствующего ордена – хвост. Ибо они скрывают порочность вас обоих своим словоблудием.

Богослов Кемп: «Святая церковь определила похвальным паломничество по святым местам, и там поклоняться святым мощам и образам святых и мучеников. Что скажете на это?»

Лорд Кобхем: «Я не нахожу на это указания ни в одной Божией заповеди. Лучше смахнуть с них паутины, снять и убрать с глаз долой, как и других пожилых людей, которые есть образы Божии. Это я говорю вам и хочу, чтобы весь мир знал, что своими раками и идолами, вашими ложными оправданиями и прощениями, вы притягиваете к себе имущество, богатство и главные удовольствия всех христианских стран».

Священник: «Как, сэр! Вы не поклоняетесь святым образам?»

Лорд Кобхем: «Какое поклонение могу я принести им?»

Монах Пальмер: «Сэр, поклоняетесь ли вы кресту Христа, на котором Он умер?»

Лорд Кобхем: «Где он?»

Монах: «Предположим, сэр, что он сейчас здесь перед вами».

Лорд Кобхем: «Умный человек задает мне серьезный вопрос о предмете, однако, сам не знает где он. Я снова спрашиваю: какое поклонение я должен оказать ему?»

Священник: «То поклонение, о котором говорит апостол Павел. Бог запрещает радоваться, как только крестом Иисуса Христа».

Епископ Лондона: «Сэр, вы хорошо знаете, Христос умер на материальном кресте».

Лорд Кобхем: «Да, я знаю, что наше спасение не пришло через этот материальный крест, а только через Того, Кто умер на нем. И также я знаю, что апостол Павел не хвалился никаким другим крестом, но крестом страданий и смерти Христа».

Архиепископ: «Сэр, день заканчивается. Вы должны либо подчиниться установлению святой церкви, либо предать себя еще большей опасности. Поймите это вовремя, иначе будет поздно».

Лорд Кобхем: «Я не понимаю, с какой целью я должен подчиниться».

Архиепископ: «Мы опять настаиваем, чтобы вы позаботились о себе, и не имели бы иного мнения по этим вопросам, кроме всеобщего исповедания веры святой римской церкви, и как послушное дитя вернулись бы в лоно вашей матери. Поймите это вовремя, говорю вам, пока можно исправить, и не будет слишком поздно».

Лорд Кобхем: «Я не переменю своего мнения по этим вопросам, как уже изложил вам. Делайте со мной, что хотите».

Архиепископ: «Мы должны исполнить закон, мы должны вынести решение церковного суда, осудить и приговорить вас как еретика».

Потом архиепископ встал и зачитал решение. Все собрание, епископы, богословы и монахи, встали и сняли головные уборы. Архиепископ извлек два документа, которые были приготовлены заранее и начал читать их. В первом говорилось о ересях, в которых обвинялся лорд Кобхем, и об усилиях, которые суд, «желая спасения его души», предпринял, чтобы обратить его к «единству с церковью». Но он, «как дитя беззакония и тьмы», так ожесточился в своем сердце, что не послушал голоса своего пастыря». «Поэтому мы, продолжал архиепископ, обратившись ко второму документу, осуждаем, объявляем и приговариваем вышеупомянутого Сэра Джона Олдкастла, рыцаря, как самого злостного и отвратительного еретика, отдавая его светскому правосудию и власти, к смерти».

Это решение Арундель провозгласил сентиментальным, дружеским тоном, и слезы текли по его лицу. Архиепископ сам рассказывает об этом, иначе бы мы не узнали, так как мы не находим признаков сострадания или смягчения в терминах решения. «Я зачитал его, говорит архиепископ относительно приговора о предании Сэра Джона огню, самым доброжелательным и приятным тоном с плачущим лицом». Если архиепископ плакал, то на лице лорда Кобхема никто не увидел и слезинки. «Обратившись к собранию, пишет Бейл, лорд Кобхем сказал очень бодрым голосом: хотя вы осудили мое жалкое тело, но душе вы не можете принести вреда. Тот, Кто создал ее, по Своей безграничной милости, спасет ее. Я не сомневаюсь в этом. Затем преклонив колени и подняв глаза и руки к небу, он помолился: Вечный Господь Бог, умоляю Тебя ради великой Твоей милости простить моих гонителей, если на то Твоя благословенная воля. Затем он был отправлен к сэру Роберту Морлей и отведен назад в Тауэр».

Приговор был приведен в исполнение спустя еще 50 дней. Такая необычная отсрочка была связана с симпатией к своему старому другу со стороны короля, или она была вызвана надеждой на его подчинение церкви. И тогда его отречение нанесло бы удар по лоллардизму. Но лорд Кобхем взвесил все обстоятельства и твердо решил мужественно вынести ужасы Смитфилда, нежели чем подвергаться обвинению в отступничестве. Его гонители, наконец, отчаялись привести его в одеждах раскаяния с зажженными свечами к дверям собора св. Павла, что они делали с более покорными и слабыми исповедниками, чтобы там он раскаялся в насмешках над поразительной тайной пресуществления и возведение авторитета Писания над авторитетом церкви. Но если настоящего отречения не могло быть, то можно было сфабриковать фиктивное и выдать его за признание дворянина. К такому средству

прибегли его враги. Они известили, что «Сэр Джон стал добропорядочным человеком и смиренно подчинил себя всем догматам святой церкви. Затем они составили и опубликовали письменное «клятвенное отречение», в котором они заставили лорда Кобхема признать безграничное почитание Папы (Иоанна XXIII), «наместника Христа на земле и главу церкви», его клир, таинства, законы, прощения грехов и произволение. Они рекомендовали «всем христианам соблюдать и смиренно принять все вышесказанное». Далее они заставили его в этом «отречении» объявить «заблуждениями и ересями» все доктрины, которые он отстаивал перед епископами, и, возложив руку «на святое Божье Евангелие» поклясться, что никогда больше не будет придерживаться этих ересей, «или чего-нибудь подобного сознательно».

Фальсификаторы этого «отречения» перегнули палку. Лишь небольшой рассудительности было достаточно, чтобы понять грубую подделку. Ее авторы были, несомненно, осторожны, чтобы взгляд человека, которого они так низко опорочили, не коснулся ее. Однако, очевидно, что информация была передана Кобхему в тюрьму. Священники заставляли выступать по некоторым положениям публично, так как мы находим, что он послал возражение на клевету и подделку, которые распространялись о нем. Он протестовал, как и ранее, стоя перед архиепископом, заявляя, что вера его не изменилась. «Это отречение, пишет Фокс, никогда не попадало в руки лорда Кобхема, оно было составлено не для этого, но чтобы только затуманить взор невежественных масс на некоторое время». Между тем, либо с помощью друзей, либо с попустительства губернатора, доподлинно неизвестно, но лорд Кобхем убежал из Тауэра в Уэльс, где жил тайно четыре года.

Глава 6 - Лоллардизм объявлен изменой.

Распространение лоллардизма – Клирики жалуются королю. – Деятельность лоллардов – Обвинение в замыслах разрушить трон и государство – Ночное собрание лоллардов у церкви св.Эгидия- в-полях – Тревога короля – Он нападает и разгоняет собрание. – Было ли это конспирацией или тайным религиозным собранием? – Древнее орудие в действии.

Лорд Кобхем на время ускользнул из рук своих гонителей, но более покорные исповедники были им доступны, на них Арундель и его клир стали вымещать свою месть. То, что они определили как ересь и наказывали огнем, распространялось по всей Англии, несмотря на их суровость. То, что новые взгляды были опасны для авторитета римской церкви, было совершенно очевидно. В замыслы иерархии входило представлять их опасными также и ради порядка в стране. Они пошли к королю, и жалуясь на распространение лоллардизма, сказали ему, что лоллардизм является врагом королей и государств. И что если его не запретить, то он в короткое время погубит королевство. «Еретикам и последователям Уиклиффа, сказали они, позволяют очень смело проповедовать заграницей, собирать собрания, организовывать школы в частных домах, издавать книги, сочинять трактаты и писать баллады, а также учить на углах и перекрестках, в лесах, полях, лугах, пастбищах, рощах и пещерах земли. За этим последует, добавили они, разрушение государства, ниспровержение и полный упадок королевства, если не принять мер вовремя».

Махинации священников дали плоды. Чтобы еще больше возбудить сомнения короля и направить его на поражение любого человека, сеявшего семена порядка в его владениях, они окружили его трон и обещали представлять доказательства для обвинения в нелояльности и измены лоллардов. В январе 1414 года они отправились в Элтлием, где жил тогда король, и испугали его секретной информацией о грандиозном восстании последователей Уиклиффа во главе с лордом Кобхемом, готовое уже начаться. Лолларды, как они доложили, предложили свергнуть короля, убить королевскую семью, снести Вестминстерское Аббатство и все соборы королевства, и закончить конфискацией церковной собственности». Чтобы придать рассказу правдивый колорит, они указали время и место, назначенное для начала дьявольского плана. Конспираторы должны были встретиться в назначенную полночь «на поле Фикет, недалеко от Лондона, позади церкви св.Эгидия», и начать свою ужасную работу. Король при получении тревожных новостей оставил Элтхем и отправился с отрядом вооруженных людей в Вестминстерский Дворец, чтобы быть на месте готовым подавить предполагаемый бунт. Наступила ночь, когда этот ужасный план должен был открыться и до утра оставить воспоминания о свержении трона и уничтожении церковной иерархии. Был возбужден воинственный дух будущего героя при Азенкуре. Отдав приказ закрыть ворота Лондона и «развернуть

знамя, пишет Вальден, с изображением креста», по примеру Папы, когда тот воевал с турками, король выступил, чтобы вступить в бой с восставшими. Он не нашел никакого скопления людей, как ожидал. Не было ни лорда Кобхема, не было ни вооруженных людей. Вместо обычных конспираторов, готовых отразить натиск королевских войск, король встретил группу граждан, которые выбрали этот час и место для проповеди на открытом воздухе. Таков был характер собрания. Когда король верхом проехал со своими воинами в середину собрания, то не встретил никакого сопротивления. Без руководителей и оружия толпа рассыпалась и разбежалась. Некоторые были сражены на месте, за другими погнались и многие были арестованы. Ворота города были закрыты, а зачем? «Чтобы горожане не объединились с восставшими», говорят обвинители лоллардов, которые хотели бы уверить нас, что это была организованная конспирация. Лондонцы, говорят они, были готовы сотнями кинуться на помощь лоллардам против королевских войск. Но где свидетельство этому? Мы не слышим, чтоб кто-то из граждан вооружался. Почему лондонцы не вышли за пределы города и не соединились со своими друзьями прежде, чем наступит ночь и на них нападут солдаты? Почему они не встретились с ними на поле Фикет? Их появление там было известно их врагам. Почему оно не было известно их друзьям? Нет, ворота Лондона были закрыты по той же причине, по которой, через какое-то время, закроют ворота Парижа, когда вне его стен проводилось тайное религиозное собрание, чтобы верующие при нападении на них не могли укрыться в городе.

Идея о том, что восстание было спланировано и организовано, чтобы свергнуть правительство с полным низложением всего церковного и политического устройства Англии, кажется нам слишком абсурдной, чтобы принимать ее во внимание. Такие революционные и кровопролитные планы не только чужды характеру и целям лоллардов, но скорее они выше их возможностей. Они действительно добивались конфискации и перераспределения церковного имущества, но использовали для этого только законные средства подачи прошений парламенту. Грабеж, кровопролитие и революция претили им. Если дело, которое они контролировали, было действительно трудным для свержения сильного правительства, то как они могли выступить без оружия? Почему они не продемонстрировали свое количество и силу, что было бы, если бы их целью было то, о чем заверяли враги. Скрывались бы они под покровом ночи? Когда многие обстоятельства вызывают не только сомнение, но и смех, относительно идеи конспирации, где тогда доказательства этой идеи? При тщательном исследовании данная теория основывается только на показаниях священников. Священники так сообщили королю. Томас Волсингхем, монах монастыря св. Албания сообщал об этом в своих хрониках. Один историк за другим следовал ему и склоняли нас к мнению, что это было чудовищное восстание, которое, как они убеждают нас, почти что ввергло королевство в революцию, и

утопила трон в крови. Нет, только эпитета «ересь» не было достаточно для определения раннего протестантизма Англии. К ереси может быть добавлена измена, чтобы сделать лоллардизм достаточно отвратительным. И когда этот двуглавый монстр появится в воображении государственных деятелей, гордо шагающий по стране, разрушающий трон и алтарь, растаптывающий как закон, так и религию, конфискующий как собственность знати, так и приходскую землю епископа, подвергая замок и деревню огню, тогда монарх двинет всю свою мощь, чтобы уничтожить разрушителя и спасти королевство. Монахи Парижа сто двадцать лет спустя нарисовали такую же мерзкую картину протестантизма и напугали французского короля для того, чтобы зажечь костры для гугенотов. Эта игра началась в Англии. Лоллардизм, говорили священники, означает революцию. Такое обвинение является древним орудием. Еще давно об одном городе говорили как о «мятежном и плохом», в котором было «подстрекательство к мятежу в давние времена». С тех пор эта клевета часто повторялась, но ни один правитель не позволил ей обмануть его, если у него не было причин для угрызений совести по поводу бесчестия трона и обеднения страны. Она могла быть причиной в обоих случаях.

Глава 7 - Мученическая смерть Лорда Кобхема.

Тюремное заключение и мученическая смерть – Бегство лоллардов в другие страны – Смерть архиепископа Арунделя – Его характер – Лорд Кобхем – Захват его в Уэльсе лордом Повисом – Доставлен в Лондон. – Вызван в парламент. – Осужден по бывшему обвинению. – Сожжен у церкви св.Эгидия-в-полях. – Его христианский героизм – Кто бо;льший герой, Генрих V или лорд Кобхем? – Истинные благодетели мира – Основоположники английской свободы и величия. - Семена посеяны – Грядущий урожай.

За разгоном безоружного собрания, проводимого под покровом ночи, чтобы послушать, возможно, любимого проповедника или прославить Бога, последовала казнь нескольких лоллардов. Самыми известными среди них были Сэр Роджер Эктон, который был другом Лорда Кобхема. Его схватили на ночном собрании на поле св.Эгидия, а затем немедленно осудили и казнили. О его казни пишут по-разному. Одни хронисты пишут, что он был сожжен, другие, что он был отвезен на тюремной телеге в Тибурн и там повешен. Двоих других лоллардов казнили в то же время: магистра Джолина Брауна и Джона Беверли, бывшего священника, а теперь последователя Уиклиффа. «Так много людей было арестовано, что все тюрьмы Лондона и окрестностей были полны». Только лидеры, однако, были казнены «осужденные клириками, как еретики, - пишет хронист - в ратуше Лондона за государственную измену и приговоренные за такое преступление к утоплению или виселице, за ересь – к костру и виселице, что и было приведено в исполнение в тот же месяц по отношению к вышеупомянутому Сэру Роджеру Эктону и еще к двадцати восьми другим». Хронист, однако, продолжает писать, придерживаясь мнения, что свержение правительства не входило в планы этих людей, что их единственным преступлением была приверженность протестантской вере, и что их собрание, преувеличенное до темного дьявольского заговора, было просто мирным собранием верующих. «Некоторые утверждают, пишет Холиншед, что оно было ради притворных дел, предположительно духовно связанных скорее с неудовлетворенностью, чем с истиной. И что они собрались послушать проповедника (вышеупомянутого Беверли) в том месте, подальше от скопления людей, так как не могли открыто собираться по таким вопросам из опасности быть арестованными». Последовали и другие мучения. Одни страдальцы были сожжены в Смитфилде, другие казнены в провинциях, но немалое число людей, чтобы избежать костра, отправились в изгнание, как свидетельствует Бейл. «Многие убежали из страны в Германию, Богемию, Францию, Испанию, Португалию и пустынные места Шотландии, Уэльса и Ирландии». Строгие меры архиепископа вызывали ужас у многочисленных приверженцев учения Уиклиффа.

Остановимся еще на одной смерти, которая последовала с промежутком менее месяца за теми, о которых мы только что упомянули. Эта смерть ведет нас не в Смитфилд, где костер прославил тех, кого сжег, но во дворец архиепископа в Ламберте. Там на своей кровати, Томас Арундель, архиепископ Кантерберийский, вместе с жизнью оставил сан архиепископа, в котором был семнадцать лет.

Томас Арундель был знатного происхождения, сыном Ричарда Фиц-Алана, Пэром из Аруделя. Его природные таланты умножились вследствие учебы и опыта. Он любил роскошь, был таким же проницательным, решительным и строгим в своих суждениях, как и учтивым в своих манерах. Преданный сын матери церкви, он был непримиримым врагом протестантизма, который в его дни назывался лоллардизмом. Инстинкты церковного человека учили его относиться к нему, как к смертельному врагу его системы, ведь с ней были связаны все его саны, титулы и счастье. Он испытал большие перемены в судьбе. Он был в изгнании вместе с Генрихом Плантагенетом, вернулся с ним, чтобы лишить трона человека, который осудил и изгнал его как предателя, и чтобы возвысить Генриха IV, которого помазал елеем из сосуда, посланного Марией с неба. Он оставался злым гением короля. Его более сильная воля и более мощный интеллект брали превосходство над Генрихом, который никогда твердо не стоял на земле.

Когда, наконец, короля отнесли в Кантеберийский собор и положили в мрамор, Арундель занял место рядом с его сыном, Генрихом V и удерживал его первый год правления. Этот король от природы не был жестоким, но надменный дух Аруделя и умелые советы совратили его на путь нетерпимости и кровопролития. Костры, которые разожгли король с Аруделем, все еще полыхали, когда Арендель испустил последнее дыхание, и был положен рядом с прежним хозяином в Кантеберийском соборе. Мученические казни, которые последовали за собранием лоллардов у церкви св. Эгидия, произошли в январе 1414 года, а архиепископ умер в феврале. «Но не умерла с ним - пишет Бейл - его чудовищная тирания, а продолжилась в канцелярии при Генрихе Чичели».

Перед тем, как мы начнем изложение истории английского протестантизма при новом архиепископе, давайте проследим историю Сэра Джона Олдкастла, доброго лорда Кобхема, как его называли. Когда он совершил побег из Тауэра, король назначил награду в тысячу марок тому, кто доставит его живого или мертвого. Такова была цена, назначенная за него, но никто не заявлял о правах и не желал цену крови. В течение четырех лет никто не беспокоил Кобхема в его укрытии среди гор Уэльского княжества. Наконец лорд Повис, побуждаемый алчностью или ненавистью к лоллардизму, узнав о убежище, сообщил его гонителям. В стычке Кобхему сломали ногу, и с травмой положив на подстилку для лошади, отвезли в Лондон и поместили в прежнее жилище в Тауэре. В то время было заседание

парламента, его протоколы рассказывают нам о последующих событиях. Во вторник, 14 декабря, Сэр Джон Олдкастл из Каулинга, графство Кент, рыцарь (лорд Кобхем), объявленный вне закона (как упоминалось ранее) Королевским судом, и отлученный от церкви архиепископом Катеберийским за ересь, был представлен перед лордами, и, услышав обвинения против себя, ничего не сказал в свое оправдание. Судом определено, что он должен быть арестован, как изменник короля и государства, доставлен в лондонский Тауэр, оттуда через весь Лондон на виселицу к церви св.Эгидия за пределы ворот Темпл Бар, и там быть повешенным и сожженным».

Когда настал день казни, и лорда Кобхема вывели со связанными руками за спиной, лицо его светилось жизнерадостно. К тому времени лоллардизм был объявлен парламентом как измена. Обычные знаки позора, которые сопровождали смерть изменника, в данном случае лорда Кобхема, были добавлены к наказанию его как еретика. Его поместили на тюремную телегу и провезли по улицам Лондона до церкви св.Эгидия-в-полях. По прибытию на место казни ему помогли сойти; упав на колени, он вознес молитву о прощении врагов. Затем он встал, и, повернувшись к толпе, призвал их ревностно следовать Божиим законам, как написано в Писании, и особенно остерегаться тех учителей, чьи бренные жизни показывают, что они не имеют Духа Христа и не любят Его учения. Была сооружена новая виселица и началась ужасная трагедия. Железными цепями обвязали его вокруг пояса, подняли, подвесили над костром и подвергли двойному мучению – вешанию и сожжению. Он сохранял стойкость и радость в своих ужасных страданиях; « сгорая заживо в огне - пишет Бейл - он прославлял имя Господа, пока в нем была жизнь». Священники и монахи стояли недалеко, запретив людям молиться о том, который из-за того, что умирал «в неповиновении Папе», должен был ввергнут в еще более ужасное пламя, чем то, в котором они видели его. Мученик при его исходе возвысил голос в последний раз, предал душу в Божии руки и «скончался, как самый настоящий христианин». «Итак - добавляет хронист - этот доблестный христианский рыцарь, Сэр Джон Олдкастл, упокоился под Божьем алтарем, который есть Иисус Христос, среди праведников, которые в царствие терпения претерпели великую скорбь смертью своих тел за слово веры и свидетельство. Он находится там с ними, чтобы исполнилось полное число, и полное восстановление избранных».

«Цепи, виселица и костер - отмечает Бейл - неприятны, и смерть не является желанной в человеческих глазах. Однако некоторые благородные души, когда-либо жившие на земле, выдержали это. Они носили цепи, восходили на виселицы, стояли на костре. И в таком позорном виде, одетые в позорные одежды и терпевшие осуждение преступниками, добивались побед, которые не менее величественны и результативны, чем победы известные миру по историческим документам. Не значительнее ли победа в этот час, чем Генриха V при Азенкуре. Для чего море

крови, английской и французской, пролилось на равнинах Франции? Чтобы протрубила труба тщеславия? Чтобы дать тему для баллады? Украсить страницу в истории? Но это все потом, после подведения итогов. Кровь же Кобхема приносит плоды по сей день. Если бы Сотре, Бэдли и Кобхем беспокоились о своем имени, чести и жизни, краснели ли бы, стоя перед трибуналом, который, как они знали, готов был осудить их как изменников, пали бы так, чтобы быть посмешищем для банды, которые хотели посмеяться над ними и оскорбить их как еретиков, уклонились ли бы от жестоких пыток и ужасной смерти на костре, где бы был сейчас протестантизм Англии? Без протестантизма, где бы была ее свобода? Не появилась бы еще на свет. Не храбрость Генриха V, а великий героизм лорда Кобхема и его соратников-мучеников пробудил душу Англии, когда она спала крепким сном, и вдохновил ее сорвать с глаз повязку из семикратной тьмы и сбросить с шеи иго семикратного рабства. Это – звезды, что сияют на небе Англии, герои, чьи подвиги прославляют летопись, цари, чей дух звучит от их трона, которым был костер. Они – сердце и душа ее благородных сынов. Большинство воздают почести тем, кому мир дал многое, чей путь был устелен богатством, чья голова возносилась от почестей, и кому при жизни был дан величественный дворец, а по смерти – мраморная гробница. Давайте выйдем из толпы. Давайте поищем среди людей, не получивших многое от мира, но давших многое миру. Давайте отдадим почести не им, а Тому, кто сделал их такими. А где найдем таких людей? Во дворцах? В аудиториях? На биваках? Не часто. Но в тюрьмах, на суде тирана или перед фарисейским судом, или на эшафоте, вокруг которого улюлюкает банда, в то время как палач стоит рядом для исполнения своей работы. Это не столь приятные места, но именное там можно найти величайшие примеры для подражания, которые направляли мир, и величайшее служение, которое облагородило и благословило род. Среди таких унижений и страданий лолларды сеяли, на протяжении всего 15 века, живое семя, которое в благодатное время 16 века быстро выросло, которому последующие века без примеси конфликтов и крови мучеников помогли созреть, и, зрелый урожай которого остается будущим поколениям, чтоб отнести его домой.

Глава 8 - Лоллардизм при Генрихе V и Генрихе VI.

Томасу Арунделю наследовал Генрих Чичели. – Новый архиепископ проводит политику своего предшественника. – Парламент в Лейстере. – Более суровые постановления против лоллардов. – Архиепископ Чичели отвергает предложение. – Направление мыслей короля на войну с Францией. – Речь архиепископа. – Генрих V попадает в западню. – Готовит поход. – Оккупирует Францию. – Азенкур – Вторая высадка во Франции. – Генрих становится правителем Нормандии. – Возвращается в Англию. – Третья оккупация Франции. – Смерть Генриха. – Предсмертные слова. – Пышные похороны – Его характер – Лоллардизм – Еще большее число мучеников – Клейдон – Новый вердикт против лоллардов – Генрих VI – Мученики в его царствование – Уильям Тейлор – Уильям Уайт – Ян Гус – Публичные отречения.

Мученичество лорда Кобхема немного отвлекло нас от той точки, к которой мы пришли в поисках смутных и прерывистых следов протестантизма в Англии в 15 веке. Мы видели, как Арунделя перенесли из залов Ламберта под своды склепа Кантерберийского собора. Его хозяин, Генрих IV, сошел в могилу раньше его на несколько месяцев. Немного позднее Сэр Роджер Эктон и другие умерли на костре, который разожгла политика Арунделя. И наконец, и он предстал перед Богом, чтобы дать отчет.

Сан архиепископа после Арунделя получил Генрих Чичели. На кафедре св.Ансельма Чичели продолжал ту же политику, которую вел его предшественник. Он не оказывал на королевский двор такого же влияния как его предшественник, по крайней мере, в такой же степени; не был Чичели и таким же хитрым как Арундель, а Генрих V таким же поверхностным как его отец. Но Чичели унаследовал от Арунделя ненависть к лоллардизму и решил употребить всю власть своего положения для его подавления. Поэтому гонения продолжались. «Конституция Арунделя», принятая в предыдущем правлении, так широко распространилась, что едва было возможным кому-либо, принявшему взгляды Уиклиффа в какой-либо степени, избежать уличения в них. Кроме того, во время правления Генриха V, были разработаны более строгие постановления для преследования лоллардов. На парламенте, состоявшемся в Лейсестере (1414) было предписано, «что если кто-нибудь будет читать Писания на английском языке, что тогда называлось «учением Уиклиффа» должен лишиться земли, скота, имущества, жизни и быть осужденным как еретик, враг короны, изменник королевства. Они не должны были пользоваться правом неприкосновенности убежища, хотя эта привилегия и была дана самым знатным преступникам. И если они продолжали упорствовать и возвращаться к прежнему после помилования, они должны быть повешены за измену против короля и сожжены за ересь против Бога».

А пока парламент протягивал одну руку, чтобы подвергать гонениям лоллардов, а другую, чтобы ограбить духовенство. Их богатства были огромными, и лишь небольшая часть отдавалась государству. Жалобы на главу государства слышались все громче с каждым годом. На том же заседании парламента в Лейсестере едва не разразилась буря, если бы ни ум и политика Генриха Чичели не устранили опасность. Палата Общин напомнила королю о требовании обращения земель и имущества духовенства на службу государства, которое дважды выдвигалось в парламенте, в первый раз при Ричарде II (1394) и во второй раз при Генрихе IV (1410). «Этот законопроект, пишет Холл, заставил толстых аббатов попотеть, надменных настоятелей нахмуриться, бедных настоятелей выругаться, глупых монахинь заплакать, и всех купцов Вавилона испугаться, что он падет». Хотя Генрих дал клирикам право сжигать лоллардов, они не были уверены, что он также даст право парламенту грабить церковь. Он был энергичным, решительным, любителем представлений, расточительным в своих привычках. Богатство церковной иерархии предлагало готовые и соблазнительные средства для поддержания его величия, которым Генрих, возможно, не имел сил противостоять. Они думали привязать короля к своим интересам дорогим подарком, но более мудрые головы не одобрили такую политику. Это могло быть принято как взятка и считалось не совсем прилично со стороны людей святого служения. Архиепископ Кантерберийский употребил более подходящую уловку, которая совпадала с духом короля и стремлениями нации.

Наиболее действенной линией поведения, сказал архиепископ на Синоде в Лондоне, для предотвращения надвигающейся бури – найти для короля какое-нибудь дело для употребления его отваги. Мы должны повернуть его мысли к войне. Мы должны возбудить его амбиции, напомнив ему о короне Франции, переданной ему по наследству от Эдварда III. Его нужно убедить потребовать корону, как неоспоримому наследнику. В случае отказа он должен попытаться вернуть ее силой. Чтобы эти рекомендации подействовали, духовенство согласилось предложить огромную сумму на оплату военных расходов. Далее они решили отдать королевству все иностранные небольшие монастыри в количестве 110, земли которых значительно увеличили бы доходы короны.

Эта стратегия, одобренная Синодом в Лондоне, активно отстаивалась архиепископом в парламенте в Лейсестере. Архиепископ, выступая в Парламенте, так обратился к королю: «Вы обеспечиваете справедливость вашему народу благородной беспристрастностью, вы известны мастерством мирного правления. Но слава великого короля заключается не столько в безмятежном царствовании в изобилии, больших сокровищах, великолепных дворцах, многолюдных и красивых городах, сколько в расширении своих владений. Особенно когда отстаивание своего права зовет его на войну, и справедливость, а не амбиции, оправдывает все его

завоевания. Ваше Высочество должен носить корону Франции по праву наследования от Эдварда III, вашего прославленного предшественника». Оратор продолжал довольно долго прослеживать титулы, устанавливать их законность к несомненному удовольствию публики, к которой он обращался. Он окончил свое выступление ссылкой на беспрецедентно огромную сумму, которую щедрое духовенство отдало на службу королю, позволив ему восстановить свой титул короля Франции.

Архиепископ добавил: «Так как ваше право на королевство Франции очевидно и неоспоримо, так как оно опирается на законы, как Божие, так и человеческие, то сейчас дело Вашего Величества отстоять свой титул, стянуть корону с голов французских узурпаторов и преследовать мятеж этой нации огнем и мечом. В интересах Вашего Высочества поддержать давнюю честь английской нации, не дать вашим потомкам, из-за снисходительного игнорирования оскорбительного обращения, случай упрекнуть вас». Никто из присутствующих не прошептал на ухо оратору предупреждение, которое наш великий национальный поэт вложил в уста королю Генриху:

«Известно Богу, сколько унесет

Цветущих жизней роковая распря,

Которую вы пробудить готовы.

Итак, подумайте, на что обречь

Хотите нас, понудив меч поднять.

Во имя Бога, будьте осторожны!

При столкновенье двух таких держав

Рекой прольется кровь. А кровь безвинных

Отмщенья жаждет, к небу вопиет,

Кленя того, кто наточил мечи,

Скосившие цветы короткой жизни».

Этот законопроект встретил одобрение короля. Поставить прекрасное королевство Франции под свой скипетр, объединить его с Англией и Шотландией (так как дядя короля, герцог Экстерский сказал, что тот, кто хочет завоевать Шотландию, должен начать с Франции) в одну державу, переместить в должное время место пребывания парламента в Париж, сделать свой трон первым в христианстве было довольно грандиозным предприятием, чтобы возбудить дух

монарха даже менее амбициозного и доблестного, чем Генрих V. Немедленно король начал подготовку в крупном масштабе. Солдаты призывались изо всех частей Англии, корабли брались в аренду у Голландии и Фландрии для перевозки людей и вооружения. Деньги, провизия, лошади, повозки, палатки, лодки, покрытые шкурами для преодоления рек – все необходимое для успеха такого предприятия было собрано, и экспедиция была готова выступить.

Но перед нанесением удара на переговорах с Францией была применена хитрость. Это сделал архиепископ Чичели, тот самый человек, который был зачинщиком этого дела. Как можно было предвидеть, попытки примирения ничего не дали, и начались военные действия. Король, преодолев Ламанша с армией в 30 000человек, высадился на побережье Франции. Города были осаждены и взяты, гремели бои, но из-за болезней солдат и грядущей зимы король посчитал целесообразным для сохранения остатков армии отступить в Кале на зимние квартиры. Во время марша он встретил французскую армию в четыре раза превосходившую его армию, сократившуюся до 10 000 человек. Ему пришлось вступить в ужасный бой при Азенкуре. Он победил на этом кровавом поле, на котором мертвым полег весь цвет французской знати, окруженный тысячами своих соратников. Окончив марш, Генрих продолжил путь в Англию, где волна побед следовала за ним, его встречали овациями. Архиепископу Чичели полностью удалось переключить внимание короля и парламента и защитить собственность духовенства, но какой ценой!

Ни Англия, ни Франция пока не видели окончания этой печальной и очень кровопролитной компании. Английский король, бывший теперь на подъеме, не был тем, кто бы оставил дело на полпути. Но стратегия архиепископа предполагала еще и другие трагедии, еще бо;льшие моря французской и английской крови. Генрих предпринял вторую высадку во Франции, причем взаимно нетерпимые и яростные раздоры французских фракций открыли ворота королевства для него. Он прошел по всей стране, отметив кровью путь марша. Города окружены, провинции опустошены, их жители подвержены ужасам голода, грабежей и расправы, это являлось сопровождавшей его обстановкой. Он стал победителем Нормандии, женился на младшей дочери короля, и спустя некоторое время опять вернулся в свою страну.

Вскоре дела призвали короля Генриха снова во Францию.

На этот раз он торжественно въехал в Париж в сопровождении королевы Екатерины, чтобы показать парижанам их будущего монарха. Франция не собиралась признавать заявленное им право на власть над нею. Генрих начал, как и раньше, осаждать ее города и убивать ее детей, чтобы принудить к подчинению, которое, как ясно, не было бы добровольным. Он весь был этим поглощен, когда

случилось событие, положившее навсегда конец этому предприятию. Он почувствовал на себе руку смерти, ушел из Кон-Кура, который осаждал, в Венсен, около Парижа. Герцоги Бедфорда и Глосестера, пэры Сэлисбери и Ворвика при его кончине стояли у ложа, чтобы получить указания. Обратившись к ним, он сказал, что «ни честолюбивое желание увеличения своих владений, ни обретение мировой славы подтолкнули его вести эти войны, но только отстаивание законного звания, чтобы в конце он мог установить истинный мир и возможность пользоваться теми частями наследства, которые принадлежали ему по праву; что перед началом этих войн мужи мудрые и святой жизни убедили его, что с таким намерением он может и должен начать эти войны, чтобы вести их до полной победы, не опасаясь Божьего гнева или опасности для души». После некоторых необходимых распоряжений относительно управления Англией и Францией он прочитал семь покаянных псалмов, причастился и умер 31 августа 1422 года.

Пышность его похорон так описана хронистом: «Его тело, набальзамированное и заключенное в свинцовый гроб, было возложено на королевский катафалк, пышно драпированный покровом, шитым золотом. На гроб была положена его статуя, облаченная в одеяния, корону и с королевскими регалиями. Колесницу везли шесть богато украшенных лошадей в сопровождении нескольких королевских герольдов – первый с гербом св. Георга, второй с гербом Нормандии, третий с гербом Короля Артура, четвертый с гербом Св.Эдварда, пятый с гербом Франции и шестой с гербом Англии и Франции. На похоронной процессии присутствовал Яков, король Шотландии, самый почетный на похоронах, дядя короля Генриха, Томас, Герцог Экстерский, Ричард, пэр Ворвика и девять других лордов и рыцарей. Другие лорды несли знамена и штандарты». Мемориальные доски с изображением гербов несли капитаны в количестве двенадцати человек. Вокруг катафалка ехали 500 тяжеловооруженных всадника в черном, на лошадях, покрытых черными попонами, с оружием повернутым вниз».

«Проведение этих пышных похорон было поручено сэру Уильяму Потеру, его главному ваятелю и другим вельможам. Кроме того, по обе стороны от катафалка шли 300 персон, несших длинные факелы, и лорды несли военные знамена, знамена на гроб и вымпелы. С такой похоронной процессией он был перенесен из Венсенского леса в Париж, затем в Руан, в Абевилл, в Кале, в Дувр, оттуда через весь Лондон в Вестминстерский собор, где был похоронен с такими торжественными церемониями, трауром лордов, молитвами священников и плачем простолюдинов, каких Англия ранее не видела». Свечи горели день и ночь на его гробнице, пока реформация не погасила их.

У Генриха V было немало качеств, которые при других обстоятельствах, дали бы ему возможность достойно послужить и принести пользу своей нации. Сила его

характера подтвердилась победой над страстью и привычками молодости, когда он сел на трон. Он был мягкого нрава, благородных манер и храброго духа. Он любил справедливость и проявлял желание руководствоваться ею. Ел он умеренно, мало времени проводил в постели, в полевых учениях проявлял силу атлета. Его здравые суждения делали его ценным в советах, но особенно его гений проявился в дислокации войск перед сражением. Если бы эти таланты и энергия были применены на родине, какие бы благословения они бы принесли его подданным? Но роковой совет архиепископа и духовенства обратил их в такое русло, в котором они оказались источником ужасного зла для страны, в которой он был законным правителем, и для другой, в которой он стремился править, но корона которой не по его заслугам и трудам могла быть одета на его голову. Он сошел в могилу в расцвете сил, на вершине зрелости, после десяти лет правления, «и все его великие проекты исчезли в дыму». Он оставил трон сыну, младенцу в возрасте нескольких месяцев, завещав ему вместе с короной трудности в наследство на родине и войны заграницей, которые могли быть компенсированы лишь «сотней Азенкуров». События, связанные с Генрихом и его войнами во Франции, принадлежат истории протестантизма, приведенной в действие той политикой, которая была разработана, чтобы остановить его.

Когда велось вооружение и сражения, как уживалось это, спросим еще раз, с новыми взглядами и их последователя в Англии? Вырвали с корнем великие бури, или укрыли семя, которое посеял Уиклифф, и которое полила и взрастила кровь мучеников после него? Они были, в основном, защитой, как мы думаем, для раннего протестантизма Англии. Его сторонники были слабой, неорганизованной группой людей, которая скорее избегала, нежели притягивала внимание. Все же мы находим их след в стране, в церковных хрониках того времени, с короткими промежутками времени видим лолларда на костре, подтверждавшего там свое свидетельство.

В 1415 году, 17 августа, Джон Клейдон, кожевник из Лондона, был доставлен к Генриху, архиепископу Кантеберийскому. В предшествующие годы Клейдон содержался в тюрьме военно-морского флота по обвинению в ереси. Он был освобожден, отрекшись от своих взглядов. При втором аресте он смело исповедовал свою веру, от которой отрекся раньше. Одним из основных обвинений против него было наличие в его доме многих книг, написанных на английском языке, и особенно одна книга под названием «Источник света». Эту книгу предъявил против него мэр Лондона, который изъял ее из имущества при аресте. Она имела переплет из красной кожи и была написана на пергаменте красивой английской каллиграфией. Клейдон признался, что она была изготовлена по его заказу и им оплачена, что он часто ее читал, так как находил «хорошей и благотворной для души». Мэр сказал, что книги, которые он обнаружил у Клейдона дома « были по его мнению самыми плохими и порочными, которые ему приходилось когда-нибудь читать или видеть». Он был

осужден повторно как еретик и доставлен к светской власти. Преданный на сожжение в Смитфилде, он принес там, как пишет Фокс, жертву всесожжения Господу». Говорят, что он был сожжен вместе с Джорджем Герминем, с которым, как явствует из допросов, он часто общался по вопросам веры. Спустя год после мученической кончины Клейдона рост лоллардизма был засвидетельствован архиепископом Чичели в новом вердикте, который он издал в добавление к изданным вердиктам своего предшественника Арунделя. За вердиктом архиепископа последовал закон парламента, принятый в 1414 году, вскоре после ночного собрания у церкви св.Эгидия-в-полях, в котором лолларды приравнивались к изменникам. В предисловии к закону парламента говорилось, что существуют великие конгрегации, и ими эта еретическая секта называется лоллардами. А другими называлась тайным обществом, которое намеревалось отменить, разрушить и совратить христианскую веру, а также уничтожить монаршего владыку короля и все обычаи сословий королевства Англии, как духовные, так и светские, все принципы и, наконец, законы страны». Эти простые люди, которые читали Писания, верили в то, чему учили, собирались в тайных местах для поклонения Богу, изображались в законе как самые опасные конспираторы, как люди, намеревавшиеся разрушить общество, которых нужно преследовать и истреблять. Поэтому закон далее предписывает всем судьям, судам и магистратам присягнуть проводить расследование над лоллардами, выдавать ордеры на их арест, доставлять в церковные суды, чтобы «оправдать или признать виновными по законам святой церкви».

Это проложило путь вердикту архиепископа, который предписывал епархиальным епископам и их уполномоченным преследовать еретиков и ереси. Указывав кого должно арестовывать, архиепископ намеренно дает нам истинную характеристику людей, названных парламентом конспираторами, замышлявшими уничтожение христианской религии, полное низложение и разорение государства Англии. Кто они? Люди порочной жизни, рыскавшие в поисках добычи с оружием в руках, и наводившие ужас на соседей своими беззаконными и бесчеловечными поступками? Нет. Люди, в поисках которых архиепископ посылает инквизиторов, это те, чьи «частые тайные собрания отличаются по действию и манере от простого разговора других католиков, содержат какие-нибудь ереси или заблуждения или имеют какие-нибудь запретные книги на английском языке, например «учение Уиклиффа». Короче, это – «еретики, которые как лисы притаились и скрываются в Божием винограднике». Личного поиска епископом и архидьяконом, или их уполномоченными недостаточно, решил архиепископ. Они должны были усилить свое усердие, призвав на помощь самых честных людей, взять с них клятву, что если они узнают или догадаются о таких людях, они должны немедленно доложить о них « своим викарным епископам, архидьяконам или их уполномоченным».

Эти вердикты приподняли занавесь и показали нам, насколько многочисленны были последователи Уиклиффа в Англии в 15 веке, и насколько глубоко это учение проникло в сердца англичан. Лишь избранных людей этого сообщества можно было видеть на костре. Бо;льшая же часть прятала лоллардизм под покровом послушания или почти полной изоляции от мира; арестованные по обвинению в ереси, они падали духом перед ужасной альтернативой, предложенной им, и предпочитали подчинение церкви сожжению на костре. Нам позволено прикрыть их слабость и перейти к тем, чья более сильная вера определила костер, но принесла им место рядом с древними «знаменитостями» в огромных реестрах славы.

Первым мучеником при Генрихе VI был Уильям Тейлор. Он был священником в Кантерберийской епархии. Обвиненный в ереси перед архиепископом Арунделем, он отрекся и появился в Ламберте, чтобы получить отпущение грехов из рук архиепископа. «Сняв мантию и головной убор, раздевшись до камзола, он преклонил колени у ног архиепископа, который стоя с посохом в руке начал Мизерере (католическую молитву на текст 50 псалма)». После прохождения установленных обрядов покаяния Тейлор получил отпущение грехов. В 1419 году он опять был обвинен в еретическом учении и доставлен к архиепископу Чичели. После принесения покаяния он был отпущен под залог. Спустя почти год он был арестован в третий раз. Так как он дважды согрешил, его не надо было обвинять в третий раз. Отказавшись отречься, он был отправлен к светским властям и несколько слов отправили его на сожжение в Смитфилде.

Перед тем, как его повели на костер, он был извержен из сана. Он был лишен сана священника взятием у него чаши и дискоса, сана дьякона – взятием Евангелия и стихаря, звания помощника дьякона – взятием служебника и стихаря, звания алтарника – взятием сосуда для елея и подсвечника, служения экзорциста – взятием книг по экзорцизму, звания пономаря – взятием церковных ключей и рясы. В 1422 году, 1 мая, после длительного заключения его привезли в Смитфилд, и там « с христианским спокойствием принял он мученическую смерть».

Спустя два года (1424) Уильям Уайт, священник, чьи добродетели и постоянные труды снискали ему уважение всех благочестивых людей Норфолка, был сожжен в Норвиче. До этого он отказался от священства, женился и стал евангелистом-лоллардом. В 1424 году в Кантербери ему приписывали следующее – 1.Что люди должны искать прощение грехов только от руки Божией. 2. Что люди не должны поклоняться изображениям или другим предметам идолопоклонства. 3. Что люди не должны поклоняться святым людям, которые умерли. 4. Что римская церковь является той смоковницей, которую Господь Иисус Христос проклял, видя, что она не принесла плодов истинной веры. 5. Что те, кто носит сутаны, помазаны и

пострижены, являются поклонниками и солдатами Люцифера, и что они все, так как светильники их не горят, не будут впущены, когда Господь придет.

В Кантербери он «утратил мужество и крепость» и отрекся. Но «потом, пишет мартиролог, он стал намного отважнее и крепче в Иисусе Христе, и исповедал свою ошибку и проступок». Он более ревностно стал писать и проповедовать. В конце концов, его арестовали, обвинили по тридцати статьям, и епископ Норвический приговорил его к сожжению. Когда он стоял на костре, он обращался к людям и призывал их к верности доктрине, которой он учил их. Но служитель епископа ударил его по губам и заставил замолчать. Язык можно было заставить замолчать, но красноречие смерти невозможно. В 1430 году Уильям Ховеден, прядильщик из Лондона, впитавший взгляды Уиклиффа, был, несомненно, выслежен, пишет Фокс, и был жестоко сожжен у Лондонского Тауэра. В 1431 году Томас Бадли, викарий Моненденский близь Мальдена, «храбрый ученик и последователь Уиклиффа» был осужден за ересь и сожжен в Смитфилде.

Мы назовем еще одного мученика 15 столетия Яном Гусом, «так как у Англии был свой Ян Гус, как и у Богемии». После приговора он был отправлен к одному из шерифов на сожжение в тот же день. Шериф, будучи сердобольным человеком, привел его в свой дом и начал уговаривать его отречься от заблуждений. Исповедник поблагодарил его, но заявил, что он твердо убежден в том, за что ему придется умереть. Однако он попросил его об одной вещи – немного еды, так как он был очень слаб от голода. Его желание было охотно выполнено. Мученик сел и немного поел, заметив тем, кто стоял рядом, «что он хорошо и достаточно поел, понимая, что он должен пройти сквозь суровые испытания, пока не придет на ужин». Поблагодарив, он встал из-за стола и попросил, чтобы его поскорее отвели на то место, где он должен предать свой дух Господу.

Следует заметить, пишет Фокс, что со времен короля Ричарда II не было ни одного правления какого-нибудь короля, при котором некоторые благочестивые люди не переносили бы страданий огнем за веру и истинное свидетельство Иисуса Христа. Слишком долго перечислять все аресты и суды за ересь, которые проходили в те дни. Не было зрелища более привычного, чем мужчины и женщины на папертях и рыночных площадях в одеяния, которые означали раскаяние и унижение, с обнаженными ступнями и руками, с непокрытой головой, со свечами в руках, приносившие отречение от протестантизма. «На протяжении трех или четырех лет, – пишет Фокс - с 1428 по 1431 около 120 мужчин и женщин были брошены в тюрьму и подверглись надругательствам за исповедование христианской веры в епархиях Норфолка и Саффолка. Таковы были доказательства их численности и слабости, и за последнее мартиролог просит их простить. «Эти солдаты Христа, – пишет он - отягченные заботами и бедами тех дней, были вынуждены клятвенно заверять

языком одно, а сердцем верить в другое, частично из-за телесных наказаний, частично из-за слабости, являясь новобранцами на Божием поле сражения». Они не достигли первого ранга, но они были солдатами армии реформаторской веры и сделали свой вклад для достижения победы, которая, в конечном счете, венчала их дело и дала плоды, которые мы пожинаем сегодня.

Глава 9 - Попытки Рима восстановить господство в Англии.

Генрих VI – Его младенчество – Беспорядки в стране – Римская церковь становится более нетерпимой – Новый праздник – Дни свв. Данстана и Георга – Индульгенции на гробнице св.Эдмунта – Новые попытки Рима восстановить господство в Англии – Что к этому привело – Статуты о депутатах и запрещении папской юрисдикции – Выговор архиепископу Чичели за допущение этих статутов – Письмо Папы.

Генрих V, застигнутый смертью в гуще войны в чужой земле, оставил трон, как мы знаем, своему сыну, которому тогда было несколько месяцев отроду. Англия испытывала, в достаточной мере, горе, предсказываемое той стране, где королем является младенец. Во время долгого несовершеннолетия много злых плодов дали советы духовенства королю. Если когда-нибудь страна нуждалась в твердой воле и крепкой руке, так это – Англия в то время, когда младенец был на троне. Надо было пресекать интриги, сдерживать буйную знать, преследовать и наказывать тайные собрания (лолларды к ним не относились), надо было направлять в мирное русло возросший дух преобразований, чтобы исправить существавшие институты, не разрушив их. Но для этого недоставало необходимой мощи, просвещения и патриотизма. Все составляющие конфликта, неуправляемые и неконтролируемые, вырывались наружу и сталкивались друг с другом в беспорядочной и несчастной стране.

Естественная реакция разложения при первом прикосновении острого ножа – укрепиться, выпустив новые и буйные побеги, чтобы лучше отразить нападение. Так было и с римской церковью в ту эпоху в Англии. С одной стороны лоллардизм начал подвергать сомнению истины ее доктрин, с другой стороны светская власть критиковала общественную полезность ее огромных владений. Римская церковная иерархия, которая не откликнулась на призыв к преобразованию, обращенный к ней, не имела другой альтернативы, как только укрепляться как против лоллардов извне, так и против призыва к преобразованию изнутри. Она стала мгновенно более требовательной к своему почитанию и более строгой в своем вероучении. Прежде некоторая степень независимости была дозволена в обоих случаях, как друзьям, так и врагам. Если кто-то имел склонность быть остроумным, едким или насмешливым по отношению к церкви и ее служителям, то он не рисковал быть названным еретиком. Свидетельство этому резкая обличительная речь и едкая сатира Петрарки, написанная, можно сказать, под самой крышей Пап в Авиньоне. Но теперь ветер изменил направление. И если кто-то говорил непочтительно о святом, имел привычку подсмеиваться над монахами или сомневался в чудесах и таинствах « святой церкви», то навлекал на себя подозрение в ереси, и был счастлив, если избегал

назначенных за это наказаний. Некоторые были просто остряками и обнаруживали к своему ужасу, что были близки к мученической смерти.

Протестантизм, который имеет только один предмет для поклонения, также имеет только один великий праздник – день, который выделяется среди других дней. А церковные праздники и торжества Рима заполнили весь календарь. Если пришлось бы еще добавить что-нибудь к этому списку, то пришлось бы добавить и дней к календарю. И все-таки добавили дней нечестивой праздности. Предыдущий век обогатил римские обряды «днем поминовения всех усопших», «днем зачатия Девы Марии» и «праздником тела Господня». К ним Бонифаций IX добавил «Обращение к Марии и Елизавете», «дополнительные индульгенции» - как сообщает Волсингхем - для тех, кто будет чтить этот праздник. Следуя по следам Понтифика, хотя и на некотором расстоянии, архиепископ Арундель внес свой вклад в эту область национального благочестия добавив, cum permissu (с разрешения), дни свв.Дунстана и Геогра к списку праздников. Затем наступила очередь монахов из Бери в этой благочестивой работе по обогащению Англии священными днями и святыми местами. Они доставляли особые индульгенции для гробницы св.Эдмунта. Не отставали от своих братьев из Бери и монахи Эли и Норвича. У них было право предлагать полное отпущение грехов тем, кто приходил и исповедовался в их церквях в неделю Св. Троицы. Даже кровавая битва при Азенкуре была использована для пополнения национального духовного богатства. С 25 октября этот день стал отмечаться как большой праздник. Еще один пример, каноники церкви св.Варфоломея, рядом со Смитфилдом, где горели костры мучеников, старательно предоставляли новые привилегии прощения всех грехов всем людям, кроме одного непростительного греха ереси. Основным предметом торговли, которым так умело манипулировали, было прощение. Материал ничего не стоил, спрос был большой, цена приемлемой, доходы соответственно большие. Такова была реакция римской церкви на то, что она считала растущей непочтительностью того времени. Только такое средство она знала для поднятия духа почитания среди ее членов и усиления национальной религии.

Именно в то время Папа Мартин V, из надменной династии Колонна, взошел на папский престол решением собора в Констанце, а потом вскоре переехал в Рим в «блеске величия»; он обернул глаза на Англию, думая повергнуть ее под ноги, как было при Иннокенте III, в дни короля Иоанна. Законы о посланниках римско-католических епископов и статут Praemunire (закон, запрещавший утверждение или поддержание папской юрисдикции), принятые во время правления Эдварда III и Ричарда II, были тяжелым ударом по папской власти в Англии. Папы в тайне никогда не были согласны с таким положением дел и не оставляли надежду заставить парламент отменить эти «ужасные статуты». Но беды папства, особенно раскол, который длился 40 лет, отложили выполнение намеченного задания папского

престола. Сейчас, однако, раскол был преодолен, король незрелый годами и слабый умом, сидел на троне Англии, страна была в состоянии войны с Францией, фракции и тайные общества ослабляли страну внутри, исчезла надежда на обогащение заграницей. Поэтому Папа подумал, что настало время для заявления своих претензий на верховную власть в Англии. Его требование заключалось в том, чтобы статуты о посланниках епископов и запрещении папской юрисдикции, которые не допускали его бреве и буллы, его епископов и легатов, и отрезали поток английского золота, которое очень ценили в Риме, были бы отменены.

Эту просьбу Папа Мартин не послал прямо королю или регенту. Ватикан в таких случаях обычно действует через свою духовную структуру. Во-первых, Понтифик стоял слишком высоко над другими монархами, чтобы обращаться к ним лично, во-вторых, он был дипломатом, чтобы так поступать. Категорический отказ уменьшает унижение, если он дается слуге, а не хозяину. Папа Мартин написал архиепископу Кантерберийскому, выражая ему неодобрение, как понтифик, состоянием дел, которые Чичели не смог предотвратить в отличие от Мартина, будь он на его месте.

«Мартин, епископ, слуга всех Божиих слуг – начал Понтифик (это обычный папский стиль, особенно когда следует какое-нибудь надменное высказывание) – преподобному брату, архиепископу Кантерберийскому, приветствие и апостольское благословение». Пока только приятностью дышит первое предложение, затем следует братская доброжелательность папского благословения, и только затем папское неудовольствие. Папа Мартин продолжает обвинять своего «преподобного брата» в забвении того, «какой строгий отчет придется ему дать Всесильному Богу за порученное ему стадо». Он упрекал его «в вялости и небрежности», напротив он должен противостать со всей своей властью против «тех, кто совершил святотатственное нападение на привилегии, установленные нашим Спасителем для римской церкви», - а именно, статуты о посланниках и запрещении папской юрисдикции. Пока архиепископ спал, «его стадо, увы!» пишет ему Папа, бежит к пропасти в его присутствии». Здесь мы видим стадо, устремляющееся к пропасти, и в следующем же предложении, пасущееся мирно рядом с пастухом, ибо Папа вскоре продолжает – «Вы позволяете им, не предупредив, питаться опасными растениями, и что самое ужасное – вы, по-видимому, кладете яд в их уста своими руками». Он забыл, что руки архиепископа Чичели в тот момент были сложены во сне, и что сейчас он пытался криком разбудить его. Но вот опять место действия неожиданно меняется, и перо Папы рисует новую картину нашему удивленному взору, так как писатель добавляет – «Вы можете посмотреть и увидеть, как волки набрасываются и терзают их, а вы как немая собака не способны лаять в этом случае».

После риторики следует небольшое дело. «Какое гнусное нарушение было допущено в вашей епархии, я оставляю это на ваше рассмотрение. Настоятельно

прошу внимательно изучить этот королевский закон – теперь Папа переходит к делу – есть ли в нем что-то, что можно назвать законом или королевским? Ибо, как он назван статутом, если отменяет законы Божии и церкви? Я желаю знать, преподобный брат, считаете ли вы, будучи католическим епископом, разумным, чтобы такой закон был в силе в христианской стране?» Не удовлетворенный выставлением статута о запрещении под тремя образами: «пропасть», «яд» и «волки», Папа Мартин продолжает – «Под предлогом этого отвратительного статута, король Англии касается духовной юрисдикции и полностью управляет церковными вопросами, как будто наш Спаситель назначил его Своим викарием. Он издает законы для церкви, как будто ключи от неба в его руках.

«Кроме этих отвратительных нападок, он установил – продолжает Папа – несколько ужасных штрафов для духовенства». Эта «строгость», которая хуже, (как Папа называет ее) чем та, которой были подвержены «евреи» или «турки», вылилась в запрещение на въезд в королевство тех итальянцев и других лиц, которых Папа определил для проживания в Англии без согласия короля и в небрежении этого статута». «Была ли когда-нибудь – спрашивает Папа – такая несправедливость, как эта, облеченная в закон? Можно ли назвать католическим королевство, где разрабатываются и практикуются такие богохульные законы, где преемнику св. Петра не разрешают исполнять поручение нашего Спасителя? Так как этот закон не позволяет престолу св. Петра участвовать в деятельности правительства и устанавливать правовые нормы в соответствии с нуждами церкви». «Является ли он – спрашивает Папа в заключении – католическим статутом, и можно ли терпеть то, что не чтит нашего Спасителя, нарушает законы Евангелия и губит людские души? Почему вы, поэтому, громко не кричали? Почему не возвысили свой голос как труба? Покажите вашим людям их прегрешения, дому Иакова их грехи, чтобы их кровь не была взыскана с вас».

Такими выражениями Папа Мартин осудил закон, по которому парламент запрещал иностранцам (многие, из которых не знали нашего языка, и некоторые из которых, были настолько ленивы, что присылали своих поваров и дворецких исполнять их обязанности) проживать в Англии. Он дает оценку Сенату великой державы, как будто тот был капитулом монахов или корпусом папских наемников, которые не смели собираться, пока он не давал им разрешение, вести даже самое ничтожное дело, пока он сначала не определял, соответствует ли оно воле Понтифика. И архиепископ, тот самый, который принимал новые вердикты против ереси, заменяя ими старые, не достаточно суровые, и сжигал лоллардов для «вечной славы» Церкви, вульгарно ругает и предательски пренебрегает интересами папского престола. Это резкое замечание последовало за приказом архиепископу, под угрозой отлучения, немедленно восстановить Тайный Совет и направить все его усилия на отмену статута. Далее ему приказывалось, как только будет заседать парламент,

подать ему прошение с этой же целью, и передать от Папы Палатам Лордов и Общин Англии, «что все, кто подчиниться этому статуту, будут отлучены от церкви». От архиепископа требовалось обязать все духовенство распространить эту догму. И, наконец, ему было приказано взять с собой двух авторитетных персон, чтобы подтвердить свое усердие и удостоверить Папу о результате этого дела.

Глава 10 - Сопротивление папским посягательствам.

Беспорядки в папстве. – Почему сердиты на архиепископа Чичели. – Прежняя обида. – Совет королю не принимать папского легата. – Полномочия легата. – Обещание, взятое с легата Бьюфорта. – Неудовольствие Папы. – Признает статуты недействительными. – Приказывает архиепископу не исполнять их. – Письмо папы герцогу Бедфорду. – Чичели советует парламенту отменить статут. – Парламент отказывает. – Папа возобновляет притязания. – Два потока в Англии 15 века. – Оба радикально протестантские. – Евангельский принцип – источник действий, начавшихся в обществе.

К чему эта вспышка папского гнева против архиепископа Англии? К чему этот поток оскорбительных эпитетов и жестоких обвинений? Оценивая закон о запрещении как величайшее зло, Папа считал его апогеем восстания против Бога, против св. Петра и против того, кого Папа считал выше всех, себя самого. Мог ли архиепископ предотвратить его принятие? Он был принят до него. Тогда почему эта буря разразилась над головой архиепископа Чичели? Почему тогда не обвинили Кантерберийский престол в трусости и служебных проступках? Почему не вынесли выговор Кортени и Арунделю по той же причине? Почему Папа оставался спокоен до этого времени? Стадо Англии на протяжении полувека подвергалось тройной опасности быть скинутой в пропасть, быть отравленной и быть растерзанной волками. Однако Понтифик не нарушал молчания и не высказал предупреждения в то время. Главный пастух спал, как и его помощник, а ему следовало первому признаться в своих ошибках, прежде чем строго призывать других рассматривать их ошибки. Почему так получилось?

Мы уже упоминали причины. Дела папского престола были в большом беспорядке. Раскол был в разгаре. Иногда было три претендента на престол св. Петра. Когда дела были в таком замешательстве, то ссориться с английскими епископами было бы верхом неблагоразумия, это могло бы отшатнуть их к соперникам. Но теперь Мартин победил всех конкурентов, стал единственным обладателем папского трона, и даст понять как английскому парламенту, так и английскому архиепископу, что Папа – он.

Но Чичели совершил проступок в другом, и хотя Папа не упоминает об этом, возможно, именно это ранило его гордость также глубоко, как и другое. Архиепископ на своем первом соборе ходатайствовал об аннулировании папского освобождения от налогов для несовершеннолетних. «Он сделал это, – пишет Волсингхем – чтобы показать свою индивидуальность». Это было смелое действие, которое папская курия не собиралась прощать. Но, далее архиепископ впал в еще большую немилость, посоветовав Генриху V отказаться от принятия епископа Винчестерского в качестве легата. Папа принял это как глубокое оскорбление.

Чичели объяснил королю, что «направление легата может иметь серьезные последствия для королевства; что из истории и хроник известно о том, что легаты посылались в Англию только в особых случаях; что они подчинялись церковным догматам, и их самостоятельность была ограничена. Их полномочия продолжались самое долгое год, в то время как епископ Винчестерский имел пожизненные полномочия».

Чтобы еще больше убедить короля в опасности приема такого официального лица, он показал ему из канонического закона, какими огромными полномочиями он был наделен; с того момента, как легат войдет, он, Генрих, будет уже королем наполовину; легат во всем, кроме имени, был Папой; он принесет с собой власть Папы, кроме его изобилия; престол легата затмит трон короля; суды легата будут действовать вопреки судам Вестминстер-Холла; легат примет на себя управление всей церковной собственностью в королевстве; он потребует права выносить судебные решения по всем делам, в которых, под любым предлогом, могут быть затронуты интересы церкви; короче, легат разделит лояльность подданных между английской короной и римской тиарой, сохранив львиную долю для своего хозяина.

Генрих V не был тем человеком, который мог бы занять место заместителя, пока другой будет править королевством. Винчестер должен был отступить, как представитель римского величия, второе «я» Папы; он не должен вступать на землю Англии, пока Генрих жив. Но при следующем правлении, после посещения Рима епископ вернулся с полным правом власти легата (1428).Он известил о своих полномочиях молодого короля и герцога Глостерского, который был регентом, но дела не обстояли так гладко, как он надеялся. Ричард Кодрей, от имени короля, встретил его отказом, в котором говорилось, что ни один легат от Папы не вступит в королевство без согласия короля; что английские короли долго пользовались этой привилегией; и что, если Винчестер намеревается увеличить свой легатский авторитет до нарушения этой старой традиции и поступить по-своему, то он будет действовать на свой страх и риск. Кардинал, увидев, что король тверд, официально заверил его, что не сделает ничего предосудительного в отношении прерогатив короны, прав и привилегий королевства. Предприимчивое и патриотическое поведение архиепископа Чичели, посоветовавшего не признавать легата, было особенно похвально для него, поскольку человек, который в данном случае имел полномочия легата, был англичанином и королевской крови. Редко кого-нибудь, кроме итальянца, назначали на эту должность, которая равнялась по влиянию и достоинству самому папскому престолу.

О поведении архиепископа, несомненно, доложили в Рим. Это, вероятно, было особенно оскорбительно для папской курии, чьим принципом являлось – любить страну и ненавидеть ее церковь. Но Ватикан не мог показать свое неудовольствие и

рисковать обижаться на пренебрежение, пока воинственный Генрих V не взошел на трон. А когда нефы Вестминстерского собора приняли его, вспомнили обиду, и королевство, откуда пришла она, должно быть научено, как отвратительно унижать папский престол, или посягать на верховную власть св. Петра. Дело легата было одним из длинного перечня обид. Недостаточно было отомстить за него, Папа должен был вернуться назад и углубиться, чтобы добраться до корней революционного духа, который приводил Англию в движение со времен Эдварда III, и который был в основе статутов о посланниках и запрещении папской юрисдикции.

Мы видели, как архиепископ приказал отправиться в Тайный Совет, и в парламент, чтобы потребовать отмены этих статутов. Наказанием за отказ было отлучение от церкви. Но Папа пошел дальше. Правом своего превосходства он сделал эти законы недействительными. Он пишет архиепископам Йорскому и Кантерберийскому (Папа называет Йорк прежде Кантербери, как будто хотел унизить последнего, приказав им не подчиняться статутам о посланниках и запрещении), чтобы они не чинили препятствий для передачи английских судебных дел на рассмотрение в суды Рима, или назначения иностранцев для проживания в Англии, и морского транспорта из своих доходов. Также заявив, что если они сами, или кто другой, будут исполнять эти законы, то будут отлучены от церкви, лишены прощения, за исключением предсмертного состояния, самим Папой. Почти в то же время Папа выносит церковное осуждение архиепископу. Служит иллюстрацией рвения, с которым английский монарх и его совет наблюдали за вторжением Ватикана, тот факт, что архиепископ жаловался Папе на то, что не был извещен о приговоре обычным путем, но узнал о нем только из официального сообщения. «Так как он не мог вскрыть булл, содержавших осуждение, так как королем было приказано доставить эти документы с целыми печатями и отдать на хранение в архив до заседания парламента»,

Папа не успокоился, приказав духовенству считать вредные статуты недействительными. Он предпринял необычный шаг, написав четыре письма – два королю, одно парламенту и еще одно герцогу Бедфордскому, французскому регенту – настоятельно приказав им, если они заботятся о спасении своих душ, отменить закон о запрещении. Письмо Папы является образцом того духа, который воодушевлял папство при Мартине V. Справедливо признать, однако, что Папа на тот момент имел особую причину для неудовольствия, которая объясняет, и даже извиняет, остроту его языка. Его нунций, доставлявший его бреве и письма, был недавно заключен в Англии в тюрьму. Можно было предположить, хотя булла не подтвердила этого, что они содержали нечто пагубное для короны. Папа в своем письме к герцогу Бедфордскому делал акцент на статуте запрещения, но делал это со всей силой. Он называет его «отвратительным статутом», который противоречит здравому смыслу и вере; при соблюдении этого статута были нарушены законы

страны и полномочия послов; с его нунциями более грубо обращаются в христианской стране, чем у сарацин и турок; англичане так позорно пали, больше чем неверующие, в вопросах справедливости и гуманности; и без быстрого преобразования можно опасаться навлечь на себя суровый суд. Он заканчивает, желая герцогу Бедфордскому использовать свое право, чтобы смыть обвинение с правительства, восстановить честь церкви и «пресечь суровость этих карающих статутов». Старый прием римской церкви – поднять крик о «гонениях» и потребовать «справедливости», в то время когда Англия противостала ее посягательствам, и пыталась связать ей руки от посягательства на золото и нарушения законов страны.

Когда парламент собрался, два архиепископа, Кантерберийский и Йорский, в сопровождении нескольких епископов и аббатов, явились в трапезную Весминстерского Аббатства, где заседала Палата общин, и, основываясь на том, что они не имеют ничего предосудительного по поводу привилегий короля и достоверности конституции, настоятельно просили парламент удовлетворить просьбу Папы об отмене статута запрещения. Чичели начал дрожать перед бурей, собиравшейся в Риме. К счастью Палата Общин больше ревновала о чести страны, чем церковная иерархия. Отвергнув совет архиепископа «служить двум господам», они отказались отменить статут.

Папа, несмотря на то, что его проигнорировали в попытке склонить парламент Англии на свою сторону, продолжал нападки на привилегии английской церкви. Он сам поддержал и напутствовал своего главного епископа, как будто не существовало статута о запрещении. Не обращая внимания на право капитулов выбирать самостоятельно и на власть короля, гарантировавшей ему «разрешение избирать», он посылал своих депутатов на вакантные должности, но не на основании праведности и учености, а на основании богатства и интересов. Самой высокой ценой на рынке Рима был бенефиций. Папа Мартин V по окончании собора в Констанце выдвинул не менее четырнадцати человек на должности епископов в одной только Кантерберийской епархии. Папа предоставил право своим фаворитам удерживать сан епископа «по вере» (право передачи прихода), то есть получать его церковный доход, когда другой уволен или ему объявлено об увольнении. Папа Евгений (1438) дал сан епископа Йельского «по вере» архиепископу Руанскому, и после некоторого сопротивление, французу было позволено получать доходы. Он отважился на другие ступени своей власти – совмещение приходов, проживание вне пределов прихода, привилегии для францисканцев, как владельцев церковных бенефиций. «Далее мы видим, что Папа издает буллы, дающие право его нунциям вводить налоги на духовенство и собирать деньги. Мы прослеживаем в церковных архивах того времени постоянные и упорные усилия узурпировать власть с одной стороны, и в меру настойчивые усилия отбивать нападение с другой. Преподобный

Генрих Эдвард Маннинг, архидьякон Чичестерский, строго придерживаясь исторических фактов, пишет – «Если кто-нибудь посмотрит на раннюю историю Англии, то увидит постоянную борьбу правителей страны с епископами Рима. Корона и церковь Англии с упорным неприятием сопротивлялись проникновению и нападкам секулярной власти Папы в Англии. Со времени короля Иоанна тень Ватикана начала возвращаться в Англию; она немного укоротилась в 15 веке, и ее уменьшение давало надежду в будущем, ибо об ее приходе благочестивый лорд Кобхем выразил пылкое желание, чтобы эта надвигающаяся полутень остановилась в Кале и не пересекла Ла-Манш.

Пока английская церковная иерархия боролась против папской верховной власти одной рукой, то другой она преследовала лоллардов. В то время, когда они разрабатывали такие законы, как статуты о посланниках и запрещении, чтобы защитить каноны церкви и конституцию государства от полного уничтожения из-за угрозы иностранной тирании, они вводили эдикты, осуждавшие лоллардов и разжигавшие для них костры. Это нас не удивляет. Так всегда бывает на самой ранней стадии великих реформ. То благо, которое начало приводить в движение тихий омут, активно поднимает зло на поверхность. Поэтому перед нами такие противоречия. При обычном взгляде дела становятся хуже; в то время как возбуждение и агрессия старых сил является признаком того, что новое недалеко и реформация уже началась. У евреев по этому поводу есть такая поговорка – «Когда удвоят число кирпичей, придет Моисей», которая, однако, если более точно отразить истинность события и закон Божьего действия, должна звучать так – «Удвоили число кирпичей, поэтому пришел Моисей».

Мы наблюдаем в Англии 15 века два мощных течения, и оба они, до известной степени, протестантские.

Лоллардизм, который основывался на Слове Божьем и на свободе совести, был, по существу и всецело, протестантским. Борьба против римской власти, которая основывалась на церковных канонах и законах королевства, была также, в какой-то степени, протестантской. Это был протест против власти, которая возвышалась над всеми законами и сокрушала все права. А что, спросим, порождало этот дух оппозиции? Мало что сделала та сторона, которая боролась против планов верховной власти. А почему их движение продолжало существовать? Им было бы стыдно за принадлежность к нему, если бы они это осознавали. Истинно, тот самый лоллардизм, который они пытались затоптать, дал начало духу, который сейчас проявился в защите национальной независимости против папских притязаний. Принцип лоллардов, протестантов или христианский принцип, неважно каким из трех понятий мы назовем его, был на протяжении всех Темных веков в груди европейского христианства, сохранив в совести степень деятельности и силы, в

разуме степень энергичности и роста, и в душе желание и надежду на освобождение. Обычно этот принцип становился явным при наличии праведности, которой он питал сердце, милосердия и чистоты, которыми он обогащал жизни отдельных мужчин и женщин, рассеянных по монастырям, капитулам соборов, сельским приходам или потаенным местам, не замеченных историей. В другие времена он пробивался на поверхность и проявлял свою силу в бо;льшой степени, как в пробуждении альбигойцев. Но силы зла были тогда очень сильны, чтобы удержать достигнутое. Сраженный, он снова стал апатичным. Но великой весной, которая пришла с Уиклиффом, он быстро пробудился, чтобы никогда больше не заснуть. Заняв место на переднем фронте, он нашел поддержку в лице многих сил, среди которых сам был реальным, хотя и косвенным автором, потому что, именно дух лоллардов, христианский дух, который никогда среди всего этого варварства, раздоров и суеверий, захвативших средневековое общество, не прекращался и не удалялся. Именно он посылал вести тем ранним утром, знал их добродушие, взращивал их, желал бо;льшего поля деятельности, бо;льшего освобождения, бо;льшей чистоты общества, и никогда не успокаивался, пока не добивался этого. Этот презираемый принцип (так как в 15 веке его видели в судах, в тюрьмах, на кострах, в одеждах опасных уголовных преступников) был истинным источником действий, он давал им первый импульс. Без него их бы не было никогда, ни ночь, ни утро не сменили бы Темной эпохи. Это был рассвет для христианства. Когда мы рассматриваем два одновременных потока, текущих в Англии в этом веке, мы видим их немного отстающими от того, к чему мы сейчас пришли. Это подтверждает объединение потоков и создание одного движения, известного как английская реформация.

Но до этого Англии пришлось пройти через ужасную коллизию.

Глава 11 - Влияние войн 15 столетия на развитие протестантизма

Конвульсии 15 столетия – Падение Константинополя – Войны в Богемии – В Италии – В Испании – В Швейцарии – Войны папского раскола – Мир или войну дали Папы христианскому миру? – Войны, начатые Папами: крестовые походы; войны за должности; крестовые походы против альбигойцев и вальденсов; войны в Неаполе, Польше и других странах; междоусобица в Италии; гуситские компании и пр. – Войны Белой и Алой Роз – След ведет к совету архиепископа Чичели – Предопределение конца войн 15 века – Знать ослаблена – Трон укрепился – Почему? – Гуситы и лолларды.

День, который приближался, послал в мир перед собой ужасные бури, как глашатаев перед своим прибытием. Так середина 15 века, как ничто в современной истории, представляет собой картину всеобщего бедствия и смятения, за исключением периода, который был свидетелем падения западной империи. Нигде не было стабильности и мира. Все вокруг, насколько простирался взгляд, было, подобно морю, бушевавшему огромными морскими валами, вздымавшемуся мощными ветрами, которые потрясали само основание земли. Христиане тех дней при взгляде на мир, колеблемый и сотрясаемый этими штормами, должны были придти в ужас, если бы не помнили, что есть Тот, «Кто восседает как Царь над потопом».

Турецкая армия собиралась вокруг Константинополя, и восточная королева была готова преклонить голову и погрузиться в волну мародерства, грабежа и убийства. Богемия, политая, как обильным дождем, снова и снова, в третий раз немецкой кровью, была мрачна и молчалива. Германия пострадала гораздо больше, чем сама нанесла поражений. От Рейна до Эльбы, от Шварцвальда до Балтики, ее народы оплакивали свою молодежь, убитую в плохо организованных кампаниях, в которые Рим вовлек их против гуситов. Италия, распавшаяся на княжества, была бесконечно раздираема амбициями и междоусобицами мелких правителей. И если на мгновение гул этой внутренней борьбы стихал, то только в присутствии какого-то иностранного завоевателя, которого красота этой земли привлекла с войсками из-за Альп. Великолепные города Испании, украшенные различными художествами, и обогащенные стараниями мавров, были опустошены ее жителями вследствие фанатичных крестовых походов. Мусульманский флаг был сброшен со стен Гренады, и народ, который превратил долину Веги вокруг маврской столицы в сад, поливая ее горными ручьями Сьерры Невады, и покрывая ее полями и апельсиновыми рощами, переплывал через Гибралтар на новые места на северном берегу Африки. Швейцарцы, которые веками взирали с постоянным равнодушием на войны и конвульсии других народов, живших у подножья их гор, и, считавших их непреступной крепостью в случае вторжения, теперь видели себя под угрозой

чужого меча в своих долинах, и вынуждены были сражаться за свою незапамятную независимость. Они были атакованы двумя мощными королевствами с обеих сторон – Австрией и Францией, которые хотели расширить свои территории, но забыли, что при прохождении через Швейцарские Альпы они не уберут между собой барьера, который мешал двум странам объединить усилия для суровых и частых битв.

Как будто антагонизма народов и амбиций королей было недостаточно, чтобы поразить несчастный век, еще один вид разногласий был введен в борьбу папским расколом. Противоборствующие Папы и их сторонники вынесли свой конфликт на поля сражений, и реки христианской крови были пролиты для выяснения истинного Папы. Аргументы праведности, мудрости, знаний были лишь пылью по сравнению с неоспоримым аргументом меча, и Евангелие мира было превращено в военный набат. Зло, шедшее от раскола, которое много лет поражало христианство, не могло не возбудить вопроса в каждом объективном разуме – насколько папы исполнили служение, предначертанное им как «отцам христианства» и миротворцам мира? Не принимая во внимание льстецов с одной стороны и обвинителей с другой, оставим вопрос истории. Сколько мирных лет и сколько военных лет, которые начались от папского престола, и в какой пропорции они находились друг к другу?

Чтобы задать несколько простых вопросов относительно неоспоримых фактов, давайте спросим, от кого исходили крестовые походы, которые в течение двух столетий опустошали сокровища и кровь, как Европы, так и Азии? История отвечает – от Пап. Монахи призывали к крестовым походам, монахи набирали солдат, чтобы сражаться в них, и когда войско было в походе и все было готово, монахи становились во главе его и вели вперед. Их путь был отмечен разрушениями до берегов Сирии, где их яростный фанатизм разражался сценами еще большего разрушения и ужаса. В этих экспедициях Папы были всегда главными; императоры и короли с крестами воевали под своими знаменами под командованием легатов; по Папскому рескрипту они шли убивать или быть убитыми. В отсутствие королей Папы брали в свои руки управление королевствами; люди и имущество всех крестовых походов объявлялось под их защитой. В их пользу был любой процесс, гражданский или уголовный; они щедро раздавали индульгенции и заповеди, чтобы поддерживать фанатичный пыл и кровавое рвение; они иногда приказывали, а иногда накладывали в качестве епитимии служение в крестовых походах; их нунции и легаты собирали пожертвования и наследства, завещанные для ведения этих войн; и когда спустя два зловещих столетия они закончились, оказалось, что никто кроме Пап не выиграл. Пока авторитет папского престола укреплялся, светские короли в той же пропорции слабели и нищали; власть Рима утверждалась, так как разбитые и сломленные народы несли ярмо, одетое на их шеи, которое не могли сбросить много лет.

Далее спросим, от кого исходило противостояние митры и империи, войны за владения, которые разделяли и опустошали христианские страны полтора столетия? История отвечает – от Папы Григория VII. От кого исходили крестовые походы на альбигойцев, которые прокатились бурями огня и крови одна за другой по югу Франции? История отвечает – от Папы Иннокентия III. Откуда пришли армии убийц, которые бесчисленное число раз вторгались в долины Вальденсов, неся факелы в жилища и молитвенные дома, причинив невинным жителям такие ужасные бесчеловечные страдания и жестокость, которые трудно представить? История отвечает – от Папы. Кто сообщил королевствам Неаполя, Сицилии, Арагона, Польши и других стран, что за тех, кому они делают пожертвования, должны еще и сражаться? История отвечает – Папы.

Кто свергал монархов и санкционировал восстания и войны между ними и их подданными? Папы. Кто так часто склонял швейцарцев спуститься с гор, чтобы пролить кровь на равнинах Италии? Епископ Сиона, действующий как легат Папы. Кто поддерживал раздробленность Италии, чтобы удержать свое господство, ценой почти непрекращавшихся междоусобиц и войн, оставив неохраняемыми врата страны или намеренно открытыми для вторжения иностранных орд? История отвечает Папы. Кто, вступив в войну с Францией, сменил митру на шлем, и, проехав по мосту через Тибр, как говорят, бросил ключи от собора св. Петра в реку, видя, что они служат ему плохую службу, и потребовал меч св. Павла? Папа Юлиан II. Кто организовал одну за другой военные кампании против гуситов, и два раза посылал легата возглавить эти крестовые походы? История отвечает – Папа.

Остановимся на эпохе реформации. Мы не задаем вопросы истории относительно войн в Германии, во Франции, в странах северо-западной Европы, в Венгрии и других странах, в которых кровь эшафотов смешалась с кровью полей сражений. Мы ограничиваемся примерами тех веков, когда Римская церковь была не просто властью, а властью в христианских странах. Короли были ее вассалами и повиновались ее слову. Почему тогда она не призвала их к барьеру и не приказала им обнажить мечи? Почему она не связала их цепью отлучения от церкви и не приказала им сохранять мир, пока она не разберется в спорах, и, таким образом, предотвратит пролитие крови? Вот таковы подвиги Папы на полях сражений. Почему история забыла зафиксировать его труды и жертвы в благословенной работе для установления мира? Правда, мы можем найти несколько исключительных примеров пап, установивших мир между христианскими королями. Мы находим Лионский собор (1245г.), предписавший прекращение вооруженных столкновений между западными монархами, и давший полномочия прелатам выносить порицание тем, кто отказывался признавать это предписание. Но с какой целью? С тем, чтобы крестовые походы, которые тогда готовились, могли бы пройти с бо;льшим единодушием и рвением. Мы находим Григория X, посылавшего своего нунция,

чтобы заставить Короля Франции Филиппа III и короля Кастилии выполнить декрет этого собора, зная, что эти два монарха собирались решить некоторый спор оружием, так как ему были нужны их мечи в его собственных битвах. Далее находим Бонифация VIII, приказавшего всем правителям прекратить войны и разногласия у себя на родине, так как обстоятельства могут потребовать вести святые войны для церкви. Эти и несколько других подобных примеров – все, что имеем на одной стороне против длинного списка грустных событий – на другой. Вердикт истории таков, что с достижением Пап верховной власти пришел не мир, а войны в христианские страны. Зенит папской власти ознаменовался не спокойным блеском и тихими радостями, а бурями, битвами и разрушением.

Вернемся от этого отступления к картине Европы 15 столетия. К смутам, которые были так часты в каждой части света, на востоке, на юге и в центре христианства, нам придется добавить смуты на севере. Король Англии объявил войну Франции. Мощные войска покинули

«…бледнолицый берег,

Что гордо отражает натиск волн,

Своих островитян от всех отрезав».

Человек, который повел их, забыл о том, что природа уготовила морю, окружающему Англию, быть одновременно границей ее местоположения и бастионом ее мощи, и что, расширяя свои владения, он подвергал их опасности. Эта неудачная компания, которая принесла беды обоим странам, была спланирована, как мы видим, римским духовенством с целью найти занятие для пытливого Генриха V, и особенно, чтобы отвлечь его взгляд от собственных владений на более соблазнительную награду, корону Франции. Горе и беды, которым этот совет открыл дверь, не закончились до конца столетия. Английская армия обрушилась не только на северный берег Франции, но углубилась в центр королевства, отметив путь своего марша разграбленными городами, разоренными и частично обезлюдевшими провинциями. Эти несчастья тяжело сказались на верхнем эшелоне французского общества. На роковом поле при Азенкуре погиб весь цвет знати: рыдание и плач слышны были в замках и королевских резиденциях; так как было всего несколько знатных семей, которые бы не оплакивали совет архиепископа Чичели Генриху V, направившему столь разрушительную бурю на их страну.

Наконец, туча бедствий повернулось на север (1450г.) и извергла свое последнее и самое тяжелое содержание на саму Англию. Длинная и печальная череда событий, которая началась на родине, достигла кульминации в войне с Францией. Преждевременная смерть Генриха V; распри и интриги вокруг трона его малолетнего сына, тайные собрания, которые вызывали беспокойства и беспорядки

по всему королевству; и наконец, начало Войн Алой и Белой Розы, которая, как сильнейший пожар, уничтожила все знатные семьи королевства, включая королевский дом. Все эти трагедии и преступления связаны, как можно проследить, с советом духовенства, принятым и воплощенным королем. Кровь, пролитая на полях сражений, не была единственным злом, которое омрачало этот горестный период. Последствием ужасной гражданской войны явилось ослабление закона и приостановка производства. Результатом последнего было то, что страна обесславилась преступлениями и бесчинством, и постоянный голод и эпидемии нанесли большие потери населению.

Распря, которая возникла в 1452 году между Белой Розой Йорка и Алой Розой Ланкастера, - сфера деятельности светского историка. Мы упоминаем здесь о ней, так как она наложила отпечаток на историю протестантизма. Война продолжалась в течение тридцати лет; она ознаменовалась двенадцатью кардинальными битвами; как подсчитано, она стоила жизней восьмидесяти наследных принцев, и почти полностью уничтожила древнюю знать Англии. Королевство было тяжело поражено с тех пор, как был принят закон De Haeretico Comburendo, но чашу горя исполнили войны Алой и Белой Роз.

Войска соперников распалялись мстительной ненавистью, характерной для гражданских конфликтов. Редко бывали более кровопролитные битвы, чем эти, полившие землю Англии кровью своих детей. Иногда побеждал дом Йорка, и тогда Ланкастеры немилосердно уничтожались, в другой раз дом Ланкастеров одерживал победу, и тогда приверженцам Йорка приходилось искупать вину за поражение противников, нанесенное в день победы. Страна оплакивала эти многочисленные бедствия. Переходы армий взад и вперед были отмечены сгоревшими замками, церквями и жилищами, а также разоренными полями. В таких скорбях прошла большая часть второй половины 15 столетия. Царствование Плантагенетов, долго правивших Англией, закончилось кровопролитным сражением при Босворте (1485г.). И дом Тюдоров, в лице Генриха VII, взошел на трон.

Если эти беды в какой-то степени были щитом для последователей Уиклиффа, заняв умы английского короля и его знати другим делом, нежели охотой на лоллардов, но они же делали невозможным пробуждение их дела. Убийство тех, кто придерживался и проповедовал реформаторскую веру, хотя и приостановилось в результате упомянутых факторов, но никогда, в действительности, не прекращалось. Время от времени некоторых людей призывали, используя терминологию Фокса, «засвидетельствовать свою веру огнем». «Напуганные лолларды - пишет Д'Обинье - были вынуждены прятаться среди простых людей, и тайно проводить собрания. Работа по спасению велась бесшумно среди избранников Божиих. Среди лоллардов было много верующих, кто был искуплен Иисусом Христом, но в общем они не

знали, в такой степени как протестанты 16 века, животворящую и всепрощающую силу веры. Это были простые, смиренные и часто робкие люди, привлеченные Словом Божиим, пораженные его осуждением заблуждений римской церкви, и хотевших жить по заповедям. Бог предопределил им роль, важную роль, в великом преображении христианства. Их смиренная праведность, их пассивное сопротивление, позорное обращение, которому они подвергались при отступлении, одежды покаяния, в которых их одевали, свечи, которые их заставляли держать на паперти - все это выдавало гордыню священников, и наполняло самые благородные умы сомнениями и смутными желаниями. Через крещение страданиями Бог готовил путь для знаменитой реформации».

Рассматривая только причины, лежащие на поверхности, изучая условия и работу установленных институтов, особенно, «церкви», которая с каждым днем поднималась во власти, и в то же время глубже погружаясь в заблуждения; которая положила руку на трон, и сделала сидевшего на нем своим заместителем, а также на свод законов и сделала его немного лучше, чем просто реестр нетерпимых эдиктов, на суды и оставила им едва ли большую функцию, чем смиренное выполнение ее приговоров. Смотря на все это, нельзя ждать чего-нибудь кроме все более сгущавшейся тьмы и еще бо;льшей ярости охвативших мир бурь. Однако рассвет уже наступил. На горизонте показался свет. Более того, ужасные порывы ветра несли на своих крыльях благословение народам. Константинополь пал, чтобы сокровища древней литературы могли распространиться по всему западному миру и возбудить человеческие умы. Французская и английская знать были ослаблены в сражениях, чтобы трон возвысился и мог управлять. Было необходимо, чтобы институт, слабость которого спровоцировала беззаконие знати и высокомерие церковной иерархии, поднялся бы и укрепился. Это было одним из первых шагов по освобождению общества от духовного рабства, в которое оно попало. Еще со времен Григория VII монархия была в подчинении у священства. Политика Пап, проводимая в течение четырех столетий, была направлена на централизацию своей власти и самое высокое положение. Одним из средств для этого было сбалансировать власть знати и короля. Тем самым, ослабив обе стороны, сделать власть Папы самой сильной из трех. Политика была успешной. Папы стали гораздо сильнее, чем мелкие правители 15 века. Ничего кроме системы сильных монархий не могло справиться с престолом, объединившим духовную и светскую власть, который был возведен в Риме, и, укрепившись, сделал королей своим орудием и через них карал их подданных.

Итак, мы видим, что следствием бурь, гремевших в течение всего столетия, было возникновение трех мощных тронов – Англии, Франции и Испании. Единая сила христианства не была более в одной руке, то есть в руке владельца тиары. Три сильных поднявшихся властителя могли держать свою знать под контролем, могли

диктовать церковной иерархии, и поэтому могли на равных встречаться с властителем Ватикана. Их интересы иногда совпадали с его интересами, иногда нет. И этот баланс между папством и монархией служил щитом для развития протестантского движения, которое скоро должно было начаться.

Перед тем, как оставить Англию 15 века, необходимо помнить, что в течение столетия это великое движение, которое возникло благодаря содействию Уиклиффа в предыдущем столетии, разделилось на две части: местоположение одной – на западе, другой – на востоке христианского мира.

Далее это движение будет известно как гуситы в Богемии и лолларды в Англии. Когда знаменитый протест, поданный немецкими курфюрстами в 1529 году, заменил оба названия, и в последующем получил одно, под которым он известен в этих трех странах. Придет день, когда оно оставит то имя, которое сейчас носит, т.е. протестантизм, и приобретет более древнее, более всестороннее и более почетное, данное 18 веков тому назад в Антиохи, где ученики впервые стали называться христианами.

Хотя в обеих частях движения был один и тот же дух, однако действия отличались. Сила протестантизма проявилась в Богемии в превращении народа в героев, в Англии – в явлении мучеников. В одной стране история ведет нас к военным лагерям и полям сражений, а в другой она ведет к тюрьмам и кострам. Последние открывают нам более благородных победителей и более славную борьбу. Однако мы не виним гуситов. В отличие от лоллардов, это был народ. На их страну напали, их общественному сознанию угрожали; и они не нарушили ни одного христианского принципа, с которым были знакомы, когда вооружились мечами, чтобы защитить свои жизни, затем алтари. И мы не ошибемся, если скажем, что их патриотическому сопротивлению был предопределен грандиозный успех, увенчавший их борьбу, и оно продолжало расти, как прилив, не знающий отлива, до того рокового дня, когда они вступили в контакт с Римом. В архиве находим имена тех, кто «был отважным в борьбе, обращал в бегство армии противников», а также и тех, кто «был побит камнями, распилен на куски, подвергся пыткам, был зарезан мечом, не приняв освобождения, чтобы достичь лучшего воскресения».

Нужно признаться, что костры лоллардов проявили себя более сильным оружием в защите протестантизма, чем мечи гуситов. Оружие богемцев просто уничтожило врагов, а костры лоллардов создали последователей. Своими смертями они посеяли семя Евангелия. Это семя осталось в земле, и пока «битва воинов с ее беспорядочным шумом и обагренными кровью одеждами» велась с переменным успехом по всему лицу Англии, оно продолжало, молча давать ростки, поджидая 16 век с его освежающим воздухом весенней поры.

Ольга Крубер-Федорова

Джеймс Уайли История протестантизма

Книга восьмая. История протестантизма в Швейцарии с 1516 года до его установления в Цюрихе в 1525 году

Глава 1 - Швейцария – страна и люди

Реформация рассветает сначала в Англии. – Уиклифф – Лютер – Его нет. – Что оно значило. – Пробуждение сознания. – Кто будет править, сила или сознание? – Одновременное появление реформаторов. – Швейцария – Разнообразие и великолепие ландшафта – История – Смелость и героизм ее народа – Вновь приближается свобода. – Примут ли ее швейцарцы? – Да – Прибежище для реформации – Спад в Германии – Пробуждение в Швейцарии

Если мы пойдем по пути возрожденного Евангелия в христианском мире утром шестнадцатого века, наши шаги приведут нас в Швейцарию. Впервые свет этого благословенного дня забрезжил в Англии. Впереди всех в этой плеяде сильных людей и спасателей, через которых Богу было угодно освободить христианский мир от рабства невежества и суеверий, в котором он находился многие века, стоит Уиклифф. Его появление было залогом того, что после него придут другие, наделенные такими же и, возможно большими дарами, чтобы совершать ту же великую миссию освобождения. Успех, сопровождавший его проповеди, давал уверенность, что Божественное Действие, которое так сильно проявилось в прежние времена и прогнало ночь язычества из многих владений, опрокинув его алтари и низложив могущественные троны, поддерживавшие его, будет опять отпущено на волю. И оно проявит свою жизнестойкость и неувядаемую силу в рассеивание второй ночи, собравшейся над миром, и опрокинет новые алтари, построенные на руинах языческих алтарей.

Но большой интервал разделял Уиклиффа и его великих последователей. День медлил с приходом, надежды, ждущих «освобождения», испытывались второй задержкой. Рука, которая «разрезала решетки» языческого дома рабства, казалось, была «коротка», чтобы отпереть ворота еще более унылой тюрьмы папства. Даже в Англии и Богемии, куда этот Свет был больше направлен до сих пор, вместо того, чтобы посылать свои лучи для освещения неба над другими странами, казалось, тускнет, превращаясь в ночь. Второй Уиклифф не поднялся; роскошь, мощь и порочность римской церкви достигли еще большей степени, чем прежде, когда неожиданно человек более великий, чем Уиклифф, вышел на сцену. Не более великий сам по себе, так как Уиклифф более глубоко смотрел внутрь и охватывал взглядом более широкую область истины, чем, возможно, даже Лютер. Казалось, что Уиклифф неожиданно появился, как один из богословских гигантов ранних дней христианской церкви, среди слабых богословов четырнадцатого века, занятых своими маленькими проектами реформации церкви «в ее главе и членах», и удивил их, бросив им свой план реформации согласно Слову Божьему. Но Лютер был выше Уиклиффа, в несении бремени он оказался не только выше других людей, но и даже первого реформатора. Уиклифф и лолларды оставили после себя мир, готовый для

реформ шестнадцатого века, и поэтому усилия Лютера и его товарищей имели неожиданный и поразительный результат. Итак, наступал день. Меньше чем через три года весь христианский мир приветствовал Евангелие и начинал погружаться в его величие.

Мы уже прослеживали распространение света протестантизма в Германии с 1517 года до первой кульминации в 1521 году, от ударов молотка монаха по дверям замковой церкви Виттенберга в присутствии толпы паломников накануне Дня всех святых до его НЕТ, громом прокатившееся по сейму в Вормсе перед троном императора Карла V. Это НЕТ звучало похоронным маршем древнему рабству. Оно безошибочно объявило о том, что Духовное доказало свою позицию перед Материальным, что общественное сознание больше не будет склоняться перед империей, что сила, чьи права давно были объявлены вне закона, наконец, разорвала узы и будет бороться с начальствами и тронами за скипетр мира. Противоборствующие силы знали, какой ужасный смысл заключался в одном коротком предложении Лютера, «Я не могу отречься». Это был голос нового века, говоривший, что я не могу вернуться за границу, которую уже перешел. Я наследую будущее и народы, мое наследство, я должен исполнить поставленную передо мной задачу – вести их к свободе, и горе тем, кто противостанет мне в исполнении моей миссии! Вы, императоры, короли, вельможи и судья земные, «будьте мудрыми». Если вы объединитесь со мной, вашей наградой будут более прочные троны и процветающие королевства. Но, если нет, моя работа все равно совершится; но горе противникам, у них не останется, ни трона, ни королевства, ни имени!

Всех, кто изучает время, о котором мы говорим, руководствуясь здравым рассудком и благоговением, поражает одно, а именно одновременное появление многих людей сильного характера и высочайшего интеллекта в эту эпоху. Ни один другой век не может показать созвездие таких блестящих имен. В истории к нему ближе всего так называемый, полувек Греции. До прихода Христа греческий интеллект засверкал неожиданно во всем блеске, и своими достижениями в области человеческих усилий излил славу на этот век и страну. Многие студенты истории видят в этом чудесном расцвете Греции подготовку мира через оживление ума и расширения горизонта к приходу христианства. Мы видим повторение этого явления, но в еще большем масштабе, в христианском мире в начале шестнадцатого столетия.

Одним из первых, кто отметил это, был Рихат, красноречивый историк швейцарской реформации. «Случилось так, - пишет он – что Бог поднял в это время почти во всех странах Европы, и в Италии тоже, ряд образованных, праведных и просветленных людей, которых пробудила большая ревность о славе Божьей и благе церкви. Эти выдающиеся люди восстали одновременно, как будто по

договоренности, против господствующих заблуждений, однако, не сговариваясь. Своим постоянством и упорством, сопровождаемым благословением свыше, им удалось в разных местах вынуть факел Евангелия из-под сосуда, который скрывал его свет, и с помощью его совершить реформацию церкви. И, как Бог дал, по крайней мере, частично это благословение разным народам, таким как французы, англичане и немцы, Он даровал его и швейцарцам: «счастливы те, которым это принесет пользу».

Страна, на пороге которой мы стоим, и чью историю событий реформации мы собираемся проследить, является замечательной во многих отношениях. Природа избрала ее как уникальную арену проявления своих чудес. Здесь красота и ужас, мягкость и суровость, тонкое очарование и угрюмость, грубость и возвышенность находятся бок обок и смешиваются в одной панораме громадного и ослепляющего великолепия. Вот маленький цветок, украшающий луг, а вон там на склоне горы высокая, темная и молчаливая ель. Вот чистый ручеек, веселящий долину, по которой он протекает, а вон там величественное озеро, расположенное среди безмолвных гор, отражающее в своей зеркальной груди скалу, нависшую над его берегом, и белую вершину, которая издалека смотрит на него из-под небес. Вот узкое ущелье, на которое дикие скалы бросают черные тени, превращая его в ночь среди дня; а вот ледник, как большой белый океан, свешивая свои валы с кромки горы. И высоко наверху, увенчивая славу картины физического великолепия, находится исполин Альп, носящий на голове снега тысячи зим, и ждущий, что солнце зажжет их своим светом и наполнит небосвод их блеском.

Политическая деятельность Швейцарии также романтична как и ее ландшафт. Она представляет ту же смесь обыденного и героического. Ее народ простой, экономный, сдержанный и выносливый имеет способность зажигаться энтузиазмом, и самые смелые подвиги согласно историческим хроникам были совершены на этой земле. Их горы, подвергавшие их яростным бурям, неистовству горных потоков, угрозе лавин, воспитали в них бесстрашие. Не остались их души не испытанными великолепием, среди которого они ежедневно вращались. Они в равной степени свидетельствовали соответственно случаю и о своей вере у алтаря, и о своем героизме на поле битвы. Страстно любя свою страну, они всегда проявляли готовность по зову патриотизма броситься на поле битвы и вступить в борьбу с огромными трудностями. От своих отар и стад на продуваемых ветром пастбищах, окружающих вечные снега по первому призыву сходили на равнины для битвы за свободу, переданную им от отцов. Мирные пастухи мигом превращались в бесстрашных воинов, и одетые в кольчугу войска отступали перед стремительностью их атаки; их копьеносцы пошатнулись под боевыми топорами и стрелами горцев, и как Австрия, так и Франция часто раскаивались, что необдуманно разбудили спящего швейцарского льва.

Но сейчас пришло новое время, когда более глубокие чувства должны возбудить души швейцарцев и зажечь в них более святой энтузиазм. Более высокая свобода, чем та, за которую их отцы проливали кровь на полях сражений в прошлом, приближалась к их стране. Какой они окажут ей прием? Будут ли люди, которые никогда не отклоняли призыва к оружию, сидеть, сложа руки, когда труба зовет их на более благородную борьбу? Будет ли ярмо совести натирать меньше, чем ярмо, которое было тяжелым, но угнетало только тело? Нет, швейцарцы смело ответят на обращенный к ним призыв. Они должны были увидеть при свете раннего рассвета, что не Австрия была их главным притеснителем, что Риму удалось надеть на них ярмо тяжелее, чем дом Габсбургов когда-либо надевал на их отцов. Сражались ли они и проливали кровь, чтобы разбить более легкое ярмо, и смиренно несли более тяжелое? Его железо вошло в душу. Нет, они слишком долго были рабами чужого священника! Это будет последний час их рабства. И ни в какой другой стране протестантизм не нашел более энергичных воинов и более успешных борцов, чем в Швейцарии.

Не только врата этой величественной территории были настежь открыты для реформации, но в последующие годы протестантизм должен был обрести здесь свой центр. Когда короли будут теснить его своими мечами и изгонять его из более открытых стран Европы, он удалится в страну, защищенную горами, и, возведя основание у подножия мощного бастиона, будет продолжать из своего убежища обращаться к христианскому миру. Наступит день, когда свет потускнет в Германии, но реформация вновь настроит свой светильник и добьется, чтобы он горел с новой силой и изливал вокруг себя сияние более чистое, чем сияние утра над Альпами. Когда могучего голоса, который торжественно управляет протестантским войском в Германии, ведя его к победе, перестанут слушать, когда Лютер сойдет в могилу, не оставив после себя никого, кто бы мог принять его скипетр или владеть его мечом; когда яростные бури будут бушевать во Франции, и тяжелые тучи омрачать наступившее ясное утро, и когда Испания после отчаянных попыток разбить оковы и вырваться к свету, будет сломана инквизицией и тираном и вынуждена будет вернуться в старую тюрьму, тогда в Швейцарии восстанет великий вождь, который разобьет палатку среди гор, обозревая из своего центра каждый уголок поля сражения, мгновенно наведет порядок в битве и будет направлять ее движения, пока бойцы не добьются победы.

Такое вот значение страны, к которой мы приближаемся. Здесь могучие борцы будут сражаться, здесь мудрые и ученые богословы будут учить; но давайте сначала посмотрим на ее нынешнее положение – ужасная ночь давно покрывает ее прекрасные долины и величественные горы, на которых становятся заметными первые проблески утра.

Глава 2 - Положение Швейцарии до реформации.

Раннее и средневековое христианство – Последнее не похоже на первое. – Изменение церковной дисциплины – Изменение священства – Изменение поклонения – Швейцарское государство – Незнание Библии – Священные языки неизвестны. – Греческий язык считается ересью. – Упадок школ – Расстроенное состояние общества – Все вещи условно святые. – Продажа бенефиций – Иностранцы на содержании у швейцарцев.

Христианство Средневековья настолько отличалось от христианства первых веков, что нельзя было сказать, что это – то же Евангелие. Чистые источники с далеких уединенных гор и зловонная мутная река, образованная их водами после прохождения через болота и принявшая стоки больших городов, через которые она протекала, были подобны чистому и ясному Евангелию, сначала истекшему из божественного источника, и Евангелию, данному миру, после того как традиции и людские пороки смешались с ним. Управление церковью, такое легкое и приятное в первом веке, превратилось в настоящую тиранию. Верные пастыри, кормившие свое стадо знаниями и истиной, зорко следя, чтобы зло не приблизилось к пастве, уступили место пастырям, которые спали на своем посту, или просыпались только для того, чтобы поесть тук и одеться в шерсть. Простое и духовное поклонение первого века было заменено в пятом веке на обряды, которые были, как жаловался Августин, «менее сносны, чем бремя, под которым ранее стенали евреи». Христианские церкви сегодня мало чем отличаются от языческих храмов прежней эпохи; перед Всевышним преклонялись с помощью таких же обрядов и ритуалов, как и язычники, почитавшие своих богов. Истинно, престол Всевышнего затмила толпа божеств, помещенных вокруг него, и внимание было отвлечено от единственного великого предмета поклонения на многочисленных конкурентов – ангелов, святых и изображения, тогда как слава принадлежала Ему Одному. Можно подумать, что было бесполезно разрушать языческие храмы и уничтожать алтари языческих богов, понимая, что им на смену придут храмы с такими же суевериями и изображениями столь же идолопоклонническими. Поэтому еще в четвертом веке св.Мартин, епископ Турина, нашел в своем диоцезе алтарь, который один из его предшественников установил в честь разбойника, и ему молились, как мученику.

Пороки, разбухшие до огромных размеров еще в пятом веке, перетекали нарастающим потоком в пятнадцатый век. Не было страны в христианском мире, которую не затопили бы эти воды. Зловонный поток проник в Швейцарию, как и в другие страны. Если мы возьмем несколько примеров из той тьмы, в которую была погружена страна до сего времени, мы сможем правильно оценить большое благословение, принесенное реформацией миру.

Невежество распространилось на все классы и во все сферы человеческих знаний. Науки и научные языки, похоже, были позабыты; политическим и богословским знаниям в равной степени пренебрегались. «Знать немного греческий язык – пишет известный Клод де Эспенеж – было все равно, что подвергнуться подозрению в ереси; владеть ивритом почти одно и то же, что быть еретиком». Школы, предназначенные для наставления молодежи, не содержали ничего, что могло бы их облагородить, и выпускали скорее невежд, чем ученых. В те дни была поговорка: «Чем искуснее грамматист, тем хуже богослов». Чтобы быть ортодоксальным богословом, надо было сторониться наук, и, действительно, служители тех дней не рисковали испортить богословие или репутацию, заразившись знаниями. Более четырехсот лет богословы знали Библию только в латинском переводе, обычно называемой Вульгатой, так как абсолютно не знали языков первоисточника. Цвингли, реформатор из Цюриха, навлек на себя подозрения священников в ереси, так как он прилежно сравнивал Ветхий Завет на иврите с латинским переводом. И Рудольф Ам-Рухель, иначе Коллинус, профессор греческого языка в Цюрихе, рассказывает нам, что однажды он подвергся большой опасности из-за обладания некоторых книг на греческом языке, это считалось несомненным признаком ереси. Он был каноником Мюнстера в Ааргане в 1523 году, когда суд магистратов Люцерны отправил нескольких священников к нему домой. Обнаружив предосудительные книги и решив, что они написаны на греческом языке – полагаем, что по письму, так как ни один приличный кюре того времени не имел ни малейшего представления о языке Демосфена, они воскликнули: «Это – лютеранство! Это – ересь! Греческий язык и ересь – одно и то же!»

Священник из Гризонса на открытом диспуте о религии, проводимым в Ганце приблизительно в 1526 году, громко причитал, что научные языки пришли в Гельвецию. «Если бы – говорил он – об иврите и греческом никогда не слышали в Швейцарии, какая была бы прекрасная страна, какое мирное государство! Но сейчас, увы! Они здесь, и посмотрите, какой поток заблуждений и ересей устремился вслед за ними». В то время была всего одна академия в Швейцарии, а именно в Базеле; она существовала не более пятидесяти лет, так как была основана Папой Пием II (Энеем Сильсием) в середине пятнадцатого века. Было много канонических школ, и мужских монастырей с богатым содержанием, которые предназначались стать воспитателями ученых и богословов, но эти учреждения стали не более чем пристанищем эпикуреизма и гнездом невежества. В частности аббатство св.Гола, ранее бывшее известным образовательным заведением, куда посылали учиться сыновей королей и вельмож, и которое в восьмом, девятом, десятом и одиннадцатом веках выпустило многих образованных людей, стало неэффективным и, поистине, невежественным. Иоганн Шмидт или Фабер, викарий епископа Констанцского и известный полемист тех дней, а также злейший враг реформации и реформаторов,

открыто признался в диспуте с Цвингли, что лишь немного знает греческий и совсем не владеет ивритом. Нас не должно удивлять, что простые священники были так безграмотны, когда даже сами Папы, правители церкви, были едва более образованными. Католический писатель откровенно признался, «что было много невежественных Пап, которые совсем не знали грамматики».

Что касается богословия, то богословы тех дней только стремились стать приверженцами схоластической философии. Они знали единственную в мире книгу, сосредоточие знаний для них и источник всякой истины – «Предложения» Пьера Ломбарда. В то время как Библия лежала рядом с ними неоткрытой, страницы книги Пьера Ломбарда прилежно изучались. Если они хотели почитать что-нибудь другое, они обращались не к Писанию, а к трудам Скотта или Фомы Аквинского. Этих авторов они изучали всю жизнь; и никогда не думали о том, чтобы сесть у ног Исаака, Давида или Иоанна, чтобы искать слова спасения из чистого источника истины. Для них авторитетом был Аристотель, а не апостол Павел. В Швейцарии были такие богословы, которые никогда не читали Священного Писания; были такие священники и кюре, которые ни разу в своей жизни не видели Библию. В 1527 году члены магистратуры Берна писали Себастьяну де Мон-Фалькон, последнему епископу Лозанны, сообщая, что в их городе должна состояться конференция по религии, на которой все вопросы должны решаться ссылкой на Священное Писание, и прося его приехать самому или прислать богословов для их поддержки. Увы, достойному епископы было трудно! «У меня нет ни одного человека – писал он правителям Берна – достаточно сведущего в Священном Писании, чтобы помочь на таком диспуте». Это напоминает еще об одном таком же факте из прошлого. В 680 году император Константин Паганатус созвал вселенский собор (шестой) в столице своей Барбарии. Папа тех дней, Агато, написал Константину, извиняясь за отсутствие итальянских епископов по причине того, «что он не мог найти во всей Италии ни одного церковника, достаточно хорошо знакомого со Священным Писанием, чтобы отправить его на собор». Но, если в этом веке было всего несколько экземпляров Слова Жизни, то были целые армии монахов; существовал поразительно длинный список святых, в чью честь каждый день возводили новые гробницы. И были церкви, которым придавали внушительное великолепие красота архитектуры и пышность обрядов, в то время как булла Бонифация V позаботилась, чтобы у них не было недостатка в прихожанах, так как в этом веке был принят печально известный закон, который сделал церкви пристанищем преступников всякого сорта.

Те несколько человек, которые изучали Евангелие, презирались, как плебеи, довольствовавшиеся плестись по самой простой дороге, и у которых не доставало честолюбия взойти на вершину знаний. Единственное, чего они могли достичь, было звание «бакалавра», между тем как изучение «Предложений» открывало дорогу к

заветному званию «магистра богословия». Священники преуспели в распространении мнения о том, что изучение Библии было не нужно ни для защиты церкви, ни для спасения ее отдельных членов, и что для обоих случаев хватало традиций. «В каком бы мире и согласии жили люди, - пишет викарий Констанца – если бы никогда не было бы слышно о Евангелие».

Великий Учитель сказал, что «Богу надо поклоняться в духе и истине»; не в «духе» только, но и в «истине». Это – то, что открыл Бог. Поэтому, когда истина была скрыта, поклонение стало невозможным. Поклонение стало просто маскарадом. Священники стояли перед людьми, делая пальцами какие-то магические знаки, бормоча какие-то невнятные слова или горланя что-то на пределе своего голоса. Такого же характера были предписываемые людям религиозные действия. Справедливость, милосердие, смирение и другие добродетели первых веков не ценились. Вся святость заключалась в том, чтобы повергаться ниц перед изображениями, кланяться мощам, покупать индульгенции, совершать паломничества или платить десятины. Такова была набожность, таковы были добродетели, дававшие славу тому времени, когда католическая вера поднималась к своему зениту. Барон не мог выехать из дома, пока не надевал кольчугу, чтобы не быть убитым соседним бароном. Крестьянин пахал землю и пас быков с ошейником своего хозяина на шее, купец не мог переходить от ярмарки к ярмарке, не рискуя быть обворованным, грабитель и убийца подстерегали прохожего, путешествовавшего без охраны, и кровь людская постоянно текла в личных стычках и на полях сражений. Но времена, несомненно, были святыми: всюду куда, ни посмотри, были признаки набожности – кресты, индульгенции, раки, изображения, мощи, монашеские сутаны с капюшонами, пояса и посохи паломников и все, что машина «религии» изобрела в то время, чтобы сделать святыми землю, воздух и воду, короче, все, кроме человеческой души. Полидор Вергилий, итальянец и благочестивый католик, желая сделать комплемент набожности тех, о которых он говорил, сказал «они больше надеялись на изображения, чем на Самого Иисуса Христа, чей образ они представляли».

Внутри «церкви» была лишь борьба за церковные владения и доход; такое можно увидеть в городе, отданном на разграбление, каждый старается урвать большую часть добычи. Церковные бенефиции были выставлены на торги, фактически отдавались лицу, предлогавшему наивысшую цену. Так обнаружился самый легкий способ сбора золота с христианского мира и сливания его в большую сокровищницу римской церкви, сокровищницу, подобную морю, в которое впадают все реки земли, а море никогда не бывает полным. Некоторые Папы старались смягчить скандал, но традиции настолько укоренились, что не могли уступить даже их авторитету; Мартин V согласно собору в Констанце издал бессрочный указ, в котором объявлял все симонии, открытые или скрытые, упраздненными. Его преемник Евгений из

собора Базеля ратифицировали этот указ. Тем не менее, фактически, при понтификате Мартина V, продажа бенефиций процветала. Видя, что они не могут искоренить практику, Папы, очевидно, думали, что будет лучше, если они будут получать с этого прибыль. Права капитулов и лиц, представлявшихся к бенефиции, были отменены, и банды нищих священников переходили Альпы с папскими бреве в руках, требуя принятия на свободные бенефиции. Со всех концов Швейцарии шли жалобы о том, что церкви захватывались иноземцами. Из многочисленного штата каноников, прикрепленных к кафедральному собору в Женеве в 1527 году, только один был местным, а остальные были иностранцами.

Глава 3 - Пороки швейцарской церкви.

Папское правление – Как пастырь пас овец. – Тексты Фомы Аквинского и Аристотеля – Проповедники и проповеди – Мондонский собор и викарий – Каноники Нойфчателя – Сценка «Страсти Христовы» – Отлучение от церкви для должнико – Посягательство на гражданское правосудие. – Лозанна – Красота местности – Ужасные беспорядки среди духовенства – Женева и другие швейцарские города – Порочная церковь – величайшее бедствие для мира. – Призыв к реформации – Этот век отворачивается от истинной реформы. – Призыв становится громче, а пороки тяжелее.

Над церквями Швейцарии, как и над церквями остальной Европы, Папа установил тиранию. Он построил деспотию на таких фантазиях, как «святой престол», «наместник Иисуса Христа», и как следствие – «непогрешимость». Он все соизмерял согласно своему желанию. Он запретил людям читать Писание. Каждый день он сочинял новые указы, чтобы разрушить Божьи законы; и всех священников, не исключая епископов, он заставлял подчиняться под особой присягой. Способов было множество – десятины приходских священников, резервации, десятины мирян (двойные и тройные), амулеты, освобождение от обетов, индульгенции, розарии, мощи, с помощью которых смиреннейшая овца из самого отдаленного уголка огромной папской овчарни могла присылать ежегодно в Рим денежное признание преданности великому пастырю, чье седалище было на берегах Тибра, но чей железный посох доставал до окраин христианского мира.

Осознавал ли пастырь, чем он был обязан пастве? Были ли наставления, которые он взялся давать им благотворными и достаточными? На пастбища ли Слова он их водил? У священников в те дни не было Библии; как они могли сообщать другим то, чего не знали сами? Если они поднимались на кафедру, то только для того, чтобы продекламировать басню, рассказать легенду или повторить старую шутку, и они считали свое красноречие исчерпанным, когда публика открывала рот, услышав одно, и смеялась над другим. Если читался какой-нибудь тест, то он выбирался не из Писания, а из Скотта, Фомы Аквинского или Нравственной философии Аристотеля. Мог ли виноград расти на таком дереве, или сладкая вода течь из такого источника?

Правда, было немного рискованных священников, которые поднимались на кафедры и обращались к собранию. Но основная часть молчала. Они оставляли монахам, особенно нищенствующего ордена, право рассказывать истории и проповедовать. «Я должен отметить один факт – пишет историк Рихат – к чести Мондонского собора. Выразив неудовольствие тем, что кюре этого города был молчащим пастором, который оставлял прихожан без наставлений, собор в ноябре 1535 года приказал ему объяснять, по крайней мере, простым людям, десять заповедей закона Божьего каждый Шаббат после проведения литургии. Мы не

знаем, позволяли ли богословские познания кюре выполнять предписание собора. Он, возможно, просил в оправдание своей праздности, чтобы свидетельство о пренебрежении им обязанностей не распространялось далеко. В Нойфчателе, уютно расположенном у подножья Юрских Альп с озером, отражавшем в тихих глубинах поросшие виноградниками высоты, окружавшие его, находилась школа каноников. Эти священнослужители жили роскошно, так как заведение было богатым, воздух приятным, а вино хорошим. Но, пишет Рихат, «было похоже, что им платят за то, чтобы они молчали, и, хотя их было много, никто из них не умел проповедовать».

В те просветленные дни исполнители баллад и драматурги восполняли недостаток проповедников. Церковь считала опасным давать в руки народа Евангелие на родном языке, чтобы они читали на понятном им языке о чудесном рождестве в Вифлееме и о не менее удивительной смерти на Голгофе, и обо всем том, что было между ними. Но страдания Христа и другие библейские события превратились в комедии и драмы, разыгрывавшиеся на публике, можно только догадываться, с какими назиданиями для зрителей! В 1531 году Мондонский собор дал десять савойских флоринов труппе артистов-трагиков, которые играли «Страсти Христовы» в Вербное воскресенье и «Воскресение» в пасхальный понедельник. «Если бы Лютер не пришел, - сказал немецкий аббат, напоминая об этом и других случаях – если бы Лютер не пришел, Папа бы убедил людей к этому времени питаться прахом».

Невероятная корысть, как нестерпимая жажда, мучила священников с головы до пят. Каждый отдельный орден становился бичом для другого, ниже его. Низшее духовенство грабило высшее, а высшее грабил Верховный Священник в Риме, хотя высших обманывали те, кто был ниже. «Купив церковь оптом, – пишет историк швейцарской реформации – они распродавали ее в розницу». Деньги, деньги были таинственной силой, которая привела в действие и поддерживала работу машины католицизма. Были церкви, чтобы их посвящать святым, кладбища, чтобы их освящать, колокола, чтобы давать им имена; за это все надо было платить. Были младенцы, чтобы их крестить, браки, чтобы их благословлять, и покойники, чтобы их хоронить; ничего из этого не делалось без денег. Были мессы, совершавшиеся за упокоение души, были жертвы, освобождавшие от яростного огня чистилища; напрасно думать, что это совершалось без денег. Более того, существовала привилегия быть похороненным в гробнице внутри церкви, выше всех у алтаря, где покойник лежал на особо святом месте, и молитвы, возносимые за него, были особенно действенны, это стоило больших денег, и их обычно брали за это. Были те, которые хотели есть мясо во время Великого Поста или другие постные дни, были те, которые считали, что им обременительно поститься в любое время. Церковь устроила все так, чтобы пойти навстречу пожеланиям обоих, только по справедливости за услугу надо было платить. Все нуждались в прощение, вот,

пожалуйста, полное отпущение грехов; отпущение грехов вплоть до смертного часа, но сначала надо было платить. Итак, деньги уплачены, душа уходит, подкрепленная полным отпущением грехов, но оно может быть еще полнее, если заплатить дополнительную сумму, а почему, никто не может сказать; сейчас мы подходим к границам предмета, который покрыт тайной, и который, ни один римский богослов не попытался сделать яснее. Короче, как сказал поэт Мантиан, римская церковь – «это огромный рынок с запасами различных товаров и регулируемый теми же законами, что и все другие мировые рынки. Человек, который приходит туда с деньгами, может иметь все, но горе тому, кто приходит без денег, он не получит ничего».

Всем известно, какой простой порядок был в ранней церкви, и какими духовными были цели, к которым они стремились. Пастыри тех дней руководили ею только для того, чтобы ограждать учение церкви от заблуждений, а ее общины от разложения постыдными людьми. Совсем для других целей использовался церковный порядок в Швейцарии. Одним из распространенных злоупотреблений было использование его, для того чтобы заставить платить долги. Кредитор шел к епископу, брал отлучение от церкви на своего должника. Для бедного должника это было более чудовищным делом, чем любые гражданские суды. Наказание простиралось как на душу, так и на тело, и по ту сторону могилы. Мировому судье приходилось часто вмешиваться и запрещать эту практику, которая была и давлением на гражданина, и явным вторжением в его юрисдикцию. Известно, что Моудонский собор 7 июля 1532 года запретил некоему Антонию Жаету, капеллану и викарию церкви, применять такие интердикты против мирян города и прихожан Моудона, и обещал ему, что он не избежит последствий и ответить перед своим начальством. Собору не пришлось долго ждать, чтобы подтвердить свое требование, так как в том же месяце после того как викарию не удалось применить одно из этих отлучений против бюргера из Моудона, собор направил двух своих членов защищать его перед капитулом Лозанны, который вызвал его, чтобы дать ответ за свое непослушание. В результате отлучения покойники часто оставались непогребенными. Если муж умирал под отлучением за долги, ни жена, ни сын не могли предать его тело земле. Сначала надо было снять отлучение.

Эта проституция церковной дисциплины была очень распространенным явлением и вызывала широкое недовольство не только в эпоху реформации, но и во всем пятнадцатом веке. Это был один из инструментов, с помощью которого римская церковь прокладывала путь к светской власти и крала у нее законное правосудие. Троны, судейские места, короче, весь механизм гражданского управления церковь заставила стоять и сумела поместить своих чиновников на кресла правителей. Она важно говорила о королевском достоинстве, она называла правителей «помазанными небом»; но она лишала их скипетра действительной

власти с помощью епископского посоха. Мы узнаем, что в 1480 году жители Пе-де Вод жаловались Филиберту, своему суверену герцогу Савойскому, что его подданные, которые имеют несчастье быть в долгах, должны отвечать не в его судах, а служителю епископа Лозанны, который приходил к ним с отлучением от церкви. Герцог отнесся к этому делу не так спокойно, как другие. Он издал указ, датированный «31 августом, Чембери» против незаконного захвата его правосудия со стороны епископа.

Остается только затронуть самую печальную часть пороков тех скорбных дней, разврат духовенства. Ужасающая невоздержанность делает невозможным ее полное и открытое обнажение. Не раз швейцарские кантоны жаловались, что их духовные наставники ведут более грешную жизнь, чем миряне, в то время как они совершали церковное служение с неверием и холодностью, потрясавшие благочестивых людей, они предавались сквернословию, пьянству, обжорству и нечистоте. Пусть люди, которые тогда жили, были свидетелями этих пороков и страдали от них, опишут их. В 1477 году вскоре после выборов Бенедикта Монферанского епископом Лозанны к нему пришли 2 августа монахи из ордена св.Бернарда, чтобы пожаловаться на свое духовенство, чьи беззакония нельзя было больше терпеть. «Мы видим, - сказали они – что духовенство нашей страны крайне развращено, предалось нечистоте и делают зло открыто без всякого стыда. Они содержат любовниц, посещают по ночам дома терпимости, и делают все это с такой открытостью, что ясно, что у них нет ни стыда, ни совести, и у них нет страха ни перед Богом, ни перед человеком. Это нас очень беспокоит. Наши предки часто устанавливали правила для полиции по прекращению таких беспорядков, особенно, когда видели, что церковные суды не интересуются этим вопросом». Подобная жалоба поступила в 1500 году на монахов монастыря Грандсан от сеньоров Берна и Фрибурга. Но с каким результатом? Несмотря на жалобы и меры полиции, поведение священников не изменилось, соль потеряла свою силу, что теперь можно ею солить? Закон безнравственности должен стать еще более безнравственным.

Если бы так было в Швейцарии – пороки бы процветали бесконечно и в еще большем масштабе – протестантизм бы никогда не пришел сеять своей благотворной рукой и оживлять небесным дыханием семена, дающие новую жизнь. Людям не нужны были законы, чтобы изменить старые, но нужна была сила, создающая новую силу.

Примеры, которые мы привели – жестокость болезни, которая иллюстрирует силу целителя – достаточно прискорбны. Но как бы они не были печальны, они меркнут и не остаются в памяти перед лицом одного чудовищного преступления, которое раскрывает нам один старинный документ, и на который мы должны взглянуть, так как мы только взглянем, но не будем подробно останавливаться на

этом гнусном спектакле. Он даст нам представление о том, в какую страшную нравственную пропасть скатилась Швейцария; и как неизбежна была бы ее гибель, если бы рука протестантизма не вытащила ее из этой бездны.

На северном берегу озера Леман расположен город Лозанна. Это место – одно из самых красивых в Швейцарии. Увенчанный шпилями соборов, город смотрится в гладь озера, которое тянется большим голубым полумесяцем от того места, где на скалистой горе едва видна Женева, до подножий двух Альпийских гор, Дент ду Миди и Дент де Морсель, которые подобно двум столпам охраняют вход в долину Роны. Рядом с ним на этой стороне страна представляет собой один длинный виноградник, из которого мило выглядывают деревни и города. Вот там, прямо у озера стоит главная башня Чилона, напоминая историю Боневарда, чье пленение в ее стенах гений Байрона прославил далеко за пределами Швейцарии. А на другой стороне озера находится Савой, холмистая страна, покрытая величественными лесами и богатыми пастбищами, и вдалеке на юге обнесенная белыми пиками Альп. И каким пятном на этой прекрасной картине была Лозанна! Мы говорим о Лозанне шестнадцатого века. В 1533 году Лозанна выдвинула список из двадцати трех обвинений против своих каноников и священников и еще один список из семи пунктов против ее епископа Себастьяна де Мон-Фальконе. Рихат представил весь документ пункт за пунктом, но из-за трудности размещения его перевода на этих страницах, мы позволим себе вольность дать его в сокращенном виде.

Каноники и священники согласно заявлению их прихожан иногда ругались во время служения и дрались в церкви. Горожане, приходившие на службу, время от времени избивались канониками. Однажды некоторые священнослужители убили двух горожан, но никто не призвал их к ответу за это деяние. Каноники особо пользовались дурной славой за их распутство. В масках и переодетые солдатами, они отправлялись на улицы ночью, размахивая обнаженными шпагами, наводили ужас и иногда проливали кровь тех, кто им попадался. Иногда они нападали и на горожан в их собственных домах, а когда им угрожали церковным наказанием, они не признавали власть епископа и его право наложения на них анафемы. Некоторые из них были отлучены, но продолжали служение, как и прежде. Короче, духовенство было греховно настолько, насколько это было возможно, и не было такого преступления, в котором они рано или поздно не были виновны.

Жители еще жаловались, что когда чума пришла в Лозанну, многие умирали без исповеди и причастия. Священники вряд ли могли оправдаться перегрузкой в работе, так как их видели играющими в азартные игры в таверне, где они приправляли свою речь ругательствами и сквернословили при неудачно брошенной кости. Они нарушали тайну исповеди, были искусны в лжесвидетельстве, и

составляли ложные документы о вступлении во владение в свою пользу. Они были заведующими больницей, и это привело к оскудению ее доходов.

К сожалению, Лозанна не была исключением. Она раскрывает картину Женевы, Нойфчателя и других городов швейцарской конфедерации тех дней, хотя рады сказать, что они были развращены не в такой степени. Женева, которой при прикосновении света реформации должно было открыться совсем другое будущее, была погружена в тот момент в беззакония при епископе Пьере де ля Боме, и пользовалась вслед за Лозанной дурной славой из-за упадка нравов. Нет необходимости входить в подробности. Вокруг этого величественного озера, которое с его чудными берегами и великолепными горными грядами, здесь Юра, а там – Белые Альпы, создает грандиозный колорит Швейцарии, были деревни и города, из которых раздавался крик возмущения подобно крику, вознесенному городами равнины в ранние века.

Это лишь частичное снятие покрова. Даже, если предположив, что это были крайние случаи, все же к какому ужасному выводу они приводят нас относительно нравственного состояния христианского мира! И если мы подумаем, что эти грязные потоки текли из святилища, а средства, предназначенные Богом для очищения общества, стали средствами для его развращения, мы понимаем, что в некоторых отношениях мир должен больше бояться смеси христианства с заблуждениями, которые есть в церкви. Именно мир принес развращение в церковь, но посмотрите, какое ужасное возмездие церковь приносит сейчас миру!

Не удивительно, что со всех сторон в то время слышались бесконечные голоса мирян и священников, призывавших к реформации церкви. Однако большинство людей, из которых исходили эти требования, блуждали во мраке. Но Бог никогда не остается без свидетеля. За столетие перед этим Он дал миру через простое, ясное и наглядное служение Уиклиффа единственный план истинной реформации. Положив руку на Новый Завет, Уиклифф сказал: «Вот, это. Вот – то, что вы ищите. Вы должны забыть о тысяче прошедших лет, вы должны смотреть, что написано на этих страницах; вы найдете в этой книге образец реформации церкви, не только образец, но и силу, единственно которой реформация совершится.

Но тот век не хотел смотреть на нее. Люди говорили, что может хорошего выйти из этой книги? Библия была хорошим учителем для христиан первого века; но ее принципы больше неприемлемы, ее образцы устарели. Нам в пятнадцатом веке нужно что-нибудь более совершенное, более подходящее к нашему времени. Они обратили свои взоры на Пап, императоров и соборы. Но это, увы, были горы, с которых не могла придти помощь. И в следующем столетии раздался призыв к реформации, набиравший силу с каждым годом, как и развращенность. Двое продвигались равными шагами, крик становился громче, а развращенность больше,

пока, наконец, не стало ясно, что человеческими силами здесь не обойтись. Тогда Всемогущий пришел избавлять.

Глава 4 - Происхождение и школьные года Цвингли.

Один вождь в Германии – Много вождей в Швейцарии – Долина Тоггенбург – Деревня Вильдхауз – Рождение Цвингли – Его родители – Швейцарские пастухи – Зимние вечера – Традиционная отвага швейцарцев – Цвингли слушает – Священные традиции – Влияние окружающей обстановки на формирование характера Цвингли – Послан в школу в Везен – Превосходит учителя. – Переведен в Базель. – Бюнцли – Цвингли едет в Берн. – Лупулус – Доминиканцы – Цвингли едва избежал монашества.

Возможно, существует сходство между физическими атрибутами страны, в которой мы сейчас находимся, и историей событий ее религиозного пробуждения. Ее покрытые снегом горы первыми принимают утренние лучи и возвещают восход солнца. Они подобны горящим факелам, в то время как равнины и долины у их подножья покрыты мглой и тенью. Так и духовный рассвет швейцарцев. Триста лет назад города этой страны были среди первых городов, в которых зажегся свет реформатской веры и возвещено о новом утре, возвращавшемся в мир. Тогда неожиданно во тьме засверкало множество огней. В Германии был один выдающийся центр и один выдающийся вождь. Лютер возвышался подобно величественной альпийской вершине. Над всей страной была видна его колоссальная фигура. Но в Швейцарии восстал один, второй и третий человек, как альпийская гряда, приняв первые лучи, они излили яркое и чистое сияние не только на свои города и кантоны, но и на весь христианский мир.

На юго-востоке Швейцарии есть длинная и узкая долина Тоггенбург. Она окружена высокими горами, которые отделяют ее на севере от кантона Аппельцель, а на юге от кантона Грисонс. На востоке она открывается в сторону Тирольских Альп. Ее высокое месторасположение не позволяет выращивать зерновые или сажать виноградники, но ее богатые пастбища привлекают пастухов, и со временем деревня Вильдхауз росла вокруг своей старой церкви. В этой долине, в домике, который еще можно видеть стоящим в миле от церкви на зеленом лугу, стены которого сделаны из бревен, а крыша обложена камнями для защиты от сильных порывов ветра, с ручьем чистой воды, текущим перед ним, триста лет назад жил человек по имени Гульдрих Цвингли, староста церкви. У него было восемь сыновей, третий из которых родился в канун нового 1484 года, на семь недель позже рождения Лютера, и назвали его Ульрихом.

Соседи очень уважали этого человека за его прямой характер, а также за его служение. Он был пастухом и летом жил в горах с сыновьями, которые помогали ему пасти стада. Когда долины украшались зеленью весны, стада выводились на пастбища. С каждым днем, когда зелень поднималась все выше в горы, пастухи со своими стадами также поднимались. В середине лета они были на самой высокой

точке, их стада бродили на границе с вечными снегами, где тающий снег и палящее июльское солнце вскармливали роскошный травяной покров. Когда удлинявшиеся ночи и увядавшие пастбища говорили им о том, что лето начало убывать, они спускались по тем же перегонам, что и поднимались, возвращаясь домой в долину примерно ко дню осеннего равноденствия. В Швейцарии, когда зима царствует на горных вершинах и омрачает долины мглой и бурями, никакой труд на улице невозможен, особенно в таких высоко лежащих местностях, как Тоггенбург. Тогда крестьяне по очереди собираются по домам, освещенным вечером очагом или светом свечи. Собравшись вокруг очага, они проводят долгие вечера с песнями, музыкальными инструментами и рассказами о давних днях. Они рассказывали о смелом подвиге, когда пастух, карабкаясь по обрыву или борясь с бурей, спасал кого-то из стада, отбившегося от других. Или они рассказывали о еще более отважных делах на полях сражений, как их отцы обычно встречались с копьеносцами Австрии или одетыми в броню галльскими воинами. Так время проходило быстро.

Дом старосты из Вильдхауза, Гульдриха Цвингли, был частым прибежищем для соседей в зимние вечера. Вокруг его очага собирались старейшины деревни, каждый приносил историю о подвигах, заимствованных из старых швейцарских баллад и сказаний, и, возможно, переданных по традиции. Пока старшие разговаривали, младшие слушали с бьющимися сердцами и горящими глазами. Они говорили о том, что делали смельчаки в прошлом, о подвигах, совершенных на их земле, и как их долина Тоггенбург посылала героев, чтобы отбросить от их гор войска Карла Смелого. Битвы их отцов проигрывались снова в простых, но живых повествованиях их сыновей. Слушатели видели подвиги, разыгрываемые перед ними. Они видели жестокие чужеземные войска, окружившие их горы. Они видели своих предков, собиравшихся в городах и горах, шедших по узкому ущелью, через тенистые сосновые леса, через озера, чтобы отразить захватчика. Они слышали удары боя, лязг оружия, крики победы, и видели растерянность и ужас отступающей армии. Так поддерживался боевой дух швейцарцев, на смену смелым отцам пришли смелые сыновья; и Альпы, зажигая огни каждое утро, видели как у их подножья одно поколение патриотов и воинов сменяет другое.

В кругу слушателей, собиравшихся вокруг очага его отца зимними вечерами, был и маленький Ульрих Цвингли. Его потрясали рассказы об отважных делах древности, некоторые из них были совершены в той самой долине, где он услышал о них. История его страны не в печатном виде, а в драматическом действие прошла перед ним. Он видел образы героев, проходивших перед ним. Они сражались, истекали кровью несколько веков назад; их прах смешивался с прахом долины, или уносился горным ручьем; но для него они были живы. Они не могли умереть никогда. Если та земля, которую весна украшает цветами, и осень богато покрывает

плодами, была свободной, если вон те снега, которые так великолепно сверкают на кромке гор, не принадлежали чужеземному сеньору, то они принадлежали этим людям. Эта прославленная земля, населенная свободными людьми, была вечным их памятником. Каждый предмет на ней ассоциировался для него с их именами, и вызывал воспоминания о них. Поэтому его высшей целью стало стремление стать достойным великих предков, записать свое имя рядом с их именами и, чтобы его подвиги также передавались от отца сыну. Эта смелая, высокая, свободолюбивая натура была готовым материалом для прививки любви к еще более высокой свободе и ненависти к еще более низшей тирании, чем та, которой их отцы противостояли с презрением свободных людей, когда они разбивали наголову войска Габсбургов или французских легионеров.

В скором времени эта свобода стала раскрываться перед ним. Его бабушка была набожной женщиной. Она звала маленького Ульриха к себе, сажала его рядом и знакомила его с героями более высокого рода, рассказывая отрывки из священной истории, которые она сама узнала из преданий церкви и отрывков Священного Писания требника. Она, несомненно, рассказывала ему о тех великих патриархальных пастухах, которые пасли стада в горах Палестины, и как иногда Всевышний сходил и разговаривал с ними. Она рассказывала ему о могучих мужах от сохи, овечьих загонов или виноградников, которые, когда воины Мидиан, перейдя Иордан заполонили широкую долину Мегиддо, или орды филистимлян с приморской равнины поднялись на горы Иуды, отбросили войска захватчиков, и, избив, в ужасе отправили их назад. Она водила его к колыбели в Вифлееме, к кресту на Голгофе, в сад утром третьего дня, когда гроб был открыт, и сияющая фигура вышла из темноты. Она показала ему первых проповедников, спешивших с благой вестью в языческий мир, и рассказала ему, как идолы народов пали от проповеди Евангелия. Так, день за днем юный Цвингли готовился к своей будущей великой задаче. Глубоко в сердце была любовь к своей стране, а рядом были привиты начальные знания той веры, которая одна могла стать щитом для прочной и долгой независимости его страны.

Величественные виды природы вокруг него – рев бури, шум водопада, горные пики – несомненно, внесли свой вклад в формирование будущего реформатора. Они помогли воспитать возвышенность души, благоговение перед Тем, Кто «поставил горы», и смелость мышления, которое отличало Цвингли в последующие годы. Так думает его биограф. «Я часто думаю по моей простоте, - пишет Освальд Миконий – что от этих высот он взял нечто небесное и возвышенное». «Когда гром гремит в горных ущельях и перескакивает со скалы на скалу с ужасным ревом, тогда мы как будто вновь слышим голос Господа Бога, провозглашающего: «Я – Всемогущий Бог. Ходи передо Мной и будь совершенен». Когда на рассвете вершины, покрытые ледниками, сверкают в небесном свете так, что как-будто их окружает море огня,

как-будто «Господь Бог Саваоф шагает по высотам земли», и как-будто края его одежды, сотканной из света, преображают горы. Тогда мы в трепете слышим доносящийся до нас крик: «Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф, вся земля полна славы Его». Здесь под глубоким впечатлением, произведенным горами и чудесами, связанными с ними, в груди юного Цвингли впервые пробудилось чувство благоговения перед величием и великолепием Бога, которое потом наполняло всю его душу и вооружало его отвагой в великой борьбе с силами тьмы. В уединении гор, нарушаемом лишь звоном колокольчиков пасущегося стада, склонный к размышлениям мальчик задумывался о мудрости Божьей, которая раскрывается во всех Его творениях. Эхо этого глубокого размышления о природе, которое занимало его ум во время невинной юности, мы слышим в работе, написанной им в зрелости, «Божественное провидение». «Земля, – пишет он – мать всего никогда не запирает свои богатства внутри себя, не обращает внимание на раны, нанесенные ей лопатой или плугом. Роса, дожди, речная влага восстанавливается, оживает в ней, чтобы то, что остановилось в росте из-за засухи и последующей борьбы, свидетельствовало чудным образом о божественной силе. Горы, эти неизящные, грубые, инертные массы, придающие земле крепость, форму и постоянство, как кости плоти, делают невозможным, или, по крайней мере, затрудняют переход из одного места в другое. И, хотя они тяжелее земли, они возвышаются над ней и никогда не погружаются; разве они не провозглашают о непобедимом могуществе Господа, и не говорят о масштабах Его величия?»

Его отец с удовольствием отмечал приятный нрав, правдивый характер и живой дух своего сына, и начал думать, что его ждало более высокое призвание, чем просто пасти стада в родных горах. В Европе наступал новый день знаний. Отдельные лучи проникали в уединенную долину Тоггенбург и возбуждали высокие порывы в груди ее пастухов. Вероятно, староста из Вильдхауза разделял общее стремление, двигавшее людей к новому рассвету.

Его сыну Ульриху было тогда восемь или девять лет. Нужно было дать ему лучшие наставления, чем могла это сделать долина Тоггенбург. Его дядя был старшим священником в Везене, и отец решил отдать сына на его попечение. По дороге в Везен отец с сыном забрались на зеленые вершины Амона, и с этих высот юный Ульрих впервые увидел мир, окружавший родную долину Тоггенбург. На юге поднимались снежные вершины Оберланда. Он мог посмотреть вниз на долину Глаурус, которая должна была стать его первой трудностью; дальше на север шли покрытые лесом вершины Ейнзедельна, а за ними горы, ограждавшие прекрасные воды Цюриха.

Старший священник Везена любил ребенка своего брата, как собственного сына. Он отправил его в местную частную школу. Мальчик обладал сообразительностью

и большими способностями, а запасы учителя были скудны. Вскоре он передал ученику все, что знал сам, и надо было отправлять Цвингли в другую школу. Отец и дядя посоветовались и выбрали школу в Базеле.

Ульрих сменил величественные горы со снежными вершинами на покрытые густым ковром луга, орошаемые Рейном, на тихие холмы со сверкающими елями, окружавшими Базель. Базель был одной из тех точек, на которой восходивший день сосредоточил свои лучи, и откуда они освещали другие страны. Это был центр вселенной. Там имелось много печатных станков, которые выпускали книги античного века. Он начал становиться прибежищем схоластов; и, когда юный ученик вошел в его ворота и стал его жителем, он, несомненно, почувствовал новую атмосферу.

Юному Цвингли повезло с учителем, на чье попечение он попал в Базеле. Григорий Бюнцли, учитель школы св.Феодоры, был человеком мягкого нрава и доброго сердца, и в этом отношении он был очень непохож на обычного педагога шестнадцатого века, который учил с помощью жестких манер, сурового выражения лица и строгой дисциплины, чтобы заставить слушаться своих учеников и внушить им любовь к знаниям. В этом случае принуждения не требовалось. Ученик из Тоггенбурга делал быстрые успехи здесь, как и в Везене. Он особенно блистал в имитирующих дебатах, которыми часто увлекалась молодежь того времени в подражание словесным турнирам старших, и заложил основание той способности к дискуссиям, которой он владел потом на более широкой арене. И опять юный Цвингли, опередив своих одноклассников, стоял на одном уровне с учителем. Было ясно, что надо было искать другую школу для ученика, о котором стоял вопрос, не что он может выучить, а где найти такого профессионала, который бы смог его выучить?

Староста из Вильдхауза и старший священник из Везена опять стали совещаться относительно юного ученика и раннего развития его способностей, которые задали им задачу. Самой знаменитой школой во всей Швейцарии была школа в Берне, где Генрих Вулфлин, иначе Лупулус, преподавал с большим успехом мертвые языки. Туда было решено отправить мальчика. Попрощавшись на время с берегами Рейна, Цвингли вновь пересек Юру, и еще раз приблизился к великолепным горным вершинам, которые были вроде его товарищей с младенчества. Утром и вечером он мог видеть пирамидальные формы Шрехорна и Ейгера, высокий пик Ейстер Архорн и могучие Блумлизские Альпы, а выше их всех Монблан, сверкавший великолепием при заходе солнца, и нессший свет остальным, затерявшимся в темноте.

Но он с головой ушел в школьные занятия. Его учитель в высшей степени достиг совершенства для тех дней. Он путешествовал по Италии и Греции и даже побывал в Сирии и у Гроба Господня. Он не только услаждал свой взор их пейзажем, но и

овладевал давно забытыми языками этих знаменитых стран. Он пил от духа римских и греческих ораторов и поэтов, он передал своим ученикам пыл античной свободы и философии вместе с литературой, в которой они заключались. Способности Цвингли развивались под руководством благожелательного наставника. Лупулус познакомил его с искусством стихосложения по античным образцам. Его поэтическая жилка развивалась, его стиль начал приобретать классическую лаконичность и благородный блеск, который отличал его в последующие годы. Не был позабыт и его музыкальный талант.

Но сам успех молодого ученого, похоже, должен был оборвать его путь, или неизбежно изменить его направление. С его только что начавшими расцветать способностями он находился в опасности исчезнуть в монастыре. Лютер на том же этапе своего пути похоронил себя в келье, и о нем никогда бы не услышали, если бы не поднялась в его груди буря и заставила его покинуть келью. Если Цвингли похоронит себя, как Лютер, будет ли он спасен, как и он? Но как с ним случилась такая опасность?

В Берне, как и везде, доминиканцы и францисканцы яростно конкурировали друг с другом ради общественного признания. Их притязания на покровительство были следующими: впечатляющая церковь, яркие одежды и заманчивые обряды, и если бы к ним они могли прибавить чудотворный образ, их победа была бы обеспечена. Доминиканцы думали, что нашли способ победить своих соперников францисканцев. Они услышали об ученике Лупулуса. У него был красивый голос, он был смышленым, в общем, это было хорошее приобретение для ордена. Если бы они могли причислить его к своим рядам, это бы привлекло толпы в их церковь и дары в их сокровищницу скорее, чем красивый запрестольный образ или новый обряд. Он пригласили его пожить послушником в монастыре.

Новость о том, что доминиканцы из Берна расставляют западню для его сына, дошла до старосты из Вильдхауза. Он представлял, что его сын, как и дядя, будет старшим священником и займет высокое положение в церкви; но надеть монашескую сутану, стать просто подсадной уткой монахов, погрузиться в спектакли было идеей, не нашедшей благосклонности в глазах старосты, было немыслимо. Он сорвал план доминиканцев, отправив распоряжение сыну вернуться домой в Тоггенбург. Рука, которая привела Лютера в монастырь, провела Цвингли мимо него.

Глава 5 - Путь Цвингли к освобождению.

Цвингли возвращается домой. – Едет в Вену. – Учеба и товарищи – Возвращается в Вильдхауз. – Второй раз едет в Базель. – Любовь к музыке – Схоластическая философия – Лео Юд – Вольфган Капито – Эколампадий – Эразм – Томас Виттенбах – Звезды на рассвете – Цвингли становится пастором Гларуса. – Учение и труд среди прихожан – Швейцарцы призываются на борьбу в Италию. – Цвингли едет в Италию. – Уроки

Юный Цвингли немедленно подчинился приказу о возвращении домой; но он уже был не тот, как тогда, когда впервые уехал из родительского дома. Он пока не стал учеником Евангелия, но он стал ученым. Уединение Тоггенбурга потеряло для него очарование, и общество пастухов больше не удовлетворяло его. Он очень хотел иметь друзей близких по духу.

По совету дяди Цвингли затем отправили в Вену, Австрию. Он поступил в высшую школу этого города, которая приобрела широкую известность при императоре Максимилмане I. Здесь он возобновил занятия по римской античности, неожиданно прерванные в Берне, добавив к ним начальный курс философии. Он был не единственным молодым швейцарцем, жившим в этой столице и учившимся в школе старого врага его страны. Иоахим Вадиан, сын богатого купца из Галии; Генрих Лорети, больше известный как Глареан, сын крестьянина из Моллиса; и юноша из Суабиана, Ганс Хейберлин, сын кузнеца, впоследствии называемый Фабером, были в то время товарищами Цвингли по учебе и досугу. Все трое подавали надежды на достижение высокого положения в будущем, и все трое достигли этого; но никто из троих не сослужил миру такой службы и не достиг такой прочной славы, как четвертый, сын пастуха из Тоггенбурга. После двух лет пребывания в Вене Цвингли опять вернулся домой в Тоггенбург в 1502 году.

Но родная долина не могла больше удержать его. Чем чаще он пил из чаши знаний, тем больше ему хотелось пить из нее. Будучи восемнадцати лет он во второй раз отправился в Базель в надежде применить приобретенные знания в этом городе ученых. Он преподавал в школе св.Мартина и учился в университете. Здесь он получил степень магистра искусств. Это звание он принял скорее из уважения к другим, чем из-за значения, которое оно ему давало. Он никогда им не воспользовался и обычно говорил: «У нас один магистр – Христос».

Искренний, открытый и радостный, он собрал вокруг себя большой круг друзей, среди которых был Капито и Лео Юд, который впоследствии стал его коллегой. Его интеллектуальные способности росли с каждым днем. Но это давалось ему без особого труда; он брал лютню или рожок, веселил себя и друзей мелодиями родных

гор; или отправлялся на берег Рейна, или забирался на горы Шварцвальда по ту сторону реки.

Чтобы разнообразить свои труды, Цвингли обратился к схоластической философии. Говоря об этом его периоде, Миконий пишет: «Он изучал философию с большей аккуратностью, чем прежде, и исследовал каждую деталь праздной и мелочной софистики схоласта только с тем намерением, что если когда-нибудь он столкнется с ней лицом к лицу, он мог знать своего врага и бить его собственным оружием». Как тот, кто покидает благодатное поле и переступает границу мрачной пустыни, где не растет ничего полезного для еды и приятного для глаз, так и Цвингли чувствовал то же самое, когда он попал в эту область. Схоластическая философия почиталась несколько веков. Великие умы предыдущих столетий превозносили ее, как совокупность всех премудростей. Цвингли нашел в ней лишь бессодержательность и беспорядок; чем больше он углублялся в нее, тем бесполезнее она становилась. Он бросил ее и с облегчением вернулся к классической философии. Там воздух был свежее, а горизонты шире.

Между 1512 и 1516 годами в Швейцарии жили несколько человек с выдающимися и разнообразными дарами, каждый из которых прославился в великом движении реформации. Давайте назовем их имена. Конечно, не случайно столько много светильников зажглось на швейцарском небе одновременно. Первым идет Лео Юд, он был сыном священника из Эльзаса. Его миниатюрное телосложение и бледное лицо скрывали богатый ум и бесстрашный дух. Он был самым любимым другом Цвингли, и им также владели две основные страсти – любовь к истине и любовь к музыке. Когда работа заканчивалась, эти двое наслаждались пением. Леон пел дискантом и играл на литаврах; для отточенного мастерства Цвингли и его сильного голоса было все равно, на каком инструменте играть и какие партии петь. Между ними установилась дружба, которая продолжалась до смерти. Но вскоре наступил час, который разлучил их, так как Лео Юд был старше Цвингли, и уехал из Базеля, чтобы стать священником в Св.Пилсе в Эльзасе. Но мы увидим, что они вскоре вновь соединились и сражались бок обок со зрелыми силами и оружием, взятым из арсенала Божьего Слова, в великой битве реформации.

Другим из тех замечательных людей, которые съезжались из разных стран в Швейцарию, был Вольфганг Капито. Он родился в Гаугенане, в Германии в 1478 году, и получил звание по трем специальностям – богословию, медицине и юриспруденции. В 1512 году его пригласили быть кюре в кафедральном соборе Базеля. Приняв это предложение, он начал изучать Послание к Римлянам, для того чтобы толковать его своим слушателям, и когда он этим занимался, открылись его собственные глаза на заблуждения римской церкви. К концу 1517 года его взгляды

стали настолько зрелыми, что он не мог больше служить мессу и воздерживался от ее совершения.

Ганс Гаузшайн, что по-немецки значит «свет дома», а по-гречески переводится Эколампадий, родился в 1482 году в Вайнсберге, во Франконии. Его семья, которая переехала из Базеля, была богатой. Он так преуспел в belles lettres, что в возрасте двенадцати лет написал стихи, вызывавшие изумление своей изящностью и страстью. Он ездил за границу изучать юриспруденцию в Болонье и Гейдельберге. В последнем городе он так зарекомендовал себя исключительным поведением и способностью к обучению, что был назначен учителем к сыну курфюрста Палатина Филиппу. В 1514 году он проповедовал в своей стране. Его выступление вызывало аплодисменты слушателей, но которое он сам низко ценил, так как считал, что это была просто мешанина предрассудков. Чувствуя, что его учение не было истинным, он решил изучить греческий язык и иврит, чтобы читать Библию в оригинале. С этой целью он отправился в Штуттгард обучаться под руководством известного ученого Рейхлина, или Капниона. В следующем году (1515) Капито, которого связывали тесные узы дружбы с Эколампадием, ознакомил Кристофера Утенхейма, епископа Базельского, со своими достижениями, и прелат пригласил его стать проповедником в этом городе, где мы с ним потом встретимся.

Примерно в то же время в Базель приехал известный Эразм, привлеченный туда популярностью его печатных станков. Он перевел Новый Завет с греческого языка на латынь с простотой и изяществом, и издал его в этом городе, сопроводив его ясными и разумными комментариями и посвящением Папе Льву X. Это посвящение предназначалось Льву, как представителю рода, давшего многих щедрых покровителей наук, и, в не меньшей степени, как главе церкви. Посвящение датировано 1 февраля 1516 года, и было написано в Базеле. Эразм был рад помощи Эколампадуса в этой работе, великий ученый в своем предисловии выражает признательность богослову.

Мы назовем еще одно светило из созвездия, поднявшегося над тьмой этой страны и над всем христианским миром. Хотя мы упомянули его последним, он появился первым. Томас Виттенбах был родом из Бине в Швейцарии. Он преподавал в Тюбингене и читал лекции в его высшей школе. В 1505 году он приехал в этот город на берегах Рейна, вокруг которого ученые и не менее известные печатники создавали ореол славы. Именно у ног Виттенбаха Ульрих Цвингли в свой второй приезд в Базель познакомился с Лео Юдом. Студент из Тоггенбурга сидел у ног того же учителя, и Виттенбаху было предназначено оказать на него немалое влияние. Виттенбах был учеником Рейхлина, известного гебраиста. Базель уже распахнул двери для изучения греческого и романского языков, но Виттенбах принес туда еще высшую мудрость. Хорошо зная священные языки, он пил из источника

божественных знаний, куда его допустили эти языки. Он утверждал, что было более раннее учение, чем то, которое предлагал людям средневековья Фома Аквинский, более раннее учение даже чем то, которому учил Аристотель народ Греции. Церковь отошла от этого учения, но уже близко время, когда люди вернутся к нему. Это учение можно выразить одним предложением: «Смерть Христа – единственное искупление наших душ». Когда прозвучали эти слова, первые семена новой жизни были посеяны в сердце Цвингли.

Остановимся на минуту; имена, которые мы назвали, были утренними звездами. Конечно, людям, которые тысячу лет жили во тьме, было приятно видеть их свет. Мы можем буквально применить к ним слова великого поэта и назвать их свет «святым, отраслью небесного первенца». Должны были взойти еще большие светила и наполнить сиянием небосвод, на котором эти ранние предвестники дня источали свои прекрасные и долгожданные лучи. Но никогда эти первые чистые светильники не забудутся. Многие имена, которые война окружила ужасным блеском, и которые сейчас привлекают всеобщие взоры, постепенно тускнеют и, наконец, совсем исчезнут. Но история пронесет эти «святые светильники» из столетия в столетие и сохранит их свет в веках; когда день мира будет навсегда долгим и ярким, то звезды, появившиеся на рассвете, никогда не перестанут светить.

Мы видели, что семя было посеяно в сердце Цвингли; открылась дверь, через которую он вышел в поле, где ему предстоял великий труд. При таком стечении обстоятельств умер пастор Гларуса. Папа назначил своего конюшего Генриха Голдли на вакантное место, так как пустяковая должность по другую сторону Альп должна быть занята. Если бы это был конюх для их лошадей, то пастухи Гларуса с благодарностью приняли бы папского кандидата, но им нужен был учитель для них самих и их детей. Услышав о репутации сына старосты Вильхауза, они отослали конюшего исполнять свои обязанности в конюшне понтифика и пригласили Ульриха Цвингли стать их пастором. После того как он принял приглашение и был возведен в духовный сан в Констанце в 1506 году в возрасте двадцати двух лет, он приехал в Гларус, чтобы начать работу. Его паства охватывала почти треть кантона.

«Он стал священником – пишет Миконий – и отдался всей душою изучению божественной истины, так как он хорошо понимал, как много должен знать тот, кому Христос доверил свое стадо. Однако он более рьяно изучал античную классику, чем Священное Писание. Он читал Демосфена и Цицерона, чтобы овладеть ораторским искусством. Он очень стремился приобрести силу красноречия. Он знал о том, чего она достигла в городах Греции, и что она подняла их против тирании и отстояла их права; могла бы она достичь таких же больших результатов в долинах Швейцарии? Он был хорошо знаком с Цезарем, Ливием, Тацитом и другими великими писателями Рима. Он называл Сенеку «святым человеком». Прекрасное дарование,

высота души и любовь к родине, качества которые отличали великих людей языческого мира, он приписывал влиянию Святого Духа. Он утверждал, что Бог не ограничивает Свое влияние Палестиной, но охватывает весь мир. «Если бы два Като – писал он – не были бы истинно верующими, могли ли они быть столь благородными?»

Он основал в Гларусе школу латыни и взял управление ею в свои руки. Он собрал в ней молодежь лучших семейств своего обширного прихода, и приобщал их к наукам и высоким целям. Как только его ученики достигали зрелого возраста, он отправлял их в Венский университет, ректором которого был друг его юности Вадеан, или в Базель, где Клареан, другой из его друзей, открыл семинарию для молодых людей. До его приезда жителей Гларуса отличала распущенность нравов, соединенная с воинственным духом, приобретенным во время бургундских и швабских войн. А сейчас они начали отличаться необычной чистотой нравов, и многие взоры обратились к новому свету, неожиданно загоревшемуся в мрачной долине среди Альп.

Наступил перерыв в изучении классиков и пасторской работе. Тогдашний Папа Юлий II воевал с французским королем Луи XII, и швейцарцы переходили через Альпы, чтобы сражаться за «церковь». Мужчины Гларуса во главе с главным епископом в шлеме и кольчуге, подчинившись призыву воинственного понтифика, шли маршем навстречу французам на равнинах Италии. Молодой священник Ульрих Цвингли был обязан сопровождать их. Лишь немногие вернулись, а те, кто вернулся, принесли с собой пороки, которым они научились в Италии, распространяя праздность, распутство и попрошайничество у себя на родине. Швейцария скатывалась в пропасть. Глаза Ульриха начали открываться и видеть причину, вызвавшую столько много бед в его стране. Он начал лучше присматриваться к папской системе и думать, как отвратить крах, который, в основном из-за интриг римской церкви, навис над независимостью и нравственностью швейцарцев. Он возобновил занятия. Единственный луч света пробил себе дорогу в его мышление, как мы уже писали. Он оказался лучше всей мудрости, которую он приобрел в результате напряженного изучения античности, будь то классические авторы, которыми он восторгался, или схоластические богословы, которых он не очень уважал. Вернувшись из мест кровавых побоищ и разгульной жизни, которые он видел к югу от Альп, он возобновил изучение греческого языка, чтобы иметь свободный доступ к божественному источнику, из которого, как он понимал, пришел этот единственный луч.

Это был знаменательный момент в судьбе Цвингли, его родной Швейцарии и, в не меньшей степени, Церкви Божьей. Молодой священник из Гларуса поставил себя в присутствие Слова Божьего. Если он подчинит свое мышление и откроет сердце

его влиянию, все будет хорошо; но, если, оскорбленный его учением, такого смиренного для гордого ума, и такого неприятного для невозрожденного сердца, он отвернется, то его положение будет безнадежным. Он склонился перед Аристотелем, склонится ли он перед Тем, Кто был выше и говорил через слово?

Глава 6 - Цвингли в присутствии Библии.

Цвингли полностью подчиняется Писанию. – Библия – его главный авторитет. – Более широкий принцип, чем у Лютера – Его второй канон – Святой Дух – великий истолкователь. – Использование св.отцов – Свет – Реформа Швейцарии представляет новый тип реформации. – Немецкая протестантская догматика – Швейцарский тип протестантизма – Двойственность ложной религии христианства – Встречена двойственностью протестантизма. – Место разума и Писания

Самая большая особенность Цвингли, в которой он никому не уступает из реформаторов – это его глубокое почитание Слова Божьего. После нашего Виклиффа не было никого, кто бы так основательно изучал его. Когда он пришел к Библии, то пришел к Божьему откровению с полным осознанием всего того, что предполагает такое признание, и готов был на деле следовать во всем ему. Он признавал Библию, как первоначальный авторитет, непогрешимый закон в противоречие церкви и традициям, с одной стороны, и субъективизму и спиритуализму с другой. Это было великим и отличительным принципом Цвингли и реформации, основанной им – единственный и непогрешимый авторитет Священного Писания. Это более важный и глубокий принцип, чем у Лютера. Он стоит перед ним в логической последовательности и более полный по своему диапазону; так как догмат Лютера о том, стоять ли или падать церкви, «об оправдании только по вере», надо связывать с принципом Цвингли, и он должен выстоять или пасть согласно ему. Является ли оправдание грешников частью Божьего откровения? Нужно сначала решить этот вопрос, прежде чем принять само учение. Следовательно, единственный непогрешимый авторитет Библии является первым из всех богословских принципов, будучи базисом, на котором стоят все остальные.

Это был первый принцип Цвингли, а какой был второй? Приняв божественную власть, он принял и божественного истолкователя. Он чувствовал, что мало будет пользы, если Бог будет говорить, а человек авторитетно истолковывать. Он верил, что Библия свидетельствует сама о себе, и что истинное значение дается через ее свет. Он всячески пытался постичь ее смысл полностью и безошибочно, он изучал языки, на которых она была написана; он читал комментарии знающих и благочестивых людей; но он не признавал, что какой-нибудь человек или собрание людей имеют особую и исключительную способность понимать смысл Писания и авторитетно заявлять об этом. Дух, который вдохновил его, заявлял он, откроет его любому ревностному и верующему читателю.

Это была исходная позиция Ульриха Цвингли. «Писание исходит от Бога, - писал он – не от человека, и освещающий его Бог даст тебе понимание слова, исходящего от Него. Слово Божье…не подведет, оно ясно, оно само учит, оно само раскрывается,

оно озаряет душу спасением и благодатью, успокаивает ее в Боге, смиряет ее, так что она сдается и принимает в себя Бога». Такое влияние Библии Цвингли испытал на себе. Он с энтузиазмом изучал мудрость древних; он тщательно просмотрел много страниц богословов-схоластов, пока он не пришел к Священному Писанию и не нашел знания, которые смогли разрешить его сомнения и утолить его сердце. «Когда семь или восемь лет назад, – писал он в 1522 году – я всецело начал предаваться Священному Писанию, философия и схоластика не переставали предлагать мне спорные вопросы. Наконец, я подумал: «Ты должен допустить, что это все является ложью, и познавать истину Божью исключительно из Его простого Слова. Тогда я начал просить у Бога Его света, и Писание стало для меня намного легче, хотя я просто лентяй».

Так Цвингли был научен Библией. Он не отрицал ранних богословов и отцов церкви, хотя пока не начал их изучать. Он даже имени Лютера не слышал. Кальвин в то время был еще мальчиком, собиравшимся пойти в школу. Не было слышно, что свет из Виттенберга или Женевы осветил пастора из Гларуса, так как эти города сами были еще в ночи. День засиял над ним прямо с небес. Он засиял не сразу; он начался с рассвета, и продолжал увеличиваться постепенно от одного трудолюбивого года до другого. Наконец, он достиг своего зенита; и тогда ни один из величайших умов шестнадцатого века не превзошел реформатора из Швейцарии в простоте, гармонии и ясности знаний.

В Ульрихе Цвингли и швейцарской реформации мы знакомимся с новым типом протестантизма, отличным от того, который мы видели в Виттенберге. Реформация была одинаковой во всех странах, куда она дошла; одинаковой в странах, принявших ее, и странах, ее отвергших, но главным и формирующим принципом в Германии было одно учение, а в Швейцарии другое, и поэтому случилось так, что этот внешний аспект стад двойным. Можно сказать, что он был догматическим в одной стране и обычным в другой.

Двойственность была неизбежным результатом состояния мира. В христианстве того времени было два больших течения мысли – суеверия или самоправедности, и схоластическое или рационалистическое течение. Оба они были превращены в схему, по которой человек мог спастись. Со стороны самоправедности человеку давалась система похвальных дел, наказаний, плат и индульгенций, с помощью которых он мог искупить грехи и заработать рай. Со стороны схоластики ему давалась система правил и законов, с помощью которых он мог узнать истину, стать духовно просвещенным и достойным божественного благоволения. Было два больших течения, на которые разделился мощный поток человеческих пороков.

Лютер начал реформацию, объявив войну принципу самоправедности, Цвингли, с другой стороны, начал с того, что бросил вызов схоластическому богословию.

Главным или доминирующим принципом Лютера было оправдание только по вере, с помощью которого он ниспроверг монашескую систему человеческих заслуг. Главным принципом Цвингли был «единственный авторитет Слова Божьего», с помощью которого он лишил интеллект превосходства, которое ему приписывали схоласты, и вернул понимание и осознание божественного откровения. Это представляет существенное отличие между немецкой и швейцарской реформациями. Это различие не в существе или характере, а в форме, и выросло из взглядов христианского мира того времени и обстоятельств, при которых в одной части Европы преобладало суеверие, принявшее в основном, но не исключительно, монашескую форму, а в другой схоластическую форму. Этот аспект, оставивший свой отпечаток на немецкой и швейцарской реформации, продолжал оставаться в большей или меньшей степени все время.

Цвингли и не думал, что он бесчестит разум, отводя ему правильное место и служение относительно откровения. Если мы вообще принимаем откровение, то разум говорит, что мы должны принимать его полностью. Сказать, что мы принимаем помощь Библии только там, где нам не нужно ее руководство; что мы будем слушать ее учение только в том, что мы уже знаем или можем узнать, усердно ища; что она должна молчать обо всех тайнах, которые наш разум не раскрыл или не смог раскрыть нам, и которые, когда они раскрыты, он не может полностью объяснить, это значит делать наш разум ничтожным под предлогом его почитания. Так как, несомненно, неразумно предполагать, что Бог сообщил нам особое послание, и нам не надо ничего раскрывать, кроме того, что мы уже знаем, или можем узнать, используя данные Им способности. Разум просит нас ждать по Божьему откровению посланий, не противоречащих ему, но превосходящих его; но, если мы отвергаем Библию из-за того, что она содержит такие послания, или отвергаем те ее отрывки, в которых содержатся такие послания, мы поступаем неразумно. Мы бесчестим свой разум. Мы делаем это доказательством лживости Библии, что является одним из веских доказательств ее истины. Авторитет Библии был фундаментальным принципом реформации Цвингли.

Глава 7 - Ейзидельн и Цюрих.

Посещение Эразма – Швейцарцы сражаются за Папу. – Цвингли сопровождает их. – Мариньяно – Его уроки – Цвингли приглашают в Ейзидельн. – Месторасположение – Управляющий и аббат – Статуя – Паломники – Ежегодный праздник – Проповедь Цвингли – Оплот тьмы превращается в маяк. – Цвингли вызывают в Цюрих. – Город и озеро – Первое появление Цвингли за кафедрой. – Его два главных принципа – Результат его проповедей – Его кафедра – источник народного преобразования.

Два путешествия, предпринятые Цвингли в то время, подействовали на него. Одно было в Базель, где жил Эразм. Посещение короля схоластов принесло ему как удовольствие, так и пользу. По возвращении из Базеля он с большим рвением продолжил изучение священных языков, и с большей жаждой продолжал знакомиться со знаниями, связанными с этими языками.

Другое путешествие было другого характера и в другом направлении. Умер король Франции Луи XII; Юлий II из Рима также пошел держать ответ; и войну, которую вели эти два правителя, они оставили в наследство своим преемникам. Франциск I подхватил ссору и помчался в Италию, а Папа Лев X призвал швейцарцев бороться за церковь, которой угрожали французы. Вдохновленные красноречием своего воинственного кардинала, Матфея Шиннера, епископа Сиона, и еще больше золотом Рима, смелые горцы устремились через Альпы защищать «святого отца». Пастор Гларуса пошел с ними в Италию, где один день его можно было видеть, выступающим с речью перед строем своих соотечественников, а в другой день сражающимся со шпагой в руке бок обок с ними на поле битвы; смешение духовных и военных обязанностей было менее противно представлениям того времени, чем современным. Но швейцарцы зря проливали свою кровь. Победа, которую французы одержали при Мариньяно, вселила ужас в Ватикан, наполнила долины Швейцарии вдовами и сиротами, и принесла молодому монарху Франции славу оружия, которую ему было предназначено потерять так же неожиданно, как он ее приобрел, на роковом поле Павия.

Но, если у Швейцарии была причина долго помнить о битве при Мариньяно, в которой пали многие ее сыны, то это несчастье в будущем превратилось для нее в благословение. Во время визита в Италию Ульриху Цвингли пришли мысли, плоды которых он получил по возвращении. Он понял, что в Риме процветало честолюбие, алчность, гордость и роскошь. Он думал, что они не имели никакой ценности, чтобы питать их кровью швейцарцев. Какая глупость! Какое преступление принуждать идти через Альпы цвет молодежи Швейцарии, и убивать их в таком деле! Он решил сделать все возможное, чтобы остановить поток крови соотечественников. Он

чувствовал сильнее, чем раньше, необходимость реформации, и начал еще более усердно наставлять прихожан в учении Священного Писания.

Он был занят изучением Библии и сообщал время от времени своим прихожанам, что он открыл в ней, когда его пригласили стать проповедником в монастыре Эйнзидельна в 1516 году. Теобальд, барон Жерольдс-Эка, был распорядителем этого аббатства и сеньором этого края. Он был поклонником наук и образованных людей, и больше всего тех, кто кроме знаний имел праведность. От него исходил призыв, обращенный к пастору Гларуса, вызванный дошедшей до него молвой об усердии и способностях Цвингли. Его аббатом был Конрад де Рехенберг, человек знатного происхождения, которого смущали суеверные обряды церкви, в сердце он не испытывал большой любви к мессе, и, фактически, прекратил ее служение. Однажды, когда какие-то посетители настаивали на ее совершении, он сказал: «Если Иисус Христос – поистине в причастном хлебе, то я недостоин предлагать Его в жертву Отцу; а, если Его нет в хлебе, то я еще более несчастлив, ибо должен заставлять людей поклоняться хлебу вместо Бога».

Должен ли он был оставлять Гларус, чтобы похоронить себя на вершине одинокой горы? Этот вопрос ставил Цвингли перед собой. Он мог, как он думал, с таким же успехом лечь сейчас в могилу; и, однако, если он примет предложение, это не будет могилой, в которой он скроется. Это было знаменитое прибежище паломников, в котором он сможет продолжить великий труд по просвещению соотечественников. Поэтому он решил воспользоваться этой возможностью для продолжения служения на новом и важном поприще.

Монастырь Эйзидельна был расположен на небольшой горе между озером Цюрих и Валенштадтом. Он славился как место поклонения Деве Марии. «Оно было самым почитаемым – пишет Гердезий – во всей Швейцарии и Верхней Германии». Надпись над входом гласила, что здесь можно получить «полное отпущение грехов»; более того, и это была основная приманка, там сделали из камня образ Девы, которому приписывалась сила совершать чудеса. Отдельные группы паломников приходили в Эйзидельн в любое время года, но когда наступал ежегодный праздник «Освящения» тысячи паломников сходились сюда к знаменитой святыне изо всех уголков Швейцарии и более отдаленных мест Франции и Германии. В это время долина у подножья горы становилась многолюдной, как город; и весь день длинные вереницы паломников взбирались на гору, неся в одной руке свечи, чтобы зажечь их в честь «св.Девы Эйзидельна», а в другой деньги, чтобы купить индульгенции, продававшиеся на месте ее поклонения. Цвингли был глубоко взволнован, видя это. Он встал перед этим огромным стечением людей из разных мест христианского мира и смело провозгласил, что они напрасно проделали столь долгий путь, что они не стали ближе к Богу, который слышит их молитвы и на вершине этой горы, и в

долине, и что место в окрестностях часовни Эйзидельна не святее, чем в их молитвенных комнатах; что они тратят «деньги не на хлеб и труд не на то, что приносит пользу», и что не одежда паломника, а сокрушенное сердце угодно Богу. Цвингли не довольствовался простым обличением раболепного суеверия и бесполезных обрядов, которыми народ, пришедший на этот большой праздник в Эйзидельн, подменял любовь к Богу и жизнь в святости. Он проповедовал им Евангелие. Он жалел тех, кто пришел в поисках успокоения своей души. Он рассказывал им о Христе и Его распятии. Он говорил им, что Христос – единственный Спаситель; что Его смерть полностью искупила грехи людей; что его жертва действительна во все века и во всех народах, что не надо взбираться на гору, чтобы получить прощение; что Евангелие предлагает через Христа прощение даром. Стоило придти с края земли, чтобы услышать эту «благую весть». Однако были и такие в толпе паломников, которые не могли принять «благую весть». Они прошли долгий путь, и им неприятного было слышать в его конце, что им не надо было так трудиться, а лучше остаться дома. Более того, казалось, что прощение слишком мало стоило. Они лучше пойдут старой дорогой к раю через наказания, посты, милостыню и отпущение грехов церковью, чем поверят в столь сомнительное спасение. Для этих людей учение Цвингли казалось богохульством на Деву в ее новой часовне.

Но были и другие, для кого слова проповедника уподоблялись «прохладной воде» для жаждущего. Они исследовали дела самоправедности и нашли их бесполезными. Разве они не постились и не бодрствовали, пока не превратились в скелетов? Разве они не бичевали себя до крови? Но мир не наступал, жало обличавшей совести не было удалено. Они были готовы воспринимать слова Цвингли. Божественное действие, казалось, сопровождало его слова во многих случаях. Они нашли единственный путь, на котором они надеялись обрести вечную жизнь, и, вернувшись домой, они принесли необычную, но желанную весть, услышанную ими. Случилось так, что главный оплот тьмы во всей Швейцарии превратился в центр реформаторского света. «Прозвучала труба», и «взвилось знамя» на вершинах гор.

Цвингли продолжал свое дело. Исхоженными тропами паломников перестали пользоваться, место поклонения было оставлено, сократилось число приверженцев, а также и доходы священника Эйзидельна. Цвингли был далек от того, чтобы горевать о лишении средств к существованию, но радовался о том, что его труд дал плоды. Папские власти не чинили ему препятствий, хотя они, однако, не могли не закрыть глаза на то, что происходило. Римской церкви нужны были шпаги кантонов. Она знала о том влиянии, которое Цвингли оказывал на своих соотечественников, она думала, что завладев им, она завладеет и ими; но ее благосклонность и лесть, передаваемые через главного епископа Сиона и папского легата, были абсолютно

бесполезны для того, чтобы свернуть его со своего пути. Он продолжал свое служение с заметным успехом, прожив в этом месте три года.

Такими событиями Цвингли постепенно готовился к началу реформации в Швейцарии. Должность проповедника в каноническом колледже, основанном Карлом Великим в Цюрихе, было свободно в то время, и 11 декабря 1518 года Цвингли был избран на эту должность большинством голосов.

«Учреждение», в которое был принят Цвингли, было ограничено восемнадцатью сотрудниками. Согласно выражениям указа Карла Великого они должны были «служить Богу хвалой и молитвой, снабжать христиан в горах и долинах различными способами поклонения, и, наконец, осуществлять руководство над католической школой», которая по имени основателя была названа школой Карла. Гросс Мюнстер, как и большинство других церковных заведений, быстро деградировал и прекратил выполнять задачу, ради которой он был создан. Его каноники, проводя время в праздности и развлечениях, в соколиной охоте и охоте на кабанов, назначали священника с небольшим жалованием и с перспективой стать каноником, чтобы совершать богослужения. Такая должность была предназначена для Цвингли. Во времена его избрания в Гросс Мюнстере было двадцать четыре каноника и тридцать шесть капелланов. Феликс Хаммерлинг, регент хора этого учреждения, так говорил о нем в первой половине пятнадцатого века: «Кузнец может из старых подков выбрать одно и сделать его пригодным, но я не знаю ни одного кузнеца, который бы из всех канoников мог выбрать одного хорошего». Наверняка среди этих канoников были люди и с другим духом во времена избрания Цвингли, иначе священник из Эйнзидельна никогда бы не был избран проповедником собора Цюриха.

Цюрих уютно расположен на берегах озера с тем же названием. Это внушительное пространство воды, заключенное между берегами, которые постепенно поднимаются вверх, покрытые то виноградниками, то сосновыми лесами, среди которых выглядывают и оживляют картину деревни и белые усадьбы, в то время как на горизонте ледники сходятся с золотистыми облаками. Справа область была окружена скалистым валом Альбисских Альп. Но горы отступали от берега и, позволяя свету свободно изливаться на гладь озера и на широкий размах его прекрасных плодородных берегов, придавали свежесть и легкость панораме, видимой из города, которая резко контрастировала с соседним озером Цуг, где тихие воды и сонные берега постоянно были окутаны тенью высоких гор.

Цюрих был в то время главным городом швейцарской конфедерации. Каждое слово, сказанное здесь, имело двойную силу. Если в Эйнзидельне Цвингли смело выступал против суеверия и самоотверженно проповедовал Евангелие, и вероятно он должен был проявить не меньшую отвагу и красноречие, когда он стоял в центре

Гельвеции и обращался ко всем ее кантонам. В первый раз он появился за кафедрой собора Цюриха 1 января 1519 года. По исключительному совпадению ему в этот день исполнилось тридцать пять лет. Он был среднего роста, с проницательными глазами, заостренными чертами лица и чистым звонким голосом. Собралось много народа, так как слава шла впереди него. Не столько его известное красноречие привлекло такое множество людей, включая тех, кто перестал ходить на служения, как сомнительная популярность, так тогда считали, проповеди нового Евангелия. Он открыл службу с чтения Нового Завета, первой главы Евангелия от Матфея, и продолжал толкование Евангелия в следующие воскресенья, пока не дошел до конца книги. Жизнь, чудеса, учения и страдания Христа были умело и убедительно развернуты перед слушателями.

Двумя основными принципами его проповеди в Цюрихе, как в Гларусе, так и Эйнзидельне, были – Слово Божие является единственным непогрешимым авторитетом, и смерть Христа является единственным совершенным искуплением. Сделав эти два принципа главными, его выступление коснулось широкого круга вопросов в соответствии с его собственным духом, состоянием его слушателей, возможными опасностями и обязательствами его страны. Под ним на каждой скамье тесно сидели люди всей званий и сословий – государственные деятели, бургомистры, каноники, священники, схоласты, купцы и ремесленники. Как спокойная поверхность океана отражает солнце, висящее над ним, так и ряды, обращенных вверх лиц, реагировали на разные эмоции, исходившие с кафедры собора Цюриха. Разве проповедник ради своего удовольствия говорил простыми, ясными и, однако, убедительными словами – словами, ясность которых поражала слушателей, как будто они были сказаны невеждам – о «спасении даром», и публика наклонялась вперед и ловила каждое слово. Совсем нет; так как среди слушателей Цвингли были те, кто поддержал его избрание, и которые понимали, что если его учение будет принято, оно перевернет весь мир вверх ногами. Папы должны будут снять тиару, а известные богословы и руководители школ должны будут сложить свой скипетр.

Отважный проповедник сменил тему, и, в то время как огонь в глазах и суровость голоса показали негодование его духа, он обличал гордость и роскошь, разлагавших давние нравы и ослаблявших силу добродетели древних. Чем выше благочестие у домашнего очага, тем больше смелости на поле сражения. Посмотрев за границу и указав на тиранию, процветавшую к югу от Альп, он обличил еще более едкими словами лицемерное честолюбие, которое ради своего роста, раздирало их страну на части, тащила их сыновей поливать чужие земли своей кровью, и выкапывать могилу для своей нравственности и независимости. Их предки сбросили ярмо Австрии, им осталось сбросить еще более тяжелое ярмо Пап. Эти призывы не остались без ответа. Патриотизм Цвингли, зажженный у алтаря и горевший святым

и страстным огнем, зажег души соотечественников. Нахмуренные брови и горящие глаза слушателей свидетельствовали о том, что его слова находили отклик, и что он разбудил героический дух, который отцы этих людей проявляли на легендарных полях Мортгардена и Земпаха.

Было очевидно, что в центре Швейцарии забил источник новой жизни. Цвингли стал регенератором нации. Из недели в неделю новые и свежие идеи распространялись из собора не только по всему Цюриху, но и по всем кантонам. Простота и отвага древних швейцарцев, исчезавшая под пороками римской церкви и разлагавшего действия французского золота, начали опять расцветать. «Вся слава Богу!» - было слышно, как люди говорили друг другу, когда они возвращались из собора после проповеди Цвингли, пишет Буллингер в своих хрониках, «этот человек – проповедник истины. Он будет нашим Моисеем и выведет нас из египетской тьмы».

Глава 8 - Торговец индульгенциями и чума.

Два воззвания – Прощение за деньги и прощение по благодати – Одновременно две проповеди – В Швейцарию посылают Самсона. – Переходит через св.Готард. – Прибывает в Ури. – Навещает Швица. – Цуг – Берн – Общее освобождение от чистилища – Баден – Ecco volant! – Цюрих – Самсону отказывают во въезде. – Возвращается в Рим. – Страшная смерть – Опустошение – Цвингли поражен. – На грани смерти – Гимн – Выздоровел. – План «Божьего наказания».

Поучительно отметить, что в тот самый момент, когда римская церковь готовилась открыть новый рынок по продаже отпущения грехов в христианском мире, восставали многие проповедники то в одной, то в другой стране, без всякой согласованности и предварительной подготовки, начав проповедовать раннее Евангелие, которое дает прощение даром. Как мы видим, 1517 год был началом обоих движений. В этом году римская церковь собрала своих торговцев, отпечатала индульгенции, установила прейскурант на грехи и расширила сундуки для стекания в них золотого потока. Горе народам, великая колдунья готовит новые чары! И оковы, сковывавшие ее жертвы, должны быть укреплены.

Но Рим не знал, что в тот самый час несколько ревностных учеников, разбросанных по всему христианскому миру, сосредоточенно изучали Писание и горячо молили Бога послать им Свой свет для его понимания. И молитва была услышана. С небес пролился яркий свет на страницы, которые они изучали. Их глаза открылись, они увидели все – крест, совершенную и непреходящую жертву за грех – и в радости, не способные молчать, они побежали к гибнущим народам земли сказать, что «им родился Спаситель, Господь Иисус Христос».

«Некоторые историки отмечают, - пишет Рюхат – что в этом году, 1517, в Риме было предзнаменование большой катастрофы, угрожавшей «святому престолу». Когда Папа занимался избранием тридцати одного новых кардиналов, разразилась страшная гроза. Слышались громкие раскаты грома и блистали ужасные молнии. Одна молния ударила в ангела на вершине собора св.Анджело и сбросила его; другая ударила в находившуюся в храме скульптуру младенца Иисуса на руках Своей матери; а третья выбила ключи из рук статуи апостола Петра». Однако и без этого был очевиден более верный знак того, что престол, перед которым так долго склонялись народы, терял свое влияние, и из его рук забирались ключи. Поднимались многие евангелисты, которые были полны знаний и отваги, чтобы распространять Евангелие, о котором было сказано, что оно, как молния освятит все от востока до запада.

Мы уже видели, что в Германии одновременно было две проповеди – прощение за деньги и прощение по благодати. Эти же проповеди были почти в одно и то же время и в Швейцарии.

Продажа индульгенций в Германии была отдана доминиканцам, а в Швейцарии францисканцам. Папа назначил кардинала Кристофера Форли, генерала ордена, главой двадцати пяти провинций, а кардинал передал Швейцарию францисканцу Бернардину Самсону, настоятелю монастыря в Милане. Самсон уже торговал при двух Папах, с большой выгодой для тех, кто нанимал его. Говорили, что он переправил через Альпы из Германии и Швейцарии сундуки полные золотых и серебряных сосудов, кроме того, что он собрал деньгами за восемнадцать лет суммой не менее восьмисот тысяч долларов. Таково было прошлое человека, который сейчас пересекал швейцарскую границу с поручением продавать папские индульгенции и отсылать деньги тем, кто его послал, как он думал, но на самом деле зажечь огонь в Альпах, который дойдет до Рима и сильнее сокрушит «святой престол», чем молния, которая слегка его коснулась и выбила ключи из рук статуи св.Петра.

«Он выполнял свою миссию в Гельвеции с не меньшей наглостью, - пишет Гердезий – чем Тетцель в Германии». Прокладывая себе дорогу через снега св.Готарда (в 1518 году), и спустившись по реке Ройз, он со своим отрядом прибыл в кантон Ури. Так как нескольких дней было достаточно, чтобы ограбить простодушных горцев, алчный отряд отправился в Швиц, чтобы открыть там продажу своего товара. Цвингли, который был тогда в Эйнзидельне, услышав о монахе и его миссии, противостал ему. В результате Самсон был вынужден свернуть лагерь, и из Швица ушел в Цуг. На берегах этого озера, над которыми постоянно нависала тень высоких гор Россберга и Риги Кульма, и еще более темный покров суеверия римской церкви, Самсон установил помост и разложил свой товар. Из небольших городов хлынули такие толпы народа, что почти свернули всю торговлю, и Самсон был вынужден просить, чтобы пропускали тех, у кого были деньги, пообещав потом рассмотреть вопрос с теми, у которых их не было. Закончив в Цуге, он отправился в Оберланд, забрав золотые и серебряные монеты крестьян и дав им взамен папские индульгенции. Этот человек и его компаньоны раздобрели на этом деле; так как, когда они переходили св.Готард, худые, изможденные, в лохмотьях, они были похожи на бандитов, а теперь они были в теле и элегантно одетые. Направив свой путь в Берн, Самсон испытывал трудность с признанием себя и своего товара в этом богатом городе. Однако небольшие переговоры с местными друзьями открыли его ворота. Он проследовал в кафедральный собор, который был увешан знаменами, на которых папский герб был изображен вместе с гербами кантонов, и там он отслужил мессу с большой помпой. Толпы зрителей и покупателей наполнили собор. Индульгенции были двух видов, одни на пергаменте, а другие на бумаге.

Первые предназначались для богатых и стоили один доллар. Другие были для бедных, и продавались по одному бацену за штуку. У него был также и третий вариант, за который он брал значительно бо;льшую сумму. Дворянин из Орби, по имени Арне, заплатил за такую индульгенцию 500 долларов. Бернский офицер, Якоб фон Штейн, обменял серую в яблоках кобылу, на которой приехал, на индульгенцию Самсона. Она была дана для него самого, его отряда из 500 человек, всех вассалов феодального владения Белпа, и поэтому может считаться дешевой, хотя животное было отличным. Не должно оставить без внимания похвального действия монаха в этой местности. Небольшой город Аарберг, в трех лье от Берна, был несколько лет назад разрушен пожаром и наводнениями. Благочестивых людей научили верить, что эти беды обрушились на них из-за оскорбления, нанесенного ими папскому нунцию. Нунций, чтобы наказать за оскорбление, полученное от них, согласно церкви, чьим слугой он был, отлучил и проклял их, и угрожал похоронить их деревню на глубине семи саженей. Они умоляли Самсона снять с них проклятие, которое уже принесло им много горя, и самое ужасное из которых еще ожидало их. Дворяне Берна ходатайствовали за бедняков. Добрый монах был полон сочувствия. Он предоставил, конечно, не без определенной суммы денег, полное отпущение грехов, которое снимало отлучение нунция и давало спать жителям спокойно. Помогла ли индульгенция Самсона, мы не можем сказать, но неоспоримым фактом является то, что городок Ааберг до сего дня стоит на земле. В Берне монах был так доволен своим успехом, что ознаменовал свой отъезд необыкновенно щедрым поступком. Колокола звонили по случаю его отъезда, когда Самсон поставил всех в известность, что он «освободил от мучений чистилища и ада все души умерших жителей Берна, независимо от того, как и где они умерли». Сколько бы денег сэкономили жители Берна, если бы он объявил об этом в первый день приезда! В Берне Лупулус, бывший схоласт, а теперь каноник, с которым мы уже встречались, как с одним из учителей Цвингли, был переводчиком Самсона. «Когда волк и лиса рыскают вместе в поисках добычи, – писал один из каноников настоятелю кафедрального собора де Ваттвиллю – самым безопасным для Вас, милостивый господин, будет закрыть ваших овец и гусей». Такие замечания Самсон принимал с исключительным благодушием, так как они не причиняли вреда и не портили его рынка.

Из Берна Самсон поехал в Баден. Епископ Констанца, в чей диоцез входил Баден, запретил его духовенству допускать торговца индульгенциями на свои кафедры, но не из-за того, что он не одобрял эту торговлю, а потому что Самсон не спросил его разрешения въехать в его диоцез, и не получил его одобрения на свою деятельность. Однако у кюре Бадена не хватило смелости закрыть вход на свою кафедру перед лицом папского уполномоченного.

После непродолжительной торговли в течение нескольких дней монах ознаменовал свой отъезд милосердным поступком сходным с тем, каким он завершил пребывание в Берне. После мессы он организовал процессию, поставив себя во главе ее, обошел церковный двор, читая вместе со всеми молитвы об упокоении. Вдруг он остановился, пристально посмотрел на небо, и после минутной паузы прокричал: «Ecce volant!» - «Посмотрите, как они летят!» Это – души вырываются из открытых ворот чистилища и летят в рай. Одному присутствующему шутнику пришло в голову, что он может практически прокомментировать полет душ в небе. Он взобрался на вершину шпиля, прихватив с собой сумку с перьями и начал бросать их в воздух. Когда перья опускались как снежинки на Самсона и окружающих, этот человек кричал: “Ecce volant!” – «Посмотрите, как они летят!» Монах пришел в ярость. Было невыносимо терпеть такое злостное искажение милости святой церкви. Он заявил, что такое ужасное опошление института индульгенций заслуживает только сожжения. Но горожане успокаивали его, говоря, что рассудок этого человека временами не в порядке. Если бы было можно, люди бы подняли на смех Самсона, который уехал из Бадена несколько удрученным.

Самсон продолжал путешествие и постепенно приближался к Цюриху. На каждом шагу он раздавал индульгенции, но их запас почти не истощился, по сравнению с тем, который был при переходе через Альпы. По дороге туда ему сказали, что Цвингли обрушивается на него с кафедры собора. Тем не менее, он продолжал свой путь. Он скоро заставит замолчать этого проповедника. По мере того, как он приближался, Цвингли становился смелее и выражался яснее. «Только Бог может прощать, - говорил проповедник с серьезностью, приводившей слушателей в трепет – никто на земле не может отпускать грехи. Вы можете покупать бумажки у этого человека, но будьте уверены, что вы не прощены. Тот, кто продает индульгенции, является магом, как Симон Маг, лжепророком, как Валаам, послом правителя преисподней, так как к ее зловещему входу, а не к вратам рая ведут индульгенции».

Когда Самсон пришел к Цюриху, его ворота были закрыты, и его ждала традиционная чаша вина, намек на то, что его вход нежелателен. Так как он выдумал, что везет особое послание Папы к сейму, его пустили в город. При встрече выяснилось, что он забыл послание, причина была веской, так как он никогда его не получал. Он с позором был выгнан, успев продать всего одну индульгенцию в Цюрихе. Вскоре после этого он опять пересек Альпы, протащив через их кручи повозку полную монет, плод его грабежа, и вернулся к своим хозяевам в Италию.

Вскоре после него в Швейцарии появился еще один гость, посланный Богом очистить и вдохновить это движение – посеять добрые семена в почву, которую вспахал и взрыхлил Цвингли. Этим гостем была чума или «Страшная смерть». Она

разразилась в августе того же 1519 года. Она шла из долины в долину, неся ужасное опустошение, и люди поняли, каким обманом были индульгенции, которые они тысячами покупали. Она пришла в Цюрих, и Цвингли, который был на водах в Пфефферсе, поправляя здоровье после утомительных летних трудов, поспешил назад к своей пастве. Он часами сидел у постелей больных и умирающих. Вокруг него падали друзья и знакомые, сраженные этим губителем. До этого он избегал его стрел, но теперь и он был атакован. Он был на грани смерти. Совершенно обессиленный, без надежды на жизнь. Именно в этот момент он написал небольшой гимн, такой простой и немного драматичный, но полный покорности и веры.

Вот, смерти стук

Я слышу у двери,

Господь – моя скала,

Меня, Ты, защити.

Пронзенною,

Иисус, Своей рукой

На дереве гвоздем,

Прошу, меня укрой.

Ты хочешь, может быть,

Чтоб в молодых годах

Взяла бы смерть меня?

Да будет, Боже, так.

О, пусть умру!

Но все же я ведь – Твой,

Для тех, чья вера как моя,

Дом Ты и создал Свой.

Так он проверял в этот ужасный момент основы своей веры. Он поднял взор на крест; он знал в кого верил; и, став более убежденным, чем прежде в истине Евангелия, проверив ее последним ужасным испытанием, он вернулся от ворот могилы, чтобы проповедовать истину более духовно и более пылко, чем до этого. Слух о его смерти прошелся по Базелю и Люцерне, и по всем городам конфедерации. Все обеспокоились, когда услышали, что великий проповедник Швейцарии сошел в

могилу. Радость их была необычайной, когда они узнали, что новость была неверной, и Цвингли был жив. Как реформатор, так и страна подверглись наказанию, освятились, очистились и приготовились к грядущему.

Глава 9 - Распространение реформации в Берне и других городах Швейцарии.

Торжественная встреча – Цвингли проповедует с бо;льшей силой. – Человеческие заслуги и праведность Евангелия – Евангелие отрицает первые и питает вторую. – Сила любви – Слушателей Цвингли становится больше. – Его труды – Обращение в веру – Распространение движения в другие швейцарские города. – Базель – Люцерна – Освальд Миконий – Труды в Люцерне – Оппозиция – Выгнан. – Берн – Установление там реформации.

Когда Цвингли и горожане Цюриха опять собрались в кафедральном соборе, для них обоих это был особый момент. Они только что вышли из тени «Страшной смерти». Проповедник только что поднялся с одра болезни, который мог стать одром смерти, и народ пришел от постелей, где ждал последнего дыхания своих родных и друзей. Учение реформации, казалось, приобрело новое значение. В ужасной тьме, через которую они прошли, не было никакого света, только Евангелие ярко сияло. Цвингли говорил так, как он еще никогда не говорил, и народ слушал так, как никогда еще не слушал.

Цвингли открыл более глубокую жилу в своем служении. Он стал чаще касаться вреда чужеземного служения. Он не стал меньше патриотом, но он стал больше пастором, он понимал, что возрожденное христианство, является не только мощным возрождающим фактором нравственности страны, но и самым надежным залогом политических интересов. Его основными темами были падение и восстановление человека. «В Адаме мы все мертвы, – говорил он – погрязли в пороках и осуждении». Это было несколько неблагоприятное начало Евангелия, «благой вести», которой так жаждали многие жители Цюриха после перенесенных ужасов. Но Цвингли продолжал провозглашать освобождение из тюрьмы, открытие гробниц. Покойники не открывают гробов. Христос – их жизнь. Он стал таким через страдания, которое есть «непреходящая жертва и всегда может исцелять». К Нему они должны придти. «Его жертва отвечает божественному правосудию от имени всех, кто возлагает на нее твердое и непоколебимое упование». Должны ли люди тогда жить в грехах? Должны ли они прекратить возрастать в святости? Нет. Цвингли продолжал показывать, что, если это учение отменяет человеческие заслуги, оно не отменяет евангельские добродетели; что, хотя ни один человек не спасается святостью, но и никто не спасется без святости. Так как Бог дарует спасение даром, то и мы должны повиноваться добровольно; с одной стороны жизнь по благодати, с другой – труд по любви.

Затем, идя дальше, Цвингли раскрыл принцип, который является одновременно и самым веским и самым приятным во всей системе Евангелия. Что это за принцип? Это закон? Нет. Закон приходит, как деспот с кнутом, чтобы заставлять сопротивляющихся и наказывать виновных. Человек является и сопротивляющимся,

и виновным. Закон в этом случае не может не породить страха, а страх помрачает ум, ослабевает волю, порождает ограниченный, угоднический, рабский дух, который портит все, что он делает. Это голова Горгоны, которая превращает его в камень.

Тогда что это за принцип? Это – любовь. Но как может возникнуть любовь в сердце грешного и осужденного человека? Она приходит следующим образом. Евангелие обращает взор человека на Спасителя. Он видит Его, страдающим вместо себя, несущим тяжкий крест, чтобы даровать ему прощение и вечную жизнь. Этот взгляд зажигает любовь. Эта любовь проникает в его существо, оживляя, очищая и совершенствуя его способности, наполняя разум светом, волю покорностью, совесть покоем, сердце радостью и делая жизнь готовой к святым делам, приносящей плоды для Бога и человека. Такое Евангелие проповедовалось тогда в кафедральном соборе Цюриха.

Жителям Цюриха не требовались доказательства в истинности учения. Они читали его истины в собственном свете. Его слава была не земная, а небесная, где она родилась. Неописуемая радость наполняла их сердца, когда они видели, как уходит черная ночь обмана с ее монашескими сутанами, четками, наказаниями и огнем чистилища, которые так утруждали плоть и не приносили облегчения совести, а ясный свет Евангелия принес обновление душам.

Хотя собор был большой, он не мог вместить приходивший народ. Цвингли трудился изо всех сил, чтобы укрепить движение. Он удивительно совмещал рассудительность с рвением. Он практиковал внешние формы церкви в той ограде, в которой он оставался. Он служил мессу, воздерживался от мясного в постные дни, и между тем он неутомимо трудился над распространением знаний божественной истины, зная, что когда начнется новый рост, старое растение с гнилой древесиной и засохшими увядшими листьями отпадет. Как только люди поймут, что по Библии им дано прощение даром, они больше не будут истязать себя, чтобы получить спасение, или лезть на гору Эйнзедельн с деньгами в руках, чтобы купить его. Короче, главной целью Цвингли, которую он ясно себе представлял, было не свержение папства, а восстановление христианства.

Он начал читать лекции по будням для крестьян, приезжавшим на рынок по пятницам. Прекрасно построенными и логическими были его наставления в воскресные дни. Открыв своей пастве Евангелие через толкование св.Матфея, он перешел к рассмотрению Деяний Апостолов, чтобы показать, как христианство распространялось. Далее он перешел к толкованию Посланий апостола Павла, чтобы привить понятие о христианских добродетелях и показать, что Евангелие не только «учение», но и «жизнь». Затем перешел к Посланию апостола Петра, чтобы сопоставить двух апостолов и показать гармонию, царящую в Новом Завете по двум большим вопросам «веры» и «дел». И в конце он комментировал Послание к Евреям,

чтобы показать гармонию, существующую между двумя Заветами, что у обоих одна суть и эта суть – Евангелие, спасение по благодати, что разница заключается только в степени откровения, которое давалось в образах и символах в одном случае, и в простых точных положениях в другом. «Они должны были узнать, - говорит Цвингли – что Христос – наш единственный истинный первосвященник. Эти семена я сеял, Матфей, Лука, Павел и Петр поливали, а Господь взращивал». В письме к Миконию 31 декабря 1519 года он сообщает, что «в Цюрихе до 2000 душ уже укрепились и напитались молоком истины, что могут принимать более твердую пищу и очень этого хотят». Таким образом, Цвингли вел своих слушателей от первых принципов к высшим тайнам Божьего откровения.

Движение подобно этому не могло быть ограничено стенами Цюриха, как долины и вершины гор не могут не поймать света наступившего дня. Семена возрождения были брошены Цвингли в воздух, ветер разнес их по всей Швейцарии, во многих местах трудились люди, чтобы подготовить почву для их укоренения и прорастания. Положительной чертой движения было то, что его действующими лицами были не короли, министры и церковная верхушка, а простые люди. Давайте оглянемся назад и посмотрим на начало этого движения, с помощью которого многие кантоны Гельвеции будут освобождены в недалеком будущем от папской тирании и предрассудков папской веры.

Начнем с северной границы. В то время в Базеле была замечательная группа людей. Среди первых и самых знаменитых был Эразм, чье издание Нового Завета, можно сказать, открыло путь к реформации. Труд известного печатника Флобения был не менее значительным. Он печатал в Базеле сочинения Лютера и за короткое время распространил их по Италии, Франции, Испании и Англии. Во вторых рядах самыми выдающимися были Капито и Гедио. Они были близкими друзьями и почитателями Цвингли, они использовали те же методы распространения реформатской веры в Базеле, какие Цвингли успешно проводил в Цюрихе. Капито начал ежедневно объяснять гражданам Евангелие от Матфея, результаты этого описал Гедио в письме к Цвингли в 1520 году: «Это самое действенное учение Христа проникает в сердце и согревает его». Число слушателей росло. Богословы и монахи устраивали заговор против проповедника, поползли слухи. Кардинал-архиепископ Майнца, желая иметь такого великого схоласта, пригласил Капито в Майнц. Однако с его отъездом работа не прекратилась. Гедио подхватил ее, и, начав там, где остановился Капито, продолжал толковать Евангелие с бесстрашным красноречием, которое захватывало слушателей, хотя монахи не переставали предупреждать их не верить тем, кто говорит им, что суть всего христианского учения надо искать в Евангелии. Скотт, говорили они, был более великим богословом, чем апостол Павел. Число приверженцев Евангелия росло в этом центре знаний. Но предстояла долгая и упорная борьба за достижение превосходства.

Аристократия была сильной, не менее сильным было и духовенство, поэтому университет бросил на ту же чашу весов всю свою мощь. Истине пришлось преодолеть тройное укрепление. Преемником Гедио, который был после Капито, стал Эколампадий, самый великих из трех. Эколампадий ревностно трудился и ждал в течение шести лет. Наконец, Базель в 1528 году, последний из всех кантонов Гельвеции, постановил о принятии реформатской веры.

Миконий попытался в Люцерне посеять семена Евангелия, но почва была неблагоприятной, и взошедшие семена вскоре увяли. Они были забиты любовью к оружию и властью суеверий. Освальд Гейшаузер, именно так его звали, пока Эразм не дал греческий вариант его имени, Миконий, был одним из самых приятных личностей и совершенных умов того времени. Он родился в Люцерне в 1488 году, учился в Базеле, где стал ректором школы св.Петра. В 1516 году он уехал из Базеля и стал ректором школы при кафедральном соборе Цюриха. Он первым пытался искоренить невежество в Швейцарии, работал школьным учителем, чтобы внедрить знания о литературе ранних веков и привить любовь к Священному Писанию. Он завязал дружбу с Цвингли, и именно благодаря его усилиям и совету, проповедник из Эйнзедельна был избран на вакантное место в Цюрихе. Два друга работали преданно вместе, но потом было решено, что Миконий будет нести свет в родной Люцерне. Расставание было грустным, но Миконий подчинился и уехал.

Он надеялся, что его служение в качестве директора коллегиальной школы этого города, даст ему возможность познакомить граждан, живших вокруг озера Вальдштатер, с более высокими знаниями, чем знание языческой литературы. Он начал работу очень незаметно. Сочинения Лютера предварили его, но горожане Люцерны, рьяные защитники чужеземного служения и чужеземной веры, избегали этих книг, как будто они вышли из-под пера демона. Толкование, которое давал Миконий в школе, сразу вызвали подозрение. «Мы должны сжечь Лютера и школьного учителя», говорили горожане друг другу. Тем не менее, Миконий продолжал, не упоминая имени Лютера, но тихо продолжая передавать молодежи, окружавшей его, знания Евангелия. Вскоре сплетни превратились в обвинение. Наконец, они переросли в яростные угрозы. «Я живу среди хищных волков», читаем среди его рукописей в декабре 1520 года. Его вызвали на городской совет. «Он – лютеранин», сказал один из обвинителей; «он совращает молодежь», сказал другой. Совет предписал ему не читать своим ученикам ничего из произведений Лютера, не упоминать даже его имени, и не принимать никакой мысли о нем в свой разум. Правители Люцерны не ставили жестких рамок для своей юрисдикции. Мягкий характер школьного учителя был не готов бороться с бурями, обрушившимися на него со всех сторон. Он предложил Евангелие горожанам Люцерны, и хотя некоторые приняли его и полюбили Микония из-за него, основная масса отвергла Евангелие. Он знал, что есть другие города и кантоны, которые с радостью примут

истину, отвергнутую Люцерной. Поэтому он решил отрясти прах со своих ног во свидетельство против нее и уехать. Прежде чем он осуществил свое решение, совет дал ему еще одно доказательство тому, что дело, на которое он решился, было его долгом. Он неожиданно был уволен со службы и изгнан из кантона. Он покинул неблагодарный город, где была его колыбель, и в 1522 году вернулся к Цвингли в Цюрих. Люцерна не оправдала своего имени, и свет, который покинул ее вместе с самым благородным из ее сыновей, никогда не вернулся к ней.

Берн избрал лучшую участь, отвергнутую Люцерной. Его жители завоевали славу оружия; их город никогда не открывал ворота врагу, но на заре шестнадцатого века он был покорен Евангелием, и победа, которую одержала истина в Берне, была более важной, потому что она открыла дверь для распространения Евангелия по всей западной Швейцарии.

Сильное влияние Цюриха зародило реформатское движение в воинственном Берне. Себастьян Мейер «мало-помалу открывал врата Евангелия» жителям Берна. Но в действительности реформатором города был Бертольд Галлер. Он родился в Ротевилле, кантон Вуртенберг, учился в Пфорцейме, где был однокурсником Меланхтона. В 1520 году он приехал в Берн, где стал каноником и проповедником кафедрального собора. Он владел в довольной мере всем необходимым для привлечения слушателей. У него была статная фигура, изящные манеры, ум, одаренный от природы и обогатившийся в процессе образования. По примеру Цвингли он с кафедры давал толкование на Евангелия, данные евангелистами. Но жители Берна напоминали грубое и упрямое животное, изображенное на гербе кантона. Бряцание алебард и шпаг больше привлекало их слух, чем звук Евангелия. Временами сердце Галлера робело. Он изливал свои страхи и беды на грудь Цвингли. Однажды он должен погибнуть от зубов этих медведей, так он писал. «Нет, - отвечал Цвингли громкими словами, которые устыдили его в робости – вы должны приручить этих медвежат с помощью Евангелия. Вы не должны ни стыдиться, ни бояться их. Ибо кто постыдится Христа перед людьми, того Христос постыдится пред Своим Отцом». Так Цвингли поднимал опустившиеся руки и отправлял их трудиться с новой силой. Сладость евангельского учения была сильнее суровости характера жителей Берна. Медвежата были приручены. Вдохновленный письмами Цвингли и приездом из Нюрнберга монаха-картузианца по имени Кольб с седой головой, но юношеским сердцем, горевшим любовью к Евангелию и требовавшим в качестве своего единственного жалования свободу проповеди Евангелия, Галлер получил вознаграждение своему рвению и упорству. Он видел в 1528 году, что город и весь влиятельный кантон Берн, первым из всех кантонов Гельвеции после Цюриха, перешел на сторону протестантизма.

Установление протестантского служения открыло новую эпоху в Швейцарской реформации. За этим событием последовала конференция, на которой присутствовало много участников, и на которой руководящие лица обеих сторон открыто обсуждали характерные доктрины двух вероисповеданий. Дискуссия прояснила взгляды и вдохновила рвение участников, и по возвращению в свои кантоны они с новой энергией работали по завершению реформации по примеру Берна. Так как в течение предыдущих лет она успешно развивалась в большинстве из них.

Глава 10 - Распространение протестантизма в восточной Швейцарии.

Кантон св.Галла – Бургомистр – Очищение церквей – Кантон Гларус – Долина Тоггенбург – Принимает протестантизм. – Швиц готов присоединиться к движению. – Поворачивает назад. – Аппенцель – Шесть из восьми приходов принимают Евангелие. – Грисонс – Керре – Становится реформатским. – Констанца – Шлаффхаузен – Немецкая Библия – Ее влияние – Пять лесных кантонов – Они склоняются под старое ярмо.

Свет из Цюриха коснулся горных вершин восточной Швейцарии, и протестантизм был готов придти в эту часть страны. В то время Иоахим Вадиан из знатной семьи кантона св.Галла, вернувшись после учебы в Вене, положил руку на плуг реформации. Хотя он исполнял должность бургомистра, но не считал ниже своего достоинства читать лекции по Деяниям Апостолов своим горожанам, чтобы показать им образец ранней церкви в простоте и непорочности, столь отличной от церкви тех дней. Современник отмечает: «Здесь в кантоне св.Галле не только разрешено слышать Слово Божие, но и сами градоправители проповедуют его». Вадиан постоянно переписывался с Цвингли, который неустанно следил за работой, производимой на этом поприще, и чье перо всегда было готово служить вдохновению и направлению, работающих на нем. Неожиданный и мощный взрыв анабаптизма подверг дело в св.Галле опасности, но фанатизм вскоре исчерпал себя. После того как проповедники со свежими силами вернулись с конференции в Бадене, реформация в кантоне завершилась. Из церкви св.Лаврентия были убраны статуи, а украшавшие их одеяния, драгоценности и золотые цепочки проданы с целью создания богаделен. В 1528 году Вадеан писал: «Наши храмы в св. Галле очищены от идолов, и каждый день закладывается славное основание здания Христа».

В кантоне Гларус движение реформации начиналось самим Цвингли. После его отъезда в Эйнзедельн трое обученных им евангелистов продолжили работу. Их звали: Тшуди, который работал в Гларусе, Брунер в Моллисе и Шиндлер в Швандене. Цвингли посеял семена, а эти трое собирали урожай. Лучи истины проникли в родную долину Цвингли Тоггенбург. С огромным интересом он наблюдал за исходом борьбы между светом и тьмой в том месте, с которым он был связан ранними воспоминаниями, кровными и дружескими узами. Узнав, что жители деревни должны были встретиться, чтобы решить будут ли они принимать новое учение или будут продолжать верить, как и их отцы, Цвингли обратился к ним в письме, в котором писал: «Я славлю и благодарю Бога, который призвал меня проповедовать Его Евангелие, за то, что Он вывел вас из египетской тьмы лживых человеческих учений к чудному свету Своего Слова»; он продолжает убедительно увещевать их добавить к исповеданию евангельского учения евангельские

добродетели, чтобы принести пользу, а также прославлять Бога. Это письмо определило победу протестантизма в родной долине реформатора. Тем же летом 1524 года городской совет и община объявили о своем единодушном решении, «чтобы было проповедано Слово Божие». Аббат св.Галла и епископ Керре пытались помешать действию этого решения. Они вызвали на капитул трех проповедников – Мелитуса, Доринга и Фарера, и обвинили их в непослушании. Обвиняемые ответили в духе св.Петра и св.Иоанна перед синедрионом: «Убедите нас по Слову Божьему, и мы подчинимся не только капитулу, но и меньшему из нашей братии, а иначе мы никому не подчинимся, даже самому могущественному владыке». Двое важных лиц отклонили вызов, брошенный им тремя пасторами. Они уехали, оставив долину Тоггенбург мирно владеть Евангелием.

В старинном кантоне Швиц, находившемся ближе к Цюриху, чем места, о которых мы говорили, были взоры, обращенные к свету. Некоторые из его граждан обратились к Цвингли в письме, прося его прислать людей, которые могли бы научить их новому пути. «Им стали противны – писали они – бесцветные воды Тибра, и они жаждали той воды, которую когда-то попробовали». Однако Швиц не был намерен встать рядом со своим братом Цюрихом в один ряд кантонов, маршировавших под знаменами реформации.

Большинство его жителей, пившие мутную воду, от которой многие отвернулись, не были еще готовы присоединиться к просьбе: «Дай нам эту воду, и нам не надо больше будет идти в Рим, чтобы пить». Они упустили возможность, отвергли совет Цвингли не продавать свою кровь за золото, посылая сыновей воевать за Папу, так как он просил их не делать этого. Швиц стал самым враждебным из всех кантонов Гельвеции к реформатору и его работе.

Но, хотя тучи весели над Швицом, свет освещал кантоны вокруг него и далеко за его пределами.

Аппенцель открыл свою горную крепость для глашатаев реформаторской веры. Вальтер Кларер, родившийся в этом кантоне, учившийся в Париже и обратившийся благодаря сочинениям Лютера, начал проповедовать с большим рвением в 1522 году. Он нашел хорошего помощника в лице Якова Шуртаннера, служителя из Тауфена. В 1524 году Цвингли пишет последнему следующее: «Будь мужественен и тверд, не позволяй победить себя, и тогда тебя, возможно, назовут Израилем. Мы должны бороться с врагом, пока не наступит день, и силы тьмы не скроются в черноте своей ночи… Надо надеяться, что, хотя твой кантон находится последнем в системе конфедерации, он не будет последним в вере». Церкви не могли вместить приходивших людей. Евангелию не нужны ни колонны, ни крыши с лепниной, говорили они; давайте пойдем в поля. Они собирались в полях, и их служение не потеряло ни глубины, ни торжественности от этой перемены. Горное эхо

откликалось на голос проповедника, провозглашавшего «благую весть», и псалом, которым они заканчивали служение, смешивался со звуками горных ручьев, бежавших с горных вершин. Из восьми приходов кантона шесть приняли реформу.

Следуя по Верхнему Рейну, протестантское движение проникло в Керре, расположенный у подножья Шплугенского перехода. Почва здесь была подготовлена школьным учителем Саландринусом, другом Цвингли. В 1523 году в Керре собрался сейм, чтобы рассмотреть нарушения в церкви и найти средства для их устранения. Восемнадцать статей были составлены и утверждены в следующем году; из них мы приводим только первую, как самую важную: «Каждый священнослужитель должен сам ясно и полно проповедовать Слово Божие и учение Христа своим прихожанам, и не сбивать их с пути учениями человеческого изобретения. Тот, кто не хочет или не может исполнять эту обязанность, будет лишен содержания, и не получит из него нисколько. В результате этого решения настоятель церкви св.Мартина после унизительного признания своей неспособности проповедовать вынужден был уступить место другу Цвингли, Иоганну Дорфману или Командеру, человеку большого мужества, известному своей образованностью, который отныне стал главным инструментом реформации в городе и кантоне. Многие священники склонились на сторону Евангелия; те, кто остались на стороне римской церкви, во главе с епископом попытались организовать оппозицию движению. Они были настолько агрессивны, что протестантского проповедника Командера вооруженная охрана была вынуждена сопровождать в церковь и защищать даже в алтаре от оскорблений и актов насилия. В сельских районах, где более сорока протестантских евангелистов, «подобно источникам живой воды, освежали горы и долы», должны были приняты те же предосторожности. Видя, что работа, тем не менее, продолжается, епископ пожаловался сейму на проповедников, как на «еретиков, мятежников, святотатцев, нарушителей святых таинств и презирающих жертву мессы», и просил помощи гражданских властей для их усмирения. Когда Цвингли услышал о надвигавшейся буре, он написал городским властям с апостольским рвением, указав на оппозицию Евангелию и его проповедникам, созданную на их территории, и возложил на них ответственность защищать глашатаев Евангелия от оскорблений и нападок, так как они дорожили тем светом, который начал изливаться на их страну и боялись быть втянутыми опять во тьму, в плену которой истина находилась, а ими обладало ее подобие, обманывая их мирскими благами и спасением души, как он имел основание добавить. Ревностное обращение Цвингли произвело сильное воздействие на все городские советы и общины кантона Гризонс, и, когда епископ через аббата св.Луци представил обвинение против протестантских проповедников сейму, собравшемуся в Керре в 1525 году на Рождество, потребовав, чтобы их осудили без слушания, собрание с достоинством ответило: «Закон, требующий не осуждать никого, не выслушав,

будет соблюден и в этом случае». Далее последовал открытый диспут в Гансе, переход еще семи священников. В результате кантон был завоеван. «Христос укрепился везде на этих горах, - писал Саландринус Цвингли - как нежная трава весной».

Реформа этим не ограничилась. Наполеон еще не проложил дорогу через покрытые ледниками горы для прохода своих пушек в Италию, но Евангелие, не дожидаясь успехов и неудач завоевателя в открытии этого пути, взобралось на горные вершины и завладело Кантоном Гризонс и древней Рэтией. Епископ помчался в Тироль; на этой территории была провозглашена свобода вероисповедания, протестантская вера укоренилась, и здесь, где берут начало воды, стремящиеся вниз по горным склонам, образуя реки ниже в долинах, открылись источники живой воды. С вершин Альп, где обосновалось Евангелие, оно, можно сказать, смотрело вниз на Италию. Но, однако, эта страна пока не была ему дана.

Интересно отметить, что свет распространился на восток до Констанца и его озера, где сто лет назад пролил свою кровь Ян Гус. После разных неудач движение реформации, наконец, увенчалось в 1528 году изъятием всех изображений и алтарей из церквей и отменой всех обрядов, включая саму мессу. Все районы, лежавшие на берегах Тура, озера Констанца и Верхнего Рейна, приняли Евангелие. В Маммерен, находившийся недалеко от того места, где Рейн вытекает из озера Тур, жители бросили все изображения в воду. Статуя св.Блейза, когда ее бросили в воду, встав на мгновение прямо и бросив укоряющий взгляд на неблагодарных и неблагочестивых людей, которые недавно поклонялись ей, а теперь пытались потопить ее, поплыла к противоположному берегу к Катахорну. Так рассказывает монах по имени Ланг, которого цитирует Готтингер.

После продолжительной борьбы протестантизм одержал победу над папством в Шаффхаузене. Там в основном трудились Себастьян Хоффмайстер, Себастьян Хоффман и Эразм Риттер. После того, как там было введено реформаторское служение в 1529 году по образцу цюрихского, можно сказать, что жители Восточной Швейцарии получили свет протестантской истины. Перемены, произошедшие в их стране, были подобны весне, когда снег тает, наполняются горные ручьи, появляются цветы, все просыпается и зелень поднимается к границе ледников. Более долгожданной была эта духовная весна, и радость, которую она принесла, была больше. Прошла зима – зима аскетизма, тщетных маскарадов, бесплодных служений и утомительных обрядов – и прекрасный свет возвратившейся весны засиял над швейцарцами. После рожков суеверия они стали насыщаться хлебом жизни и живой водой.

Остается упомянуть самый важный инструмент этой реформы. В каждом кантоне появлялась небольшая группа соратников в тот момент, когда они были нужны

больше всего. Все они были неустрашимыми и ревностными людьми, большинство из них были известны своим благочестием и образованностью. В этой выдающейся фаланге Цвингли был самым выдающимся; но среди тех, кто окружал его, были достойные соратники по оружию, способные бороться бок обок с ним. К небольшой армии присоединился еще один воин, этот воин – Слово Божие - был общепризнан всеми кантонами, говорящими на немецком языке. Издание Нового Завета на немецком языке, написанное Лютером, появилось в 1522 году. Распространенное в Швейцарии, оно стало самым мощным орудием поддержки движения. Оно стало доступнее сознанию и сердцу народа. Пастор не всегда был рядом с ними, но Библия была для них наставником, который никогда не покидал их. Ночью и днем ее голос разговаривал с ними, подбадривал, вдохновлял и помогал им. Цвингли говорил о распространении Священного Писания на родном языке следующее: «Каждый крестьянский дом стал школой, в которой изучалось самое высокое из всех искусств – чтение Ветхого и Нового Заветов; так как верный и истинный их учитель – Бог, без Которого все языки и все искусства только сети обмана и предательства. Любой пастух стал лучше наставлен в знании спасения, чем богословы». Только из Библии Цвингли получил знание об истине. Он знал, какую чудесную она совершает работу и как сильно убеждает; и прежде всего он хотел, чтобы народ Швейцарии обратился к тому же источнику знаний. Они сделали это, отсюда сила и быстрота этого движения. Изменить взгляды и традиции народа является воистину подвигом Геркулеса, и подвиг в десять раз превосходит подвиг Геркулеса, когда вековой культ наложил отпечаток на взгляды и традиции народа. Такая колоссальная работа была завершена в Швейцарии за короткий период в десять лет. Пришла истина, и сердце очистилось от грязи похоти, разум был освобожден от ярма традиций и человеческих учений, а сознание от тяжести монашеских обрядов. Освобождение совершилось быстро; разум, сердце, сознание, все было обновлено; и в тот самый час началась новая эра политической и промышленной жизни в преображенных кантонах.

К сожалению, пять лесных кантонов не приняли участие в этом обновлении. Территория этих кантонов, как знает любой путешественник, представляет самый великолепный пейзаж из всех кантонов Швейцарии. Ее можно назвать колыбелью швейцарской независимости. Но те, кто сражался на кровавых полях, чтобы сбросить ярмо Австрии, были согласны в шестнадцатом веке оставаться под ярмом Рима. Они угрожали приходом австрийских армий, если кантоны, принявшие реформацию, не пообещают вернуться к прежней вере. Нелегко объяснить, почему героям четырнадцатого века не хватило мужества в шестнадцатом веке. Их физическое мужество воспитывалось при наличии физической опасности. Им приходилось бороться с зимними бурями, лавинами и горными потоками; это сделало их крепкими телом и смелыми духом. Но те же причины, которые способствуют физической отваге, иногда ослабляют нравственное мужество. Они не

ощущали ярма, давящего на их душу. Если подвергалась нападению их личная свобода или материальные интересы, они были готовы защищаться до крови, но они не понимали высшей свободы. Их более отдаленное местоположение отрезало их от средств информации, доступным другим кантонам. Но основная причина заключалась в иностранном наёмничестве, к которому были наиболее привержены эти кантоны. Эта служба деморализовала их. Продавая свою кровь за золото, они были глухи к голосу свободы. Таким образом, их величественные горы стали прибежищем предрассудков, в которых жили их отцы, и оплотом низменного рабства, которое сбросили другие кантоны.

Глава 11 - Вопрос о запрещенных мясных блюдах.

Иностранное наемничество – Богослужение в Цюрихе пока не меняется. – Цвингли кладет начало. – Посты и запрещенные мясные блюда. – Вмешивается епископ Констанца. – Цвингли защищается. – Совет двухсот. – Собор не выносит решения. – Оппозиция, организованная против Цвингли. – Констанца, Лозанна и сейм против Цвингли. – Первый швейцарский эдикт о гонениях. – Просят сейм отменить его. – Группа реформаторов – Лютер молчит. – Цвингли поднимает голос. – Швейцарский печатный станок.

Обратим опять свое внимание к центру движения, Цюриху. Мы видим, что в 1521 году работа все еще продолжается, хотя и встречает на каждом шагу сопротивление и возбуждает конфликт. Первая проблема возникла из-за иностранного наёмничества. Карл V и Франциск I собирались нанести друг другу удары на равнинах Италии. В поисках союзников они обратились к швейцарцам. Жители Цюриха обещали свои шпаги императору. Другие кантоны обещали их французам. Цвингли, как патриот и христианский служитель, осудил наемничество, в котором швейцарец выступает против швейцарца, и брат проливает кровь брата не в своей ссоре. С какой целью он трудится в Швейцарии, проповедуя Евангелие, чтобы сбросить папское иго, когда его сограждане проливают кровь в Италии, чтобы поддержать его? Тем не менее, настойчивые просьбы кардинала-архиепископа Сиона, посылавшего агента для набора рекрутов в кантонах для императора, с которым Папа заключил союз, возымели действие, и войско из 2 700 цюрихцев вышло из ворот, готовое к этому предприятию. Они не завоевали лавров в этой кампании; обычные несчастья – раны, смерть, вдовы, сироты, пороки и падение нравов – были ее результатом, и прошел еще год, прежде чем другое войско цюрихцев не покинуло свои дома для выполнения подобного поручения. Цвингли еще больше посвятил себя проповеди Слова Божьего, понимая, что только оно может погасить любовь к золоту, которая связывала его соотечественников с иностранными правителями, и вселить в них отвращение к наемным и братоубийственным войнам, в которые ввергала их алчность к низменному богатству, чтобы разрушить их страну.

Следующим вопросом, подвергнутым критике Цвингли, были церковные посты. До сих пор в Цюрихе не было никаких перемен в церковных службах. Все еще стояли алтари со всей их обстановкой, все еще служили мессы, все еще в нишах стояли статуи, и отмечались по календарю праздники. Цвингли, тем не менее, собирался сеять семена. Он ничего не отвергал, так как понимал, что пока разум не просветлеет, и сердце не обновится, не произойдут внешние изменения. Но сейчас после четырех лет насаждения истины, он решил, что его паства готова применить принципы, которым он их учил. Он начал с более мелких вопросов. В толковании четвертой

главы первого Послания к Тимофею Цвингли воспользовался случаем утверждать, что посты, назначенные церковью, во время которых запрещалось есть мясо, не имеют основания в Библии. Некоторые в целом здравомыслящие и достойные горожане Цюриха решили испытать учение Цвингли на практике. Они ели мясное в запрещенные дни. Монахи подняли тревогу. Они поняли, что на карту был поставлен вопрос о церковных предписаниях. Если люди будут есть запрещенное мясо, не покупая разрешения у церкви, не будут ли ставить ни во что ее распоряжения по более значительным вопросам? Еще большему раздражению способствовали слова Цвингли из его проповеди, нанесшие обиду противной стороне: «Многие думают, что есть мясо – это грех, хотя Бог нигде не запрещает этого, но продавать человеческое тело на бойню они совсем не считают грехом».

Стало понятным, как работает учение Цвингли, его последствия были угрожающими. Оно сократит доходы священников, и уберет алебарды швейцарцев со служения римской церкви и ее союзников. Враги реформации, которые до сих пор молча наблюдали за движением в Цюрихе, но не без тревоги, начали шевелиться. Посягали на авторитет церкви и их собственные кошельки. Против Цвингли восстали многочисленные враги.

Слух о важном вопросе относительно «запрещенного мяса» начал распространяться. И епископ Констанца, в чьем диоцезе находился Цюрих, послал своего викарного епископа Мельхиора Боттли и двух других уладить это дело. Викарный епископ явился на Верховный совет в Цюрих 9 апреля 1522 года. Он обвинил Цвингли, не упомянув его имени, в проповеди новшеств, нарушавших общественное спокойствие; и, если ему позволить учить людей нарушать постановления Церкви, то вскоре никакой закон не будет соблюдаться, и всеми овладеет всеобщая анархия. Цвингли встретил обвинение в подстрекательстве к мятежу и беспорядкам указанием на Цюрих, «в котором он находился четыре года, проповедуя в поте лица Евангелие Иисуса и учение апостолов, и который был самым спокойным и мирным из всех городов Конфедерации». «Разве – спрашивал он – христианство не является лучшей гарантией общественной безопасности? Если все обряды будут отменены, разве христианство перестанет существовать? Разве людей нельзя вести другим путем к познанию истины кроме обрядов, путем, которым шел Христос и апостолы?» В заключение он спросил, свободны ли люди, поститься весь год, если они хотят этого, но никого нельзя заставить поститься под страхом отлучения от церкви. Викарный епископ не мог ничего ответить, только предупредил членов совета не отделяться от церкви, вне которой нет спасения. На это Цвингли дал быстрый находчивый ответ, «что им не стоит волноваться, понимая, что церковь состоит из людей на всяком месте, верующих в Господа Иисуса Христа, камнем которой назван апостол Петр, и именно «вне этой церкви – сказал он - нет спасения». Немедленным результатом этой дискуссии, предзнаменованием великих

перемен, было обращение одного из представителей епископа, Иоганна Ваннера, в реформатскую веру.

Совет Двух Сотен закончился, не вынеся никакого решения относительно двух партий. Он довольствовался просьбой к Папе через епископа Констанца предоставить решение относительно противоречивого вопроса, и предписал пока верующим воздержаться от вкушения мясного во время Великого поста. С этим примирительным актом совета Цвингли был полностью согласен. Это было первое открытое сражение между борцами двух вероисповеданий; оно велось в присутствии верховного совета кантона; победа, как все понимали, осталась за реформатами, и завоеванные позиции не только не сохранились, но и увеличились благодаря трактату, выпущенному Цвингли спустя три дня относительно вольного вкушения мясного.

Римская церковь решила вернуться к обвинению. Она видела в Цюрихе второй Виттенберг, и думала сокрушить поднимавшееся там восстание, прежде чем оно наберет силу. Когда Цвингли сказали, что на него готовится новое нападение, он ответил: «Пусть начинают; я боюсь их, как скала боится волн, грохочущих у ее подножья». Договорились, что на Цвингли нападут одновременно с четырех сторон. Полагали, что уже близок конец движения в Цюрихе.

Первая атакующая галера снаряжалась в порту Цюриха, другие три выплыли из епископальной гавани Констанца. Однажды престарелый каноник Гофман вынес на рассмотрение капитула длинное обвинительное сочинение против реформатора. С этим, что явилось началом запланированной кампании, было легко справиться. Несколько слов Цвингли в свою защиту, и престарелый каноник был вынужден спасаться бегством от бури, которую по наущению других он вызвал. «Я дал ему – пишет Цвингли Миконию – такую же встряску, как бык, когда он рогами подбрасывает в воздух охапку сена».

Второе нападение была со стороны епископа Констанца. В пасторском письме к духовенству он нарисовал ужасную картину состояния христианского мира. На границе стояли турки, а в сердце были люди более опасные, чем турки, сеявшие «проклятые ереси». Эти двое, турки и ереси, так перемешались в обращении епископа, что люди, на чьи умы это пасторское послание должно было повлиять, вряд ли могли избежать заключения, что одно вытекает из другого, и что, если они покончат с ересью, то падут от ятагана турок.

Предполагалось, что второе нападение будет в поддержку второго. Оно исходило от епископа Лозанны и также имело форму пасторского письма духовенству диоцеза. Оно запрещало всем людям под угрозой отлучения от причастия на смертном одре и отказа в христианских похоронах читать сочинения Цвингли или

Лютера, или пренебрежительно говорить в узком кругу или на публике «о святых обрядах и традициях церкви». Такими способами римские церковники надеялись полностью дискредитировать Цвингли перед людьми. Они только подняли репутацию того, кого хотели уничтожить. Цвингли разобрал по частям это пасторское письмо в своем трактате Archeteles (т.е. начало и конец), который изобиловал вескими доказательствами и едкой иронией. Стереотипные и бесцветные фразы, в которых епископ не отказывал себе, были безрезультатными по сравнению с убедительной аргументацией реформатора, основанной на фактах вопиющих злоупотреблений церкви и гнета, от которого стонала Швейцария, и которые были слишком очевидны, чтобы их отрицать, кроме тех, кто был причастен или заинтересован в поддержке всего этого.

Так как первым трем нападениям не удалось уничтожить Цвингли или остановить его деятельность, была предпринята четвертая попытка. Она больше всего вызвала опасения. Сейм, верховная светская власть швейцарской конфедерации, заседал тогда в Бадене. Туда епископ Констанца направил жалобу, настойчиво прося суд прекратить с помощью светской власти распространение нового учения Цвингли и его соратников. Сейм не мог оставаться глухим к настойчивой просьбе епископа. Большинство его членов были наемниками Франции и Италии, друзьями «наемничества», чьим явным и непримиримым врагом был Цвингли. Они неблагосклонно относились к проповеднику Цюриха. Только предыдущим летом (1522г.) сейм на заседании в Люцерне издал распоряжение о том, «что священники, чьи проповеди вызывают разногласия и беспорядки среди людей, должны воздерживаться от проповедования». Это был первый указ преследования за инакомыслие, дискредитировавший свод законов Гельвеции.

До сих пор он оставался мертвой буквой, но сейчас сейм решил претворил его в действие, начав с ареста и заключения в тюрьму Урбана Вайса, протестантского пастора в окрестностях Бадена. Монахи, понимая, что сейм был на их стороне в противостоянии римской церкви и Евангелию, оставили смирение и действовали агрессивно, пытаясь громкими криками и угрозами побудить власти к преследованиям.

Внезапно разразившаяся буря не испугала реформатора Цюриха. Он видел в этом указание воли Божьей, что он должен не только широко развернуть знамя истины на кафедре Цюриха, но и размахивать им на виду всей конфедерацией. В июне он созвал на встречу друзей Евангелия в Эйзидельне. На этот призыв откликнулись многие. Цвингли предложил собранию подписать два обращения, одно к сейму, другое епископу диоцеза. В обращениях, идентичных по содержанию, содержалась просьба о том, «чтобы проповедь Евангелия не была бы запрещена, и чтобы священникам было бы разрешено жениться». Эти обращения сопровождало краткое

изложение реформаторской веры, чтобы члены сейма знали, что их просят защищать. А также был сделан призыв к их патриотизму, не приведет ли распространение благотворного учения, взятого из источника Священного Писания, к уничтожению многих зол, от которых страдала их страна, не очистит ли ее нравственные основы, и не оживит и восстановит национальные силы.

Эти обращения были получены, но не заинтересовали тех, кому они были вручены. Тем не менее, они оказали большое влияние на низшее духовенство и простой народ. Манифест, приложенный к ним, обнажил пороки, имевшие место в религии страны, причины падения национального духа и стал знаменем, вокруг которого собирались друзья евангельской истины и борцы за права общественного сознания. Сплотившись, они могли лучше противостоять врагам. Дело росло и крепло в попытках преодоления трудностей. Враги становились друзьями. Бури, бушевавшие вокруг посаженного Цвингли дерева, вместо того, чтобы вырвать его с корнем, очистили его от ядовитых испарений, которыми был насыщен окружающий воздух, и способствовали бурному развитию его ветвей. Они раскидывались все шире и шире, а корни уходили все глубже в почву, пока не укоренились в земле швейцарцев.

Сторонники реформации в Германии в значительной степени вдохновились и приободрились тем, что происходило в Швейцарии. Когда Лютер неожиданно и таинственным образом исчез, тогда голос Цвингли нарушил тишину, возникшую после исчезновения Лютера. Когда движение на какое-то время остановилась на полях Германии, оно развилось в горах Швейцарии. Надежды протестантов снова оживали. Повсюду сторонники истины не могли не видеть руку Бога в возвышении Цвингли, когда Лютер был взят, и видели в этом указание Божьей воли на продвижение дела протестантизма, несмотря на то, что императоры и сейм «составляли совет» против него. Гонимые в соседних странах, обратив свои взоры к Швейцарии, искали в более свободных формах и более терпимом духе ее правительства защиту, в которой им было отказано в их собственных странах. Так, в Гельвеции день ото дня сторонников реформации становилось все больше.

Печатный станок был мощным помощником людям в работе в Швейцарии. Цюрих и Базель были первыми из Швейцарских городов, где было такое средство. Правда, печатный станок был в Базеле со дня основания университета в 1460 году Папой Пием II; но в Цюрихе не было печатного станка до 1519 года, пока Кристофер Фрошауэр из Баварии не установил его. Приехав в Цюрих, Фрошауэр приобрел гражданство, и принес славу принявшему его городу книгами, напечатанными на его станке. В этом отношении он стал правой рукой Цвингли, которому он предоставил все имеющиеся у него возможности для печатания и издания его трудов. Таким образом, Фрошауэр оказал большую услугу этому движению. Третьим городом,

обладавшим печатным станком, была Женева. В 1523 году немец по имени Кёльн напечатал там готическим шрифтом Устав синода диоцеза Лозанны по заказу епископа Себастьяна де Мон-Фалькона. Четвертый швейцарский город, который мог похвастать печатным устройством, был Нойфчатель. Там жил Пьер де Вингл, больше известный, как Пиро Пекард, который в 1523 году напечатал Библию на французском языке, переведенную Робертом Оливетаном, двоюродным братом Кальвина. Эта Библия представляла собой внушительный фолиант и была напечатана готическим шрифтом.

Глава 12 - Открытый диспут в Цюрихе.

Лео Юд и монах. – Цвингли требует открытого диспута. – Большой совет предоставляет его. – Собираются шестьсот участников. – Тезисы Цвингли – Председатель Реуст – Представители епископа Констанцкого – Попытки задушить дискуссию. – Вызов Цвингли – Молчание – Фабер поднимается. – Традиции – Ответ Цвингли – Обращение Гоффмана – Леон Юда – Богослов из Тубигена. – Указ правителей Цюриха. – Ссора Фабера и Цвингли. – Окончание конференции.

В начале следующего 1523 года движение в Цюрихе продвинулось еще на один шаг. Этому способствовал незначительный случай. Леон Юд, школьный товарищ Цвингли по Базелю, только что приехал в Цюрих, чтобы получить должность викария собора св.Петра. Однажды новый пастор вошел в часовню, где августинский монах с жаром утверждал в своей проповеди, что «человек сам может заслужить божественное оправдание». «Достойнейший отец, - закричал Лео Юд, но спокойным и дружеским тоном, - послушайте, и вы, люди добрые, выслушайте мой рассказ о том, как стать христианином. В кратком обращении он показал им из Писания, как невозможно спастись человеку самому. В церкви появилось беспокойство, одни встали на сторону монаха, другие на сторону викария св.Петра. Малый Совет вызвал обе партии. Это привело к росту беспокойства. Цвингли, который давно хотел иметь возможность, открыто обсудить реформаторскую веру, таким образом, надеясь пронести знамя истины, потребовал от Большого Совета открытого диспута. Иначе, сказал он, нельзя достичь общественного спокойствия и вынести мудрого правила, которым бы руководствовались проповедники. Он предлагал, если докажут его заблуждение, не только хранить молчание в будущем, но и подвергнуться наказанию; но, если с другой стороны, будет доказано, что его учение согласуется со Словом Божьим, он требовал от властей предоставить ему свободу проповеди.

После того, как было дано разрешение на проведение диспута, совет вызвал дальнее и ближнее духовенство; диспут был назначен на 29 января 1523 года.

Необходимо ближе взглянуть на то, чем Цвингли занимался, на мотивы и причины его деятельности. Реформатор Цюриха утверждал, что решение вопросов веры принадлежит церкви, и что церковь состоит из тех, кто исповедует христианство согласно Писанию. Почему тогда он отдал это дело – вопрос об истинном Евангелии – Большому Совету Цюриха, гражданской верховной власти государства?

Поступив так, Цвингли не отступил от своей теории, но совмещая практику с теорией в данном случае необходимо учесть следующие рассуждения. В данных обстоятельствах реформатору Цюриха было невозможно достичь верха

совершенства; не было еще церковной структуры; а вынести весь вопрос в целом перед общим собранием исповедников реформаторской веры было бы для их незрелого состояния рискованным, и могло вызвать разделения и раздоры. Поэтому Цвингли предпочел Совет Двухсот, как часть реформаторского собрания, которое фактически было духовным и политическим представительством церкви. Случай явно был необычным. Кроме того, вынеся этот вопрос на совет, Цвингли ясно оговорил, что все доводы должны браться из Писания; что совет должен выносить решение согласно Слову Божьему; и что церковь или церковная община должны быть свободны в принятии или отклонении их решения, если они посчитают нужным найти ему подтверждение в Библии.

Практически, что касается данного факта, это была конференция или диспут между двумя большими религиозными партиями в присутствии совета, и совет не мог ничего добавить к истине, основанной исключительно на авторитете Библии. Он судил об истине или лжи, представленного на его рассмотрение дела; и для правильного решения вопроса он старался выполнить свои функции правителей кантона. Он должен выслушать и вынести решение, имевшее не духовную, а юридическую силу. Если Евангелие, которое проповедует Цвингли и его сторонники, является истинным, то совет даст юридическую защиту его проповеди.

То, что дело было простым, мы заключаем из его слов. «Дело – говорил он – обстоит следующим образом. Мы, проповедники Слова Божьего Цюриху, с одной стороны, даем понять Совету Двухсот, что мы предоставляем им решать за всю церковь только при условии, что во всех опросах и выводах они будут придерживаться только Слова Божьего; что они действуют во имя церкви, так как церковь молчаливо и добровольно принимает их заключения и постановления». Цвингли обнаруживает еще на рассвете реформации удивительно ясные взгляды по этому вопросу. Хотя верно то, что в более поздний период истории протестантизма четко и резко установилось различие между духовным и светским, и, соответственно, между властями компетентными решать одно и другое. И особенно в более поздний период были открыты и провозглашены принципы, которые должны регулировать применение гражданской власти в вопросах веры, другими словами, принципы толерантности. Именно в Швейцарии, в Цюрихе, мы находим первое провозглашение либеральных идей нашего времени.

Феодалы Цюриха дали согласие на конференцию, о которой просил Цвингли, и опубликовали официальный указ с этой целью. Они пригласили всех викариев или пасторов, церковников всех санов из всех городов кантона. Епископа Констанца, в чей диоцез сходил Цюрих, почтительно попросили присутствовать лично или через представителя. Был назначен день 29 января. Диспут должен был вестись на немецком языке, все вопросы должны были подтверждаться Словом Божьим; и было

добавлено, что после того, как конференция сформулирует все вопросы, обсужденные на ней, только то, что соответствует Писанию, должно быть вынесено на кафедры.

То, что церковный сейм должен собраться в Цюрихе, и то, что римская церковь должна была предстать на нем и доказать, почему она может сохранять свое превосходство, которым она обладала на протяжении тысячи лет, казалось людям того времени очень необычным и важным событием. Оно взбудоражило всю Швейцарию. «Думали, – пишет Беллингер в своих хрониках – что из этого выйдет». Город, в котором он должн был проходить, тщательно подготовился к принятию многих почетных и важных гостей. Помня примеры Констанца и Базеля, Цюрих сделал распоряжения по поддержанию внешнего общественного порядка во время проведения конференции. Трактиры было приказано закрыть еще рано утром; студентов предупредили, что за шум и нарушение общественного порядка на улицах их будут наказывать, все люди с плохой репутацией были высланы из города; и двум советникам, чья аморальность подверглась общественной критике, запретили присутствовать в зале совета. Это значило, что уже очищающее дыхание Евангелия, более освежающее, чем прохладный ветерок со снежных Альп на озеро и город в летнюю жару, начало чувствоваться в Цюрихе. Враги Цвингли назвали его «сеймом бродяг», и громко пророчествовали, что все нищие Швейцарии, наверняка, почтут его своим присутствием. Если бы городские власти Цюриха ждали гостей такого рода, они бы подготовились к их встрече по-другому.

Цвингли подготовился к конференции, созыву которой он в основном способствовал, составив краткое изложение учения, состоявшего из шестидесяти семи тезисов, которые он отпечатал и предложил защищать из Слова Божьего. Первый тезис ударял по догмату римской церкви, что «Священное Писание не имеет авторитета, если оно не одобрено церковью». Другие были не так важны, а именно, что Иисус Христос является единственным учителем и посредником; что Он один является главой верующих; что все, кто соединяется с Ним, являются Его телом, детьми Божьими и членами церкви; что только силой своей Главы христиане могут совершать благие дела; что от Него, а не от церкви или священников исходит освящающая сила; что Иисус Христос является единственным непреходящим первосвященником; что месса не является жертвоприношением; что можно есть все в любое время; что обман со всеми его принадлежностями – сутанами, тонзурами и символами – нужно отвергнуть; что Священное Писание разрешает всем людям без исключения жениться; что церковники, как и другие люди, обязаны подчиняться гражданской власти; что гражданская власть получила право от Господа приговаривать преступников к смерти; что только один Бог может прощать грехи; что Он прощает только ради любви к Христу; что прощение грехов за деньги является симонией; и в заключение, что после смерти нет чистилища.

Публикацией этих тезисов, Цвингли нанес первый удар в предстоящей кампании и открыл дискуссию в кантоне, прежде чем конференция начала ее в зале Совета Цюриха.

Когда наступило 29 января 1523 года, 600 человек собрались к городской ратуше. Они пришли рано, в шесть часов. На конференции присутствовали знатные люди, каноники, священники, богословы, иностранцы и граждане Цюриха. Был приглашен епископ диоцеза Констанцы, но он был представлен только своими посланниками, главным викарием Иоганном Фабером, рыцарем и главным магистром епархиального двора Констанца Яковом фон Анвилем. Представители реформации приехали только из Берна и Шлаффхаузена; настолько слабым было пока это движение в швейцарских кантонах.

Председательствовал бургомистр Маркус Реуст. «Это был – пишет Кристоффель – седовласый воин, который воевал с Цвингли при Мариньяно». У него был сын по имени Гаспар, который был капитаном папской охраны, тем не менее, он сам был преданным реформатором и верным последователем Цвингли, хотя Папа Адриан пытался покорить его письмами, полными похвалой. Посреди собрания на свободном месте за столом сидел Цвингли. Перед ним лежали открытыми Библии на латыни, древнегреческом и иврите. Все взоры были обращены к нему. Он был там, чтобы защищать проповедованное им Евангелие, которое многие из стоящих перед ним открыто называли ересью, бунтом и причиной раздоров, начинавшихся в кантонах. Его положение не было похоже на положение Лютера в Вормсе. Дело было таким же, но суд был менее представительным, собрание менее блестящим и риск меньше. Но вера, которая поддерживала борца Ворма, укрепляла и героя Цюриха.

Поднялся многоуважаемый председатель. Он коротко рассказал, почему была созвана конференция, добавив: «Если кто-нибудь хочет выступить против учения Цвингли, то, как раз самое время, сделать это». Все взоры обратились на представителя епископа, Иоганна Фабера. Фабер был когда-то другом Цвингли, но после посещения Рима и папской лести он теперь был полностью предан интересам Папы, и стал самым ярым противником Цвингли.

Фабер продолжал сидеть, а поднялся Яков фон Анвиль. Он попытался умиротворить и ослабить поднявшуюся бурю, конечно, не в зале собрания, где было спокойно, а в Цюрихе. Он сказал, что посланники присутствуют здесь не для того, чтобы принимать участие в споре, а узнать о печальных разделениях в кантонах и использовать свою власть для их преодоления. В заключении он намекнул на Большой Совет, который вскоре должен был собраться и мирным путем решить это дело.

Цвингли понимал уловку, угрожавшую отнять у него преимущество, которое он надеялся получить от конференции. «Сейчас – сказал он – пятый год моего пребывания в Цюрихе». Он проповедовал людям Божие послание точно по Божьему Слову; и представляя на рассмотрение свои тезисы, он предложил собранию доказать их соответствие с Писанием; и окинув взглядом всех, сказал: «Во имя Господа продолжайте. Я – здесь, чтобы отвечать вам. Вызванный таким образом Фабер, носивший красную шапочку, поднялся, но только для того, чтобы заглушить дискуссию, выразив надежду на ближайшую перспективу Большого Совета. «Он соберется в Нюрнберге в течение этого года».

«А почему – мгновенно парировал реформатор – не в Эрфурте или Виттенберге?» Цвингли перешел к основным положениям своего учения и закончил, высказав убеждение, что Большой Совет будет не скоро, и что совет, который собрался сейчас ничуть не хуже того, который может предложить Папа. Разве на этой конференции не было докторов, богословов, юристов и умных людей, способных читать Слово Божие в оригинале на древнегреческом и иврите и находить решения согласно этому единственно непогрешимому закону, как на любом другом христианском соборе?

За обращением Цвингли последовала долгая пауза. Никто, среди кого он стоял, не обвинял его, как делали это за дверями этого зала. Он опять бросил вызов своим оппонентам, затем во второй и третий раз. Никто не выступал. Наконец, поднялся Фабер, но не для того, чтобы принять брошенный ему вызов, а рассказать о том, как он в споре нанес поражение пастору из Фислисбаха, которого, как мы уже писали, сейм Бадена приговорил к заключению. Он выразил удивление по поводу сложившейся ситуации, когда старые традиции, имевшие место в течение двенадцати веков, забыты, и спокойно сделал вывод, что «христианство заблуждается уже четырнадцать столетий!»

Реформатор быстро ответил, что заблуждение не становиться меньшим от того, что оно продолжается четырнадцать веков, и что в служении Господу старые традиции ничего не значат, если им нет подтверждения в Священном Писании.

Он отрицал, что ложные догматы и идолопоклонство, с которыми он боролся, пришли из первого века или были известны ранним христианам. Они были результатом менее просвещенного времени и менее святых людей. Последующие соборы и богословы более близкого времени искоренили хорошее и насадили на его место плохое. Как один из примеров, он назвал запрет священников вступать в брак.

Потом поднялся магистр Ноффман из Шлафхаузена. Его заклеймили, как еретика в Лозанне и изгнали из города только из-за того, что он проповедовал по Слову Божьему против обращения к святым. Поэтому он заклинает именем Бога главного

викария Фабера показать ему отрывки из Библии, в которых разрешается и предписывается такое обращение. Фабер ничего не ответил на такой пылкий призыв.

Затем выступил Лео Юд. Он сказал, что лишь недавно приехал в Цюрих, чтобы помогать Цвингли в работе с Евангелием. Он не смог найти служению римской церкви основания в Писании. Он не мог порекомендовать своему народу другого посредника, кроме единственного посредника – Иисуса Христа, не мог он и просить их верить в иное искупление их грехов, кроме Его смерти и страданий на кресте. Если его убеждения были неправильными, он просил Фабера показать лучший путь в Слове Божьем.

Второе обращение заставило Фабера подняться. Но, что касалось доказательства или авторитета Библии, он ничего не мог сказать. Не удостоив взглядом библейский канон, он сразу перешел к оружию римской церкви. Во-первых, он обратился к единодушному согласию Отцов, во-вторых, к ектенье и канону мессы, которые убеждают нас обращаться к матери Иисуса и всем святым. И, наконец, обратившись к Библии, чтобы неправильно ее истолковать, он сказал, что дева Мария сама установила такое поклонение, так как она предсказала, что к ней будут обращаться во все времена: «Отныне будут ублажать меня все роды». И то же подтвердила ее двоюродная сестра Елизавета, когда она выразила свое удивление и смирение следующими словами: «И откуда это мне, что пришла матерь Господа моего ко мне?» Он думал, что этих доказательств будет достаточно, а если их не примут, как доказательство его точки зрения, то ему ничего больше не оставалось, как только сохранять спокойствие.

Главный викарий нашел поддержку у Мартина Бланче, доктора из Тубингена. Он был одним из тех союзников, которых больше пугало дело, поддерживаемое ими, чем то, против которого они воевали. «Чрезмерно опрометчиво – говорил д-р Бланч – порицать или осуждать традиции, установленные соборами, которые собирались по действию Святого Духа. Решения первых четырех Вселенских соборов должны также почитаться, как и само Евангелие, так предписывает канонический закон (Отличие XV), так как церковь, собранная на соборе Святым Духом, не может заблуждаться. Противостать ей значит противостать Богу. «Слушающий вас, Меня слушает, и отвергающий вас, Меня отвергается».

Цвингли было не трудно отвергнуть такие доводы, как эти. Они представляли собой напыщенный набор соборов, канонов и веков, но этой торжественно выстроенной процессии, не доставало одного – апостола или евангелиста во главе ее. Что значил этот недостаток? Не было цепочки живых свидетелей, но лишь вереница мирских фигур. Увидев поражение папской партии, Себастьян Хоффман, пастор из Шлафхаузена, и Себастьян Мейер из Берна встали и убеждали цюрихцев смело идти вперед по пути, на который они вступили, и не допустить, чтобы ни

папские буллы, ни указы императора, не свернули их с него. Так закончилось утреннее заседание.

После обеда конференция собралась вновь, чтобы заслушать постановление правителей города. Был зачитан указ. Он вкратце предписывал всем проповедникам, как в городе, так и по всему кантону, оставить традиции и проповедовать с кафедры только то, что можно подтвердить Словом Божьим. «Но, - вмешался сельский кюре – что делать тем священникам, которые не могут купить книги, называемые Новым Заветом? Такова была его пригодность наставлять слушателей учению книги, которой он никогда не видел. Цвингли ответил, что нет ни одного священника настолько бедного, чтобы не быть способным купить Новый Завет, если он всерьез хочет его приобрести; или, если он действительно не может, то пусть найдет благочестивых граждан, которые одолжат ему денег».

Дело подходило к концу, и собрание собиралось разойтись. Цвингли не мог сдержаться, чтобы не поблагодарить Господа за то, что его родина могла теперь пользоваться свободной проповедью чистого Евангелия. Но было слышно, как главный викарий, испуганный этой перспективой в той же степени, в какой Цвингли был обрадован, пробормотал, что, если бы он увидел тезисы пастора из Цюриха немного раньше, он бы дал им полное опровержение и показал бы из Писания доказательство традициям и необходимости живого судьи на земле для разрешения противоречий. Цвингли просил его сделать это сейчас. «Не здесь, – сказал Фабер – приезжайте в Констанцу». «С превеликим удовольствие», - ответил Цвингли; но тихо добавил (главный викарий не мог остаться равнодушным к упреку, содержавшемуся в его словах) – «Вы должны дать мне охранную грамоту и показать мне те же честные намерения в Констанце, какие вы видели в Цюрихе; и далее я хочу вас предупредить, что не признаю иного судьи, кроме Священного Писания». «Священное Писание! – Фабер возразил несколько раздраженно – Существует многое, противоречащее Христу, что Писание не запрещает, например, где мы читаем в Писание о том, что человеку нельзя брать в жены свою дочь или дочь своей сестры?» «Также в Писании не написано, - ответил Цвингли – что у кардинала должно быть тридцать приходов. Запрещено более дальнее родство, чем вы упомянули, поэтому мы приходим к выводу, что более близкое родство также запрещено». И в заключение он выразил удивление, что главный викарий проделал столь длительное путешествие, чтобы произнести такие неэффективные речи.

Фабер, в свою очередь, язвительно заметил, что реформатор всегда играет на одной и той же струне, Писании, добавив, что «люди могут жить в мире и согласии даже, если бы не было Евангелия». Главный викарий этим своим последним замечанием увенчал свое полное поражение. Собрание больше не могло сдерживать

свое возмущение. Они поднялись и покинули зал заседания. Так закончилась конференция.

Глава 13 - Упадок монастырей.

Трактат Цвингли – После борьбы – Лекции Цвингли за кафедрой. – Отмена платы за обряды. – Основана гимназия. – Открыты двери женских монастырей. – Цвингли о монашеской жизни. – Роспуск монастырей. – Попрошайничество запрещено. – Богатство монастырей для бедных.

Победа была одержана, но Цвингли считал, что она далась ему слишком легко. Он бы предпочел утверждение истины в ходе острых дебатов немой оппозиции священников. Однако он приступил к работе, и в течение нескольких месяцев написал трактат об установленных обрядах и церемониях, в котором показал, что в Слове Божьем нет этому никакого подтверждения. Ясная аргументация и «остроумие» обеспечили этому сочинению быстрое и широкое распространение. Люди читали его и задавались вопросом, зачем продолжать традиции. Общественное сознание созрело для перемен в богослужении, от которых Цвингли до того времени уже воздерживался. Это опасная точка во всех таких движениях. Немало реформаторов разбивалось об эту скалу. Реформатор Цюриха смог частично благодаря совету, частично благодаря знаниям, посеянным им среди людей провести свое судно безопасно мимо этой скалы. Ему удалось сдержать энтузиазм людей в законном русле, и сделать поток очищающим, а не опустошающим.

Фабер позаботился, чтобы возмущение цюрихцев, вызванное его необычными доводами, не охлаждалось. Как парфяне он, убегая, выпустил стрелу. Как только главный викарий вернулся в Констанцу, он опубликовал отчет о конференции, в котором отомстил за свое поражение гнусными и клеветническими нападками на Цвингли и жителей Цюриха. На эту клевету ответил кто-то из молодежи Цюриха книгой под названием Ощипывание ястреба. Это была острая полемика, полная едкой сатиры. Она разошлась большим тиражом, и Фабер ничего не добился после сражения, как и во время его.

Реформатор ни на мгновение не терял из вида основную цель, а именно, восстановление Евангелия на своем месте в святилище и в сердцах людей. Он окончил толкование на Евангелие от Матфея. Далее он перешел к размышлениям над Деяниями Апостолов, чтобы показать слушателям простую модель церкви, и как Евангелие распространялось в первые века. Затем он перешел к Первому Посланию к Тимофею, чтобы показать правила, по которым должны христиане строить свою жизнь. Дальше он обратился к Посланию к Галатам, чтобы достичь тех, которые, как и в дни апостола Павла, имели пристрастие к старой закваске. Затем он перешел к двум Посланиям апостола Петра, чтобы показать слушателям, что авторитет апостола Петра был не выше авторитета апостола Павла, который по признанию апостола Петра питал паству наравне с ним. Наконец, он дал толкование на Послание к Евреям, чтобы устремить взоры его общины на более славное

священство, чем иудейское в древности или римское в те дни, и еще на Великого Владыку и Первосвященника Церкви, который единственным жертвоприношением освятил навсегда всех верующих в Него.

Итак, он поставил созданное им здание на основание из пророков и апостолов, где Иисус Христос Сам был краеугольным камнем. Теперь ему казалось, что наступило время для практической реформации.

Эта работа началась с собора, с которым он сам был связан. Первоначальная жалованная грамота Карла Великого ограничила число каноников этого учреждения до тринадцати. А теперь в нем было более пятидесяти каноников и капелланов. Они позабыли о своем обете, данном при поступлении, заключенном в соответствии с желанием основателя «в служении Богу хвалой и молитвой» и «проведении общественного служения для жителей гор и долин». Цвингли был единственным тружеником из многочисленного штата; почти все остальные жили в глубокой праздности, которая могла способствовать чему-то худшему. Люди возмущались тяжелыми рентами и сборами, которые они платили людям, чье служение было незначительным. Понимая справедливость таких жалоб, он разработал план реформы, который совет принял как закон, и каноники должны были согласиться с ним. Наиболее раздражающие поборы для церковного сословия были отменены. Больше никто не был вынужден платить за крещение, соборование, похороны, похоронные свечи, надгробные камни или за звон главного колокола церкви. Не надо было заменять умерших каноников и капелланов, нужно было оставить только законное число служителей для работы в приходах. Бенефиции, освободившиеся после смерти каноников, должны были пойти на увеличение оплаты учителям Цюрихской гимназии и учреждению более высокого учебного заведения для обучения пасторов и наставления молодежи в классическом образовании.

Вместо хорового служения, сонного бормотания каноников, пришло «толкование» или объяснение Писания (1525 г.), которое начиналось в восемь часов каждое утро, и посещалось всем городским духовенством, канониками, капелланами и богословами. Что касается упомянутой новой школы, Миконий отмечает, что, «если бы Цвингли был жив, ей бы не было равной нигде». Эта школа была растением, которое принесло обильные плоды после того, как Цвингли сошел в могилу. Подтверждение этому явилась слава, излившаяся на Цюрих его сынами, ставшими известными в церкви и государстве, литературе и науке.

Реформа далее коснулась женских и мужских монастырей. Они пали даже без боя. Как тает лед на вершинах Альп, когда приходит весна, так и монашеский аскетизм Цюриха исчез под теплым дыханием евангелизма. Цвингли с кафедры объяснил, что эти учреждения воевали как с законами природы, так и влечениями сердца и заповедями Писания. Из этих мест доносились крики об избавлении от

монашеских обетов. Совет Цюриха 17 июня 1523 года вняв просьбам, разрешил монахиням вернуться в мир. Не было никакого принуждения, двери монастырей были открыты, обитательницы могли уйти или остаться. Многие ушли из обителей, но другие предпочли окончить свои дни там, где они провели свою жизнь.

Затем Цвингли начал подбираться к мужским монастырям. Он начал распространять здравые идеи по этому вопросу среди общественного сознания. Утверждалось, говорил он, что священник должен был отличаться от других мужчин. У него должна быть лысая макушка, сутана, деревянная обувь или босые ноги. «Нет, говорил Цвингли, тот, кто отличается от других таким образом, навлекает на себя обвинение в лицемерии. Я покажу вам путь Христа: отличаться скромностью и примерной жизнью. С таким украшением нам не надо внешних знаков; даже дети узнают нас, более того, дьявол узнает, что мы не его. Когда мы теряем истинную ценность и достоинство, тогда должны украшать себя тонзурами, сутанами и веревками с узелками, и люди рассматривают наше одеяние, как дети таращатся на осыпанного золотыми блестками папского мула. Я расскажу вам о более плодотворном труде, чем пение утренний, «радуйся» и вечерен; это – изучать Слово Божие и не прекращать этого, пока свет не засияет в сердцах людей».

«Храпеть за стенами монастыря – продолжал он – еще не значит служить Богу. Но призирать вдов и сирот, то есть, оставленных в их скорбях, и хранить себя неосквернённым от мира есть служение Богу. Мир в этом месте (Якова 1:27) не значит холм или долину, поле или лес, воду, озера, города или деревни, а похоти мира, алчность, гордость, нечистоту и невоздержанность. Эти пороки можно встретить чаще за стенами монастырей. Я не говорю о зависти и ненависти, имеющих место среди их обитателей, но эти пороки тяжелее тех, от которых можно избавиться, убежав в монастырь. Поэтому пусть монахи отложат свои знаки отличия, сутаны, правила и пусть встанут на один уровень с остальным христианством, объединятся с ним, если они будут соблюдать Божие Слово».

Согласно этим здравым и евангельским принципам совет принял в декабре 1524 года резолюцию о реформировании монастырей.

Боялись, что монахи окажут сопротивление упразднению орденов, но совет так мудро осуществил свои планы, что прежде чем отцы узнали о том, что монастыри находятся в опасности, удар был уже нанесен. В субботу днем члены совета в сопровождении представителей различных гильдий, трех городских министров и городской милиции появились в монастыре августинцев. Они собрали его обитателей и объявили им о решении совета распустить орден. Застигнутые врасплох и испугавшиеся вооруженных людей, сопровождавших совет, монахи сразу сдались. Так спокойно был нанесен смертельный удар по монашеским заведениям Цюриха.

«Более молодых монахов, которые проявили талант и наклонности, - пишет Кристофкель – заставили учиться, остальные должны были выучиться ремеслу. Иностранцам дали денег на дорогу, чтобы вернуться домой, или чтобы поступить в монастырь у себя на родине; немощных и престарелых обеспечили подходящим жильем с условием, что они будут регулярно посещать реформаторское служение и никого не соблазнят своим учением или образом жизни. Состояние монастырей было по большей части использовано на помощь бедным или больным, так как они называли себя приютом для бедняков; и только небольшая часть была предназначена церквям и школам».

«Было запрещено уличное попрошайничество – добавляет Кристоффель – указом, изданным в 1525 году, в то время как оказывалась посильная помощь местным и приезжим беднякам. Так, например, бедным ученикам не разрешалось попрошайничать, распевая под окнами, что было принято до реформации. Вместо этого определенное их число (шестнадцать человек из кантона Цюрих и четыре приезжих) ежедневно получали суп и хлеб, и по два шиллинга каждую неделю. Чужим нищим и паломникам разрешалось только проходить через город, но нигде не просить милостыню». Короче, все богатство, полученное при упразднении монастырей, шло на помощь бедным, служение больным и поддержку образования. Совет не мог по своему выбору отдавать эти деньги какому-то светскому объекту. «Мы поступаем с собственностью монастыря таким образом, - говорили они – чтобы не опозориться ни перед Богом, ни перед миром. Мы не можем взять на себя грех использовать богатство монастыря для пополнения государственной казны».

За отменой монашеского обета последовал закон об отмене целибата. Это было необходимо для восстановления служения в апостольском звании и чистоте. Многие пасторы реформации воспользовались переменой закона, среди них был Лео Юд, друг Цвингли. Цвингли сам заключил брак в 1522 году согласно обычаям того времени с Анной Рейнхарт, вдовой Иоганна Мейера фон Кнонау, необычайно красивой и благородной женщиной. Он публично обвенчался в церкви 2 апреля 1524 года. Цвингли не делал секрета из своей свадьбы, о которой знали как друзья, так и враги, но публичное объявление о ней приветствовалось со стороны первых, как окончание еще одного этапа швейцарской реформации.

Так, шаг за шагом движение шло вперед. Его путь был мирным. То, что такие большие перемены в стране, где правительство было либеральным, выражение взглядов народа не ограничивалось, закончились без народных волнений, было воистину удивительно. Это нужно приписать в основном тем светлым принципам, которые направляли работу реформатора. Когда Цвингли хотел убрать какой-нибудь гнетущий или суеверный обряд, он тщательно анализировал и обнажал ложную догму, на которой он был основан, понимая, что как только он свергнет ее в

человеческом сознании, она вскоре падет и на практике. Как только созревало общественное мнение, народ шел в законодательную палату и находил там членов городского совета, готовых облечь в форму закона то, что уже являлось суждением и желанием общества, и поэтому закон, который никогда не опережал общественное мнение, охотно исполнялся. Таким способом Цвингли осуществил массу реформ. Он открыл двери монастырей, распустил монашеские ордена, обратил сотни бездельников к полезным занятиям, освободил тысячи фунтов для создания больниц и образования молодежи, закрыл источник грязи, более губительный, так как он изливался из святилища и восстановил чистоту в алтаре, отменив закон о целибате. Но реформация на этом не остановилась. Ее ожидали более грандиозные свершения.

Глава 14 - Диспут об изображениях и мессе.

Смерть Христа – Фундаментальная позиция Цвингли – Иконоборцы – Готтингер – Цвингли об идолопоклонстве. – Созыв конференции всей Швейцарии. – Собралось 900 участников. – Предварительные вопросы – Церковь – Диспут об изображениях – Книги, которые ничему не учат. – Обсуждение мессы. – Она отменяется. – Радость Цвингли. – Мощи предаются земле.

Изображения все еще оставались в церквях, и месса была частью богослужения. Цвингли начал подготавливать общественное сознание к реформе по обоим предметам – увести людей от идолов к единому истинному Богу; от изобретенной церковью мессы к вечере, установленной Христом. Реформатор начал утверждать это в своем учении, а затем опубликовал восемнадцать положений или заключений, в которых говорилось, «что Христос, который принес себя в жертву за всех один раз на кресте, является совершенной и непреходящей жертвой за грехи всех, кто в Него верит; и поэтому месса не является жертвоприношением, а воспоминанием о жертве Христа на кресте и видимым доказательством нашего искупления». Если эта великая истина будет принята общественным сознанием, то месса не устоит.

Но не у всех было такое терпение, как у Цвингли. Молодой священник Людвиг Хецер, будучи очень ревностным и невыдержанным, опубликовал трактат об изображениях, который привел к вспышке эмоций в народе. За городскими воротами Штадельхофена стояло богато украшенное распятие, вокруг которого часто собирались истово верующие люди. Она раздражало немало горожан, среди которых был сапожник Николас Готтингер, «достойный человек – пишет Буллингер – и хорошо знавший Библию». Однажды когда Готтингер стоял и внимательно рассматривал статую, подошел ее владелец, и Готтингер спросил его: «Когда ты уберешь эту штуку отсюда?» «Никто не заставляет тебя поклоняться ей», последовал ответ. «Но разве ты не знаешь, - продолжал Готтингер – что Слово Божие запрещает изображения?» Владелец ответил: «Если ты считаешь, что у тебя есть право убрать ее, то делай». Готтингер счел это за разрешение, и однажды утром сапожник пришел на это место с группой сограждан и выкопал траншею вокруг распятия, куда оно с треском упало. Приверженцы старой веры подняли страшный крик против иконоборцев. «Покончить с этими людьми, - кричали они. Они грабят церковь и заслуживают смерти».

Волнение увеличилось из-за произошедшего вскоре случая. Лоренс Мейер, викарий св.Петра однажды сказал другому викарию, что, когда он думает о людях, стоящих на паперти бледных от голода и дрожащих из-за отсутствия теплой одежды, ему очень хочется низложить идолов в алтаре, снять с них шелковое облачение и драгоценности, и на них купить бедным еду и одежду. В день Девы Марии еще до трех часов утра из собора св.Петра исчезли гравюры, статуи и другие символы.

Подозрение, конечно, пало на викария. То, что ему очень хотелось сделать, как он признался, было сделано, однако это мог сделать кто-нибудь другой, а не викарий, и так как не было установлено, что это сделал он, дело прекратили.

Но этот случай имел важные последствия. Цвингли уклонился от дискуссии по поводу изображений, но сейчас он понимал необходимость заявить о своих взглядах. Он проявил в этом, как и в любой осуществленной им реформе, широту взглядов и сдержанность в действии. По поводу изображений в церкви он шутливо заметил, что их присутствие не коробит его, так как из-за близорукости он не видит их. Он не против картин и статуй, если они служат эстетическим целям. Способность воплощать красивые формы или высокие идеи в мраморе или на холсте является одним из Божиих даров. Поэтому он также не осуждал витражи в церковных окнах или подобные украшения в церкви, которые едва ли могли сбить с пути людей, как и петух на шпиле церкви или статуя Карла Великого в соборе. Он не одобрял самовольное и незаконное уничтожение идолов, которые использовались в суеверных целях. Пусть нарушение будет выявлено и проанализировано, и тогда оно само падет. «Дитя не покинет своей колыбели – говорил он – пока окружающие не научат его ходить». Когда знание о Едином Истинном Боге коснется сердца, тогда человек не сможет больше поклоняться идолам».

«С другой стороны, - говорил он – нужно убрать все изображения, которым поклоняются, так как такое поклонение является идолопоклонством. Во-первых, куда помещаются изображения? Почему на престоле, перед лицом верующих? Разрешат ли католики кому-нибудь встать на престол во время мессы? Нет. Статуи же выше человеческого роста и вырезаны из ивы руками человека. Но верующие поклоняются им и снимают перед ними шляпу. Разве Бог не запрещал это делать? «Не поклоняйтесь им». Разве это не идолопоклонство?» «Далее, - спорил Цвингли – мы зажигаем перед ними дорогостоящий ладан, как язычники перед идолами. Так мы совершаем двойной грех. Если мы говорим, что таким образам мы чтим святых, то также и язычники чтили своих идолов. Если мы говорим, что так мы чтим Бога, то такой формы служения не было ни у апостолов, ни у евангелистов».

«Подобно язычникам разве мы не называем эти изображения именами тех, кто на них представлен? Мы называем один кусок резного дерева матерью Божьей, другой св.Николаем, третий св.Хильдегардой и т.д. Разве не слышали о людях, врывавшихся в тюрьмы и убивавших тех, кто уничтожал изображения. И когда их спрашивали, почему они так поступают, они отвечали: «О, они сожгли или украли нашего Господа Бога или святых. Кого они называют своим Господом Богом? Идола».

«Разве мы не даем этим идолам то, что мы должны давать бедным? Мы делаем их из золота и серебра или украшаем их драгоценными металлами. Мы одеваем их в

дорогие одежды, украшаем их цепочками и дорогими камнями. Мы даем разукрашенным образам то, что должны давать бедным, так как они являются живыми образами Бога».

«Но, говорят паписты, изображения – книга для простого народа. Скажите мне, где Бог велел учить по такой книге? Как получается, что перед нами много лет был крест, и мы не познали пути спасения через Христа или истинную веру в Бога? Поставьте ребенка перед образом Спасителя и ничего не объясняйте. Узнает ли он, глядя на образ, что Христос пострадал за нас? Нет, этому нужно научить из Слова Божьего».

«Также настаивают, что образы побуждают к набожности. Но где Бог учил нас чтить Его через идолов и делая перед Ним какие-то жесты? Бог везде отвергает такое поклонение… Следовательно, пока проповедуется Евангелие, люди наставляются в чистом учении; идолы нужно убрать, чтобы люди не впадали в те же заблуждения, так как аист возвращается в старое гнездо, так и люди возвращаются к старым грехам, если путь к ним не закрыт».

Чтобы успокоить народное волнение, которое росло с каждым днем, городские власти Цюриха решили провести еще один диспут в октябре того же 1523 года.

Двумя вопросами, вынесенными на обсуждение, были Изображения и Месса.

Это означало, что данное собрание будет еще более многочисленным, чем прежнее. Были приглашены епископы Констанца, Керре и Базеля. Правительства двенадцати кантонов попросили прислать представителей. Когда наступило 26 октября, в городской ратуше собралось не менее 900 человек. Не присутствовал ни один из епископов. Из кантонов только два, Шлаффхаузен и Санкт-Галлен прислали депутатов. Тем не менее, собрание из 900 человек включало 350 священников. В середине зала за столом сидел Цвингли с Лео Юдом, перед ними были открыты Библии на языках оригинала. Они предназначались для защиты тезисов, которые любой был свободен опровергнуть.

Цвингли чувствовал, что был предварительный вопрос, который встретил их на пороге, а именно, какую власть или право имеет подобная конференция, чтобы решать вопросы веры и поклонения. Во все века это являлось исключительной прерогативой Пап и соборов. Если правы Папы и соборы, тогда такое собрание является анархией, а если право собрание, то Папы и соборы виновны в узурпации власти, принадлежащей не только им. Это привело Цвингли к разработке своей теории церкви; откуда она появилась, каковы ее права, и из кого она состоит.

Доктрина, впервые предложенная на обсуждение Цвингли, и которая стала во главе огромной части реформатского христианства заключалась вкратце в том, что

церковь создается Словом Божьим; что ее единственной главой является Христос; что источником ее законов и ее уставом является Библия; и что она состоит из тех, кто исповедует Евангелие по всему миру.

Эта теория несла в себе великую духовную революцию. Она нанесла удар по корням папского превосходства. Она повергла в пыль растущую систему римской иерархии. Так как общество Цюриха исповедовало веру в Иисуса Христа и являло послушание Слову Божьему, то Цвингли считал его церковью Цюриха, и утверждал, что оно имело право предписывать то, что соответствует Библии. Так, он вывел приход, которым он руководил из-под юрисдикции римской церкви, и вернул им права и свободы, которыми Писание наделило простых верующих, и которых лишил их папский престол.

Началась дискуссия об изображениях. Тезис, который реформатор взял на себя ответственность отстаивать, и к которому он через наставления подготовил общественное сознание Цюриха, заключался в следующем: «что использование изображений в поклонении запрещено Священным Писанием, и поэтому с ними должно быть покончено». Эта битва была легкой, и поэтому Цвингли отдал ее в руки Лео Юда. Последний построил высказывание в четкой и лаконичной манере с доказательствами из Библии. На этом этапе сражение подошло к концу из-за отсутствия сражавшихся. Противоположная партия не хотела выходить на арену. Они вызывались один за другим, но никто не решался. Изображения находились в трудном положении; сами они не умели говорить, а их защитники были немы, как и они. Наконец, один рискнул намекнуть, что «не надо забирать посох из руки слабого христианина, на который он опирается, или надо дать ему другой, чтобы не упал». «Если бы никчемные священники и епископы, - ответил Цвингли – ревностно проповедовали Слово Божие, как им было вверено, то не дошло до того, что бедные невежественные люди, незнакомые со Словом Божьим, должны узнавать о Христе только по картинкам на стенах и деревянным фигурам». Дебаты, если их так можно назвать, и день подходили к концу одновременно. Поднялся президент, Хоффмейстер из Шлаффхаузена. «Да будет прославлен Всесильный и Вечный Бог – сказал он – за то, что Он удостоил нас победы». Затем повернувшись к членам совета Цюриха, он настоятельно рекомендовал им убрать изображения из церквей, и объявил окончание заседания. «Это была детская игра, - сказал Цвингли – теперь предстоит более тяжелое и важное дело».

Дело это касалось мессы. Истинно, оно было названо «более тяжелым». Так как более трех столетий месса занимала важное место в почитании Бога людьми, она была душой их поклонения. Как умелый и осторожный генерал, Цвингли продвигал наступавший фронт все ближе и ближе к гигантской крепости, против которой он вел успешную борьбу. Он сначала атаковал внешние рубежи, а потом нанес удар по

самой цитадели. Если она падет, он будет считать, что победа достигнута, и вся оспариваемая территория фактически будет в его руках.

Дискуссия по поводу мессы началась 27 сентября. Мы приводили выше фундаментальный принцип Цвингли, который заключался в том, что смерть Христа на кресте является совершенной и непреложной жертвой, и что поэтому Евхаристия не является жертвой, а ее воспоминанием. «Он считал вечерю воспоминанием, установленным Христом, на которой Он присутствует, посредством которой через Свое слово благословляет, и способствует укреплению веры христиан». Это выбивают землю из-под «пресуществления» и «поклонения св.Дарам». Цвингли возглавил диспут. Он выразил удовлетворение решением конференции предыдущего дня по вопросу об изображениях, и продолжал объяснять и защищать свои взгляды по более сложному вопросу, который нужно было рассмотреть. «Если месса – не жертва, - сказал Стинли из Шлаффхаузена – то наши отцы пребывали в заблуждении и были под проклятием!» «Если наши отцы и заблуждались, - отвечал Цвингли – что тогда? Разве их спасение не в руках Божьих, как и всех людей, которые заблуждались и грешили? Кто дает нам право предугадывать суд Божий?

Авторы этих искажений будут, несомненно, наказаны Богом; но кто проклят, и кто нет – это решать только Богу. Нам совершенно ясно, что они заблуждаются». Когда он закончил, д-р Вадиан, который председательствовал в тот день, спросил, был ли готов кто-нибудь из присутствующих опровергнуть, основываясь на Писании, отстаиваемое на этом заседании учение. Ответом было молчание. Он задал вопрос во второй раз. Многие выразили согласие с Цвингли. Аббаты Капелла и Штайна «ничего не ответили». Глава капитула Цюриха процитировал в защиту мессы отрывки из апокрифического послания св.Климента и св.Якова. Бренвальд, глава капитула Эмбраха поддержал взгляды Цвингли. Каноники Цюриха разделились во мнении. Капелланы города, когда их спросили, могут ли они доказать по Писанию, что месса является жертвой, ответили, что не могут. Главы францисканцев, доминиканцев и августинцев Цюриха сказали, что они не имеют ничего против тезисов Цвингли. Лишь несколько сельских священников предложили возражения, но в такой несерьезной форме, что явно они не заслуживали данного им короткого опровержения. Таким образом, месса была ниспровергнута.

Такое единодушие растрогало всех. Цвингли хотел выразить свое удовлетворение, но рыдания заглушили слова. Многие из собравшихся рыдали вместе с ним. Седовласый воин Хоффмайстер, обратившись к совету, сказал: «Вы, правители Цюриха, должны смело обсуждать Слово Божие; Всесильный Бог споспешествует вам в этом». Эти простые слова солдата-ветерана, чей голос часто возвышался над битвой, произвели на собрание глубокое впечатление.

Не успел Цвингли одержать победу, как понял, что должен защищать ее от давления тех, которые хотели ее погубить. Ему надо было добиться от совета указа о немедленном удалении изображений и прекращении мессы, но со своей осторожностью он боялся спешки. Он предложил разрешить еще немного сохранить обе традиции, чтобы у него было время лучше подготовить общественное сознание к переменам. Между тем, совет приказал, чтобы все изображения были «закрыты и завешены», и что вечеря преподавалась бы под видом хлеба и вина тем, кто хочет принять ее в таком виде. Также предписывалось прекращение религиозных процессий, не разрешалось носить по улицам и главным дорогам св. дары, а мощи и кости святых должны быть благопристойно похоронены.

Глава 15 - Установление протестантизма в Цюрихе.

Более великие реформы – Очищение церкви – Угрожающее послание лесных кантонов. – Ответ Цюриха – Похищение пастора Бурга. – Семья Виртов. – Осуждение и казнь. – Цвингли требует отмены мессы. – Ам-Груе возражает. – Довод Цвингли – Эдикт Совета – Сон – Пасха – Первое проведение Вечери Господней в Цюрихе. – Благотворное влияние – Социальные и нравственные нормы – Два ежегодных синода – Процветание Цюриха.

Наконец, пришел час свершения более великих реформ. В 1524 году 20 июня можно было видеть процессию, состоявшую из двенадцати советников, трех городских пасторов, городского архитектора, кузнецов, слесарей, плотников и каменотесов, шедшую по улицам Цюриха и заходившую в церкви. Войдя, они закрывали двери изнутри, снимали кресты, убирали статуи, стирали фрески и перекрашивали стены. «Реформаты радовались, - писал Буллингер – считая эту работу делом служения Господу». Но суеверные люди, пишет тот же хронист, смотрели на это со слезами, считая это ужасным святотатством. «Некоторые из этих людей – сообщает Кристоффель – надеялись, что статуи сами вернуться на свои места и поразят иконоборцев своей чудесной силой». Так как статуи, вместо того чтобы вернуться в свои ниши, лежали разбитые вдребезги, они потеряли доверие своих сторонников, и многие исцелились таким образом от суеверий. Дело постепенно прекратилось без малейшего шума. Во всех церквях под юрисдикцией Цюриха изображения убрали также чинно и спокойно, как и в столице. Дерево сожгли, дорогое украшение и богатые одежды, бывшие на идолах, продали, и полученную сумму потратили на бедные «образа Христовы».

Поступок был немаловажный, скорее при правильном рассмотрении он был одним из самых важных преобразований, совершенных до этого в кантоне. Он свидетельствовал об освобождении людей от уз унизительного суеверия. Мужчины и женщины дышали «более чистым и божественным воздухом» учения реформации, которое осуждало ясным языком использование резных изображений для каких-либо целей. Голос Писания был прост в этом вопросе, и протестанты Цюриха, когда чешуя спала с их глаз, увидели, что они должны поклоняться Богу, и только Ему, в духе и истине, в послушании заповедям Всесильного и в соответствии с учением Иисуса Христа.

Опять наступила пауза. Движение ненадолго остановилось в той точке, к которой оно пришло. Интервал был наполнен трагическими событиями. Сейм швейцарской конфедерации, который собрался в том же году в Цуге, прислал в Цюрих делегацию, чтобы объявить, что они решили уничтожить новое учение с помощью оружия, и что они заставят всех, упорствовавших в нововведениях, ответить свои имуществом, свободой и жизнью. Цюрих смело ответил, что в вопросах веры они должны

следовать только Слову Божьему. Когда такой ответ вернулся сейму, его участники пришли в ярость. Фанатизм кантонов Люцерна, Швица, Ури, Унтервальдена, Фрибурга и Цуга рос день ото дня, и вскоре пролилась кровь.

Однажды ночью Жан Окслин, пастор Бурга недалеко от Штайна на Рейне, был вытащен из кровати и отправлен в тюрьму. Выстрелила сигнальная пушка, в долине зазвонили в колокола, и собралась толпа прихожан, чтобы выручить любимого пастора. В толпе затесались негодяи, спровоцировали беспорядки, и картузианский монастырь Иттунгена был сожжен дотла. Среди тех, кто был привлечен шумом беспорядков и последовали за толпой на выручку пастора Бурга, взятого офицерами судебного пристава, чья юрисдикция не распространялась на деревню, в которой он жил, был пожилой человек по имени Вирт, помощник пристава из Штаммхайма и его два сына, Адриан и Иоганн, проповедники Евангелия, отличавшиеся рвением и смелостью в совершении этой благой работы. Они были некоторое время предметом нападок из-за своих реформатских взглядов. Их доставили в Баден, подвергли пыткам и сейм приговорил их к смерти. Младшего сына пощадили, но отца и старшего сына вместе с Бурхардом Ретиманном, помощником пристава Нуссбаумена, приказали казнить.

По дороге на место, где они должны были умереть, кюре из Бадена обратился к ним, предложив встать на колени перед статуей около часовни, мимо которой они проходили. «Почему я должен молиться дереву и камню? – спросил молодой Вирт. Мой Бог – живой, только Ему я буду молиться. Ты сам обратись к Нему, так как у тебя ряса не длиннее моей, и ты тоже должен умереть». Так и случилось, этот священник умер в том же году. Обратившись к отцу, молодой Вирт сказал: «Дорогой отец, с этой минуты ты – не мой отец, и я – не твой сын, а мы – братья в Иисусе Христе, за чью любовь мы должны сейчас отдать наши жизни. Мы сегодня идем к тому, кто является нашим Отцом и Отцом всех верующих, и с Ним мы будем иметь жизнь вечную». Придя на место казни, они твердым шагом поднялись на эшафот, и, попрощавшись друг с другом до встречи в вечных обителях, обнажили шеи, палач отрубил им головы. Присутствующие не могли сдержать слез, видя их головы, скатившиеся на эшафот.

Цвингли опечалился, но не устрашился этими событиями. Он не видел в них причину для остановки, но наоборот, причину для продолжения движения реформации. Римская церковь дорого заплатит за пролитую кровь; итак, Цвингли решился, он отменит мессу и завершит реформацию в Цюрихе.

В 1525 году 11 апреля трое пасторов Цюриха предстали перед Советом Двухсот и потребовали, чтобы Сенат выпустил указ о том, чтобы во время предстоящей Пасхи Вечеря Господня проходила согласно ее первоначальному установлению. Заместитель генерального секретаря Ам-Груе начал борьбу от имени

находившейся под угрозой Евхаристии. «Это есть тело Мое», сказал он, цитируя слова Христа, которые были, как он настаивал, простым и ясным подтверждением того, что хлеб есть настоящее тело Христа. Цвингли ответил, что Писание должно объясняться Писанием, и напомнил ему о многочисленных отрывках, где есть означает символизирует, и среди других он процитировал следующее: «Семя есть Слово»», «Поле есть мир», «Я есть лоза», «Скала есть Христос». Секретарь возразил, что эти отрывки взяты из притч и ничего не доказывают. Нет, последовал ответ, эти фразы встречаются после окончания притч, когда был оставлен иносказательный язык. Ам-Груе противостоял в одиночестве. Совет был уже убежден, они постановили прекратить мессу, и на следующий день, в Страстной Четверг, Вечеря Господня совершалась по апостольскому установлению.

События этого дня приснились Цвингли во сне. Он опять был в зале совета, споря с Ам-Груе. Секретарь требовал от него опровержения, а Цвингли не мог этого сделать. Вдруг перед ними возникла фигура и сказала: «О, сердце медленное на понимание, почему ты не ответишь ему из Исхода 12:11 – «и ешьте его (агнца) с поспешностью, это –(есть) Пасха Господня». Пробудившись с появлением фигуры, он вскочил с кровати, нашел этот отрывок в Септуагинте, где то же слово ;;;; (есть) использовалось для установления Пасхи в значении Вечери. Всем понятно, что агнец – только символ и воспоминание о Пасхе, почему хлеб Вечери должен быть чем-то большим? Эти два постановления были один и тем же, но в разных формах. На следующий день Цвингли проповедовал из Исхода, оспаривая то, что эта экзегеза была ошибочной, дав два противоположных значения одного слова, использованного, как здесь, в одном и том же выражении, и свидетельствовавшее об установлении одного и того же действия. Если агнец был просто символом Пасхи, то хлеб на Вечере не мог быть чем-то больше; но если хлеб на Вечере был Христом, то агнец еврейской Пасхи был Всевышним. Так Цвингли доказывал в проповедях, убеждая многих слушателей.

Вспоминая потом произошедшее, Цвингли шутливо заметил, что не может сказать, была ли фигура светлой или темной. Его противники без труда определили, что фигура была темной, и что Цвингли получил это учение от дьявола.

В четверг на Светлой недели причастие впервые проводилось в Цюрихе согласно протестантской форме. Престол был заменен столом, накрытым белой скатертью, на котором стояли деревянные блюда с опресноками и деревянные кубки с вином. Дарохранительницы не использовались, так как Христос повелел не хранить «святые дары», а раздавать. Престолы, в основном мраморные, были превращены в кафедры, с которых проповедовалось Евангелие. Служба начиналась с проповеди, после проповеди пастор и дьяконы занимали свои места у стола, читались слова о причастии (1 Коринф. 11:20-29), произносились молитвы, исполнялся гимн,

следовало краткое обращение, хлеб и вино обносили по церкви и причастники вкушали их, преклонив колени на скамеечку для ног.

«Такое проведение Вечери Господней – пишет Кристоффель – сопровождалось благословенными результатами. Появилась новая всеобщая любовь к Богу и братьям, и слова Христа обрели дух и жизнь. Совсем другие установления римской церкви постоянно противоречили друг другу. Братская любовь первых веков христианства вернулась в церковь с Евангелием. Враги отказались от глубоко укоренившейся ненависти, и вошли в поток любви и всеобщего ощущения братства, причащаясь со всеми освященным хлебом. «Мир поселился в нашем городе, - писал Цвингли Эколампадию – ни ссор, ни лицемерия, ни зависти, ни вражды. Откуда может придти такое единение, как не от Господа, и наше учение, которое исполняет нас плодами мира и благочестия?»

Духовная реформация пробудила и социальную. Протестантизм был исцеляющим дыханием, очищающим поток во всех странах, куда он приходил. Насаждая обновляющий принцип в каждое сердце, Цвингли насаждал принцип обновления в сердце общества; и он старался питать и сохранить этот принцип путем внешних мер. В основном, благодаря его влиянию на Большой Совет при поддержке духовного влияния Евангелия на его членов, было принято ряд постановлений и законов, рассчитанных на сдерживание безнравственности и процветанию добродетелей в кантоне. Воскресный день и брак были теми двумя столпами христианской нравственности, которые Цвингли восстановил в первоначальном значении. Римская церковь сделала воскресенье просто церковным праздником. Цвингли поместил его на прежнюю основу – Божью заповедь; работа запрещалась, кроме крайней необходимости, особенно в страдную пору, которую определяла христианская община. Брак, который римская церковь осквернила доктриной «святого целибата» и сделала из него таинство якобы для его очищения, Цвингли восстановил, поместив его на первоначальное положение Божьей заповеди, самой по себе святой и благой. Все вопросы относительно брака он отдал на рассмотрение небольшому особому суду. Исповедь отменялась. «Откройте свою болезнь – говорил реформатор – единственному Врачу, который может исцелить ее». Большинство святых дней были упразднены. Люди любого сословия должны были посещать церковь, по крайней мере, один раз в неделю, в воскресенье. Азартные игры, богохульство и излишество в еде и питье запрещались под страхом наказания. Чтобы поддержать эти постановления, небольшие таверны закрывались, и было запрещено продавать спиртные напитки после девяти часов вечера. При более серьезных преступлениях и грехах отлучали от церкви. Отлучение провозглашалось советом нравственного контроля, состоявшим из судей, членов районного совета и пасторов - соединение светской и духовной власти не совсем совпадало с теоретическими взглядами реформатора, но он считал, что определенные отношения между

церковью и государством сделают такие меры необходимыми и оправданными на этот период.

Более всего его волновало сохранение нравственности пасторов, как средство сохранения непорочного величия силы проповедуемого Слова, зная, что именно с церкви обычно начиналась проказа отклонения от истины в народе. Постановление, принятое Советом в 1528 году, предписывало созыв Синода два раза в год, один раз весной, другой летом. Должны были присутствовать все пастора с одним или двумя членами своих общин. От Совета на Синоде присутствовал бургомистр, шесть советников и секретарь. Синод в основном интересовался жизнью, учением, занятиями пасторов и нравственным состоянием их приходов.

Итак, соблюдалась строгая дисциплина во всех классах мирян и церковнослужителей. Такой системы нельзя было бы установить, если бы прежде Евангелие не пришло как великий духовный пионер. Его благотворные результаты вскоре стали очевидны. «Под его защитой и покровом – пишет Кристофель – выросли и расцвели качества смелости и выносливости, которые украшали реформатскую церковь в ее начале». В Цюрихе наступила эпоха процветания и славы. Были установлены порядок и спокойствие, молодежь наставлялась, науки развивались, искусство и промышленность процветали, народ, скрепленный узами святой веры, жил в мире и любви. Они были свободны от ужасных бедствий, часто обрушивавшихся на соседние папские кантоны. Цвингли избавил их от «иностранного наемничества», развращавшего их патриотизм и нравственность. И пока другие кантоны проливали кровь на чужих полях, жители кантона Цюриха были заняты мирным трудом, улучшая территорию своей работой и умением, и делая свою столицу Цюрих, одним из светильников христианского мира.